Альдана Потерянная принцесса

Альдана - 3

Надежда Владимировна Кархалёва

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Part 3. Жестокий король, ныне покойный, заключил свою дочь, последнюю надежду на избавление королевства от гнёта нового правителя. Чтобы спасти её, Теоне придётся снова отказаться от своих идеалов… И от любви. Оправдается ли эта жертва?

- Кархалёва Надежда Владимировна
  - Глава 1 И снова не идеальный правитель
  - Глава 2 Это возможность!
  - Глава 3 На её месте
  - Глава 4 Под опекой Миротворцев
  - Глава 5 Три старта
  - Глава 6 Занавес поднят
  - Глава 7 Игры и игрушки
  - Глава 8 Смертельное обаяние
  - Глава 9 Содействие Людвига
  - Глава 10 Её согласие
  - Глава 11 Другая сторона
  - Глава 12 Эликсир номер тридцать два
  - Глава 13 Полуночный храм
  - Глава 14 Чужие жизни, своя отдушина
  - Глава 15 Узел затянулся
  - Глава 16 Опустившаяся тьма
  - Глава 17 Вот она, правда
  - Глава 18 Встречи
  - Глава 19 Мы идём!
  - Глава 2 °Смута и смятения
  - Глава 21 Фокусы жизни, в том числе и загробной
  - Глава 22 Страхи и помешательства
  - Глава 23 Каджайя, собирательница кошмаров
  - Глава 24 Два дня спустя
  - Глава 25 Всё всерьёз
  - Глава 26 Готовность
  - Глава 27 Чужое… Чужие…
  - Глава 28 Первый раунд завершён
  - Глава 29 Приближённая и отверженная
  - Глава 30 Новая власть
  - Глава 31 Воссоединение
  - Глава 32 Потомственные соперники
  - Глава 33 Озарение
  - Глава 34 Подарок Эвиланы

- Глава 35 Навстречу чернокнижнику
- Глава 36 Сожжённый мост
- Глава 37 Новые гости
- Глава 38 Злой дух, добрый дух
- Глава 39 Исход
- Глава 40 Первые порывы Ветра Смуты

Кархалёва Надежда Владимировна
Альдана Потерянная принцесса

Глава 1 И снова не идеальный правитель

Селяне испуганно жались друг к другу, глядя, как догорает их деревня. Спастись удалось всем, но куда теперь деваться? Солнце уже коснулось горизонта, до соседнего города — три десятка километров. Ночью идти — безумие, прислужники короля Ирвинга развлекаются в любое время суток.

То, что произошло сейчас — нападение на безобидное поселение — было развлечением, да. Королевские отряды не ставили перед собой цель истреблять людей, им нравилось разрушать всё, наводить ужас на мирных жителей. Без убийств обходилось не всегда — если кто-то оказывал сопротивление или просто попадал под руку, его жизнь обрывали. Убегать же позволяли. Особой жестокостью отличался лишь отряд принца Эзарии. Ему нравилось истязать, проливать чужую кровь.

Оставшийся без крова народ бежал в города, но беспредела было так много и число бездомных росло с такой невероятной скоростью, что города становились переполненными, беженцы жили на улицах. Но жили, в некоторых случаях относительно спокойно, хоть и с лишениями.

Перед погорельцами возник, телепортировавшись, старейшина Чёрных Гаваней, столицы данных земель, красавец Скентия Ринхафт, с ним были два его помощника, Фробениус и Николас.

— Проклятье, опоздали! — воскликнул Скентия.

— Сколько их было? Лица запомнили? — сразу кинулся расспрашивать Николас.

— Человек семь, кажется, — ответили ему. — Главный — молодой совсем, на вид и двадцати нет, остальные лет на пять его старше.

— Два человека все в шрамах, наверное, участвовали в войне с повстанцами в прошлом году. Воины, единственные из всех, кто не владел магией.

— Отряд боевых магов, значит? — нахмурился Фробениус, на лице старика отпечаталось ещё несколько морщин. — До чего докатились эти мерзавцы, если такие силы обрушивают на жителей крошечного поселения, ни в чём не повинных? Бесчинства воинов выглядели ещё не так омерзительно.

— Что будем с жертвами делать? — вздохнул Скентия. — В Чёрных Гаванях уже тесно. Одну ночь вы продержитесь — не оставаться же вам здесь, но жить в моём городе будет невозможно. Потерпевшие уже в некрополисах селятся.

— Я и на такое согласен! — выпалил кто-то.

— Вчера был отдан приказ о закладке двух крупных городов неподалёку от столицы для тех, кто лишился дома в результате погромов. Но строительство — дело долгое. Имейте в виду, если возникнет необходимость, в армию попадут в первую очередь юноши и мужчины из беженцев. Цинично звучит, но вас просто некуда девать. И на строительстве работать придётся тоже вам, — предупредил старейшина извиняющимся тоном.

— Война? — какой-то человек стал возмущаться. — Так мы теперь из-за прихлебателей Ирвинга стали мясом для военных действий?

— Мне самому не нравится это, но выбора ни у кого нет! — осадил его Скентия.

— Если и придётся набирать армию, то она снова окажется повстанческой, — предположил с отстранённым видом Николас. — Надумай Ирвинг идти войной на риксов — Лейшард откажется принимать участие в этом.

— Господин Ринхафт в чём-то прав, — раздался тихий женский голос. — У нас нет выбора. — Или мы будем скитаться по королевству, или доверимся тем, у кого есть немного власти, чтобы защитить нас.

— Некоторые, потеряв дом, так и делают — становятся странниками, кочевниками, — возмущавшийся мужчина возразил ей.

— Я не принуждаю никого, — произнёс старейшина. — Решайте. Куда угодно, туда идите.

Несколько погорельцев сразу подошли к Скентии и его помощникам. Шагнула в их сторону и та женщина, но была остановлена тем, кто только что с ней не согласился.

— Нет, Фаризе, — мужчина покачал головой. — Ты отправишься со мной.

Она обернулась, посмотрев на него. Было видно, молодая женщина совсем замучена своим мужем. Выглядела Фаризе неопрятно. Конечно, пожар подпортил всех, но она представляла собой совсем жалкое зрелище: тёмно-русые прямые волосы висели грязными прядями и от этого казались жидкими, рукава и подол тускло-жёлтого платья измяты, последний, ко всему прочему, был в пятнах и местами порван — кто-то пару раз на него наступил. Вряд ли Фаризе так испортила свою внешность по своей воле. Яркими и чистыми оставались только глаза — сине-зелёные.

— Дай мне пять минут, — она умоляюще заломила руки.

— Не больше, — с неохотой протянул мужчина.

Фаризе подбежала к Скентии, оглянулась: муж не сводил с неё и старейшины глаз. Сообразив, красавец отвёл женщину в

сторону.

— Вы хотели что-то сказать мне, леди?

— Спросить. Можно? — из-за отчаяния напополам с волнением её трясло.

— Пожалуйста, — разрешил он, кивнув.

— Куда нам идти? Где лучше будет? — тихо спросила она, но во взгляде отразился крик.

— Это зависит от того, что тебе нужно, — изрёк Скентия. — Кого ты хочешь встретить, что найти, обрести покой или получить дело?

— Учить ребят магии, — ответ последовал сразу, словно женщина знала, что ей зададут этот вопрос. — Мне бы одного ученика, но талантливого и со стремлением познать всё.

— С войны я вернулся, имея кучу новых знакомых, — красавец задумался, перебирая в памяти их всех, а так же старых друзей и их приятелей. Скентия был гомункулом, его создатель не поленился сделать ему потрясающую память, выдающейся даже в сравнении с другими гомункулами. — Знаю одного колдуна из Нардимии, он чёрный маг и призыватель. Вырос в приюте, там толком магические способности у воспитанников не развивали, кое-какой опыт юноша приобрёл на войне. Он будет рад вам. Зовут его Флео Дамре, живёт в городе Аэльма.

— Я сделаю всё, чтобы вы гордились им! Спасибо! Может быть, у меня потом появится возможность отблагодарить вас…

— Подарите королевству новую силу магии — мы вас благодарить будем должны! — Скентия улыбнулся, слегка обнял Фаризе. — Пусть хранят тебя духи, — пробормотал он, отпуская её.

— Опять вы на разведку? — проворчал Саша.

— Извини, не моё желание, — Джессика замерла посреди спальни, огляделась в поисках кинжала. — А, вот он где, — воительница заметила его на комоде, подскочила, схватила, прицепила к поясу.

В доме Винсентов последние два месяца беспорядок творился оригинальный: всюду можно было наткнуться на оружие всех видов. Фатона — деревня, где жила эта семья, уже небезызвестная по всей Альдане, находилась слишком близко к столице королевства, но, как это ни парадоксально, поселение по-прежнему продолжало возвышаться на холме, а королевские отряды, продолжавшие попытки сровнять её с землёй, каждый раз несли немалые потери. Главными защитницами были девушки из Отряда Лесных Воительниц под предводительством Айрис Ави, женщины из жестокого народа риксов, практически непобедимой,

этого же она добивалась и от учениц. Они не давали королевским группам даже приблизиться к Фатоне, за два месяца правления Ирвинга Чезигера в деревне было только три погрома.

— Завтра вернётесь? — поинтересовался Саша.

— Не обещаю, — воительница выбежала из комнаты, ворвалась в чью-то другую спальню, вернулась к Саше со вторым кинжалом, серебряным. — Меня саму это злит.

— Я не сердился, — уточнил парень. — Признайся, тебе нравится с ними расправляться.

— Стало быть, ты отпускаешь меня? — Джессика усмехнулась.

— Надеюсь, уж завтра вы отобьёте у людей Ирвинга привычку наведываться к нам во всеоружии и с самыми недобрыми намерениями, тогда ты будешь в моём распоряжении, — он подошёл к ней сзади, обхватил за талию, прижал к себе. — Никто больше не будет тебя отвлекать…

— К сожалению, сейчас отвлекаешь меня ты, — промурлыкала Джессика, повернув голову, чтобы посмотреть ему в глаза. — Айрис не любит опозданий.

— Раньше тебя это не волновало, — хмыкнул парень.

— Я должна была быть на сборах полчаса назад, — она стала выпутываться из его объятий.

— Тогда не буду тебя задерживать, — Саша убрал руки.

— Рада, что ты меня понимаешь, — Джессика быстро поцеловала его и умчалась.

Было десять утра. Недавно прошёл дождь, погода солнцем не баловала, но и унылой не казалась. Саша вышел на балкон, проводить оттуда Джессику и по привычке ещё минут двадцать просто постоять. Здесь всегда хорошо думалось. Мысли постоянно были или о прошлом — просто воспоминания, без рассуждений о том, как могло бы всё сложиться, если бы когда-то что-то произошло не так, как случилось, без поиска ошибок, — или о будущем. Он пытался представить, когда закончится эта часть жизни — постоянная борьба с королевскими бандитами, и что наступит после неё. Полная гармония? Это будет зависеть от нового правителя, и только. А у нынешнего короля преемник есть, его сын, по слухам, гораздо более жестокий, чем отец. Грянет очередное восстание? Его Саша не хотел. Найти бы себе какую-то цель, ради которой можно будет покинуть Фатону. Эта деревня — милое место, но тут хорошо отдыхать месяц-другой, а не жить постоянно. Молодому человеку понравилось путешествовать, он бы предпочёл такой образ жизни. Полкоролевства он с компанией обошёл, но на неё стоит поглядеть заново, когда природа везде преобразилась, повеселела. Ещё его, как и Дашку с Алиной,

когда-то лучших подруг, теперь названых сестёр, ждёт Магическая Академия, как твердили многие — уже давно. Возможностей тут не так уж и мало — попробуй выбери для себя родное, не прогадай!

Сашу окликнул с улицы Патрик Тейлор, бывший его учителем магии, ставший хорошим другом семьи Винсент, по сути, состоявшей из друзей большей частью. Настоящих Винсентов осталось в ней двое — Джессика и Дерик, её старший брат; Теона и Шаки — им не родные сёстры, а кузины, а Дашка, Алина и Саша вообще из другого времени, из другого мира, остановившиеся у этой семьи когда-то. Несколько несчастий связали их, теперь у них общий дом и одна фамилия.

— От Скентии и Николаса известие было! — сообщил ему Патрик.

— Опять они злы на банды Ирвинга, потому что не знают, куда пристроить пострадавших?

— Тебя это веселит? — Патрик прищурился, готовясь мрачнеть. — Мы хорошо устроились, Айрис с девушками бдят исправно, но ни в одном населенном пункте Лейшарда такой надёжной охраны нет! А Скентии мучиться с этой бедой.

— Я об этом размышлял, — заверил его Саша. — Этому должен прийти конец, но какой и когда?

— Ты не занят? — оживился вдруг колдун.

— Нет, сижу без дела, как обычно, — парень с шумом выдохнул воздух, это выглядело как демонстрация усталости от чего-то, да так и было.

— Проблему непригодности короля надо обсудить, — сказал Патрик решительно. — Пошёл бы к старейшине, но с тобой общаться намного веселее.

Скрыв улыбку, Саша по балкону, тянущегося по периметру всего второго этажа, прошёл к спальне Дашки, постучал в окно:

— Не спишь? К нам гость, дискуссия намечается.

— И кто? Патрик или мистер Цельсий? — Дашка встала с кровати, чтобы открыть балконную дверь, впустить парня.

— Твоё счастье — Патрик, — ответил Саша, пересекая спальню.

— Пока ещё не моё, а общественное, — парировала она.

Патрик Тейлор был, пожалуй, самым красивым жителем деревни и, на радость девушкам, оставался свободен. Его светлые волосы на солнце блестели всевозможными оттенками от золотисто-блондинистого до русого, выразительные добрые глаза на свету тоже переливались — казались то голубыми, то серыми. Высоким ростом он не мог похвастаться, зато идеальным телосложением — ещё как. И обладатель такой красоты

приглядывался к Дашке.

Ей такое внимание льстило. Дашка, когда Саша исчез в коридоре, оглядела себя в зеркале. Особо выдающихся внешних данных нет — недлинная стрижка (так как волосы были непослушными и очень густыми; они не испортились даже от частых окрашиваний в прошлом, правда, от природы и так имели приятный золотистый цвет), бледность, не выглядевшая аристократической. Дашка была невысокой, на полголовы ниже четырнадцатилетней Шаки, из-за этого молодой женщине никто не давал её двадцати одного года — все думали, что ей и восемнадцати нет. Усиливали впечатление по-детски огромные глазищи. Привлекательная внешность, не более того. Но в сочетании с красотой душевной, значит, что-то даёт…

Через пять минут она была на кухне, где уже сидели за столом Саша, Патрик и Алина.

— Ваш друг сегодня успел затронуть один вопрос, ответ на который будет интересен всему королевству, — проронил Патрик, выдержал паузу, чтобы убедиться, что все его слушают, и продолжил уже серьёзным тоном: — Король Ирвинг Чезигер, конечно, лучше Эвиланы Армад, правившей до него. Эвилана приказывала изничтожать людей, Ирвинг позволяет это делать, но не настаивает. Но его приближённые страшнее самого Чезигера. Что бы они ни творили, Ирвинг их усмирять не будет. Сынок его — разговор отдельный. Влияет на папу, тот по его просьбе такие законы вводит, такие приказы отдаёт, что от ужаса сердце останавливается. И это чудо будет править после смерти Ирвинга!

— Этим утром я перед тобой так не распинался, — заметил Саша язвительно.

— Ты выразил идею — ждать сначала смерти Ирвинга, потом кончины Эзарии очень долго, вредно для нервов и опасно для здоровья и жизни, — закивал Патрик. — С Чезигерами надо что-то делать.

— Сомневаюсь, что такая мысль больше никого не посещала, — съехидничала Дашка.

— Но два очевидных варианта решения — восстание или убийство короля и принца, — обратил внимание Патрик. — Кто-нибудь желает снова воевать?

— С окончания восстания и исчезновения Эвиланы прошло всего два месяца. Вряд ли, — изрекла Алина. — Несмотря на то, что нам всем уже охота приключений, боевых действий мы не желаем.

— Вот поэтому я и сижу с вами, а не у старейшины, — объяснил причину своего визита Патрик. — Если и ему, и вам

подать по стоящей идее, то за то время, пока Фредерик её обдумает, вы успеете воплотить в жизнь или же убедиться, что идея никуда не годится. Рассуждать надо, конечно, но доля молодого безумия даёт вам некоторые преимущества. Идею я вам дал. Если надо — помогу.

— Это всё? — бросила Дашка.

— Тебе разве мало? — удивился красавец.

— Нет, нам будет, чем заняться, спасибо, — нанесла вежливый удар она.

— Судя по твоему тону, за ответом я могу зайти вечером — больно решительно ты настроена, — Патрик поднялся, задвинул стул. — До следующего времени суток!

Дашка уступила право проводить мага Алине.

— Доброе утро, Патрик! — послышалось со двора после того, как скрипнула входная дверь: колдун столкнулся с возвратившейся Теоной.

Её внезапным исчезновениям из дома никто не удивлялся. Если Теону не обнаруживали в родных стенах рано утром или она являлась домой в три часа ночи, беспокоиться не спешили. У неё всегда находились дела, в которых преобладало разрешение чужих проблем. Добротой её, впрочем, не пользовались, беря лишь то, что Теона сама предлагала, но людей, нуждающихся в помощи молодая женщина обнаруживала постоянно и повсюду. Она ведь была целительницей.

— Все проснулись? — она заглянула на кухню, убедилась, что те, кто её сейчас интересует, уже бодрствуют, и радостно заявила: — Надеюсь, все помнят, что вам сегодня предстоит собеседование?

Вернувшаяся Алина, отхлебнув из кружки чай, чуть не подавилась, Дашка, привставшая, чтобы дотянуться до чайника с заваркой, на секунду замерла и плюхнулась обратно на стул.

— Такое событие, а вы забыть умудрились! — упрекнула их Теона, но сердиться и не подумала. — Вам полчаса, чтобы собраться. В шесть часов нам надо быть там. Я вас во дворе жду.

— Что, составишь компанию? — в дверях возник Саша.

— Вероятно, меня возьмут туда преподавателем. Когда-то Скентия мне сказал, что такая возможность есть. Некоторых может смутить, что я старше студентов всего на год, но вряд ли это послужит основным поводом отказа, если он будет иметь место.

Там — это в Магической Академии города Зальван, столицы королевства, самого известного учебного заведения в Альдане. Саше, Алине и Дашке так часто советовали попробовать туда поступить, что они сами загорелись желанием.

— Ты уже узнала, что, где и когда? — Дашке стало не по себе, слишком новость была внезапной. — Мы должны были этим заниматься, нам же надо.

— Ничего страшного, мне тоже очень хочется видеть вас выпускниками Академии, — Теона пресекла извинения.

— Дерик, наверное, тоже не вспомнил, что сегодня столь важный день, — Алина отставила чашку, от волнения ей перехотелось и есть, и пить. — Представляю, что с ним будет, если сегодня мы его обрадуем новостью, что мы зачислены.

— Сегодня только собеседование! — напомнила она. — Потом ещё и экзамены. Да не переживай ты так! — Теона принялась успокаивать Алину. — Вам следует только намекнуть, что желаете учиться в Академии — деканы факультетов сделают всё, чтобы вы туда попали. Каждый будет заманивать вас на свой, правда, но если вы все определились, куда хотите, проблем не будет.

— Убедительно, — согласилась Алина, не перестав нервничать.

— Я как раз колеблюсь, — Дашка с невесёлым видом стала размешивать сахар в чае. — Очевидно, что мне обеспечено место на факультете огненной магии, но хочется узнавать что-то новое. Магия Огня, кажется, известна мне вся. Неправда, но что поделать. Начнут на меня все деканы давить, как-то пугает.

— Ты одна такая не определившаяся с местом. Мы с Алиной решения приняли, переубедить нас сложно, так что найдём силы защитить тебя, — пообещал Саша.

— И на что же пал ваш выбор? — поинтересовалась Теона.

— Призывание, — ответил Саша с гордостью. — Алина остановилась на белой магии.

— Тоже подустали от родного стихийного чародейства? — Дашка повеселела.

— Да вам его впору преподавать, — на кухню вошла Шаки. — Вдруг у вас получится совмещать преподавание с учёбой?

— Я поговорю, с кем надо! — подхватила Теона и тут же спохватилась: — Так, через двадцать минут дома нас быть уже не должно!

Тёмный силуэт Магической Академии на фоне зарождающегося заката выглядел внушительно, даже пугал своим чрезмерным величием. Огромный замок, не уступающий в размерах королевскому, с развевающимися на башнях флагами факультетов.

У ворот компания остановилась первый раз: страх придержал Алину.

— Уже без двадцати шесть, кабинет, где будет проходить собеседование, ещё нужно отыскать, — предостерегла Теона.

— Чего-то боюсь, но не пойму, чего, — призналась Алина.

— Того, что всё складывается так удачно, — подсказала целительница.

— Мы только сюда пришли! Ещё неизвестно, каково будет решение приёмной комиссии!

— С позором вряд ли выгонят, — Теона подтолкнула её в спину.

Они попали на территорию Академии. На ухоженных аллеях пестрели форменные мантии учащихся — у каждого факультета свой цвет. Занятия, очевидно, уже закончились, студенты отдыхали, общались, развлекались.

Вдоль аллей попадались через равное расстояние статуи, после изучения надписей на постаментах (по инициативе Алины) стало понятно, что это — преподаватели, и даты на табличках — годы вовсе не жизни, а работы здесь. Обнаружили и статую старой знакомой Марики Новиш, к сожалению, погибшей четыре года назад. Возле неё опять задержались.

— Интересно, Марика преподавала бы что-нибудь у нас? — попыталась вообразить Дашка, обходя статую.

— Мы опаздываем! — не выдержал Саша, хватая колдунью и вытаскивая на аллею. — Всё будет хорошо. Это ведь только собеседование, не экзамен.

— Оно важнее, — ляпнула Теона, не заметив, что заставила подруг побледнеть. — Самое главное в изучении магии — желание. Её же надо чувствовать, а по принуждению чувствовать нельзя. Но если в вас хоть одна искра магии, из неё возможно получить столько энергии, сколько нужно хоть для самого мощного заклинания. Тренироваться долго придётся, конечно. Да зачем я вам-то это говорю, в вас не искры, в вас потоки магической энергии!

Её щебетание прервал возглас какой-то студентки:

— Эй, гляди, это не Винсенты?

— Ого, по-моему, точно они!

Дашка, Саша и Алина слишком прочно угодили в историю королевства, некоторые теперь знали их в лицо. Их, стихийных магов из Большого Мира, было четверо, один парень, Дима, погиб от меча Джессики — вынужденная мера, ведьмовскими чарами Эвиланы Армад молодой человек оказался обращён в демона, ненавидящего всех, кроме своей госпожи и её слуг. Перед смертью он успел ненадолго вернуться в человеческое обличье, этого времени хватило лишь на то, чтобы вместе с остальными повелителями стихий уничтожить созданного Эвиланой монстра,

которого боялись все, кроме самой ведьмы. Вырваться из её чар — а это было в его силах, он не смог.

— Это правда, что вы будете у нас преподавать? — две заметившие их девушки в ярко-зелёных мантиях, блондинка с пышными мелкими кудрями пшеничного цвета и шатенка, чьи локоны были заплетены в аккуратнейшую косу, подбежали к ним.

— Нет, учиться, — разбила надежды Дашка. — Если повезёт.

— А на каком факультете? — стала допытываться шатенка.

— Искусство призывания, — удовлетворил девичье любопытство Саша, судя по угасшему блеску в глазах студенток, опять их расстроив.

— Белая магия, — отмахнулась Алина.

— Чёрная магия, — выдохнула Дашка, выбрав этот факультет только что.

Блондинка сникла, с грустью поглядывая на компанию, её подруга же начала рассуждать:

— А мы на алхимиков учимся, третий курс уже. Уроки чёрной и белой магии мы тоже получаем, будем видеться! Магия разума — общий предмет для этих трёх факультетов. А с призывателями у нас… Нелла, что? — накинулась она на вторую студентку с энтузиазмом.

— Ничего, — сдерживая расстройство, протянула девушка. — У нас преподаватели есть одни и те же, но ведут они разные предметы.

— Раз мы уже почти познакомились, дружить будем? — предложила Теона.

— Отлично, я Саэлис, — начинающий алхимик ухватила руку целительницы, затрясла.

— Нелла, — блондинка озвучила своё имя сама.

— Ты Алекс, — обратилась Саэлис к Саше по его альданскому имени. — Элли и Дарья, — она посмотрела сначала на Алину, затем на Дашку. — Правильно назвала?

— Верно, — кивнул колдун. — Это Теона, — представил он целительницу.

— Вы на собеседование? — Саэлис вытягивала сведения дальше, не взглянув на неё.

— Ага, — буркнула Дашка.

— Знаете, куда идти? — девушка всё не успокаивалась, но этот вопрос её оказался кстати.

— Триста первая аудитория. Подскажете, где это? — Теона улыбнулась.

— Проводим! — воскликнула студентка.

Скоро аллея закончилась, приведя к площадке перед входом в замок. Здесь завершались ещё три широких аллеи: по одной из

них, тянущейся от самых ворот стены, отделяющей Академию от внешнего мира, компания и попала сюда, две другие выходили на левую и правую сторону площадки, — и четыре узких, чередовавшихся с широкими. Фонари уже зажглись, их желтоватый свет потрясающе смотрелся на фоне зелени деревьев. Народу стало больше, можно было предположить: все занимавшиеся тем, что задали преподаватели, дожидались этого часа, чтобы бросить всё и отправиться на улицу. Кое-кто уже расстался с формой до следующего дня.

В стенах Академии, несмотря на время, студенты ещё встречались, но все они торопились сделать то, ради чего задержались в Академии вечером, и присоединиться к свободной студенческой жизни.

— Учебный год уже начался? — Саша ещё надеялся, что это не так, но, когда с ним на лестнице чуть не столкнулась девушка в чёрной мантии, несущая охапку свитков, чувство ослабло. — Я думал, что мы начнём вместе со всеми.

— У многих остались недоделанные работы с прошлого курса. Начало семестра — через три дня, так что все съехались уже, — обрадовала компанию Саэлис.

— Вступительные экзамены вам сдавать отдельно. Завтра. Может, и сегодня у вас примут, — ошеломила друзей Теона.

— Мы не готовы! — выпалила Алина отчаянно.

— Никто из нас не предполагал, что всё это будет происходить так стремительно, — не оправдываясь, но пытаясь защититься, произнесла Дашка.

— Хотели потерять год? — вспыхнула целительница.

От неожиданности — от Теоны никто никогда не слышал восклицаний повышенным тоном — колдуньи сдались, прекратив возражать.

Одолев ещё два лестничных пролёта, компания свернула в коридор за Саэлис, Нелла последовала за ними неохотно, на мгновение задумавшись, стоит ли.

Триста первая аудитория находилась в конце коридора. На этом этаже она, судя по пугающей ширине и высоте массивных дверей, была самой большой, вмещающей целый поток студентов.

— Мы вас подождём! — Саэлис сверкнула улыбкой. — Собеседования долго не длятся!

— Это не может не радовать, — Дашка, взявшись за ручку, потянула на себя дверь, поддавшуюся со скрипом, не без труда.

Гигантская аудитория с десятками рядов, расположенных амфитеатром. За длинным преподавательским столом — о, ужас! — одиннадцать человек.

— Вы опоздали, — осведомила Дашку и выглянувших из-за её

спины Алину и Сашу женщина в мантии вызывающе-алого цвета. Издалека видно было плохо, но она показалась друзьям очень молодой, чуть ли не их ровесницей.

— Извините, — Дашка вышла вперёд, остановившись перед ступенями прохода между рядами мест.

— Спускайтесь, — приказала женщина. — А вы, Теона, на полчаса свободны.

Проскользнувшая в аудиторию целительница послушно удалилась, закрыв дверь. Хоть Теона и постаралась сделать это аккуратно, она громко хлопнула, после этого повисла контрастная тишина, позволяющая услышать, как собственные шаги отдаются едва уловимым эхом и как кто-то из преподавателей стучит ногтями по столу.

Глава 2 Это возможность!

— Что породило в вас желание поступить в нашу Академию? — женщина перешла к вопросам.

Среди других преподавателей она выделалась сильно. Эта леди была неправдоподобно красивой, чем-то похожей на Теону. Такие же крупные шикарные локоны, только не золотистые, а чёрные, такие же огромные глаза, но не зелёные, а карие, такое же правильное лицо с крупными мягкими чертами, чуть бледнее, чем у Теоны. Роковую красоту дополняли алые губы и ногти.

— В нас есть магическая сила, немалая, мы хотим научиться ей пользоваться, — ответил за всех Саша.

— За время восстания вы, стало быть, так и не научились? — уколола его женщина. Оно год длилось, не так уж и мало. Или вы предпочли посоху меч или арбалет?

— Ада, брось! — одёрнул её эльф, сидящий рядом, старше женщины, но на вид не намного. Правый глаз его закрывала повязка из дорогой ткани — скорее всего, он вынужден был постоянно её носить. На щеках белели шрамы; белоснежные волосы лохматились, закрывали часть повязки и лезли в левый глаз. — Оставь придирки для своих студентов.

— Вдруг это и есть мои будущие студенты? — удачно отбилась красавица Ада и моментально вернулась к разговору: — Объясняйтесь, я жду!

— Вероятно, вы знаете, что мы могли изучать только родную магию. Ею мы овладели почти в совершенстве, теперь желаем познать иную. Способности позволят, мы уверены, — стойко держался парень.

— В совершенстве? — усмехнулась Ада. — На церебрально-невербальном уровне? Хорошо, заставьте какую-нибудь из стен аудитории рухнуть, потом восстановите. Одно из лучших заклинаний магии Земли — землетрясение.

— Ада! — вспылил эльф.

— Он сам сказал — всё знает, — женщина не сдавалась, поединок ей нравился.

— Продемонстрируйте самую мощную магию, доступную вам, — упростил задачу магу другой преподаватель, меланхоличный, если присмотреться к его взгляду, мужчина, которого только коснулись признаки старости — заметные морщины и седина.

— Как уже сказали, я являюсь повелителем стихии Земли, — Саша отошёл к окну, вскинул руку, а договорить ему не дала, конечно же, Ада.

— Профессор Рэймон, как и полкоролевства, осведомлён насчёт того, какова природа вашей магии.

— Госпожа Лиоре! — заорал эльф. — Вы дадите ему закончить?

— А он ещё не начал, — красавица явно наслаждалась ситуацией и своим превосходством в ней. — Молодой человек лишь сорит словами.

— Мне подвластна магия Земли в основном разрушающего характера. Восстановление — отчасти белая магия, а у меня был запрет на её изучение, — всё-таки договорил Саша, достойно оправдавшись.

— Хорошо, — Ада неожиданно смилостивилась. — Тогда покажите одно проклятие и одни усиливающие чары.

— Сперва мне придётся обезопасить вас. Olaza je Redeus! — это было несложное, хорошо отработанное заклинание, дарующее защиту от любой вредоносной магии его же стихии, но Саша нервничал, дрожь в голосе выдавала.

Члены комиссии ощутили действие чар, он заметил по проблескам в глазах. Ада подперла руками голову, положив на сцепленные пальцы подбородок. На лице вроде бы обозначилось одобрение, но какое-то снисходительное.

— Eferiya je Redeus! — с предательской паузой последовало проклятие.

Эта фраза на магическом языке означала «гнев Земли». Он не замедлил проявиться: в полу под столом комиссии появилась трещина, стремительно расширяющаяся и углубляющаяся, из неё вырвался жёлто-зелёный свет. Если бы не защита колдующего, всех бы втянуло в неё и люди пропали бы, застряв в ином измерении, выбраться из которого невозможно без помощи шаманов, но затянулась трещина так же быстро.

— Достойный уровень, — поторопился оценить это другой преподаватель, старик, седая грива и борода скрывали его так, что нельзя было видеть, какая на нём одежда — только синие рукава.

— Продолжайте, — потребовала Ада, не дав остальным высказать одобрение.

— Позвольте продемонстрировать на вас, — Саша обратился к эльфу, пытавшемуся утихомирить красавицу десять минут назад.

Он охотно пробрался к нему. Саша навёл на преподавателя жезл:

— Gelyia je niho.

— Что за эффект? — эльф знал отлично, но превратившееся в своеобразный экзамен собеседование требовало вопросов.

— Силы притяжения действуют на вас так, как вы желаете.

— Одно из моих любимых заклинаний, — блондин медленно поднялся по стене, как по полу, к самому потолку, дошёл до его середины и крикнул оттуда коллегам: — Претензий, я полагаю, вы к Алексу не имеете?

— На какой факультет зачисляем? — брюнетка с короткой стрижкой, в аккуратных очках, подалась вперёд и поглядела на преподавателей слева и справа от себя, три движения мелькнули за одну секунду.

— На меня что смотрите? Выпытывайте у Алекса, — Ада возобновила выделение яда.

— Призыв! — не замедлил озвучить свой выбор Саша.

— Я счастлив видеть такую известную персону в рядах моих студентов, — эльф, так и пребывающий на потолке, вновь подал голос. — Необходимую для первокурсников информацию получите в кабинете двести восемь, это на четвёртом этаже. Я спускаюсь к вам, — уведомил преподаватель — и действие удерживающих чар прервалось.

— Rinomis, ki dauro! — Алина машинально взмахнула жезлом, не подумав о том, что если эльф разбил чары, то знает способ приземлиться мягко. Но догадалась она, только когда из неё вылетел последний звук слов заклинания, делающего падение с любой высоты плавным.

— Ты ненормальный, — рассердилась Ада. — Если бы девушка не сообразила?

— Мейдина — превосходный целитель, — теперь эльфа придирки женщины не раздражали. — Даже если бы я убился — был бы оживлён.

— Так вы… — у Алины пропал дар речи.

— Магией Воздуха не владею вообще, — эльф поправил волосы, сел на место. — На скорость вашей мысли я и рассчитывал, Элли. Куда мечтаем быть принятой?

— Не слишком ли быстро? — Ада не оттаивала.

— Куда хотим поступить? — он проигнорировал её и повторил.

— Факультет белой магии, — сказала Алина, под взглядом красавицы смутившись.

— Почему же? — целительница, та суетливая брюнетка, судя по всему, собралась заманить её на свой факультет.

— Наверное, брезгливость мешает иметь дело с обезображенными больными и калеками, поэтому у себя ты девушку не увидишь, — съязвила неугомонная Лиоре. — Но что вдруг магия белая? Тёмное колдовство позволяет обходиться без крови. Сравните магическое оглушение и удар тяжёлым

предметом по голове…

— После войны надоело! — прервала её Алина. — Теперь хочется приносить всем добро в чистом виде.

— И почему же не целительское дело? — изнемогала Мейдина.

— Госпожа Лиоре была права, — призналась волшебница.

— А почему тогда не алхимия? — пошёл в наступление другой член комиссии, человек с чёрными длинными кудрями потрясающей пышности, длина, впрочем, тоже была выдающейся — когда он сидел, волосы доставали до пола. — Эликсиры, зелья — не одни же яды.

— Мне нравится белая магия.

— Вот и славно, я уже внёс вас в список первокурсников, — черкающий что-то пером на бумаге невозмутимый Рэймон поднял голову.

— Велистер, а если бы она передумала? — Ада опять не удержала собственное мнение.

Рэймон её уже не слушал.

— Дарья Винсент? — алхимик остановил взгляд на ней, показал в улыбке белоснежные зубы.

— Чёрная магия, — решимость колдуньи затвердела.

— И что вас привлекает в ней? — засуетился ещё один… одна… С определением пола этого преподавателя компания затруднилась. Нечто было рыжим (рыжей), волосы его разделялись пробором посередине, с одной стороны они доставали до пояса, с другой — до плеча. Рубашка была мешковатой, так что женственность форм, если таковая имелась, скрывала. Голос тоже не помогал — низкое контральто могло принадлежать и мужчине, и женщине.

— Таинственность. Этот вид магии хранит в себе больше загадок, чем какой-либо другой. Её можно использовать и во вред, и во благо, осуществляя такие перемены, о которых сложно догадываться.

— У вас появилась тяга к переменам? — бесполое существо приподняло тонкую бровь.

— Вы правы. Когда-то я начала с себя…

— Теперь хотите изменить мир? — хохотнул странный преподаватель.

— Боитесь, я сделаю его хуже, чем он был? — Дашка тут же поразилась собственной резкости.

— Хм, а я с удовольствием приняла вас на свой факультет, — Ада откинулась на спинку стула, склонила голову к плечу, прищурилась.

— Демонология? — у Дашки не было сомнений, что

красавица является деканом там.

— Некромантия.

Наверное, у Дашки, да и у Саши с Алиной слишком выразительно округлились глаза: Мейдина с эльфом и брюнетом-алхимиком позакрывали рты руками.

— Да вы не первые, у кого специализация госпожи Лиоре вызывает такое изумление, — проронил Велистер Рэймон.

— Так вам по душе демонология? — не стала упускать шанса декан соответствующего факультета, весьма привлекательная особа, смуглая рослая девица с суровым лицом, не по-женски сильными руками (короткие рукава рельеф не скрывали) и немаленькой грудью. Тёмно-каштановые волосы были заплетены во множество косичек, стянутых сзади красной лентой. В ушах поблескивали серьги-кольца, неимоверное количество. На лбу — след от чьего-то когтя, но шрам лишь придавал внешности девушки пикантности.

— Демоны за прошлые два года надоели, простите.

— Алхимия? — несмотря на вопросительные интонации, брюнет настаивал.

— Некромантия? — последовало повторное предложение Ады.

— Нет. Выбор я огласила и аргументировала.

— Я вас поздравляю, — декан чёрных магов сгрёб свитки и бумаги, лежавшие перед ним, поднялся и подошёл со всем этим к новоявленным первокурсникам. Одну руку нечто высвободило и протянуло Дашке.

Столь поспешное исчезновение других деканов не обрадовало, кое-кого (Аду в первую очередь) возмутило.

— А вы свободны, Винсенты, — Мейдина разрешила компании идти, а среди комиссии, кажется, назревал скандал.

По этой причине троица задерживаться в аудитории не стала.

— Отмучились, — выдохнул Саша, прислонившись спиной к огромной двери только что покинутой аудитории.

Дашка растерянно глядела на свои ладони, им так и не было приказано выпустить магическую энергию.

— Ну что? Комиссия в восторге?

Про Саэлис и Неллу уже успели забыть, они с Теоной ждали у окна.

— Ну не молчите! Что? Что сказали? — Саэлис, опередив Теону и не закрывая рта даже на долю мгновения, подлетела к новым знакомым. — Как вам Ада? Как Десмилия?

— Мы здесь учимся, всё, — Алину разбирал смех счастья. — Мне повезло, Ада вряд ли ведёт что-то у белых магов. А Десмилия — это кто?

— Только что выскочил отсюда, — девушка хихикнула. — Милое создание, между прочим. Не оставляет равнодушными ни мальчиков, ни девочек. И взаимностью отвечает всем. Мы не знаем, какого оно пола. Кто-то обращается к нему как к женщине, кто-то — как к мужчине. Ему всё равно.

— Нам надо на четвёртый этаж, — напомнила Дашка. — Теона, ты ведь хотела получить в Академии место преподавателя? Можно сейчас разделиться, ты ступай к тому, с кем собралась улаживать этот вопрос, мы пойдём туда, куда нам сказал декан призывателей.

— Приастес?

— Он не назывался, — парировала Алина.

— Одноглазый эльф?

— На факультете призывательского искусства несколько деканов?

— Теоне надо подождать госпожу Мейдину Рильен. А вы идите, — выручила магов Нелла. — Встретитесь внизу, перед входом.

Приняли предложение единогласно (не считая Саэлис). Вынырнув из коридора, спустились на два этажа и сразу узрели дверь с нужным номером.

Отправили туда за всем необходимым Сашу. Парень, постучав, заглянул и получил позволение войти от молоденькой эльфийки, разгребающей кучу бумаг на письменном столе. Она сосредоточилась на этом занятии, будущему призывателю, очевидно, не было смысла ждать, пока эльфийка удостоит его полноценным вниманием, Саша заговорил без зрительного контакта:

— Мне нужна информация для первокурсников. Факультеты белой и чёрной магии и призыва.

Эльфийка, захлопав глазами, уставилась на посетителя, узнав его, но то ли чего-то не понимая, то ли не веря, что видит легендарного Алекса Винсента.

— Да, конечно, — пролепетала она, замерев.

Возникла тишина, лишь через несколько секунд эльфийка кинулась выполнять просьбу, развернув пустой свиток и принявшись в нём писать, роняя кляксы.

— Не торопитесь, — Саша сам ощущал себя неловко, интерес со стороны симпатичных представительниц прекрасного пола ему был ни к чему.

Прелестница, наконец, закончила, оглядела текст, пестревший чернильными пятнами, виновато протянула:

— Неаккуратно. Мне стоит переписать?

— Не надо! — энергично замотал головой Саша. Он старался

сделать лицо попроще, не удавалось.

— Это для призывателя, — эльфийка отложила свиток с непросохшими чернилами, взяла другой, но не успела оставить на нём и росчерка — в кабинет ворвалась девушка, являющаяся деканом у демонологов.

— Проклятье! — выругавшись, она швырнула кипу бумаг перед эльфийкой. — Место Даниэлы снова заняли!

— Ты всё неправильно понимаешь…

— Это тебе неясно! — бесновалась девушка. — Династию Сагренов хотят сжить со света, для этого теперь используют Великую Троицу, чёртовы дети, смазливая кукла, взбалмошная дурочка и мальчишка, играющий в героя-спасителя!

— Даниэлу до сих пор не нашли, — эльфийка задрожала.

— Да забросят поиски! Кому нужна дочь Мартина Сагрена, если есть они! Привили им любовь к войнам, натравят на Чезигеров, потом кому-нибудь из доморощенных освободителей дадут корону — это абсурд!

— У меня посетитель, София, — жертва гнева снова взяла перо, будто намёком надеялась защититься.

— Списки первокурсников готовы, оформи, — велела ей глава факультета демонологии, внезапно остыв, только тон остался слишком жёстким.

Уходя, она презрительно посмотрела на Сашу.

Эльфийка не сразу вернулась к работе, но оцепенение продлилось не дольше, чем когда она только сообразила, что за парень перед ней. Два других свитка получились с меньшим количеством клякс. Их запечатали, вручили трясущимися руками колдуну, тот попрощался и покинул кабинет.

— По-моему, нас тут не все будут жаловать, — Саша отдал по свитку подругам.

— Слышали, — проворчала Дашка. — Весь обличительный монолог этой дамочки. Шикарно, и Ада, и она могут на нашем факультете что-то преподавать.

— Сегодня нам в Академии больше ничего не нужно. Двигаемся вниз, ждём Теону, читаем, что нам выдали, — остановила сетования Алина.

Все разом ощутили слишком сильную усталость, чтобы поддерживать разговор. Компания побрела к лестнице.

На площадке у замка никого уже не осталось, отдельные силуэты мелькали на аллеях. Устроившись на скамье, троица углубилась в чтение свитков. Расписание занятий, учебный план, список необходимой литературы… Завершалось всё напоминанием, что первокурсникам необходимо получить комнаты в общежитии.

— Всё выходит из-под контроля, — из замка вышли двое, Ада Лиоре и декан алхимиков.

— Тебя София паникой заразила? — фыркнула женщина-некромант. — Она считает, поиски — задача лёгкая. А мы не можем их вести, препятствий много. Да, приостановиться мы вынуждены, но не потому, что судьба принцессы…

— Королевы, — поправил её мужчина.

— Не потому, что судьба королевы нас больше не интересует.

— София в чём-то ведь права, не спорь. Есть Великая Троица, у альданцев огромная вера в неё. Недопустимо огромная. Про Даниэлу и знают-то не все.

— Не все? Нет, дорогой Амерден, *никто* не знает, кроме нас, профессоров Магической Академии, — сложно было разобрать, Ада язвила или сердилась. — Мартин стыдился дочери, доброй, отзывчивой девушки, настолько, что объявил её погибшей — кто догадается, что он солгал? В народе поговаривают, что диктатор убил её сам или что Даниэлу по его приказу отравили. Лишь от нас он не стал скрывать правду.

— И в результате нам светит очередная война.

— Ребята не глупы, новое кровопролитие им вряд ли представляется единственным решением. Кроме того, они не виноваты, что Мартин обошёлся с Даниэлой так жестоко, — и преподаватели исчезли в глубине одной из аллей.

Друзьям подумалось, будто они нелюбимы в Академии настолько, что все имеют привычку говорить о них в их присутствии в третьем лице. Только когда от дверей замка отделился ещё силуэт, и никто не смог разобрать, кто это, все поняли: деканы просто не увидели в них ту самую Великую Троицу.

Покинувшим замок человеком оказалась Теона.

— Всё, я числюсь в Магической Академии преподавателем! — известила целительница. — Эй, откуда у вас столько серьёзности? — спохватилась она.

— Наслушались всякого, — Дашка встала. — При тебе никто не обсуждал дочь Мартина, Даниэлу, и Великую Троицу, то есть нас?

— Нет, — Теона удивилась.

— Может, с их стороны эта была вежливость, ты же нам как сестра, — Саша заметного облегчения не ощутил.

— О чём вы?

— Давай обсудим это дома, хорошо?

В Фатону компания попала в третьем часу ночи, но Дерик с Шаки бодрствовали, ожидая в гостиной, где плясал огонь в камине, уже затухающий.

— И как всё прошло? — Шаки накинулась на вернувшихся первая, брат только развернулся к ним, а девочка уже повисла на Теоне.

— Я устроилась, без затруднений, — целительница отстранилась от сестры, чтобы её видеть. — Факультет целительского дела совсем недавно восстановили, преподавателей надо набирать новых, всех при режиме Эвиланы ведь казнили.

Дерик, только собравшийся встать и подойти к ней, тяжело вздохнул, обмякнув. Правление Эвиланы Армад сопровождалось истреблением белых магов, целителей и носителей священной магической силы, экзорцистов. Против королевы подняли восстание, и оно забрало жизнь Джейка, брата Дерика, а мать, Анна, была убита существом, созданным Эвиланой из части души Джессики. Любое упоминание о тех страшных временах вгоняло старшего Винсента в прострацию.

— Возраст мой помехой не стал, — Теона говорила дальше. — Декан факультета некромантии, Ада Лиоре, не кажется старше меня. У демонологов декан молодая совсем — лет двадцать пять, если не меньше. Может, я и с ней одного возраста.

— А остальные что? Зачислены? — Шаки от нетерпения подпрыгивала на месте.

— Да, но всё случилось так стремительно, — Саша, пошатываясь, занял пуфик, на котором только что сидела Шаки. — Мы в Академии некоторых уже злим фактом своего присутствия в заведении. Хотя кое-кто жалеет, что мы вообще в Альдане остались.

Он воспроизвёл то, что услышал от Софии, и диалог Ады и Амердена. Его не перебивали, но когда парень закончил…

— Шаки, принеси магический шар, — потребовал Дерик.

— У нас в доме его нет! — девочка была встревожена, как, впрочем, и брат.

— Надо сказать Патрику, срочно!

— Завтра утром? — предложила Шаки. — Несколько часов ничего не решат.

— Его могут позвать куда-нибудь, у Патрика ведь всё внезапно. Они слишком сдружились с Ринхафтом, у старейшины Чёрных Гаваней решения мгновенные. Будь добра, устрой так, чтобы я мог донести до него то, что мне сейчас поведали, — упёрся Дерик.

— Привести его сюда, что ли?

— Шар можно попросить у соседей, — хмыкнула Дашка, сразу же побледнев: — То, что мы выяснили в Академии —

настолько плохо?

— Это важно. Теона, пожалуйста, сбегай к соседям, возьми шар.

Привычки спорить целительница не имела, исчезла за дверью сразу, явившись с тем, за чем её послали, довольно быстро.

— Патрик! — Дерик, выхватив шар, заорал в него, остальные столпились за его спиной, уставившись в поблескивающую в темноте (огонь в камине погас) поверхность. — Патрик, просыпайся! Новости имеются, ты должен быть в курсе!

В шаре, засветившемся, возникло сонное лицо.

— Патрик, Даниэла жива!

Приоткрытые глаза чёрного мага распахнулись шире, чем обычно:

— Как? Откуда известие?

— Большая часть нашего семейства была сегодня в Магической Академии столицы, там говорят. Даниэла исчезла, кажется, этому поспособствовал Мартин. Тайна, что девушка не умерла, хранится в Академии, не выносится оттуда.

— О, Предки, вы смилостивились! — воскликнул Патрик. — Это возможность, дети мои, это возможность! Дерик, передай шар кому-нибудь из ребят.

Магический предмет в это же мгновение оказался в руках Саши:

— Многие из посвящённых в тайну Мартина полагают, судя по всему, что мы можем затмить Даниэлу. Она же законная наследница короны, имеет право спихнуть с трона Чезигера, но люди убеждены, что это осуществим мы, путём далеко не мирным. Я не ошибаюсь? Только почему именно Академия? Почему это связано с ней? Одна девушка возмущалась, что кто-то из нас занял место Даниэлы. Имелось в виду место на факультете, очевидно. Наше собеседование завершилось слишком быстро. С Дарьей разговаривали последней, даже не попросили её продемонстрировать мастерство. Когда декан чёрных магов заявил, что она принята, то быстро удалился, будто сбежал. Комиссия разозлилась. Впечатление, что место, куда попала Дарья, предназначалось Даниэле. А принцессу сейчас не ищут, возникли трудности, не позволяющие продолжать.

— Верно, странно всё, — согласился Патрик. — Придётся вам выяснять. Возможностей у вас больше. Вы ведь не стремитесь свергнуть Ирвинга силой?

— Мы не подведём, если от нас не избавятся, завалив на первом же экзамене, — скривилась Дашка.

— У вас и сторонники есть, иначе бы вы и первокурсниками не стали, — заметил колдун.

— Сами что-то будем предпринимать? — вмешался Дерик, тёплые нотки в общении Патрика с Сашей и Дашкой ему не понравилось.

— Нужна аккуратность, не начнём же мы допрашивать преподавателей Академии! Утром доложим старейшине, у тебя ведь нет дел? Если есть, я один могу сходить.

— По-твоему, что-то может быть важнее этого? Были бы планы — отменил бы, — настроение Дерика и Патрика разнилось всё явственней.

— Ты боишься, — вдруг заявил колдун.

— Кого? Чего? — парень даже перестал хмуриться, пребывая застигнутым врасплох.

— Активности названого брата и сестёр. Спокойный в семье один ты остался, сумасбродов прибавилось, — он подмигнул Шаки.

На лице Теоны застыл немой крик: она хотела предостеречь Патрика, чтобы не затрагивал эту тему, но не успела.

— Любят они быть при деле. Войну уже не уважают, но идея найти Даниэлу может оказаться им по душе, и они поторопятся. Ты предлагаешь нам опередить их, — Патрик был не в лучших отношениях с Дериком, обожал остальных Винсентов, так что не стал обходительнее даже по просьбе целительницы.

— Когда идём к старейшине? — Дерик не умел биться словами, поэтому решил увильнуть, обрубив разговор.

— В десять там будешь?

— Веришь, что я могу дать отрицательный ответ? — у него нечаянно получился удар.

— Доброй ночи. Первокурсников поздравляю, — шар погас, изображение пропало.

Дерик удалился беззвучно, удержавшись даже от хлопанья дверью и презрительно-горделивого фырканья.

— Не дразнили бы вы его, — вздохнула Теона.

— Да Алекс с девочками и ты переедете отсюда, терпеть братишку нам с Джессикой, — заныла Шаки. — Он за мной едва ли не шпионит, за каждым шагом следит, с тех пор, как я снова смогла ходить.

Целительница прижала её к себе, погладила по голове. Саша, Алина и Дашка разбрелись по комнатам, пожелав друг другу и сёстрам приятных снов.

— Вот как мне терпеть? — Шаки, поймав момент, решила поделиться проблемой. — К тому, что ты вечно пропадаешь, все привыкли. С отсутствиями Джессики смирились. А я что, обязана быть единственной послушной дочерью?

— Дерику просто… непривычно, — вопрос привёл Теону в

замешательство, хоть и давно напрашивался, она видела, что девочка вот-вот его задаст.

С малых лет и до недавнего времени Шаки была больна и почти не передвигалась самостоятельно, друзей не имела. Когда ей стало доступно, наконец, чудо общения, Дерик ужаснулся. Компании девочка выбирала исключительно сомнительные, в них было, по её мнению, гораздо веселее. Из тех, кого Дерик выносил, общалась Шаки только с Тинзо Цельсием, сыном талантливого белого мага, паренёк был старше её на два года. Но ему она уделяла совсем мало времени.

Так же (и это повергало в шок ещё и Джессику) девочка была неприлично хорошенькой, осознавала это и постоянно дразнила юношей, разрешая многое, но не отдаваясь никому. Но любопытство могло когда-нибудь и победить…

Для Теоны сомнительных личностей, а тем более целых сомнительных компаний, не существовало в принципе, а лёгким поведением она сама отличалась, так что осуждать распущенность Шаки не могла и не хотела. Но опасения Дерика смутно понимала, как и его желание удержать в семье хотя бы одного члена.

— Мне надо всё так же торчать дома? — вспыхнула Шаки.

— Дерик в нашей семье одинок. Спасает себя от этого, как умеет. Прости его.

— Ну-ну, он же не со зла, так?

— Он правда одинок. Ты… замечай его почаще. Твоё внимание его исцелит.

— Дерик такой скучный! — девочка надулась.

— А ты развесели его. Это нетрудно. Хотя бы улыбайся ему иногда. Я вот улыбаюсь.

— Зато от Джессики ему улыбки не получить.

— Джесс у нас особенная.

— Я тоже буду!

— Нет, уже не будешь. Лучше будь по-своему. Постараешься? Ради меня? Мне вас тоже оставить придётся, я должна быть уверена, что в семье всё хорошо.

— Постараюсь! — пообещала Шаки.

Глава 3 На её месте

В дверь в очередной раз постучали, в комнате показалась веснушчатая мордашка, обрамлённая рыжими вьющимися волосами, взмахнула пару раз ресницами и пропела:

— Знакомиться будем?

Дашка, продолжающая попытку закрыть дверцу настенного шкафа, куда она сложила все книги, что были необходимы в предстоящей учёбе, издала непонятный звук, изображающий утвердительный ответ. Девушка приблизилась к ней, нетерпеливо ожидая, когда возня со шкафом закончится.

Завтра первый день семестра, сегодня Дашка, Алина и Саша заселялись в общежитие Академии. Комнаты, рассчитанные на одного человека, были весьма уютными, с окном с портьерами во всю стену и пушистым ковром на полу.

Книги посыпались снова. Девушка посчитала возникшую паузу подходящей для того, чтобы представиться:

— Лорианта.

Её звенящий высокий голос и быстрая речь немного раздражали.

— Чёрная магия? — студентка увидела лежащую на кровати фиолетовую форму Дашки. — Здорово, на одном факультете будем учиться! Я, кстати, живу в комнате напротив.

Дашка снова что-то пробурчала, теперь это означало подтверждение того, что она ещё слушает. К ней уже прибегали знакомиться алхимик из комнаты слева, демонолог из комнаты справа, некромант из комнаты в конце коридора, теперь вот эта девочка… Если юноши просто интересовались новыми соседями, то Лорианта намеревалась подружиться.

— Ты расписание изучала? — тараторила она. — Первое занятие — чёрная магия. Видала декана нашего факультета? Говорят, чудной совсем. Ты откуда приехала? Я из Квинны. Знаешь, где это?

— Мы освобождали её, помню.

— Ты воевала? Бедненькая, на войне же так плохо, столько лишений! Ты была ранена? — девушка наклонилась, помогая Дашке собрать книги и свитки.

— Мечами и стрелами — нет. Магия — вот из-за неё я настрадалась.

— Как тебя зовут? — внезапно девушка вспомнила, что забыла спросить имя потенциальной подруги.

— Дарья. Благодарю, — колдунья взяла у Лорианты из рук два фолианта, положила в шкаф. Вот теперь дверцы закрылись

плотно.

— Винсент? — обомлела девушка.

— Она самая, — Дашка напряглась, обожательница ей нужна не была.

— Я отнимаю у тебя… у вас время, да? — глаза Лорианты стали наливаться.

— Куда мне спешить? И не выкай мне, глупо это, — Дашку куснула совесть.

— Я не мешаю? — девушка присела на край кровати.

— Нет. А я уже всё разобрала, теперь свободна, — Дашка оглядела комнату: порядок, все вещи разложены, только сумка валяется; её она пихнула под стол.

— Мантию уже надевала? Идёт тебе? Мне вот не подходит ужасно, она же тёмная, я выгляжу в ней совсем бледной, — однокурсница виновато улыбнулась, наверное, извиняясь за то, что заговорила о себе.

— Проверим, — Дашка потянулась за формой, облачилась, осмотрела себя перед зеркалом. — Вроде бы неплохо.

Дверь с грохотом распахнулась, в проёме возникла девушка, тоже в мантии факультета чёрных магов. Особа была колоритная: трёхцветные локоны, чёрно-сине-фиолетовые, выкрашенные продольными полосами, смазливое личико с горящими, как у бесстрашной воительницы, синими глазами, сжатые губы, идеальная осанка.

— Я Тецарра Рахона, староста вашего факультета, — отчеканила она. — В пять часов первокурсники собираются в сто первой аудитории. Чтобы без двадцати пять были на площадке перед замком, оттуда пойдём всей группой. Я буду с вами.

Произнеся это, студентка сообразила, что одна из первокурсниц перед ней старше её на пару лет. В Академию поступали с шестнадцати, в Дашкином возрасте готовились учебное заведение закончить.

— Это касается всех, — уточнила староста так же жёстко.

— Поняли мы. Будем вовремя, — усмехнулась Дашка.

— Веселишься? — самолюбие Тецарры было уязвлено. — В Академии не имеют значение ни возраст, ни положение в обществе. Только сила и стремление её развить.

— У меня это в достатке, — Дашка кашлянула, скрыв смешок: высокомерие собеседницы выглядело забавным.

— Я, Тецарра Рахона, не потерплю, чтобы на этом факультете, одном из первых, учились такие самоуверенные личности, считающие ниже их достоинства проявлять старание, — староста злилась всерьёз, но не позволяла эмоциям испортить образ, от неё по-прежнему веяло холодом.

— Мы запомнили твоё имя, — сказала Дашка.

— Изволь соответствовать факультету. Я, дочь главного королевского алхимика, не для того оказалась здесь, чтобы созерцать вокруг себя тех, кто не имеет представления об элементарной вежливости. Ты, Дарья Винсент, в нашем мире пока принадлежишь низшему сословию, у тебя и друзей твоих есть шансы выбиться в люди. Не пренебрегай им, мой тебе совет, — и она оставила их.

— Ты ведь не станешь принимать её слова всерьёз? — пробормотала Лорианта, глядя на прыснувшую Дашку.

— О чём ты? — колдунья приподнялась с кровати, куда её свалил приступ хохота. — Она вполне может быть дочкой главного королевского алхимика. Сын короля же тут образование получает.

— Я про сословия. Хочешь попасть в высшее?

— Пока этим не грезила, — Дашка придвинулась к девушке. — Ты, кажется, такой судьбы мне не желаешь, так?

— В высшее сословие пускают тех, у кого связи есть. Я совсем бедная, а мечтаю быть твоей подругой, — она покраснела.

— Я не запрещаю, — проронила Дашка.

Бурного восторга не последовало. Лорианта продолжила, потупившись:

— Думала, одна тут останусь. Боялась сюда ехать. Меня без моей воли отправили. Родители умерли так давно, что я их не помню, и воспитывал меня приятель отца, нелюдимый старик. С его помощью я познавала чёрную магию и алхимию. Сделала себе маленького гомункула, вот такого роста, — девушка отмерила в воздухе сантиметров тридцать, — был мой единственный друг. Но в прошлом году и старик перебрался в царство мёртвых. Знакомые его решили устроить меня в Академию. Шестнадцати мне нет, но они постарались. На свою беду, в магии я не по годам хорошо разбираюсь.

— Сколько же тебе?

— Лет пятнадцать-четырнадцать. Я не знаю дату своего рождения.

— Гомункула ты в Академию взяла? — оживилась Дашка. — Интересно, какой он. У меня в приятелях только один был, но он совсем как настоящий человек.

— Он в комнате, спит, — девушка просияла. — Будить не надо, но просто взглянуть — пожалуйста!

Однокурсницы перебрались в комнату напротив, обставленную так же, только ковёр, покрывало на кровати и портьеры были оттенков не красного, как в Дашкиной спальне, а зелёного.

Гомункул с внешностью двадцатилетнего красавца, шатена, очень длинные волосы собраны в хвост, развалился на постели.

— Шум его утомляет, поэтому он гуляет по ночам, отсыпается ночью, — Лорианта понизила голос до шёпота. — Зовут его Людвиг.

— Хорош, — отметила Дашка, вспоминая о том, что у неё и Саши с Алиной имеется дело, и гомункул может помочь в нём. Но он разумное существо и может не согласиться, а ещё есть вероятность, что Лорианта не захочет жертвовать другом — задание для Людвига не обещает быть безопасным. Жестоко обманывать её в случае, если он решится, а она — нет.

— Какой он, Людвиг? — Дашка не сводила с него глаз.

— Милый, — девочка (да, совсем ещё) не уловила волнения, разумеется. — Умный. Понимающий. Думаю, тебе он понравится.

— Раз он спит, не будем здесь шуметь. Я пойду посмотрю, как устроились названые брат с сестрой. Ты со мной?

Лорианта затрясла кудряшками. Дашка вышла в коридор, направилась к лестнице. Позади гремели повороты ключа в замке — девочка запирала комнату. Когда старшая колдунья уже поднималась по ступеням, раздался жуткий топот — и звук падения.

От неожиданности Дашка чуть сама не оступилась и не слетела на пролёт, пальцы успели сжать перила. Она развернулась. Внизу стоял парень, поддерживающий запыхавшуюся Лорианту.

Молодой женщине сделалось стыдно. Что ей стоило подождать девочку? Ребёнок чуть не убился на лестнице.

Однако он, кинув спасителю: «Спасибо!» — поравнялся с Дашкой с вполне довольным видом, присутствовало только смущение из-за собственной неловкости. После чего был взят под руку неслабой хваткой.

Алина занимала комнату этажом ниже, чем Саша, сначала зашли к ней.

— Это Лорианта, — представила девочку Дашка.

— Элли, — кивнула ей волшебница.

— С нашего факультета. Живём в соседних комнатах.

— У меня в соседях некроманты, — скривилась Алина, — Почти весь этаж занимают. И ваших однокурсников человека четыре. Демонолога два. Кошмар. В эту комнату из-за соседей никто селиться не хотел.

Только она пожаловалась, дверь приоткрылась, донёсся голос:

— В пять часов всем первокурсникам надо явиться в сто первую аудиторию.

— Это всё уведомление? — Дашка подошла к двери, закрыла. — Меня посетила староста собственной персоной. Воплощение гордыни, общаться с ней, кажется, невозможно, но придётся.

— Хорошо, что вспомнила про старост. Про эту ненормальную Софию, которая ненавидит нас, говорил староста её факультета с кем-то из старшекурсников. Она возглавляла поисковую группу, призванную обнаружить и доставить сюда принцессу. Даниэла должна была учиться здесь чёрной магии, так Мартин распорядился. Но поиски — не стремление исполнить волю покойного короля, а забота о народе Альданы. Даниэла значит для него избавление от Чезигеров.

— Принцесса Даниэла? — ахнула Лорианта.

— Да. Нам предстоит выяснить всё, что с ней связано, — вздохнула Дашка.

Алина покосилась на Лорианту, потом на подругу, сомневаясь, что про дочь Мартина ребёнку можно знать. Девочке под её взглядом стало неудобно.

— Скорее всего, нам потребуется помощь Людвига, — быстро вставила колдунья.

— Кто это такой? — Алина, разумеется, пожелала подробностей.

— Мой гомункул, — рассказывать о нём Лорианта, наверное, могла бесконечно и кому угодно. — Он вот такой, — девочка показала рост. — Проникнет, куда скажете.

— Превосходно, — одобрила Алина. — А он у тебя разговорчивый?

— Людвиг не подведёт вас, — Лорианта не могла поверить в то, что становится кому-то нужной. — И я молчать буду.

— Откуда же ты взялась-то, понятливая такая? — хмыкнула волшебница.

— Из Квинны, — ответила за ребёнка Дашка. — Мы ещё тогда заметили, что люди там мудрые и рассудительные.

— Ты обрадуй Алекса. Вместе нам всё время держаться не стоит, а то у некоторых преподавателей о нашей компании мнение весьма нелестное, если навяжут его студентам, нас они будут в чём-нибудь подозревать: вдруг мы вместе какой-то план обсуждаем, — Алина сделала картинно-обеспокоенное лицо. — Пока ты ходишь, я бы познакомилась с Людвигом.

— Конечно! — воскликнула девочка, сразу вскочив со стула, опрокинув его и вновь покраснев.

Пока Алина искала ключ от комнаты, Дашка исчезла.

Студентов в коридорах и на лестницах, которые в здании общежития были раза в два шире коридоров, внушительные,

мраморные, становилось всё больше. Приближался шестой час, первокурсники суетились, искали приятелей и старост, что-то выспрашивали. Мелькали и преподаватели. Дашка, сворачивая на этаж к Саше, увидела Софию, объясняющую что-то эльфийке в серой мантии — студентке-целительнице. Спокойно пройти мимо не удалось, колдунью демонолог остановила:

— Куда направляешься?

— К другу… скорее даже, к брату. К Алексу Винсенту. Про сбор в пять часов знаю, — отчиталась Дашка покорно.

— Зачем тебе Алекс? Вы на разных факультетах. Ничего полезного для себя ты у него не выведаешь. Призыв относится к светлому волшебству, — заявила София.

— В свободное время я имею право общаться не только с чёрными магами? — Дашка старалась не сосредотачиваться на ней, подумать о ком-нибудь другом, чтобы не занервничать и потом не разозлиться. — Семестр ещё не начался.

— Это свободное время ты отняла у другой девушки, так что изволь распоряжаться им разумно, — отрезала София. — Если так жаждешь общения с теми, кто непричастен к таинствам тёмных сил, — Теона Винсент твоя названая сестра, не так ли? Её общество вряд ли тебе навредит. И не только тебе, — она устремилась дальше, потащив за собой эльфийку.

Но с избавлением от неё Дашка покоя не обрела. Ей стоило пройти три метра, как из комнаты перед носом вынырнула Тецарра.

— Успела повздорить с госпожой Риккен?

— Извини, но она была неправа! Могу я проводить время с представителями других факультетов? И упрекнула она меня в чём-то, что мне непонятно.

— Я позволю себе не согласиться с Софией в том, что специально метила на место Даниэлы Сагрены. Но свободного времени у тебя быть не должно. Раз оказалась здесь, занимайся тем, чем должна — развивайся, учись, — Тецарра собралась скрыться в комнате, Дашка успела выкрикнуть:

— Что за место хоть? Я слышала лишь о его существовании! Что оно даёт? Вероятно, мне это и не нужно вовсе.

— Уступить его ты не сможешь, придётся на нём осваиваться, — совет был вроде бы от сердца, но внешне девушка послабления себе не давала, сохраняя холодность.

— Мне кто-нибудь когда-нибудь объяснит?

Дверь захлопнулась. К счастью, Сашина комната была следующей.

— София опять на тебя ополчилась? — парень, воюющий с охапкой свитков, отказывающихся помещаться в ящик стола,

вырвал, наконец, победу и рухнул на пол, проигнорировав стул.

— Сделала мне выговор из-за того, что я к тебе пошла. Мне следует водиться только со своим факультетом, так она считает, — Дашка оглядела комнату друга в жёлтых тонах, цветовая гама её рассмешила, но только на мгновение. — А ещё я продолжаю открывать для себя и для нас что-то новое. И оно настораживает.

— Что же? — Саша не вставал, глядел на Дашку, устроившуюся на кровати, снизу вверх.

— На загадочное место Даниэлы нечаянно угодила я.

— Осталась малость — понять, что оно собой представляет, — изрёк Саша отстранённо.

— Вряд ли оно полагалось ей по статусу, раз мне отошло так легко. София тогда в кабинете вопила, что место заняли снова. Я ещё и не одна такая.

— Шанс очутиться на нём появляется в определённое время, выходит, — подхватил парень. — Для единственного человека. Студента Академии. Или и преподавателя тоже? Вдруг София злилась потому, что рассчитывала на него?

— Мне должны сказать. Надеюсь, это предполагается на последнем курсе и даже не на втором. Саша, — Дашка обратилась к тому, с чем сюда шла, — у нас уже есть два помощника. Девушка из моей группы и её гомункул. Ему ещё не сообщили о нашем деле, но заверили меня с Алиной, что он не будет возражать против участия в нём.

— Гомункул тоже первокурсник?

— Нет. Он не больше куклы. Идеальный шпион.

— А девушка что?

— Будет хранить наши тайны.

— Это помощь? Зачем её вообще в них посвящать? Сведения о судьбе Даниэлы, быть может, в Академии доступны многим, даже первокурсникам. Но пока нам точно не известно, не надо рисковать, — Саша нахмурился. — Гомункулу не обязательно передавать хозяйке всё, что он выведывает для нас.

— Это подло по отношению к девочке, — Дашка твёрдо решила опекать Лорианту в Академии. — Между прочим, и гомункул вряд ли её предаст. Так, — взгляд колдуньи замер на часах, мирно тикающих на столе. Мне пора. Без двадцати пять мы обязаны появиться возле замка. Староста велела, — объяснила она спешку — остальным факультетам не возбранялось прийти в последнюю минуту.

Колдунья заскочила за Лориантой, Алине, обнаруженной в комнате девочки, причину расторопности не уже не говоря. Обе они вышли из здания медленно, находясь под впечатлением

полёта девочки с лестницы, но по аллее до замка чуть ли не бежали.

Примкнув к группе, Дашка завертела головой, изучая тех, с кем предстоит постигать чёрную магию. Юношей и девушек поровну, она самая старшая, но есть парень, которому вроде лет девятнадцать. Внешности, более неординарной, чем у Тецарры, нет ни у кого. Сама староста мило беседует с двумя юношами, скорее всего, они тоже из знатных родов.

Тецарра прервала разговор:

— Пора идти. Очень надеюсь, что здесь вся группа.

Сто первая аудитория поразила размерами — была гораздо больше, чем та, в которой проходили собеседование Винсенты, вся увешана таблицами на магическом языке. Изучать его приходилось всем, так что тут и занимались целыми потоками. Пока что в ней сидело человек тридцать.

Две девушки вознамерились устроиться на местах в ряду подальше. Как только студентки прошли вглубь ряда, их окрикнула Тецарра:

— Мы пришли первыми, чтобы занять первые ряды, Вайнона Шельрис и Лафина Азари!

Перспектива провести некоторое время в зоне чёткой видимости того, кто будет выступать перед первокурсниками, мало кого грела, но лишний конфликт с Тецаррой хороших последствий не обещал.

Дашка с Лориантой оказались не слишком везучими, им достались места прямо перед кафедрой, староста опустилась на скамью справа от Дашки. Колдунья оглянулась. За ними рассаживались некроманты, следующие ряды пока пустовали, дальше белели мантии стихийных воздушных магов и зеленела форма алхимиков. На другой половине первые ряды облюбовали демонологи, чуть дальше располагаются огненные маги. Вошли призыватели, чародеи стихии Земли и белые колдуны, сели за ними. Появились целители (точнее, в основном целительницы). Увидев свободное пространство за некромантами, девушки хором вздохнули с явным раздражением. Несколько юношей всё же спустились, а волшебницы предпочли самые дальние ряды. Похоже, факультеты, чьи студенты приручали жизнь и смерть, друг друга не выносили. Последними ввалились маги водной стихии, рассредоточившиеся по аудитории. За некромантами всё-таки остались незанятые места.

Ровно в пять пришли Ада Лиоре, Мейдина Рильен, Велистер Рэймон, бесполый декан чёрных магов, Десмилия, и София.

— Добрый вечер, первокурсники, — поприветствовал всех профессор Рэймон. — Мы рады, что вы выбрали достойный путь,

решив посвятить великому искусству магии если не всю жизнь, то хотя бы эти несколько лет. Но магия редко отпускает нас. Она станет вашей верной спутницей до конца жизни, который, если пожелаете, отсрочит на неопределённый срок.

— Одиннадцать факультетов, тёмные и светлые силы и алхимия, — продолжил Десмилия (Дашка решила считать его мужчиной). — Этим силам придётся сталкиваться не раз, но неоднократно они будут помогать друг другу. Чёрная магия может изменить сознание демону, сделав его послушным, воздух помогает огню гореть, белые чары увеличивают колдовскую энергию некромантам…

По аудитории пронёсся возмущённый гул.

— Мы? Помогать ИМ? Да ни за что! — какая-то студентка, белый маг, вскочила с места.

— То, что вы творите — аморально! То, что можно вернуть человеку, вы присваиваете и подчиняете себе, превращаете людей в свои игрушки, в то время как их можно возвратить к жизни! — надрывалась девушка-целительница.

— Дурочки изнеженные! — некромант, сосед Дашки по этажу, в долгу не остался. — Мы спасаем неупокоенные души, приручая их! Вы ведь знаете, что бывает с теми, кто не попал в Аркену, царство мёртвых!

— Это мерзость! Оживить мертвеца легче, чем вернуть умершему полноценную жизнь, но это вас не оправдывает! — вспыхнула другая целительница.

— Лучше подождать, пока душа, оставшаяся на земле, взбесится и станет монстром, да, — съязвил ещё один некромант.

— Изверги! Полоумные изверги!

— Истерички!! Зануды!! Куклы прилизанные!!

— Тихо! — призвала к порядку Ада. — Целители пишут эссе о роли некрополисов в экономической жизни каких-либо земель королевства, берите на ваше усмотрение, некроманты — о том, как деяния целителей влияют на ход истории. Последний срок сдачи — через неделю, десятого числа, — (протяжный стон обеих воинствующих сторон). — Ах, и вы, девушка, — она посмотрела на студентку факультета белой магии, начавшую перебранку. — Для вас то же задание, что и для целителей.

Деканы подождали, пока все не замолкнут. Дашка наблюдала за ними: Рэймон, пропустивший разборки мимо ушей, уткнулся в свиток, читая его с таким выражением, будто там отрывок интересного романа, стоящая перед преподавательским столом София следила за аудиторией, сложив на груди руки, Ада созерцала аудиторию с выражением мстительного удовлетворения, Десмилия нервничал, Мейдина же светилась от

радости.

— В Академии имеются три алхимических лаборатории и три некромантских, — снова зазвучало бесполое контральто, реакция целительниц на последнее слово была теперь поумереннее, возмутились девушки вполголоса, — четыре тренировочных площадки для демонологов и призывателей, огромнейшая библиотека. Целители могут практиковаться в больничном крыле, получив разрешение преподавателя. Имеется так же морг, доступ в который лишь с позволения, но на старших курсах некроманты должны иметь его почти все.

Одна из целительниц вдруг выскочила из аудитории, зажав рот рукой. В рядах некромантов захохотали.

— Очень смешно! — рассердилась одногруппница выбежавшей девушки.

— Нас задушило раскаяние! — некромант картинно заломил руки.

— Угомонитесь! — прикрикнул на него Десмилия. — Объясняю для всех: весь материал для работы некромантов — те, у кого при жизни не было ни дома, ни семьи. Трупы, которые обнаруживают на грязных улицах, околевшие от голода или холода, или от всего вместе. Их смерть, увы, никого не волнует, и хоронить, а тем более совершать над ними Обряд Упокоения никто не собирается. Вот им мы и предлагаем последний приют. Или тем, кто был убит, но опознать их не удалось. Как это ни прискорбно, такое бывает.

— Над всеми, кто попадает в городской морг, Обряд проводят, — произнесла целительница, которую, кажется, уже выбрали старостой в группе. — Вы отнимаете у них Аркену.

— Но мы не делаем из мертвецов рабов. Если вы спуститесь в подземелье, убедитесь, что зомби существуют там без притеснений. Работу кое-какую выполняют, но о них заботятся. Призраки вообще самостоятельные. Те же духи, но без права входа в царство мёртвых.

— Но зомби и скелеты создаются для тяжёлой работы и войн! Создаются, чтобы их использовали!

— Леди, у вас нет компетенции, чтобы судить об этичности некромантии, — Десмилия уже утомился, поглядывая на Аду — молодая женщина не собиралась оказывать поддержку пока. — В умелых руках к зомби возвращаются некоторые эмоции, он привязывается к хозяевам…

— К хозяевам! Зомби — что-то вроде домашнего животного. Жить после смерти или в Аркене, оставаясь личностью, или в Альдане, в такой роли. Вы выбираете не за себя второй вариант, а право есть?

— Живые мертвецы — существа несамостоятельные, нуждаются в хозяине…

— Мы очень сильно отвлеклись, — госпожа Лиоре его перебила. — Профессор Рейми, говорите уже то, что планировали.

— По некоторым предметам у вас будет и теория, и практика, — Десмилия преспокойно сделал резкий переход на абсолютно другую тему, без паузы, часть студентов сообразила только через минуту, что декан вещает уже не о некромантии, а о расписании занятий. — Свитки с расписанием вы, конечно же, не взяли? — создание убедилось в правильности догадки — требуемая вещь нашлась у десятка первокурсников — и понеслось дальше: — Некоторые дисциплины отмечены особым знаком, звездой, все увидели? Вот они и сочетают практику с теорией. По чётным неделям — одно, по нечётным — другое. Если в один день таких занятий несколько, то пары практики и теории чередуются. Это во избежание переутомления. Первая всегда теория, такова традиция. Ясно всем?

Подуставшие студенты протянули кто «Да», кто — «Ясно».

— Про противоположные колдовские силы все знают? — теперь оратором была София. — Исцеление и некромантия, белая и чёрная магия, демонология и призывание, стихийное чародейство — Огонь и Вода, Земля и Воздух. Алхимия — отдельная наука. В Академии никогда не идут практические занятия в одно время у магов с противоположной силой, иначе выброшенная энергия, распространяясь по замку и смешиваясь, будет действовать на всех нас не лучшим образом. Итак, завтра начинают с практики чёрные, воздушные и огненные маги, целители и демонологи. Благодарю за внимание.

— Также мы хотим донести до вашего сведения, что необходимо избегать конфликтов с призраками замка, — Ада вышла к Софии; демонолог так и стояла, только теперь облокачивалась на стол, а красавица-некромант расхаживала взад-вперёд. — И убедительная просьба сбежавших демонов, призванных существ и нежить приводить туда, где им положено находиться. Факультет призывательского искусства — левое крыло, четвёртый и пятый этаж, демонологии — правое крыло, второй и третий этаж, некроманты держат творения в подземелье. Без возражений! — она заметила недовольство среди студентов, с зомби не желали иметь дело не только целительницы, да и общение с демонами мало кого радовало. — На этом всё. Все свободны.

Разноцветная толпа полилась в проходы между рядами.

— Дарья Винсент! — как только Дашка шагнула на ступень

прохода тоже, колдунью позвал её декан. — Подойдите.

Она приблизилась к Десмилии, Лорианта — за ней.

— Девушка, ваше присутствие необязательно, — существо обратилось к сиротке, подразумевая, что ей надо удалиться с остальными.

Лорианта понимать не стала.

— Ждать долго придётся, — настаивал декан.

— Идите в холл и дожидайтесь там, — Десмилии или жаль её было, или совесть не разрешала прямо прогнать ребёнка с несчастными глазами.

— Догони Элли, — посоветовала Дашка.

Девочка совет приняла и кинулась в массу первокурсников, пробираясь к серому пятну.

— Вам, Дарья, предстоит Обряд Соглашения. Сейчас все выйдут, и вы проследуете за мной.

Глава 4 Под опекой Миротворцев

Плечо сжимали пальцы Десмилии. Уже делалось страшно, а когда аудиторию покинул последний студент — подкрался ужас. Хоть Дашка и предполагала, что предстоящий ей Обряд связан с местом, случайно отнятым у Даниэлы, но слишком пугала невозможность отказаться, как предупреждала Тецарра. Из её слов следует, будто положение это скорее не даёт привилегии, а опутывает обязанностями.

Декан убрал руку и направился к выходу. Дашка стояла, беспомощно глядя ему вслед.

— Что застыли? — строго спросила Ада, первокурсница и не заметила, что женщина осталась в помещении.

Дашка молча устремилась наверх, к выходу, где в дверях ждал Десмилия. За спиной отдавался звонкий стук каблуков Ады.

Выпытывать у декана что-либо колдунья не решалась, но когда лестница стала спускаться в подземелье — территорию некромантов, Дашка замерла прямо на ступенях, не дойдя до пролёта.

— Что вы так переживаете? — Ада опять её настигла. — Мы не к некромантам на опыты вас ведём. И вообще не в их лабораторию.

— А куда? — Дашка уже не в состоянии была говорить без дрожи и удерживаться от глупых вопросов.

— В Обитель, — дала ничего не говорящий студентке ответ Ада.

— Зачем? Извините, — первокурсница всё-таки совладала с собой, побрела дальше.

Подземелье состояло из двух этажей, один миновали. В коридоре нижнего дверей было всего шесть. Лиоре обогнала Дашку, поравнявшуюся с Десмилией, распахнула первую дверь:

— Марриста, Ариона и Реция здесь? Время настало.

В помещении, полном людей, все загудели, выясняя, есть тут названные или нет. Дашка пыталась заглянуть туда, комната была необычной — именно жилая комната, не кабинет, не аудитория, этим и вызывала интерес. В общежитии не хватило места? Но подземелье не самый удачный выбор. Десмилия её не подпускал, притягивая к себе, когда Дашка делала хоть полшага к двери.

Суматоха в помещении затянулась, Ада отошла от дверного проёма.

— Позволь девушке посмотреть, — усмехнулась она.

Коварный оскал красавицы убил желание узнать о

назначении комнаты, Дашка просто отодвинулась от своего декана.

— Что за смятение? — Лиоре явно приказывала осуществить только что пропавшее намерение, но ещё не злилась, наоборот, ей это доставляло удовольствие.

Вздохнув, Дашка ступила в комнату.

Крик вырвался из колдуньи сразу. Комната принадлежала нежити. Большая гостиная с диванами, креслами, картинами на стенах, книжными шкафами. Три письменных стола было, за одним девушка-зомби листала книгу, делая пометки прямо на страницах, камин с магическим пламенем, от которого веяло холодом. Живые мертвецы выглядели ухоженно, все в чистой одежде, далеко не самой простой, причёсаны, загримированы. Разговаривать могли далеко не все, но активно изъяснялись друг с другом нечленораздельно. Много тут находилось и скелетов, понятное дело, безмолвствующих, но не бездействующих. Обитель и призраки разделяли.

Неживая девушка, портящая фолиант, отложила его и проковыляла к визитёрше, встала перед ней и завыла, голова её дёргалась. Убедившись, что Дашка не понимает, создание закатало рукав, на запястье показалась бирка, которую девушка ткнула под нос студентке.

Отшатнувшись, колдунья прочитала: «Наристес. Хозяин — Эзария Альмонд Чезигер, 6 курс».

О принце ничего хорошего известно не было: любитель измываться над юными прелестницами, вообще крайне жестокий человек, но слепо любим и до безобразия избалован отцом, так что имеет абсолютную безнаказанность.

Повыв ещё полминуты, девушка вернулась к столу, выдрала из книги страницу, где почти не было текста, написала, преподнесла Дашке. «Найди хозяина, скажи ему, что перевод готов» — вот что она начёркала очень корявыми буквами.

— Я не собираюсь встречаться с ним добровольно! — выпалила первокурсница.

Крик привлёк внимание Ады:

— Вы о ком, Дарья? Здравствуй, Наристес, — бросила она «произведению» Эзарии. — Так, опять делала за Чезигера работу? — спохватилась женщина, переведя взгляд на записку у Дашки. — Пойми же ты, глупенькая, хозяин от тебя идеального перевода требует, ему безразлично, что ты зомби и не можешь соображать так же хорошо, как человек. У тебя перевод хуже, чем у первокурсника, и вряд ли когда-нибудь улучшится настолько, как это надо Эзарии, даже если стараться будешь. А он опять получит неудовлетворительную оценку и примется тебя со злости

истязать.

Наристес замычала что-то, Ада вздохнула: «Тут Миротворцев нет», — и вышла, Дашка тоже поторопилась удалиться.

— Тут живут, если про них можно так сказать, работы некромантов, — объяснил Десмилия своей студентке, Лиоре пока интересовалась, где некие Миротворцы, в остальных комнатах. — После окончания Академии выпускники забирают их с собой, если не хотят, то нежить отдают в некрополисы. Некоторых оставляем тут, уж больно милые иногда попадаются.

У Дашки на последнюю фразу ответа не нашлось, только покашливание.

— Десмилия, Дарья, они тут, — позвала Ада.

Из комнаты, в которой обнаружились те, без кого не мог состояться Обряд, зомби, скелеты и призраки повалили в коридор. Дашке пришлось прижаться к стене, чтобы хотя бы не со всех сторон толкали, Десмилии было всё равно, очевидно, привык. Устремлялись все на верхний этаж, навевало на мысль, что нежить разбредётся по всей Академии.

— Какие вы медлительные, — скривилась женщина, когда коридор опустел и Десмилия с Дашкой подошли к ней. — Зачем ждать было, пока освободят проход? Миротворцы не приветствуют опоздания, даже если кто-то задерживается на минуту.

Эта комната отличалась от той, где побывала Дашка, но не слишком. Мебель расставлена по-иному, камин на другом месте — но в целом очень похоже. На диване напротив двери сидели три призрака: мужчина, которому на момент смерти шёл примерно четвёртый десяток лет, с правильным лицом и густыми смоляными волосами, не очень длинными, их нельзя было стянуть в хвост, чернота шевелюры не поблекла даже с учётом того, что привидения бледны; человек, проживший чуть больше его, ростом ниже, но в плечах шире, в нём красок почти не осталось, и женщина, самая старшая, тоже обесцвеченная призрачным состоянием.

— Позвольте представить вам, Миротворцы, Дарью Винсент, девушку, меченную магией чисел и слова, — произнесла Ада.

— Дарья знает, почему её сюда привели? — проронил брюнет.

— На Обряд Соглашения, — пробормотала Дашка.

— Почему именно вы? — спросила женщина.

— Мне не сказали, — колдунья ощутила слабость от страха, привидения спокойствия не внушали, слишком выглядели суровыми и не убирали гримасы презрения, свойственные аристократам, вынужденным контактировать с бедняками.

— Когда власть над Альданой переходит плохому королю, изводящему народ, в первый год правления мы, три Миротворца: Марриста, — (взгляд на брюнета), — Реция, — (взгляд на второго призрака), — и я, Ариона, — берём под опеку первокурсника Магической Академии, который был зачислен на свой факультет последним и первый слог имени которого — да. На магическом языке слово dae значит победа. В группах Академии по тридцать пять человек, это священное число для магов. Вы тридцать пятая. Священная победа. Когда-то Академию осаждало войско риксов, им нужен был один артефакт, тогда хранившийся здесь. Осада долго длилась, погибали юноши и девушки, совсем молодые, — торжественно и упоённо вела повествование женщина. — Риксы — отличные шаманы, насылали на нас эпидемии, вызывали буйные помешательства, заставляли своих духов терзать нас изнутри. Когда ворвались, наконец, на территорию Академии, убивали всех. Мы, ставшие потом Миротворцами, тогда тоже не избежали смерти. Обряды Упокоения над убитыми риксы не проводили, и мы остались в мире смертных навечно. Некроманты не дали нашим душам пропасть, превратив их в призраки. Мы решили помогать тем, кого избрала магия чисел и слова, во всех их начинаниях, связанных с установлением мира в Альдане. Мы не толкаем на подвиги, не заставляем действовать — на благое дело можно только решиться самому, не поступая по велению чужого сердца. Если избранный, или, как таких людей называют, меченый, определится — мы не оставим его, не дадим оступиться и одного раза.

— Спасибо… — Дашка замялась, не зная, что говорить.

— Ещё не за что, — возразила Ариона. — Обряд Соглашения будет в том случае, если мы посчитаем нужным вас опекать. Если вы достойны, если способны когда-нибудь подарить Альдане что-то, чего она ждёт. Поэтому Обряд так и называется — он означает, что мы принимаем вас в круг Миротворцев. Если потенциала нет — нечего тратить на вас время, следить за вами…

— Следить? — воскликнула Дашка, слово покоробило её.

— Наблюдать и контролировать, — Ариона изобразила, что наглости не было.

— Господа, по-моему, сомневаться в девушке нет смысла, — Реция подлетел к первокурснице. В семнадцать лет она разбила чары Ардеса Фарлена, хоть это могло погубить её. Она не случайно в Альдане, и осознаёт это.

— А Эвилане Армад удалось сбить её с толку, — напомнил Марриста. — Из-за чего потом несколько человек простились с жизнью.

— Армад — одна из сильнейших ведьм королевства, —

парировал Реция. — Я не знаю никого, кому удалось преодолеть её чары.

— Если Дарья станет нашей, то от влияния и Эвиланы, и всех тёмных колдунов, мы её убережём. Я призываю вас не отказывать девушке, — постановила Ариона.

— Я тебя поддержу, — произнёс Реция.

— Будь что будет, — проворчал младший призрак. — Начинаем Обряд. Свидетели, прошу вас.

Ада и Десмилия подошли к Дашке. Женщина, став за её спиной, закрыла колдунье глаза двумя руками, второй декан положил первокурснице ладони на сердце, присев перед ней. Всё тело окутало что-то холодное. По телу расползалась приятная прохлада, наверное, призраки входили в неё. Потом оно стало неметь, веки потяжелели — Дашка оказалась без сознания.

Очнулась колдунья, лёжа на софе всё в той же комнате. Нежить не вернулась, Миротворцы беседовали у камина, не пререкаясь. Не радовали отсутствие деканов и ухудшившееся самочувствие.

— Час ночи, — доложил Реция, заметив, что Дашка села. — Я тебя провожу, в общежитие уже не пускают, по моему требованию для тебя сделают исключение. Ты ведь в состоянии идти?

— Уже на «ты»? — она поднялась, её качнуло.

Добраться до двери удалось, за косяк пришлось схватиться.

— После Обряда не вижу причин называть тебя как-то ещё. Ты точно без помощи дойдёшь?

— Если отвечу нет, тогда что?

— Переночуешь здесь. Или я могу найти и попросить кого-нибудь из зомби, чтобы довёл тебя. Все комнаты на этом этаже запирают на ночь, но наша открыта, обитающая в ней нежить разгуливает сейчас по Академии, — обнадёжил призрак.

— Не хочу здесь, — по-детски закапризничала Дашка, уставшая так, что соблюдать приличия сил не было, теплилось лишь упрямое желание попасть в собственную постель.

— Никто и не заставляет, — засмеялся Реция.

Движение по коридору заняло много времени: держаться было не за что, — преодолеть лестницу оказалось легче. На улице сложности вернулись — не было возможности хотя бы прислониться к стене. Миротворец явно жалел, что не убедил Дашку остаться в подземелье. Путь лежал через аллею, колдунья падала на каждую скамейку, цеплялась за каждый фонарь. У входа в здание общежития Дашка села на крыльцо, Реция проник сквозь дверь, вскоре открывшуюся, появился человек из охраны вместе с заботливым привидением. Он помог подняться, Реция спросил номер её комнаты.

Дашка выдавила ответ. Через пять минут она уже была в кровати, не озадачившись тем, чтобы её расстелить, впрочем, раздеваться колдунья не стала тоже, не избавилась бы даже от обуви, если бы студентку не разул охранник по велению Реции.

— Соня! Утро доброе! До начала первого занятия всего час! — донеслось из-за двери. — О, Ветры, что с тобой? — заскочившая в комнату Алина рухнула на колени у изголовья.

— Что, вставать? — жалобно простонала Дашка.

— Саша говорил, тебя тут и в полдвенадцатого не было. Где пропадала? Не зачисление ли праздновала? Тогда от вашей старосты тебе попадёт. Я только что видела, как она устраивала разнос двум первокурсникам, вчера вечером хорошо погулявшим, — докладывала подруга. — Алхимики из лабораторий всякую дрянь проносят тайком, организмы не у всех выдерживают, но «поставщики» никого о последствиях не предупреждают! Ты что, тоже соблазнилась?

— Нет! — Дашка заставила себя отодрать спину от ложа. — Рассказывать долго. Но волноваться не стоит, честно. Даже пользу получила, прояснила кое-что насчёт Даниэлы. Теперь понятно, о каком месте шла речь. Я отныне пребываю на нём официально, кстати.

— Так, это уже что-то, — Алина перебралась на стул. — И что же тебе открылось?

— Не сейчас! Мне бы в порядок себя привести! — колдунья пересекла комнату, оказавшись у зеркала, чтобы оценить масштабы вечерне-ночного бедствия и расчесаться.

— Доброе утро! — пожелали Дашке снова, теперь это была Лорианта. — Ой, Дарья, ты что, заболела?

— Я совершенно здорова, — процедила старшая сокурсница, выдирая из волос гребень. — Провела полночи в компании призраков, всего-то.

— Что они с тобой делали? — обомлела девочка.

— Рассказали душещипательную историю и совершили надо мной один обряд, — Дашка отчаянно пыталась разгладить складки на блузе, образовавшиеся, пока студентка в ней спала.

Алина изменилась в лице: она-то подумала, что о призраках колдунья просто так ляпнула, чтобы Лорианта больше не лезла с расспросами.

Оставив идею придать блузе приличный вид, Дашка решила сменить её, ребёнок отвернулся, Алина, наблюдала за процессом.

— Отвратительно, — констатировала Дашка, оказавшись готовой к выходу и последний раз оценивая себя перед зеркалом.

— По-моему, ничего, — возразила Лорианта.

— После завтрака у тебя ещё будет время сделать из себя красавицу, — подбодрила Алина, выскальзывая в коридор и увлекая за собой девочку.

— Дарья и так красивая! — мотнула головой она.

В трапезном зале троица не успела сесть за стол — примчалась Тецарра.

— Ты прошла Обряд Соглашения? — произнесла она, уперев руки в талию.

— Да, — Дашка только дотронулась до ножа, чтобы отрезать себе пирога, дочь главного придворного алхимика вспыхнула:

— Я с тобой разговариваю!

Дашка подняла на неё глаза.

— В аудиторию, где у вас первое занятие, подходите все на десять минут раньше, мы должны выбрать старосту группы.

— Хорошо, придём без десяти девять.

— Откуда такое раздражение во взгляде? — уловила Тецарра её настроение.

— Я плохо себя чувствую после Обряда, а мне предстоит после завтрака со всех ног нестись обратно в общежитие за книгами, снова бежать в замок… А охота покоя, — Дашка посчитала, что проницательной Тецарре врать бессмысленно.

— Ты, — обратилась староста факультета к сиротке. — Зовут тебя как?

— Лорианта, — пискнула девочка, боявшаяся Тецарры.

— Сходишь в больничное крыло, попросишь восстанавливающий эликсир для Дарьи, — велела девушка и пошла к столу, где, судя по долетавшим оттуда фразам, сидели факультетские старосты.

— Я не знаю, где оно находится, — огорчилась Лорианта.

— Поинтересуешься у кого-нибудь! — Тецарра услышала и бросила ей.

— У кого? — слишком застенчивый ребёнок чуть не плакал.

— Я могу спросить, — успокоила девочку Алина.

— А у старосты нашей нет логики, — хмыкнув, Дашка придвинула к себе тарелку с пирогом. — Вроде бы Тецарра так проявила заботу обо мне, но Лорианте тоже необходимо явиться в аудиторию раньше, лишнего времени, чтобы добыть эликсир, у неё нет.

— Значит, она так тебе симпатизирует, — Алина улыбнулась.

— Подозревает, что раз я потенциальная освободительница чего-нибудь или кого-нибудь, то могу оказаться у власти, поэтому ко мне подмазывается, — вынесла вердикт Дашка и принялась за пирог.

— Как же мне быть? — вопрос Лорианты не был никому

адресован, она разговаривала сама с собой, тихо. — Не могу же я раздвоиться…

— Ну не утруждайся, — одногруппница постепенно приходила в лучшее расположение духа. — Перетерплю.

— Тецарра ругаться будет, если я её распоряжение не выполню.

— Может, мне полегчало! — предложила оправдание Дашка.

— Ты забыла, что за отражение сегодня видела? Бледная, с тёмными кругами под глазами, осунувшаяся, — Алина сразу подвергла его критике. — Вероятно, ощущаешь ты себя вполне сносно, но попробуй докажи старосте! — она обратилась к рыжей подруге названой сестры: — Лучше Дашка твои вещи захватит. Ты сумку собрала?

— Я хотела это сейчас сделать, — девочка прилагала немалые усилия, чтобы смотреть на Алину, так несчастной сиротке было неудобно.

— Дай мне ключ от комнаты, я всё соберу. Мне носиться сломя голову можно.

Лорианта кинулась ей на шею, от избытка чувств зажмурившись. Отпав от той, которую уже считала старшей сестрой, девочка вынула из внутреннего кармана мантии ключ, вручила чародейке.

Доели завтрак молча. Дашка с Алиной выбрались из-за стола, девочка, развернувшись, замерла в испуге:

— Уходите?

Светлая волшебница удивилась, тёмная — поняла.

— Молодой человек! — она остановила юношу с факультета магии Воды, не казавшегося первокурсником. — Вы покажете этой девушке, где больничное крыло?

— Ладно, — согласился парень. — Идём? — он поглядел на Лорианту, вогнав её в краску настолько, что веснушки пропали под румянцем.

Подруги Винсент уже спешили на улицу.

— Все знают, зачем я приказала вам собраться пораньше? — Тецарра властно взирала на группу.

— Выбрать старосту, — ответил один из юношей, получавших от дочери не последнего при короле человека чуть больше тепла ввиду своей принадлежности к знатному роду.

— Верно, Джайде. Кто-нибудь догадывается, какие обязанности у старосты?

Одна девушка подняла руку и, получив разрешающий говорить кивок, начала:

— Мне рассказывал старшекурсник, что…

— Меня не интересует, кто тебе что сообщил, — перебила Тецарра. — Ты без ненужных вступлений можешь обойтись?

— Староста назначает дежурных, следит за изменениями расписания и докладывает группе, собирает у всех выполненные работы и относит преподавателю, выбирает участников для различных соревнований, — перечислила студентка. — Ещё он должен быть в курсе всех предстоящий событий в Академии и сообщать остальным. И многое другое.

— Последняя фраза меня не устраивает, — Тецарра не могла не придраться. — Селин, если станешь старостой, то тебе будет необходимо знать обо всём, что ты должна выполнять, иначе какие-нибудь из своих обязанностей можешь проигнорировать. И ты трещала так быстро, что кто-то из одногруппников, наверное, в твоей речи половину слов не разобрал. Но не буду слишком жёсткой, первоначально преподаватели должны напоминать старостам обо всём, и я контролировать стану. Перейдём к главному. Вы уже перезнакомились?

Раздались отдельные бодрые восклицания и вялые «Угу».

— Кошмар, а не группа, — вздохнула Тецарра. — Я вас всех знаю, а вы друг друга — нет. Я имею право в подобных случаях назначать старосту сама, мне воспользоваться им?

— Давайте выберем самого старшего! — крикнули с задней парты.

— Её! — согласился один из юношей, приподнявшись с места и ткнув пальцем в Дашку.

— Лиозер, у тебя отвратительные манеры, — скривилась староста факультета. — Но предложение я принять могу, если объяснишь его.

— Я же говорю, она старшая, должна быть чуть-чуть умнее нас, — парень не терял энтузиазма.

— Ты даже не знаешь её имени. Между прочим, стыдно не знать о Винсентах. Итак, ты не имеешь о Дарье ни малейшего представления, не ведаешь, надёжный ли она человек, ответственный ли — но настаиваешь, чтобы старостой была именно эта девушка?

— Почему бы нет? — упёрся Лиозер.

— Она воспитанница Миротворцев. У неё могут появиться более важные дела.

— А ты мне не верила! — раздалось возмущённое шипение Лафины Азари, обращавшейся к Вайноне Шельрис.

От налипших взглядов всей группы Дашке стало не по себе. В тридцати четырёх парах глаз были и любопытство, и настороженность, и недоверие, и благоговейный трепет.

— Откуда им про Миротворцев известно? — Дашка

наморщила лоб. Или я теперь являюсь достоянием всей Академии?

— Они не понимают, о ком разговор. Лафина с Вайноной выведали у кого-нибудь, что таковые в Академии есть и что у них должен быть исполнитель их воли. На тебя уставились, потому что заинтересовались, — Тецарра подплыла к Дашке, нагнулась к ней, опершись на парту и смотря так, что выдерживать спокойно было трудно, охватывало непонятное волнение. Выпрямившись, девушка объявила на всю аудиторию: — Кто желает знать о Миротворцах и их подопечной, пусть спрашивает у них лично. Только не терзайте саму Дарью. Спуститесь в подземелье на нижний этаж, в Обитель, найдите Марристу, Ариону или Рецию — если призраки будут благодушны, они уделят вам чуть-чуть внимания и просветят. Мы отвлеклись, — она вернулась к преподавательскому столу. — Вы способны предложить кандидатуру старосты или мне осуществить это за вас?

— Вайнона! — оживилась Селин. — Она бойкая, всё везде успевает. Или Лафина.

— Эти пустышки занимаются коллекционированием сплетен. Кто-то полагает, что я слишком сурова? А докажите обратное! Донателла, что они наболтали группе о Миротворцах? — Тецарра потребовала подробностей у студентки, сидевшей ближе к ней.

— Девушки сказали, что это духи…

— Они не духи, а призраки. Разные вещи, абсолютно. Все осознают, что дух и привидение не одно и то же?

— Конечно, — буркнула Селин, кроме неё ещё несколько одногруппников согласились, но правоту Тецарры не оспаривал никто, просто никто не утрудился ответом.

— Арвелла? — Лиозер назвал имя юноши, второго студента группы, которому дочь королевского алхимика симпатизировала (если не считать Дарьи Винсент). — Он достаточно серьёзен.

— Такой вариант более разумный. Кто поддерживает? — эту идею Тецарра не отвергла.

Взметнулись руки Джайде, Вайноны с Лафиной, Донателлы и ещё пятерых девушек и одного парня.

— Другие варианты? — Тецарра и не собиралась угомониться.

— Джайде! — выпалил кто-то, проголосовали те же студенты, кто желал видеть старостой Арвеллу, также сам Арвелла.

— Иные мнения есть?

Не нашлось. Тецарра огласила решение:

— Джайде Амарис Фареймер. Удачи вам. До свидания.

Уходя, в дверях девушка столкнулась с преподавателем, пропустила его, поздоровавшись, и аккуратно закрыла за собой

дверь.

Группа встала. Преподаватель, высокий худощавый светловолосый мужчина с тусклыми голубыми глазами, снял мантию, повесил на стул, оглядел первокурсников и кивком велел садиться.

— Я Дионариус Лебирак, профессор тёмного чародейства, — красивым размашистым почерком он написал на доске своё имя, медленно произнесённое завораживающим баритоном. — Вести у вас мне предстоит практические занятия чёрной магии. Приступим же, — он устроился за столом. — Вы пробовали уже какие-нибудь заклинания этого типа колдовства? Кто-нибудь продемонстрирует мне?

— Я! — несостоявшийся староста, Арвелла, привстал с поднятой рукой, так жаждал похвастаться знанием.

— Чем же удивите группу, а может, и меня?

— Чары, вытягивающие некоторое количество магической силы. На ком показывать, на вас или ком-то из группы?

— К заклинаниям первого уровня у меня иммунитет. Или вы владеете данным заклинанием лучше?

— Вряд ли, — усмехнувшись, Арвелла замахнулся на молодого человека, сидевшего через ряд от него, юношей разделяли метров шесть.

Дашка, сцепив пальцы в замок, приготовилась удивиться — но изумилась не тому, к чему была готова. Ладони колдуньи развела не её сила, из каждой вырвалась лента пламени. В воздухе они слились в единую, свернувшуюся в шар, что попал в руку Арвелле.

— Довольно! — поняв, что парень сейчас огонь запустит в ту, у которой его изъял, преподаватель хотел остановить разошедшегося мага, но Дашка уже оказалась в рыжих скачущих по телу языках.

Пламя было для неё родной стихией, поэтому безвредной, чародейка просто стряхнула его с себя, оно потухло.

— Вы были уверены, что у леди иммунитет к огню? — нахмурился Дионариус.

— А как же! — Арвелла слукавил, а профессор не заподозрил его.

— Вы мысленно управляете траекторией своей брошенной магической энергии. В совершенстве ли — не могу судить, но к сведению приму, — в списке студентов группы он сделал пометку. — Я сегодня как раз собираюсь выяснить ваше мастерство. Нет ли среди вас тех, кто не пробовал себя в чёрной магии совсем?

— Профессор Лебирак, меня заставляли учить заклинания

насильно, и я ничего не помню. Интерес обнаружился недавно, а раньше пользоваться чёрной магией мне было нельзя, поэтому насчёт себя не уверена, — Дашка надеялась отчеканить это побыстрее во избежание позора, но язык не послушался, половину оправдания она промямлила.

Все, кроме Лорианты, загоготали так же глумливо, как вчера некроманты над целительницами на сборе.

— Учебник пролистывали? — Дионариус упрекать Дашку не собирался. — Попробуйте что-нибудь несложное, вдруг получится? Даже не вдруг — оно обязано получиться, вы же не начинающий маг, на войне в колдовском полку служили, так?

Хихикающие язвительнее всех и передразнивающие её Вайнона с Лафиной изобразили, будто это впечатлило их до трепета, и прыснули.

Дашке ничего не оставалось, кроме как открыть книгу, прочесть первое попавшееся заклинание (следовало начать с чар попроще, низшего уровня, но колдунья была слишком уязвлена, чтобы медлить на радость потешающейся группе).

— Вызов галлюцинации, — объявила она и повторила на магическом языке, сопроводив слова жестом, указанным в книге: — Es'ke wi larai-anote!

Издав вопль, Лафина вскочила на стул. Наверное, галлюцинация проявляла настойчивость — девица перебралась на парту, визг не стихал. Одногруппники не сводили с неё глаз, косясь периодически на Дашку. Подопытная повела себя совсем странно: сначала ногой затрясла, потом рукой, от последовавшего вопля у многих заложило в ушах, а Лафина пыталась отодрать что-то невидимое с лица.

С хлопком преподавателя галлюцинация открылась всем — жуткий гибрид гигантского слизняка и пушистой гусеницы, имевший ещё и крысиный хвост. Лорианта рассмеялась, уткнувшись сияющей Дашке в плечо. После второго хлопка гадость пропала.

— Осязаемая галлюцинация? Нет, Дарья, я запрещаю вам заявлять, что вы не разбираетесь в чёрной магии! — Дионариус разделал радость чародейки. — Девушка, угомонитесь, призванное существо ядовитым не было, укусить вас не могло, — прикрикнул он на по-прежнему визжащую Лафину. — Продолжаем занятие.

Глава 5 Три старта

— Флео, какая-то женщина спрашивает тебя, — Амилина заглянула в кабинет мужа.

— Странно, я никого не жду, — двадцатилетний парень, штудирующий за столом старинный фолиант, который содержал редкие, но простые заклинания, повернулся к супруге, руки положив на спинку стула. — Проведи её в зал, я сейчас подойду.

— Она слишком слаба, мне придётся тащить её на себе. Боюсь, в моём положении мне этого делать не стоит.

Амилина была на восьмом месяце беременности.

Чтобы вытащить Флео из-за стола, такого уточнения хватило. Молодая жена отличалась чрезмерной жалостливостью, в нынешнем состоянии супруга и вовсе могла разрыдаться, увидев кошку с перебитой лапкой. Расстройства малышу пользы не обещали, Амилина и так много переживала, когда мужа забрали на войну, поэтому парень поспешил к неожиданной гостье.

На крыльце обнаружилась измождённая оборванка, вся в рванье. Она держалась за столб, один из двух, являющихся опорой для навеса. Когда показался хозяин, женщина решилась оторваться от столба и, сделав несколько шагов, упала на Флео уже без чувств. Он подхватил её — в бедняжке, кажется, не осталось и сорока килограмм. Нищенку уложили на софу в кабинете, парень, воспользовавшись магическим шаром, вызвал целителя.

— Бродяжка, что ли? — хмыкнул не заставивший себя ждать маг, закончив дело — угрозы здоровью больше не было, но женщине требовалась ещё забота. — Не рекомендую я вам её у себя держать, она, может, больна чем, ещё заразит, а для будущей мамы и простуда — опасность.

— Нам на улицу её выставить? — возмутилась Амилина. — Нет, будем выхаживать! Флео, будем ведь? — она потрясла мужа за локоть.

— Я не настаиваю, — пожал плечами целитель. — Но я предостерёг. Подозрительная эта дамочка.

— Несчастная женщина! — Амилина начинала хныкать.

— Спасибо, мы учтём всё, что вы нам сказали, — Флео распахнул дверь кабинета, выпроваживая чародея.

— Она ненамного старше нас, — хозяйка укрыла необычную визитёршу пледом. — Впрочем, так выглядит из-за невзгод, на неё обрушившихся, я полагаю. Лет ей меньше, чем можно дать.

— Ты уверена, что искало это горе именно меня? Я её не знаю! В колдовском полку повстанческого войска женщин было

достаточно, но эту вот не помню. А ей моё имя известно, если ты расслышала правильно, — Флео обхватил жену за плечи.

— Тебя, тебя, — пробормотала Амилина. — Оставим её, пусть высыпается. Должно быть, в постели и под крышей ей давно не приходилось этого делать.

Женщина пришла в себя к вечеру. Хозяин, не пускаемый супругой в кабинет («Вдруг нечаянно разбудишь!»), увлёкся старинной книгой заклинаний на заднем дворе, где всегда было тихо, когда пригретая нищенка выбрела из дома.

— Не прогоняй меня, Флео Дамре, — она остановилась на расстоянии от него.

— Пока не собираюсь, — парень с неохотой захлопнул книгу. — Ты кто, чудо? Прости, никак не могу сообразить, где мы встречались.

— Нигде, про тебя рассказал Скентия Ринхафт. Сказал, в каком городе ты живёшь, а точного адреса у него не было, — заговорила женщина, тяжёлые гулкие слова разделяя паузами, речь ей будто давалась с трудом, как зомби. — Деревню мою разгромили слуги короля, а я не пошла с односельчанами, у меня желание было — найти ученика себе. Скентия посоветовал тебя. Разрешишь быть твоей наставницей?

— От учителя я бы не отказался. Ты и ребёнку моему можешь помочь развивать магическую силу, если она у него окажется. Как мне называть тебя?

— Фаризе, — ответила женщина еле слышно. — Если готов — приступим.

— Ты в своём уме? — выпалил Флео. — Ты слишком слаба, чтобы творить магию!

— Я и не собираюсь. Я не потеряю ни капли колдовской энергии, — голос Фаризе стал более плавным, приятным. — Так возьмёмся за тебя прямо сейчас?

Она показалась парню помешанной. Проделать огромный путь ради незнакомого человека — это же одержимость идеей! В глазах её забурлил какой-то животный восторг, когда разговор завели об обучении. Флео решил, что с Фаризе, если та начнёт буянить, справится, но не учёл, что у слабой женщины может быть неслабая магия…

— С чего начнём?

— Ты призыватель? Создай что-нибудь. Большое и агрессивное.

— Призывать ради демонстрации нельзя, — недоумённо протянул Флео. — Нужен соперник, на которого полученное существо надо натравить.

— А как же я? — усмехнулась Фаризе.

— Ты отдаёшь себе отчёт в том, что любой выброс магической энергии может вытащить из тебя и часть жизни?

— Часть, не всю же! — на упрямого ученика женщина уже злилась.

В её сумасшествии Флео стал уверен. Смерть женщины никому не принесёт горя, конечно… Никому, кроме Амилины.

— Я не допущу твоей смерти, извини. Жена не выдержит.

— По-твоему, я собираюсь умирать? Недооцениваешь ты меня, — взгляд Фаризе на секунду прояснился, что сбило Флео с толку.

— Призову существо не самой великой силы, — согласился, скрепя сердце, парень. — Es'ke wi garon!

Перед ним материализовался грифон, сердито шипящий.

— Красавец! — восхитилась Фаризе. — А теперь прикончи его! — приказ относился к призванному существу.

— Что ты… — парень побледнел, не успев отступить: его повалили, когти и клюв принялись терзать плоть.

Грифон, как и обещал Флео, был средних размеров, справиться с ним особого труда не составляло, но от Фаризе, обладающей даром находить общий язык с любыми животными, в том числе и с призванными, создание получало особое рвение, особую ярость.

— Дорогой! — Амилине зачем-то потребовался муж, она выглянула во двор — Флео был мёртв, взбесившийся грифон только что сделал тело бездыханным. — Как это произошло?! Ваша работа? — воскликнула хозяйка, сползая на пол.

— Не нравится мне, что леди Дамре получила такой удар, за ребёнка опасаюсь, — издевалась ведьма. — Уничтожь и её, избавь от проблем, — велела она грифону.

Фаризе, кроме вышеописанного дара, магический талант имела посредственный. Улучшить дело можно было, для этого ей и понадобился призыватель, породивший создание для неё.

— Ты, дитя магии, исчезая — а жить тебе после поединка считанные минуты, — отдашь себя мне, — приказала женщина, смотря на второй труп.

Грифон подошёл, протянул ей лапу. Ведьма вцепилась обеими руками, от возбуждения колотимая дрожью. Порождение призывателя растворялось, магия всасывалась в неё. Колдовство Флео — светлое, но родственными призывательскому искусству являются такие типы магии, как некромантия и демонология, науки, чернее которых нет.

— Неделю проведу здесь, оправлюсь, — Фаризе направилась в дом. — Свобода моя отныне безгранична, цели могу придумывать себе сама. Я действительно способна кому-нибудь

помочь в освоении магии. Одной прорываться надёжно, но скучно. Боготворил бы меня кто, такой угрозы не представляет. Но почему бы и нет?

— Значит так, девочка, — заорала Лафина с конца коридора, откуда надвигалась на Лорианту, возвращающуюся от Алины в одиночестве, Дашка у подруги задержалась. — Я всё слышала.

— Чем ты недовольна? — ребёнок остановился.

— Ты, маленькая мразь, на занятии чёрной магией надо мной смеялась. Громче всех, — Лафина приблизилась, сдула с лица волосы, растрепавшиеся при быстрой ходьбе. — Ты пустое место, хвостик несравненной Дарьи Винсент. Способ унизить тебя есть, ещё какой! Ты ведь нетронутая? — скривилась девица.

— Что? А, да, — Лорианта не сразу поняла, что подразумевала одногруппница.

— Я уже знаю здесь одного любителя невинности. Ещё раз меня взбесишь — я ему скажу, что тебя можно подпортить, — пригрозила Лафина.

— Ну, всё поняла? — произнесла подошедшая Вайнона.

— Отстаньте от неё! — к ним бежала Дашка, разговор с Алиной оказался коротким.

— Фаворитка Тецарры Ужасной на нас гневается? — хохотнула Лафина.

— Уж извини, но ты в истерике выглядела куда забавнее, чем я со сбивчивой речью, — парировала ведьма из Великой Троицы.

— Пожалеешь ты, — огрызнулась главная сплетница группы, удаляясь с Вайноной.

— Почему они на нас так? — девочка прижалась к Дашке, та обняла её одной рукой.

— Считают себя королевами, мы же обязаны перед ними раскланиваться. Спасибо, растолковали мне, почему меня не выносят. Мне казалось — из-за того, что я на месте Даниэлы. Некоторые преподаватели ко мне не лучшим образом относятся по этой причине, значит, и студентам не возбраняется. А всё проще: я любимица старосты факультета, которая никому спуску не даёт, зато Дарье Винсент симпатизирует.

У первого курса чёрных магов, кроме практического занятия, самой первой пары, были ещё две лекции, теория контрзаклятий и теория магии, оба преподавателя неприязнь к Дашке не скрывали, позволяя себе неуместные замечания и колкости. Положение Алины и Саше в их группах было намного более завидным.

Девушки заперлись в комнате Лорианты. Людвиг где-то разгуливал, по оконному стеклу лупил дождь, подкатывала тоска.

— Замечательное начало, — съязвила Дашка. — Всего полдня — мы уже в опале. Интересно, это распространится среди факультета, или Тецарра надоедает только первокурсникам, а у старших студентов нет повода ненавидеть меня?

— Все должны когда-нибудь понять, что ты не виновата ни в чём, — выдохнула Лориантa с чувством, ложась на кровати так, что её голова оказалась на коленях у сидевшей ближе к изголовью Дашки.

Даниэла, ведомая Миротворцами, должна была стать превосходной королевой. Но трое павших при осаде Академии даруют опеку только тем, кто попал в известнейшее в стране учебное заведение в первый год правления жестокого диктатора. У королевы должно быть куда больше возможностей изменить мир в лучшую сторону, чем у Дарьи Винсент, известной достаточно хорошо, многими любимой, но далекой не такой влиятельной, как правительница Альданы. А дочь Мартина Сагрена не успела оказаться в Академии, когда поддержку Миротворцы ещё предлагали. Об этом думала Дашка, глядя на змейки дождевой воды, быстро-быстро ползущие по окну вниз. Лориантa спала.

— Эй, Дарья у тебя? — спросила за дверью Тецарра, не разбудив девочку.

— Здесь я, — отозвалась колдунья. Не хотелось вставанием будить подругу, да и с факультетской старостой беседовать — тоже. Но раз ляпнула о своём присутствии, то придётся.

Осторожно выскользнув из-под Лорианты (всё-таки она открыла глаза), Дашка впустила Тецарру.

— Здравствуй, — она вежливо поприветствовала младшую студентку и опустилась на стул в слишком развязной позе, подобный вольностей себе она раньше не позволяла. Её форменная мантия была распахнута, чёрное бархатное платье девушки оказалось слишком коротким, что обеих первокурсниц изумило. — Дарья, твои отношения с группой меня пугают, — она принялась за любимицу. — С непростыми людьми ты учишься, они бы облегчили твой путь к успеху. Впрочем — не облегчили, а проложили. Направление указывать тебе, но в одиночку ты ничего не добьёшься.

Нелепые рассуждения Тецарры после последнего потока мыслей приобрели резон: староста желает для неё не само место в среде богатых, а власти, которую имеют его члены. Если в Дашкиных силах теперь сделать мир лучше, то она колдунье необходима. Вторую Даниэлу из неё не сделать, но при королевском дворе пристроить — вероятно.

— Группа невзлюбила меня, потому что…

— …я поступила наоборот раньше, — закивала Тецарра. — Но ты выкручивайся, добивайся расположения! Осуществи что-то, после чего тебя перестанут воспринимать исключительно как объект привязанности старосты факультета, затмевающий всех, не оставляющий остальным шанса быть замеченными.

— Предложения есть? — полюбопытствовала Дашка ядовито.

— Кто нуждается в улучшении своего положения? Не я, ты, — жёсткий ответ сказан был с мягкими интонациями. Когда Дашка решила, что ошиблась в Тецарре, посчитав, что девушка из благородной семьи настаивает на поисках связей и активному их использованию ради процветания королевства, то староста вдруг улыбнулась: — Ты меня неверно поняла, да? Девушка ты неглупая, догадалась же, почему в Академии так ждали Даниэлу? Значит, и подумывала о том, что я хлопочу о твоём продвижении не по доброте душевной. Мои слова подтвердятся?

— Каждое.

— Ты не обязана оставлять след, заметный всей Альдане. Вынудить тебя я не в силах, как и профессора, магистры и доктора Академии. Посоветовать могу, и только.

— Столько много информации за два дня жизни тут, — Дашка, сидевшая на краю кровати, упала поперёк постели на спину, раскинув руки в стороны — Лорианта подтянула ноги к животу, и место, куда рухнуть, было.

— Соберись. Я ещё не ушла, изволь вести себя в моём присутствии как полагается. Перед девчонкой своей расслабляться станешь, — Тецарра сделалась прежней.

— Лорианту не оскорбляй! — вскочила на ноги первокурсница, староста тоже поднялась.

Конечно, она была выше Дашки, разницу в росте усиливали высокие каблуки изящных высоких сапожек Тецарры, грудь девушки, с трудом стянутая корсажем, оказалась на уровне лица подопечной Миротворцев. Дашка отшатнулась, староста опять приблизилась. Ещё шаг назад — Тецарра снова подошла вплотную, ещё один, и ещё, а дальше пятиться было некуда, колдунья снова растянулась на кровати, вторая ведьма нагнулась к ней.

— Беспокойся в первую очередь о себе, радость моя, — она отметила, что смутила Дашку, задерживаться не стала.

Преподавательница магического языка, эльфийка, вошла в аудиторию, распространив потрясающий аромат. То ли это были её духи, то ли так пахли вплетённые в светло-русые пышные волосы цветы — белые, как и воздушное платье. Студенты вылезли из-за парт, эльфийка кивком усадила всех.

— Эйвилия Мориана Ришалия Кеарона, — назвалась она звонко, написание имени на доске заняло минуту-полторы: буквы преподавательница выводила старательно, когда повернулась к группе, все уже сидели, глядя на неё. — Первый вопрос: знаете ли вы смысл изучения магического языка?

Изъявил желание ответить Арвелла:

— Все заклинания написаны на нём, и это не набор слов, даже не замысловатые выражения и тексты — просто описание эффекта данной магии. Мы бездумно заучиваем их, а со знанием языка книги заклинаний и открывать не нужно — стоит произнести то, чего хотим добиться колдовством, оно осуществится.

— В целом правильно, только книгами пренебрегать не стоит никогда. Одну и ту же фразу можно сказать по-разному, если она длинная. Заклинания сложные состоят не из пары фраз. Вот как звучит текст одного проклятия, переведённый на обычный язык, — эльфийка приосанилась, приготовившись говорить что-то пафосное: — О, духи пяти Великих Ветров, вселите в противников наших необъяснимый страх перед чудовищами несуществующими, которые окружат их. Пусть союзники врагам покажутся монстрами, и каждый из неприятелей не будет видеть ни одного знакомого лица, только их морды, искажённые бешенством. Пусть зрение перестанет служить вражьему войску, и никто не сможет прозреть, пока наши чародеи не пожелают им свободы от иллюзии. Как вам такое?

Группа застыла с изумлённым видом, кто-то поразился вслух, обращаясь к приятелю.

— Если вы скажете просто: «Пусть наших врагов окружат жуткие галлюцинации», — ничего не произойдёт, хоть смысл не изменился, — мелодично объясняла Эйвилия. — Поэтому книги заклинаний остаются для владеющего магическим языком мага необходимыми. Проще учить то, смысл чего для тебя ясен.

Эльфийка продолжила говорить, Дашка услышала шелест страниц открываемого учебника и обернулась посмотреть, кому не терпится. Шум создали Лафина с Вайноной, уткнувшиеся в один фолиант. В животе поселился зародыш страха: упоминание о галлюцинациях вернуло девиц во вчерашний день, это может для Дашки добром не закончиться.

— Девушки! Я дам вам знать, когда надо будет браться за книгу! — призвала подруг к порядку преподавательница. — В магическом языке несколько падежей. Притяжательный с предлогом je и повелительный с предлогом wi — самые распространённые, заклинания первого, второго и отчасти даже третьего уровня — это словосочетания с употреблением этих

падежей. Например, — она взяла мел, из-под него потянулись белые линии букв на доске, — Teleya wi larai — обман зрения. Это повелительный падеж. Ledei je aritus — плен слабости, притяжательный падеж. Но их постоянно путают. Объектный падеж — с предлогами, которые переводятся на наш язык. Ake — от, er — над, sone — из, продолжать перечисление не буду, в учебнике на сороковой странице приведён полный список их всех. Остальные падежи употребляются в длинных заклинаниях из целых предложений или даже текстов, осваивать которые вы будете чуть позже. Открывайте этот список, я дам вам задание, напишу слова, из которых вы будете составлять короткие заклинания.

Пока раздавалось поскрипывание мела, многие безрадостно созерцали внушительное количество предлогов.

— Тут ещё на следующей странице есть, — сообщила Лорианта Дашке.

— Следующее занятие магического языка в конце недели, если зададут выучить весь список, успеем осилить, — предположила колдунья.

— А составлять письменно? — поинтересовалась Лафина вдруг.

— Устно, — эльфийка закончила. — Поднимаете руку, называете то, что у вас получилось. По одному — по два заклинания. Слов много, вариантов — ещё больше, ответить должен каждый хотя бы по разу. Не забывайте о безопасности, не вкладывайте в произносимые слова эмоции, чтобы они остались словами, не становясь реальной магией. Действуйте. Словари у всех есть?

Знакомых слов на доске Дашка обнаружила много, но известные ей заклятия из них не складывались. Несколько одногруппников уже успели высказаться, у Лорианты был готов ответ, только озвучить его она боялась.

— Не медли, а то кто-нибудь другой тебя опередит, — предупредила Дашка девочку, думая за себя.

— А если я ошибусь? Преподавательница ещё никого не поправляла, я первая буду. Совсем засмеют. И так дразнятся, а после пары совсем замучают, — от волнения Лорианта заёрзала.

— Что у тебя получилось? Скажи сначала мне. Будет что неправильно — укажу, — вздохнула Дашка.

— Теперь вы шепчетесь! — вспыхнула Эйвилия. — Не помогайте ей. Лучше отсядьте, — потребовала она.

— Всё, я молчу, — буркнула избранная, отдаляясь от сиротки для виду.

— Прошу туда, пожалуйста, — Дашке указали на свободное

место в другом ряду.

Взгляд Эйвилии не отцеплялся от неё, пока колдунья собирала вещи и шла туда. Усаживаясь, ведьма увидела, что Лафина, воспользовавшись отсутствием внимания преподавательницы ко всем, кроме провинившейся, решила отомстить Лорианте. Из слов, данных эльфийкой, получались и заклинания магических атак.

— S'keya je praliia! (удар боли!) — выпалила Лафина, моментально опустив руку, обозначившую направление атаки.

Лорианта, схватившись за сердце, застонала. Эйвилия метнулась к ней.

— Атака нечаянно получилась! — мстительница изобразила испуг. — Мне трудно без эмоций, я не рассчитала!

— Твоя эмоциональность уже для меня не секрет, — процедила леди Кеарона. — В начале пары вы уже проявили нетерпение, свидетельствующее о вашей несдержанности. Отведите пострадавшую в больничное крыло.

Лафина кинулась в проход, Эйвилия поправилась:

— Я имела в виду — кто-нибудь отведите. С вами, леди, после занятия я побеседую, а в больничном крыле вы можете задержаться, потом ещё забудете, что я вас жду.

Девица, надувшись, вернулась к Вайноне. Сопровождать Лорианту вызвалась Дашка.

К счастью, ребёнок чувствовал себя не совсем плохо. Девочка бы сама дошла, помня путь, но выглядела она неважно, и Эйвилия решила не рисковать.

— Она всё злится? — всплакнула Лорианта в коридоре.

— Скорее бесится, — фыркнула Дашка. — Один раз ты над ней посмеялась, с того часа и не смотришь на неё, забыть пора — нет, Лафине из принципа тебя извести нужно. Зло без причины — бешенство.

— Неужели издевательства нам терпеть все шесть курсов?

— Нам Тецарра говорила, что изменить отношение к себе можно. Поддержка всего одного человека облегчает борьбу, вдохновляет. Кстати, ты в меня веришь?

— Сильно-пресильно! — сверкнула глазами и улыбкой Лорианта.

— И я в тебя. Уже двое, вместе со старостой. И Элли с Алексом. Не столь печально, согласна?

Место практики целителей оказалось светлым, солнечным помещением. За окном сохранялась пасмурная погода, но темнота сюда не пробиралась. Светильников Дашка не нашла ни одного, на стенах имелись только растения, все нежных тонов. Значит, специальные чары. Паркет был песочный, стены —

белоснежные, как и постели, пустующие все, кроме одной, занимаемой девушкой курса с четвёртого, спящей.

Лекарша, встреченная в больничном крыле сразу же, пожилая женщина с морщинками у глаз и возле уголков губ, узнала Лорианту:

— Добрый день, Лори. Зачем сюда снова пожаловала?

— Её поразили «Ударом боли», — Дашка нахмурилась.

— Ложись, — велела лекарша, беря со стола, стоявшего возле двери, лупу.

Назначение предмета вряд ли было привычное. Женщина поднесла её к груди девочки, смотрела на стекло недолго, помрачнев.

— Организм слабенький, — заключила она. — Заклятие не из самых опасных, но девочка сопротивляться не в силах, — это лекарша обрисовывала Дашке. — Учась на факультете чёрной магии, проблем Лори ещё нахватается. Почему именно эта специальность? Почему не белая магия, призыв, целительское дело или алхимия?

— Меня без моего позволения отправили в Академию, факультет тоже выбирала не я, — подала голос Лорианта.

— О, Ветры, всего второй день, а больные уже есть! — миниатюрная брюнетка подошла к ним, выскочив из-за двери внезапно.

— Мейдина, что? — лекарша видеть декана целителей была не очень-то рада.

— Дарья, а вы-то что делаете тут? — озадачилась та.

— Привела одногруппницу. Не я ей навредила, — сразу внесла ясность Дашка.

— Кто тогда? — изнемогала Мейдина.

— Лафина, — прохрипела Лорианта, ей делалось хуже и соображала она с трудом.

— Девушка с вашей группы? — заставить целительницу стихнуть представлялось чем-то невероятным.

— Ты с какой-то целью пришла? Претворяй её в жизнь и уходи, — потребовала лекарша, кладя лупу обратно и доставая из шкафа бутыль с эликсиром, полстакана которого развела водой и поднесла девочке.

Следившая за действиями женщины Мейдина заявила:

— Фактически больничное крыло принадлежит моему факультету, и мне хоть ночевать здесь можно. А явилась я убедиться, что всё в порядке. Как Шерия? Она моя студентка, не придирайся. Лучшая студентка. Староста. Факультету, особенно первокурсникам, тяжело без старосты, — она ехидничала.

— Создаётся впечатление, будто ты нарочно подстроила,

чтобы девушка в больничное крыло угодила — вот и повод совать к нам нос почаще, — уколола её лекарша, унося стакан, куда налила другой эликсир. — Но отдать Шерию на растерзание Эзарии — надеюсь, подобные выходки никогда не посетят тебя. Ты несносна, но не жестока. Трещотка! — добавила женщина, когда от общества декана отделались. — Ирвинг потерял замечательнейшую шпионку — Мейдина любую информацию выудит, в этом смысл существования сей особы. Побудешь с ней? — попросила она Дарью. — Я должна отлучиться в алхимическую лабораторию, получить зелья.

Колдунья не возражала.

Вскоре после ухода лекарши явился посетитель. Красота молодому человеку досталась потрясающая: высокий, глаза васильковые выразительные, улыбка дразнящая, короткий хвост пепельно-русых блестящих волос, несколько прядей свободны — кажется, нарочно выпущены, не выбились. Хоть это выглядело по-женски, но парню шло.

— Шерия, солнце моё! — он опустился перед кроватью девушки, хотел поцеловать, но проснувшаяся жертва отвернулась (Дашка с Лориантой чувствовали, что именно ею студентка приходится вошедшему парню). — Очень жаль, что по-хорошему у нас ничего не получилось.

— Предлагаешь мне образумиться? — девушка на Эзарию не смотрела.

— Не обещаю, что захочу тебя снова, — он сел на кровать, развернул Шерию к себе, прижимая двумя руками. — Но ты настраивайся.

— Дарья, у вас неприятности? — в помещение вбежала Теона. — Мейдина сказала, ты здесь с подругой. Ты не пострадала вместе с ней, точно?

— Ты меньше вникай в то, что она говорит, — Дашка поправила Лорианте одеяло. — Любит декан факультета, где ты теперь работаешь, выведывать чужие тайны.

— Я должна была спокойно читать лекцию, зная, что моя названая сестра не в лучшем состоянии? — сдавленно, ведь девочка уже погружалась в сон, Теона рассердилась.

— Лекция? И какое у студентов о тебе первое впечатление будет? Я цела, серьёзной угрозы для подруги нет, этого хватит для твоего спокойствия?

— После занятий к вам зайду. Принести чего? — у целительницы наконец-то отлегло от сердца.

— Нам всего достаточно — тишина есть, нарушительницу её лекарша выставила, — Дашка расслабилась, взгляд ведьмы по умиротворённости сравнялся со взглядом Теоны, у красавицы он

таким сделался мгновение назад.

В дверях её догнал Эзария — колдунья вздрогнула, целительница охотно задержалась.

— Вы работаете в Академии?

— Преподаю исцеление магических недугов, — Теона готова была открыться ему не только по причине своей катастрофической доверчивости — Эзария пленял всем обликом, самый проницательный человек не догадался бы, что перед ним изверг и убийца.

— Зря я волновался, что хороших преподавателей на факультет целительского дела не найдут, — затянул песню принц.

— Вам же сложно судить, — расцвела Теона. — У некромантов я ещё ничего не вела и вряд ли буду, а среди студентов лестных отзывов обо мне не набралось ещё — по единственному занятию выводы делать сложно.

— И решат, что ты безответственная! — заорала Дашка, у которой кончилось терпение наблюдать, как названую сестру охмуряет мерзавец с дурной славой, летающей по всей Альдане. — До конца пары двадцать минут!

— Занятая, — поправил Эзария. — Понимаю, задержал вас. Позволите проводить?

Дашка со злости хотела кинуть в них вазу с цветком, стоящую на прикроватной тумбочке — удержалась. Маловероятно, что Теона восприняла хоть один факт о младшем Чезигере. Факты распространены, но напоминают грязные слухи. Дурочка слишком надёжно защищает себя от них.

Глава 6 Занавес поднят

Магический шар снова превратился в простой кусок стекла, а Скентия продолжал глядеть в него. Открытые балконные двери впускали в кабинет звуки с улицы, расслабляющие, ненавязчивые. Значительное пространство возле дворца старейшин год назад было разрушено полностью, остался пустырь, отвратительная проплешина посреди огромного красивого города. Застраивать его было бы долго, а разбить там парк представилось гораздо более удачным делом, чары заставляют деревья расти в сотни раз быстрее, чем обычно. Теперь Скентия, если дул ветер, мог радоваться шелесту листвы и чириканью птиц, коих в парке резвилось множество.

Имелся у всего этого один существенный недостаток: парковая мелодия постоянно отвлекала. Стоило лишь уловить её — и старейшина забывался.

— Эй, есть кто-нибудь? — в проёме показалась голова Николаса, как всегда в капюшоне.

— Меня ищешь? — рассеянно проронил Скентия.

Усмехнувшись, помощник пересёк кабинет и закрыл балкон.

— Эй, я не просил! — воскликнул гомункул.

— Поговорим — будешь наслаждаться дальше, — Николас перетащил стул, которым только что подпиралась балконная дверь, к столу, сел. — Кто был? — человек указал на шар.

— Тейлор, — старейшина хотел поправить сбившуюся чёлку, но засмотрелся на своё отражение в зеркале, висевшем напротив стола. Ниже внешнего уголка глаза, прикрываемого ею, алела отметина — знак алхимической лаборатории, где Скентию создали. Кольцо из треугольников, расположенных вершинами наружу, внутри — три языка пламени. — С Даниэлой всё ясно, — он расправил оранжевые волосы, отметина исчезла под ними.

— Продолжай, продолжай, — привыкший к странностям друга Николас знал, что гомункулу в таком отрешённом состоянии надо постоянно напоминать о том, что начатый монолог требуется закончить.

— В Академии обитают три духа — преподаватели, погибшие при взятии заведения риксами, — живо собрался Скентия. — В год, когда в королевстве меняется правитель, и новый монарх оказывается отнюдь не справедливым и добрым, эта троица — себя они называют Миротворцами — первокурсника, который зачислен на факультет тридцать пятым и имя которого начинается на «Да», берутся оберегать от неверных решений в борьбе за мир. Насильно героя из избранного не лепят, у юноши

или девушки должно быть искреннее желание. Но поддерживают всегда, во всех начинаниях, только если намерение не злое. Королева, оберегаемая от ошибок — сокровище, поэтому преподаватели Академии были заинтересованы в том, чтобы Даниэлу приняли. А вместо неё избранной оказалась Дарья Винсент.

— Одну неясность понятной сделали, — изрёк Николас. — Осталось две загадки: где Даниэла и почему в Академии известно, что принцесса жива?

— Мартин упрятал дочь. Но зачем признался преподавателям? — фыркнул красавец.

— Надеялся, что Даниэла исправится, очернит душу и охладит сердце? — предположил помощник. — Намеревался освободить её позже и отправить в Академию — магическое образование-то для королевы не лишнее! Чтобы ни у кого не случилось шока, он предупредил.

— А у народа, конечно, шока не будет, — сострил Скентия.

— Преподаватели Академии — уважаемые люди, достойные правды. Низшее сословие всегда всеми обманывалось. Кроме того, с осознанием, что Даниэла, чудесная, милая девушка, идеальная правительница, которая заботилась бы о каждом человеке страны, когда-нибудь окажется королевой, жить Альдане стало бы легче, — парировал Николас.

— Место, где искореняется добро… — протянул старейшина, с напряжением вспоминая что-то. — Веолаймер рассказывал о чём-то подобном. Жаль, старик давно в Аркене.

— Попробуй обрисовать сам, — друг с этим заявлением Скентии моментально лишился спокойствия.

— Он подробностей не давал. Упоминал особое измерение, что-то вроде отдельного мира под названием Рития. О том, кто был слишком добр, Веолаймер говорил: «Добро твоё даже в Рити не искоренят».

— Это слово я слышал, выражение — тоже. В кругах некромантов и священников.

— Хорошее сочетание, — хмыкнул гомункул. — Маги, у которых нет ничего общего.

— Ой ли? И те, и другие продлевают жизнь, но у первых выходит только её подобие.

— Но со смертью сталкиваются все. Священник, в отличие от целителя, способен оживить. Похоже, что Рития — загробный мир, но если Мартин сослал дочь туда — значит, убил!

— Веолаймер причислен к тем духам, которым позволено спускаться в храмы? — на одном дыхании произнёс Николас, подавшись к Скентии.

— Да, — последовал мгновенный ответ.

— Я обойду все святилища, к которым может быть привязан дух Веолаймера, постараюсь вступить в контакт, — помощник, встав, натянул капюшон сильнее — такое же привычное действие для Николаса, как для старейшины приведение в порядок чёлки. — Или ты знаешь, где он?

— Мне не доводилось общаться с ним после его гибели. И о ней-то я был осведомлён через три года после кончины создателя, — красавец погрустнел.

— Веолаймер тебе простит, ты же занимался тем, для чего он тебя сотворил, — обогнув стол, Николас приблизился к затосковавшему приятелю, похлопал по плечу: — Ещё ты не пропускал мимо ушей его слова. Лучший подарок старику-мудрецу.

Получив в распоряжение одиночество, Скентия вновь взял магический шар.

— Томас! — крикнул он, догадываясь, что интересующая его личность может пребывать в шумной обстановке и не расслышать нормальный голос.

— Он занят! — в шар в той точке Альданы посмотрела Тина, девушка из банды, в которой Томас состоял, как и Николас недавно.

— Отвлеки! Я старейшина Чёрных Гаваней, приказываю! — гомункул не сердился, просто по-другому от неё добиться было сложно.

— А мы не в этом городе, — хихикнула юная особа. — Мы в Чессе.

Скентии на другой стороне подоспели на помощь: Тина внезапно пропала, её сменила Кларисса, старшая в банде.

— Добрый день. Стряслось что? Кого желаешь видеть?

— Кого вы избрали главарём вместо Николаса? По словам моего помощника, повезло Томасу, — в последней фразе был лёгкий сарказм, бандиты любили беспрестанно пререкаться, успокаивать их не являлось лёгкой задачей.

— Верно, Томас. Ты спас его от спора с Бруно, мальчики выясняют, куда пропал эликсир ловкости, — Кларисса сарказм разделила. — Жди, сейчас прибежит.

Полминуты — запыхавшийся Томас подошёл.

— Давно ты не связывался с нами. Соскучился или с новостями? — очевидно, разбирательство его вымотало, раз парень даже не мог выразить радость — а отношения между бандой и старейшиной ещё во время подготовки к восстанию упрочнились до дружеских.

— У вас сейчас есть дело? Хочу вам предложить.

— Недавно мы увели у хранителей закона, приближённых Ирвинга, летающий замок-невидимку, — отчитался Томас. — Сие мероприятие на повестке дня являлось главным и единственным. В присвоенном архитектурно-магическом кошмаре восемь этажей, правда, невеликих по площади, гигантская библиотека, лаборатория. Как делили комнаты — долгая история. Рассказывать надо при личной встрече, эмоций многовато.

— Прилетайте. Получите задание, я оценю приобретение.

— Часа через три опустимся рядом с Чёрными Гаванями.

Связь прекратилась. Гомункул водворил магический шар на полку в шкаф, выбрался на балкон. Перед прибытием банды — визит старейшины города Растиора. А зелёный парк дразнится свежестью и красотой. Скентия убедил себя отступить в кабинет.

Николас в эту секунду приблизился к Храму Познания. Рития, Рития… Покусывали предчувствия, что это гадкое место. Некроманты считают его прекрасным, священники — отвратительным. Сомнительно, что для обоих классов магов Рития имеет одинаковое значение, маловероятно, что для первых оно мерзость, для вторых — идеал. К чужим убеждениям и предпочтениям, даже если те противоположны их собственным, некроманты равнодушны, погружаясь в свою стихию и растворяясь там бесследно. И гневные, и восхваляющие слова о Рации касались когда-то ушей Николаса, а вот какие кому принадлежали! Сотни приятелей, попутчиков, случайных знакомых в памяти давно слились в толпу, в которой возгласы-воспоминания обезличены.

В нескольких метрах от входа в Храм Николас остановился. На куполе находился каменный дракон, фигура была выполнена так, будто существо, собирается спуститься на землю. Правая лапа уже висит в воздухе, голова опущена так, что высокий человек, вытянув руку, мог бы дотронуться до неё. В открытой пасти клубится серебристый пар.

Помощника старейшины удерживал страх. Конечно, Рития — святилище для некромантов, в храмах о нём и думать нельзя! Пар между каменными драконьими зубами почернел, подтверждая подозрение.

«Но мне надо! Очень!» — взмолился Николас про себя.

Пар сгустился, получился пречёрный ком.

— Значит, ты даже и попытки не предпринял? — взгляд Скентии не дёргался, застыв, но помощнику неуютно от этого не делалось — выражение было спокойное.

— Если Рития для некромантов-злодеев, то священники считают преступлением о ней говорить, — Николас изъяснялся

ровно, чуть медленнее, чем обычно, сгоняя остатки паники, настигнувшей перед Храмом после того, как он увидел предупреждение — перемену цвета пара.

— Веолаймер то выражение употреблял, — заметил Скентия.

— Алхимики не священники. Хозяевам лабораторий вообще приписывают дружбу с некромантами. Именно эта фраза, между прочим, наталкивает на мысль, что Рития — обитель тёмных. Зачем искоренять в ком-то добро?

— Придётся всё узнавать самим. Я вызвал в Чёрные Гавани твоих ребят, не возражаешь? — проронил старейшина. — Будет им новая авантюра. Они ещё в суть не посвящены, если одобрения не последует — справимся сами.

— Мы снова встретимся? — обомлел Николас. — Месяца не прошло с тех пор, как я решил отделиться от них, чтобы помогать тебе, а так извёлся без команды! Можно мне…

— Конечно, — гомункул угадал вопрос. — Отправишься с бандой, будешь держать меня в курсе дела на правах личного помощника.

— Вдруг случится, что я пожелаю вернуться к ним? — друг тихо высказал опасение.

— Ещё Фробениус со мной. Забавно, раньше я был дополнением к старику, теперь он — ко мне, — вздохнул красавец. — Это противоестественно. Вот брошу я политику, уйду с вами. Возьмёте ведь?

— Примем с радостью. Только уверен ли ты?

— Хоть я и появился на свет, потому что Фробениусу нужен был кто-то, на кого переложить часть забот, в Чёрных Гаванях их вечно в избытке, — предназначение у меня иное. Веолаймеру дали заказ — существо, пригодное для управления большим городом с вечно недовольными жителями. Но у отца, — Скентия очень редко называл алхимика так, — задумка была иная. Пять гомункулов: маг, воин, творец, изобретатель и странник. Последние четверо уже получили жизнь.

— Маг ты очень одарённый, — согласился Николас.

— А занимаюсь тем, что обделяю Фробениуса. Пусть старый волшебник ощутит свободу от меня. Кто думал, что искусственный парень, годящийся мудрому магу в сыновья, нечаянно его превзойдёт?

— Опять себя коришь, — друг покачал головой. — Веолаймер обеспечил тебя задатками, ты их сам развил в яркие черты характера.

— Интересно увидеть тех четверых, — Скентия, наконец, перестал киснуть. — Мы получились абсолютно разными. Друг с другом успели пообщаться относительно немного — отец

планировал распустить нас после того, как все окажутся готовы, — но этого нам хватило. Два месяца проживания под одной крышей — пресыщение странностями остальных наступило полное. Через сколько-то лет мы должны встретиться, так планировал Веолаймер. Зачем, где и когда именно — определит судьба.

— Разрешишь? — Николас подошёл к нему, приподнял чёлку, поглядел на отметину. — У всех вас такие?

— Да.

— И все их скрывают? — садиться обратно он не стал, замерев в ожидании ответа.

— На лице нет ни у кого, только мне повезло, — на этом слове Скентия сделал ядовитое ударение. — Эмблемы были на спине, предплечье, груди и запястье.

— Увиливаешь. Неужели не понял, что я подразумевал?

— Мы в закрытой одежде ходили. Если кто-то, очутившись вдали от Веолаймера, сменил стиль и стал оголяться настолько, чтобы знак был виден — я в неведении.

— Снова увиливаешь, — помощник настаивал на верном ответе, но мягко, не сердясь.

— Они их не стыдятся, — сдался старейшина.

— Для меня есть смысл надеяться, что ты последуешь их примеру?

— Но мне нравится моя чёлка! — красавец возмутился по-детски, без настоящего гнева.

— Убирать не требую, но прекрати ты постоянно ощупывать её, проверяя на месте ли, — рассмеялся Николас.

— Делай мне замечания всякий раз, как рука будет дёргаться вверх, — и его тоже встряхнул смех.

Магический шар в шкафу засветился. Голоса того, кто требовал Скентию, было не разобрать, да и не услышать — стекло в дверцах отличалось толщиной, звуки делало тихими. Люди в комнате улавливали только ненавязчивый гул. Старейшина нарочно не оставлял шар на столе, чтобы не нарушали его отдых при открытых дверях балкона. Важное сообщение — побеспокоят ещё раз, неважное — нечего и отвлекаться! Скентия ждал от Томаса известия, что банда добралась до города, но привычка подвела.

Достав шар, терпеливо мерцающий (Томасу, наверное, кричать надоело), гомункул выпалил:

— Вы уже здесь? Мы телепортируемся, только скажите, куда!

— У Звёздных холмов, там, откуда начала движение армия повстанцев.

— В лабораторию, — скомандовал Скентия. — Авертина нас

перенесёт.

Впервые жизни магический шар, брошенный красавцем, покоился не за дверцами шкафа, а в кресле, куда гомункул, выбегая из кабинета, его запустил.

Женщина-алхимик Авертина с недоумением, но без намерения выпытать, зачем старейшине с помощником за черту Чёрных Гаваней, телепортировала приятелей.

На просторах перед холмами ничего не было. Негустой туман поглотил их вершины, подбирался к рощице, возле которой стояли поражённые Николас и Скентия. Трава от ветерка клонилась к земле. Изумления добавляло то, что оба друга не могли узнать ничего вокруг. Холмы были — четыре серых бугра. Рощица выглядела множеством торчащих чёрных столбов с ветками — сухие деревья. Тощие редкие грязно-жёлтые травинки обнажали землю. Тогда природа была убита чёрной магией, пролитой на королевство некромантом Кеану Мортисом. Проклятие сняли, но переместившиеся попали сюда во второй раз, не ведая, как смотрятся Звёздные холмы в действительности.

В воздухе проявилась дверь, отворилась. Вышел Томас.

— Быстрые вы! Как только я сказал, где мы устроили замок, сразу направился вниз, я на восьмом этаже был. А вы успели найти того, кто вас перенесёт сюда. Или кто-то из вас научился телепортироваться самостоятельно?

— Он ещё объяснений требует! — Николас так стиснул колдуна, что парень расцепил его руки, испугавшись, как бы его не задушили.

— Не издевайся, вряд ли ты забыл, что от переизбытка чувств из меня сыплются глупости, — сверкнув белоснежными зубами, Томас повторил его жест с удвоенной силой, оба расхохотались.

— Почему глупость? Я теперь представил, с какой скоростью мы примчались в лабораторию, — Скентия, когда Николаса выпустили, тоже обнял мага, не так крепко, молодому человеку хватило этого, чтобы почувствовать: старейшина тоже счастлив.

— Прошу в наш сумасшедший дом, который теперь имеет крышу, стены и окна, — Томас пошарил рукой за спиной, нащупал дверную ручку, потянул — показался кусок холла.

Замок-невидимка поразил уютом. В залах-комнатах никакой вызывающей роскоши, всё по-домашнему мило. Компания, очевидно, где-то собралась, так как все они пустовали, но признаки, заявляющие, что жизнь на этажах недавно текла, гости замечали повсюду. В гостиной на кресле возле камина лежит раскрытая книга, а рядом на столике в чашке дымится какой-то напиток; в одной из спален кровать расстелена, одеяло сбито, платяной шкаф открыт; в обеденном зале кто-то так и не доел

ужин; в рабочем кабинете на столе в дневнике, тетради в кожаном переплёте, — неоконченная запись.

Компания ожидала в зале на пятом этаже. Николаса бандиты облепили сразу, к Скентии подходили по очереди.

— Поздоровались все? — хмыкнул Томас, когда кучка, сдавившая вновь обретённого товарища, распалась. — Теперь вникайте в суть того, чем нас намереваются озадачить.

— Начну с сюрприза, — Скентия не стал садиться, вышел на середину комнаты, стал прохаживаться, описывая маленькие круги, иногда меняя направление. — Дочь погибшего короля Мартина Сагрена, принцесса Даниэла, а по закону — уже королева, не умерла, а пропала, — несмотря на изумлённые выкрики, он продолжал, не сделав и секундной паузы. — Папаша послал её в Рицию, избавившись от девушки — это наша с Николасом догадка. Мартин планировал забрать дочь оттуда, но смерть помешала, а местоположение Даниэлы сохранилось в тайне, ведь Рицию — не город, не земли, что-то странное, отсутствующее на карте Альданы. Этот подозрительный мир интересует некромантов и вызывает гнев у священников. Веолаймер Керден, создавший меня, иногда о ней вспоминал, но подробностей я не требовал. Расспросить дух его нет возможности — в храмах запрещены разговоры о Рицию. Возьмётесь ли за её поиски вы?

— О запрете вы догадались или уяснили это, когда рискнули заикнуться о Рицию перед лицом духа алхимика? — насторожилась Кларисса.

— У меня ума хватило, — заверил её Николас.

— Хвала Ветрам. Вам бы за такое предки навеки отказали бы не только в поддержке, но и в царстве мёртвых. Я могу объяснить, что есть Рицию. И искать её не надо, как и нет способов найти Аркену, — сказала Кларисса в абсолютной тишине.

— Насколько она ужасна? — пробормотал Клавьер, младший в компании, ему было девятнадцать.

— Все мы понимаем, как незавидна доля тех, кто не попал в королевство душ, — начала женщина издалека. — Очутиться после смерти за пределами Аркены можно в двух случаях: если над умершим не провели Обряд Упокоения или же простившийся с жизнью недостоин её продолжения в загробном мире. Злодея можно упокоить, но Обряд ничего не даст — душа поднимется в Аркену, но её притянет обратно на землю, где она изведётся, взбесится и обратится в демона. И было сотворено второе царство мёртвых — Рицию, куда попадают злые души. Не сами, как и все мертвецы, а после особого обряда, совершаемого тёмными священниками. Таких магов очень мало, это бывшие служители

обычных храмов, предавшие предков. В Рицию могут попадать и живые, как проникать добровольно, так и быть заключёнными туда кем-то. Духи скверны могут показываться в Альдане исключительно в осквернённых храмах, а такие если обнаруживают, то сразу сносят. И мерзавцы, нуждающиеся в совете себе подобных, идут за ним в обитель погибшего, но не исчезнувшего зла. Контакт с ним бывает разный. Просто пообщаться — для тех, кто не сопротивляется. Если человек в Рицию принудительно, то духи вселяются в него. Поодиночке или группами. Нередко и не покидают тела, вместе с ним возвращаясь в королевство смертных.

— Теперь намерения Мартина мне понятны, — Скентия, слушавший Клариссу, присев на стул, принялся вновь нарезать круги по залу. — Вот изверг! — вырвалось у него. — Родную дочь подвергнуть таким мучениям!

— Ты взялся судить? — снова встрял Клавьер, тон был скептический. — Ты переживал эту пытку?

— Восстание прогремело совсем недавно. Все мы помним, как духи королевских некромантов доводили наших бойцов до безумия, — гомункул провокации не поддался.

Бандитом стало не по себе. Клавьер в детстве был во власти каких-то колдунов, изменений разума всеми возможными способами и последствий этого он натерпелся сполна. Когда компания подобрала мальчика, пришлось изрядно поработать над ним, защитив голову от картин прошлого. Неужели что-то восстановилось?

— Что я опять ляпнул не то? — нахальство Клавьера быстро пропало, когда волнение отобразилось в выражениях компании слишком отчётливо. — А какой толк от его эмоций? — испуг всё же перебороло желание отстоять своё мнение. — Все мы не любили Мартина, все представляем, что инородная душа в теле — гадость, но молчим ведь!

— Погорячился, извини, — старейшина не обиделся. — Нам надо искать тёмного священника, весело! Если у Клариссы неожиданностей больше нет. Узников Рицию вообще могут вызволять посторонние, не те, кто их туда заключил?

— Вместо тёмного священника можно взять обычного в союзе с некромантом, — снова ошеломила осведомлённостью ведьма. — Мужчину и женщину, супругов. Неважно, какая сила у кого. Я была не совсем точна, когда сказала, что Рицию и Аркену не ищут. Существуют своеобразные входы в оба загробных мира — храмы. Конечно, Обряд Упокоения совершают и на значительном расстоянии от святилища, если отсутствует возможность добраться, а вот переправить душу в Рицию по-

иному нельзя, надо искать храм. Осквернённый, конечно. Оттуда пара и начинает путь. В библиотеке, между прочим, есть одна книга о том, как живым пробраться в этот мир.

— Задача малость упрощается, — оживился Бруно. Вся компания жалела, что у него, наделённого не самым средним умом, нет магической силы. В изучении колдовства он преуспел бы, а довольствовался его теорией. Правда, ею уже владел едва ли не лучше Клариссы и Томаса. — Некроманта имеем, со вторым магом обещаются трудности. Вряд ли нормальный священник пожелает участвовать в столь зловещем мероприятии.

— Насчёт согласия первого не желаешь поинтересоваться? — вспыхнул Томас, некромант.

— Подведёшь Альдану? После Ирвинга, которому жить и править ещё пару-тройку десятилетий, корону нацепит Эзария. Будет на тот момент ему примерно столько же, сколько нынешнему диктатору сейчас. Плюс ещё двадцать-тридцать лет беспредела, — съязвил Бруно.

— Внимания мне от вас не дождаться, ясно, — обиделся Томас. — То, что я на опасное, но стоящее дело всегда готов пойти, не значит, что меня нужно ставить перед фактом, а не предлагать по-человечески.

— Сдержал бы негодование — я бы успел вставить вопрос, на который ты так надеялся.

— Ну а со священницей как быть? — вернул спорщиков к обсуждению Скентия.

— Бруно правильно думает, не всякий священник рискнёт ступить в Рицию, — подхватила Кларисса. — Обязательное условие — чародейка, которую предстоит привлечь, не должна служить при храме. Если для священников непозволительно вести речь о Риции, то ступить на её землю — величайший из грехов. Нужна волшебница, использующая свою силу не для обрядов и разговоров с предками. Экзорцистка, например.

— Теона Винсент, — осенило Николаса. — Она целительница, но священная сила в ней есть тоже. К молодой женщине не могут подобраться вампиры, эта магия охраняет её.

— И Теона обязательно согласится, — добавила Кларисса. — Она безотказная, а ради всей Альданы — тем более колебаться не станет.

— Ей придётся выйти замуж за меня, — нахмурился Томас, восторга по поводу мгновенного лёгкого решения у колдуна не было.

— Это только формальность, — Бруно попробовал подбодрить друга, — после освобождения Даниэлы разводись с ней, пожалуйста. Но жена из Теоны, по-моему, будет хорошая.

— Я не за себя волнуюсь. Её возлюбленный недавно погиб, вряд ли она оправилась и чувство прошло. У Теоны всё, что от сердца — навеки.

— Потерпит девочка, — заявила ведьма. — Капризам не время.

— Пользуемся мы её безотказностью, — голос и взгляд Томаса окрасились серьёзностью и печалью, плечи опустились.

— Что из этого? — Кларисса была жестока. — И обрати внимание на слова Бруно: вас не заставляют жить в браке друг с другом до конца ваших дней.

— Мне пора в город, — Скентия увидел время на часах — полпятого. — Свяжитесь с Теоной, потом расскажете. Николас, ты остаёшься?

— Понадоблюсь — вызывай, — ответил тот, кивнув.

— Принесите магический шар, пожалуйста. Попрошу Фробениуса, чтобы телепортировал меня отсюда, — гомункул одёрнул мантию, пригладил волосы (чёлке тоже досталось) — после пробежки по дворцу старейшин он себя в порядок не приводил.

— Леди Винсент! — Мейдина бесцеремонно распахнула дверь аудитории, где Теона читала группе лекцию. — Зайдите в мой кабинет, вас вызывают через волшебное зеркало.

— Просмотрите пока таблицу в конце главы, — велела целительница, уходя.

Стоило ей шагнуть вглубь кабинета, отражение Клариссы озвучило требование:

— Мы поняли, что с Даниэлой. Твоё участие в спасении принцессы обязательно. Придётся тебе побыть женой Томаса, — три этих предложения отлетели от зубов, дальше ведьма тон сбавила. — Не ломай голову над тем, что я сказала, объясним всё при встрече. У тебя выходные, когда отпускают домой, случаются, кроме каникул?

— Суббота и воскресенье, — Теона вытянула руку, чтобы опереться о стену, от приказа ноги стали держать хуже.

— Я заберу тебя. Когда удобнее — в пятницу вечером или в субботу утром? Лучше в пятницу — ты оправишься от потрясения, а следующий день полностью посвятим твоему просвещению, — решила за неё ведьма. — Приятного вечера.

— Выходишь замуж? — Мейдину распирало от предвкушения свежей сплетни.

— Вы подслушивали? — ахнула Теона, оборачиваясь: женщина стояла за спиной.

— Мой деканат, я вправе тут находиться, — нахамила она, но

секунду спустя прощебетала: — Кто такой Томас? Богатый? Родители кто?

— Некромант двадцати шести лет, его отец был хозяином нескольких некрополисов, — Теона не собиралась этим ответом отбить у декана охоту продолжать допрос, просто сказала честно, а эффекта добилась именно этого.

— Какая гадость, — поморщилась Мейдина. — Понятно, что ты не светишься от радости. Сочувствую, — она к некромантам относилась так же предвзято, как и её студенты.

Брезгливость пересилила нездоровое любопытство, целительница отстала от будущей невесты.

Лекцию Теона дочитала кое-как, запинаясь. Когда группа вышла, преподавательница долго сидела в аудитории, обхватив голову руками. Томас опасался не зря, любовь ещё дышала.

Глава 7 Игры и игрушки

— Свадьба? Ради спасения Даниэлы? — Дашка была потрясена не меньше, чем сама Теона.

— Ни словом не пояснила, — целительница, смотревшая на куполообразную постройку, дрессировочную площадку, на друзей не глядела.

— Это же Кларисса, — вздохнул Саша.

— Тем хуже. Она при разговорах не церемонится, наверное, именно ей поручили уведомить тебя, потому что всё слишком опасно и замужество — не самое страшное, что тебе грозит, — Дашка тоже уставилась на купол.

— Вдруг ситуация проще? — Саша единственный из всех ещё боролся с неприятными предчувствиями. — Компания думает, что ты не захочешь вступать в брак исключительно по необходимости, пусть и острой, — он дотронулся до Теоны, та повернулась.

— Тебя каждый знакомый узнаёт слишком хорошо, — возразила Алина. — Сожалею, вариант, что ты откажешься, они отбросили сразу.

— Даниэлу надо вызволить, пусть ценой моей свободы, — произнесла Теона грустно.

Из постройки вышли София с деканом призывателей. По дорожке, выложенной плиткой, они направлялись к аллее. Дрессировочная площадка находилась в укромном месте, вокруг толстой стеной росли деревья. Перед куполом было свободное пространство, стояли скамейки — здесь часто уединялись и парочки, и те, кому просто хотелось отдохнуть от суеты и шума.

Великая Троица замолчала, Лориана и так сидела тихо, ловя разговоры старших, Теона же не остановилась:

— Может быть, у нас с Томасом и получится что. В любом случае моё нежелание не повод отвечать «Нет». Даниэла принесёт Альдане то, что другие правители забирали.

— О каких личностях у вас беседа, — София, разумеется, уловила знаменитое имя, для Академии значившее больше, чем для целого королевства, приблизилась к студентам и новой преподавательнице. — Просто вспоминаем или есть повод?

— Наши друзья выяснили, как вернуть Альдане Даниэлу. Для этого мне надо стать женой одного человека, — простодушно сказала Теона.

— Рития, — процедила София чуть ли не с ненавистью. — Правда. Нет! — внезапно выкрикнула молодая женщина.

— Откуда такая уверенность, что всё будет так, как ты вообразила? — пробормотал эльф.

— Жениха Винсент я не знаю, но вот она сама не для такой ответственности! — неистовствовала демонолог. — Я требую, чтобы Дарью перевели на факультет целительского дела!

Дашка вздрогнула. Чем она опять не угодила агрессивной леди?

— Поделишься с ней? — спросил эльф. — Иначе я это сделаю. Напугала девушек, я должен открыть им природу твоего гнева.

— А непонятно? — ярость Софии не слабела, только нарастала. — Важны не смелость и решимость, а готовность вступить в брак и тип магии!

— То, что ты перечислила, иногда сочетается, — парировал призыватель.

— Это бездумный фанатизм! Проклятье, — бешенство затмилось отчаянием, — мы везде принцессу искали, во всех местах, где у самого убеждённого человека меняются ценности, даже в Денаувере, даже на землях риксов — а девушка в Рицции, куда те, кто мыслит расчётливо, трезво, кто представляет, как действовать, не могут войти, а те, кому исключительно из-за особой магической силы можно очутиться там, — легко!

— Рицция? Где это? — прошептала Теона.

— Она вообще не понимает, что её ждёт! — София нервно хохотнула. — Почему я не экзорцист?! Почему Дарья не пожелала им стать? Миротворцы бы сохранили её!

— Они не наделили девушку бессмертием, — старался утихомирить коллегу эльф.

— В Рицции никто никого не убивает, там сводят с ума. Сознание Дарьи под надёжной защитой. Уберечь от неверных решений не проще, чем от чужого влияния.

— В Дарье развиты тёмные силы, целесообразнее заставить её выучиться на некроманта. Тебе не известно, есть ли у неё светлая энергия вообще.

— Устрой ей проверку, пожалуйста! — взмолилась София, впервые друзья видели укротительницу демонов такой.

— Какая у вас покровительствующая стихия? Огонь, не так ли? — поинтересовался эльф у Дашки, после кивка попробовал убедить женщину снова: — У людей Огня магия часто исключительно тёмная.

— Часто, но не всегда! — извивалась женщина. — Ради моего спокойствия, позволь мне убедиться точно, что священных сил в Дарье нет!

— Светлые — не значит священные.

— Одна проверка, Фестеан, — София не отступалась. — Сколько она длится? Пять минут?

Отвечать призыватель не стал, просто подманил Дашку к себе. Колдунья, поднявшись, шагнула, он провёл рукой от её горла к животу.

— Нет, однозначно.

— Ты малейшего усилия не приложил, — оставалась непреклонной демонолог.

Снова беззвучно эльф повторил действие, уже гораздо медленней. Мотнул головой.

— Твоё равнодушие меня шокирует. Теона в Рицции — ты представляешь? — опять закипала София. — В окружении садистов, убийц, насильников, подлецов, лжецов, предателей! От их воспоминаний Теона уже тронется умом, для тебя же не секрет, что духи встречают путников, повествуя о своих злодеяниях, нашёптывают прямо в уши, хвастаются! Она и километра не преодолеет, завопит, чтобы её забрали.

— Рицция — обитель злых духов? — поняла Теона.

— Тех, кого в Аркену не пустили, тёмные священники умеют отправлять в их загробный мир, особый.

— Даниэлу всё-таки убили? — растерялся Саша.

— Тёмное царство мёртвых не аналогично Аркене, — заговорил вместо Софии Фестеан. — там рады и тем, чьё сердце пока бьётся. По разным причинам стремятся туда и тянут в Рицию других. Без нужды знать об этом не стоит.

— Разве у меня её нет? — удивилась целительница.

— Про Рицию есть много чего рассказать. Чем позволено владеть тебе, не мы определяем. Кто-то обнаружил, что ты должна идти туда, он и будет решать. Идёмте ужинать, — закончил эльф.

Через час Дашка с подругами и Людвигом сидели в комнате Лорианты. Гомункул соизволил-таки побыть с хозяйкой днём, обычно парень пропадал где-то в глубинах замка. Саша присоединиться не смог — выполнял в библиотеке задание к завтрашнему теоретическому занятию по укрощению призванных существ.

— Как бы София не напоролась на идею женить на Теоне Эзарию, — помрачнела Алина. — Принца-некроманта в царстве сдохших злодеев встретят с оркестром и цветами.

— Томас вряд ли уступит ему невесту, — хмыкнула Дашка. — Кларисса, Николас, Клавьер, Тина и Бруно Софию тоже поддерживать не будут.

— Ты стала свидетельницей, как Чезигер Теону очаровывал, — напомнила волшебница. — Предложит ей профессорша его — выбор будет не в пользу Томаса.

— Как предотвращать катастрофу будем? — усмехнулась

ведьма. — Познакомим декана с нынешним женихом, чтобы та осознала, что он тоже достойная личность?

— Если Томас в лучшем состоянии, нежели Теона, — Алина горького юмора не заметила, приняла всерьёз. — Вот вместе с Солнышком, — (так в семье называли целительницу), — на выходных переберёмся к банде, посмотрим. Студентов же отпускают?

— До меня долетел утром обрывок беседы второкурсников с нашего факультета — кажется, да, — Дашка тоже оживилась, мысль виделась неплохой. — Сдаётся мне, Миротворцам скоро потребуется насылать на меня озарения. Эзария в Рицции — трагическое событие, Фестеан обронил, что народу бывает что-то необходимо там, принц всенепременно использует шанс.

— Даниэла станет править вместо Ирвинга, её ребёнок — вместо Эзарии. Какой Чезигеру смысл спасать принцессу? — возразил гомункул.

— Сама Рицция, — Алина вдохновлялась вслед за Дашкой. — Получит он нечто для него ценное, а с Даниэлой справится, мало ли способов! Убьёт, разум повредит…

— Сначала надо узнать про это место, про то, что даст свадьба Теоны и Томаса, — урезонил их Людвиг.

— Действительно, — повеселела Дашка. — Послезавтра вечером, хочется верить, мы бандитскую братию навестим и сами всё разведаем.

— Винсент! — взвизгнула Лафина.

— Чего тебе? — оторвавшись от обеда, Дашка покосилась на одногруппницу.

— На выходных здесь будешь или домой возвращаешься? — студентка сделала недовольное лицо, демонстрируя презрение.

— Еду в гости, — заявила колдунья.

— Зайди к старосте, осведоми. Он составляет списки тех, кто покидает Академию на субботу-воскресенье, — бросила Лафина и прошла в другой конец трапезного зала, к Даниэле.

Наскоро доев, Дашка поторопилась в общежитие. Вполне вероятно, что не питающая к ней никаких тёплых чувств девица, будучи осведомлённой о ненависти старосты к ситуациям, когда одногруппники с чем-либо обращаются к нему в последний момент, нарочно оповестила её поздно.

На лестнице ведьма прибавила скорость, взлетела на третий этаж, в комнату Джайде вторглась без стука, о чём пожалела, одновременно обрадовавшись, что не шла медленнее. Явись она сюда на пять минут позже, застала бы старосту в щекотливом положении, не одного, а с Вайноной. Девушка отскочила от

несостоявшегося любовника, Джайде, которому не дали расшнуровать её корсет, не успел глянуть, кто посмел помешать разврату: Дашка ретировалась, захлопнув дверь.

Тяжело дыша после быстрого бега, колдунья прислонилась к ней спиной.

— Чересчур короткий визит, не кажется? — Тецарра в такой же позе созерцала перепуганную Дашку у двери напротив. — Какое обстоятельство заставило тебя в спешке покинуть комнату?

— Её хозяин занят! — выпалила Дашка.

— Чем? — ухмыльнулась девушка.

У первокурсницы похолодело внутри. Сдать старосту группы с Вайноной означает вызвать к себе такое отношение со стороны нарушителей порядка, что впору будет менять не только факультет, но и учебное заведение.

— Затрудняешься ответить? Тогда я сама погляжу, — Тецарра отстранила Дашку толчком в бок, ворвалась к парочке.

К разбирательствам за закрывшейся дверью ведьма прислушиваться не стала, вернулась в свою комнату. Чтобы отвлечься, принялась за перевод на магический язык заданного текста.

Внезапно объявилась Лафина, сопроводившая появление вежливым стуком:

— Ты Донателлу не видела?

— Нет, — буркнула Дашка.

— Ты не в настроении? — глаза девицы подозрительно загорелись.

— Перевод сложный, — соврала колдунья.

— Ну-ну, — Лафина исчезла, подавленностью Дашки удовлетворённая.

Это было определённо неспроста, даже текст, поддающийся превращению в заклинание без особого труда, перестал занимать настолько, чтобы можно было ни о чём, кроме него, не думать. Следующая надежда была возложена на Алину, подруга избавлять от тяжести на сердце умела виртуозно. К помощи её обычно Дашка не стремилась, но вот сейчас решила не дожидаться, пока волшебница догадается сама, что с колдуньей что-то творится.

Алина с девушкой из её группы были поглощены обсуждением чего-то, и прежде, чем они поздоровались с вошедшей сокурсницей, ведьма разобрала, что говорят о застигнутых врасплох юноше с девушкой. Имена не звучали, но сомнений не было.

— Про этот случай уже все твердят? — Дашка с беспомощным видом застыла.

— А то! — воскликнула Алина. — Неужели до тебя не

донесли? С тобой хоть и не общаются, но ваша авторша сплетен — как там её, Лафина? — не могла не сдержаться, чтобы оповестить всех одногруппников. Или я переоценила её?

— И какой версией события владеете вы? — колдунья добралась до стула, опустилась.

— Какой-то старшекурсник совратил первокурсницу, — объяснила другая волшебница. — Староста вашего факультета заподозрила, что в комнате свершается нечто недозволенное и обнаружила их. Ой, а что ты в таком ужасе? Не ты ли была там? — она прищурилась.

— Меня послали к старосте, — начала Дашка, но спохватилась, что личности героев дня лучше оставить в тайне. — Впрочем, это неважно. Развлекалась с тем удальцом не я.

— Напугала ты, — привставшая с кровати Алина плюхнулась обратно, расслабившись. — И ты тоже! — упрекнула волшебница обвинительницу. — Тецарра растлителю такую лекцию проорала о падении нравов, а это ещё не вся кара. Такое не для твоих ушей, Дашка.

— Поделившая с ним постель особа, сбежала, пока парень со старостой препирался, и я на тебя подумала, — виновато пробормотала другая студентка.

— Но у тебя что-то стряслось, — подруга, приглядевшись к Дашке, поняла, что приятельница кое в чём не ошиблась, заметив, что колдунья не в себе. — Ты поэтому и пришла.

— Три дня, а мне уже всё надоело, — она сообразила выкрутиться, пожаловавшись на долю изгоя. — Лафина и Вайнона замучили оскорблениями. И меня, и Лорианту. От Софии неприязнь исходит, неприкрытая. У старшекурсников интересовалась — она у нас много предметов будет вести. Со второго семестра нам светит кошмар, обозначенный в расписании как «боевая магия в сражениях с магическими существами», который закончится аж на пятом курсе.

— Группа завидует. София скоро перебесится, не будет же она изводить тебя все шесть лет! — улыбнулась Алина. — Её все переубедить стараются.

— За Теону опасаюсь, — для виду Дашка не спешила расставаться с ролью страдалицы слишком быстро.

— У леди Винсент скоро свадьба с некромантом? — одногруппница Алины оказалась осведомлённой. — Профессор Рильен ей все нервы истреплет, вслед за деканом и студентки.

— Мейдина? — фамилия ненормально любопытной целительницы вылетела у Дашки из головы, колдунья уточнила.

— Собственной персоной, — девушка сжала губы. — У некромантов в первом семестре преподаёт основы очищающей

магии, несчастные дети стонут. Терпеть не может таких магов. На экзамене выше среднего балла не бывает ни у кого, принципиально им «отлично» не ставит. Одним предкам известно, почему Эзария папочке не доложил, чтобы тот добился увольнения Мейдины. Сам-то меры принимал — в прошлом году, говорят, целительница в распоряжение своих практикующих студентов угодила на два месяца.

— Отношение к Теоне Эзарии меня больше волнует, чем профессорши, — помрачнела Дашка. — Вы присматривайте за леди Винсент, вам с ней встречаться чаще, чем нам.

— Саша, когда я сказала ему, что принц на неё глаз положил, попросил о том же, — Алина опять встала, прошлась к окну.

— Замужество должно остановить Теону, главное, чтобы по инициативе Софии беды не случилось, — колдунья посчитала, что теперь уйти позволительно, поднялась. — До нашего отбытия Эзария и декан демонологов, скорее всего, не успеют привести планы в исполнение, а после — Теона будет чувствовать ответственность, не должна поддаваться.

В холле на этаже оживление царило умеренное, призраков скандала не витало. Дашка подошла к фонтанчику, расположенному у окна, посмотреться на себя. Неужели в самом деле так жутко выглядит? Она и подзабыла, когда в последний раз была довольна тем, что демонстрирует ей зеркало.

Слева и справа от дивана стояли две софы. На обеих щебетали девушки со всех факультетов, по вечерам тишина в холлах общежития всегда отсутствовала. Некоторые коллективно боролись с заданиями преподавателей, в основном народ обсуждал всё и всех. Под привычный ушам звуковой фон Дашка склонилась над водой — о переживаниях кричали вытянувшееся лицо и затравленный взгляд, они же намекали, что надо идти спать.

Оторвавшись от фонтанчика, в оконном стекле она увидела наложенное на синеву ночи отражение жизни в холле. Здесь было много кресел, пуфиков, просто разложенных на полу подушек — всё занято. Собравшиеся хохочут, жестикулируют, так интенсивно излучают счастье, что светильники будто бы не нужны — погасят их, а сияние будет исходить от парней и девушек.

— О! Ты удостоила нас своим появлением! — до водной поверхности дотронулся алхимик, Дашкин сосед по этажу. — С одногруппниками я тебя не замечал тут, если они не полюбились тебе, может, наша компания понравится? — ополоснув руки, юноша показал в сторону студентов в зелёной форме, среди них были и некроманты.

— В сон клонит. Присоединюсь завтра, — пообещала

колдунья.

— Ловлю на слове! — пригрозил алхимик шутливо.

После восклицания парня, уже сидевшего с друзьями, слух уловил беседу всеведущих Лафины и Вайноны.

— Ловко получилось! — восторгалась вторая.

— Как Джайде? Хорош? — поинтересовалась первая.

— Целуется нормально, большее оценить не дали. Лафина, как ты точно время рассчитала!

— У Рахоны обязанности по часам расписаны. Я наблюдала, в это время староста всегда обходит старшекурсников с какой-то целью, что-то спрашивает — потому что даже в комнаты не заходит, просто заглядывает.

— Вдруг Винсент заметила бы её? Рахона пытливая, привязалась бы: куда летишь, зачем… Узнала бы, что мы придумали про список покидающих Академию, тебя бы достала. И Джайде со мной, заподозрив, что в его комнате нечто аморальное, раз её несравненную Дарью туда послали под предлогом.

— Зачем переживать из-за того, что не случилось, Вайнона? Лучше представь: Джайде теперь Винсент такую жизнь устроит — девчонке впору будет на другой факультет переводиться.

— Он её спросит, что ей от него потребовалось. Дарья на тебя и свалит.

— Буду отрицать! Джайде скорее мне поверит, чем Винсент. Хватило у неё ума натравить на занятии ту гадость на меня, и идея со списком может быть из головы Дарьи. Мои слова — причина, чтобы объяснить своё несвоевременное появление.

— И Джайде подставила, и тебя попыталась. Здорово!

Дашке пришлось схватиться за бронзовый светильник на стене коридора, чтобы не сползти на пол. Заговор против неё. Джайде — приятель этих сплетниц, они его использовали, не постеснялись. Всё, что угодно, лишь бы Дашке было хуже.

Утром она проснулась, не сразу вспомнив, что старосту группы надо избегать. Предостережение поступило, когда колдунья, идя по коридору к лестнице с Лориантой, столкнулась с юношей, без объяснений увлекшим Дашку в холл, наполненный тишиной, так как все спешили в трапезный зал.

— Не буду выпытывать, по неосторожности, или из желания отомстить мне неизвестно за что, или из-за стремления подлизаться к Рахоне ты сделала мою личную жизнь достоянием факультетской старосты, которая донесёт про распущенность студентов, кому следует, — грозно процедил парень. — Я притворюсь добрым и посчитаю, что дело в твоей рассеянности, постучать ты просто не догадалась. Но если получу

доказательство чего-либо иного — меняй учебное заведение.

Джайде, оттолкнув её и окликнув спускающегося по лестнице с этажа выше Арвеллу, подошёл к нему, юноши скрылись их виду.

— Он злится сильно? — протянула Лориантa, когда Дашка поравнялась с ней, замершей посреди коридора.

— Умнее Джайде, чем Лафина предполагала, — к подруге возвращалось ровное настроение. — Не исключил вероятности, что неловкость произошла в силу моей несобранности.

— Не все тут такие плохие, просто притворяются, — наивно заключила девочка.

— Доброжелательницы от меня не отстанут. Изобретут что-нибудь ещё. Фантазия у них неуёмная, совестливостью не обременены, — предостерегла ведьма.

За завтраком Дашка поглядывала на старосту с мстительницами, усердно склонявшими его к мысли о намерениях Винсент вызвать к себе расположение Тецарры любой ценой. На первой паре (магический язык), когти хищниц по-прежнему находились в теле жертвы, не ведающей о своём плачевном положении.

— Джайде, соберите самостоятельные работы, сдайте мне, — распорядилась возникнувшая Эйвилия, плывя вниз к преподавательскому столу. Теперь её одежды и украшения были бирюзовые, в волосах красовалось нечто, напоминающее водоросли.

Дашка, вчера так и не закончившая перевод, заскрипела пером яростнее, аккуратность не страдала чудом.

— Нет работы, да? — торжественно обличил ведьму староста, добравшийся до неё с кучей свитков.

Оставалось Дашке полпредложения, но Эйвилия услышала приговор Джайде.

— Первое же задание, Дарья! — эльфийка всплеснула руками. — Оно показалось вам настолько лёгким, что вы решили не утруждаться выполнением его вчера, дабы не захламлять свободное время?

— Я плохо себя чувствовала.

— Леди Рахона говорила, что вам в первый день учёбы дурно было, вчера опять приболели — вы уверены, что выдержите шесть лет на факультете чёрной магии? — картинно обеспокоилась преподавательница под одобрительные оскалы Лафины и Вайноны.

— После Обряда Соглашения самочувствие всегда оставляет желать лучшего, меня предупреждали, — Дашка ещё не нервничала, старалась.

— Но становится не настолько ужасным, чтобы требовался

эликсир для его улучшения. Несите ваш перевод и молитесь, чтобы он был превосходным, иначе я буду настаивать на смене вашей специальности, потому что неважное здоровье на чёрного мага вам учиться мешает, — Эйвилия обмакнула в чернила перо, намекая, что обнаружит и исправит в тексте десяток ошибок.

— К светлой магии я неспособна, декан призывателей выяснил, — сказала Дашка осторожно кладя пергамент перед эльфийкой.

— Все силы из тебя вышли, так бывает, — ввернула издёвку Вайнона. — Не расстраивайся, кроме магии в мире много интересного. Например, домашнее хозяйство.

— Леди Шельрис, остроумие придержите, — осадила её Эйвилия, просматривая Дашкин перевод. — Поздравляю, Дарья, работа отличная. Одолеть список предлогов объектного падежа вы успели?

— Да, профессор Кеарона, — с тихой радостью ответила колдунья.

— Староста, раздайте всем чистые пергаменты, — приказала эльфийка, беря мел, чтобы на доске написать предлоги, варианты которых на магическом языке надо было дать.

В течение десяти минут не раздавался даже шёпот Лафины и Вайноны, только поскрипывание перьев, прерванное очередным повелением эльфийки для Джайде — собрать пергаменты. Лекция прошла без выходок девиц: и Лафина, и Вайнона успели отличиться не лучшим образом, а Дашка упала в глазах Эйвилии не настолько низко, как хотели опустить ведьму подруги. Сплетницы осознавали, что для безопасной мести надо уравнять позиции, но для надёжности предпочтительнее свою сделать выше.

В связи с этим в конце занятия выкроилось немного времени, и преподавательница решила оценить проверочные работы, не отличившиеся объёмом.

— Предела ваших возможностей я не увидела, — констатировала Эйвилия. — Лучшая работа у Дарьи Винсент, худшая — у Вайноны Шельрис. Леди, вы тоже не могли оторвать раскалывающуюся голову от подушки?

Девушка потупилась, Лафина, по инициативе которой подруга занималась не предлогами, показала зубы в извиняющейся улыбке.

— Пара таких недоразумений — и я начну заставлять всех неподготовленных писать объяснительные в форме эссе, где они будут доказывать, что повод не выполнять моё задание у них уважительный. На магическом языке. Все свободны, — отпустила группу эльфийка.

Следующая лекция, по проклятиям, проводилась в аудитории в другом крыле. Короткий путь туда пролегал через подземный этаж, принадлежащий некромантам. От Томаса, год пробывшего студентом этого факультета, Дашка знала, что эти маги с наступлением нехватки рабочего материала людей в лаборатории не тащат, а доводят до совершенства раннее «творчество», агрессивных зомби в коридор не выпускают — поэтому через этаж некромантов вероятность добраться до аудитории невредимой весьма высока, и предпочла этот путь, уговорив и Лорианту.

Студенты факультета, на котором девушек почти не было, с появлением двух ведьм оживились, девочка от пристального и нахального внимания раскраснелась, Дашка раздавала вежливые, но холодные фразы за себя и за одногруппницу. От одного человека с непристойным предложением отделаться не удалось.

— У тебя сложности, не отрицай, — рука Эзарии обвила Дашку за талию, ладонь улеглась на бедре. Пальцы второй дотронулись до щеки колдуньи.

— Тебя не касается, — огрызнулась ведьма.

— Кто-то должен помочь тебе развеяться, — некромант кинулся целовать её в шею быстрыми прикосновениями, постепенно делая их сильнее.

— У меня помощники есть, двое, — Дашка вывернулась, Эзария отпустил её на четверть метра и поймал.

— В твоём возрасте пора понимать, какое средство от тоски эффективнее, — чтобы сказать, ему пришлось отстраниться от новой игрушки, после заявления его губы Дашка ощутила на своих.

Она дёрнулась, этим лишь усугубив положение: принц впился в неё глубже, вгрызся. Когда некромант оторвался от колдуньи, молодая женщина втянута в себя воздух, словно только что вынырнула из воды.

— Вы нас задерживаете, — пискнула Лорианта, да и эти звуки дались девочке еле-еле.

Студенты в коридоре осуждающе косились на Чезигера, связываться не желал никто, а некоторые парни вовсе его не осуждали, приняв Дашку за распутницу, которая специально явилась в подземелье к Эзарии. Немало в Академии было девиц, вожделевших красавчика.

— Нас? Ты не в моём вкусе, — отрезал он.

— Без Дарьи не уйду! — восклицание было шёпотом, однако эмоции улавливались.

— Не связывайся с ним, — просипела Дашка, голос сел от панического страха. — Исчезни!

Парень кивнул Лорианте — девочка очутилась возле выхода,

её отшвырнуло, но она удержалась на ногах и даже не пошатнулась. Особая магия.

— Где уединимся? — поразительно, вопрос был ласковый, словно задаваемый любимой девушке.

— Отпусти, — пробормотала Дашка.

— Боишься опоздать? — теперь успокаивающий тон, опять естественный.

— Сейчас у нас с тобой разные потребности, — колдунья, справившись с изумлением, обратившимся пустотой в районе солнечного сплетения, где резвились порывы ветра, понадеялась, что потерь больше не будет.

— Ты не знаешь, на что я способен. Много у тебя мужчин было? Очевидно, тебе попадались плохие любовники.

— Я не хочу! — выпалила она. — Просто не хочу.

Пара уже началась, коридор опустел, двери захлопнулись. Все, кроме одной. Лаборатории.

— Искать укромное местечко не пришлось, нам его освободили, — Эзария повлёк Дашку за собой.

Глава 8 Смертельное обаяние

Точным ударом отправив Дашку к противоположной стене, Эзария сорвал с себя мантию и небрежным жестом бросил в сторону.

— Не смей! — вскочившая на ноги ведьма сделала рукой движение, будто что-то от себя оттолкнула, выпалила магические слова — возле её пальцев образовался огненный шар, отлетевший в некроманта.

Принц беззвучно перенаправил его, пламя ударилось об пол и погасло. Ещё попытка огненной атаки, стена стихии окружила Эзарию, он спокойно ступил вперёд, сквозь неё.

— Твоя магия для меня безобидна, — протянул парень, хотя нужды не было, ведьма уже поняла, что способ борьбы, где ей нет равных, против Чезигера неприемлем.

Чёрную магию она знала слишком плохо, пока единственным заклинанием, подвластным ей на достаточном уровне, оставался вызов галлюцинации. Запас у принца обязан быть больше, да и слова Эзарии не требуются, ему проще. Справиться с некромантом физически представлялось невозможным — красавчик выше Дашки на полторы головы и сильнее, магия ему для усмирения колдуньи и не потребуется.

Он стоял в ожидании. Ведьма метнулась вправо — Эзария скользнул туда же, не приблизившись, параллельно ей. Влево — такой же приставной шаг. Метания продолжались недолго, принц невозмутимо повторял за ней. То, что Чезигер не выходит из себя, не набрасывается, только пугало.

Приблизился некромант к первокурснице тогда, когда она прекратила носиться вдоль стены. Застывший с улыбкой, приятной, даже тёплой, уж никак не подходящей зверю, собравшемуся совершить насилие над молодой женщиной, Эзария произнёс:

— Без сопротивления всё будет вовсе не так отвратительно, как ты предполагаешь.

Чезигер, кажется, никогда не терял обаяния.

— Так ты позволишь? — наклонившись, он слился с ней во второй раз, без той животной настойчивости.

Высвободиться было легко: он даже руками её не касался. Колдунья опиралась на стол с колбами возле стены, как и некромант, Эзарию было легко отпихнуть.

Когда ведьма приподняла руку, это, очевидно, выглядело так, будто Дашка хочет обхватить принца за шею. Однако вместо ответной нежности последовал толчок в грудь.

Студентка успела добежать до незапертой двери, и первокурсницу настиг сгусток магии. Силу в атаку некромант вкладывать не стал, жертва лишь пошатнулась. Завершить побег ей не дали.

Под оглушительный Дашкин вопль некромант поднял её, отнёс на ближайший стол, один из тех, где на занятиях покоились трупы.

— Звукоизоляция тут абсолютная, — навалившись на ведьму, сказал он вкрадчиво. — Не надрывайся, пожалей голосовые связки.

Парень выпрямился. Пуговицы на чёрной шёлковой рубашке Эзария расстёгивал рывками, после каждого стреляя в Дашку глазами. Он решил, что колдунья смирилась. Очередное неповиновение чревато всплеском ярости, после чего Чезигер наверняка отставит намерение обойтись без грубости.

«Я не могу!» — раздавалось в мыслях у Дашки.

Несмотря на понимание, что непокорность навредит, что-то заставило колдунью слезть со стола. Слишком медленно, чтобы Эзарию это разозлило.

— Куда? — дыхнул в ухо принц, подошедший сзади и прижавший к себе.

— На лекцию, — она не нашла ничего лучшего, кроме как озвучить, куда шла до того, как её приволокли сюда.

— Там скучно, со мной веселее, — некромант принялся осторожно стаскивать мантию с Дашки.

Избавление от формы, занявшей руки Эзарии, не обеспечило моментом, дарующим шанс очутиться на расстоянии от нахала. Выпустить одежду — одна секунда, обречённая на роль подстилки даже не отдалилась от «ложа», некромант мгновенно оказался перед ней, заставив опуститься на стол.

— Как называется та дрянь, за которой нас сюда послали? — внезапно в коридоре послышалась мужская речь.

Чезигеру пришлось приостановиться. Ладонь, добравшаяся до застёжки на брюках Дашки, поднялась выше, под кофту.

— Проклятье, дверь приоткрылась, — выругался он.

— Стихийная жидкость, — ответил студенту Алекс Винсент. — Даша?! — последний вопль раздался в лаборатории.

— Мне стереть тебе кусок памяти или ты промолчишь по собственной инициативе? — Чезигер отвлёкся от ведьмы, из пяти метров, отделяющих его от призывателя, преодолел четыре.

— С кем ты разго… — хотел поинтересоваться другой маг, но увидев полураздетого Эзарию и распластанную на столе Дашку, пробормотал: «Извините», — и кинулся назад.

— Стой, Иланис, — приказал Саша. — Я не уверен, что

девушку не принуждают.

— Ты меня спас! — воскликнула колдунья, проносясь мимо принца и падая на друга.

— Неужели? — некромант щёлкнул пальцами, проведя рукой перед лицом по диагонали.

Одна из каменных плит, которыми был выложен пол, вылетела, устремившись к юноше. Реакция Саши молниеносностью не порадовала, плита задела его предплечье, разодрав и ткани мантии и рубашки, и кожу. Врезавшись в стену, своеобразное оружие распалось на осколки — такая была скорость, они по отдельности взмыли в воздух, и теперь не одна, а две цели могли быть поражены.

Старания Дашки завладеть вниманием Эзарии, используя галлюцинации, успехом не завершились, чёрный маг умело избавлялся от них, внедряя их в разум противников. От преследований около десяти каменных глыб и штук восьми несуществующих монстров (а ведьме потребовалось призвать именно столько, чтобы убедиться: они Чезигеру не страшны) удирать было нереально.

Кошмар прекратился, когда Саша сообразил, что его стихия включает в себя не только землю, но и камень. Эзария счёл призывателей выведенными из строя, его действия вновь определяла похоть. Дашка, заметив мелькнувшее в глазах названого брата решение, даже стала подыгрывать охотнику до женской плоти.

— Отойди! — крикнул Саша.

Колдунья, терпящая ласки, уклонилась, Эзарии попал в голову камень. Убить сквернавца или ранить серьёзно стихийный маг не рассчитывал, в удар он вложил сотую часть той силы, что могла послужить колдуну. Сознание принц потерял, крови просочилось меньше, чем у самого Саши.

Подобрав форму и сумку, валяющуюся в углу с минуты падения у стола, Дашка с призывателями умчалась.

— Как же тебя угораздило? — вздохнул друг, пока Иланис спрашивал в соседней лаборатории вещество.

— Хорошо я путь сократила, — ведьма закатила глаза. — Умудрилась вляпаться в поле зрения этого маньяка. Лорианте велела идти на занятие. Боюсь подумать, как девочка изводится. Очевидцев полно, кстати, было.

— И все равнодушно наблюдали?!

— Сострадающие находились, да рисковать не посмели. Видимо, принц свой факультет выдрессировал.

— Подонок! Что же надо было вытворить, после чего подобные выходки ему стали с рук спускать? Тебе не нужно к

целителю? — озаботился парень.

— У меня и синяков нет, — хмыкнула Дашка.

— Зато три засоса на шее, — парировал Саша.

— Чезигер старался облегчить мою участь жертвы, — усмехнулась колдунья. — Если он со всеми таков, неудивительно, почему многие девчонки мечтают под него лечь. Кстати, ты, в отличие от меня, нуждаешься в целительской помощи.

Явившийся с пробиркой мутно-жёлтой стихийной жидкости Иланис подтвердил, добавив, что Дашке следует идти в общежитие.

— У Лорианты сердце не выдержит, — отвергла она предложение. — Надо показаться ей.

До Фатоны Фаризе добралась за день, перед этим три дня потратив на освоение мастерства телепортации. Преобразованная магия грифона Флео прижилась внутри женщины удачно. Атаки, проклятия и усиливающие заклинания, то есть всё применимое в боях, у тёмной ведьмы по-прежнему не получались, телепортация и колдовство, связанное с созданием новой жизни, не были сложны. Правда, сразу из Аэльмы в деревню близ Зальвана переместиться для Фаризе ещё являлось невозможным, магия переносила её на десять километров, не дальше. Женщина перебиралась из города в город, чары иссякали быстро, восстанавливались нескоро, так что на улице Фатоны она, покинув дом погибшей семьи Дамре утром, возникла вечером.

Знаменитое поселение богато юными сумасбродами. Расположить к себе кого-нибудь из них и пользоваться лучшими чертами его характера ради своего блага нетрудно. Молодые люди жаждут подвигов, вдоволь налюбовавшись на хаос, еженедельно устраиваемый хранителями закона.

Фатона была, как всегда, приветлива. Резвящиеся феи в садах, огоньки окон, смех на улицах, фруктовые деревья, ветви которых перегибались через заборы, будто предлагая плоды прохожим, стрекот сверчков. Постоялый двор Фаризе посещением не удостоила — верный слуга должен быть коренным фатонцем.

На Центральной улице скамейки стояли под каждым деревом. Ведьма нашла незанятую, устроилась. Вскоре рядом села девочка, уже юная девушка четырнадцати-пятнадцати лет. Причёска была детской — две косы, одну она начала энергично расплетать, весьма неаккуратно, выдирая иногда волосы.

— Такие красивые локоны, а ты о них не заботишься, — укорила девочку Фаризе, когда увидела всё великолепие распущенных белокурых волн.

— Я с косичками как маленькая! — упёрлась блондинка. —

Брат заставляет так ходить, говорит, с ними скромнее выгляжу. Зато сестра убеждает, что видимость невинности мне вредит, потому что зрелые мужчины на девочек слюни пускают. Переживает, что меня совратит какой-нибудь тип, которому за сорок.

— А что родители? — спросила Фаризе, терпеливо приготовившись слушать.

— Родные давно погибли. Приёмная мать была убита примерно год назад, отец раньше умер. Остались две сестры и брат, — разговорилась случайная собеседница. — Одна сестра сутками на тренировках и в походах, вторая обожает всем помогать и её постоянно где-то носит, а теперь она преподаёт в Магической Академии. Брат бывает дома чаще их и пилит меня усерднее. За всех.

— Для второй сестры нет разницы, что ты делаешь с волосами?

— Теоне главное, чтобы мне было по душе. То есть вот так, — юная красавица взбила пальцами локоны, они рассыпались по плечикам и спине. — Это единственный раз, когда её мнение совпадает с мнением Джесс.

— Первой сестры?

— Ага. Джессика со всеми ссорится. Ой, а зачем вам это знать? Вы вообще кто, в деревне я вас не видела! — спохватилась девочка.

— Я телепортировалась сюда час назад. Моё поселение разрушили слуги Ирвинга, и я ищу местечко, где приняли бы обездоленную ведьму, — прикинулась Фаризе несчастной.

— И во многих городах вам отказали в приюте? — проникся чужим горем, пусть и вымышленным, ребёнок.

— На что мне надеяться в городах? — усердствовала женщина, почуявшая добычу. — Там слишком жёсткие нравы. Я посещала небольшие поселения, но жители стали недоверчивыми, отовсюду гнали меня.

— Жаль, Теона в Академии, — опечалилась девочка. — Уговорила бы брата пустить вас к нам. Места хватит. Когда-то сестра добилась от матери разрешения, чтобы у нас поселились четыре незнакомца, да ещё из Большого Мира.

— Так это твоя семья дала приют Великой Троице и покойному, увы, Дмитрию? — изумилась Фаризе.

— Благодаря Теоне! Леди, а давайте я попробую выпросить у брата позволение? — девочка сорвалась со скамьи, пробежала по улице чуть-чуть и, обернувшись, прокричала женщине: — Ждите, даже если не согласится, я приду!

— Ты даже не знаешь, как меня зовут! — рассмеялась она.

— Как же?

— Фаризе!

— Шаки! — представилась девочка в ответ, пропадая светлым пятном в темноте.

Ребёнок не обманул, вернулся, неся прикрытую вышитой салфеткой корзинку.

— Дома и брат, и сестра, и оба сказали: «Нет». Вы голодны? — Шаки сдёрнула ткань, показались кусок варёного мяса, хлеб и фрукты.

— Ты догадлива, — Фаризе запустила руку внутрь. — Да тут ещё что-то есть! — она вытащила старую, затасканную игрушку, тряпичного котёнка.

— Мне он помогал, — пояснила Шаки. — Я была очень больна и верила, что поправлюсь. Теперь вы верьте, в то, что обретёте и дом, и всё утраченное.

— Встретимся завтра утром здесь? — с ходу предложила ведьма. — Ты выручила меня, я отплачу.

— Проснусь я около одиннадцати, час буду собираться, за полчаса дойду, — Шаки обозначила время.

— Поздновато встаёшь, — заметила Фаризе. — Очевидно, ложишься спать далеко за полночь?

— Чтобы меньше слушать брата, я оказываюсь дома, когда он уже в постели. Вот с вами договорю и отправлюсь вместе с одним юношей в лес за Фатоной. По ночам там изумительно, я не догадывалась, пока этот парень мне не показал.

— Священный лес? — у женщины возникла мысль.

— Мортис его осквернил своим тёмным колдовством. Там были логова вампиров, после того, как все вымерли, их демоны сменили. Сейчас и демонов нет, красота прежняя, но священные источники не имеют силы, светлой энергией лес не наполнен — волшебное только великолепие, — грустно закончила Шаки.

— Логова сохранились? — всполошилась ведьма.

— Должны. Почему это вас заинтересовало?

— Мне необязательно жить среди людей. Достаточно будет, если ты ежедневно станешь навещать меня, — Фаризе незаметно вышла из образа, как для себя, так и для девочки.

— Одна я? Учтите, посвящать вам я смогу два-три часа в сутки. Народ в лес не наведывается, после деяний Мортиса добыть в нём что-либо полезное затруднительно, будь то благословление духов, святая вода или ингредиенты для зелий.

— Погружение в магию не требует общество, — завораживающе изрекла Фаризе.

— Чёрную? — попалась Шаки.

— Тёмные чары всех типов, — кивнула женщина. — От

ученицы я не откажусь, кстати.

— Я буду ждать на этой скамейке в полпервого, — прошептала девочка, тая.

Вампирское жилище одиноко мрачнело в глубине священного леса, ночью освещаемого феями и гладями источников. Перед пещерой, странным образом заколоченной досками, всё оказалось вытоптано, деревья срублены, из них образовано некое подобие стены, ограждающей логово. На получившемся дворе валяются человеческие останки, жертвы вампиров, и полуразложившиеся трупы, напоминания о демонах, свирепствовавших тут ещё месяц назад. Весьма кстати, будет на чём провести пару экспериментов.

Отодвинув одну доску, Фаризе пробралась в пещеру. Стены обиты такими же. Ничего не сгнило. Присмотревшись, женщина увидела, что в досках не чернеют точки шляпок гвоздей, следовательно, всё держится на магии, она же не дала дереву прогнить. Пол устлан тряпьём, в углу — груда книг, не представивших ценности для ведьмы, проза да стихи.

— Непросто обустроить эту дыру, — Фаризе вылезла из жилища, выскочила на нормальную территорию. — Чтобы придать ей вид приличной комнаты, понадобится не один день.

Она обнаружила у себя дар мага-трансформера, умение преображать предметы. Заклинанием женщина могла бы сделать из стволов деревьев обстановку пещеры: кровать, стол, полку для книг, стул, — но сила была недостаточно развита.

Побродив по лесу, ведьма наткнулась на другое логово, попросторнее. Его Фаризе отвела под лабораторию, все трупы и останки с того двора телепортировав сюда. Возвратившись в будущую спальню, колдунья превратила кучу тряпок в толстую пушистую шкуру — постель на несколько недель самосовершенствования. Позже можно будет позволить себе обзавестись чем-то комфортным.

Встала Фаризе, не ведая того, позже Шаки. Разволновавшаяся девочка прогулку по лесу отменила, с Тинзо Цельсием просто прошлась по парку. Когда женщина явилась к месту встречи, ребёнок уже ждал.

— Без опоздания. Молодец, — похвалила ведьма снисходительно.

Сама она предстала перед прислужницей в час.

— Вы приметесь за меня сегодня? — трепетала девочка.

— Твоя наставница желает сначала позавтракать, — ухмыльнулась Фаризе.

— У меня с собой есть деньги!

— Не буду же я существовать за твой счёт всё время. Кроме

того, я собиралась отплатить, а не снова разорить тебя. За эту подвеску, — она сняла украшение, обмотанное вокруг запястья как браслет, — мне заплатят как минимум четыре тысячи золотых. Кому я могу её продать?

Золотая цепочка из крупных звеньев, в каждом болтается серебряная руна — оберег, защищающий от стихийной магии низшего и среднего уровня. Фаризе взяла из дома Дамре столько артефактов, сколько смогла унести незаметно, не привлекая внимания. За них ведьма намеревалась выручить деньги на приобретение книг и компонентов зелий.

— Это же непростая подвеска? — спросила Шаки робко.

— Оберег, — утаивать от неё такие мелочи женщина не стала.

— Всем магическим интересуется Патрик Тейлор, — выпалила девочка.

— Веди меня к нему, — велела ведьма.

Ребёнок не подозревал, что она делает одолжение, не срываясь. Фаризе трепет обожательницы был кстати, что не воспрепятствовало забурлившему раздражению, едва не окрасившему сказанный приказ нотами злости. («Так веди меня к нему, чего стоишь!?»). Сбывалась мечта Шаки, скоро она постигнет чёрную магию, право на познание которой в семье ей не отводили. Хрупкое здоровье считалось помехой. Светлое чародейство не вызвало неприязни, тяга к тёмному являлось скорее бунтом против старших членов семейства, привыкших к вынужденной безропотности младшей сестры и дочери. Пришедшая с выздоровлением самостоятельность не прежнее их отношение не повлияла.

— Приветствую, леди! — Тейлор жестом пригласил Фаризе и Шаки пройти в роскошный дом. — Что понадобилось вам в моём особняке? — обратился он к женщине.

— Есть у меня любопытная вещь, которая может вызвать ваше желание купить её, — колдунья, зажимавшая подвеску в ладонях, растянула её перед лицом Патрика, руны звякнули.

— Продолжим разговор в гостиной, — поднявшись по лестнице на две ступени, маг поманил обладательницу артефакта со спутницей за собой.

Оправдались лучшие ожидания Фаризе. Получила она за оберег восемь тысяч. Одну ведьма потратила сразу же — на скромный завтрак и по нескромной из-за их редкости цене два книги, по некромантии и чародейству.

— Итак, сегодня с личными делами покончено, могу уделить время и тебе, — подобрела женщина, когда добралась с Шаки до их скамьи, где они познакомились — книжная лавка была

напротив. — Я бы хотела пригласить тебя в свою нору. Игрушка, что ты вчера преподнесла мне, может тебе ещё пригодиться, если кое-что с ней сотворить.

— Вы сделаете это в логове, да? И я должна присутствовать?

Вновь совладав с собой, чтобы не накричать на непонятливую (в действительности — растерявшуюся от свалившегося счастья) девчонку, Фаризе процедила:

— Без твоего непосредственного участия я ничего не добьюсь.

— Тогда — вперёд! — обрадовалась Шаки.

По дороге к обители ведьмы она не отставала с вопросами. Когда я смогу пользоваться заклинаниями высшего уровня? Нужно ли мне приобретать собственное оружие или подойдёт материнский посох? Что лучше — посох или жезл? Какая магия самая мощная? Велики ли будут сложности, если обучение начинается с нуля? Сколькими видами колдовства можно овладеть одновременно? Допустимо ли развивать в себе и тёмную, и светлую силу — вдруг брат заставит взяться за освоение целительского дела или тому подобной ерунды?

Фаризе снисходительно объясняла. С подобным энтузиазмом девчонка достигнет высот.

У стены перед логовом ведьма приготовилась, что Шаки при виде трупов свалится без чувств. Ребёнок же приятно удивил.

— Увлекаетесь некромантией? — блондинка, присев, ткнула пальцем в мёртвого мужчину. — Виверн создавать умеете?

— Практики у меня не было, — колдунья отодвинула доску, впуская гостью в пещеру. — Зомби, на мой взгляд, существа бесполезные, с ними сражаться нетрудно, обычного огня боятся. Когда их много — это оружие хорошее, но столько простому некроманту не оживить. Изрыгающая яд виверна представляет угрозу и в одиночку. Огромную угрозу. На этом мусоре, — женщина глянула на убитых людей, — я потренируюсь, позже примусь за мёртвых драконов.

— Из моего питомца виверну сделаете? Где он похоронен, покажу, — загорелась идеей Шаки.

— Что-нибудь ещё хочешь? — ученица начинала Фаризе умилять.

— Отомстить, — девочка озвучила старую мысль, возникшую два года назад. Тогда обозначились шансы, что ребёнок пойдёт на поправку, сможет заниматься магией. Правда, у матери и приёмной дочери были разные представления о том, за какие чары браться.

— Кому? — наставница встрепенулась, поражаясь, как удачно случайность свела её с этой девчонкой.

— Тому, кто разрушил моё поселение, уничтожил моих

родителей и сделал меня калекой, — на секунду очаровательная Шаки изменилась в лице, став похожей на решительную и бесстрашную представительницу жестокого воинственного народа риксов, изгнанного с территории королевства и выжившего назло всем в нечеловеческих условиях.

— Твоим магическим образованием надо заняться всерьёз, — изрекла Фаризе, не притворяясь. — Держи свою вещицу, — ведьма вернула ей игрушечного котёнка, всю ночь лежавшего на книгах. — Ты слышала о магии Вуду?

— Совсем немного, в Альдане это редкое искусство.

— Но в чём суть, знаешь?

— Все манипуляции с куклой, игрушкой, отражаются на том, о ком ты в данный момент думаешь, — Шаки уже не нервничала, не заминалась, беседа велась на равных.

— Этот котёнок вполне может быть приспособлением для Вуду. Такова будет моя плата за ужин, принесённый тобой.

— Вы наполните его магией?

— Твоя будет работа. Чужая энергия тебе не подчинится. Я лишь расскажу, что придётся сделать, — Фаризе разлеглась на шкуре, бывших тряпках, вернее, устроилась полулёжа, девочка переминалась с ноги на ногу от нетерпения. — Устраивайся, не стой.

Шаки опустилась перед ней чуть ли не вплотную, на колени, прижав к себе предполагаемое оружие.

— Вспомни, — попросила женщина, — как тебе сломали жизнь. Рушащиеся дома, погибающие селяне, болезнь. Звуки, выкрики, ощущения — всё.

— Боль, — отчеканила ученица. — Везде. В душе, в теле. Падающие стены, грохот, дым, пыль, ничего не видно. Теона хватает под руку, мы удираем. На дороге сталкиваемся с ищущими нас родителями, в них бьёт молния, я вырываюсь, падаю на них, пытаюсь привести в чувство, сестра оттаскивает меня. Потом — *она*. Чудовищная. Кто-то проорал: «Шаки, сзади!», — но я сначала посмотрела, откуда голос, замешкалась на сотую долю секунды… Будто смерть настала. Разбудила *она*, я жалела, что всё-таки не смерть была. Слёзы Теоны не высыхали вместе с моими. Дорога в Фатону не сохранилась в памяти. Сплошное мучение, приступы. Какая-то семья, пригревшая нас. Там был мальчик, — Шаки продолжала, не замечая, что разъедающая глаза солёная жидкость оставила первые линии на щеках. — Он рискнул дать мне эликсир, изготовленный отцом-алхимиком. Оказалось, над ним не закончилась работа, я отравилась зельем. Боли, вызванные этим, страданий не добавили, их *она* заглушала. Не помню, как восприняли наше с

Теоной появление дядя с тётей, кузены и Джессика. Первые годы в Фатоне — забытьё, я или спала, напоенная снотворным, или умирала от *неё*. Хлопоты семьи у моей постели, бледнеющая от ужаса священница Вивьен, не сталкивающаяся с таким проклятием ранее. Рыдания. *Она* была уже не при чём, уступив место обиде, досаде. В окно я наблюдала за другими детьми. Оказаться среди них возможности не было — передвигалась с трудом, в любой компании я была бы обузой. Дракон, которого вы пообещали оживить, Шанди, помогал мне ходить — являлся опорой в прямом смысле. Мой друг. Вы не этого ждали, да? — девочка вытерла мокрые полосы.

— Разозлись. Воспылай ненавистью. Ты жаждешь мести! — взвилась Фаризе. — Слёзы не сила, карает гнев!

— Я отыщу человека, приказавшего снести мою деревню. Он испытает *её,* я добьюсь! Это не простая боль, для *неё* не подобрать нужных слов, всё моё детство в страхе прошло — вот-вот *она* вернётся! Тот королевский маг, наверное, боли не знал вообще, был специалистом исключительно по её дарению, я заставлю его ответить! — Шаки захлебнулась в истеричном визге, ведьма была вынуждена дать ей пощёчину.

— Достаточно, — Фаризе взяла игрушку, чёрная магия нагрела её. Девочка, наделившая злом вещь, не чувствовала обжигающего тепла, другому магу стоило подержать тряпичного котёнка, чтобы получить уверенность: тут упрятано зло. — Пора прощаться. Я над ним поработаю. Будь готова к тому, что придётся то, что ты испытала только что, повторить при следующей встрече. Состоится она, допустим, через неделю. Наведываться в деревню я буду, за едой, зельями, ингредиентами и книгами, в случае, если первый урок я захочу отложить или перенести на ближайшее время, уведомление ты получишь.

— Можно, я стану просто так навещать вас? — произнесла Шаки, поднявшись.

— Пожалуйста.

Чем раньше привяжется — тем лучше.

Глава 9 Содействие Людвига

— Что тебе сказали? — Алина отозвала Теону, у которой сейчас должна была начаться лекция, в сторону, студенты пока занимали аудиторию, вваливаясь в помещение ярким потоком. — Когда и где нас заберут?

— В замке компании есть портал, соединяющийся с любыми другими. В полседьмого Кларисса будет ждать нас у ворот Академии, мы перемещаемся через портал возле Храма Девяти Созвездий.

— Почему именно она? — расстроилась Алина. — Мы сами воспользоваться им не можем?

— Требуется особое заклинание, которое действует только невербально. Ты на таком уровне что-то умеешь? — парировала Теона.

— Нет, — потерпела поражение волшебница. — Ладно, остальных оповещу, когда у них учебный день закончится.

— Почему ты так враждебно к ней настроена? — удивилась Теона. — Кларисса строга, но это не повод. Она связывается со мной каждый день, осведомляется о том, как у нас обстоят дела — переживает за нас, искренне!

— Кларисса следит, не передумала ли ты, — вздохнула Алина.

— Мне пора, — целительница в проёме широких дверей аудитории увидела, что группа приготовилась к лекции и дожидается преподавательницу. — До вечера!

У студентки занятий сегодня больше не было, она специально забегала к Теоне, чтобы узнать про отбытие, и Алина пошла в общежитие. У Саши было ещё две пары, у Дашки — одна, приятельницы из группы гуляли с кем-то, и волшебницу объяла скука. На улице царила жара, так что молодая женщина уселась в холле с книгой старинных сказаний. Чтение не заладилось — старшекурсники рядом разговорились чересчур громко.

— В этом семестре бал некромантов рано будет, слыхали? — заливалась какая-то девушка. — А первая дуэль, поговаривают, состоится через четыре дня после него.

— Преподаватели озабочены судьбой Даниэлы, мероприятия устраивают, чтобы отвлечься. Обычные поединки магов вводятся, лишь бы время заполнить.

— Разве этим можно так забить голову? Мысли о принцессе и о дуэлях совместимы.

— Главная паникёрша из профессоров — госпожа Риккен, — усмехнулся парень в форме факультета некромантии, —

являющаяся ещё и фанатичкой своего дела. В дни дуэлей для неё ничего, кроме демонов, не существует.

— Амерден Роамонес ей вторит, а что ему, алхимику, до боёв демонов и призванных существ? — оспорил точку зрения некроманта огненный маг.

— Пока Риккен спокойна, он тоже в здравом уме.

— Зачем тогда понадобилось назначать дату бала столь рано? Леди Лиоре не видит поводов вопить от ужаса.

— Её заставляют нервничать отношения некромантов и целителей. В нынешнем году дети, — повествующий выделил это слово, — вздорные до безобразия, особенно целительницы. Им только дай повод оскорбить некроманта. А те над девушками глумятся, запугивают. Бал будет действом с принудительным посещением, чтобы целительницы убедились: некроманты вовсе не психи.

— Про дуэли магов правда? — протянули недоверчиво. — Деканы факультетов чёрной, белой и стихийной магии влиянию Риккен и Роамонеса не поддаются.

— Так кажется. Профессор Рэймон невозмутим, другие пятеро изводятся. В понедельник деканы должны объявить студентам обо всём.

— Хорошенькое снятие напряжения! — воскликнул парень, возражавший некроманту. — Как сделают из дуэли побоище — целителям работы будет на месяц.

— Хоть не некромантам. Риккен может и переборщить.

Под несмолкающие голоса Алина покинула холл. То, что обсуждают старшие студенты, — опасное развлечение. А во всё опасное Великая Троица втягивается всегда. Волшебница глянула, не вернулась ли какая-нибудь из её приятельниц, убедилась в их отсутствии и завалилась на кровать в своей комнате с фолиантом.

Дашка с Лориантой явились к ней, как только она сообразила, что у первого курса чёрных магов уже завершилась последняя пара.

— Я скажу вам две вещи, — Алина, оставив между страниц закладку, закрыла книгу, отнесла её на стол, развернувшись к подругам возле него. — В полседьмого нас встречает у ворот Кларисса…

— Никого больше за нами послать не догадались? — скривилась Дашка.

— У меня было такое же лицо, когда Теона сообщила об этом, — хмыкнула названая сестра. — Не нравится Клариссе наша целительница, какова она есть, вот ведьма за ней и наблюдает, а заодно и за всеми нами.

— Мы ей до сих пор чужие, по-моему, — колдунья, не

отпуская Лорианту, заметно стесняющуюся, подошла к стулу, девочку усадила, сама встала напротив Алины. — Вторглись в её компанию, фактически семью. Выкладывай вторую новость.

— Старшекурсники диспутируют по поводу предстоящего бала некромантов и дуэлей магов всех классов, которые обычно бывают гораздо позже. Сроки ввели иные, чтобы занять преподавателей, не находящих себе места угадай, из-за чего?

— Настала моя очередь тебя озадачить, — с улыбкой произнесла Дашка вместо ответа. — Возьмём Лорианту с собой на выходные?

— Одобрят ли? — задумалась Алина, идею не отвергнув.

— Кому противиться-то? Николас, Томас, Клавьер, Тина и Бруно легко с новыми людьми общий язык находят, одна Кларисса бунтовать станет.

— Зато так, что Лорианта начнёт обратно в Академию проситься.

— Ты сейчас понимаешь, каково ей без нас придётся, — подловила её Дашка. — Лафина и Вайнона с Клариссой не сравнятся.

Та, о которой говорили, глазела на Алину с пронзительной надеждой, не мольбой. Навязываться было неудобно, томиться здесь два дня в одиночестве среди девиц, не скупившихся на издевательства и оскорбления, представлялось кошмаром.

— Попытаться ничего не стоит. Лорианта, ты выдержишь придирки вредной ведьмы?

— Придирки лучше магических атак и унижений, — проронила девочка.

— Надо предупредить Теону, чтобы она, когда Кларисса потребует её вновь, уведомила ведьму, что с нами ещё и Лорианта, — Алина напомнила о мерах предосторожности. — У леди Винсент… — волшебница просмотрела стопку пергамента, сложенного на столе, нижний выдернула, несколько полетело на пол. — Сейчас последняя лекция. Отправлюсь к ней, — пергамент в её пальцах сменил ключ от комнаты, схваченный с прикроватной тумбочки. — Вы к себе или со мной?

Ведьмы рассматривали подобранные пергаменты. Это были расписания групп Саши и Дашки с Лориантой, также студентов, у которых преподавала Теона.

— Откуда достала? — старшая ведьма вернула пергаменты на стол.

— Переписала, — Алина замахала рукой в сторону двери, выпроваживая.

— Придётся искать Людвига по всей Академии, — проворчала Лорианта уже в коридоре. — Кларисса же не будет

против него?

— Допустим, нет, — хозяйка комнаты выдернула ключ из замка. — Тогда вы осуществляйте поиски гомункула, я пошла к Теоне.

Возле холла подруги разминулись, Алина спустилась по лестнице, другие две остановились.

— Тебе уже выпадала радость вылавливать блудного Людвига в корпусе общежития? — сыронизировала Дашка.

— Нужды не было, — Лорианта пожала плечами.

— Будем спрашивать у студентов, не видел ли кто маленького гомункула?

Зелёные глаза уставились на Дашку с выражением полной готовности. Вся ответственность будет на избраннице Миротворцев, конечно. Себе задачу малышка Лори определит как «не отставать от Дарьи и вставлять периодически в её разговор с обитателями общежития пару слов».

Они допытали народ в каждом холле — оказалось, неугомонный Людвиг был замечен единожды, двумя девушками три дня назад ночью на пятом этаже. Подруги изумились: гомункул пусть и был миниатюрным созданием, но не настолько обыкновенным, чтобы на него не обращали внимания. Где же тогда парень разгуливает, неужели на улице? Впрочем, по аллеям и общежитию ходят одни и те же студенты, как и по замку.

— Ты не интересовалась, ради чего Людвиг на столь продолжительное время оставляет тебя? — Дашка чувствовала, что близится конец её терпения.

— Он прислушивается к жизни и смотрит на звёзды, — ответила Лорианта.

— Однако ничего полезного не выведал, или выведал, но нам не передал, — отрезала избранница. — Людвиг всегда странный?

— Это нормальное его поведение. Ты его странным считаешь? — девочка не обижалась, просто обменялась с Дашкой фразами. Искренними.

— Пятый этаж, — задержав взгляд на табличке с цифрой и пятью буквами, колдунья перехотела объяснять Лорианте, что если гомункул исправно посещает комнату девочки, где высыпается, это не означает его привязанность и доверие. — Тут он недавно был. Осмотрим тщательнее.

На пятом этаже обстановка и планировка ничем не отличались. Из отдыхающих в холле о существовании гомункула не догадывался никто, Дашка решила потревожить студентов в комнатах.

Затея получилась неудачной: ведьмы по-прежнему получали вежливые «Нет». Замерев перед последней дверью коридора

правого крыла (левое уже было опрошено), Лорианта сама её отворила.

Огромный круглый зал с чёрно-белой плиткой на полу. В центре — фонтан, мраморная эльфийка, с её раскрытой ладони льётся вода. Галерея. Множество одинаковых дверей из светлого дерева на обоих ярусах.

— Здорово замаскировано! — оценила Дашка, втягивая Лорианту за собой.

— Нельзя сюда посторонним, наверное, — упёрлась девочка.

— Закрыто на замок не было, предупреждения не висело, — колдунья задрала голову: под потолком висела полусфера из бледно-оранжевой плазмы, освещавшая галерею. Оттуда сыпались искры, таявшие, не успевая долететь до пола. От полусферы отделился кусок, опустившийся к первокурсницам, в воздухе сплющившийся и затвердевший.

— Наверх? — одной ногой Дашка ступила на него.

Поколебавшись, Лорианта согласилась. Застывшая плазма подняла ведьм на второй ярус. Там, где она остановилась, перила исчезли, восстановившись, когда посетительницы сошли. Вещество беззвучно взорвалось, не задев никого волной.

— Людвиг! — шёпотом позвала девочка.

Стоявшая тишина заставила усомниться, что здесь кто-нибудь есть. Шум воды в фонтане иллюзию не разрушал. Под протесты Лорианты Дашка подергала несколько дверных ручек — всё заперто.

— Немедленно сходи к целителям! — за очередной дверью внезапно грянуло восклицание Софии.

Молчание. Новая реплика профессорши:

— Эзария поэтому и остаётся безнаказанным, что преподавательницы слишком гордые!

— Какое унижение, — прошелестела Эйвилия.

Подруги приложили уши к двери, сразу стало слышно, что эльфийка плачет. Пару минут длилось бормотание Софии, очевидно, успокаивающей коллегу, затем декан демонологов заворчала громче и членораздельнее:

— Можно самому унизиться, можно быть униженным. В первом случае есть вина, во втором — виноват тот, кто унизил. Боевой маг, нападающий на волшебницу, не знающую магических атак, этой подлостью пачкает себя. Если он рослый, крепкий, сильный парень, а она хрупкая девушка — грязи больше вдвойне, но ни капли её не попадает на жертву.

— В больничном крыле ноги моей не будет, — Эйвилия всхлипнула. — Обращусь к старшекурсникам. Много мне не нужно, пары эликсиров хватит.

— Мейдину опасаешься? Рильен познала участь игрушки Чезигера три года назад, она должна понять, как тебе плохо. Да если и растреплет всей Академии, то шёпот за твоей спиной злым не будет. Слишком привычное явление. Ни одной молоденькой преподавательницы Чезигер не пропускает.

— Откуда такой цинизм, София? Представь себя в моём состоянии! Ты сможешь держаться равнодушной, когда студенты твердят, что… — эльфийка не справилась со слезами, разрыдалась.

— Я в нём чуть не оказалась однажды. В тот день на занятии я растратила всю силу. Физические способности у меня и Чезигера были равны, в магии он выигрывал. Спастись удалось: очнулась после оглушающего проклятия, Эзария ещё не перешёл к самому мерзкому, — София разоткровенничалась. — Я отпихнула его, оцепенел мальчишка скорее от неожиданности, чем от боли, подарив мне секунды, чтобы удрать.

— Король собрался женить сына, — внезапно сообщила пострадавшая, кажется, не дав Софии закончить. — Жалобами на принца его закидали, увольнять всех, как раньше, Ирвингу надоело, слишком велики потери, замены подбирать проблематично. За все пять лет обучения Эзарии — ни одной достойной.

— Кто поведал? Не Мейдина ли?

— Госпожа Лиоре. Изъяла у Чезигера переписку с приятелем на лекции.

— Взбунтуется сынок, — Софии решение короля не показалось надёжной мерой. — Ограничиваться в связях Эзария не будет, а назло отцу может стать ещё более неразборчивым.

— Куда уж больше!

— Главное, что единственная жена легионы подстилок принцу не заменит.

— Достаточно, — захлебнувшись в отвращении, Дашка отскочила от двери, но поскользнулась и очутилась на полу.

София вылетела моментально.

— Что хотите?

— Тут не появлялся гомункул, ниже полуметра ростом? — выпалила Дашка.

— Зачем он вам? — насторожилась демонолог.

— Мы уезжаем на выходных, я хочу забрать его, он принадлежит мне, — Лорианта недобрых намерений Софии не углядела.

— Вам известно, что этот гомункул шастает по спальным преподавателей? — несомненно, женщина их обвинила.

— Полчаса назад узнали, — девочка выпад не почувствовала.

— Не вы его подсылали? — София задала вопрос с такой гримасой, что ведьмы, будь профессорша права, не сумели бы солгать.

— Мы отпускали его бродить по общежитию, не представляя, что Людвиг делает в свободное время, — утаивать от госпожи Риккен непредусмотрительность Лорианты Дашка не решилась, посмев приписать её и себе тоже, что, в принципе, обманом не было.

— Имя гомункула я не требовала, — огрызнулась София. — Лишить бы вас двоих права покидать Академию до каникул.

— Он подслушал что-то и выболтал, кому не следует? — ахнула Лориантa.

— Ещё неизвестно. Больно похожа на шпиона эта ошибка алхимии. У неё нет противопоказаний к употреблению сыворотки правды? Как поймаем — напоим, — уведомила София и вернулась к Эйвилии. Эльфийку за спиной госпожи Риккен первокурсницы не разглядели, до них доносились редкие всхлипы.

Скрипнула дверь на нижнем ярусе, вышел Велистер Рэймон.

— Профессор! — крикнула мужчине Дашка. — Не встречали вы тут гомункула?

— Так это ваш? — преподаватель, просияв, скрылся в комнате и вынес Людвига, посапывающего у него на руках. — Забирайте, иначе София с Амерденом парнишку изведут.

— Он часто им на глаза попадается? — спросила колдунья тише: от демонолога разумно было скрыть, что гомункул обнаружился.

— Юношу часто замечали в окнах скрытого крыла, — сказал Велистер, возобновив объяснение, когда Дашка с Лориантой очутились перед ним. — София приводила сюда церберов, которые должны были его поймать. Не получилось, не выследили.

— Как Людвиг мог находиться снаружи, если этого помещения будто бы нет? — поразилась Дашка.

— В окна-то высовываться можно, в комнатах и балконы в наличии — у того, кто находится там, впечатление, что он на балконе спальни, которая теоретически расположена за дверью, скрывающей это место.

— Многие преподаватели засекали гомункула тут?

— Кроме нас троих — Сельмина, Винизор, Парлиста, Триания, Сорвег и Джамарида, — профессор назвал незнакомые подругам имена. — Сельми много преподаёт у целителей, посему скоро и до Мейдины дойдёт, и имя Людвига не будет ничего говорить только глухому.

— А что эти люди? Что-то предпринимают или не

подозревают его? — Лорианта, наконец, забрала гомункула у белого мага.

— Стараются здесь не распространяться о всяких важностях. Поэтому в крыле такое безмолвие.

— Уверяю, ничего ужасного он не пронюхал, иначе передал бы нам, — протараторила девочка убедительно.

— Специально гомункула подослали? — рассмеялся Велистер. — Людвигу я приписывал обычное любопытство.

— Мы просили его держать нас в курсе того, что связано с Даниэлой, — врать этому человеку Дашка не хотела, хотя смогла бы.

— Ох уж наша София, — вздохнул профессор, не злясь. — Для неё принцесса не просто избавительница от короля Ирвинга. У леди Риккен прошлое, куда нет допуска никому. Даниэла где-то там, клянусь могуществом предков.

— Она о *таком* умалчивает? — Лорианта чуть не выронила Людвига, от её вскрика проснувшегося.

— София в Академии работает уже пять лет, — Велистер присел на бортик фонтана, слушательницы опустились рядом. — Именно потому, что мы стремимся вернуть леди Сагрену. Ей было всего шестнадцать, она только что освободилась из рядов Отряда Смерти. Девушка, утратившая доверие ко всем, нелюдимая, умоляла взять её преподавательницей демонологии. При испортившемся характере София являлась неплохим специалистом. В теории разбиралась неважно, но с демонами управлялась, как с домашними животными — навыки приобрела в период мучений в Отряде.

— Получается, сейчас профессору Риккен… двадцать один?! — удивилась Дашка. — Она одного со мной возраста?

— Отряд Смерти старит, — изрёк Велистер, — делает взрослыми лица, ведь с детством и юностью попавшие туда прощаются. Первый семестр Софию студенты всерьёз не воспринимали — ровесница первокурсников! Девушке удалось вызвать уважение к себе, сейчас её многие даже побаивается.

— Когда-то в Отряде Смерти страдала Эвилана. Какая же это жуткая организация, что так меняет выживших в ней?

При упоминании о бывшей королеве, приказывавшей истреблять светлых магов, Лорианта вздрогнула, мужчина пустился в объяснения:

— Туда отправляют в качестве наказания трудных подростков. Отряд проводит кошмарные операции, дети гибнут десятками. С неживой армией мистера Мортиса он бился, с демонами, наводнившими королевство после того, как было прочтено главное заклинание книги Смерти, сражался. В

восстаниях участие принимал. На войнах партизанил. Охотился на вампиров. Не детские забавы, но тяжелейшее испытание для несчастных — предводительница Отряда, четырёхсотлетняя Алия Ави. Жизнь свою женщина продлевает, подпитывая её энергией маленьких воинов, забирая всю. Убивает ради себя она не чаще, чем раз в месяц, однако такие убийства и составляют главный кошмар Отряда. Смерти в боях или при переходах через опасные зоны внезапные, а действия Алии — медленный яд. Дети понимают, что кто-то из них обречён на умерщвление, не ведая, когда и с чьим участием состоится эта бесчеловечность. Жертвой может стать каждый, в любой день. Жизнь в постоянном страхе — главная пытка, которую терпят ребята.

— Я знакома с сестрой предводительницы, — Дашка вспомнила, как Айрис Ави рассказывала, что у мужчины, взявшего её к себе в семью, была дочь, возненавидевшая юную риксу. — Женщина тоже живёт четыре века, тоже имеет свой отряд, но туда добровольно вступают, и секрет долголетия второй Ави в особом эликсире. Не исключено, что они всего-навсего однофамилицы, только что-то мне подсказывает — и впрямь сёстры, — колдунья не стала уточнять, что неродные.

— В Большом Мире одинаковые фамилии у членов разных семей попадаются крайне редко. Иногда люди меняют собственные, называясь в честь какого-нибудь героя, ни одна из этих воительниц не почитает другую настолько, — Велистер разубедил студентку окончательно.

— Они друг друга терпеть не могли, — фыркнула Дашка.

— Даниэла, случайно, в Отряде Смерти с госпожой Риккен не состояла? — предположила Лорианта.

— Мартин *надеялся* перевоспитать дочь на свой лад, — опроверг это профессор. — Алию Ави нельзя заставить выделять одного из детей Отряда. Там все равны, и королевские отпрыски, и простые деревенские ребята, никогда не видавшие больше тысячи золотых в чьём-либо распоряжении.

— Болтаешь с девицей Винсент? — прогремел коварный вопрос Амердена.

Алхимик неслышно возник из комнаты, когда все обернулись на голос, среди дверей нижнего яруса была распахнутая.

— Девушки пришли на консультацию к Десмилии, — лихо выкрутился белый маг, защищая первокурсниц. — Леди Рейми задерживается, я скрашиваю им ожидание.

— Леди? — Лорианта хихикнула.

— Десмилия пол скрывает, — Амерден ответил лишь потому, что не желал у себя под ухом смешков. — Я склоняюсь к тому, что Рейми — мужчина, находясь среди преподавателей в

меньшинстве. О, вы схватили его! — алхимик потянулся к Людвигу, девочка отодвинулась, из-за резкости движения чуть не свалившись в воду.

— Я забираю гомункула. Не трогайте!

— Вы хозяйка этого безобразия? Объясните, по чьему приказу оно рылось в моих бумагах, — взвился брюнет.

— Людвиг! — возмутилась девочка.

— Лори, вы сами взывали к моей помощи. Понимаю, тот шестикурсник с некромантии вас интересует сильнее, только я в спальных преподавателей не всё оглядел ещё, — заявил гомункул. Юноше перепала потрясающая простота его создательницы…

Персиковые занавески на открытом окне от щедрых дуновений ветра взметались к потолку и удерживались там. На соседней кровати спала Лорианта, в девочку влили столько сыворотки правды, что в больничное крыло ребёнок угодил надолго: отравление.

Досталось и Дашке, и Алине, и Саше, и Людвигу, и даже Велистеру. Амерден допрашивал их целый час, выяснив, что в начале недели компания хотела знать про принцессу Даниэлу и всё необходимое успела получить легально от Миротворцев, а теперь обеспокоена отношением Эзарии Чезигера к Теоне Винсент, невесты Томаса Дьюри — брак необходим, чтобы вызволить леди Сагрену из Риции. Что касается Велистера, то профессор непричастен к развивающейся активности молодых магов.

С Лориантой сидела Дашка, не пострадавшая от подозрительности Амердена. Уже шесть, скоро придёт Кларисса. Ведьма будет злиться, если компания опоздает, причём повод несвоевременной явки — захворавшая Лорианта. Наверняка Теона уговорила женщину приютить девочку на два дня и две ночи, колдунья, хоть и дождётся, пока самочувствие не позволит Лори подняться с постели, будет злиться, позже станет высказывать друзьям, что думает о них и о бедной сиротке, привязавшейся к ним с их разрешения.

Заглянула Алина и прошептала:

— Нам пора. Кларисса, как ей доложили про инцидент, соизволила явиться в замок.

— Часы отстают? — Дашка, сделав ещё взгляд на часы, убедилась, что стрелки образовали прямую линию.

— Она успела поменять время визита. Тормоши Лорианту, — с неохотой велела волшебница, ей было жаль ребёнка.

— Кларисса в замке? — Дашка задумалась, хорошо это или

плохо. — Лори, вставай!

— Потребовала представить её Роамонесу, типу, опоившему нас зельем. Сдаётся мне, алхимику мало не покажется, — Алину пришествие ведьмы, по всей видимости, радовало.

— Мы уезжаем? — девочка зевнула, потягиваясь.

— Сумка твоя собрана, Людвиг постарался. Бегите за вещами и ступайте на площадку перед замком, Алекс уже там, сторожит и мои пожитки заодно. Так, ты справишься? — спохватилась подруга, сообразив, что Лорианта не смахивает на исцелившуюся.

— Меня тошнит, — Лорианта вылезла из постели, проковыляла к Алине. — Идти вроде могу.

Путь от больничного крыла до общежития и обратно затруднений не вызвал, зато самой нести сумку девочке было нелегко, Дашка дотащила свою и её. Кларисса с Теоной и Алиной опередили юных ведьм, все предстали в сборе.

— Здравствуй, — снисходительно кивнула сиротке женщина. — Находиться тут лишние минуты резона нет, идёмте.

В присутствии Клариссы, находящейся не в лучшем расположении духа, никто не решался перекидываться фразами. На улице прохожие иногда косились на группу, нагруженную сумками и книгами, не взлезающими туда, ведомую шагающей налегке красавицей, руки её заняты были только посохом.

В дверь портала, за которой скрывалось небольшое помещение, — шесть магов заполнили его всё — ведьма пропустила компанию, потом сама вплыла. Спустя мгновение Кларисса дверь отворила, перед ними была комната.

— Наше новое пристанище, — объявила женщина. — Храню надежду, что мы нескоро его сменим.

— Сколько же в замке комнат такой интересности? — Теона, выбравшаяся последней, застыла с восторженной улыбкой.

Портал этого невидимого чуда, летающего на достаточной скорости, располагался в самой маленькой комнате, узкой, по мнению Бруно, являющейся коридором, прегражденным стеной возле лестничного пролёта. От пола до потолка — целых пять метров! — тянулись стеллажи, уставленные книгами, разнообразными приборами, горшками с необычными растениями, скелетами мелких животных (Тина строжайше запретила Томасу с ними экспериментировать), кое-где было навалено свитков. Между двумя стеллажами у одной стены ютилась софа, у второй линии полок разбивались дважды, столом и платяным шкафом. Подушка и скомканный плед на софе, наличие на письменном столе тарелки с остывшим обедом (ужином?), место под которую освободили тем, что отодвинули мешающие бумаги и вещи назад, свидетельствовали: комната

используется как жилая.

— Бруно, попросила же прибраться, — прошипела Кларисса и сказала громче: — Все спальни на этажах выше — свободны. Осваивайтесь.

Женщина бросила гостей, оглядевшихся и рванувших на лестницу.

Глава 10 Её согласие

— Теона замуж выходит, — оцепенела Джессика, магический шар из её рук выпал, покрыв пол россыпью осколков.

— За кого? Когда сестра умудрилась влюбиться? — растерялся Дерик.

— Не по любви, — воительница подошла к брату, наступив на стекло, окрасившееся в красный, такие же пятна отпечатались на полу; она не поморщилась — лицо ещё не ожило, гримаса не стёрлась. — Чтобы спасти Даниэлу, требуется союз священной магии и некромантии — брак магов с этими силами. Жених Теоны — Томас Дьюри.

— Мальчишка из банды проходимцев?

— Те проходимцы — преданные идеям люди, мне не слишком приятные, но надёжные, — Джессика не намеревалась отстаивать их честь, её раздражали неверные суждения Дерика о ком-либо; в этот же момент строгость потонула в отчаянии: — Зачем Теоне такая участь, отсутствие любви в браке?

— Кто-нибудь дома есть? — молодому человеку не дал ответить крикнувший с крыльца Патрик.

— Сейчас открою, — проворчал Дерик.

— Ваша Теона уже обеспечила себе бессмертие в памяти альданцев, — весёлый колдун, ввалившись в гостиную, отдышался. Видимо, так торопился что-то сообщить семье Винсент, воительница подозревала, что, и не прогадала: — Как Солнечную Принцессу её уже почитают, теперь девочка будет легендарной священницей, вместе с не менее легендарным некромантом вызволившей Даниэлу Сагрену из Рицции.

— Именно моя сестра? Из всех священниц королевства нужно жертвовать её счастьем? — набросилась на Патрика Джесс.

— Честь священника, посетившего Рицию, будет запятнана так, что службу в храме придётся оставить, на загробную жизнь более не рассчитывать, — маг достаточно знал молодую женщину и был готов к воплям гнева. — Теона считает себя целительницей, Рицция не лишит её ничего. Слишком мало волшебников в Альдане, предпочитающих священной магии целительскую. Искать долго.

— Даниэла в тёмном царстве мёртвых уже не один год, — заявила воительница. — Если мы потратим ещё несколько лет, выискивая целительницу, готовую на это, вряд ли принцессе станет хуже.

— Не смей! — Дерик с размаха ударил сестру по щеке. — Мы не представляем, что с ней сейчас, возможно, девушка в

помешательстве, на избавление от которого понадобится десяток сеансов экзорцизма, а они всегда есть огромный риск для жизни. Ты конченая эгоистка, Джесс, — процедил парень.

— Мне показалось, что она Теону защищает, — пробормотал Патрик, потрясённый его поведением.

— Она Теону ненавидит, — старший Винсент скривился. — Ей лишь бы со мной препираться, — по-своему истолковал слова Джессики Дерик.

Между молодыми женщинами отношения были странными, действительно проявление любви у воительницы больше смахивало на противоположное чувство, так как с ужасающей регулярностью она давала волю рукам, оскорбления вообще были бесчисленными. Джессика стремилась перевоспитать целительницу, доброта и наивность волшебницы были слишком велики, чтобы позволять ей видеть мир таким, каков он есть. Теона будто не замечала жестокости кузины, что выводило из себя Джессику ещё сильнее. Несмотря на всё, ей воительница желала добра, ничего иного.

— Венчание через неделю, — произнёс Патрик. — Где-нибудь в тихом месте, не в Фатоне.

Джесс покинула комнату, снова поранившись хрустнувшими осколками.

— Тихое место — это условие? — хмыкнул Дерик, зная, что всё не так.

— Вот ты не издевайся! — воскликнул чёрный маг. Визит расстроил колдуна, Тейлор не думал, что всё обернётся столь жёстко. — Девочка в шоке, ей скопление народу ни к чему.

— Прекрати называть её девочкой, — попросил с раздражением парень. — Будто не знаешь, что Теона давно ею не является.

— Зато по характеру — вечный ребёнок.

— Не самая удачная компенсация.

— Пожалуй, я сказал всё, что собирался, — Патрик, заметивший, что ему не рады, с первой минуты сегодняшнего пребывания в доме Винсентов, констатировал мысленно: Дерик изображать вежливость не желает, значит, нормального разговора быть не может.

Прощаться колдун не стал, ощущая, что ему или нахамят в ответ, или промолчат — такая же грубость, но в иной форме.

Закрыв за ним, хозяин убрал с пола стекло.

— Вин… Теона! — София хотела обратиться к новой коллеге как обычно, по фамилии, но решила, что неприязнь отныне лучше придерживать.

Блондинка развернулась. Услышав своё *имя*, она не удивилась — на эмоции в связи с обрушившимся стрессом Теона способна не была.

— Плохо ты выглядишь. Пугает будущее замужество? — профессорша, кинувшаяся к ней с конца коридора замка, резко остановилась, запыхавшись, возле невесты, дальше преподавательницы пошли наравне.

— Не смогу я полюбить Томаса как мужчину, — говорить ей было трудно, речь приходилось замедлять, чтобы успевать проглотить подступающие рыдания. — Неправильный союз, так не должно быть.

— Любовь тут значения не имеет, — вздохнула София. — Крепись. Вынужденный брак не на всю жизнь, вы расторгнете его, когда Даниэла будет свободна.

— Развод? Такое же предательство, — возразила Теона. — Нет, никогда.

— Союз этот, вероятно, будет мучить вас обоих. Ты встретишь того, кто тебе нужен, Томас — тоже, и терзания всем четверым обеспечены. Или троим, если влюбиться повезёт одному. Раз пропадёт нужда хранить союз — зачем лишать себя счастья? — демонолог такого упрямого отрицания не ожидала и начинала пасовать.

— Если он создан — так суждено, — Теона хотела согласиться с профессоршей, но что-то не позволяло.

— Ты сознательно обрекаешь себя и Томаса? Не исключено, что брак прекратит существование по его инициативе, да опасаюсь я, что он подчинится твоему смирению, — на лбу Софии образовались складки угрюмости.

— Моя вторая жертва королевству, — пролепетала целительница. — Наверное, легче перенесу.

— Жаль, что в детстве я попала в замок Мартина. Там у меня не было возможности вникать в тонкости светлого волшебства, я довольствовалась чёрной магией. Давно забыла её, — пояснила госпожа Риккен непонятно зачем. Замкнутая волею диких обстоятельств, женщина не умела изливаться, поэтому роняла лишнее, сбивалась. — Король приказал меня в Отряд Смерти сдать, одновременно дав распоряжение заключить Даниэлу в Рицию. Я знала, как вернуть принцессу обратно, знала, как сложно будет получить помощь от священника, мечтала развить в себе необходимые магические силы, не догадываясь, что именно они являются врождёнными. Я бы заменила тебя, за кого угодно бы вышла, хоть за Эзарию! — выпалила демонолог, выкриком собрав на себе внимание студентов, мирно шагающих в аудитории.

Успокаивая, Теона прижалась к её лицу щекой.

— Я не передумаю, — шепнула она. — Первая жертва составила сотни невиновных вампиров, вторая — в худшем случае три человека, не считая меня.

— В тебе цинизм появился? — София насторожилась.

— Научили, — священница не уточнила, кто постарался. — Ты упомянула Эзарию как юношу недостойного, — в монологе Риккен её тоже кое-что задело. — Ты преувеличиваешь, он довольно милый.

— Ему не занимать обаяния, и девушки, им подкупаемые, переходят в полное распоряжение принца Чезигера. Остерегайся негодяя, твоё замужество не повлияет на его желание, — предупредила София.

— Желание чего? — никаких гадостей в голове Теоны не возникло.

— Увлечение у королевского сыночка — молоденькие хорошенькие особы. И ведь теми, кто на него вешается, не довольствуется, — её передёрнуло при воспоминании о том, как с ней чуть было не случилось несчастье.

— Он их… силой? — обомлела волшебница.

— Дави симпатию к нему, иначе пополнишь предлинный список игрушек Эзарии.

Показалась аудитория, где предстояло читать лекцию Теоне. Целительница осталась у дверей, София шла вперёд, словно не заметив, что коллеги рядом уже нет, и её взгляда в спину она не чувствовала.

К непохожести декана демонологов на остальных преподавателей Теона не привыкла. Холодная, но с огнём в глазах, привязанная к подруге детства, Даниэле, и к науке, преподносимой студентам Академии, она умеет быть увлечённой и страстной, переживая всё внутри, всплески же обрызгивают всех, кто попадается ей под руку. На занятиях её энтузиазмом не любоваться нельзя, безопасность дочери покойного короля тревожит Софию до паники.

Священнице не было известно, что госпожа Риккен едва не пострадала от похотливости Эзарии, иначе Теону изумила бы манера одеваться, присущая профессорше. Обладательница пышной груди, плоского живота и округлых бёдер, София подчёркивала фигуру обтягивающей одеждой. Юбок не носила — всегда брюки ошеломляюще короткой длины, грозившиеся разойтись по швам, когда женщина садилась. Рубашки и кофты также обнажали больше тела, чем допускали приличия. Коллеги недопустимый для учебного заведения стиль ей прощали, студентки декану завидовали, студенты преподавательницу

боготворили.

— Леди Винсент, — позвали Теону из аудитории. — Занятие началось.

Демонолог же была пока свободна и направилась к тренировочной площадке, находившейся в отдалении от замка и общежития — оно и послужило причиной выбора места, где провести следующий академический час.

Уединения не получилось — там уже была Ада Лиоре.

— Пропало душевное равновесие? — усмехнулась профессор некромантии.

— Винсент согласилась стать женой некроманта, — безжизненно проронила София.

— Свадьба приближает нас всех к правлению Даниэлы. Ты жаждешь снова увидеться с ней? — Ада села вполоборота, одной рукой облокотившись на спинку скамьи. Демонолог, хоть предложение расположиться рядом было очевидным, помедлила. Когда оно оказалось принято, черноволосая красавица продолжила: — Теона и жених её справятся. Даниэле поправят душевное здоровье. Девушка узнает тебя, не сомневайся.

— За Теону нервничаю. Ей приходится тратить себя на великие дела ради страны, опустошая себя.

— Волнуешься за девчонку? — Ада подчеркнула слово, которым София обозначала целительницу в беседах с коллегами.

— У неё прошлое нелёгкое, я научилась улавливать чужую боль. Брак сломает её совсем. О себе она не рассказывает, Рильен — и та в неведении. Я просто вижу…

— Мне тебя не понять. У меня были до отвращения благополучные детство и юность.

— Не повод ехидничать над собой. Лучше не иметь чуткости вовсе, чем заработать это качество таким путём, — изрекла выжившая в Отряде Смерти. — Я никогда не забуду два дня: когда моя мама очутилась в королевском окружении, а Даниэла заметила бойкую дочку одной из отцовских служанок, и когда меня представили Алии Ави. Два дня рождения — шесть лет и одиннадцать. Символично!

— На твоё шестое рожденье ты получила бесценный подарок, — улыбнулась Ада.

— В первый день жизни при дворце я умудрилась стащить артефакт Мартина, оригинально выполненный жезл в виде тюльпана. Наконечник — рубиновый цветок, из него искры вылетают жёлтые при колдовстве, листья изумрудные — не оружие, яркая игрушка! Тяжёлая, я с трудом подняла. Маленькой тощая была, мышцами обросла в рабстве у Алии, — София нечаянно отступилась от приятного ей повествования, вернулась

быстро: — Так получилось, что на Мартина, идущего по лестнице с дочкой, я налетела сразу же, как выбежала из зала, где король оставил жезл. Ворованную вещь волокла за собой. Правитель велел меня выпороть, Даниэла сказала, что отведёт провинившуюся, куда следует. Обещания юная принцесса не сдержала. Расспросила, зачем мне оружие, я, краснея, призналась, что увидела в нём красивую безделушку — она подарила несчастному ребёнку, не имевшему никакой роскоши, целую шкатулку своих украшений. Сопротивляться нахлынувшему счастью я не могла — откуда у детей скромность? Даниэла, наверное, впервые увидела искренность. Прямо с этого дня и началась дружба. Мартин, полагая, что принцесса безродную девчонку просто купила, от скуки — других ровесников её в замке не было, — поэтому на наше тесное общение закрывал глаза. А мы всего лишь быстро научились понимать друг друга. Разница в сословиях нам не мешала. Обманывался король пять лет, потом прозрел — его дочь спелась с «этой мразью»! Он моё имя не удосужился запомнить, хоть Даниэла постоянно повторяла его в присутствии отца. Отказывался слышать. Терпение не было безграничным: когда девочка на мои одиннадцать лет вознамерилась преподнести мне какую-то слишком дорогую вещь (в то время я уже испытывала страшную неловкость из-за того, что подруга столько на меня тратит), Мартин отдал меня в Отряд. Дочь раздражала правителя добротой и отзывчивостью — наши приговоры озвучили в один день, в один час. Отряд смерти и Риция, — женщина опустила голову.

— Вы больше не расстанетесь, — заверила её Ада. Если София была сдержанной, но эмоциональные вспышки случались мощнейшие, то Лиоре пылала умеренно, но непрерывно. Она запретила себе думать о возможной неудачности мероприятия — и запрещала другим.

— Только от тебя я приму подобные слова. Скажи другой преподаватель нечто похожее, выглядело бы бездумным утешением, жалостью.

— Хочешь, я поговорю с Теоной? — предложила профессорша-некромант.

— Чтобы мне приятное сделать? — рассердилась демонолог. — Ранишь этим Винсент. Неделя равнодушия — и вдруг попытка влезть в душу. Подозревать она не умеет, но всё может всплыть. Очередная доза фальши Теону отравит.

— Целительница мне интересна: заметно, как старается открываться всем. Старается. С удовольствием бы закрылась, отгородилась.

— По-твоему, леди Винсент притворяется?

— Нет, держится, изменившись с того вечера, как её поставили перед фактом: выйдешь замуж. Должно быть, у Теоны кто-то есть, и разрывается священница между любовью и долгом.

— Не Чезигер ли?

— Кобель и до неё добрался?! — возмутилась Ада.

— Принц уже на полпути. Только не он в её сердце, — внезапно София сменила точку зрения. — Человек, бывший с ней долго, вот кто.

— Почему тогда Теона с ним связь потеряла? Сдаётся мне, тут всё не так банально, как представляется.

— Невзгоды начались давно. Она сама сказала: был ещё один мучительный выбор, что-то отнявший. Не единственное испытание — уже моё предположение. Потерь больше, чем принудительная свадьба и то метание. Гораздо. Простодушным проще наносить удары — для них в жизни много потоков света, которые достаточно гасить по очереди.

— Пойду я к ней, — собралась Лиоре.

Пара ещё не закончилась. Ада тихо отворила дверь аудитории: Теона сразу увидела, кто вошёл, студенты оглянулись, из уважения к целительнице к работе вернулись моментально, приготовившись писать и слушать снова. Лекторша же прервалась, ожидая, что декан вызовет её или сообщит нечто. Но женщина, подойдя, села на свободное место в первом ряду, кивком дав понять, что Теона может продолжать. Присутствие Ады сначала смущало её, затем вдохновило: колючий взгляд карих глаз превратился в мягкий, греющий. Как ни странно, метаморфоза облик изменила мало, насмешливость за теплотой таилась. Вместе два настроения образовали бы снисходительность, но они ужились. Первое спряталось, второе господствовало.

После окончания занятия, пока помещение пустело, а целительница наводила порядок на столе, Ада оставалась за партой. С возникновением тишины декан протянула:

— Студенты от тебя в восторге. Хорошо им объясняешь, доходчиво.

— Опыта много, — ответила Теона. — Ссылка в Денаувер, восстание. Примеров много привожу, оттого и понимают.

— Денаувер? — откровение ошеломило Аду. — София была права, — вырвалось у неё, пришлось договаривать: — Госпожа Риккен догадывается о кошмарах твоих прошлых лет. Это не праздное любопытство, как у Мейдины Рильен. Видение. Она потеряла единственную подругу, почти четверть жизни терпела мерзости кровопролитий, теперь научилась распознавать чужое горе.

— Могу вообразить, каково ей.

— Ты даже не спрашиваешь, зачем я сюда явилась, — хмыкнула брюнетка.

— Раз пришли, значит, нужно, — Теоне намерения декана были безразличны.

— Приглашаю тебя в свой номер в скрытом крыле. После ужина.

— С какой целью? — в целительнице зашевелилось изумление.

— Тебе требуется общество. Сблизиться с преподавателями ты не успела, будучи оглушённой обязательствами замужества и посещения Рицции. Надо упущенное навёрстывать. Опасно носить тревоги в себе, следует делиться.

Предложение принять сразу священница не смогла. Перекладывать собственные проблемы на кого-то Теона себе не позволяла, они всегда сами пропадали под лавиной чужих сложностей, куда молодая женщина бросалась бескорыстно. Сейчас размеры личного оказались огромны, девать некуда, принципы же сохранились.

— Охота вам утруждаться?

— Коли я потратила время, чтобы заглянуть к тебе — наверное, охота, — ирония прокралась на поверхность, на обычную позицию.

— Согласна, буду у вас в полвосьмого, — сдалась волшебница.

Номера в скрытом крыле не были похожи, как студенческие комнаты, различающиеся в основном цветовой гаммой. За каждой дверью простиралось помещение, соответствующее вкусу преподавателя, его занимающего. У Теоны была маленькая аккуратная спальня, Аде принадлежал жуткий зал раза в четыре просторнее — в длину с шириной и в высоту. Пол, стены и потолок отделаны чёрным мрамором с золотой отделкой под потолком и у пола, в углах по фонтану, чёрной же горгулье, роняющей воду из пасти. У окна спинкой к нему — кровать, на которой могли бы разместиться трое, алое покрывало на ложе выделяется ярким пятном. Есть дверь, очевидно, за ней шкаф, потому что в комнате его нет. Остальные предметы мебели, все чёрные — два прикроватных столика да столько же кресел у стены, противоположной той, что отделяла спальню от вместилища одежды. Кресла стоят так, что сидящие в них могут смотреть друг на друга.

— Много пространства, казалось бы, лишнего. Я репетирую здесь танцы, — колдунья изобразила, словно вальсирует с

невидимым партнёром, добравшись таким образом до кресла.

— Танцы? Увлекаетесь? — Теона расположилась перед Адой.

— Скоро бал некромантов, действо, что состоится раз в семестр или чаще. В целом же ты заметила правильно, танцами занимаюсь не вынужденно, мне нравится.

— Я вот не умею, — призналась целительница.

— Бери уроки, на такое свободный час я всегда выкрою, хоть глубокой ночью или ранним утром. Однако ты вряд ли похвастаешься достижениями на балу.

— Не успею научиться?

— Зависит от силы желания, — энтузиазм волшебницы ведьму порадовал. — Подразумеваю я иную помеху — обилие на торжестве живых мертвецов. Некроманты со своими созданиями танцуют.

— Поэтому там мало кто желает присутствовать?

— Ты ведь тоже побрезгуешь, — вздохнула Ада.

— Нет, — Теона в зомби не находила ничего дурного. — Они когда-то людьми были и не могут быть противны.

— Любители осуждать некромантов противоречат сами себе, — брюнетка, не предполагавшая, что священница этим проникнется, увлеклась: — Ты на сборе первокурсников не была? Какие нам выдвигали обвинения! Именно потому, что зомби — мёртвые, но люди. У них право на жизнь в Аркене, а мы их туда не пускаем. При этом все борцы за равноправие умерших при виде мертвеца вопят от ужаса.

— Я так делать не буду.

— На студентов повлияешь? На балу обязаны быть представители всех факультетов, приказ нарушать не станут, а устроить склоку там — запросто.

— Конечно! — целительницу просьба вдохновила.

Ада отметила, что Теона расцвела. Госпожа Лиоре добилась того, к чему стремилась. Угрозу красивой простушке, королевского отпрыска, она возьмёт на себя, так и быть.

— Дарья! Открой! — взбудораженная Алина грозилась выломать дверь, то пихая её, то дёргая на себя ручку.

— Семь утра, — проворчала колдунья, выползая из постели.

— Видела я только что Теону, — подруга, впущенная в спальню, заливалась в восторге. — Окрылённой по коридорам летает!

— О, да, знаменательное событие, — Дашка зевнула, внезапно оценив сказанное: — Она же ещё вчера поблёкшая бродила!

— У нас на этаже шум подняли, — принялась излагать

волшебница. — На юношу одного кто-то проклятие наложил, он проснулся с чешуёй на лице. Позвали Теону — прибегает, сияющая, напевает себе под нос… Как подменили.

Затратив на одевание рекордно малое количество секунд, Дашка выпалила:

— Пошли!

О душевном подъёме Теоны разговоры были повсюду. Занятия с молодой преподавательницей выпадали, кроме факультета, куда её пригласили, алхимикам и воздушным магам, но знали леди Винсент многие. Ощутив недомогание, походом в больничное крыло студенты утруждались редко, обращаясь к ней.

Настроение подпортили голоса, от обладательниц которых были в изобилии подвохи да козни, ничего хорошего.

— Теона повеселела.

— По словам профессора Риккен, блондиночку влечёт к Эзарии.

— Тогда это ненадолго, — хохотнула Вайнона. — Он одной и той же больше трёх раз не пользуется.

Дашка с Алиной, в оцепенении глядящие на клеветниц с лестницы, рванули к ним.

— Ревнуете? — оскалилась Лафина с издевательской деловитостью.

— Леди Винсент — практически замужняя женщина, — отчеканила Дашка. — Теона не будет обманывать жениха.

— Ну-ну, — девицы прыснули.

Выручила Тецарра, появление которой было, как всегда, подобно телепортации — внезапное. Староста подкрадывалась неслышно и имела обыкновение не нападать сразу, наблюдать, стоя сбоку или сзади на расстоянии считанных сантиметров. Выбирала девушка всегда увлечённых, неспособных заметить её сразу.

— Бал некромантов — в следующую субботу. Позаботьтесь о том, чтобы разучить хотя бы вальс.

Вайнона, избегавшая злить старосту, потянула Лафину в холл.

— Опять разногласия? — Тецарра, пусть и не проникласъ к ним светлыми чувствами, в их ссорах с Дашкой всегда занимала нейтральную позицию.

— Они о Теоне наговорили гадостей, — колдунье пришлось отчитываться.

— Ты словно не была в курсе, что Шельрис и Азари разносят среди студентов глупейшие сплетни. Девицам верят подобные им пустышки, не поддающиеся нашему влиянию. Пусть развлекаются. Кому надо — придерживаются правды.

— Слишком противно было то, что они обсуждали, — добавила Алина. — У Теоны интрижка с Эзарией!

— Грянет день, когда я его отравлю, — Тецарра даже не усилила тон, сохранившийся при заявлении ледяным. — Изобрету яд специально для наследничка, медленный.

— Чезигер тебя обесчестил? — спросила Дашка.

— Принца на мне женят, — фыркнула девушка. — Через месяц.

Первокурсницы не смогли ответить, староста и не надеялась. Взглядов было достаточно, чтобы понять: угроза поощряется.

Чародейки планировали поинтересоваться у Теоны, отчего ей полегчало, но подумали, что у них слишком мрачные лица, целительницу их состояние обеспокоит.

Открылось всё к вечеру. Лорианта в сопровождении Дашки спешила в скрытое крыло. Недавно Велистер соврал Амердену, что студенткам требуется консультация профессора Рейми — девочке впрямь назначили. Выкладываться полностью на занятии ей запрещало здоровье, оценивать же Лорианту надо было. Отправив Лорианту на верхний ярус, Дашка устроилась на фонтане ждать. Она прихватила с собой учебник, обретя на час занятие: выучить параграф теории. В крыле преподавателей не было гвалта, как в студенческом общежитии, и колдунья предпочла подождать одногруппницу здесь, а не возвращаться за ней позже.

Стоило прочитать и повторить про себя первый абзац, главная ценность скрытого крыла, тишина, пропала.

— Ты в своём уме? — неистовствовала Мейдина Рильен в номере. — На моём факультете никогда не выгораживали некромантов!

— Не допускайте стереотипам ослеплять вас, — Теона была переполнена оптимизмом. — Вспомните гонения вампиров: эта бесчеловечность уже не оправдывается, стоило постараться.

— Вампиризм приобретается в результате несчастного случая, некромантию маги сами выбирают. Когда в Академии пожелали основать новый факультет, колебались между некромантией и экзорцизмом. Вместо благородных борцов с нечистью мы воспитываем колдунов, эту нечисть порождающую! Наша цель, девочка, добиться закрытия рассадника зла, не поощрять его!

— Вы погрязли в предрассудках, а студентом я выкарабкаться из них помогу. Бал будет праздником, не ссылкой! — объявила священница, выходя из комнаты.

— У тебя полторы недели, — декан устала надрываться. — Ничтожный срок. Я поддакивать тебе не стану, если возмущённые

студенты прибегут ко мне, убеждать их слушать твои бредни не буду.

Несколько плазменных искр упали Теоне на волосы. Отливавшие золотом пряди испустили особенно яркий свет.

— Привет, ты к кому-то из профессоров? — полюбопытствовала она под грохот двери, закрытой Мейдиной.

— Нет, жду Лорианту.

Целительница выпорхнула из галереи. Хоть бы всё получилось!

Дашка опустила глаза на страницу.

Глава 11 Другая сторона

Саэлис ухмыльнулась своему отражению в чашке с кофе, поставила на блюдце. Мелодичное звяканье было единственным звуком в создавшейся тишине.

— Что скажешь? — девушка повернула голову к собеседнику. — Обычно ты реагируешь более бурно.

— Задумался, — Эзария отошёл от окна кабинета — личного кабинета принца в скрытом крыле общежития. Он вытребовал его у отца как укромный уголок, чтобы заниматься подальше от студенческой суеты, на деле же комната являлась местом свиданий и встреч любого рода. — Отцу мешался старший Дьюри, мне всё портит младший. Забавно.

— Лордеш ещё что-то представлял, сын его — пустое место, — Саэлис глотнула ещё кофе, вдохнув аромат. — Родители его хоть живы? Кроме своей компании, он никому не нужен.

— Твоя задача — доставать для меня сведения о молодой семейке. Первоначально, между прочим, ты обязалась осведомить меня о Винсентах, конкретно — о Великой Троице. Результат? — протянул некромант из кресла напротив.

— Семестр у нас напряжённый. Из лаборатории выходим, чтобы поесть и прикорнуть. Скоро ночевать там начнём оставаться, — пресекла студентка алхимического факультета попытку обвинения. — Я Винсентов даже не вижу.

— Так и предполагал. Одной из Троицы, Дарье, лишнее общество только кстати — у неё не сложились отношения с группой. Возможности пообщаться с вами она бы не упустила. Если ты так занята, попроси Неллу. Подруга твоя умная, старательная, учёба ей легче даётся и у неё больше времени.

— Да, Эзария, она старательная, поэтому торчит в лаборатории безвылазно, бьётся над дополнительными заданиями.

— Справитесь, как посчитаете нужным. А что ты имеешь сейчас?

— Состав этой компании. Ведьма, которую все побаиваются — больно сурова. Двое парней, умны, начитаны, сообразительны и проницательны, их мнение для приятелей многое значит. Юноша с девчонкой, серость абсолютная. В их замке околачивается чёрный маг из Фатоны, Патрик Тейлор, приобретающий известность по Элиорамии. Увлекается алхимией и изготовлением артефактов, — честно доложила Саэлис. — Заодно с ними старейшина Чёрных Гаваней, Скентия Ринхафт.

— Исчерпывающая информация, — одобряюще закивал

принц. — От кого узнала? Не шпионила же?

— У Дарьи есть в группе одна девчонка, с которой она всё-таки сблизилась. Нелюбима студентами ещё сильнее, чем сама Дарья. Она хозяйка гомункула, странного парнишки, обожающего соваться повсюду. Вчера забрёл ко мне, я поговорила с ним.

— И тебя не заподозрили? — скептически протянул Эзария.

— От создательницы гомункул характером отличается, но сходство имеется в том, что оба простодушны до одурения, — усмехнулась девушка.

— Продолжайте. Внедряйтесь сами. Можете охмурить кого-нибудь из компании, я уже давно советую!

— Были бы там свободные юноши, — вздохнула Саэлис.

— Будто у тебя доступа к приворотным зельям нет. Впрочем, тебе решать, каким образом вы вотрётесь в доверие. Запомнила домашнее задание? — весело спросил некромант.

— Выведывать планы компании насчёт Рициии. Послушай, не проще ли убить Томаса, чем так изощряться? — вспыхнула она, осмысливая приказ.

— У меня запасной вариант в наличии. Ты пока действуй, в случае удачи я скажу вам прекратить. И потом, в королевстве злых душ я могу обнаружить кое-что привлекательное для себя. Жду с отчётом через три дня, в девять.

— Хорошо, до встречи, — Саэлис поднялась с кресла.

— Даже кофе не допьёшь? — Эзария посмотрел на неё с прищуром.

На дне чашки оставалось пять-шесть глотков, студентка залпом осушила её.

— Прости, у меня лёгкое недомогание, — и удалилась.

Хранитель закона, захрипев, упал. Его товарищи разом обернулись (тот шёл последним), очень надеясь увидеть в плоти стрелу. С разбойниками проще справиться, у отряда в зелёных мантиях преимущество — магия. Колдун, нападающий исподтишка, может оказаться сильнее.

Новые вскрик и удар тела о землю, третий, четвёртый. Вокруг не было никаких шорохов и шелестов, бормотаний, колдуны не понимали, откуда опасность. Кто-то спохватился, что надо удирать, и рухнул очередным. Спустя минуту мертва была вся группа.

В километре от дороги, на которой оборвались жизни стражей порядка, в чаще леса склонились над волшебным источником Шаки и Фаризе. Девушка держала на коленях тряпичного котёнка, вытаскивая из него длинные иглы. В источнике виднелись трупы в зелёном.

— Рано, — остановила ученицу ведьма. — Вдруг очнутся?

Шаки разом воткнула в игрушку всё обратно. Несколько хранителей дёрнулись в конвульсиях и замерли.

— Силы для мгновенной смерти недостаточно, — произнесла Фаризе. — Оружие твоё нагревается?

— Постепенно.

— Когда станет горячим — значит, их жизненная энергия впиталась, иглы можно убирать, — объяснила наставница спокойно. Она привыкла к нетерпеливости Шаки, эта черта характера ученицы её умиляла.

— Долго, — девушка надулась, но на мгновение, не дольше, потом оживилась снова: — А куда девать энергию? Извлечь и влить в себя?

— Используют чужую волю, жизнь просто выветривается. Ну не грусти, сначала в магии надо освоить одно направление! — рассмеялась Фаризе, увидев расстроенную мордашку воспитанницы.

— Они же все умерли, я убивать научилась! — блондиночка полезла спорить по своему обыкновению, в ней полыхала необыкновенная строптивость, свойственная подросткам.

— Проклинать и мучить физически ещё не умеешь. Ты же совсем недавно хотела отомстить за родителей, жителей Фривелла и испорченное детство! Или тебе уже достаточно просто уничтожить человека, по просьбе которого Мартин подписал разрешение на снос твоей родной деревни?

— Извини! — девушка прильнула к ведьме с объятием. — Мне пора домой. Скучать не будешь? Я бы с удовольствием переночевала в лесу, от источников здесь в тёмное время суток красивый свет, великолепие везде. Брат не пустит, а сбегать боюсь, он обещал меня в закрытую женскую школу сослать в Адельтии, выпускающей стихийных чародеек, целительниц и травниц. Скучища!

— Какой жестокий, — хохотнула Фаризе.

— Телепортируй меня в Магическую Академию, — попросила Шаки. — Слава предкам, Дерик в летающем замке не появляется, а обитатели незримого убежища ко мне добры.

— Разумеется, — женщина глянула в источник, там стали сменяться изображения комнат замка, везде кто-нибудь был.

Приметив пустой зал, колдунья махнула посохом, приобретённым в столице воспитанницей, их скрыл густой белый пар с кружившимися в нём белыми перьями, приглушенно светящимися — такие были у призванного грифона, отдавшего ведьме магию. Фаризе с Шаки попали в замок, женщина сразу исчезла.

Под ногами блондинки белели упавшие перья. Она быстро подобрала следы телепортации, пять штук.

— Госпожа Лиоре, неужели у вас возникали сомнения? — в зал вот-вот зайдёт Кларисса и особа, разговаривающая с ней.

Шаки, не имея в одежде карманов, запихала перья в вырез платья.

— Здравствуй, — снисходительно сказала появившаяся Кларисса.

— Здравствуйте, — улыбнулась другая брюнетка в алой донельзя мантии.

— Надолго? — коротко поинтересовалась знакомая.

— Пока Дерик не потребует возвращаться, — девушка поправила одежду на груди, проверяя, хорошо ли спрятано напоминание о наставнице.

— Куда же, по вашим старым предположениям, Мартин отправил Даниэлу? — Кларисса отстала от Шаки, принявшись допытывать собеседницу.

— На территорию риксов, чтобы шаманы над ней поработали, — они пошли по проходному залу к другой двери.

— Этот народ альданцев не выносит, — фыркнула колдунья. — Не вся магия, калечащая разум, на них воздействует.

— Мы не исключали, что… — окончание фразы досталось одной Клариссе, женщины вышли.

Юная ведьма сообразила, что куклу с булавками не взяла. Об Эзарии Чезигере девушка была наслышана, и ей не терпелось опробовать на нём кое-какие тёмные чары. Возвращаться в деревню через портал замка, идти в лес и выискивать Фаризе, которая нескоро сможет повторить магию телепортации, желания не было. Понимая, что шанс не последний, Шаки поднялась в комнату, на днях данную ей в распоряжение, на верхнем этаже.

Высоко над балконом замка Академии проявилось в воздухе открывающееся окно, девушка с косичками развалилась на подоконнике, одну ногу свесив, вторую уперев в раму (окно было узкое). Как раз началась перемена, на балкон выбегали студенты, непременно задирающие головы: кто сам замечал колдунью, кому показывали. Сейчас была всего лишь среда, замок и счастливцы, его разделяющие, стали весьма популярной темой для обсуждений и — куда же без них! — сплетен. Допрашивать Великую Троицу мало кто решался, а из всех студентов, кроме этих, доступ в замок имела лишь Лорианта Блазе, поэтому девочка испытывала необычайное внимание к себе, не особо радующее: из-за ответов, не блещущих подробностями, на неё сердились.

Шаки что-то крикнули, некоторые махали ей. Двумя этажами

ниже высунулся в окно Патрик и задрал голову, посмотреть, на кого пялятся. Взглядом выразил, что рад видеть девушку, скрылся. Народ расступился, пропустив совсем молодую женщину с небольшим демоном на руке, она у перил выбросила её вверх перед собой — создание взлетело. Ей надо было одеть толстые перчатки — когти оставили на запястье раны, их даже Шаки увидела. Женщине это казалось пустяковыми порезами, наверное.

— Ты переселилась к нам? — отвлёк блондинку Клавьер, проскользнувший в комнату.

— Как братцу будет угодно. Приятно жить в уютном замке, вечером бродить по аллеям, выбираться в город — но Дерику не втолкуешь. У него плохое представление о вас, — посетовала девушка, слезая.

— Главная прелесть — путешествуем прямо в замке. Сразу понимаешь, к каким местам ты привязан сильнее, — изрёк юноша.

— Без замка что, нельзя? — рассуждение Клавьера Шаки заинтересовало, она села на кровать, чтобы удобнее было вникать.

— Особенно милым сердцу делается пейзаж за окнами. Может, какие-то детали его — глядишь на похожие из другого дома, и вспоминается то место.

— Что тебе напоминают эти балкон, стена и кусочек аллеи? — полюбопытствовала она.

— Лианы на колоннах и перилах, — назвал парень то, что девушка не выделила. — Денаувер, — сравнил Клавьер.

— Мрачные зловонные болота с нависшим туманом? Что у них общего с Академией?

— Лианы. Их листья как у деревьев, упиравшихся ветками в окна нашего барака в Денаувере.

— Отчётливо же в памяти отпечаталось! — эмоции выплёскивались из неё, парень же говорил медленно, спокойно и чуть грустно — флегматично. — Все мои воспоминания — мосты между островами и болотные плотоядные растения.

— Я обнаружил и там что-то светлое. Ссылка не самый жуткий эпизод моей жизни, — проронил юноша. — Восстание было хуже.

— Добавь ещё, что пробыл бы в ней ещё немного, — съязвила Шаки.

— В нашем доме всегда было весело, — Клавьер ничуть не обиделся. — Кто-нибудь непременно шутит, не давая соседям грустить. Поводов раскиснуть находилось немало, и мы оберегали друг друга от этого. Когда ночью становилось страшно, садились на пол в круг, переглядывались, перекидывались

ободряющими фразами. Окно в бараке грязное было, но в верхнем углу оставалось чистое стекло — мыть целиком лень, такой слой грязи, что за час не отскребёшь, и бесполезно, к тому же, всё равно испарения отложатся через пару дней, будто мы не приводили окно в порядок. Как раз в угол тыкалась ветка. По ночам я постоянно останавливал на ней взгляд. Листья шевелились, слышался шум кроны, и это успокаивало.

— Трогательно, — колдунья по-прежнему забавлялась. — Зачем ты мне рассказал? Считал, я оценю?

— Что оценивать-то? Либо проникнешься, либо нет. Я не заставляю.

— Значит, не исключаешь, что я высмеять могу? — Шаки, растянувшаяся на постели, подалась к нему, вынудив отодвинуться.

— Мне казалось, ты не станешь, — пробормотал Клавьер.

— Понравилась я тебе? — она улеглась на бок, подтянув колени к животу и подперев рукой голову.

— Ну… — парень замялся. — Относительно. Да! — исправился юноша, сообразив, что последствия невпопад брошенных слов рискуют оказаться печальными.

— Я лучше своей названой сестры? — Шаки перевернулась на спину.

— Вы разные, — отвертелся он. — Нельзя вас сравнивать. Не по чему.

— Дарья сейчас с Патриком, была с тобой, на неё мой покойный брат заглядывался, — перечислила девушка, по-кошачьи прогибаясь. — Все серьёзные люди. Ко мне же пристают с определённой целью. Потому что я глупая и со мной скучно?

— Не было у меня намерения лезть к тебе под юбку, — отмахнулся Клавьер.

— Ты что-то во мне нашёл, — ведьма положила голову ему на колени. — Распиши.

— Привлекает твоя своенравность, — начал юноша, поглаживая её по лицу и волосам, — отчуждённость от остальных.

— Любишь плохих девочек? — хмыкнула Шаки. — Я притворяюсь испорченной.

— Не имеет значения, — его ладонь скользнула по животу к бедру девушки; он замер, желая убедиться, что колдунья не возражает, та взглядом выразила согласие. — У тебя свой поток мыслей, не впадающий в чей-либо.

— Придумала! — она внезапно подскочила. — Нас с Дарьей сравнить можно!

— Не пугай меня так, — попросил Клавьер, нервно

рассмеявшись. — И как же?

Блондинка прижалась к нему с поцелуем, первые секунды не двигаясь, словно побаиваясь, что парень стряхнёт её с себя, потом начав действовать активнее и нежнее. Так они провели минуту, и Шаки выдохнула:

— Так кто выигрывает?

— Я подзабыл Дарью, не могу точно ответить.

— Не уступаю ей? — прищурилась девушка.

— Нет. Что это? — Клавьер заметил перо, выпавшее из выреза Шаки.

— Одна ведьма оставила. Никому про неё знать не надо. Держи в тайне. У меня, кстати, ещё есть, — воспитанница Фаризе оттянула ткань, показались ещё перья. Колдунья вынула их, наклонившись — глядя на открывшийся вид, парень сглотнул. — Они остаются, когда ведьма телепортируется.

— Эта женщина делится с тобой знанием?

— О, у меня раскрылся талант! Хочу посох, — заявила она. — В замке есть те, которыми никто не пользуется? Я продемонстрирую, чему научилась.

— Нужно поискать, — юноша встал, перед зеркалом одёрнул одежду.

Шаки сгребла перья в кучу и вернула в «тайник», выбежала из спальни за Клавьером, чуть не врезавшись в женщину, гостью Клариссы, идущую в сопровождении оной.

— Несносный ребёнок, — прошипела на девушку женщина.

— Я не…

— Ребёнок, ещё какой. Куда торопимся?

— Ей требуется посох, — ответил парень. — Тут хранится оружия на несколько королевских отрядов, почему бы не поделиться?

— Королевских отрядов, — покачала головой Кларисса. — Артефакты мощные, в распоряжении детей им лучше не попадать. Неверный взмах или удар — прощай, всё живое в километре вокруг. Если оружие делали на заказ, персонально для кого-то, этим пользоваться даже опытным чародеям не стоит. Плохо влияет на силу и здоровье.

— По-твоему, предупреждение их вразумит? — хохотнула гостья. — Из вредности стащат парочку посохов, жезл посолиднее и сфер столько, сколько смогут унести.

— А ты не советуй! — вспыхнула хозяйка. — Клавьер, покажи госпоже Лиоре библиотеку, полки с запрещенной литературой. Шаки, пошли со мной.

Возражения пресекаться не стали, девушку просто повели силой. Младшая Винсент очутилась в комнате Клариссы,

приличном по размерам помещении в красных, бордовых и вишнёвых тонах, затемнённом. На окнах висели не тяжёлые портьеры, а полупрозрачные алые шторы, пропускающие немного света.

Из ящика письменного стола в углу ведьма извлекла кулон в виде серебряного черепа со светящимися глазами, на сплетающихся в одну верёвку кожаных шнурках.

— Отдашь госпоже Софии Риккен, профессору демонологии. Поспрашиваешь студентов, они тебя направят.

Всем своим видом изобразив, как ей неохота, Шаки нацепила украшение на себя и ушла.

На улице солнце резануло по глазам, в уши ворвались тихие, но доносящиеся отовсюду звуки: плески, шелесты, птичье чириканье, голоса. В здании из-за дверей было слышно лекторов и отвечающих студентов. Девушка слонялась по замку до начала перемены, отмечая, что внутри он величественный, интересный. На стенах пестрятся мозаики — портреты известных людей, героев и знаменитых преподавателей Академии. Изображение Марики Новиш Шаки обнаружила два раза. В процессе разглядывания одного из них, возле алхимической лаборатории, коридоры наводнились народом.

— Скажите, пожалуйста, где я могу найти профессора Риккен? — метнулась девушка к студентке в зелёной форме, выходящей из аудитории с подносом, уставленным колбами.

— Сходите в преподавательскую комнату, — не сочла нужным распространяться учащаяся. — Там указано, где на какой паре она ведёт занятия.

— Ты из семьи Винсентов? — неожиданно обратились к Шаки сзади. — Я знаю, где София Риккен. Отвести тебя?

Она посмотрела на спасительницу: девушка с мелкими русыми кудрями до пояса, вытянутым лицом, на веках тени двух цветов — фиолетового, как форменная мантия, и голубого, — достают до бровей и вылезают к вискам. Дорого одета, ухожена. В волосах яркие ленты, на многослойном воздушном платье блестящая вышивка и драгоценные камни.

— Конечно! — выпалила четырнадцатилетняя колдунья.

— Как живётся в чудесном замке? — завязала студентка беседу. — Какой он?

— Восемь этажей, куча комнат. Но там такая толпа, что их не хватает. Будто каждый член команды находится в двух-трёх спальных и в зале сразу.

— Ребята из нашей группы пытались посчитать, сколько вас. Цифры у всех получаются разные, но примерное число — десять. Мы сильно ошибаемся?

— Томас, Николас, Клавьер, — Шаки стала загибать пальцы, — Бруно, Кларисса, Тина — постоянно в замке. Шестеро. Патрик, кажется, застрял в нём надолго. Семеро. Появляется Скентия. И я. Девять. Теона — десять. Элли, Алекс и Дарья, вроде бы, получили разрешение ночевать в летающем замке.

— Девять человек. Мы не учитываем тех, кого знаем.

— Как вам преподавание моей сестры? — девушка вдруг поняла, что можно спросить, утруждаться наводящими фразами не стала.

— С леди Винсент у нас занятий нет, к сожалению, — вздохнула студентка. — По словам других факультетов, на её парах всё легко и весело.

Они миновали лестничный пролёт, Шаки продолжила:

— А ты на каком?

— Чёрная магия. Я с первого курса.

— Ты одногруппница Дарьи Винсент? — обрадовалась девушка. — Как она тебе?

— Одарённая ведьма, одна из лучших студенток группы, — признала Лафина Азари. — Могли бы впихнуть в неё программу первого курса за месяц и отправить на второй сразу. На её фоне многие первокурсники смотрятся бездарями. Только в магическом языке особо нас не опережает — ровно настолько, как выделяются в группе обычные отличники.

— Ты к ним не относишься?

— Иногда, если стараюсь, — слукавила притворщица.

— Тебе моё имя известно, а мне твоё — нет, — намекнула колдунья опять же внезапно.

— Селин, — представилась Лафина именем девушки из группы, с которой у Дашки таких напряжённых отношений не было. — Только я не представляю, как звать тебя.

— Шаки, — не смутившись, ответила блондинка.

Скоро этажи и пролёты кончились. Студентка вела представительницу презираемой семьи по аллеям к тренировочной площадке.

— Передай, пожалуйста, Дарье, что её записали в участницы в предстоящий турнир боевых магов. Противников ей подберут из старшекурсников. Декан этого не одобрила, она считает, что соперники будут слишком сильны, но со своим мнением осталась в меньшинстве. Поэтому предложила обман. У Дарьи есть подруги с факультета алхимии, девчонки могут снабдить её кое-каким зельем, — упоённо лгала ведьма. — В лабораториях контроль ослаб, так что ей легко всё дадут. Эликсир номер тридцать два — он из серии запрещённых, они все вместо названий имеют номера. Выпытывать, зачем ей требуется это

варево, никто не станет. Пусть явится часов в шесть — преподавателей уже не будет, одни студенты, доделывающие работы и делающие зелья для себя — приворотные и тому подобные. Эликсир делает магическую силу нескончаемой, достаточно принимать по глотку в день. Передашь?

— Меня не затруднит, но почему ты сама не скажешь? — растерялась Шаки. — В одной группе учитесь!

— У нас была последняя пара, я покажу тебе, где София, и побегу в больничное крыло. Получила магическую травму на практическом занятии. Потом в библиотеку, ещё надо отработать заданные чары — дел полно, — выкрутилась Лафина. — Дарья, наверное, уже в замке, что тебе стоит заглянуть к ней и сказать?

— Действительно, ничего, — хихикнув, Шаки отвлеклась на летящего над деревьями небольших размеров дракона, стремительно тускнеющего — очевидно, скоро совсем исчезнет.

— Призыватели упражняются, — пояснила студентка. — Демонологам приходится хуже.

Нелёгкую долю магов факультета, где являлась деканом София Риккен, девица приукрасила. Им было *гораздо* хуже.

На задорно зеленеющем газоне перед полусферой тренировочной площадки приходили в себя освободившиеся от занятия студенты. Среди обилия бордовых мантий — светло-серые, форма целителей. Потребность в их магии возникала неизбежно. Демонологи, ожидающие помощи, зажимали раны пальцами или прикладывали ткань, пропитывающуюся кровью за полминуты. Внутрь полусферы Шаки идти боялась, там не утих ещё рык.

— Профессор Риккен! — позвала преподавательницу в приоткрытую дверь Лафина. — К вам от Винсентов девушка.

На улицу вышла красивая сильная женщина, сжимающая в руке два предмета: хлыст и жезл, такой тонкий, что походил на обломок посоха. Строгие, как у Клариссы, глаза, заметив Шаки, приняли совсем иное выражение, взволнованное.

— Какая-то срочность? — декан побледнела, но сохранила строгость на лице.

— Леди Кларисса Аленто велела отнести вам это, — девушка сняла с шеи кулон.

София, прикрыв ладонью рот, затряслась — пробрало хихиканье. Отсмеявшись, молодая женщина надела шнурок с черепом на себя, хмыкнув:

— Попроси её так меня не пугать больше. За артефакт спасибо.

— Что страшного в моём появлении? — пожала плечами Шаки.

— Ты связана с людьми, готовящимися к походу в Рицию. Послали они тебя ко мне, заинтересованной в этом не меньше, прямо в учебное время, когда все измотанные — значит, что-то стряслось, что-то особенное обнаружили. Вот такая логика.

— Клариссе было угодно занять меня, вот и воплотила идейку, — пожаловалась начинающая ведьма. — Кулон вам хоть нужен?

— Поглотитель тьмы, — вместо простого «да» София расписала его свойства. — Вытягивает негативные эмоции. Может быть использован как…

— Ей незачем знать, — на дорожку, соединяющую площадку с широкой аллеей, из полусферы выбралась Джессика. На занятии она ассистировала первый раз, след неопытности зиял на плече, руки были исчерчены мелкими царапинами.

К ней кинулась целительница, новая тренерша её отстранила.

— Домой, — скомандовала старшая сестра.

— Замок — уже дом? Хороший знак, — отметила Шаки.

— Теона рану залечит, — бросила Джессика ошеломлённой Софии и целительнице.

Сёстры дошли до самого замка Академии, воительница потребовала объяснений поведению Клариссы:

— Почему же от тебя решили избавиться?

— Мы с Клавьером собрались подобрать мне магическое оружие. Ему она тоже распоряжение дала — показать гостье библиотеку.

— Клавьер? Взялся потакать тебе?

— Всего лишь хотел помочь. Я в пространствах замка не ориентируюсь.

— Плохо, — заключила воительница. — Нет, против Клавьера ничего не имею. Слава предкам, что он, а не кто-то ещё. Только ты им играться станешь.

— Вот ещё! — возмутилась Шаки.

— Я не намерена тебе препятствовать, — поразила её сестра. — Просто имей в виду — твоё обращение с ним называется этим грязным словом.

Эффект неожиданности сработал: пока поднимались на нужный этаж и пересекали балкон, девушка не спорила. В невидимом убежище Джессика осталась в комнате Теоны и Томаса, Шаки отправилась в спальню Дашки.

Ведьма, как и уверяла одногруппница подруги, была там, приводила письменный стол и книжную полку над ним в порядок.

— Ты участвуешь в соревнованиях боевых магов, — сообщила девушка, подскакивая к ней, обнимая за талию и кладя подбородок на плечо колдуньи.

— Кто сказал? — Дашка водрузила на пирамиду из свитков в углу стола ещё один.

— Селин, с которой ты вместе учишься, — промурлыкала Шаки.

— Хм, — первокурсница постаралась припомнить, тесно ли Селин общается с Лафиной и Вайноной. Подозрений не закралось. — Подробностей не излагала? Заявила, что мне отдуваться на турнире — и всё?

— Она посоветовала обратиться к алхимикам, попросить эликсир номер тридцать два. Декан ваша рекомендовала. Обратись в лабораторию вечером. То, что ты его пьёшь, должно остаться в тайне — он тебя практически непобедимой сделает.

— Много ли пить? — последний свиток увенчал гору.

— Ежедневно по глотку.

— Спасибо, Шаки. Посещу алхимиков.

Глава 12 Эликсир номер тридцать два

Нелла распустила кудри, чтобы перевязать их снова — за день причёска потеряла всякий вид. Если прядь случайно попадёт в пробирку, можно остаться вообще без волос. Саэлис как выбежала доложить об успехах Эзарии «на минутку», так и не вернулась. Книга брошена на столе, сумка — на стуле, форменная мантия, снятая, потому что в лаборатории стало жарко из-за обилия закипающих зелий, висела на его спинке. Как всегда, придётся забирать вещи подруги.

За соседним столом что-то творила старшекурсница. Получив тёмно-синий эликсир с одуряющим пьянящим запахом, она слила его в бутылочку, на горлышко приладила ярлык со своим именем, отнесла в шкаф и стала вытирать со стола, одновременно расставляя на нём всё. Когда рабочее место оказалось чистым, девушка спросила Неллу, не возникло ли у той сложностей в задании. После отрицательного ответа и благодарности жизнерадостно попрощалась и выскочила за дверь.

В открытое окно проникал уличный гомон. Он не вызывал у студентки желания бросить работу, но здорово раздражал. Нелла закрыла окно — душно. Открыла опять — шумно. Выбор пал на духоту.

Из каждого сосуда смотрели на девушку её же глаза, а ей казалось — вложила в каждый эликсир душу, поэтому каждая жидкость теперь чуть-чуть живая.

«Не хватало ещё начать разговаривать с вами», — проворчала алхимик про себя. Из нагревающейся на медленном огне чаши с нежно-зелёным зельем ей подмигнули. Студентка встретила поощрение собственной странности равнодушно и ещё раз моргнула — над столом всё заволокло едким паром.

— Простите, пожалуйста, можете дать мне немного эликсира номер тридцать два? — послышалось из-за белой пелены.

Девушка выглянула из-за облака пара. Молодая ведьма с факультета чёрной магии была знакомой.

— Дарья? Помнишь меня? Мы виделись в последний день перед семестром, вы шли на собеседование.

— Я тебя узнала. Только забыла, как зовут, — Дашка повеселела, обнаружение в лаборатории личности, относящейся к ней получше, чем просто нейтрально, развеяло опасения, что колдунью выставят с позором.

— Нелла, — напомнила студентка, беря чистую пробирку для изготовления эликсира. — Садись, подождать надо. У нас его сейчас нет, я сделаю за полчаса. Можешь зайти позже.

— Я не тороплюсь, — ведьма прошла к длинной узкой скамье, стоявшей у окна между шкафами, книжным и с веществами для опытов, в незначительном отдалении от столов.

— Не рекомендовала бы я тебе применять этот эликсир, — вздохнула девушка, пока руки выполняли привычные действия: одного вещества плеснуть, второго насыпать, третьим разбавить, всё размешать…

— Мне и самой не хочется. Нечестно всё-таки.

— Тебе посоветовали его, да? — Нелла постепенно проникалась к Дашке сочувствием, не догадываясь, что колдунья не имеет понятия об истинном назначении одного из запрещённых эликсиров. Эти варева постоянно употреблялись учащимися в личных разбирательствах, со всего факультета алхимии не злоупотребляла ими лишь она, что вызывало приступы гневного недоумения Саэлис. Девушка не считала, что Дашка может додуматься до такого подлого хода сама, и была уверена: ей решение навязали.

— Ага, — проронила ведьма, следя за Неллой, которую сочла куда более симпатичной, чем её подруга. Скорее всего, группа с ней поспорит. В обществе студентов Академии признавали превосходство в чём-либо тех, кто не наделил себя популярностью, очень редко. Например, в группе Дашки практически единогласно называли красавицей Лафину. У той была заурядная внешность, кое-какие черты и вовсе отталкивающие: крупный нос, большой размер ноги, неприятная улыбка. Кобылица, да и только. Невзрачность она пыталась компенсировать аляповатой одеждой и ярким макияжем, что группа объявила потрясающим стилем, который кинулись копировать её прихлебательницы. Правда, Саэлис Дашка видела только раз. У неё было красивое, но обыкновенное лицо. Без изъянов, но зацепиться не за что, нечего сохранить в памяти. У Неллы — аккуратное, изящное. Среди точёных черт выделялись глазищи, из-за голубизны и размера напрашивающиеся на сравнение с озёрами, и потрясающая грива волос, кажущихся слишком тяжёлыми для столь хрупкой девушки. Вряд ли кто-то это замечает.

— Готово, — сказала она, развернувшись с пробиркой в руке. — Склянку вернёшь, а то преподаватели ругаются, когда лабораторная посуда пропадает.

— Непременно, — заткнутый пробкой сосуд Дашка поместила во внутренний карман, удивляясь, как быстро время прошло. — Тебе здесь хозяйничать? — ведьма оценила беспорядок на столах в двадцать-тридцать минут уборки. Кроме студентки, ушедшей перед самым появлением первокурсницы,

никто не утрудился восстановлением чистоты.

— Мне, — лаконично ответила Нелла.

— Помочь? — так же коротко предложила Дашка.

— Не стоит, — отказалась алхимик.

В спальне колдунья приткнула пробирку в тумбочку, за собрание сочинений одного из альданских авторов, хранившееся там потому, что молодая женщина полюбила чтение перед сном в кровати. Когда книги были уложены заново, к ней попросился Саша.

— Не отвлекаю?

— Что ты, — отмахнулась ведьма, избавляясь от мантии и вешая её на крючок возле зеркала. Рядом красовалась подставка для зонтиков, забитая посохами.

— Я внесён в списки дуэлянтов предстоящего соревнования призывателей и демонологов, — парень доплёлся до кресла, рухнул в него.

— Как конкурент старшекурсникам? — хохотнула Дашка. — Мы товарищи по несчастью. Наш декан отважился распорядиться, чтобы мне вручили особое усиливающее зелье. Поделиться?

— Спасибо, я на себя надеюсь.

— Сама сомневаюсь в необходимости эликсира. Мы с королевскими магами схватывались — а тут студенты в противниках. Хочешь поразить всех мощью своей магии? — поинтересовалась колдунья непринуждённо, у неё внезапно отлегло от сердца. Что там только что лежало, она описать не могла — необъяснимая тяжесть, и всё.

— Мечтаю изменить мнение преподавателей о себе, — хмыкнул Саша. — Все профессора с нашего факультета думают, будто я выскочка с посредственными способностями, сильно их завышающий.

— Радуйся, что это мысли преподавателей, а не одногруппников. Меня мои в мании величия не обвиняют — не выносят по нескольким поводам.

— Что я всё жалуюсь, — спохватился маг, — я же послан, чтобы позвать тебя ужинать! В кои то веки за столом все постоянные жители замка.

В обеденном зале компания сидела подуставшая, вследствие чего — притихшая, лишь напротив Клариссы Шаки с Клавьером беспрестанно перешёптывались. Ведьма молча царапала тарелку вилкой, глотая вертящиеся на языке замечания. Обычно переговаривающиеся во время еды Томас и Бруно не поднимали глаз, всегда старающаяся развеять напряжение среди друзей Теона сама была не в себе. Тина, часто ругавшаяся с кем-то из старших, проявляла необычайное терпение, Николас не обсуждал

ничего с Патриком, Джессика не стремилась нарушить идиллию и не развязывала ссор, Алина не рассказывала о прошедшем учебном дне. Её сухое приветствие подсевшим прозвучало практически возгласом, хотя было сказано на тон ниже её привычного.

Сосредоточенность на освободительной кампании выматывала. София, Ада и Десмилия ходили мрачными, Фестеан стал рассеянным, Амерден вспыхивал по мелочам. Теона с Томасом наизусть, в мельчайших подробностях знали обряд и заклинание (длинный свиток, метра полтора — Шаки подсмотрела), нужные для попадания в Рицию. Складывались представления о духах, с которыми там предстояло бороться, искались подходящие в этой борьбе чары. Естественный страх победить не удавалось.

Вечером Дашка решила пренебречь переводом заклинания с магического языка, чтобы поискать в библиотеке что-нибудь о людях, продолжающих жизнь в тёмном царстве мёртвых. В одной из книг о нём, написанной для нормальных людей, а не для тех, кому там, вероятно, обеспечено существование, и кто занимается переправкой душ туда, был приведён список самых известных злодеев, предположительно находящихся в Рицию. Ведьма отметила пятерых, стала искать информацию про них: какой магией владел, какие заклинания знал, к каким чарам иммунитет имел. В списке находилось полсотни имён, в компании всех «поделили». Поисками озадачили ещё Алину, Сашу, Тину и Шаки с Клавьером.

На самой верхней полке покоился фолиант «Тёмный след некромантов». Дашка пожелала начать с Ардеса Фарлена, именно такой деятельностью и занимавшегося. С относительным успехом его колдовством воспользовался четыре года назад мистер Мортис. Он сам, интересно, в Рицию попал?

Забравшись на последнюю ступень лестницы, студентка потянулась за книгой. Нога подвернулась — после секундного падения в теле воцарилась боль.

— Надо идти в больничное крыло, — первая фраза, услышанная ею с приходом в чувство.

Дашка была в своей постели, голову стягивала повязка, пропитанная то ли кровью, то ли каким-то раствором.

— Теона с Томасом в городе, — произнесла Кларисса. — Элли помогла, насколько силы позволили. Слишком много энергии истратила, сейчас в своей комнате спит.

— Будешь говорить, как добираться до больничного крыла, — Патрик взял Дашку на руки вместе с одеялом, которым она укрывалась. — Впрочем, нет, не напрягайся. Алекс, ты

покажешь, — скомандовал чёрный маг призывателю.

Местный госпиталь ночью приятно удивил особенным уютом. Задёрнутые занавески излучали мягкий свет, бутоны цветов растений закрылись и мерцали, не раздражая глаз.

— Подралась с кем-то из-за вас? — вместо лекарши, возившейся с Лориантой, их встретила другая женщина, молоденькая и смешливая.

— С высоты упала, — отрезал Патрик, к которому был адресован вопрос.

Увидев, что красавец не настроен шутить и принимать её заигрывания, целительница пошла за зельем и новыми повязками в другой конец длинного помещения. Колдун уложил Дашку на кровать и сел у изголовья, Саша устроился у неё в ногах.

— Спокойной ночи, молодые люди, — сделала явный намёк лекарша, вернувшись с полными руками.

Призыватель что-то пробормотал, Тейлор быстро поцеловал ведьму, и оба оставили её. Женщина принялась разматывать ткань на Дашкиной голове, притупляя магией неприятные ощущения, если студентка кривилась.

— Завтра пропустишь пары, а послезавтра выйдешь отсюда, — утешала волшебница.

— Викенсия, здравствуйте, я извиняюсь за поздний визит, — нарисовавшаяся в проёме Мейдина проскочила между кроватями, притормозив возле целительницы. — Вы выписали Шерию? Я проверяла в пятницу — она поправлялась, а сегодня на занятиях её не было!

— У несчастной ещё случаются истерики, — процедила лекарша. — Вчера она собралась уходить и вдруг разревелась, с трудом успокоили. Температура поднялась, слабость накатила. Вы себя вспомните в этой же ситуации.

— Значит, на турнирах моя девочка не сможет присутствовать? — протянула профессорша.

— Как получится, — Викенсия принялась за новую повязку, предварительно помазав рану раствором.

Мейдина подошла к спящей Шерии, поправила той одеяло. Уйти, не выяснив, что стряслось с новой пострадавшей, она не смогла и снова пристала к лекарше:

— Дарья? Кто её сюда отправил?

— Травма в результате падения. Её не скидывали, — уточнила женщина.

— Известно тебе, что она будет участвовать в турнире боевых магов? — декан оживилась, почувствовав, что возникла возможность посплетничать.

Лафина не соврала насчёт соревнования. Сказанная ею

неправда заключалась в том, что Десмилия, хоть и волновался за свою студентку, не советовал ей принимать сомнительных зелий. Самой роковой ложью девчонки были выдуманные свойства эликсира номер тридцать два — на деле он влиял на сознание, а не магическую силу.

— Вся Академия к вечеру узнала, — прошептала Викенсия.

Закрывшая глаза Дашка притворилась, что смотрит первый сон.

— Другие участники напуганы серьёзной соперницей, — делилась новостями Мейдина. — Винсент может тягаться со старшекурсниками, что не говорит о её превосходстве над ними. Противники Дарьи не обречены на поражение, но вцепились в мысль, будто проигрывают ей, и собираются идти на обман.

— Призывают к поддержке алхимиков?

— Уже традиция, — съязвила профессорша. — Проклинающими зельями и ядами злоупотреблять, слава предкам, прекратили, зато усиливающие пьют литрами. Доступ к ингредиентам для таковых не ограничен, увы.

— Жалко Дарью, — вздохнула лекарша. — Не подозревает, наверное, что на турнире слабейшей окажется. Остановить деятельность алхимиков нереально. Запирать лаборатории нельзя, студентам негде заниматься самостоятельно. Контролировать их — делать преподавателям больше нечего, кроме как целыми днями изображать надзирателей. Лаборатории некромантов тоже в полном распоряжении учащихся в свободное время, но там ничего противозаконного не творится.

— Не произноси при мне это слово! — взвилась Мейдина. — Со стороны взглянешь — приличный факультет. Единственная мерзость, что там есть — Эзария Чезигер. Но этот тип магии недаром легализовали последним! Сплошное противоречие понятиям о нравственности!

— Когда-то в аналогичном положении находилась демонология, — парировала Викенсия. — В середине Эпохи Вампиров — чёрная магия. Шаманизм три века назад узаконили, ранее он считался привилегией риксов.

— Ты увлеклась, — осадила её декан. — Что с Алексом Винсентом? Он тоже будет на турнире. Перед ним так же трепещут, нет?

— Он в ином положении. На дуэлях призывателей и демонологов важнее умение контролировать собственных созданий. Алекс — прекрасный колдун, но призыв — особый вид магии, отличающийся от боевых. А Дарье не повезло, она выглядит из-за приобретенного на войне опыта сильнее старшекурсников.

В четверг зал, где был бал некромантов, взялись отделывать под арену для соревнования. Имена дуэлянтов распространились среди факультетов. Сомнения по поводу всеобщего мошенничества, связанного с эликсирами, развеивались у Дашки стремительно. Тецарра сбилась с ног, носясь по общежитию за алхимиками, предлагающими всем специальные зелья, преподаватели решились вести слежку за лабораториями — от их бдительных взоров неизменно что-то ускользало.

Накануне первого турнира (поединков боевых магов — его перенесли, поставив первым) староста зашла к Дашке.

— Ты готовишься к состязанию?

— Да. Практикуюсь. Патрик помогает.

— Чтобы всё было правдоподобно, попроси его влить в себя эликсир, утраивающий колдовскую мощь, — произнесла Тецарра, — или нацепить артефакт с подобным действием.

— Так всё серьёзно? — ахнула Дашка.

— Я могу сейчас наглядно объяснить, что тебя ожидает, — девушка вынула сжатый кулак из кармана и расслабила пальцы — обнаружился крошечный пузырёк с чёрной эмульсией. — Отцовский рецепт, — староста глотнула жидкости, встряхнулась. — Ну, идём на улицу?

Перед корпусом общежития они разошлись на пять метров друг от друга. Народ, отдыхающий на скамейках, уставился на ведьм. С факультета чёрной магии студентов было мало, поэтому болельщиков и у Дашки, и у Тецарры имелось примерно поровну.

Избранница Миротворцев раскинула руки в стороны, на ладонях вспыхнула арка изумрудного пламени.

— Ki hore di nia! (Останови её!) — приказала она силе, огонь переметнулся к дочери алхимика.

— Maje tos deke (Я свободна), — Тецарра сделала ленивый взмах кистью, не напрягая ни тело, ни голос. Пламя моментально вернулось к Дашке, но враждебной стихией.

— Ki weri! (исчезни!) — выпалила колдунья, на её стороне всё потухло, а староста уже поигрывала шаром фиолетовой плазмы.

Из-за противного её хлюпанья первокурсница не разобрала слов заклинания, заглушившихся. Ледяное вещество облепило Дашку, конечности отнялись сразу. Мороз подбирался к лицу, спустя мгновение отнялся бы язык, что явилось бы для неё, пользующейся магией на вербальном уровне, поражением. Она снова призвала колдовской огонь, плазма начала таять. Не дожидаясь, пока к сопернице возвратится способность нападать, Тецарра бросила: «Grasseia (слабость)», — сопроводив это таким же небрежным жестом, как и первую атаку.

Сразу подступила тошнота, конечности отяжелели. Дашке стоило усилий занести руки. Опустились они непроизвольно. Правила дуэлей запрещали копировать заклинания противника, и колдунья прибегла к галлюцинациям. Того, на что надеялась ведьма, не произошло: пока старосту запугивали твари-невидимки, ей не полегчало. Дуэлянтам не возбранялось помогать себе восстанавливающими чарами, Алина когда-то научила подругу простейшим — пришлось тратить магию на плохо удающееся волшебство, сожравшее приличную долю энергии. Тецарра только избавилась от очередной галлюцинации, как тремя фразами Дашка девушку ослепила, оглушила и заставила ощутить головокружение. Один парень из наблюдателей поединка приблизился к практически поверженной студентке. Если она упадёт и через десять отсчитанных им секунд не встанет — победа за Дашкой. Следующим заклинанием девушку свалили на землю, юноша приготовился объявить, что выиграла леди Винсент, как вдруг староста простонала:

— Maje es'kene lorines-wa sei geles ro mia (я призываю духов помочь мне).

Она преобразилась. Пропала бледность, затуманенный взгляд прояснился, ведьма выпрямилась, держась уверенно. Ей понадобилось лишь указать на первокурсницу пальцем и сказать нужное едва различимо — Дашка растянулась на спине. Рот заполнила кровь. Отплёвываясь, колдунья привстала на корточки, собираясь озвучить проклятие. Кровь хлестала потоком, будто её ею рвало, однако сквозь мучение удалось атаковать парализующими чарами и отправить Тецарру в горизонтальное положение вновь. Вставать, пока секундант отмерял время, представительница клана летучего замка не решилась, так жестоко её выворачивало.

Парень успел досчитать до восьми. Усевшись, староста щёлкнула пальцами:

— Ki stimo (задохнись).

Девушка не уставала. Дашка закашлялась, захрипела, а кровь всё шла, образовав вокруг лужу. Физическая боль в период восстания была неизменной спутницей ведьмы, со временем пришло умение телесные страдания игнорировать. Это не воспрепятствовало тому, что все подходящие заклинания в памяти затерялись. Родной стихийной магией Дашке нельзя было пользоваться опять же по правилам дуэли — против чёрной магии только чёрная, белой разрешено помогать себе, если соперник может поступать аналогично.

Остаток энергии она сообразила потратить на чары, вытягивающие силу, часть её передалась самой колдунье. Дашка

смогла подняться, Тецарра давно стояла, снисходительно ухмыляясь. Позаимствованной у старосты энергии хватило на шар магического пламени из чёрных, фиолетовых, изумрудный и кислотно-зелёных языков, полностью скрывший дочь алхимика. Обеим ведьмам сделалось одинаково дурно, обе были в полуобморочном состоянии: одна — из-за ядовитого дыма (сам огонь вреда не причинял), вторая — потому что с последней каплей магии из неё стала испаряться и жизнь, достаточно медленно, чтобы смерть не наступила, но слишком быстро, чтобы ноги уже не держали.

Секундант готов был констатировать ничью, как послышалось слабое бормотание Тецарры. Она обращалась к духам. Повторно. Дашка не могла пошевелиться — в руке старосты блеснул магический сгусток, предназначавшийся первокурснице…

— Прости, перестаралась, — девушка помогла проигравшей сесть на скамью, отряхнула её. — Ты поняла что-нибудь?

— Надо учить восстанавливающие чары, — простонала Дашка.

— У меня тоже с ними проблемы, как и у всего факультета чёрной магии. Мы по инициативе преподавателей овладеваем только контрзаклятиями, чтобы снимать с себя проклятия в бою.

— Но ты же…

— Эликсир, Дарья, эликсир. Три глотка — и любое заклинание стоит лишь правильно произнести. Неважно, пробовал ты когда-нибудь его или нет. Подбираешь нужные слова, и всё само по себе происходит.

— Все дуэлянты так поступят, зелий наглотаются?

— Все старшекурсники. Когда определятся победители поединков между магами одного класса, начинаются смешанные дуэли сильнейших. Против тебя может оказаться студент любого факультета стихийной магии.

— И что, мне уподобляться им?

— Если желаешь быть растоптанной — не нужно. Я учусь в Академии четвёртый год, и насмотрелась, как издеваются над теми, кто однажды проявил слабость. В этом заведении хранятся ценнейшие знания, но зачастую они преподносятся никчёмными преподавателями никчёмным учащимся, — изрекла Тецарра.

— Завтра ты баловаться изобретением папы не будешь? — Дашка спросила в шутку, но ответ изумил серьёзностью:

— Четверокурсники с шестикурсниками не соперничают, а ты наравне с ними. Иначе пришлось бы идти на подлость вместе со всеми, не уступать же!

— Чудная ты, — проворчала Дашка. — Пристала ко мне едва ли не с первого моего дня в Академии. Почему? Я из Великой

Троицы и угодила на твой факультет, поэтому, да? Потому, что я под опекой Миротворцев?

— Ты права отчасти. Ты известный человек, мы с одного факультета. Люди, попавшие в историю, для меня любопытные явления. Я бы Алексом или Элли так же интересовалась, но тебя чаще вижу. И, знаешь ли, нравится.

— Что? — смутилась Дашка. — Кто? Я?

— Общаясь с тобой, не скажешь, что ты успела остановить злодея Мортиса и повоевать против королевы Эвиланы, — усмехнулась староста. — Не упиваешься собственным величием и не думаешь, что оно вообще у тебя есть. Верно, ещё нет. Многие полагают, ты с этим не согласна. Ты по натуре замкнутая — молва это превратила в гордыню. Покинете вы Академию через шесть лет, и заговорят профессора: каких героев мы выпустили. Забудут, как презирали вас за то, чего у вас нет. Люблю замкнутых, — закончила она неожиданно.

— Я ухожу в замок, — оповестила её Дашка, не придумав, что сказать на странное заявление. — Заглядывай в гости, заодно пообщаешься с Алексом, Элли, компанией повстанцев и, если повезёт, Скентией Ринхафтом.

— У вас бывает весело?

— Сейчас — редко, — призналась ведьма. — Очевидно, хорошего настроения в нашем пристанище не появится, пока не вызволим Даниэлу. Ответственность на плечах двоих, но голова забита у всего замка.

— Будьте хранимы всеми духами, — пожелала девушка. — Я стану за вас молиться.

Тецарра вернулась в общежитие, Дашка, ходившая туда к Лорианте — в незримое убежище. Из тумбочки она достала пробирку с эликсиром. Жидкость за несколько дней приобрела более приятный оттенок, чем имевшийся первоначально. Осадка на дне не покоилось, запаха не возникло. Выглядело содержимое сосуда безобидно. Вытащив пробку и приставив его к губам, ведьма запрокинула голову. В горло потекло холодное зелье без вкуса. Опустевшую пробирку Дашка закинула под кровать. Ведьмой овладело волнение: вдруг у эликсира есть побочные действия, или Нелла ошиблась в расчётах при изготовлении? Час колдунья металась по спальне, берясь периодически за задания к завтрашнему учебному дню, но ничего не ладилась. Как только стрелки часов завершили оборот, она с удовольствием отметила, что самочувствие не испортилось, и пошла в библиотеку.

Компания, как правило, растаскивала книги по комнатам, о чём свидетельствовали пустоты в рядах фолиантов, черневшие на каждой полке в каждом шкафу. «Тёмный след некромантов»,

вытащенный Дашкой, но даже не пролистанный, никто не поставил назад — книга красовалась на столике. Молодая женщина, в отличие от остального населения замка, читала прямо здесь, благо в библиотеке стояло несколько диванов и кресел.

За «Тёмным следом» она задремала.

«Дарья, очнись! Ночь не время для сна», — разбудил её потусторонний мужской голос.

— А для чего тогда? — пробормотала Дашка, протирая глаза.

«Мы решаем, что тебе делать, ничтожество, — нахамил другой зловещий голос, женский. — *Мы пошлём тебя за тёмным священником Аорной Бларисом Марантеллой».*

— Всё-таки побочный эффект, — ведьма отвернулась к спинке дивана — было лень идти к себе, можно доспать и здесь.

«Пока ты в контакте с нами, паршивка, будешь выполнять все наши приказы, иначе…» — пригрозила ей та же женщина-дух, Дашка схватилась за сердце, в котором заколoло так, что она бы закричала, да рот не открывался, только слёзы катились.

«Живо к порталу, — погнал её какой-то старик. — *Перемещайся в Бесталон».*

«Фикстер, девчонка боли не боится, — упрекнула его женщина. — *Припугни Дарью расправой над кем-нибудь из её семьи. Подойдёт малолетняя ученица некромантши».*

Не ведающая о новом увлечении Шаки, Дашка уткнулась в диванную подушку. Накатило видение: младшая из названых сестёр в приступе болезни, от которой её исцелили сравнительно недавно. От вопля ведьма, подскочив, зажала уши. Звук исчез, но образ перед глазами продолжал извиваться. «Убей меня… — прохрипела Шаки. — Магией или клинком, неважно…Сверни мне шею… Отрави… Как угодно… останови муку…».

— Перестаньте! — взвыла Дашка.

«К порталу, — повторил старик. — *Бесталон, Аллея дриад».*

— Врёте, — упёрлась колдунья.

«Сейчас убедишься», — грохнул женский хохот.

Слуховые галлюцинации пропали, забрав, казалось, часть реальных звуков — тишина стала явственней. Ведьма помчалась прочь из помещения. Ворвавшись в спальню, Дашка спряталась под одеяло, накрывшись с головой. Оно не уберегло от стона, охватившего все восемь этажей: Шаки настигло старое проклятие. С резвостью, ошеломившей её саму, одержимая понеслась к портальной двери. Никто из компании — а из постелей крик выдернул всех — не воспринимал ничего, кроме этого воя, и Дашку, устремившуюся к магическому выходу из замка, не остановили, не окликнули.

Глава 13 Полуночный храм

По обе стороны Аллеи дриад тянулись стены вековых деревьев. Чёрные узоры из листвы и веток были хорошо различимы, за ними синело небо с отчётливыми точками звёзд. Звенели источники, поднимающиеся от них огоньки проделывали путь вверх, то скрываясь за темнотой листьев, то появляясь на пятнах цвета индиго между ними. Вдалеке что-то белело.

Ступала Дашка медленно, вслушиваясь в стук своих каблучков о дорожку. Духи от неё отстали, но возвращаться ведьма боялась. Она-то уже в порядке, а что с Шаки? Исчезли духи — исчезли её страдания?

Белое нечто впереди приняло очертания статуи женщины. Спустя десяток шагов выяснилось, что это длинноволосый мужчина, держит руки на груди, сжимая жезл. На постаменте было выбито: «Кемарис Лебарте Вирориман (1634–1729), распространитель искусства шаманизма в Альдане». Шаманизм… В животе повеяло холодком нехорошего предчувствия.

В месте, где пребывал мраморный маг, аллея образовывала прямой угол. Дашка повернула, сразу увидев храм на расстоянии. Вот туда идти хотелось меньше, чем в замок. Соваться в святилище по требованию потусторонних — небезопасное предприятие. Отступать колдунья стала гораздо быстрее, чем приближалась к статуе, но преодолела всего пару метров и упёрлась спиной в кого-то.

Человек примерно сорока лет, выше Дашки головы на полторы, со светлыми прядями до плеч, в запахнутой тёмной мантии с высоким воротником, прилегающим к шее; надменное лицо, костлявые пальцы с когтями сантиметра в два.

— Разрешите пройти? — протянула Дашка.

— Разрешаю. Туда, — он указал ей на храм.

От ужаса ведьма оцепенела. У незнакомца были хладнокровное выражение, спокойный голос, красивый, текучий. Что можно ожидать от такого человека? Неизвестно, оттого страшнее. Она даже не стала отбиваться, когда незнакомец потащил её к храму.

Здание внутри оказалось очень светлым: свечение испускали стены. В центре круглого зала — колонна с барельефным изображением двух одинаковых девушек. Одна — с распущенными развевающимися кудрями, в коротком платье, на вытянутой руке держит большую птицу со сложенными крыльями. Вторая с толстой косой, достающей до бёдер, облачена в доспехи, с огромным мечом, гладит грифона. Может, это была одна и та же

героиня в разных образах, может — девушки-близнецы. На стенах так же барельефы, разные пейзажи: и природа, и города.

Мужчина дал ведьме минуту, чтобы осмотреть всё, потом встал перед ней. Дашка увидела, что у него мантия синяя, волосы бирюзовые, а глаза бледно-голубые, практически бесцветные, вокруг радужки чёрное кольцо.

— Что ты желала в моей обители? — он задал вопрос.

«Скажи, что в Риции грядут беспорядки», — вновь объявился женский голос.

— Меня направили сюда злые духи, — Дашка раздражать человека молчанием не решилась, как и подчиняться этим голосам.

— Иным способом ко мне давно никто не ходит, — произнёс мужчина, отвернувшись и уставившись на барельеф — панораму Зальвана с башнями Магической Академии на горизонте; колдунья заметила, что у человека сзади есть прядь гораздо длиннее, чем остальные, достающая до пола и заплетённая. — Значит, кто-то собрался действовать через тебя.

«Говори же!» — потребовали хором три духа.

— Не буду. Извините за беспокойство, надо мной, наверное, жестоко пошутили, — Дашка объяснилась и метнулась к выходу.

Крик Шаки опять встал в ушах, одновременно ведьма слышала компанию. «Проклятье, Теона, когда у неё последний раз такое было?» — надрывается Томас. «В день, когда пропала Эвилана и был снегопад, — изнемогает целительница. — У меня заканчиваются силы, а Шаки ничуть не стало лучше, боль не ослабла». Кларисса бормочет: «Держись, девочка», Николас мрачно заявляет: «Чьё-то вмешательство. Если такая болезнь исцелена, то навсегда, больше о себе приступами не напомнит». «Да кто мог?» — восклицает Теона. «Я предупреждала: она ошивается не пойми где, не пойми с кем», — цедит Джессика, следующие её слова тонут в стоне младшей сестры…

Вероятно, Дашке лгут, только всё может быть и правдой, слишком дурной, чтобы пренебрегать возможностью её существования. Колдунья вернулась.

— В Риции грядут беспорядки, — повторила она за духами.

— Какие? — насторожился человек.

«Скоро мужчина и женщина, заключившие союз жизни и смерти, придут за леди Сагреной», — ответили духи, Дашка передала.

— Иное царство мёртвых нуждается в моей помощи? — хмыкнул мужчина, поняв сообщение так, как надо было. — Что ж, для начала надо добиться, чтобы Полуночный храм признали осквернённым. Хоть я совершил тут сотню обрядов, экзорцисты с

упоением очищают его. Вы знаете, кто это? — он коснулся девушки с птицей на колонне.

— Нет, — ведьма вздрогнула от его взгляда.

— Миала Лагранте, участница военного похода против риксов. В последнем сражении в неё вселился дух, призванный шаманом, которого не удалось изгнать. Она не осталась буйно помешанной, однако странной — до конца жизни. Её стихией был Огонь, поэтому Миала легко приручила одного феникса, ещё на землях риксов, где полно магических созданий, — тут девушка с ним изображена. Воительница превратилась в странницу, бродила по королевству, останавливаясь там, где приютят. Огненный друг был с ней, пламя его перьев освещало ей дорогу ночью. Днём Миала спала, с наступлением темноты продолжала путь. Она искала заблудившихся, чтобы отвести туда, куда им надо. Составляла компанию путешественникам, защищая их при нападениях, ведь леди Лагранте не забывала, как обращаться с оружием. Если находила умирающих, то исцеляла их — способности проявились после нападения духа. Девушка была покровительницей ночных странников. Поэтому её храм назвали Полуночным. Тут молятся не только путешественники — ещё все, кто принадлежит Огненной стихии, — рассказывать мужчина закончил, хохотнул пару раз и загоготал.

— Я должна обратиться к духам Риции? — прошептала Дашка.

— Ты представительница людей Огня, — напомнил он. — Убийства тебя будет достаточно, полагаю, чтобы храм покинул единственный оставшийся здесь дух — сама Миала Лагранте. Мне жаль тебя, Дарья, — с кончиков его пальцев повалил пар, не с внутренней стороны, как обычно происходил у магов выброс энергии, а с наружной. — Тебя подставили. Но по ночам Аллея дриад — моя территория. Всех, кто появляется на ней, я вижу в магическом шаре, чтобы телепортироваться к визитёрам и что-то от них получить. Ко мне добровольно ходят, как правило. Исключения случаются, ты одно из них.

Ледяной пар повалил к Дашке, от холода потекли слёзы, замерзающие уже на веках, отчего ведьма зажмурилась. Мокрые ресницы слиплись и склеились льдом. Она попробовала направить несколько проклятий, уменьшающих силу магии и блокирующих её вовсе, туда, где стоял, по представлению молодой женщины, сумасшедший колдун. Пар по-прежнему окутывал её, интенсивнее, чем полминуты назад. Дашка стрельнула в человека пламенем — вскрика не последовало. Подлец исчез. Магия, мучающая физически, не относилась к чарам, которые снимались заклинанием, так что спастись можно

было, выбравшись из храма. Нащупанная дверь была запертой.

Обмороженные конечности уже не чувствовались. Осознание, что жизнь прервётся совсем скоро, заполняло душу горечью.

И внезапно всего этого не стало. Дождавшись, пока подтает лёд на ресницах, Дашка разлепила их: в Полуночном храме было темно. Ведьма уже бывала в Аркене, и это удержало её от мыслей, что наступила смерть: в обычном загробном мире царил свет.

— Храм осквернён, дух Миалы Лагранте ушёл, — сказал за дверью кто-то. — Скорее по нашей просьбе, чем из-за преступления Аорны. Выбирайся на улицу, теперь ты с ним расправишься.

— Кто вы? — без эмоций — все кончились — произнесла Дашка.

— Не узнала? — усмехнулись снаружи. — Реция, Миротворец.

— Вы! — колдунья обрадовалась, бросившись к стене и забыв о невысокой вероятности, что именно в этом месте окажется дверь; конечно, упёрлась в стену. Выход вспыхнул и загорелся желтоватым цветом, Дашка вышла.

Аорна, стоявший спиной к храму и созерцавший звёзды, удивился скрипу двери. Девчонка во вполне невредимом состоянии, уставившаяся на тёмного священника, его взбесила. Отвратительные глаза из водянистых сделались розоватыми. Вызывать духов, чтобы расправиться с наглой особой, времени не было — надо сперва войти транс. Подходящим проклятием Аорна нашёл заклятие, наводящее на цель ужас. Ему требовался для сотворения колдовства лишь продолжительный взгляд. Дашка приняла его за демонстрацию злости. Миротворец обеспечивал её в этой схватке магической неуязвимостью — вот ведьма и не ощущала даже волнения. Аорне пришлось к взгляду добавить пасы руками, затем — озвучивание текста на колдовском языке. Безуспешно.

— Убей его или хотя бы покалечь, — Реция подлетел к Дашке. — Аорна Бларис — любитель экспериментов на людях. Помогать подонкам обретать существование после смерти — тоже занятие небезобидное.

Тёмный священник, судя по всему, не видел и не слышал призрака, пробуя на ведьме всю свою магию. Когда Дашка собралась атаковать его стихией, он бесследно телепортировался.

— Трус, — охарактеризовал Аорну Миротворец.

— Как за такое благодарить — понятия не имею, — ведьма улыбнулась.

— Не прикидывайся. Я наш долг выполнял. Ради подопечного мы имеем право покидать Академию — по одному. Леди Азари

тебе мстит, теперь за мистера Тейлора. Представившись Селин, она побеседовала с Шаки и посоветовала ей предложить тебе взять у алхимиков эликсир якобы для увеличения магической силы, — просветил её Реция. — Зелье номер тридцать два влияет на сознание. Выпьешь — и откроешь его духам загробного мира злодеев. Когда сознательно так поступаешь, представляя, о чём будешь с ними разговаривать, это безопасное предприятие. А потревожишь их просто так — пользу получишь не ты от них, а они от тебя.

— Как Лафина могла! — вспыхнула Дашка. — Меня чуть не убили!

— Твоя одногруппница хотела лишь припугнуть тебя, не думая, что ты угодишь в лапы Марантеллы или какого-нибудь другого безумца, что Шаки достанется от обитателей Рации, что вся семья твоя всполошится, — Миротворец покачал опущенной головой.

— И это зелье мне спокойно дали, — колдунья вдруг провалилась в глубокую тоску. — Завтра на турнире я опозорюсь. Чудесные в Академии нравы.

— Потому тебе в эликсире не отказали. Запрещённые составы, их всего тридцать пять, яды, приворотные зелья — студенты ничего не гнушаются. Среди них — дети политиков, выросшие в среде постоянных козней. У них представления о позволительном разнятся с нашими.

— Не утратил бы храм святости — попросила бы у предков защиты, — Дашка приковала взгляд к величественному зданию.

— Миала для тебя самая подходящая покровительница, — согласился призрак. — Ты и путницей побыла два года назад, направляясь с друзьями в Чёрные Гавани. Как только Миала обретёт новый земной дом, я скажу, где он. К этому она сильно была привязана. Еле убедил покинуть его.

— Ты? — ведьма вспомнила, что Реция о своей причастности к осквернению Полуночного храма уже упоминал.

— Вам необходим опустевший храм в качестве портала в Рацию, — ответил Миротворец.

— Хорошо подсобил, — поразилась Дашка. — В королевстве их мало, но они есть. Мы бы нашли, не идя на жертвы. Ничего, что в храме разовьёт активность Аорна?

— Он будет размышлять над тем, как вам помешать. Ему не до случайных прохожих, на которых можно проводить опыты, — заверил её хранитель. — Теоне и Томасу следует торопиться. У Арионы предчувствие, что Даниэла стремительно теряет рассудок, вот я и ускорил подготовку к визиту в Рацию.

— Чего нам ожидать от Аорны? — ведьма неспешно

направилась к порталу.

— Многого, — лаконично ответил призрак. — Духи могут атаковать, не подпуская вас к месту, где томится принцесса, а налаживать разные защитные поля — забота тёмных священников.

— Сколько недель у нас в запасе?

— Около двух, я думаю.

Диалог оборвался. Колдунья считала свои шаги, призрак что-то насвистывал. После того, как они миновали статую шамана, Реция поинтересовался:

— Знаешь, что за мелодию я пытаюсь передать?

— Я плохо знакома с искусством Альданы. Столько здесь живу, а время уходит на что-то иное. Восстание, изучение магии, заработки.

— Песня тех лет, когда была очередная война с риксами. Вы не знаете страха объятий, только смерть ваш народ остановит. Вам хвала: вы смогли показать нам, что есть вещи ужаснее боли, — затянул призрак. — Тебе должна прийтись по душе.

— Спой всю! — попросила Дашка.

— Плоховато я это исполняю. Обратись к кому-нибудь ещё. Она называется «Благодарны мы вам за науку».

— Обязательно. Мне понравились строчки, которые я услышала от тебя.

В спальне колдунья оказалась ранним утром. Первая пара — через три часа, а желание выспаться крепчало. Ещё через четыре часа — турнир (сегодня последние занятия отменили, после окончания укороченного учебного дня студентам давался час на подготовку). Посетить лекции Дашка намеревалась, чтобы лишить Лафину иллюзий насчёт своего разбитого состояния. Ведьма углядела спасение в ободряющей настойке, так как ста восьмидесяти минут на сон было недостаточно.

Прихватив в алхимической лаборатории флакон с ней, она забралась на окно в коридоре, выходившее на аллею. Очень редко удавалось увидеть её пустой — когда Дашка просыпалась, что в общежитии, что в замке, на улице появлялись отдельные студенты. Старшекурсники, алхимики и некроманты, тянулись в лаборатории, кто-то просто вставал рано и выползал подышать утренним прохладным воздухом, некоторые бежали в соседний корпус к приятелям. В шесть часов признаков жизни в Академии ещё не было.

Безлюдность сохранялась недолго — из-за угла нарисовались по очереди цербер, служившая поводком цепь и София Риккен.

— Доброе утро! — вежливо пожелала Дашка. Она не кричала, чтобы не нарушить сон замка, но больше вокруг звуков не

раздавалось, и профессорша уловила приветствие, несмотря на разделяющую её и ведьму высоту.

— Почему не в постели? — хмыкнула демонолог, задрав голову. — В полтретьего тебя тут не было, гуляла, значит, где-то и легла поздно — и бодрствует при первых рассветных лучах!

— Вы знаете? — колдунья чуть не выронила флакон.

— Шаки приступ сразил. Алекс примчался в скрытое крыло, за целителями и белыми магами, а криком-то поднял не только их — всех преподавателей, — София привязала цербера к фонарному столбу, сообразив, что остановилась под окном надолго. — У вас практически все преподаватели побывали — кто лечить не способен, пытается установить причину приступа.

— Как закончилось это? Девочка, судя по отсутствию стонов, в порядке, — Дашка предполагала ответ, просто хотела убедиться.

— Внезапно. Отпустило мгновенно. Тогда и спохватились, что тебя нет — в себя пришли, переглянулись, твоей персоны не обнаружили. За поиски не взялись, извиняй.

— О приступе мне известно, — выдала, наконец, ведьма.

— Отчего сбежала? — нахмурилась декан.

— Сейчас к вам спущусь, — Дашка кинулась к лестнице. Оконные створки поскрипывали вслед, флакон она, спрыгивая на пол, задела нечаянно и смахнула на улицу.

— Шустрая, — скептически отметила профессорша.

— Обманом меня уговорили налиться тридцать вторым запрещённым эликсиром, — объяснение подопечная Миротворцев начала без вступления. — Злые духи, чтобы заставить меня подчиняться, вызвали приступ у Шаки. Меня спас Реция, он, выходит, и прервал её страдания.

— Кто уговорил? — София сжала губы.

— Одногруппница, — уточнять Дашка не собиралась: вдруг Лафину не исключат, тогда от неё круглосуточно житья не будет.

— Выясню, — пригрозила демонолог. — Что духи требовали? Какие именно?

— Осведомить тёмного священника Аорну, что в Риции скоро не станет покоя. Духи мне знакомы не были.

— Ах, точно, — бросила преподавательница. — Много ты успела ему выболтать?

— Только это. Аорне понадобилось осквернить храм — меня отправили на Аллею дриад, там есть один. Для этого он вознамерился совершить в храме убийство, я бы послужила жертвой. Миротворец явился, когда от его магии я уже умирала, сделал меня неуязвимой, так что колдуну пришлось исчезнуть, — докладывала Дашка. — Теперь мы имеем место, откуда можно

отправиться в Рицию. Необходимо спешить: Даниэла под угрозой сумасшествия.

— Теона на занятия не придёт, будет отсыпаться, а на турнире будет присутствовать. Поднимется раньше — пусть заглянет ко мне на дрессировочную арену или, если пары ещё будут идти, в аудиторию, где я буду преподавать, — София принялась разматывать цепь, удерживающую трёхглавого пса. Дашка побрела в замок.

К девяти часам не показался из своей спальни никто. Ведьма начёркала записку Теоне с повелением Софии, положила на стол в её с Томасом комнате и отправилась на лекцию по контрзаклятиям.

Лорианта приболела и находилась в больничном крыле, а к Дашке подсаживаться никто не желал, тем более что она заняла место на первой парте аккурат перед преподавательским столом. Позади неё устроились, к огромному недовольству колдуньи, Лафина и Вайнона.

— Эй, Винсент, у тебя запасного пера не найдётся, я забыла своё, — потормошила Дашку девчонка, ложь которой чуть не обернулась для ведьмы из Великой Троицы гибелью.

Взгляд на Лафину молодой женщины был долгим, пристальным и чистым.

— Вот, держи, — девице вручили знатное перо, принадлежавшее недавно грифону.

Интриганка, оторопев, взяла, Вайнона застыла с вытянутым лицом, отмерев с появлением преподавателя, профессора Локки Эйлиса, ещё недавно посещавшего Академию ради учёбы, а не работы. Выделялся он среди коллег благодаря тёмно-зелёным волосам, не очень длинным, не очень густым и не очень чистым, и вечными претензиями ко всему.

— Ваши самостоятельные работы, — он вывалил на стол свитки. — У Дарьи Винсент относительно прилично выполнена, у Лорианты Блазе — она здесь?

— Ей нездоровится, — ответил Джайде.

— По-моему, леди Блазе всё до последней запятой списала у Дарьи, я хотел вызвать её к доске и проверить, знает ли она что-то без подсказок, — бормотал профессор, копаясь в свитках. — Дарья, в следующий раз отсядете от неё к Лафине Азари. Её подруга, как и ваша, совершенно не думает самостоятельно. Впрочем, перебирайтесь к ней сейчас. Хотя нет, пусть лучше Лафина — к вам. Наблюдать вас у себя под носом удобнее.

Девица не стала препираться, наученная опытом: сделать что-либо не по словам Локки было великим риском для последующей успеваемости. Плюхнув на парту вещи, она сама рухнула на стул.

— Не надо мне такого скорбного выражения, — вызверился профессор и перешёл в другой угол аудитории, возобновив вещание.

— Я ночью совершила славную прогулку, — вполголоса уведомила Лафину Дашка. — Познакомилась с одним магом. Он для меня кое-что полезное сделал.

Соседка по парте, приготовившаяся обозначить в свитке тему лекции, коснулась пером пергамента и некстати замерла: чернила стекли, образовав обширную кляксу.

— Правда, он оказался психически неуравновешенным и чуть меня не убил.

— Сочиняешь, — огрызнулась Лафина.

— У тебя научилась, — торжественно прошептала ведьма.

Одногруппница ахнула, слишком громко. Локки не замедлил поинтересоваться, по поводу чего столь бурные эмоции.

— Меня оскорбили, — пожаловалась девица плаксиво.

— Винсент? — профессор к Дашке испытывал исключительно неприязнь; преподаватель считал недостойным занижать ей оценки и оказывался вынужден ставить знаменитой колдунье высшие баллы, ибо было за что, поэтому притеснял её иными способами. — В чём дело?

— Я заметила, что леди Азари много врёт, — отчиталась Дашка под возмущённое фырканье девушек из группы.

— У вас есть подтверждение?

— Есть, — ляпнула ведьма, не подумав, что теперь надо будет поведать всем про запрещённый эликсир. Локки, выжидая, молчал, как и группа бросила шептаться. — Она моей названой сестре предложила эликсир опасного действия, сказав, что он усиливающий.

— Шаки? — профессор обомлел.

— Приступ не совсем из-за зелья был, — пояснила Дашка — парень протяжно выдохнул, пропустив мимо ушей «не совсем».

— А зелье вообще не ей предназначалось, а Винсент, Шаки передать должна была, — вставила Лафина.

— Девочка случайно его выпила? — старался вникнуть в суть проблемы преподаватель.

— Нет, — скрывать было глупо. — Эликсир номер тридцать два; духи терзали её, чтобы припугнуть меня.

По аудитории пробежала волна ужаса, одна Вайнона восприняла откровение спокойно.

— Леди Азари, бумаги для вашего исключения из Академии подпишут вечером, надеюсь, — оправившись, уведомил профессор.

— У меня в мыслях не было, что всё обернётся этим! —

заныла Лафина. — Кстати, Дарье эликсир был нужен, чтобы выиграть на турнире!

— Клевета? — Локки обратился к обеим ведьмам.

— Нет, — потупилась Дашка.

— Вы сняты с турнира, — завершил разбирательство маг. — Леди Азари, вам уже нет нужды томиться в душной аудитории и внимать моим скучным речам, — съязвил Эйлис.

Ретировалась девица, задев бедром парту, что повлекло за собой падение на пол части Дашкиных вещей.

За пятнадцать минут перерыва между занятиями про удаление с турнира участницы, перед которой тряслись шестикурсники, говорили в каждом уголке учебного заведения. Дашку осуждали. Самые смелые кричали ей что-то про привычку быть всегда превосходящей и про болезненную боязнь поражения. Особенно старались студенты, бывшие утром её потенциальными соперниками. Дашка остро жалела, что решила внять совету Тецарры.

Предстояло объяснение перед компанией. В процессе досталось, помимо Дашки, Клариссе, пославшей ребёнка к Софии, и Шаки, поверившей сомнительной девчонке и не обратившей внимание на оговорку Лафины (усиливающий эликсир — из разряда запрещённых). Остывали долго. Быть зрителем турнира Дашка не пошла, отсиживалась в пристанище. Кларисса осталась, штурмуя библиотеку, и Шаки. Её не опасались отпускать в самостоятельные странствия по территории Академии, ограничившись взятым словом не вступать ни с кем в контакты, девушка просто не захотела идти.

Размышления Дашки о неиссякаемом потоке неприятностей, достающихся ей, приостановились с визитом факультетской старосты. Тецарру впустила и проводила в комнату ведьмы младшая обитательница замка.

Дочь алхимика, убедившись, что ребёнок удалился, заорала:

— Ты не могла в течение допроса Эйлиса почаще держать рот закрытым?! Нянчиться с тобой после твоего оглушительного провала я не намереваюсь, велика угроза утраты репутации.

Распластавшаяся по постели Дашка ощутила неслабое потрясение, несмотря на постепенное привыкание к характеру и причудам подруги.

— Сама же настаивала на принятии эликсира! — она подползла к изножью кровати, ближе к девушке.

— Меня не заботят взаимоотношения тебя с Лафиной, — отрезала Тецарра. — Азари, чтоб ты имела понятие, племянница командующего отряда королевских боевых магов. Ты уважением таких людей разбрасываешься, Дарья.

— Следуя этой логике, мне стоило лечь под Эзарию, когда он выражал желание, — уколола её колдунья.

— Заткнись, — впервые на Дашкиной памяти староста допустила некультурное слово. — Наша свадьба тебя не касается.

— Соглашусь я с Клариссой, — первокурсница разлеглась в той позе, в которой была до прихода девушки. — Магическая Академия хороша знаниями, но плоха народом.

— Кидаешься обвинять в произошедшем кого-либо — начинай с себя. — Тецарра была на грани срыва. — Известность по-разному портит. Не загордишься, так пострадаешь, а страдания уродуют. Зачем вы, неиспорченные дети, полезли сюда? Из вас, вероятно, слепят бунтарей, приносящих не обязательно добро. Вам мерещится, что вы прежние, а истина-то нередко незрима!

Прочь она бросилась со всех ног.

Среди четверокурсников Тецарра заняла первое место. Юноша из Дашкиной группы, Арвелла, оказался победителем в соревнованиях между первокурсниками факультета, а по итогам смешанных поединков стал третьим. Без бурного отмечания не обошлось. Позвать Дашку явился Лиозер; группа неожиданно к ведьме подобрела после выходки Лафины. Излиянием и тирадой Тецарры колдунья была убита и вылазка в шумное место представлялась пыткой — она отказалась.

Лорианту выписали на следующий день. Группа так же презирала бедную девочку, неоднократно Дашку спрашивали: «Охота тебе с этой возиться?». Ей открыто ставили условие — бросай сиротку, тогда присоединишься к нам. Пока согласия не предвиделось, одногруппники, не донимая ведьму насмешками, издёвками и проявлением пренебрежения, стали здороваться с ней, иногда обращаться, звать куда-то, приглашать — но расположение было хрупким, натянутым. Мирное сосуществование имело побочный эффект — страх, что скоро оно сменится на холодную войну, к тому же нелегко приходилось, прикрывая Лорианту от выпадов, делимых раньше пополам, а отныне получаемых одной девочкой. Предостережение Тецарры не покидало головы вместе с догадкой: не охладей к Дашке староста, не смягчилась бы группа. Законы, управляющие благосклонностью и неприязнью в Академии, были колдунье либо непонятны, либо противны. Смятение и тревога пленили её надолго.

Глава 14 Чужие жизни, своя отдушина

— Какова вероятность, что Даниэла останется помешанной? — София сидела за столом перед Адой, сцепив вытянутые руки и глядя в одну точку, мимо лица женщины.

— Ты надеешься на ответ «Невысокая»? — брюнетка попыталась посмотреть на коллегу, но взор демонолога будто проскальзывал сквозь её голову и упирался в стену. — Не обманывайся. Невозможно рассчитать, когда именно изменения в её разуме станут необратимыми, а спешить в Рицию, не закончив подготовку или завершив её второпях, опасно.

— Когда Теона с Томасом отбудут? — у Софии шевелились только губы, всё остальное находилось в оцепенении.

— Вообще-то глупый вопрос, — Ада заметила, что в трапезном зале появилась Мейдина, и перешла на шёпот, до неприличия сильно подавшись вперёд: ожидать движений приближения от демонолога сейчас не приходилось. — Как поймут, что готовы, так отправятся. Однако я нередко бываю у них, обладая некоторой компетенцией в деле тёмного священничества, условно называемого высшей некромантией, поэтому знаю, как продвигается дело. За неделю-полторы управятся.

— Это много или мало?

— Теперь точно глупость.

Направляющаяся якобы к столу факультетских старост, Саэлис прекратила поправлять шнуровку корсажа. Надо было спешить к принцу.

Эзария нашёлся в обычной спальне, не в комнате в скрытом крыле.

— Бежала? Причёска разлохматилась, — заметил парень, не вставая со стула.

— Ой, а дело-то вправду не срочное, — сообразила шпионка, хихикнув. — Просто подслушивание профессоров, особенно Риккен и Лиоре, — рискованное предприятие, хотелось быстрее исчезнуть из помещения.

— Чего же они поведали? — он не поменял расслабленной позы.

— Дней десять осталось. Эзария, десять! — забеспокоилась девушка. — Идеи у тебя были? Так реализовывай их!

— Сначала ещё раз поговорю с ней. Не согласится — извлеку из неё душу и вселю обратно, — принц уступил гостье стул — на кровати была навалена груда костей, рабочий материал; сам зашёл сзади. Его пальцы стали аккуратно мять плечи Саэлис. —

Процесс трудоёмкий и долгий, зато стоит того. Убивать Теону не буду, достаточно плохо совместимых с жизнью повреждений её прекрасному телу. Душа станет податливой, сможет выйти, вернётся же только моими стараниями — а это уже некромантия, так что сделается Теона безвольной.

— Ну почему ты отвергаешь вариант избавления от Томаса? — недоумевала Саэлис.

— Пусть он повторит судьбу своего папочки, — руки некроманта на секунду замерли, парень задумался. — Младший Дьюри должен потерпеть поражение и лицезреть мой триумф. Теона будет казаться прежней, просто полюбившей вдруг меня настолько, что никакие принципы возле него красавицу не удержат. Мой отец тоже мог легко отправить в Аркену Лордеша Дьюри.

Дрессировочные площадки все были закрытыми строениями, одинаковыми. Соревнования между призывателями и демонологами проводились в самой большой, находящейся в паре минут ходьбы из замка Академии (из его окон виднеющейся целиком). Она не вмещала всех желающих зрелища — студенты, не попавшие внутрь, толпились рядом. Полусфера не имела окон, дверь закрыли, источником информации по традиции являлись слабонервные девушки: какая-нибудь первокурсница выбегала на улицу, и у неё выпытывали, кто с кем бился, кто кого призывал да за кем победы. Конечно, позже расспрашивать зрителей не запрещалось, но возле арены, откуда летели команды людей и рёв существ, впечатлений было большее количество.

Рядов жёстких неудобных мест наличествовало всего семь, Дашка с Алиной расположились в четвёртом. Ниже устроилась Джессика, первокурсницы периодически тормошили её, вызнавая подробности. Они проявляли не девичье любопытство — беспокойство за Сашу.

Ярчайшее пламя факелов на стенах перестало складываться в символы факультетов (раскрытые ладони со звездой на них у белых магов; молния, дерево, волна и огненные языки у стихийных; сжимающий жезл кулак у чёрных, череп у некромантов, морда инфернального создания у демонологов, дракон и грифон у призывателей, колба у алхимиков и протянутая рука, за которую кто-то был готов взяться, у целителей). Пламенные дорожки пробежали вверх и соединились под куполом, в момент столкновения на арену упали рыжие брызги.

Этот знак заставил зрителей присмиреть. Занимающие один из секторов первого ряда участники искали среди них своих

приятелей. Саша обнаружил родную компанию, выдал кривую улыбку. Джессика ответила подобной. Тонкости предстоящих дуэлей ей были знакомы, София охотно делилась. Самой главной являлся характер декана. Его воительница познала в достаточной мере, что диктовало ей страх за любимого. Все негативные эмоции госпожа Риккен хранила до учебных боёв. Финалист турнира с последнего курса должен состязаться с ней, бедняге следует сочувствовать. Победит Саша, Джессика не сомневалась и желала парню этого; в исходе же поединка с Софией она уверена не была.

Теона с Мейдиной сидели среди дуэлянтов, в их обязанности входило оказание помощи, если кто пострадает. Профессорша одёргивала молодую целительницу каждый раз, когда та поворачивалась в сторону Саши.

София объявила о начале турнира, огласила правила для непосвящённых… Понеслось. У первокурсников всё было почти без крови. Грызня их созданий напоминала скорее игру. Стравливать магических и демонических существ так, чтобы летели клочья шерсти, чешуя и куски мяса, шестнадцатилетним юношам и девушкам было жалко. Второкурсники отличились от них некоторой внушительностью своих творений. Драконы выдыхали пламя помощнее, церберы не походили на щенят, в демонах было меньше человеческого, грифоны выглядели свирепее. Призыватели радовали зрителей разнообразием: на арене возникали пегасы, единороги и фениксы. Дуэлянты активнее накладывали на плоды магии чары усиления, бешенства и тому подобные, пугаясь, когда получивший преимущество монстр или зверь набрасывался на создание противника. Команды подавались твёрдым голосом и чаще.

После выступления первой пары третьекурсников две студентки не выдержали. Демон свернул шею дракону, перед этим выдрав ему одно крыло. Девушки, растолкав всех, пробрались к выходу во время перерыва, в течение которого убирали кровь с арены, поздравляли выигравшего; результаты колдовства дуэлянтов, выживший и убитый, исчезли сами. Алина оставалась исключительно из-за уважения к Саше. Дуэли четверокурсников и пятикурсников Дашка тоже терпела, зажмурившись. Закрывать уши было бесполезно — рёв проникает сквозь пальцы.

Перерывы уже не обходились без деятельности целительниц. Участников задевало драконье дыхание, существа выходили из-под контроля от избытка чар и нападали на магов, банально призыватели и демонологи падали, переборщив с отдачей энергии.

Шестой курс Алина с Дашкой созерцали весь. Саша вышел на арену предпоследним, против него выставили факультетскую старосту. По жребию право призывать первой досталось ей. Девушка начертила в воздухе жезлом восьмёрку, быстро, аж свист раздался. След вспыхнул красным, превратился в изображение дьяволицы. Из продолжавшей полыхать картинки шагнула демоническая женщина, точная копия. Пламенеющие линии слились в единую, обратившуюся посохом для неё.

Дьяволица обладает уровнем сознания, близким к человеческому. Из всех, кого может сотворить призыватель, аналогичный лишь у драконов, а Саша обнаружил в себе талант приручать грифонов. Королевская их порода успешно применялась для охоты на демонов, но дьяволы относятся к особому инфернальному виду. Физическая сила против них — ничто, магической у грифонов нет.

Ряды зашумели. Призыватель стоял в растерянности, не представляя, справится ли он с драконом и получится существо у него вообще. Первокурсники научились уже призывать мелких драконов, при всей своей развитой силе Саша мог создать среднего, о крупном не приходилось и думать. Слишком призывание отличалось от боевой магии, привычной парню. Назначение ему противника с последнего курса было очевидной ошибкой, это понимали сейчас демонологи с призывателями и некоторые преподаватели. Большинство зрителей готовы были освистать Алекса Винсента.

Джессика не сводила глаз с него и народа за спиной мага, Саша — с неё и подруг. Было сложно определить, что он хочет прочитать на их лицах и что написано на его собственном. Ни надежды на поддержку, ни извинения или стыда.

На арену выбрался Фестеан, шум поутих: интерес к судьбе Саши как участника дуэли достиг наивысшей точки.

— Мы приняли решение, — произнёс эльф, — что…

— Ты принял, — холодно поправила его Ада. — Если Винсент был неспособен противостоять демонологу-шестикурснику — зачем соглашался? На тренировках, по твоим словам, парень отличался хорошими результатами.

— Почему тогда Алекса, такого одарённого, не взяли сразу на старший курс? — возразил декан призывателей.

— Он не предлагал так поступить с ним, — парировала красавица-некромант. — София, ты как считаешь? — уверенная в точке зрения коллеги, Ада спросила женщину.

— Винсент прошёл восстание, — заговорила демонолог. — Какую-то девчонку он обязан одолеть. Алекс, вспомните тот год — условия куда более неравные были. Королевские боевые маги

против колдунов, пару лет назад узнавших о существовании волшебства и чародейства. Я рассчитывала сразиться с вами как с победителем, учтите.

Для Софии это были слишком тёплые слова, студенты были в шоке.

— Госпожа Риккен, тогда я оборонялся и атаковал родной магией, стихийной, — напомнил Саша, побаиваясь, что зря.

— Вам неоднократно повторяли, я думаю, что в магии главное — желание её изучать, — София, как всем показалось, его подбодрила.

Саша занёс посох. Закивав с удовлетворением, профессорша уселась удобнее, Фестеан взмолился:

— Вероятно, вы пожалеете об этом, Алекс! Поражение вы стерпите, допустим, но в стремлении выиграть можете себе навредить. Стали же свидетелями того, как дуэлянты изматывали себя до полусмерти. Известен вам принцип: чем сила мощнее, тем выше вероятность летального исхода в случае истощения?

— Фестеан, что с тобой? — хохотнула София. — Где твой привычный оптимизм?

— Есть ситуации, где злоупотреблять им нельзя, — он отошёл к рядам, намереваясь втиснуться между Софией и Адой, обе не позволили.

— Твоё место рядом выше, — оскалилась брюнетка.

Парень резко опустил оружие. Из точки удара нижнего конца посоха о землю вырвались четыре потока света с искрами в них, два зелёных и два синих, цвета чередовались. Они росли, достигнув высоты посоха, не превышавшей метра восьмидесяти, и прекратили вытягиваться.

Призыватель заволновался. Дракон, стало быть, окажется даже не двухметровым. Для дьяволицы существо в её рост — пустяковый враг, легко выводимый из строя. Пока Саша пытался совладать с подкрадывающейся паникой, в широких цветных лучах стал проявляться дракон. Творя магию, парень представлял разные виды этих созданий, а нужно было концентрироваться на одном. Он в последние секунды старался определиться, какой лучше поддаётся управлению и наиболее подходит в битве с дьяволом. Результат — появился странноватый гибрид. На теле присутствовали и шерсть, и чешуя, и гладкая шкура, крылья он имел недоразвитые, шею — слишком длинную и тонкую, лапы — коротковатые. Окрас был невнятным, сине-зелёный с проблесками фиолетового, хвост — массивный, с шипами (хоть что-то в облике радовало). Напоминал дракон скорее морского ящера.

Кто-то скрыл за кашлем смешок. Сектор преподавателей

хранил молчание. Его нарушил Фестеан командой: «Начали!».

Дьяволица телепортировалась ближе к дракону в тот момент, когда он выдохнул на неё синий огонь, и появилась слева от существа. Инфернальная леди замахнулась на него, в руке материализовался огромный меч. Саша не успел подать знак — оружие пропороло его порождению бок.

Дракон взревел. Сверху посыпались из ниоткуда камни, на уровне середины высоты помещения меняя траекторию и летя в дьяволицу. Она металась по арене, задымляя её: телепортировалась в огне, передвигаться иным способом, без магии, не желала. Призыватель старался вспомнить заклинание регенерации, которое было бы дракону кстати, потому что в бешенстве он только переводил силы. Приказав ему успокоиться, Саша послал в существо искру бешенства. Разница во времени действия его и старосты демонологов, добавившей дьяволице чуть-чуть ловкости и скорости составила долю секунды в пользу колдуна. Создание девушки только ощутило прилив новых возможностей и преимущество — дракон атаковал столбом пламени из пасти. Полностью, конечно, оно её не обволокло, инфернальная особа успела сменить место, однако языки задели творение старосты. Студентка сразу наделила её стойкостью к морозящему пламени. Соперник в долгу не остался, велев дракону опять устроить камнепад. Теперь валуны валились покрупнее, за каждым тянулся хвост иного магического пламени, изумрудного (к обыкновенному, стихийному, у противницы был иммунитет как у вида).

Девушка-демонолог оказалась расчётливее, чем Саша. Дьяволица под воздействием её чар не попала ни под один камень, а, так как их было много, телепортировалась так часто, что и разглядеть-то существо никто не успевал, включая зрителей. От едкого дыма и дракон, и призыватель жмурились, боясь разлепить веки хоть на несколько миллиметров. Песок, которым была усыпана арена, от падения камней поднимался — видимости не было вообще. Магическое животное не могло успокоиться, извиваясь возле создателя. Оно, судя по всему, мечтало, чтобы признали, наконец, поражение Саши и можно было тихо исчезнуть.

Парень вовремя решился приоткрыть глаза. За дымовой завесой блеснул клинок меча дьяволицы.

Саша интуитивно догадался, что дракона надо разозлить. Плохо соображая, что делает, колдун кинул в него сгусток магической энергии.

Дьяволицу встретило рассвирепевшее создание. Меч у неё был выбит мощным хвостом, шип на его конце впился ей в спину,

практически обездвижив. От изумрудной полыхающей смерти староста успела уберечься, и дракон перегрыз инфернальной противнице горло.

Аплодисменты были слышны даже с улицы, а зрители на дрессировочной площадке чуть не оглохли, так усердно все хлопали. Саша и староста пожимали руки друг другу, проигрыш в такой напряжённой схватке и такому человеку девушку особо не расстроил. Призывателя обнимали Фестеан и Теона, не стерпевшие и покинувшие ряды Дашка, Алина и Джессика (до них все переживали восторги, не спускаясь к победителям), участники турнира.

Как и ожидали, по итогам следующих дуэлей между победителями он стал лучшим. Настала пора того самого поединка.

София отвесила Саше изящный поклон. Начинать предстояло молодому человеку: по неписаным законам, преподаватель оставляет студенту право первого призыва. Парень явил прекрасного грифона: золотистая шерсть и белоснежные перья, крепкий блестящий клюв и острые когти, грозный взгляд и сердитое фырканье.

Из-под жезла профессорши воплотился чёрный цербер. Зрителям казалось, что декан удивит особым демоном — две причины помешали. Во-первых, цербер был отменно велик, ниже стоящего на четырёх лапах грифона на жалкий десяток сантиметров. Во-вторых, хитро ухмыльнувшись, София прикрепила жезл к поясу, этим говоря, что в процессе дуэли не воспользуется им. У неё остался длинный хлыст, по удару которого пёс налетел на соперника.

Три головы выдирали грифону оперение, не давая клюнуть хоть в одну из них. Он пытался обороняться когтями, лоснящаяся шкура цербера покрывалась багрянцем крови, только разжимать челюсти боль заставить демоническую собаку не могла. Невосприимчивость, наверное, передалась от Софии. Призыватель сумел помочь своему бойцу тем, что заклятием притупил все его болевые ощущения, грифон удвоил прилагаемые усилия, чтобы освободиться. Распался чёрно-бело-рыжеватый клубок весьма скоро, цербера отшвырнуло. Передышки не случилось — следующий удар хлыста обрушился возле пса, он мгновенно оказался на лапах. Трёхглавому зверю София не позволяла даже отступать на полшага или отходить в сторону, хлыст мелькал в воздухе с невероятной частотой. Грифон, несмотря на пять или шесть типов чар, действующих на него (Саше было не до подсчётов), слабел от кровопотери. По наводкам профессорши, выражавшимся всё так же в ударах,

цербер выискивал места для укусов, где под кожей находились важнейшие сосуды. От регенерации прок быть прекратил, повреждённая плоть не успевала восстанавливаться.

Парень упорно продолжал добавлять грифону сил. В глазах уже иногда темнело, Сашу пошатывало — София самозабвенно подстёгивала цербера. Чудом боец призывателя избавился от зубов инфернального зверя в своей шее, после броска пёс приземлился ближе, чем тогда. Грифон подлетел к нему прежде, чем тот стал вставать, поднял в когтях под купол и выпустил.

Новый взрыв аплодисментов предотвратил взмах жезла Софии — негласное обещание она нарушила, чтобы привести пса в чувство.

— Дуэль «два на два», — объявила женщина. — Кто не знает: боец каждой из сторон стремится атаковать вражеского мага.

— София! — ахнул Фестеан, зрители с шумом втянули в себя воздух, ужаснувшись; словно весь кислород они поглотили, оставив Саше, декану его факультета и ещё нескольким преподавателям слишком мало, им его не хватало.

Профессорша подняла и опустила руку с хлыстом вновь. Цербер, видимо, улавливал её мысли, так как удар не отличился от предыдущих, а зверь попытался проскочить мимо грифона к призывателю. Путь ему, разумеется, был преграждён. Каждый боец стремился не умертвить другого, а вырваться. София и жезл, и хлыст держала наготове, Саша потрясал посохом.

Грифон одолел цербера, опередив взмах магического оружия Софии. Поверженный зверь не успел встать, получив чары оцепенения, боец мага сбил женщину с ног. Парень приготовился отозвать его, но, к изумлению Саши и половины зрителей, профессорша стала справляться сама. Жезл у неё выбили, от хлыста в её положении толку не было, и она с успехом защищалась руками.

— Что на меня… пялишься…, - прохрипела женщина, отводя от себя крепкий клюв, грозящийся пробить декану череп. — За цербером… следи.

Поразившись заботе, призыватель очертил посохом окружность, в центре которой он стоял. Земля вокруг трёхглавой собаки вытянулась, скрыв её, отверстие наверху за считанные мгновения уменьшилось и пропало вовсе. Получившийся холм покрылся трещинами, когда он рассыплется, цербера под ним не окажется — дематериализующее заклинание стихийной земляной магии.

Сосредоточенный на нём, Саша не заметил, как в борьбе с грифоном София изловчилась и схватила жезл. В крошащийся холм ударил бледно-красный луч, пробив твёрдую корку. Цербер

выскочил на арену, на занесённом посохе первокурсника щёлкнула правая челюсть, перекусив оружие. Зубы средней и левой головы принялись драть призывателя.

Как он оказался победителем, парень уже не помнил, одурев от боли. Монстра оставивший профессоршу грифон растерзал; клыки пёс, как Саше позже скажут очевидцы, не выпустил, даже когда издох. Зверь так и исчез.

— Целителя, срочно! — заорала Джессика, прыжками спускаясь к любимому; Теона и Мейдина, поколдовавшие не над одним участником, были в состоянии залечить лишь нетяжёлые повреждения.

— Мы видим! — вспылила Ада, за рукав поднимая Теону, силящуюся привести пострадавшего чемпиона в чувство, с колен. — В алхимической лаборатории возьми эликсир жизни, бегом! Ты, — велела красавица воительнице, — ищи Велистера.

— Удивительно, что на турнир пришли все преподаватели тёмных сил, а из тех, кто специализируется на светлом чародействе — только леди Винсент и госпожа Рильен, — заметил Десмилия.

— Студенты Мейдины где? — выпалила декан некромантов. — Их что, тоже нет? Если они брезгуют присутствовать при кровавых побоищах, зачем вообще выбирали факультет, на котором учатся как исцелять болезни, так и залечивать жуткие раны?

— Успокойся, белых магов полно, — пробормотал Фестеан.

— Почему я рядом с собой никого не вижу?! — крикнула Ада, хватая его за воротник, после эльфа падая на грудь Амердену: — Тебе было трудно принести литр зелья, да?

Над Сашей нависли пары четыре рук молодых волшебников, в том числе и Алины. Некромантшу это чуть-чуть успокоило, теперь красавица обрушивала гнев на одного человека — Софию.

— Ты довольна?

Укротительница демонов положила голову на плечо Фестеану, поддерживающему её:

— Ему подчиняются все существа, потому что нельзя иначе, — ответила женщина невпопад. — Спасибо тебе, Алекс Винсент. Ты не погасил мою веру.

— От твоей благодарности он на ноги не встанет, — осадила её Ада.

— Да София полоумная, — хохотнул Амерден. — Не вернут Даниэле ясность разума — они друг друга как две помешанные поймут.

Глава демонологов, закатив глаза, стекла на землю, оторопевший эльф замер вместо того, чтобы подхватить коллегу.

Профессоршу подняли декан факультета огненной магии, Гареон, и студент-алхимик.

— Ещё и нервная, — вздохнул профессор Роамонес.

— Несите Софию в её комнату, — распорядилась госпожа Лиоре. — Амерден, сходи за эликсиром для неё, а я отправляюсь с вами, — кивнула она преподавателю со студентом, взвалившим на себя женщину.

— В больничное крыло! — возразила Мейдина.

— В спальню, в свой угол, — настаивала некромантша. — Я побуду с ней, а ты отправь с нами кого-нибудь из своих лучших студентов. Лишние глаза ей не нужны, одного целителя хватит.

— Не много ли хлопот вокруг неё? Столько она не заслужила, — профессорша присоединилась к Амердену в обвинениях.

— Вы работаете в Академии дольше, чем я, но знаете о ней гораздо меньше. У меня, стало быть, есть основания не соглашаться с вами, — отчеканив, Ада жестом велела Гареону и юноше двигаться к выходу и последовала за ними.

В эту минуту Теона пущенной стрелой преодолевала лестницы и коридоры замка. В алхимической лаборатории ей понадобилось время, чтобы восстановить дыхание. Увидела Эзарию священница, когда выпрямилась.

Принц доставал из шкафа банку с формалином — ради этого вещества, так часто заканчивающегося в лабораториях некромантии, он и поднялся сюда. Стоя спиной к двери и гремя склянками, он тоже не сразу констатировал, что одиночества уже нет.

Их взгляды встретились.

— Где здесь эликсир жизни? — Теона обозрела множество сосудов на столах.

— Читай надписи на ярлыках и наклейках, — Эзария затолкал банку в сумку, накинул лямку на плечо. — Я бы подсказал, но сам в неведении.

— Мне нужно срочно! — простонала целительница.

— Давай мы сейчас спустимся в подземелье, я отнесу формалин, а потом пойдём в номер к моей будущей жене, у неё там есть огромная бутыль эликсира. Как помнишь, Тецарра — дочь придворного алхимика и факультетская староста чёрных магов. Бороться с последствиями студенческих разборок ей приходится постоянно, — план у Эзарии созрел мгновенно и лишнее свидание с предполагаемой супружницей в себя не включал.

— Быстро? — протянула Теона.

— Конечно! Раз тебе надо, — заверил попавшую в ловушку

жертву принц.

— Ох, Ветры Великие, ты не представляешь, какой кошмар был на турнире! — запричитала преподавательница, выскакивая из лаборатории под руку с некромантом. — Завершала его дуэль Софии и Алекса, моего названого брата исполосовал цербер, профессора — грифон. Она так правила пожелала изменить, чтобы создания могли набрасываться на магов. А вышло что!

— В истории Академии столько чрезвычайных происшествий, что подсчитывать не берутся. Софию уволят, или запретят ей вести практические занятия, Алекса вылечат, — Эзария потрепал её по волосам.

— Я и переживаю, что госпожу Риккен выгонят. Не специально она, а её выставят на улицу. У неё же никого нет, Ада рассказывала.

— Хорошо, я поговорю с отцом — профессоршу оставят, — он чмокнул Теону в висок.

— Добрый ты, — священница высвободила руку, чтобы взять его кисть.

— Несмотря на то, что жестоко с тобой обошёлся тогда на балу?

— Полагаю, ты был не в духе и сорвался на мне.

— С невестой проблемы. Ей следовало бы поучиться у тебя: тоже имеешь нелюбимого жениха, но надеешься притерпеться. Ой, мужа, — поправился Эзария.

— Она слухам о тебе внимает?

— Подобно половине Академии. К несчастью, от нередких переутомлений я делаюсь вспыльчивым. Единственное неугодное слово, движение, взгляд — начинаю бесноваться. Ты поняла, что просто застала меня не в лучшем настроении, другие предпочитают думать обо мне как о складе пороков и смертных грехов.

— Тецарра убедится, что это лишь сплетни, — обнадёжила его Теона. — А ты к ней что-нибудь чувствуешь?

— Присутствует доля симпатии, — Эзария покривил душой. — Эта девушка меркнет перед тобой, я, увы, не могу с собой совладать.

— Томас хороший, но я люблю тебя, а не его, — преподавательница поддержала излияния в таком же духе. — Может быть, мы когда-нибудь окажемся вместе у алтаря. Но не сейчас, — целительница подумала выдернуть пальцы, но не стала. Движение, тем не менее, Эзария уловил и усилил хватку.

В подземелье священница начала замерзать. Перед дверью лаборатории принц отдал ей мантию и сам застегнул на пуговицы у горла. Снова он и она глядели друг на друга, с той разницей,

что пауза была короче — через полмгновения некромант коснулся губ Теоны с поцелуем.

В этот раз охоты сопротивляться было ничтожно мало, уберегла от падения (казалось) память о необходимости спешить на дрессировочную площадку, доставить эликсир для Алекса, без которого ему не любоваться утром следующего дня. Блондинка убрала от спины руку Эзарии, пытающуюся нащупать под мантией шнуровку корсажа. Дверь принц отворил свободной конечностью, затем проникнувшую под форму и схватившую всё-таки тонкую верёвку.

— Смешная цена за бутыль дорогого зелья, правда? — парень потянул Теону внутрь.

Она впервые испугалась жестокого красавца — он осторожно уложил её на ближайший стол, в ухо втёк вопрос:

— Да или нет?

Со слезами священница выразила отрицание.

Глава 15 Узел затянулся

Из дорогой кожаной сумки Эзарии появился кинжал. На клинке мелькала россыпь ослепительных искр — освещение в лаборатории некромант сделал максимально яркое (светильники с магическим голубоватым пламенем можно было зажечь по одному на каждой стене, через один или все сразу — так он и поступил). Ему ведь предстояла работа кропотливая, тонкая, не допускающая ошибок.

— Одумайся! — Теона подскочила — Эзария выпустил из ладони комок зеленоватой энергии, ударившей её в грудь. Она упала на поверхность, а сгусток разделился на четыре части, которые расползлись к рукам и ногам пленницы, превращаясь в цепи, приковавшие священницу к столу.

— Я тебя об этом же сколько просил? — принц окунул клинок в чашу с чем-то вязким, на металле остались крупные темно-зеленые капли.

Прищурившись, он прицелился. Метил некромант чуть правее и выше сердца.

После того, как был нанесён удар, Эзария провёл кинжалом к нему, затем Теоне была нанесена вторая рана такой же длины, пересекающая первую так, чтобы получился ровный крест. Оба раза крик священница сдержала, как смогла, теперь тихо постанывала.

Чезигер-младший обошёл её, остановившись у «изголовья». Из широко распахнутых зелёных глаз бежали бесцветные ручейки. Смазывающим движением парень вытер их, что явилось занятием бесполезным: образовав влажную линию на нижнем веке, слёзы выбрались на лицо вновь. Мучитель наклонился и приложил ладони к щекам умирающей. Приблизься Эзария ещё — пряди шелковистых волос коснулись бы её кожи.

— Скоро всё кончится, — прошептал принц.

Торчавший в ране кинжал он выдернул, но воткнул в центр кровавого креста. Сходив к столу, уставленному веществами, некромант взял пробирку с зелёной жидкостью, заткнутую пробкой. Когда её вытащили, содержимое зашипело. Надев перчатку из плотной шкуры, очевидно, драконьей, потому что на ней сохранились поблекшие чешуйки, пальцем Чезигер прикрыл отверстие (иначе бы выплеснулось слишком много) и стал лить на жертву.

Жидкость разъедала плоть. Полосы химических ожогов соединили концы ран, получился ромб с видимыми диагоналями. На этом действия не закончились. По возникшим от

алхимического продукта повреждениям Эзария трижды провёл клинком. Первый раз — лёгким нажатием, одним остриём, окунутым в нечто прозрачное. Второй раз надавливал сильнее, лезвие обмакнув в красноватый порошок, налипший из-за того, что оно было мокрое. В третий раз вогнал по рукоять…

В скрытом крыле Велистер Рэймон не обнаружился, и Джессика, носящаяся в поисках профессора по Академии, не соображала, куда летит. Ей потребовалось минут пять, чтобы заблудиться. В подземелье воительница спустилась, глядя не по сторонам, а под ноги — упасть с лестницы было невесёлой перспективой с учётом того, что вряд ли затерявшуюся в лабиринтах замка ассистентку Софии, свернувшую шею и неспособную в связи с этим встать, найдут раньше завтрашнего утра. Джессика проделала путь до лаборатории некромантии, откуда пробивался свет. Молодая женщина решила попросить студента, в тишине доводящего до ума работу, отвести её к выходу — за Велистером, скорее всего, уже послали кого-то более адекватного, и этот кто-то доставил белого мага на дрессировочную площадку.

Только шок, вогнавший воительницу в короткое оцепенение, подарил Эзарии мгновение для выдергивания оружия из Теоны. Колдовскую энергию некромант израсходовал на выталкивающие душу чары.

Айрис учила девушек отряда, как одолевать противника, у которого наличествует меч или кинжал, в случае, если у самих ничего нет, но давно, вспоминать было некогда. Среагировала Джессика не так, как ей показывала когда-то наставница. В Эзарию полетели колбы со стола. То вещество, которым принц поливал священницу, было ещё не самым опасным из тех, что находились в лаборатории. Сыну короля пришлось уклоняться от них, стараясь не наступать в образующиеся лужи. Ловкость всё же подвела его, он от неожиданной боли, вгрызшейся в ногу, выронил клинок.

— Эзария Альмонд Чезигер!

Велистер вращением жезла убрал месиво из осколков, порошков, жидкостей и крови на полу, вернув стекло и вещества в первозданном виде (полные колбы) на места.

— Где вы были? — произнесла Джессика. — На турнире едва не погиб Алекс Винсент.

Жизнь из Теоны стремительно улетучивалась. Сестра только заметила кошмар на груди целительницы. Без дальнейшей обработки некроманта он превратился в зияющую дыру с видневшейся костью.

Дальнейшие события воительница воспринимала как в забытье, не веря в них. На её вопль и прозвучавший две минуты назад крик Эзарии (это и привлекло внимание декана факультета белой магии, подоспевшего раньше всех) спускались люди. В больничное крыло Джессику не пустили, ни к Саше, ни к Теоне. Она рвалась туда, поэтому её были вынуждены оглушить заклятием.

Существование возобновилось в полдвенадцатого следующего дня. Голова гудела. Семейство в полном составе, включая Дерика, банда, Патрик и Скентия сидели в гостиной — Джессика в прострации бродила по этажам замка и наткнулась на сбор.

— Как они? — воительница заняла свободное кресло.

— Алексу до выздоровления неделя примерно, — сказала Алина. — Теону физически исцелят за две, а лечить душу придётся около месяца.

— Так серьёзно? — вздрогнула ученица Айрис.

— Душа должна успокоиться, её хотели извлечь, обработать и вернуть в тело, — ответил Томас.

— Чезигер успел бы воплотить намерения?

— Умертвлять Теону он не собирался, — муж сестры в тонкостях некромантии разбирался неплохо в силу своей магической специализации. — Жертву достаточно лишить чувств, тогда душа может выйти наружу, оставаясь связанной с телом.

— Мерзавец по-прежнему в Академии? — Джессика сжала кулаки, предвидя ответ.

— Ирвинг прибыл сюда, ему доложили об очередной выходке сыночка, — вздохнула Кларисса. — Как это ни прискорбно, издевательство над Теоной — не самое жуткое из всего, что он вытворял. Её точно поставят на ноги, немалую часть жертв принца спасти не удалось.

— А кое-кого и не пытались вовсе, потому что находили их мёртвыми, — вставил Клавьер, Джесс чуть не запустила в него вазой с букетом со столика рядом.

— Поимей немного такта, — повысила голос ведьма и обратилась к остальным: — Промедление длиной в месяц чем-то да обернётся. Понимаете, о чём я?

— Выбора нет, — проронил Николас. — Психически нездорового человека посылать в Рицию — безумство. Если можно ускорить лечение Теоны — отлично, нет — надо радоваться, что Велистер вовремя подоспел.

— Так узнать надо! — вспыхнула Джессика, пребывая на грани следующего нервного срыва.

— Уже сегодня Мейдина обещала разрешить тебе навестить Алекса, — поторопилась сообщить Дашка.

Рыжеволосая женщина закусила губу — пыталась себя усмирить.

В зал вошла Вивьен. Воительница, изумляясь, пробормотала приветствие. Никто из присутствующих и бровью не повёл — значит, фатонская священница отлучалась, прибыв в замок ночью или утром.

— Мне пора в деревню, — служительница Храма Ветров остановилась, не дойдя до середины комнаты. — Здравствуй, Джесс, — кивнула она односельчанке. — Простите, запамятовала, где здесь портал?

— Я покажу, — Томас поднялся. Вивьен собралась возразить, тогда он просто вывел её из зала.

— Зачем её звали? — насторожилась начинающая укротительница нечисти.

— Была угроза, что у Теоны душа просочится наружу, отторгнутая. Наступило бы помешательство, а душу понадобилось бы отправить в Аркену, — сухо известил Дерик.

— И ты об этом равнодушно заявляешь? — обомлела сестра. — Слушай, а тебе, случайно, не всё равно, что с ней станет? Умом тронется, погибнет?

Бруно рискнул придержать её за плечи — Джессика вырвалась.

— Да она с Шаки вам с мамочкой обузой была, не так ли? Больной ребёнок, на которого надо тратить половину средств, что вся семья получает, девочка, успешно выполняющая работу, оцениваемую, как правило, в достаточную сумму, но никогда не принимающую платы. Как вы терпели? — картинно то ли поразилась, то ли восхитилась она.

— Тебе понравилось получать от меня пощёчины? — спросил Дерик хмуро.

— Сядь! — кинулась на помощь им обоим Алина, таща подругу к креслу. — У Джессики горе, трудно понять?

— А у нас праздник, ага, — съязвил он злобно.

— Джесс чуть было не потеряла тех, кто ей ближе всего был, — вступила в спор Дашка. — Нам Теона с Алексом тоже очень дороги, но ей, кажется, дороже.

— Ты мою родную сестру лучше меня знаешь? — ощетинился старший Винсент.

— Я, по крайней мере, пробовала узнать, а ты за её двадцать три года — вряд ли.

— Мне просить вас разойтись по комнатам? — Кларисса громко прервала разбирательство.

— По-моему, я успеваю на пару, — Дашка глянула на часы.

— Слава предкам, — демонстративно протянул Дерик.

— Я хозяйка замка, в моём праве выдворить тебя отсюда, — намекнула ведьма.

Избранница Миротворцев от комментариев воздержалась, бросив всем: «До вечера», — и покинув помещение.

— К тебе девица из Академии, — Ирвинг впервые за последние лет восемь вошёл в комнату сына без стука, да ещё и отворил дверь столь резким толчком, что она ударилась о стоявшую возле косяка высокую вазу, из которой змеились стебли ползучего растения, чёрные, с таким же узором на ярко-зелёных листьях. Украшение спальни грохнулось на пол, покрыв его слоем битой керамики и земли.

— Какая именно? — сидящий за столом и делающий какие-то записи принц развернулся.

— Не та, которую ты намеревался распотрошить, — отрезал король. — Что касается имени, то я их даже у всех твоих жертв запомнить не могу, у тех, кто общается с тобой добровольно — и не пытаюсь. Кстати, леди Тецарра прибудет через два часа, поэтому не заигрывайся.

— Пусть её проведут в Синий зал, я подойду через пять минут, — Эзария снова принялся покрывать пергамент ровными полосками текста. — Кстати, позови кого-нибудь, чтобы убрали грязь. Ты навёл — ты и устраняй. Вообще, тебе стоит попросить у одного из своих лекарей или алхимиков успокоительное, а то нервный стал совсем. Не узнаю!

— За своими подстилками сам бегай, — осадил сына Ирвинг.

Захлопнул дверь он также не без разрушений: слетела со стены картина, висевшая с другой стороны косяка, портрет Эзарии с матерью. Женщина умерла, когда принцу было двенадцать, её отравили. Вероятно, она оказалась бы отличной королевой, а муж под её влиянием учинял бы намного меньше жестокостей. Сын терпеть не мог мать, давясь чувством ревности: Ирвинг боготворил супругу. После смерти горячо любимой жены он почему-то ощущал вину перед Эзарией, желание искупить которую позже смешалось с обожанием, потерявшим одну цель и потребовавшим себе другую. Таким образом, воспитание будущего принца состояло в основном из ошибок. Первую родители допустили, не обращая внимания на прескверный характер ребёнка.

Некромант подождал, пока высохнут чернила. Запечатывать свиток не стал, надо было добавить ещё пару мыслей. Положив пергамент в ящик стола, парень направился в приёмную, там его встретила Саэлис.

— По делу? — поинтересовался Эзария, взмахом веля двум

стражникам, доставившим сюда девушку, оставить их.

— Здесь меня продержишь или в покоях поговорим? — набралась наглости визитёрша.

— В опочивальню мою захотела? — особо не надеясь, усмехнулся принц.

— Ты и не догадываешься, что увлечение противоположным полом тебе боком выходит, — покачала головой студентка Магической Академии.

— Значит, в Синий зал, — с лёгким поклоном Эзария указал ей на проём (в проходной приёмной их было три).

Названное младшим Чезигером помещение являлось не столь большим, как думалось человеку несведущему. Две трети выглядели как гостиная, третья часть — пространство, где возвышался рояль и могли танцевать две пары. Зал был уютный, в голубых с синими цветами шёлковых обоях, с воздушными бирюзовыми занавесками на огромных окнах, задёрнутыми, чем создавался интимный полумрак.

Саэлис бесцеремонно плюхнулась на софу, устроившись так, что Эзарии места не хватило, ему пришлось занять кресло напротив. Разделял их низкий столик.

— Рахона планирует угостить тебя ядом, — сразу озадачила некроманта девушка.

— Тецарра? Неудивительно. В нашей среде это самый популярный способ устранения неугодных личностей. Алхимиков развелось — каждая пятая персона во дворце, — съехидничал Эзария, не восприняв слова приятельницы с должной серьёзностью.

— Ты в состоянии выстроить цепочку событий? Тебя женят на Рахоне, чтобы остепенить. Ирвинг не подозревает, что на распутство твоё приобретение супруги не повлияет, но подобные тонкости — несущественные мелочи. По мнению короля, в новом положении ты как раз прекратишь гоняться за всеми подряд смазливыми девчонками, или хотя бы станешь развратничать реже. Жёнушку-отравительницу тебе навязали из-за неконтролируемого вожделения, не понимаешь? — Саэлис говорила ласково, догадываясь, что грубостью от принца ничего, кроме гнева, не добьёшься.

— На неё выбор случайно пал. Не факт, что другая особа на её месте тоже вознамерилась бы обеспечить мне лёгкую дорогу в Аркену, — Эзария излучал безмятежность.

— Аркена? Наивный, — хмыкнула девушка. — Риция, если кто-нибудь из тёмных священников согласится возиться с твоим трупом. Но спасибо, что подтолкнул меня ко второму вопросу. Как я рискую предположить, провалился план с превращением

Теоны в создание с управляемой хозяином волей. Для осуществления запасного у тебя примерно месяц. Оправится она — ищи её с Томасом в Риции.

— Искать супругов не стану. Если же Даниэлу обнаружу, причём как можно скорее, и прикончу принцессу… впрочем, лучше окончательно сведу с ума, — встав коленом на столешницу, некромант подался вперёд, заставив Саэлис вжаться в спинку софы, — Миротворцы доложат, что спасать юную Сагрену незачем. Брак нужен не будет.

Приятельница выскользнула из-под него, встала.

— Ты перегрелся на солнце? Нанюхался ядовитых паров в лаборатории? — она подняла севшего было принца с кресла и вытащила из-за столика за плечо рубашки. — Заявиться в Рицию просто так, как я в ваш замок, нельзя!

— Кто из нас чем надышался, так это ты, — Эзария усадил её, туда где полминуты назад был сам. — Я там буду как свой принят. Ты ведь не идеализируешь меня, как Теона, напряги воображение, пожалуйста. Кто есть в ином царстве мёртвых? Подобные мне. А знакомый тёмный священник у меня имеется, подсобит. Ох, о чём волнуюсь? Испокон веков короли приглашали ко двору тёмных священников, заботясь о загробной жизни. Папочка, разумеется, традицию не нарушил. У Мартина был — колдуна выгнала Эвилана, воспринимающая наличие возле себя мага, который будет заниматься ей после её смерти, как оскорбление, намёк на то, что Альдана когда-нибудь от леди Армад избавится. Отец позвал нового. В крайнем случае, обращусь к его услугам.

— Если Ирвинг узнает? — допытывалась Саэлис.

— Придумаю повод, — уверенно сказал Эзария. — Уходящие в Рицию иногда уносят с собой разные артефакты, собственного изготовления, сделанные лично для них или просто присвоенные. Совру, будто нуждаюсь в чём-то из этого. Просмотрю книги о Риции, подберу нечто приемлемое и выдам отцу за цель визита. В библиотеках такая литература всегда стоит в разделе некромантии, а я учусь на соответствующем факультете, и поисками никого не удивлю.

— Говоришь так, словно во многих библиотеках хранятся фолианты, с описанием королевства тёмных душ на страницах, — девушка выпорхнула к принцу. — Ну, что хотела, сообщила. До встречи, надеюсь, скорой.

— Сцена прощания целиком? Тогда выход ищи сама, — парень сложил руки.

— Хорошо, хорошо, — для виду проворчала Саэлис, обхватывая его за шею и привставая на цыпочки — разница в

росте была ощутимая.

С расстояния десятка шагов спящая виверна казалась грудой валунов. Дыхания, которое становится ядовитым, когда оживлённый дракон откроет пасть, заметно не было. В бодрствующем состоянии яркие пятна на ней принадлежали лишь горящим жёлтым глазам да зубам, не отличающимся белизной, но всё-таки более светлым, чем чешуя и бездна глотки.

Шаки и Фаризе наблюдали за виверной с холмика, из-за поваленного дерева. Вокруг неё образовалось выжженное пространство, ранее бывшее полянкой. Ветви соседствующих деревьев, обращённые в сторону местечка, потеряли листву и почернели.

— Ему бы размяться, — не боясь разбудить произведение своих чар, старшая ведьма перебралась через ствол, порвав подол тонкой юбки о сучья. Женщина, продав половину украденного у покойной семьи Дамре, обзавелась неплохим гардеробом (походами в города колдунья развлекалась регулярно); среди всех приобретений — несколько лёгких платьев, ибо погода утвердилась душная. — Без прогулок виверны звереют, — Фаризе сбежала по склону.

— Я тоже хочу, чтобы Шанди размял лапы и крылья, — Шаки последовала за наставницей, не поленившись препятствие обойти: домой надлежало вернуться в приличном виде. — Но куда его выпустить, чтобы не засекли?

— Вас двоих, — уточнила женщина. — Ему лучше как можно чаще чувствовать присутствие хозяина, его контроль.

— Телепортировать нас можете? — предложила девушка, поглаживая чудовищного питомца между глаз. — Я знаю, где ему понравится, но путь пролегает через Фатону.

— Многовато просишь, — хохотнула Фаризе. — Умная ведь девочка, думать своей головой умеешь. Сдаётся мне, ты привыкла, что я за тебя всё делаю.

Шаки прислонилась щекой к ледяной чешуе виверны, не отвечая. К эпизодическим вспышкам недовольства юная колдунья привыкла. Они её не удивляли, но по-прежнему расстраивали, пропускать их мимо ушей у девушки не получалось. Всякий раз, когда наставница делала ей замечания, блондинка чувствовала, будто они справедливы, и ощущала вину.

— Всю следующую неделю я буду слишком занята, чтобы возиться с тобой, — презрение Фаризе к ученице случайно выползло наружу. Ведьма уже принялась сочинять оправдание, однако девушка не уловила, не расслышав последнего слова.

— Важное дело? — Шаки, наконец, посмотрела на женщину.

— Мне нужно посетить Ирвинга, для этого требуется основательная подготовка, — она опустилась перед воспитанницей. — А ты в моё отсутствие начинай приводить в исполнение план мести.

— Нет никакого плана. Узнаю, кто, собственно, добился сноса деревни Фривелл, разыщу его, — произносить дальнейшее девушке стало жутковато, но она выдохнула: — И убью.

— Значит, озаботься этим. Кстати, ты домой торопишься? Перед расставанием я бы хотела сделать тебе скромный подарок.

— Нет, — обрадовалась Шаки. — Я сказала, что пошла в гости к Тинзо Цельсию. — Свободы имею часов до десяти.

— Столько я не отниму. Мы телепортируемся в Скельсу, пробудем там совсем немного и разойдёмся. Вернее, я отправлю тебя, куда велишь. В деревню или сразу в замок, — уведомила её Фаризе, ударяя о землю посохом.

Скельса, крупный город на границе с территориями Кинефы, славился изобилием магических товаров. На каждой третьей улице была рыночная площадь, магазины и лавки обнаруживались в любой дыре, а в центре города от вывесок рябило в глазах. Люди попадались яркие, улыбчивые, хранители закона — и те соответствовали общему настроению. Никогда ещё Шаки не видела, чтобы они, заприметив аморальное с их точки зрения действие, сначала подходили к нарушителям и разбирались устно, а применение жезлов порой так и оставалось угрозой.

Возникли ведьма с ученицей на широком чистом проспекте. Камни, которыми его вымостили, блестели, как извлечённые с морского дна. Колдуньи остановились только в конце улицы (пока двигались, девушка и разглядела диковинную манеру поведения стражей порядка). Перед ними был перекресток, такой же широкий, за перпендикулярной дорогой зеленел парк и синело озеро. Краски местной природы поражали неприличным буйством.

— Осваивай телепортацию — сама станешь сюда наведываться, — Фаризе отвлекла девушку от созерцания бликов на поверхности паркового водоёма. — Прошу в эту дверь, — женщина указала на ближайшую.

За ней располагалась лавка магического оружия. Слева — жезлы, справа — посохи. Существуй необходимость выбирать такие вещи по внешнему виду — Шаки проторчала бы тут до вечера, нравилось ей тут практически всё: с драгоценными камнями, с украшениями из разных металлов, стекла, в форме различных существ.

Позволив блондинке восторгаться, Фаризе завязала с

продавцом, уже собравшимся задать дежурное «Что-то хотите, вам помочь?», беседу:

— Девушка — начинающий чёрный маг, в будущем, наверное, и некромант. Силы средние, были здорово ослаблены проклятием. Подберёте ей что-нибудь?

— Проклятие повлияло именно на магические силы или жизненные, с которыми те тесно связаны? — выяснял детали мужчина.

— Второй вариант. Естественная предрасположенность у неё, кстати, к светлому волшебству, но душа не лежит, — вспомнила ведьма ещё одну деталь.

— Простите, вам эта леди кто? — продавец решил попытаться вразумить покупательницу. — Сестра? Племянница?

— Ученица, — разозлилась Фаризе.

— Её родители настояли на чёрной магии? — он нахмурился. — Объясните им, ради девушки, что рисковать здоровьем ребёнка нельзя. Ей и вторым уровнем заклинаний злоупотреблять нельзя, а третий и читать не стоит. Сейчас она хорошо выглядит, но через пару месяцев интенсивных занятий проблемы начнутся.

— Послушай, дорогой, — женщина перегнулась через прилавок. Зрачки ведьмы очертились чёрным, сами сделались красными; во рту удлинились клыки — превращения лишь на секунду, чтобы продавец успел заметить. — Свои дети будут — души заботой их. Шаки, сейчас тебе покажут оружие, подходящее именно тебе, — крикнула Фаризе, отворачиваясь.

С ворчанием продавец вышел к посетительницам лавки, снял со стены посох (всё оружие держалось на маленьких креплениях), как раз разглядываемый девушкой: на конце его красовались три звезды разных размеров, нижняя — с ладонь, средняя — с блюдце, верхняя — с тарелку. Они были из серебра, плоские, в центре каждой синел сапфир.

— Уменьшает расход энергии на тёмные заклинания первого уровня в четыре раза, второго — в три, третьего — в два, — процедил мужчина.

Шаки повертела посох в руках, потрясла, сделала несколько взмахов. Любуясь развлечением воспитанницы, колдунья потребовала:

— Что предложите ещё?

Он протянул посох, заканчивающейся змеиной головой:

— Увеличивает проклятий второго уровня.

— Давайте мне, показывайте следующие, — Фаризе выхватила у него оружие, пока не отдавая ученице, не разобравшейся с первым посохом.

Несчастный переметнулся к стене, увешанной жезлами, принёс массивный, с огромным изумрудом.

— Да этот ужас весит больше, чем девушка! — возмутилась ведьма, не дав мужчине рта раскрыть. — Ну-ка, что за вещица? — женщина вдруг сорвала с креплений чёрный посох, завершающийся бесцветным камнем со множеством граней, вытянутым, заострённым сверху и снизу — посох вполне сгодился бы в качестве копья.

— Не для вашей девочки, — отчеканил продавец.

Женщина вновь сделала вампирское лицо.

— Посох с камнем из пещеры Леаш-Майо, — мужчина предположил, что покупательница не разобрала, *что* увенчивает артефакт.

Из «украшения» по воле Фаризе вылетело облачко серебристых искр, проникло в сердце лавочника. Его глаза резко посветлели. Были карие, теперь — цвета плохо заваренного чая.

— Спасибо! — прощебетала ведьма внезапно.

— Благодарю за покупку, — ответил он ей, возвращаясь за прилавок.

Так и не расставшись с жезлом и посохом, выбранным для ученицы продавцом, наставница поманила Шаки за собой, на улицу. Девушка вознамерилась положить оружие, бывшее сейчас в её пальцах — старшая колдунья возразила.

— Мы не заплатили ни за одно приобретение, — усовестила Фаризе девушка. — Что ты с человеком сотворила? И что особенного в камнях из той пещеры?

— Они даруют возможность вершить магию разума, не расходуя энергии, — гордо сказала мошенница. — Я подкорректировала недотёпе сознание. Все, кто торгует изделиями с кристаллами из Леаш-Майо — только невежды называют их камнями — должны защищать себя от столь нечестных особ, как я. Эликсиры, амулеты, талисманы — альданские алхимики и мастера артефактов за две эпохи постарались. Сам виноват.

— Посох отличный, — вместо извинения Шаки похвалила предпочтение женщины.

— Подарок не весь, — Фаризе остановилась возле входа в магазин одежды. — Прихвостень Мартина, организовавший уничтожение Фривелла, из высшего общества. Будешь вынуждена разговаривать с его представителями — должна выглядеть подобающим образом. Что-нибудь вроде этого тряпья, — иронизируя, она приподняла свой рваный подол двумя пальцами и отпустила, — только целее.

Тут сложностей не возникло. Девушка обзавелась чёрным

платьем с неровным подолом и двумя разрезами по бокам, открытыми плечами и короткими рукавами. Подобранные к обновке невысокие сапожки, ленты в волосы и маленькие перчатки были ничуть не светлее её и посоха. Вдобавок к этому — ошейник виверне из лавки принадлежностей для магических существ. Цветовой гаммы предыдущих покупок он не нарушил, имел лишь золотой ромбовидный медальон с выгравированным символом, означавшим какое-то понятие в некромантии — тоже артефакт. Шаки, если он находится у виверны на шее, могла бы вызывать её к себе из любой точки Альданы определённым движением посоха.

Прибыв в замок у балкона Академии, девушка беспрепятственно прошагала в спальню, нагруженная подарками. Распихав их по шкафам, блондинка утащила из комнаты Николаса магический шар, чтобы в целях личной безопасности уведомить Тинзо: теоретически она целый день гостила у него.

«В родное поселение являюсь уже как гостья, — пронеслось у Шаки в голове. — Впрочем, родной мне Фривелл…»

Глава 16 Опустившаяся тьма

Проснулась Дашка, как обычно по будням, в семь — то есть была поднята Людвигом. Она села, непонимающе оглядываясь — мысли после пробуждения только-только рассредоточивались по местам. Когда наступило осознание, ведьма в изнеможении упала на постель обратно.

Свадьба Эзарии и Тецарры. Во всём королевстве объявлен праздник, и в Академии сегодня занятий нет. А для невесты это, скорее, день траура. Покидать территорию учебного заведения, чтобы поглазеть на торжество, никто из компании не собирался, зато три четверти студентов вопили об этом намерении с того момента, когда было объявлено о дате бракосочетания. Факультет чёрной магии собирался едва ли не в полном составе, наряду с факультетом некромантии, по понятным причинам, учащиеся прочих специальностей — из любопытства, зрелища обещали быть потрясающими. Того, что Тецарра опечалена, и не заметят, наверное. Из тех, кто хотел идти смотреть на обряд и торжественное шествие, были люди, представлявшие, как плохо дочери главного придворного алхимика, но они забудут об этом сразу, как увидят красоту события.

— Людвиг, тормошить меня не стоило, — Дашка натянула на себя одеяла и повернулась на бок. — Алекса с Элли тоже будить не надо. Разве вчера не говорили тебе?

— Что? — парень уставился на неё недоумённо.

— Принц Чезигер женится, поэтому в этот день полагается веселиться, а не работать или учиться, — теперь и ведьма не могла сообразить ничего: Людвиг всегда узнавал всё первым.

Судя по взгляду гомункула, юноше её ответ ни о чём не сказал. От дальнейших расспросов парень отказался, оставив Дашку, а у колдуньи не возникло желания окликнуть его и допытать. Молодая женщина ещё не совсем бодрствовала, Людвиг испугался. До диалога с Дарьей он и не ведал, конечно, о потере памяти, и столь неприятное явление его растревожило.

Но не только его. Колдунья, полежав ещё немного, констатировала, что глаза больше не закрываются. И за Тецарру переживала — неизвестно, как будет обходиться с ней муж, — и за создание Лорианты волновалась. Факультетской старосте ведьма ничем помочь не могла, Людвигу — стоит постараться.

Хозяйку искать не пришлось — девушка сама пришла. Гостьей волшебного замка она была постоянной. Отнюдь не кроткого нрава Клариссы, взбалмошности Тины и подозрительности Николаса она так же боялась, но отношение со

стороны группы было таким противным (исключение Лафины участи особенно не облегчило), что Лорианта предпочитала ходить к подругам в замок, нежели приглашать их в корпус общежития или ждать, пока им не понадобится туда зайти.

Первые полчаса ведьмы распивали чай в гостиной. Дашка завела речь о странном поведении гомункула, когда Лорианта повеселела окончательно.

— Ты давно последний раз беседовала с Людвигом?

— Три дня назад, — девушка не насторожилась.

— О чём? — ведьма поставила недопитую чашку на блюдце, отодвинула от себя.

— Об облаках. Обсуждали, какое на что похоже.

— До этого? — не отступалась колдунья.

— Как-то мы вспоминали соседей мага, который меня воспитывал, — невозмутимо вещала Лори. — Некоторые из них похожи на наших преподавателей, забавно, правда? У человека, иногда покупающего у нас зелья, была жена, вылитая Эйвилия! Только раса не эльфийская.

— Мило, — вздохнула Дашка. — Однако я подразумевала разговоры, о том, что творится сейчас. Людвиг не помнит, как я выяснила утром, что сегодня свадьба принца. Имя его невесты оказалось для гомункула пустым звуком.

— Как? — изумлённо протянула рыжеволосая чародейка.

— Вот и я хочу разобраться, в чём дело. По-моему, дело в его свободолюбии. Услышал то, что не предназначалось посторонним ушам, и поплатился.

— Зелья, стирающие воспоминания и вообще изменяющие что-то в голове, на порождения магии действуют, не как на людей, — девушка помрачнела, насколько могла, спад настроения сделал её старше лет на пять — в гостиной словно находились две ровесницы. — Людвига надо в лабораторию, проверить. Присутствует вероятность, что он не выживет.

— Тут есть лаборатория, — ведьма выбралась из-за стола, готовая отвести подругу.

— Мои умения алхимика уходят в приготовление эликсиров. В побочных эффектах от них и их устранении очень плохо разбираюсь, — потупилась Лорианта.

— Гомункул — твоё творение, — хмыкнула Дашка. — Студенты алхимического факультета Магической Академии начинают подобные эксперименты на третьем курсе, имея из области этой древней науки солидный запас знаний. Ингредиенты для зелий переводят новички.

— Тогда я не разбиралась в своих же опытах. Начиталась соответствующих разделов в учебниках и выполнила всё, как там

требовалось. Старик-опекун назвал меня гением, — зарделась сирота. — Мне казалось, я играюсь. Результат получился же вполне настоящим. Серьёзно, до сих пор живо воображаю тот опыт: завален стол книгами, приборов и посуды лабораторной не видно — верхушки одни, на страницах выделены нужные фразы, смысл которых явен весьма смутно, со всех сторон в фолиантах закладки торчат. Руки трясутся — ошибаться-то страшно! Взорвётся чего — старик прибьёт. Цифры использую, данные в книгах, ведь сама не знаю, как высчитывать.

— Достаточно, верю, — прервала подругу избранница Миротворцев. — Если обратиться в лаборатории Академии? У меня даже несколько знакомых среди студентов-алхимиков есть. Сейчас вряд ли застанем в там кого-либо, скорее всего, в кои-то веки они закрыты из-за праздника. Завтра же после занятий отправимся. Главное — снова не потерять парнишку.

Неожиданно текущая головная боль чародеек появилась в проёме. Людвиг приблизился к ведьмам и смущённо пробормотал:

— Вы не подскажете, где я нахожусь?

— Невидимое убежище возле замка Магической Академии Зальвана, где на первом курсе факультета чёрной магии учится твоя хозяйка, Лорианта Блазе, — опешила Дашка, покорно отвечая.

— Академия, Академия, — Людвиг наморщил лоб. — Да, точно. По инициативе приятелей твоего старика мы здесь. С вами мы встречались, да? — спросил он внезапно старшую колдунью.

— И неоднократно, — молодая женщина взяла его, подняла на уровень глаз.

Давно она не смотрела его пристально. Волосы, уже бывшие длиннющими в начале семестра, теперь при ходьбе волочились по земле. Нижняя часть шикарного тёмно-русого хвоста их запуталась, приобретя сходство с толстой верёвкой. Взгляд уже не светился, а мерцал, каждая вспышка содержала разные степени страха, от испуга до паники. Одежда, всё та же, в которой он прибыл в Академию, была с того момента не стирана. Дашка держала диковатого бродягу.

— Лори, ты давно его вблизи изучала? — ведьма дала гомункула хозяйке.

— Это… это… — Лорианта была в ужасе. — Это кошмар! Где ты пропадал?! — вспыхнула девушка. — Три дня назад был в приличном виде!

— Сомневаюсь, что метаморфозы случились сразу, — произнесла Дашка. — Ты просто внимания не обращала. До визита в лабораторию его следует где-нибудь закрыть, я

чувствую. Людвиг, ты же не поведаешь тайну, где тебя обычно носит?

— В общежитии… вроде бы, — не проигнорировал её парень. — В студенческом. Да.

— Хм, лучше запереть, я права была. Очередного посещения скрытого крыла я не хочу.

— Дурное место? — поинтересовался он.

— Спальни преподавателей, — колдунья прошла к дверям, давая понять: защищаться Людвигу бессмысленно, ареста ему не избежать.

— Все, кто преподносят вам знания, настолько неприятные личности? — юноша, сидя на руках у хозяйки, смотрелся абсолютно непринуждённым, ничуть не затравленным.

— Встречаются отдельные, — закивала Дашка. — Видят в тебе шпиона.

— Слушай, главный паникёр среди них — декан алхимиков, — осенило Лорианту. — Вдруг он его и опоил чем-то?

— Не исключено, — опережающая её ведьма скрылась в коридоре очередного этажа, раздался скрип отворяемой двери.

Спустившись, девушка прошла к единственной открытой комнате — она служила в убежище гостевой из-за своей постоянной незанятости. Спальня была маленькой, в два раза теснее прочих. Помещались в ней, помимо кровати, напольное зеркало, прикроватный столик и камин с двумя креслами и шкурой на полу перед ним.

— Мужчину с россыпью чёрных мелких кудрей ты не вспомнишь, разумеется, — проронила Дашка, пока Лорианта опускала гомункула на пол.

— Его уже нельзя назвать молодым, но он даже морщинами ещё не обзавёлся? — парень, к удивлению первокурсниц, по описанию узнал Амердена Роамонеса. — Мы сталкивались на балконе, с которого вы попадаете в замок.

— Вы разговаривали?

— Возможно. Раньше. Или позже, — отрывисто ответил юноша. — У меня необычное состояние: впечатление, будто я периодически просыпаюсь, из забытья что-то выдёргивает.

— Часто? — хором выпалили обе колдуньи.

— Довольно-таки.

Подробностей от Людвига они не добились, поэтому решили оставить его в покое и попробовать заняться своими личными делами. Хозяйка ему притащила из библиотеки две книги средней толщины, со сказаниями, чтобы не скучал, и гомункула заперли. Обычно комнаты тут не запирались, но вероятности, что кому-нибудь придёт в голову отделиться от суеты понадёжнее, не

отрицали; поэтому ключи от комнат пылились где-нибудь в них же. Впервые за время обитания здесь Дашка воспользовалась замком, ключ отдала Лорианте. Сама она пошла успокаиваться к Патрику, девушка отправилась искать Алину: та обещала объяснить ей очередную тему по магическому языку.

Тиканье часов было единственным звуком в спальне. Точно так же в течение минут, когда Тецарра шла к алтарю в окружении восьми королевских боевых магов, для дочери влиятельнейшего алхимика Альданы раздавался лишь стук её каблуков. Толпа ликовала, но радостные вопли в уши невесты не попадали — ничего, кроме отголосков шагов, приближающих к плену. Клятв с Тецарры и Эзарии не брали. Священник произнёс короткую пафосную речь, объявил, что отныне «эти два сердца будут принадлежать друг другу», и обвенчавшиеся поцеловались. От первого же прикосновения девушка вздрогнула, от глаза до подбородка с каждой стороны лица прочертилось по мокрой линии. Скорее всего, священник навидался слёз бедных молодых леди, отдаваемых замуж неприятным типам по решению родителей, мужчина оставался совершенно равнодушен. Народ полагал, что Тецарра плачет от счастья. Удивительно, мерзкую репутацию жених имел повсюду, тем не менее, люди умилялись, не ведая об истинных причинах, вынудивших короля подобрать сыну невесту. Волноваться о законнорожденном наследнике не было ещё повода, Ирвинга бы сменил Эзария, поэтому списали событие на взаимную любовь. Теоретически она может настигнуть кого угодно, в том числе злодея… Сам принц казался счастлив. К привлекательным девушкам некромант, в принципе, относился хорошо при условии, что они не отказывали ему. Тецарра пока не бунтовала внешне, и младший Чезигер, стоя с ней перед алтарём, симпатизировал ведьме и даже не хотел, чтобы она плакала.

Наверху смеялись и аплодировали. Место, где проводились пышные обряды для членов семьи короля, находилось в глубокой воронке с очень широким дном, невесть из-за чего появившейся. Открытый храм был внизу, туда могли ступать, помимо тех, для кого он предназначался, приближённые правителя и его родственников. Глазеть с высоты прочим категориям альданцев не возбранялось. Там перемешивались богатые и бедные — чувство праздника, пусть абсолютно чужого, объединяло. Издревле, едва ли ни с Эпохи Солнца, повелось в дни королевских свадеб радоваться всем. В Адельтии, землях эльфов, где из установившегося в Альдане повсеместного чего-либо не соблюдалось практически ничего, и то веселились.

Перед Тецаррой упал букет, брошенный оттуда, сверху. В неё с новоявленным мужем летели и отдельные цветы, и красиво оформленные охапки. Полагалось поймать парочку. Существовала примета: чьи молодая пара схватит, тем будет удача в любви и различных начинаниях. Эзария уже держал несколько. Подчинившись обычаю, девушка отставила руку. На ладонь опустился роскошный цветок с длинными фиолетовыми лепестками с продольными синими полосами — альрекс. Великолепием их наслаждается знать, они благоухают в вазах среди таких же прекрасных цветов. Если альрекс один — значит, он украшает волосы какой-нибудь особы опять же из высшего общества. Вряд ли красоту выдрала из причёски обеспеченная дамочка. Это купили в семье полунищей — если бы средств недоставало слегка, разорились бы на три цветочка. Специально, ради шанса получить крохотную надежду, гарантированную приметой.

Из воронки вёл тоннель длиной пять километров — на него ушло столько магической энергии, сколько повстанцами за время войны с прислужниками Эвиланы выделено не было. Изнутри он тоннелем не выглядел, просто широкая дорога, выложенная бежевой плиткой и пролегающая через долину между невысокими холмами. Тут дул вполне ощутимый ветер, иногда шёл дождь. Располагались вдали, на склонах, поселения. Они развеивались, как только сошедшие с дороги подходили к ним. Дальше продолжать движение не давала магическая защита.

Ехали через него в каретах. Девушка следила за слабыми изменениями в пейзаже за окном. Принц сидел напротив, смирившись с неохотой девушки уделять ему внимание. Давать волю желанию сейчас он не решался: скрыть насилие, если развратные действия им окажутся, будет затруднительно.

А теперь Тецарра внимала тиканью часов. После первой брачной ночи ей хотелось умереть. Она вышла за Эзарию невинной и натерпелось боли, не сравнимой с той, которую ей приходилось раньше испытывать. Отныне это войдёт в порядок вещей. Ведьма старалась расслабиться, но её злило чувство унижения, поэтому ничего не удалось, кошмар закончился истерикой жены, столь сильной, что несчастная не заметила, как рыдания стали стихать в объятиях принца. С наступлением просветления они возобновились громче. Признав бессилие, Эзария, неспешно одевшийся, покинул её. Скоро рассвет, а некромант где-то бродит.

Тецарре было безразлично. Отчасти. Супруга лицезреть ей категорически не хотелось ещё полчаса назад, постепенно уверенность потеснила формирующаяся мысль. Постоянные

измены станут большим позором, нежели мучения на супружеском ложе. Двор, несомненно, прознает. Шептаться не начнут — будут говорить без стеснения. Хорошо, если не обвинят её в неспособности удержать мужа. Отец предупреждал дочь, чтобы сделала всё возможное. На предложение Тецарры прибегнуть к приворотным зельям алхимик рассердился, вскоре подарив принцу оберег от них. Ко всему прочему, ощущать себя обманутой колдунье было бы гадко. Точнее, уже без «бы». Вероятно, принц уже развлекается с девицей, настроен-то был целую ночь предаваться утехам.

Отец… Как же она его ненавидела! Дориан Ильдевейс Ласкаро. Второе имечко от папаши ей перепало (ведьма звалась полностью Тецарра Линеара Ильдевейс Рахона; последнее — от матери, Линеара — просто так, ещё одно имя). Есть дурацкое выражение — завести ребёнка. Вот он её и завёл, как домашнее животное. Полагалось иметь чадо, которым будут восхищаться. Отставать от жизни Дориан не желал.

Мужчину ждало разочарование. Дочка росла не пухленьким розовощёким ангелочком в кудряшках, а тощим болезненным созданием, по дому беспрестанно носились лекари. Демонстрировать друзьям оказалось нечего, да если бы и являлась Тецарра картинкой, удовольствия хвастаться чудной девочкой он оставался бы лишён, ребёнок поражал нелюдимостью, к гостям силой не вытащишь. Общий язык с мамой у неё был. Женщина и обращалась к маленькой Тецарре по-особенному — Ли, уменьшительное от Линеары. Если сердилась — Лин. Дочь не доверялась ей, зато приходила, когда становилось плохо или страшно. В такие часы мама не утешала, не успокаивала малышку словом. Она лишь сажала её на колени, и две леди, совсем маленькая и среднего возраста, сидели в обнимку, пока не настанет новое время суток.

На двенадцатом году девочки мать сбежала от отца после неслабого скандала. Дориан поднял на супругу руку, женщина не собиралась ждать повторения. Тецарру госпожа Рахона намеревалась забрать с собой — муж помешал. Случилось несчастье семью месяцами ранее: обнаружились в угрюмой дурнушке способности в алхимии. Преёмница семейного дела папаше нужна была. Нерадивая жена с умницей-дочкой подъезжали к порталу, когда их догнали отцовские слуги и увели ребёнка силой, наградив мать парализующими чарами. Женщина кричала вслед, что заберёт девочку. Тецарра два года жила этой верой.

Она не получила никакого известия, сообщения, послания. Мама перебралась в Адельтию, в город Миарту, славящийся

преобладанием человеческого населения. Связь между эльфийскими землями и остальными территориями Альданы нарочно не налаживалась. Информация извне поступала исправно, а во внешний мир просто никак не передавалась. Бросить на некоторое время дом, чтобы явиться за Тецаррой, являлось тогда затруднительным — у женщины появился сын от нового мужа, оставить было не на кого, так как супруг много и далеко работал. Только мальчик обрёл достаточную самостоятельность, чтобы целыми днями существовать без опеки — мать обездвижила болезнь.

Стремление изучать алхимию у Тецарры, на беду девочки, пропало, стоило ей узнать, что одна из лабораторий в отцовском распоряжении находится на месте деревни, по его приказу же и разрушенной. Наука оставалась интересной, принципы запрещали постигать её глубже. Где большая алхимия — там зло. Знаний, уже наличествующих у дочки прихлебателя короля тогда ещё Мартина, ей хватало. Она эликсирами красоты подправила себе внешность, могла готовить лечебные и кое-какие другие зелья. Если очень уж хотелось постичь что-то неизведанное — Тецарра не отказывала себе, папаша от активности доченьки пребывал в восторге.

Вызовом со стороны девушки было поступление на факультет не алхимии, а чёрной магии. Отец, презиравший дочь, заявлявший девочке о её полнейшем ничтожестве, оскорблявший, лупивший по щекам до тех пор, пока она не превратилась неожиданно в предмет гордости, опять потерял причину относиться к ней лояльно. Тецарра отвечала ему взаимностью, познакомившись с Теоной Винсент: Фривелл, проклятый Фривелл, сровненный с землёй по прихоти Дориана. Целительница, не подозревая, напоминала об отце, чудовище, державшем в страхе родного ребёнка и доводившем до отчаяния жену. Случайно вышло, что начинающая ведьма выведала, в каком поселении родилась Теона и жила бы, не возжелай папаша собственной лаборатории. На священницу заполняли какой-то документ, задавая вопросы и записывая ответы. Требовалось знать и место рождения. Факультетская староста как раз проходила мимо кабинета, где оформлялась бумага, и услышала.

О родителе Тецарра упоминала так же, как он воспринимал её: не личность, но нечто, из прямейших родственных связей с которым можно извлечь пользу для себя. «Дочь главного королевского алхимика» — звучит!

Отец отомстил ей не за это — за надежды, не оправдавшиеся, за оказавшуюся напрасной необходимость терпеть возле себя мерзкое существо, сперва пищащее и кричащее, потом чихающее,

кашляющее и в силу детской любознательности сующее вечно распухший и покрасневший носик во все открытые двери, дверцы и ящики, непременно что-то ломающее. Оно подпортило жене красоту: после родов женщина располнела. Оно перепортило килограммы ингредиентов в алхимической лаборатории, чтобы потом отказаться от алхимии. Из-за него к Дориану испытывали сочувствие вместо зависти. Мужчина решил избавиться от девчонки, спихнув её принцу. Хоть связи укрепятся.

Молодая жена нашла силы выйти из опочивальни к обеду, заставив себя прихорошиться — теперь не подумать было, что Тецарра полночи плакала.

В трапезном зале она увидела Эзарию. На его лице явственно отображалось отсутствие сна. Оставив высказывания на время попозже, супруга села напротив. В усталых васильковых глазах красавца явственно отображалось извинение.

Прислуга внимательно следила за обменом выражениями глаз пары. Тецарра представляла, что смотрится сейчас мегерой, злость маскировалась плохо ввиду отсутствия желания сделать это. Принц же словно переживал из-за своей отлучки и того, что заставил жену терзаться.

Аппетита у Тецарры хватило на два блюда. Слуги раздражали неимоверно. Она недолюбливала их давно, ещё при матери. Все люди из королевского окружения с семьями имели в замке свои покои: он огромен, сюда может въехать население двух небольших деревень и тесно им не станет. Дориан исключением не был. Ему предоставили две башни, одну — жене с дочкой. Лакеи, дворецкие, служанки, горничные — все всех обсуждали, за спиной посмеивались, создавали по десять сплетен в день, благо персонажей было полно. Про Тецарру говорили: папа её не алхимик, супружница нагуляла невесть от кого, вот и не выносит Дориан эту шавку. Как они девочку называли, пользуясь тем, что отцу безразлично состояние дочери! Крыса, мразь… Мама, обозначенная ими потаскухой, знала по слезам Ли, но справиться с обнаглевшей прислугой не могла.

Про Чезигеров тоже разносили слухи — всех авторов новый король выгнал. Тецарра, с шестнадцати лет не ступавшая в замок (в семейном особняке жизнь без осевшего при дворе папаши прекрасна), видела сплошь незнакомые лица. В них равнодушия, увы, было не больше, чем у их предшественников.

Она вылетела в сад. В самом укромном месте, сохранившемся в памяти с детства, работал садовник, милый пожилой человек, поздоровавшийся и продолживший подстригать кусты. Тецарра вернулась на главную аллею, прошла назад, ища дорожку к любимой беседке, боле досягаемой, чем тот уголок.

— Я так и не пожелал тебе доброго утра, — Эзария протянул ей букет альрексов, чёрных с синими и фиолетовыми полосами — как волосы жены.

Дочь алхимика потёрла ушибленное при столкновении плечо.

— Мне придётся скоро покинуть Зальван ненадолго. К сожалению, тот, с кем мне надо было решить этот вопрос, был свободен во второй половине этой ночи, — принц не опускал цветы. — Правда, но ты вряд ли поверишь.

Как ни странно, он не врал. Тёмный священник Аорна Бларис Марантелла вёл ночной образ жизни. Помочь принцу попасть в Рицию он согласился сразу. Саэлис перед свадьбой сообщила Эзарии, что Теона поправляется и вчера первая заговорила с одной из лекарш больничного крыла (до сих пор она лишь отвечала на вопросы). Это означало: до её с Томасом похода в царство мёртвых времени чуть, значит, и принцу пора торопиться. Аорна после встречи с Чезигером взялся уведомить духов, чтобы готовились к появлению гостей.

Тецарра рванула к себе букет. Несколько лепестков и листьев осыпались.

— Твоё дело… дорогой, — с сарказмом добавила она обращение.

— Радость моя, да я тебя переоценил! — воскликнул Эзария.

— Я лишь обезопасила мероприятие, — проронила Саэлис. — Наш неповторимый Людвиг, конечно, нереально наивный и глупый, но пара уточнений, которые я потребовала от него, гомункула удивили.

— Каких? — принц, листавший фолиант из королевской библиотеки, швырнул ценность на пол. Часть пожелтевших страниц отделилась от книги.

— Нет ли точной даты отправления в тёмное загробное царство и кого Томас с Теоной берут в сопровождающие, — девушка отодвинулась в просторном кресле подальше от разбушевавшегося Эзарии.

— Дура, — оценил её умственные способности некромант, вытаскивая с полки книжного шкафа следующий фолиант. В свой кабинет в скрытом крыле он перетащил всю литературу, касающуюся Рицции — даже в королевской библиотеке было не так её много.

— А что мне надо было делать? — заныла студентка.

— Присмотреться и понять, действительно ли он тебя заподозрил, — книгу, находящуюся в данный момент у него в руках, Эзария едва не испортил так же, как и предыдущую. — Даже если да, то надлежало воздержаться от зелья забывчивости.

— Людвиг мог поделиться опасениями с хозяйкой.

— Невелика разница — сам скажет или девчонка убедится в его провалах в памяти и догадается, что её любимец впутался во что-то, — парень пристроил книгу на письменный стол и принялся собирать с пола части первого фолианта, перекладываемые за неимением свободных плоских поверхностей, принадлежащих мебели, на подоконник. Кабинет пребывал в постоянном беспорядке после превращения его в читальный зал будущего гостя Риции. Библиотечные редкости девать было некуда: шкафы и так практически забиты, принц еле распихал по ним меньше половины книг (все как одна толстенные). Остаток, не обретший нормального вместилища, лежал невысокими башнями на письменном столе, софе, кресле (их было два, но одно занимала девушка), кофейном столике. — Людвига можно было уничтожить. После соответствующей обработки гомункулы, кажется, превращаются в некоторое количество какого-нибудь вещества? Вот пополнила бы запасы алхимических лабораторий Академии, — съехидничал Чезигер.

— Будет с него пол-литра зелёного спирта, — расстроенная Саэлис восприняла его слова буквально. — Я же умею определять, по какому принципу какой гомункул сделан, это понятно по поведению и кое-каким внешним чертам.

— Алхимии меня жёнушка научит, если потребуется, — хохотнул Эзария. — Я знаю единственный рецепт яда, до сих пор было достаточно.

— Часто пользовался? — буркнула девушка.

— Только раз, — оскалился некромант.

В двенадцать лет он специально для того случая приготовил его, потратив немало часов. До того дня в алхимических лабораториях мальчик брал готовые зелья, их делали ему на заказ. Яд, который Эзария хотел предложить матери, заказывать было опасно: как поднимется шум вокруг смерти Ремальды Чезигер, известной своей авторской стихийной магией всех четырёх типов, обязательно всплывёт факт заказа её сыном отравы.

Вся любовь Ирвинга доставалась жене. Мать воспитанием ребёнка практически не занималась, с этим справлялся отец. Точнее, он нанимал сыну учителей, приобретал всё, что требовалось мальчику для развлечений. Увидев радость в глазах сына при виде новой игрушки (лет с семи ими служило настоящее оружие), осведомившись об успехах Эзарии в учёбе, Ирвинг возвращался к супруге. Раз в неделю мужчина приводил любимую в покои отпрыска, просил его похвастаться достижениями за протёкшие семь дней, будто посторонней

показывал мальчика. Видел будущий принц мамашу за столом, во время нелепых этих визитов да редчайших семейных прогулок. Спасибо прислуге, он имел отличное представление, как балует благоверную Ирвинг. Эзарии надоело. Ревность, зависть и эгоизм толкнули на ужаснейшее преступление. Мальчика не заподозрили — своим превосходством Ремальда многим мешала. Расчёт оправдался, сын потонул в отцовском обожании.

— Как теперь быть? — вопросила Саэлис, некромант вздрогнул. Ему показалось, девушка догадалась, о чём он думает.

— А? — не сразу включился в реальность парень.

— Если выяснят, что в Людвиге три дозы зелья, что предпринимать?

— Скорее «когда», чем «если». К тебе с обвинениями вряд ли сразу придут, успеешь расправиться с болтуном.

Глава 17 Вот она, правда

— Дарья, Лори, — из замка вышла Тина.

Ведьмы стояли на балконе, у перил. Занятия закончились, а на улице была такая чудесная погода, тёплая с лёгким ветерком, что первокурсницы решили помедлить с возвращением в дом.

— Да? — Лорианта повернулась, следом за ней — Дашка.

— Людвига кто-то закрыл в маленькой гостевой спальне, — пробормотала девушка, стараясь донести новость аккуратнее, поэтому говорила она медленно, обдумывая фразы. — Парень не помнит, кто, у него безумный взгляд — у гомункула, не у человека, сделавшего это, — он заладил, что «боится её» и что у него внутри пустота ощущается и ему жарко.

— Нет, — ахнула сирота, зажав рот ладонью и мотнув головой. Дашка с Тиной уставились на неё в испуге, молча требуя пояснения; Лорианта не промедлила: — Гомункулы так умирают.

— С ума сходят? — не поняла Тина. — В заведении, где преподаватели счастливы, когда на турнирах едва не погибают сами и чуть не убивают противника, где профессора страдают паранойей и вливают в студентов сыворотку правды литрами, впечатлительным натурам сложно сохранить здравый рассудок.

— Ощущения, которые описал Людвиг — признак приближения смерти, — девушка вытерла первые слёзы.

— Мы же после занятий собирались нести его в лабораторию, там всё скажут. Может, его спасут, — обнадёжила Дашка. — Надеюсь, ты не выпускала его? — спросила колдунья приятельницу из банды.

— Он так умолял! — прозвучало оправдание.

Беззвучно выругавшись, избранница Миротворцев двинулась в невидимое убежище. Нащупав дверную ручку, она рывком дёрнула, поднялась на толстые перила — порог здания был на их уровне — и скрылась в глубине.

Тут чередовались этажи с комнатами и проходными залами. Коридоры Дашка преодолевала на высокой скорости, в залах, не замедляясь, заглядывала за и под все предметы мебели. Скоро её догнали Лорианта и Тина, поисковые метания стали интенсивнее. Передышка выдалась с появлением в обыскиваемом зале на четвёртом этаже Клариссы, прижимающей к себе дрожащего Людвига.

— Не они! — выпалил юноша, вцепившись в ведьму сильнее.

— Что с ним? — произнесла женщина, оглядев живописную группу: Тину, лезущую за портьеру, Дашку, растянувшуюся на полу, чтобы обозреть пространство под софой, и Лорианту,

перегнувшуюся за спинку кресла в углу.

— Вчера была частичная потеря памяти, — ведьма из Великой Троицы встала. — Нас он, по крайней мере, узнал. Утром. Потом подзабыл, но удалось напомнить.

— В течение дня мы заходили к нему, — подхватила хозяйка. — Его заперли, чтобы в забытье он куда-нибудь не забрёл. Людвиг оставался нормальным.

— Сейчас мы собирались пойти в алхимическую лабораторию, проверить его, — заверила Дашка Клариссу, заметно было, что та сильно сомневается в её правдивости.

— Вчера она закрыта была, студенты почти все в городе развлекались, — объяснилась Лорианта.

— Среди нас алхимиков нет, ни теоретиков, ни практиков, — развела руками старшая первокурсница. — А происходящее с Людвигом безобразие — эффект зелья, однозначно. Действие проклятий стабильное, а у него всё ухудшение да ухудшение.

— Ну, ступайте, — Кларисса отдала сопротивляющегося гомункула хозяйке. Не знала женщина, что заставило кого-то предложить парню этой гадости, и сильно не волновалась, тем более что создание принадлежало посторонней особе.

От сопровождения вызвавшейся Тины колдуньи отказались, в лабораторию ввалившись вдвоём (плюс жертва несдержанности Саэлис, вырывающаяся из хватки Дашки).

В помещении присутствовали студенты со всех курсов. За каждым столом работали группками человека по три-четыре, занимаясь каждая своим делом. Знакомые лица принадлежали только двум девушкам, тайным помощницам Эзарии. Стараясь в проходах никого не толкать, подруги протиснулись к ним.

— Извините, что отвлекаем, — начала Лорианта. — Нашего друга угостили зельем забывчивости.

Нелла, вскрикнув, уронила колбу, наполненную чёрным жидким веществом наполовину, оставшееся место занимали языки пламени, дёргавшиеся на его поверхности. Оно сразу же потухло, но брызги ногу девушке обожгли, студентка прослезилась. Саэлис застыла с пробиркой, которую ей удалось опустить осторожно, не расплескав дымящегося содержимого.

— Кроме очевидного влияния, наблюдаются ещё какие-то? — процедила алхимик.

— У Людвига предсмертные жалобы, — Дашка поставила гомункула на стол.

— Давно? — сообразив, что проблема вскоре устранится сама собой, для виду Саэлис решила изобразить заинтересованность в возвращении юноши в нормальное состояние.

— С утра, — ответила хозяйка севшим от дикого волнения

голосом.

— Точное время, — потребовала с наигранным раздражением девушка.

Вопрос поразил Неллу. Алхимикам было известно: достаточно осведомиться, что за зелье навредило искусственно созданному человеку, и дать соответствующий восстанавливающий эликсир. Для неё не являлись секретом взаимоотношения Саэлис и Эзарии, но подруга в основном обсуждала с ним планы и отчитывалась об их воплощении в жизнь, а Нелла, более талантливая в алхимии, готовила необходимое им, часто не имея понятия, для чего парочке это нужно. Зелье Людвигу — тоже результат её мастерства, теперь девушка думала: неприятности от ведьм с факультета чёрной магии будут, если парень погибнет.

— Что ты говоришь? — протянула Нелла. — Девушки, дайте ему пока это, — она, слив в чистую пробирку жидкости из двух банок, пять секунд подержала над огнём, получившийся эликсир был поднесён не то Дашке, не то гомункулу.

Юноша, к облегчению Саэлис, отказался.

— Не верю! Опять отрава, да? — завопил парень.

— Прошло уже три часа с тех пор, как возникли ощущения близкого конца? — доигрывала прислужница принца.

— Вероятно, нет, — предположила Дашка. — Мы с пар вернулись, нас «обрадовали», что Людвиг совсем плох…

— Домыслы ваши ни к чему, — вызверилась Саэлис. — Лично я не советовала бы тратить время и нервы на его спасение. Не такой уж ценный экземпляр. Хотите, своего вам подарю, мы в конце семестра начинаем заниматься гомункулами. Закажите, какую внешность угодно — всё будет, — цинично предложила студентка.

Принявшаяся поглаживать по плечу Лорианту в нахлынувших рыданиях, Дашка упрекнула девицу:

— Прекрати сорить глупостями. Гомункул не домашний зверёк.

— Уговорите Людвига принять эликсир, — взмолилась Нелла.

— Бесполезно, — настаивала одногруппница.

— Мы разберёмся, — отчеканила представительница семьи Винсент, опуская руку с пробиркой так, чтобы лабораторный сосуд не мог задеть Людвиг, порывающийся выплеснуть жидкость.

Было бы весьма неестественным отобрать спасительный алхимический состав у колдуньи, Саэлис позволила компании удалиться.

— Эрнелла, — обратился к ней по фамилии студент,

корпевший над приборами рядом, — по-моему, ты ошибалась. Человекообразное недоразумение, опекаемое Дарьей и рыжей девчонкой, преспокойно будет существовать дальше, если отведает того, что Нелла велела.

— Ты мне не указывай! В их случае обстоятельства особые. И вообще, я к тебе не лезу, и ты изволь! — она отвернулась от опешившего молодого человека.

Взглядом столкнулась с подругой — девушка ждала каких-нибудь слов, смешивая новые ингредиенты для снадобья, над которым студентки бились до явления чародеек с умирающим гомункулом. Вниз Нелла не смотрела — пальцы работали, глаза просили если не прощения, то объяснения.

Выразив напрасность такой надежды перекошенным злобой лицом, Саэлис взялась за свою часть обязанностей в процессе, только у неё ничего не заладилось. Закончила полосу мелких неудач студентка тем, что опрокинула сосуд с эмульсией на записи, пополняемые в ходе опыта. За секунды пергамент сморщился и комком засох.

— Может, завтра этим займёмся? — прошептала Нелла, вытирая столешницу.

То, как Саэлис уставилась на девушку, любой интерпретировал бы как «заткнись, не мешай», однако приближённые, представленные единственной здесь подругой, расценили как одобрение высказанной идеи. Заметив стремление вырваться на волю, подальше от заинтересованности в откипевших разбирательствах окружающих алхимиков, Нелла попросила одного из приятелей по группе убрать за ними за аналогичную ответную услугу впоследствии. Под перешёптывания девушки выскочили из лаборатории.

Интриганка шла с опущенной головой, быстро, второй студентке нужно было постоянно ускорять шаг, чтобы не отстать. Они добрались до помещения, обозначенного гостями из Большого Мира бы как зимний сад — в мире Альданы зимы случались не каждый год и были короткими, так что уголок звался оазисом.

— Посиди, расслабься, — Нелла подвинула Саэлис плетёное кресло.

Девица пинком от него отказалась.

— Одно простое правило: если веду я себя странно, значит так надо, — алхимик прислонилась к столу, тоже плетёному, поэтому легкому и отъехавшему под её весом. Ножкой он упёрся в кадку с деревцем, возможность использовать садовую мебель в качестве опоры сохранилась. — Ты отлично знаешь, кто отдаёт нам распоряжения. Или нет?

— А тебе нравится уподобляться Чезигеру? — не выдержала Нелла.

— Подробнее! — её задел укор не в свой адрес, а в *его*.

— Те, к кому нет равнодушия, становятся эгоистами. Эзарии и чужие чувства — ничто, и чужие жизни. Ты в курсе его жутких намерений, не вызывающих у тебя ужаса — привыкаешь! Научишься у принца правилам игры, во что превратишься?

— Дрянь! — Саэлис отвесила ей удар по лицу. — И всё-таки, на что ты рассчитывала, соглашаясь помогать ему?

— Твоя инициатива была, я, доверившись, последовала за тобой, — девушка съёжилась от слишком громких, истеричных обвинений. — Я уповала на твоё благоразумие. Оказывается, оно отсутствует.

Предыдущий жест подруги повторился с удвоенной силой. Нелла пошатнулась, но продолжила:

— Понимаю, ты влюбилась в него. С прошлого курса ещё. А не находишь ли ты глупым потакать его желанию получить леди Винсент?

— Будто он будет верным ей, — фыркнула Саэлис.

— Тебя устраивает роль одной из многочисленных девиц, запасных подстилок?

В третий раз несчастной достался толчок. Падение вышло неудачным: она потеряла сознание, упав на камни.

Мейдины в больничном крыле не обнаружилось, чему очень обрадовалась вспыльчивая особа с факультета алхимии. Дежурила там лекарша, неоднократно лечившая Лорианту. Сказке о скользком полу в оазисе женщина поверила — Саэлис была хорошей актрисой.

К вечеру Людвиг стал будто бы сильно потеть: на всём теле выступали капли, запах, впрочем, имеющие спиртовой. Лорианта, не успевая вытирать слёзы, говорила, что внутри юноши, значит, началось разрушение и вещества выходят наружу. Цвет капель иногда менялся: бесцветные, синие, зелёные. Боли гомункул не ощущал, зато стал бредить. Влить эликсир силой он в себя не позволял.

Дашка отметила, что в пробирке жидкости было уже на дне, хоть давали им полную: Людвиг почти всё расплескал.

— Пару глотков, пожалуйста, — простонала ведьма измученно, младшая колдунья изъясняться внятно от частых всхлипываний, превращающихся в плач, стоило попробовать что-то сказать. — Хуже тебе не будет, почему бы ни рискнуть?

— Мне нельзя жить, — его веки опустились так, что из-под ресниц ещё виднелась белая полоска с голубым пятном радужки.

— Почему? — ужаснувшаяся Лорианта на мгновение сдержала слёзы, чтобы задать вопрос.

— Из-за меня у вас неприятности. Куски памяти мне не просто так стёрли.

— Ты осознаёшь это, значит, не всё потеряно! — на первое утверждение Дашка не обратила внимания. — Ошибки тем ценны, что их возможно не повторять!

— А в чём они заключались? — парень внезапно замер, дрожь отпустила.

— Связался ты, с кем не надо, или увидел, чего не следовало, или услышал, — почувствовав шанс, колдунья вновь показала юноше эликсир. — Ну же, не бойся, в девушке, сделавшей его для тебя, я не сомневаюсь.

— Девушка… Та особа тоже была молоденькой… — Людвиг напрягся, как и чародейки, предвкушая прояснение. — Милой… Доброй… Приветливой… Я всё ей рассказал…

— О чём? Что? — подталкивала к подробному ответу старшая колдунья.

— Перед смертью случается, магия прекращает действовать, — сообразила Лорианта, принявшись трясти Дашку за рукав: — Позови кого-нибудь! Мы же на допустим, чтобы он погиб!?

Юноша стремительно слабел и противиться был не в состоянии. Ведьма из Великой Троицы помогла ему сесть, придерживая ладонью. Голова запрокинулась, влить эликсир оказалось легко. Утих он чересчур быстро, в момент, что настораживало, но на него, тихо спящего (во всяком случае, гомункул походил на такого), глядеть приятнее было, чем на метающегося по постели.

— Средством мы его не убили? — ахнула девушка.

— Хочется верить, нет.

— Не считаешь, что, несмотря на отсутствие в вашей компании алхимиков, привести кого-нибудь надо? — Лорианта промокнула платком покрасневшие глаза.

— Да, — Дашка, встав, поправила растрепавшиеся волосы перед зеркалом. — Я постараюсь быстро.

Ведьма выскочила из комнаты (драма разворачивалась в её спальне). Замок расстраивал пустыми залами и коридорами. Томас, Алина, Саша и Шаки пропадали у Теоны, впрочем; от волшебницы, призывателя и начинающей тёмной колдуньи толку бы не было. Бруно с Николасом и Клариссой ушли осматривать осквернённый храм. Куда делись некомпетентные в магических делах Клавьер и Тина, Дашку не интересовало, а Патрика, балующегося иногда алхимией, четыре дня в землях Элиорамии

не было, по приглашению Скентии он разбирался с недавно отстроенным некрополисом возле Чёрных Гаваней. Магическую связь там не наладили, и Тейлор пребывал в абсолютной недосягаемости. Отметив с досадой отсутствие в замке подходящих и вообще каких-либо личностей, Дашка подумала оторвать от опытов кого-то из студентов-алхимиков.

Нужда подниматься в лабораторию отпала, как только ведьма покинула убежище. На балконе спорили Амерден и Фестеан. Точнее, мужчина пытался навязать своё мнение, эльф, сохраняя спокойствие, отбивался.

— На территории Академии должны находиться хранители закона, — брюнет, похоже, устал утверждать это, судя по невыразительному, ленивому голосу.

— Словно ты забыл, каким был в молодости, — рассмеялся призыватель. — Последних предупреждений для нас не существовало, только предпоследние. Получат несколько ребят магическим лучом в живот, пробьют тревогу, алхимики наладят производство защитных зелий, и все будут продолжать дразнить бедных стражей порядка. Да, им же очень обидно, — пояснил эльф, заметив неодобрительную реакцию Амердена на его определение хранителей закона, — когда их не боится никто. Ты с товарищами разве не любил дразнить молодцов при волшебных жезлах в свои двадцать?

— Кто бы распространялся про нормальную молодость, — хмыкнул мужчина.

Сарказмом он что-то задел в душе Фестеана, сразу сникшего. Взгляд эльф отвёл, что дало возможность заметить Дашку, не решавшуюся прервать деканов.

— Нам нужен профессор Роамонес, — быстро сообщила ведьма.

— Кому — нам? — алхимик, как водится, был недоверчив.

— Мне, Лорианте Блазе и гомункулу её, с ним не всё в порядке.

— Зовёте в замок? — взгляд брюнета скользнул вверх-вниз, по месту, занимаемому незримым убежищем.

— Ада бывала там и возвращалась всякий раз невредимой, — улыбнулся эльф. — Как и Десмилия, и София — все, кто идёт в Рицию, охранять Томаса с Теоной.

— Трое? Мало, — вздохнул Амерден. — Не надо убеждать меня, что посторонние в царство мёртвых толпу взять не могут, — предотвратил мужчина ответную реплику собеседника. — Я давно осведомлён. Просто это слишком… Слишком…

— Тебе не по нраву, — закончил за него призыватель. Высказывание было язвительным, но соответствующих интонаций

не содержало, Дашка и профессор не разобрали, хотел ли Фестеан им уколоть коллегу или нет. — Девушка, кстати, ждёт. Если ты настолько мнительный, я могу пойти с тобой. Между прочим, это у неё и её приятельницы повод опасаться тебя. Кто в недалёком прошлом с сывороткой правды перестарался?

Мужчина промолчал, скривившись. Дашка посчитала это согласием. С ощущением, как профессор алхимии скептически наблюдает за её рукой, скользящей по воздуху в намерении найти дверь, колдунья вход обнаружила. Времени на это потребовалось многовато — чувство волнения быстроте реакции не способствовало. Ведьма забралась в проём первая. Амерден полез за ней с сердитым ворчанием. Преподаватель не отставал от Дашки, и его недовольное сопение за спиной первокурснице успело надоесть к моменту, когда она распахнула перед ним свою комнату.

Лориантa спала в кресле, вымотанная последними событиями, Людвиг также не бодрствовал. Парень невероятно побледнел, кожа стала белоснежной. У Скентии, тоже искусственно выраженного в лаборатории создания, она была и всегда оставалась такой, это являлось, скорее, результатом пристрастия породившего его алхимика к экспериментам с внешностью своих гомункулов. Лицо Людвига же неизменно оставалось цветущим, за исключением сегодняшнего тяжёлого дня.

Амердену подробно изложили проблему. Алхимик наклонился над пострадавшим, задумавшись.

— В замке есть лаборатория, — сказала Дашка на всякий случай.

— Показывай, — велел профессор. — Память у него прояснится, но жить юноше без алхимического вмешательства пару дней.

Он бережно вытащил Людвига из-под одеяла — тот не очнулся. Мужчина проследовал за обрадовавшейся Дашкой на этаж с заветным помещением.

— Зрелище впечатляющее будет не в лучшем смысле, — Амерден осадил её, пробежавшую к единственному, но большому столу в лаборатории. — Я клянусь, верну твоей подруге приятеля целого и здравомыслящего. Конечно, если это качество было ему присуще, — не преминул он придраться, кладя гомункула на стол и начиная расставлять перед собой некоторые из пробирок, банок, колб и прочих сосудов, находившихся кучками но углам вперемешку с простейшими приборами — сложные посверкивали шкалами за дверцами шкафов. — Возвращайся к леди Блазе, я закончу через час, — спокойно распорядился мужчина.

— Профессор, а почему вы с лёгкостью решили помочь? — уже из проёма поинтересовалась Дашка.

— Намекаешь на мою неприязнь к вам? Здравый смысл победил её. Ваш маленький пронырливый друг получил немаленькую дозу зелья за что-то, что может быть необходимым для того, чтобы мы это знали, — витиевато изрёк Амерден.

В таверне, куда завернула Шаки, было всего три посетительницы, девушки из отряда Айрис, кажется, только вернувшиеся со штрафного задания — такие молодым воительницам давали, когда они плохо справлялись с чем-либо на тренировках или нарушали там дисциплину. Одна из них, Алана, в отряде состояла давно, Шаки её знала. Две другие — новенькие. Воительницы госпожи Ави не были столь спесивы, как обрисовывала их молва, поэтому младшая Винсент подсела к ним. Она зашла сюда поесть и поговорить, дома второе удовольствие было бы доступно в компании братца, в связи с чем оказалось бы безнадёжно испорчено. Вообще навещать односельчан девушка не собиралась, выбравшись из замка проверить виверну (Клавьер, как подумала Дашка, отправился не с ней, а по поручению Клариссы в лавку ингредиентов для зелий за какими-то травами). Выйдя из леса на дорогу, она вдруг сообразила, что соскучилась по Тинзо, но дома у Цельсиев никого не застала, и пошла к порталам на Центральной улице, по пути решив пообедать.

— Давно не виделись, — заметила Алана. — Таури, Валиара, это Шаки Винсент, — воительница представила её остальным.

— Сестра Джесс? — оживилась девушка, при взгляде знакомой на которую было произнесено первое имя, шатенка с тёмными гладкими волосами, не касающимися и плеч, раскосыми карими глазами и выделяющимися скулами, очень худая. При плохом освещении она могла быть принятой за юношу.

— Ага, — кивнула Шаки и переключилась на человека, явившегося спросить, что леди будет заказывать.

— Как она? Айрис возмущается, что Джессика покинула отряд надолго, — уведомила её Алана. — Не соизволит осчастливить старушку своим присутствием на тренировке — сперва одиночное штрафное задание, через сутки — исключение из рядов Лесных Воительниц.

— Ты же заявляла, что Айрис нельзя называть старушкой! — воскликнула Валиара. Фигура у неё была чуть лучше, чем у Таури, зато девушка имела совершенно невообразимые тусклые лохмы невнятного мышиного цвета, торчавшие в разные стороны, наверх в том числе. Без помощи гребня такое безобразие на

голове устроить явно было никак, да вот зачем нужно? — Услышит случайно — здравствуй, энный штраф.

— Тут госпожи точно нет, — рассмеялась Алана, заправив за уши разметавшиеся каштановые локоны. — А Дефрин, — подмигнула она бармену, — нас не сдаст.

Недоразумение было устранено, Шаки ответила на свой вопрос:

— Я передам. Преподавательница боевой демонологии как-то ведь без Джессики обходилась. Пусть возвращает вам образцовую воительницу. Кого Айрис вам в пример хоть ставит? — развеселилась девушка.

— Показывает, что и как надо, на личном примере, — проворчала Таури. — Я вашу легендарную Джесс Винсент видала всего несколько раз, кстати.

— По словам Айрис, её лицо напоминает лицо жены принца Эзарии, — пояснила Валиара, сама, значит, не удержавшая в голове облик Джессики.

— У супружницы королевского сынка физиономия, словно девица убьёт любого, кто к ней обратится пусть даже с безобидным пожеланием доброго времени суток, — хохотнула шатенка.

— Так и есть, — сообщила Шаки. — Просто портрет сестрицы. Но Тецарра собачится, а Джесс действительно лезет в драку.

— Чего вы хотели от молодой женщины, обречённую жить бок о бок с Эзарией Чезигером? — упрекнула болтушек Алана.

— Откуда знаете, как она выглядит?

— Великие Ветра изобразили. Целый день, поднимая голову, созерцать вместо облаков жениха с невестой — брр, — встряхнулась Валиара.

— С чего ты взяла, Алана, что Тецарра замужем не по собственной воле? — предположила внезапно Таури. — Папочка её тот ещё мерзавец. Лаборатория Минаурес, расположенная на месте какой-то деревушки, разрушенной специально, ему принадлежит. Поселение по его инициативе снесли. Из жителей почти никто не спасся.

— Что за деревня? — пролепетала Шаки.

— Фривелл, — проронила девушка, принимаясь за прерванный обед.

— Кто у тебя всё выпытывал? — в нескольких десятках километров от Фатоны, в летающем замке вспыхнула Кларисса.

— Саэлис Эрнелла, — Людвиг виновато взирал на ведьму, хозяйку, Великую Троицу, Николаса, Бруно и Томаса.

— Ради Эзарии, — с большим трудом Алине верилось в это. — Принцу из-за Теоны надо было держаться в курсе наших планов?

— Или из-за Даниэлы, — выдвинул более разумную, но неправильную версию некромант. — Не в интересах семейки Чезигеров, чтобы дочь Мартина, законная наследница власти, выбралась из Риции.

— Я из замка ни на шаг отныне, — замотал головой во всех направлениях гомункул.

— Помолчи, — приказала старшая ведьма. — Нам бы догадаться, к каким неприятностям готовиться.

— Теону следует забрать из больничного крыла, — обеспокоился Томас. — Эзарии в замок хода временно нет, но алхимичка запросто подменит какое-нибудь снадобье.

— Вот и ступай за женой, — велела женщина. — А я, пожалуй, оповещу преподавателей. Тебе же, милочка, — презрительно бросила она Лорианте, — рекомендую учить своего мальчишку законам жизни.

— Она сама в них не разбирается, — Николас, подойдя к девушке, снял капюшон: глаза он показывал редко и далеко не каждому. Вероятно, в банде, его семье, окружающей странного человека много лет, ещё не все их видели. — Любому существу, созданному магией, передаётся часть характера, привычек и интересов творца. У тебя весёлое было детство, Лори?

— Без родителей, без друзей, — молодая чародейка хотела отодвинуться, отвернуться, да от Николаса веяло такой добротой, что Лорианта разомлела. — Дом опекуна, хороший особняк, но темноватый, с вечно задёрнутыми тяжёлыми портьерами. Из игрушек — содержимое алхимической лаборатории и книги. Общение — с эпизодными визитёрами старика, в основном покупателями его зелий, и лавочниками. Все прогулки были к лавкам и обратно, в дни ярмарок — на рыночную площадь, — описала немудрёные детские годы девушка… девочка.

— Как можно осуждать её за то, что она в людях не разбирается? — обратился к компании Николас.

— Лорианта их боится, — холодно поправила его Кларисса.

— Бояться неизведанного — обычное явление. Девушка вложила в Людвига свои силы, кусочек себя. В нём не только её жизненная энергия — частичка души. Я ведь тоже не рождён, а создан.

Признание изумило, но не шокировало. Храни такую тайну кто-нибудь другой, например, Бруно или Томас, все провели бы в оцепенении минуту. Николас же слишком отличался от остальных, чтобы не иметь права на это.

— Ты гомункул? — выдвинул идею Клавьер, но не угадал.

— Названия подобным мне нет. Я имею биологических родителей, но мать, беременная, умерла, попав затем к некроманту. Меня он извлёк и с помощью алхимии оживил и вырастил, — мужчина погрустнел. — Теоретически я наполовину зомби, наполовину гомункул, Клавьер относительно прав. Капюшон я ношу всегда, защищаясь от солнечных лучей. Создатель предупредил: они мне вредны. Кстати, три года назад я отпраздновал не двадцать какой-то, как вы вообразили, день рождения, а сто пятидесятый. Живой мертвец в некотором смысле.

Кларисса подошла и обняла его, для чего ей пришлось опуститься перед ним, сидящим в кресле, опуститься на колени, а её руки обвили его талию, голова легла на колени.

— Ты, подобно любой другой женщине, не можешь иметь от меня детей — цена жизни, — он поднялся, ведьме тоже пришлось. — Я всё к тому, — Николас отдалился на четыре шага, взгляд опять облетел друзей и приятелей, задержался на любимой и остановился на Людвиге, — что некромант, подаривший мне возможность радоваться свету, оказался подлецом, — мужчина замолчал, принимая, наверное, решение не делиться подробностями. — И я опасался стать таким же.

Капюшон натянулся на место. Николасу дали покинуть зал.

Глава 18 Встречи

— Здравствуй, Аорна, — Фаризе ступила из осквернённого Полуночного храма, замерев в проёме. Ладони касались косяка, одна — на уровне головы, вторая — чуть ниже. На ней было белое платье с расклешёнными длинными рукавами, казавшимися в ночной полутьме крыльями. Хищно прищуренные глаза и ухмылка.

— Не имею времени тебя рассматривать, — отрезал тёмный священник. — Кто ты?

— Зови меня просто Фаризе, а остальные мои имена тебе знать незачем, — промурлыкала ведьма, приближаясь к мужчине.

Колдун оторопел: неизвестная особа осмелилась попросить его о встрече (и ведь выведала координаты!), и теперь ещё играть пытается!?

— Что тебе нужно? — неприветливо спросил он. — Учти, мне надо беречь силу, один человек заключил со мной сделку, и магии моей потребуется очень, очень много.

— Чего же пообещал взамен?

— Деньги. Огромные, — Аорна уже боролся с желанием пустить в ход посох, настолько раздражала нахалка.

— Это мелочь на самом деле, — продолжала умничать женщина. — Если есть мечта, которую можно за неё купить — тогда нет. Но у тебя она отсутствует.

— А ты, значит, предложишь нечто, в чём я больше, чем в звонких монетах, нуждаюсь? — ему сделалось смешно. Вероятно, леди малость безумна.

— Я всего лишь хочу понять, зачем деньги тебе, — усмехнулась Фаризе.

Или не малость…

— На новые древние книги, артефакты — всё, что надо в деле, — Аорне стало интересно, чем закончится беседа с ней, он решил побыть снисходительным.

— Существование ради любимого занятия — как трогательно! — ведьма не издевалась, судя по взгляду. — Мы похожи, Аорна!

— Объясни, пожалуйста, какой мне толк от твоих слов, — тёмный священник же съязвил.

— Никакой, — честно сказала женщина. — Я сама не вижу прелести в достижении власти. Умолять провести меня в Рицию не буду. Уговорите нескольких духов помочь мне, всего-то. А начальные планы мои охватывают единственный город или даже деревню. Мне достаточно и столицы, и крошечного поселения.

— Рицию? Не ожидал от тебя, — хмыкнул Аорна. — Миллионы альданцев уверены, что все мерзавцы после смерти остаются на земле и обращаются в демонов. Тайна, доступная избранным. На избранную ты не тянешь, иначе бы тебе не пришлось представляться.

— Одна славная девчушка поведала и о существовании тёмного царства мёртвых, и о заключении в неё живой, но вряд ли здоровой принцессы Даниэлы Сагрены, и о страсти принца к священнице Теоне, — перечислила Фаризе.

— В её светлую голову откуда-то эта информация попала, — колдун начертил перед собой невидимую дугу посохом, место вокруг преобразилось: парк сменился гостиной с высоким потолком, внушительным горящим камином, лохматой бурой шкурой и глубокими мягкими креслами перед ним. Его гостиной.

Ведьма уселась. Рядом возник (не телепортировался, а неслышно подошёл) слуга, одержимый духом парень. Во внешности юноши не было ничего выдающегося, о несчастье его свидетельствовали застывший взгляд и заторможенная речь. Он держал поднос с двумя бокалами, тарелкой фруктов и бутылкой вина. Встав между креслами, слуга вытянул перед собой руки и разжал пальцы. Поднос пролетел меньше полуметра — под ним материализовался столик. Одержимый так же тихо исчез.

Возобновила беседу женщина после первого бокала:

— Девушка обитает в компании тех, кто собрался вызволять дочь Мартина. Те люди живут в летающем незримом замке, отвоёванном у хранителей закона, по приказу Ирвинга прибывших в Бесталон усмирять жителей, требующих защиты от нападений риксов. Замок — на территории Магической Академии, компания временно там остановилась. Полагаю, не стоит разъяснять, почему. Являясь моей ученицей, девушка регулярно приходит в моё пристанище, в лесу рядом с Фатоной. Последние новости она передаёт мне просто так, чтобы я от жизни не отставала.

— Молоденькая девушка?

— Почти пятнадцать, — Фаризе взмахом указательного пальца подняла бутылку, она, притянувшись к бокалу в другой руке женщины, наклонилась над ним. Красная струя хлынула в тонкое стекло. Затем вино плавно вернулось на место, свой бокал хозяин наполнил сам.

— Не самая подходящая кандидатура для информатора, — произнёс Аорна. — Девчонка, нахватавшаяся сведений о Рицию — опасная штучка. Кроме тебя, разнесёт их десятку человек, они молчание хранить также не смогут, и будет через месяц всё королевство твердить: вернём в мир живых Даниэлу, долой

Чезигеров! Ты, вероятно, равнодушна к тому, какой правитель в Альдане, а мне не безразлично. Принцесса, памятуя о личности, упрятавшей её в Рицию, тёмных священников жаловать не станет. Между прочим, мой брат об этом позаботился. После того, как он от Эвиланы сбежал, никак не получается с ним встретиться.

— В замке разговоры практически полностью о принцессе да плане её освобождения. Не ходить же ребёнку, закрывая уши! А известие ползёт по Альдане потихоньку, из Фатоны и Чёрных Гаваней. Старейшина города — хороший друг компании.

— У народа хватает ума быть спокойным, — хохотнул мужчина. — В противном случае Ирвинг предпримет меры. Удивительно, почему король до сих пор так не поступил.

— Ты одолжишь мне духов? — внезапно напомнила Фаризе о цели визита. — Цену назначай сам.

— Сначала ответь, наконец, чего добиться стремишься?

— Скажешь, с кем твоя сделка, ради которой бережёшь силы?

— Принцу охота посодействовать скорейшему сумасшествию Даниэлы. Союз Теоны с некромантом тогда потеряет смысл.

— Ну а я желаю распространить новую науку. Управление одержимыми, — протянула ведьма. — Обычный шаманизм не предполагает, что духи останутся в жертвах, многие вовсе используют духов не как оружие — как экзорцистов и целителей. Расточительство. Соединяя шаманство с некромантией, можно добиться того, что зомби будут относительно разумными созданиями.

— Цель неплохая, — похвалил Аорна. — Только *несколько* духов тебе маловато будет, а больше я не дам.

— Я разберусь. Пяти штук тебе не жалко? — деловито поинтересовалась колдунья.

— Выражайся корректно, — оскорбился маг.

— Пять духов продашь? — женщина подчеркнула исправленное слово.

— Без проблем, — согласился тёмный священник. — Цену я не придумал, считай их авансом. — Получишь ещё десять, когда уплатишь её.

Общежитский корпус, миниатюрный замок, даже ещё красивее, отбрасывал спасительную ввиду сегодняшней жары тень. Студенты избегали лучей назойливого яростного солнца более надёжным способом — не высовывались из корпуса вообще, на просторной площадке перед зданием Шаки обнаружила двух магов, чёрного и белого, упражнявшихся друг с другом каждый в своём деле — в наложении проклятий и снятии их. Двойняшки, юноша и девушка, сидели на скамье под деревом и посредством

магического шара разговаривали с матерью. Какой-то парень устроился на соседней лавке с книгой на коленях, напротив студентка с факультета алхимии — да-да, в жару не сняла мантию, несмотря на разрешение расставаться с формой после занятий — мрачно созерцала полёты лучей и сгустков магической энергии практикующихся чародеев.

Блондинка с двумя косичками, впрочем, сама была одета не по погоде: вся в чёрном. Ей было позволительно: нехитрым, но малоизвестным волшебством Шаки сделала так, чтобы чувствовалась прохлада.

Девушка искала место, где есть тень и почти нет общества. Замок опять был полон: и компания в сборе, и Патрик вернулся, и Скентия заглянул, и Дерик. Не отпускала мысль о разрушителе Фривелла, терзаться ею представлялось лучшим в одиночестве, пускай и частичном.

Развалившись на скамье и зажмурившись, она постаралась сосредоточиться, соображая, на чём именно ей следует. Разумнее было спросить себя: «Следует ли вообще?», — но подозрение о бессмысленности задуманного никак не находило на Шаки.

— Вы Эзарию не видели сегодня? — озадачилась какая-то леди, стоявшая, судя по голосу, перед девушкой. — Его кабинет в скрытом крыле заперт.

— Нет, — лениво уставилась на девушку-алхимика в форменной мантии ведьма. После ответа она вдруг сообразила: принц о родственниках жены обязан знать. Оторвавшись от спинки скамьи, Шаки выпалила: — Я сама его ищу!

Саэлис перекосило от злости. Проклятье, эта зануда Нелла, контактирующая в основном с учебниками и алхимическими веществами, а не с людьми, посмела судить о человеке и оказалась права. У принца сотня девиц, для него абсолютно одинаковых. Выделил он одну Теону, да и вряд ли за особую внутреннюю красоту.

В общежитие девушка ринулась едва ли не бегом, а Шаки посетила идея, копирующая ту картину, что сложилась в воображении леди Эрнеллы.

Посторонних в корпус, где скрылась десять минут назад безответно влюблённая в младшего Чезигера, не пускали. Шаки охрана сделала исключение: ученица Фаризе сказала, будто Теона забыла в своей спальне кое-что, и младшую сестру преподавательницы послали за оставленной вещью. Ради священницы правило нарушили.

О расположении скрытого крыла ведьма имела понятие по рассказам Дашки. На нужном этаже она влилась в стайку первокурсниц, коротая время. Ей повезло, они с энтузиазмом

обсуждали турнир призывателей и демонологов, а по этому поводу у Шаки имелось мнение, составленное по богатым на эмоции докладам очевидцев: Джессики, Дашки, Алины и особенно Саши. Битый час девицы не закрывали рты, а когда дискуссия утихла, ведьма «спохватилась», что пришла в общежитие за забытой вещью сестры.

На счастье Шаки, если в скрытом крыле сейчас и были преподаватели, то они отдыхали по комнатам за плотно закрытыми дверями. Искать среди них, абсолютно одинаковых, нужную, ведьма решила по ощущениям. Распознавать ауру тёмной магии Фаризе её научила. Не единственный здесь Эзария, кто владеет ею, но не заглядывать же во все спальни подряд и не прямым текстом спрашивать, который из номеров — кабинет принца!

На нижнем ярусе галереи сразу почувствовались четыре ауры, самые сильные: стоило, подойдя к двери, расслабиться и глубоко вздохнуть, попытавшись перестать воспринимать внешний мир, только саму себя, как внутри холодело, словно при ужасе. В одну комнату Шаки не впустили — хозяин, должно быть, спал; из второй донёсся голос Ады Лиоре, третья оказалась принадлежащей профессору Локки (чёрный маг сидел за письменным столом и что-то писал; к девушке преподаватель не повернулся, выпалив: «Дельвис, я занят!»). Принцем этот тип быть определённо не мог.

Из четвёртой после робкого стука Шаки вылетел тёмный эльф, атлетически сложенный, черноглазый, с прямыми серебристо-серыми волосами до лопаток. Он был выше ведьмы на полторы головы, что вынудило его опустить голову, а девушку — задрать.

— Ищем кого?

— Не подскажете, где комната Теоны Винсент? — пролепетала колдунья, вздрогнув: слишком внушительным выглядел преподаватель. — Она потеряла один амулет, и ей кажется, что артефакт забыт здесь, в номере.

— Ты сестра её, что ли? — догадался эльф. — Точно не могу ответить. На верхнем ярусе, а там сама ищи.

— Спасибо! — улыбнулась Шаки, про себя выругавшись.

Попав наверх, девушка вновь попробовала слиться с ощущениями. Делая круг по ярусу, чтобы отметить самые яркие ауры, она обомлела, неожиданно пронзённая не холодом, как всегда, а теплом. Это не белая магия, тёмные колдуны так ей не проникаются. У Шаки светлый дар был, но развиваться не стал, поэтому не спишешь всё на него. Такое явление Фаризе ученице не успевала объяснять, а позже женщине думалось, будто она уже

осуществила это, и юная колдунья по-прежнему пребывала в неведении. Два мага с идентичными силами, под одной покровительствующей стихией, могут чувствовать друг друга на близком расстоянии, если кто-то очень хочет видеть другого. Шаки и Эзария — оба некроманты и чёрные маги, обоих охраняет Вода, у обоих врождённые способности были к белой магии.

Любопытство убедило девушку войти. Молодой красавец отложил фолиант, из которого делал выписки, пергамент пристроил сверху: на столе места было маловато, всё в книгах.

— Эзария? — вполголоса осведомилась Шаки.

— Собственной персоной, — выбравшись на середину кабинета (стол стоял в углу), принц опустился на подлокотник кресла. — Полагаю, тебе что-то от меня надо.

— Мне нужен отец вашей жены, — продолжала ведьма, оставаясь у стены. — Вы, верно, подскажете, где я могу обнаружить его?

— А папу моего видеть не желаешь? — некромант не злился, а забавлялся. — Или тебя в королевский замок провести? Там полно важных персон.

— Отец Тецарры, только он, — не стала отшучиваться девушка.

— Причину огласишь? Впрочем, до него мне никакого дела, — бросил парень, заметив смятение Шаки. — Жена за старые деяния папашу терпеть не может, мой родитель больше интересуется её благополучием, для остальных Дориан — конкурент, и любые несчастья с ним их лишь обрадуют. Ты ведь разыскиваешь алхимика не с целью мирно поговорить?

— Да, — ответила чародейка.

— А если я тебя потом сдам? — расхохотался от такой наивности Эзария.

— Пусть. Я выкарабкаюсь. К тому же, если мне навредишь, то расстроишь Теону.

— Что предложишь взамен? — вдруг согласился на сделку принц.

Шаки, отделившись, наконец, шагов на десять от двери, которую не забыла захлопнуть, потянулась к шнуровке на платье. Принц не без насмешливого удовольствия наблюдал, как чёрная ткань соскальзывает на пол. С полминуты он молча разглядывал девушку, боявшуюся не того, что обещалось произойти сейчас, а последствий. Бездействие прервала ведьма, отважившись поцеловать некроманта.

— Ты сообразительна, — хмыкнул парень, когда Шаки отступила. — Тебе хорошо поработать придётся, понимаешь?

Она закивала. Волнение по телу, кажется, перестало быть

неприятным…

— Донателла! — женщина кинулась к девушке с объятиями.

Среди студентов, проветривающихся перед замком Академии на очередной перемене, кое-кто заулыбался. Родным первокурсников разрешалось три раза в семестр навещать своих детей (племянников, младших сестёр и братьев), и к Донателле сегодня приехала мать, из земель Варфетии.

Все умилились и отвлеклись от обнимающихся прямо перед входом женщины с дочерью. Внимание было привлечено снова голосом девушки:

— Мама! Ты в порядке?

Женщина, замершая, положив ладонь на плечо Донателлы, вторую руку тоже подняла. Глаза округлились, рот приоткрылся, из него донёсся хрип.

— Что с тобой!? — дочь попробовала убрать её кисти с себя, но пальцы впились намертво, заставив первокурсницу скривиться от боли.

Отрезвить мать пощёчиной она не смогла, зато вызвала ею хохот.

— Одержимая! — догадалась Дашка, вместе с Джайде и Лориантой пристально следившая за одногруппницей и её родительницей.

На жертву духов поднялось штук пятнадцать жезлов и столько же посохов. Затравленно озираясь, женщина принялась душить родную дочь. Она делала это странно, многие разобрали, что творит мать Донателлы, не сразу: хладнокровно сдавила шею, не дёргаясь, не дрожа от злости, будто просто обхватила пальцами. Только когда тело начало обмякать, в одержимую полетели лучи.

Столько магической энергии для смерти ей было достаточно. Упала несчастная, не выпустив девушку. Несколько человек кинулись освобождать молодую колдунью от хватки.

— Зовите профессора Илаймена! — заорал какой-то парень. — Риккен, Лиоре, Рэймона, кого-нибудь! И целителя!

Группа пострадавшей, послав старосту и ещё троих своих представителей за преподавателями, ринулась к Донателле и мертвой женщине. В толпе нашлась старшекурсница с факультета Мейдины Рильен, взявшаяся приводить ведьму в сознание.

— Отойдите от трупа! — раздался приказ Дельвиса Илаймена, того самого тёмного эльфа, с которым имела дело Шаки. Он был шаманом, экзорцистом, целителем и белым магом и персоной в столь неприятной ситуации являлся самой компетентной. — Дух из него, если он ещё там, может

проникнуть в любого, кто находится рядом.

В радиусе метров пятнадцати пространство вокруг опустело, осталась лишь целительница, возвращающая Донателлу к жизни. В замке уже услышали о беде, из окон свешивались студенты и преподаватели, последние, впрочем, быстро исчезали, чтобы появиться рядом с Дельвисом.

Тёмный эльф медленно подобрался к двум девушкам и мёртвой женщине, держа руку с посохом вытянутой перед собой. С другой стороны так подходила подоспевшая София.

Из тела внезапно поднялась призрачная фигура мужчины, зеленоватая, в жёлтой дымке. От неё оторвалась такая же женская. Мать Донателлы. Жёлто-зелёными кометами они разлетелись, метя в профессоров.

Дельвис играючи отразил духа, второй магической атакой уничтожив, третьей эльф помог Софии, успешно отбивающей нападения, но не имеющей сил для этого типа разрушения. В воздухе осталась витать жёлто-зелёная пыль.

— Система цепи, — сказал профессор. — Дух, вселяясь в человека, забирает, уходя, его душу с собой. Если шаманом или некромантом дан такой приказ, то единственный дух создаст проблем, достаточных для упования на силы отряда экзорцистов. Этих двух я дематериализовал, но вряд ли не придут новые.

— Именно в нашу Академию? — выкрикнули из толпы.

— Она всегда была излюбленным местом для распространения эпидемий колдунами, — вздохнула Ада, явившаяся в сопровождении своего студента и алхимика и слушавшая последнюю реплику эльфа за его спиной. — Одержимость — та же болезнь, но исход практически всегда летальный.

— Нет же! — возразил другой студент.

— Отдельные случаи устраняются без проблем, — не отрицала красавица. — Однако сеанс экзорцизма требует огромных, несоизмеримых затрат магии вплоть до вытягивания жизненных сил. Больше одного в день колдун провести не может. Среди преподавателей Академии только профессор Илаймен может осуществлять такое исцеление. Так что вообразите, что станет твориться при массовых атаках.

— Если они будут вообще, — быстро добавил Фестеан, появившийся с группой магов земной стихии, у коих вёл в данное время занятие.

— Уведите уже девушку в больничное крыло, — велела София, приказ кинулись выполнять Джайде и Арвелла. — Сдаётся мне, не будет лишним собрать всех в главной аудитории и прочитать лекцию о первых признаках одержимости и правилах

безопасности при угрозе нападения духов.

Слова профессора демонологии коллеги восприняли должным образом. Учащиеся оказались осведомлены через три часа (началось мероприятие через полтора).

Подтвердились, к несчастью, опасения Дельвиса. На выходных в город отправились трое ребят, двое вернулись одержимыми, это выяснилось вечером. Одного спасли, второй погиб. Его дух уничтожили, а тот, что мучил юношу изнутри, скрылся, обнаружившись, несмотря на приложенные усилия, в теле студентки. Профессор помог выжить и ей, однако это явилось только успешным началом трагедии. Одержимость проявилась ещё у пятерых. За всеми уследить не удалось: убить такого просто, а избавиться от духа — не так-то, даже не все преподаватели могут. В Академии и в городе вообще постепенно утверждался кошмар.

Был введён комендантский час. Предотвращало возникновения новых одержимых это несильно. Какие-то духи были слишком слабы, чтобы некоторое время существовать вне плоти, поэтому из жертвы в жертву перебирались при близком их контакте, то есть когда кто-нибудь находится возле трупа очередного погибшего или одержимый проигрывал в сражении — тогда дух, понимая, что «пристанище» вот-вот умертвят, перескакивал в того, кто и намеревался это сделать. Но всегда имелись и сильные, способные в поисках подходящего им тела сутками скитаться по городу. Экзорцистов после правления Эвиланы на все районы города не хватало, положение делалось с каждым днём всё плачевнее. Аорна, следивший за событиями, удовлетворённо отмечал, что его духами Фаризе распоряжается отлично.

Ряды учащихся Магической Академии редели не стремительно, но довольно ощутимо. Кроме Дельвиса, в заведении работали всего два экзорциста, Лариока и Мериаг, специально приглашённые. Осознавая невозможность помочь всем сразу, им порой приходилось выбирать, над кем совершать обряд, а кому останавливать жизнь. Студентам было невыносимо вести своих приятелей к ним, ведь была вероятность, что сегодня обряды уже состоялись и бедных жертв ждёт смерть. Ещё сложнее становиться убийцей. От постоянной напряжённой работы экзорцисты иногда просто с ног валились, им требовалась передышка хотя бы в один день, усиливающие эликсиры поглощались литрами, но невозможно было держаться на них постоянно. Известие, что «сегодня профессор Илаймен (Мериаг, Лариока, все трое сразу) не в состоянии заниматься обрядами», распространялось по Академии уже ранним утром, что значило:

сегодня спасение одержимых отменяется. Терпеть их, пока экзорцисты не восстановят силы, пытались: чары оглушения, парализации, усмирения… Но владели этим не все. Пока дозовёшься нужного мага, одержимый передушит и порвёт пятерых. Вот и направляли оружие на товарищей.

Выжившие физически нередко превращались в безумцев. Случалось, перед экзорцистами представал одержимый, уже не буйный, а просто сумасшедший, по-тихому. На исцеление таких требовалось много, много сеансов, чего позволить маги-священники себе не могли.

Дашку охраняли Миротворцы — вот от духов обезопасить они умели. А молодая ведьма, в свою очередь, оберегала свою группу. За две недели обошлось без смертей, но четверо помешались: Лиозер и три девушки, Сатина, Фертана и Ларий. Наблюдая за ними, Дашка представляла, что Даниэлу все рискуют получить такой же, это не давало покоя и преподавателям, особенно Софии. Сумасшествие у бедняг было разное. Фертана испытывала непонятный страх, отчего постоянно вешалась на кого-либо окружающих и ныла, чтобы её спрятали, защитили. Отцепить девушку от себя получалось исключительно с боем, было проще повсюду ходить с ней в обнимку и соглашаться с причитаниями. Сатина приобрела катастрофическую рассеянность, отрешённость и привычку разговаривать сама с собой. Если она куда-то шла, то меняла направление, лишь когда упиралась в препятствие или её кто-то разворачивал. Забредала девушка иногда и в невидимый замок, но самое страшное — если попадала на дрессировочную площадку, где было занятие. Демонов как опасность сумасшедшая не воспринимала, два раза визиты заканчивались посещением больничного крыла. Лиозер мог часами преследовать кого-нибудь. Парень не вступал в разговоры, не трогал — просто впивался взглядом в человека. Ларий стала считать всех своими детьми, причём роль мамы девушка выполняла чрезмерно заботливой — однажды Дашке посчастливилось побыть её дочкой, и одногруппница не давала ведьме самостоятельно даже не улицу выйти.

Тем временем оставались считанные дни до столкновения с миром Риции.

— Будет очень неприятно, — предупредил Арона.

— Отговорить пытаешься? — вызверился принц.

— Всего лишь уведомляю. Предполагаю, боли ты практически не испытывал ранее, так что… — тёмный священник не закончил, разведя руками.

— Вытерплю. Приступай, — велел Эзария.

Ощущения принца колдуна особо и не заботили. Обряд начался. После удара посоха под монотонное бормотание Аорны заклинания по стенам, полу и потолку Полуночного храма забегали отсветы, как от колышущейся поверхности воды, ярко-голубые, насыщенные. Заметно похолодало. Из-под выписывающего фигуры в воздухе оружия колдуна появлялись символы, гораздо более светлые, белые с голубизной. Рассыпаясь, они летели к Эзарии, втягивались под одежду и впитывались в кожу, отчего во всём теле было покалывание, быстро сделавшееся довольно противным.

Когда Аорна отставил посох, некромант облегчённо вздохнул.

— Это сотая доля того, что ты почувствуешь, — произнёс тёмный священник. — Закатывай рукава.

Принц подчинился. Мужчина приставил к коже острый ноготь, заставив парня подавить выкрик: дотронулся он слегка, но Чезигеру показалось, что в его предплечье что-то вонзили сантиметров на пять. Старший маг начертил незримый зигзаг — всё отдалось жуткой болью, так же было и с другой рукой. Когда Аорна отстранился сказать второе заклинание, ничего не прекратилось. Из красавчика словно выдирали куски мяса, только из-за присутствия колдуна, которому пообещал снести истязание спокойно, Эзария не ныл в голос, а постанывал.

Постепенно страдания расползлись по всему организму, некромант не назвал бы места, где у него не было этой чудовищной рези. В глазах потемнело, он куда-то проваливался, речь Аорны отдалялась.

В сознание парень пришёл, лёжа на берегу замёрзшего озера. Темно. В небе северным сиянием переливались те же водяные отсветы. Несмотря на его наличие, пространство казалось замкнутым. Землю покрывал не снег, а белоснежный песок. Виднелись корявые чёрные сухие деревья, носились над головой вороны и летучие мыши.

Метрах в шести распластался лицом вниз Аорна, посох валялся на расстоянии. Эзария подполз к священнику, перевернул — грудь вздымалась, волноваться не стоило. Оружие некромант вложил ему в ладонь, сам оглядел себя. На предплечьях тонкие белые шрамы, нестрашно.

Из ледяной корки на озере поднялся призрак легендарного Ардеса Фарлена: высокий худощавый тип с глазами на выкате, каштановыми лохмами, недлинными, лишь прикрывавшими уши, и крючковатым носом.

— Доброй ночи, путники, — продребезжал — именно так можно было охарактеризовать его речь — покойный некромант. — Учтите, мы невежливы к тем, кто в Рицции без цели.

— Без цели, угодной нам, — протянула восставшая возле него призрачная блондинка со спутанными кудрями до колен, наёмная убийца. По привлекательной, изящной, почти эльфийской внешности её такой вывод сделать было нельзя, впрочем, холодным и стрелковым оружием она, Кайлария Хесси, не пользовалась — исключительно яды, устроенные несчастные случаи и доведения до суицида.

— Принцессу Даниэлу собираются возвращать смертным, — ответил Эзария. — Позвольте мне сделать так, чтобы они получили жалкое сумасшедшее существо. Покойный Мартин не желал видеть дочку доброй, обожаемой народом королевой. Зло в ней вырастить не удалось, но можно устроить так, что править Альданой она не будет вообще.

— Кайли, — обратился к Хесси ласково третий нарисовавшийся призрак, Мерфиан Тагрион, бесчеловечный король. — Неужто ты принца Эзарию Чезигера не узнаёшь? Цель у него, несомненно, есть, и серьёзная, не нужно было сомневаться. Не тормоши священника, — осадил парня он, стоило Эзарии дотронуться до Аорны. — Он очнётся и вернётся в Альдану, пока ты будешь идти к Даниэле и с ней общаться, а потом заберёт тебя — мы подскажем, когда тебе захочется домой.

— Следуй за нами, — приказал Ардес, призрачные фигуры поплыли вдаль.

Беспрерывно удивляясь, Эзария так и поступил.

Глава 19 Мы идём!

— Держитесь за руки, — велел Томас сопровождающим его с Теоной магам: Софии, Десмилии и Аде. — Успокойся, пожалуйста! — взмолился он, глядя на дрожащую жену, прижавшуюся к нему. — Без этого ничего не получится.

Слова некроманта и впрямь подействовали. Дёргались теперь только тревожные искорки в поднятых распахнутых глазах. Десмилия растроганно вздохнул, получив толчок от госпожи Риккен.

— Не время, — процедила Ада. — Вы двое, готовы? — вопросила женщина супругов.

К разговорам прислушивалась снаружи остальная компания и коллеги из Магической Академии. Так как была ночь, посторонние звуки отсутствовали, и доносилась речь из полуночного храма достаточно отчётливо.

— Профессор Приастес, вас там не хватает, — заметила Дашка. — Меня не отпускает предчувствие, что они все повздорят — самое губительное для путников в Риции.

— Не думаю, — качнул головой эльф.

— «Не думаю» ещё не высшая степень уверенности, — парировала ведьма.

— Профессора знали, кого отправляют, — встряла Кларисса, мечущаяся поперёк аллеи на расстоянии от храма, уже не позволяющем улавливать то, что в нём говорят.

— Все просто нервничают, — протянул Николас. — Они быстро соберутся, осознание ответственности пересилит.

Разумеется, мужчина не ошибся. Томас уже произносил заклинание. Движений жезла от него и Теоны не требовалось, равно как и от троицы спутников, что позволило стоять, обнявшись.

Из украшений на кольцах супругов поползла дымка, чёрная и белая. Металл раскалился и жёг пальцы. Кусая губы, чтобы не вскрикнуть, некромант наблюдал, как терпит священница. На щеках блеснуло по единственной слезинке, взгляд передавал ровный страх, скорее даже мощное волнение, вполне естественное. У профессоров и у него самого оно тоже было, только скрывать переживания из всех освободителей не умела одна Теона.

— Лучше хватайтесь за меня, — пробормотал колдун. В острой необходимости подобной активности парень не был уверен, зато так другим, может, легче станет.

Исчез под ногами пол, началось падение. Кто смотрел бы —

увидел бы голубоватую вспышку за чёрно-белой дымовой завесой.

— Теперь быстрого пути назад нет, — Алина поймала в ладони немного дымки, поползшей из храма на улицу. Когда волшебница раскрыла их, обнаружила вещество, с виду похожее на серую вату. Невнятного цвета комок поднялся в воздух и внезапно засиял бирюзовым огоньком.

За ней повторила Дашка, и над компанией появилась вторая яркая звёздочка.

— Что это? — удивилась Джессика.

— Память, — улыбнулся Фестеан. — В мыслях кого-то из тех, кто отправился туда, ещё находимся мы, — эльф загрёб побольше дыма и сделал жест, будто подкинул его вверх — из горсти вырвался десяток огоньков.

— На нас, по-моему, не должны отвлекаться, — усомнилась воительница. — Теона…

— Мы напутствия, наставления последние давали? — возразил Николас. — Вот их и вспоминают. На самом деле мы говорим гораздо больше умных слов, чем нам кажется. Для нас фраза ничего не значит, а собеседник примет её близко к сердцу, воспримет как маленькое открытие.

Огоньки плыли за компанией до портала в конце аллеи. В замке, освещённом помещении, они не потухли, сохранившись до следующего утра, потом до следующего полудня, до вечера. И до конца скитаний по Рициии Теоны с Томасом и профессоров продолжали испускать свет.

Группе спасителей пробуждение в тёмном загробном мире далось куда тяжелее, чем Аорне и Эзарии. Довольно продолжительное время самочувствие позволяло сесть, но не встать.

— Никого, — прошептала София, приподнимаясь на коленях и оглядываясь. Потом её качнуло, и женщина завалилась на бок. — Пустота. Тишина.

— Призраки здесь не набрасываются, — Ада нащупала лежащий рядом жезл со стеклянным красным шаром в оправе, по обе стороны от которой чернели одинаковые изображения пауков. — Они прибегают только к словам.

— Будто ими не застать врасплох, — демонолог воткнула свой жезл в песок, чтобы опереться на оружие, напоминающее артефакт второй профессорши, только шар был оранжево-жёлтый, с пятиконечными звёздами — София и Ада заказывали у одного мастера.

— Приближаются, — шикнул на красавицу Десмилия.

Над озером возникли в ряд шесть призраков: два тёмных

эльфа-близнеца, безумного вида ведьма в рванье, со спутанными лохмами и впалыми щеками; молодой привлекательный воин в блестящих доспехах, поигрывающий ржавым окровавленным мечом, не гармонирующим с его обликом; светлая эльфийка в свадебном платье и фате и пожилой колдун с надменным выражением лица и волосами торчком, в чёрных одеждах.

Вторгшимся в Рицию магам пришлось, используя друг друга как опору, оторваться от земли. Призрачная ведьма захихикала, один из тёмных эльфов отвесил ей оплеуху — женщина замолкла.

— Зачастили к нам гости, — хмыкнул его брат. — Никак вы желаете встретиться с принцессой?

— Вы догадливы, — рискнул ответить Томас.

— Советовать уняться бессмысленно, я подозреваю, — дух воина выступил вперёд. — Также представляю, что от нас ты, твоя девка и твоя свора ожидаете немалого. Мы ожидания оправдаем, — парень поклонился.

— Сейчас нам надлежит провести вас в Город, — объявила эльфийка противным попискивающим голосом. — Никто не надеется на любезность? Поспешу таких людей разочаровать: её не будет.

— Кто отстанет — проблемы его, — уведомил колдун.

— Я ещё на ногах с трудом удерживаюсь, — сказала Теона так, чтобы это дошло до ушей Томаса и бредущей по другую её руку Ады (София с Десмилией плелись позади).

Некромант хотел ободрить жену, но в ушах отдался хохот ведьмы:

— С тобой тут, как с Даниэлой, носиться не станут!

Перейдя через ледяное озеро, компании, призрачная и человеческая, повернули в лес, негустой, но тёмный — ночь в Рицию царила всегда, а должное освещение наличествовало лишь в Городах. Они все располагались на холмах, обнесённых стенами, или в пещерах, названий имели сотни — в каждом Городе родному поселению и другим давались свои названия, гулявшие среди местных. Так как призраки в одном месте не задерживались, странствуя по Рицию, названия попадали в обиход по всему царству мёртвых. Если постороннему (то есть живому) пришлось бы выяснять, в какой Город ему надо — запутался бы. Кроме населённых пунктов, имелись ведь названия ещё и у рек, озёр, лесов и горных хребтов.

По небу разгуливали водяные отсветы. Завывал ветер, однако дуновений и порывов и в помине не было. Из-под ног — шорох сиреневых мелких камней. Не терпелось начать разговор, отвлечься, но при духах, по-прежнему злящихся, этого делать не стоило.

— Может, вас подбросить? — ехидно полюбопытствовали за спинами.

На тропинке стоял призрак юноши, худого, с тёмными кругами под глазами. Пряди, белоснежные, как и кожа, спереди были длинными, по грудь, постепенно укорачивались и сзади едва прикрывали шею. Над ним, не задевая верхушек деревьев, замер, махал крыльями дракон.

— Мы ещё не поделились с путниками своими историями, — пропела эльфийка заботливо.

— Я вполне смогу сделать это за вас, Ромия, — заверил её парень.

— Мы ведём их в Лериссу. Впрочем, неважно, можешь доставить их куда угодно, — тёмный эльф, ударивший ведьму, вдруг согласился на предложение блондина. — Меня звали в Аршор, приветствовать нового резидента Рицции.

— Если это маг стихии Воды, передавай ему привет от меня, — попросил юноша. — Если он не эльф, конечно.

— Шердан! — возмутилась невеста-призрак.

— Всё в прошлом, — он улыбнулся ей. — Родился бы я позже или раньше лет правления Алозиана Третьего, был бы к вашей расе более лоялен.

Компания освободителей не ведала, за какие грехи отказали в обычной загробной жизни шестерым духам, встретившим её, но деяния юноши вообразила, чуть не задохнувшись от отвращения. Алозиан Третий приказал истреблять эльфов, численность их сократилась до считанных тысяч — а были миллионы. Милый молодой человек с драконом, нагнавший друзей и коллег, сам походивший чертами на эльфа, разделял мнение правителя, считавшего недопустимым существование тех, кто в чём-то превосходит людей, и многим представителям утончённой мудрой расы учинил жестокую расправу, беспричинную.

— Я возвращаюсь в Эрдао, — колдун в чёрном, не объяснившись, направился вглубь леса, задерживать его не стали.

— Ты уж поработай над ними хорошенько, — хихикнула ведьма. — С моей биографией не сравнится ничего. Ты только Ромии пообещал поведать о её жизни, так ведь? Ты лишишь дорогих гостей необыкновенного удовольствия, если взамен моих воспоминаний не расскажешь чьи-нибудь не менее выдающиеся.

— Селиждара Вирлама сгодится?

— Вполне, если не допустишь упущений, — дала разрешение женщина. — И всё же попробуй воспроизвести описание моего существования.

— Я развлеку иноземцев должным образом, — кивнул с ухмылкой блондин.

Призраки разлетелись, оставив за собой по дорожке зеленоватого дыма.

— Мой дракон выдержит троих, одного понесёт в когтях, — юноша употребил именно это слово, — а двое пойдут со мной. Против пеших прогулок никто ничего не имеет?

Спорить с призраками не представлялось разумным занятием, наклоном головы Томас выразил утвердительный ответ за всю компанию.

— Нам надо пройти до берега реки, — оскалился Шердан. — Там дракон спустится на землю и вы сядете. Мистер, а которая из этих леди ваша жена? — полюбопытствовал он у некроманта.

Парень растерялся. Десмилия и женщины от вопроса тоже были не в себе, Теона беззвучно зашептала что-то. Нужна ему для некой мерзости, конечно, но стоит ли идти на конфликт в первый же сознательный час в Риции? То, что он окажется разминкой, тренировкой — заблуждение, куда вводят, возможно, намеренно.

— Я, — выдала своё положение Теона.

София сплюнула, схватив кулон в виде черепа на шее — подарок Клариссы. Демонолог была настроена на бесконечные, бесчисленные битвы, делать уступки призракам представлялось ей дурным сном.

— Ну и славно, — расцвёл юноша. — Леди, позвольте взять вас под руку.

Священница не приблизилась — он подошёл. Смотрящийся бесплотным юноша оказался осязаемым. От живого человека его отличало то, что он был ледяным, Теона даже испугалась: ещё как примёрзнет к нему!

— Прекрати молиться, — потребовал Шердан, заполучив Теону. Шёпот её был обращением к духам Аркены. — Мощь великих предков здесь ничего не значит.

Подчинившись, она потупилась. Своеобразная процессия двинулась.

— Как я понял, вы догадались, кем является ваш спутник? — полез к ней через полминуты юноша. От его речи стала пульсировать в висках боль.

— Вы? — прошелестела Теона.

— Естественно. Если вы имели в виду своего спутника жизни — меня он не волнует. Ваш муж может намереваться пустить вас на опыт по возвращении отсюда, мне нет никакого дела до этого.

— Вы участвовали в изничтожении эльфов при Алозиане Третьем, да? — священница шагнула в сторону, чуть-чуть увеличив расстояние между собой и призраком.

— Замечательные временя были, — юноша придвинулся к ней почти вплотную, Теоне стало ещё хуже, чем было. —

Выплёскивай гнев, сколько хочешь, и ничего за это тебе не сделается.

— Зачем срываться на ком-то, кто не виноват ни в чём? — признать такую «правоту» молодая женщина себя не могла даже под угрозой, что духу это не понравится.

Софию диалог явно коробил. Желание оттащить от призрака священницу и надавать ей затрещин или хотя бы накричать на неё как следует она с усилием загоняла в мысли подальше. Томас каждые полминуты поглядывал на демонолога, опасаясь: вдруг профессорша не совладает с собой? София шла, потупившись, лишая возможности понять по взгляду, много ли осталось до границ её терпения; Ада с Десмилией, шедшие по бокам, разводили руками. Некроманту было непонятно, в какой степени они не одобряют всё, что говорит Теона.

— Лучше сорваться, чем держать злость в себе, — изрёк призрак.

— А когда повода нет, на душе всё тихо? Да и глупо это — истреблять целую расу за то, что она кажется высшей в сравнении с человеческой. Эльфы не виноваты в том, что они эльфы. Кроме того, люди, по их мнению, в чём-то их превосходят, наверное, — не поддавалась священница.

— Что? — Шердан расхохотался. — Эльфы к нам относятся со снисхождением или вовсе с презрением! Вы были в Адельтии?

— Нет, не доводилось.

— Значит, не знаете точно. Человек, угодивший на эти земли, терпит оскорбления, притеснения, иногда и побои. Физическая расправа в основном от тёмных эльфов, светлые прибегают к магии. Могут подстрелить. В адельтийских лесах странникам с прочих одиннадцати земель Альданы ходить не рекомендуется — есть шанс встретиться с метко пущенной стрелой, — расписывал ей парень.

— По-моему, вы и второму стереотипу, касающемуся эльфов, верите: тёмные примитивнее светлых, — насторожилась Теона.

— Сейчас ты убедишься, что прав я, а не ты, — Шердан указал пальцем в сторону.

Деревья сразу пропали, справа от дороги появилась деревня. Через каждые десять метров повторялась одна и та же картина с одинаковыми участниками её: компания из пяти ребят лет тринадцати-пятнадцати, три светлых эльфа и два тёмных, нападает на мальчика. Кто просто бьёт, кто камнями забрасывает, а кто-то уже в состоянии применять магию и угрожает бедолаге посохом, судя по длине, родительским, а не собственным. Отвернуться или зажмуриться Теоне не давала особая сила. Томас же и профессорши с Десмилией видели только смятение

целительницы. Для них лес оставался лесом, но все догадывались, что происходит с женой некроманта. Погружение в воспоминания — излюбленная пытка призраков Рации. Каковы они, предполагать маги не старались, щадя самих себя, выручить же Теону возможности пока не было.

— Это исключение, — произнесла священница. — Некоторые страдают особенной предвзятостью! Так бывает! Но не со всеми!

Последний выкрик заставил четвёрку, волочащуюся позади, содрогнуться. София приподняла жезл, собираясь пустить в Шердана магию, Десмилия воспрепятствовал, опустив оружие коллеги.

— Эй, ещё одна! — тёмный эльф, обладатель посоха, обратил внимание товарищей, ткнув им в Теону.

Молодая женщина схватилась за висок, уже нывший от голоса провожатого: туда попал камень. Несколько со свистом пролетели мимо цели, парочка угодила в Томаса, поравнявшегося с супругой, только парень не почувствовал.

— Чего уставилась? Ты ведь для нас этого же хотела? — гоготнул светлый эльф, только что разбивший бедолаге-мальчику нос.

— Вы что говорите? — ахнула священница.

— Что есть, — заявил агрессор. — Вы исходите завистью, — (очередной кинутый камень), — травите, — (следующий бросок), — только потому, что в силу расовой принадлежности у нас лучше зрение и слух, дольше жизнь! Это тебе за отца! — выпалил он, — запустив в Теону булыжник покрупнее.

Следа не осталось, но волшебница упала, как от толчка. Жуткая свора продолжала глумиться.

— Неужели не возникло потребности ответить им тем же? — издевался Шердан, пока священнице помогал подняться муж.

Эльфы не исчезали, выкрикивая в адрес Теоны ругательства. Когда компания подошла к берегу, они окружили несчастную. Один пихнул её так, что молодая женщина рухнула на руки другому, тот швырнул её приятелю, аналогичным образом «вернувший» целительницу Томасу, чуть не сбив его с ног. Некромант опять видел только метания супруги от места к месту, причина сохранялась незримой и неслышимой.

— Милая раса, да? — съязвил призрак, подманивая дракона на землю.

— Ты лжёшь! — Теона не отдышалась, однако ещё настаивала на своём. — Я знаю нескольких эльфов, преподавателей Магической Академии, они не такие!

— Ты не пробовала представить, что с ними станет, вернись они в Адельтию, — фыркнул Шердан. — Их ожидает участь

мальчика, на которого ополчились юные эльфы.

— Не допускай этому подонку добиваться приступа ярости у кого-либо из нас, — шепнула ей Ада. — Если взбесится София — а она близка к такому состоянию, — её галлюцинации будут хуже, чем у тебя.

— Леди, вы поражаете меня своей мудростью, — усмехнулся юноша. — Здоровый разум вам потребуется. Прошу вас рассаживаться.

Дракон растянулся на белом каменистом берегу, покачивая хвостом. За серебрящейся полосой реки белела линия то ли камней, как здесь, то ли песка, как там, у озера, откуда началось невероятное странствие. За ней снова что-то поблёскивало пятнами.

— Болота, — уловил Шердан направления взглядов и ответил. — Через них сами доберётесь.

София, Ада и Десмилия забрались на спину существу. Декан чёрных магов порывался пересекать реку самостоятельно или в когтях дракона, чтобы это счастье не перепало священнице. Призрак настоял на своём: она ступает рядом с ним. В плечи Томаса впились когти животного. Ощущения были мерзкие, пусть и терпимые. Теону Шердан обнял за талию.

— В таком положении ты можешь ходить по воде, — пропел он.

— Станете мне внушать новую ложь? — спросила священница, не смотря на него. Остекленевшие глаза уставились вдаль, на горизонт.

— Я обещал развлечь вас биографиями, Ромии, Салиждары и собственной.

— Они тоже принимали всякий бред за правду?

— Ты изменишь мнение, — пригрозил бывший убийца эльфов.

Холод речной глади проникал сквозь подошвы, отчего промерзала нижняя часть тела, верхняя коченела из-за прикосновений Шердана. Полпути юноша, к облегчению компании, молчал. Возобновил повествование призрак, затронув эльфийку Ромию.

— Известно ли вам, что здорово портится характер у тех, кто вступает в брак не по любви? — протянул парень. — Если кто соглашается на такой шаг по своей воле — в душе уже гнильца. Но когда человека, особенно девушку, тащат к алтарю насильно — эти люди способны на ужасные поступки.

— Поступки ужасными не бывают, — внезапно встряла София, выпалив возражение с силой. — Поступки совершают. Совершают подвиги. Поступки не всегда подвиги, но значение

имеют похожее, завершаясь для кого-то добром. Деяния могут быть ужасными.

— Кто посмел умничать? — Шердан поглядел наверх, профессорша же свесилась вниз, удерживаясь за рукав Десмилии. — Леди, я разошлю по всем Городам, сообщение, что вы не очень вежливы. Проявление взаимности вас не обрадует.

Ада втащила коллегу обратно под удовлетворённое бормотание блондина. Что-то подсказало женщине-некроманту, что надо извиниться за Софию, но в душе загремел протест. Чёрный маг старался вообще не воспринимать происходящего за его спиной и на реке, старательно созерцая небо Риции — фиолетовое у земли и постепенно синеющее с увеличением высоты. Кроме водных отсветов и звёзд, желтеющих и голубеющих яркими точками, на нём стало появляться настоящее северное сияние. Это царство мёртвых было красиво, но не отвлекаться на призраков — слишком тяжёлая задача, сейчас Десмилия с ней справлялся.

— Ромия была из небогатой семьи, — начал Шердан. — У неё было три брата и сестра, все талантливые маги. Дар ни у кого не повторился — алхимик, белый маг, призыватель и чародейка Воздушной стихии. В школах Адельтии обучение дорогое ввиду его хорошего качества. Перебираться в другие земли — также недешёвое удовольствие, а в ближайших, Нерфастоне, в почёте тёмные силы: чёрная магия да демонология с некромантией. Упускать возможность сделать из ребят отличных колдунов семья не собиралась, и у матери их созрело решение. За младшей дочкой, Ромией, ухаживал один тёмный эльф, имеющий приличное состояние. Юная леди относилась к тем представителям своей расы, которые тёмных эльфов не выносят, к тому же у неё любимый уже был. Только мать с отцом были непреклонны. И у невесты тоже возник план. Она попросила брата-алхимика сделать ей эликсир, защищающий от ядовитых веществ, действующих, если их вдохнуть. Сказала, будто её знакомый желает купить его. Брат поверил, и Ромия стала обладательницей чудесного зелья. Никакому приятелю предлагать эликсир она не стала, выпила сама и пошла в лес рвать прекрасные, но опасные цветы с запахом, от которого мутится рассудок. Они оказались в букете невесты, под другими, более безобидными цветами. На свадьбе присутствовало много народу: у жениха была огромная семья, у родных Ромии — тьма друзей. Многие тронулись умом. На празднестве устроили побоище, особенно неуправляемыми оказались подростки и дети — эта свора перекалечила почти всех гостей, в первую очередь по требованию невесты — жениха. По злости, ослепившей

глупостью, Ромия не учла, что пострадают и братья с сестрой (родителей ей жалко не было). Выходка стоила всем им жизни: какой-то чародей заживо поджёг их, увидев в них демонов. Оставаться в родном поселении эльфийке нельзя было, и она сбежала, прихватив с собой несчастных обезумевших ребят. Дети стали её слугами, несостоявшаяся жена травила ими тех, кто ей в чём-то мешал. Ах, кое-что я забыл! — вдруг воскликнул Шердан, заставив Теону, да и коллег её и мужа, встрепенуться: к ровному повествованию успели привыкнуть.

Священница очутилась вновь в описываемой призраком драме. Молодой женщине показалось: она опять на войне. Теона стояла на поляне, замечательно-солнечной, цветущей, обдуваемой приятным ветерком, перед волшебницей поблескивал храм, отделанный блестящим светлым камнем, изумительный, с высоким золотым шпилем… На поляне бурлила трясина раздирающих, кромсающих друг друга тел. Именно трясину напомнили они Теоне, так как втягивали в клубок, беснующийся, озверевший комок любого, кто приближался к ним. Разнимать дерущихся те, кого ещё эта участь не накрыла, боялись, слух терзали вопли, стоны, треск разламываемых костей. На священницу летели брызги крови, клоки волос.

— Останавливаться я не просил, — изобразил недовольство, радуясь реакции Теоны, Шердан.

— Куда же мне идти? — выдохнула целительница: впереди шумело самое большое месиво безумцев.

Призрак сделал движение, будто щёлкнул по невидимому предмету, находившемуся у него под носом. Толпа разделилась на две половины, между ними и предлагалось пересечь поляну. Теона с юношей почти достигли храма, как позади какой-то ребёнок взвизгнул:

— Вон девчонка!

Теона оглянулась: на неё мчались, выбравшись из кучи тел, пятеро: самые младшие, тёмный эльф и светлая эльфийка, не достигли ещё и десятилетнего возраста, двое были постарше всего на пару лет, а одна особа — ровесница Шаки. Повалив священницу, они всей оравой принялись издеваться: выдирали волосы, расцарапывали лицо, лупили кулаками — при этом рычали, как волчата.

Спокойно наблюдать за извивающейся на поверхности реки Теоной было невыносимо. Прервать мучения священницы можно было, атаковав Шердана, а оставаться в Риции без проводника — смертельная забава. Тем не менее, Ада, Десмилия и София держали жезлы наготове, памятуя о том, что призраки, вызвавшиеся на эту роль, в подобных шалостях (подобные

действия расценивались среди обитателей загробного мира злодеев именно так) иногда забывают меру. Одна сложность — определить границу допустимого и губительного.

— Хватит! — выпалил Томас, извивавшийся в когтях дракона. — Пусти же меня к ней!!

Неожиданно существо подчинилось, разжало пальцы — некромант полетел в воду. Оглушительный грохот всплеска, исчезновение посторонних звуков.

Вынырнуть на поверхность не получилось, неумолимо тянуло ко дну, которого всё не было и не было, а увлекающая сила всё возрастала. Парень уже перестал дёргаться, осознав бесполезность старания.

Толща воды вдруг окончилась, падение продолжилось в воздухе. Приземлился Томас на стул, одиноко стоящий посреди широкой каменистой дороги через лес, похожий на тот, сквозь который компания брела от озера к реке. Картина вокруг за минуту преобразовалась. Вместо чёрных деревьев — крошечная, но небедная лаборатория. В одном углу — два дорогих книжных шкафа, в противоположном точно так же расположены шкафы с веществами и приборами. У маленького окна — стол, на стенах, не имеющих ни окна, ни двери, горят светильники. Томас сидит в полуметре от стола, к которому прикована девушка. Её потрясающие каштановые кудри, растрёпанные и нечёсаные, свисают до пола. Молодой человек в бледно-зелёной мантии, белобрысый, с прилизанными, стянутыми во внушительный хвост волосами допрашивал пленницу.

— Где отец? — он вытащил пробку из взятой пробирки, наполненной до верхнего деления.

— Думаешь, я его выдам? — прохрипела девушка. Зелёные глаза посмотрели на Томаса, не мимо, что нагнало страху: некромант присутствует в лаборатории физически, если его способны узреть. С осознанием этого закрались подозрения, что после красивой леди на стол попадёт некромант.

— Сестрёнка, ну не изображай из себя героиню! — наигранно вздохнул парень. — Король Геарфал останется у власти, что бы ни случилось! Никакое восстание идиотов, посох и меч как следует держать не умеющих, не помешает ему править до конца его дней. Знаешь, как обходятся с такими, как ты?

— Да, благодаря тебе, братик, — съехидничала несчастная, несмотря на своё плачевное положение. — Свозят в леса, кишащие демонами, и поджигают чащи. Нерациональный способ, однако, бороться с нечистью! В каждом лесу можно собрать ингредиентов на солидную алхимическую лабораторию, да и храмы должно быть жалко. Ах, Геарфал же признал алхимию

неполноценной магической наукой! Он хоть ведает, что сынок его придворного целителя балуется ею?

— Бывшего придворного целителя! — взревел маг. — Эта тварь — предатель! Выдать повстанцам, куда отбыл правитель — беспредел!

— Не смей так говорить о родном отце!

— Где папаша? — повторил он.

Ответа парень не получил. Жидкостью из пробирки алхимик облил руку сестры, заклинанием зажёг огонь пока в собственной ладони.

— Не скажу, — не изменила решения девушка.

Пламя перекинулось на неё. Томасу пришлось заткнуть уши, чтобы не слышать воя, но пару секунд спустя сообразил: он может что-то предпринять.

Магический луч сразил юношу… и вреда не принёс. Зато ответная атака отправила некроманта вместе со стулом на пол. Удар был средней силы, но после него Томас резко ослабел и оказался не в силах подняться.

— Я даю второй шанс, — громко объявил он, перекрикивая вопль сестры. У девушки от руки почти ничего не осталось. Алхимик намочил ей вторую, когда она снова отказалась отвечать. Снова воспламенил.

От происходящей дикости Томаса вывернуло. Вроде бы совсем недавно он сражался на войне, где видел более ужасные расправы. Но эта была совсем омерзительной по двум причинам: юноша являлся не просто мерзавцем, а предателем, в служении королю возненавидевшим отца и сестру; а вмешаться, спасти девушку было невозможно.

Глава 2 ˚Смута и смятения

— В больничном крыле нет мест, — Лариока, ввалившись в зал, проковыляла до кресла и растеклась по нему. — Многим из пострадавших вообще нужна изоляция.

На девушке собрались три восхищённых взгляда, Дашки, Алины и Тины. Поразились не словам её, а самой Ларионе. Опять. Хрупкое, нежное создание с детским ещё личиком в песочного цвета локонах, обрезанных на уровне лопаток, потому что хвастаться ими было некогда: всё задания, задания. Красота всегда перевязывалась на затылке даже не лентой, а какой-нибудь тонкой верёвкой, но волосы постоянно норовили вылезти на свободу, и делали это с таким упрямством, что Лариока позволяла причёске быть неаккуратной. Кто оценивать-то станет? Духи, призраки и их мечущиеся в панике жертвы? Юная (лишь девятнадцать лет) экзорцистка никогда не заботилась о том, как она выглядит, умудряясь при столь небрежном отношении к своей внешности быть относительно опрятной. Рубашка, брюки и мантия без единой лишней складки и пятнышка, а к растрёпанным волосам окружающие привыкли. Впечатляла преданность делу, не подходящему девушке никоим образом. Лариока училась в Университете шаманизма и экзорцизма, пребывая единственной девушкой в группе, и её постоянно вызывали куда-то на дело. Из её одногруппников столь оглушительным успехом не пользовался никто, вообще не было принято студентов этой специализации, не закончивших обучение, приглашать на работу по профессии, исключение составляла только университетская практика. А Лариоку в учебном заведении видели по неделе в месяц.

— Пусть больных забирают домой или отправляют в городские больницы, — протянула не интересовавшаяся экзорцисткой Шаки.

— Нельзя, — неосведомлённость блондинки героиню не раздражала. — Всем приказано оставаться на местах. Новая плоть привлекает призраков. Госпитали от них защитить не удаётся.

— Так духи или призраки эта зараза? — вновь сбилась с толку молоденькая ведьма. — Леди Чезигер говорит, что эти два слова обозначают разные вещи.

— Духи живут в загробном мире, являясь ненадолго по вызову или собственному желанию в мир смертных, а призраки не могут попасть в царство мёртвых. Те, что в Риции, порой перебираются на довольно продолжительное время в Альдану. Фактически они духи, но в народе их и призраками называют.

Охоты задавать ещё вопросы у Шаки не было. Если бы они экзорцистку выводили из себя, чародейка не перестала бы любопытствовать. К Ларионе ведьма относилась предвзято, как и к Мериагу, второму экзорцисту, посланному в Магическую Академию извне, и к профессору Илаймену. Она их побаивалась, поэтому недолюбливала. Эта троица может в своей борьбе с духами добраться до Фаризе. Понятное дело, её активности ученица не одобряла, но всё-таки была привязана к женщине, надеясь, что когда-нибудь наставница одумается и прекратит изводить столицу королевства. Имелась и более приземлённая причина неприязни — если экзорцисты как-то выведают, что Фаризе знакома с Шаки и даже преподносит ей тёмные науки, ничем хорошим для младшей Винсент не завершится.

— Вечереет, — Алина глянула в окно. — Тебе на дежурство пора, — сказала она Ларионе.

— Сегодня я аллеи патрулирую, — сообщила девушка. — Самая чудесная работа!

Тина и колдуньи покачали головами, по-доброму усмехнувшись. Связана с огромным риском если не для жизни, то для рассудка точно — и чудесная!

— Чем же тебе она нравится? — улыбнулась Дашка, желая послушать радостное объяснение. Эмоции Ларионы всегда отличались заразительностью.

— Тем, что лучше дежурства в помещении, — протянула экзорцистка. — В коридорах ходишь, шаги отдаются гулко и зловеще, темнота угрюмая. Одиноко! А на улице разве почувствуешь одиночество? Звёзды на тебя глядят, Ветры Великие. Сверчки стрекочут. В кронах деревьев феи мелькают. Свобода! А в помещении стены, лестницы, стены… Интересно, когда призрака чувствуешь где-то среди деревьев и лезешь туда. Когда ещё будет возможность туда влезть? Неприлично, аллеи-то существуют, чтобы по ним ходили, — хихикнула девушка и выбежала из зала.

— Вам не кажется, что у неё тихое помешательство? — съязвила Шаки.

— Не тебе судить, — Алина с кресла забралась на подоконник, чтобы проследить, как уходит Лариона. Должно пройти минут пять, прежде чем покинувший замок-невидимку человек появится на улице под балконом, и волшебница смотрела на безлюдную аллею. — У неё есть то, в чём она разглядела смысл жизни. Редко так бывает, что с этим определяешься чётко и навсегда, оттого и к таким счастливцам и относимся не самым должным образом.

— С тобой что-то творится, Шаки, — решилась озвучить

беспокоящую с недавних пор мысль Дашка. Ощущение, когда без спроса лезут в душу — одно из самых противных, поэтому подопечная Миротворцев оттягивала момент, как могла. — Разговоры, хоть как-то касающиеся призраков, тебе по-особому неприятны. Мало кому охота обсуждать разновидности сумасшествий и магические атаки, которыми лучше умерщвлять одержимых, но тебе же неприятно не только это.

— За сестру боюсь! — лихо соврала блондинка, для пущего сходства прослезившись.

— И мы все переживаем, — не дождавшись в окне Лариоки, Алина оставила подоконник, чтобы обнять ученицу Фаризе, к объятиям присоединилась и Дашка, Тине уже не хватило места.

— По Тинзо скучаю, — всхлипнула Шаки, продолжая.

— С той женщиной, что отдаёт приказы призракам, обязательно справятся. Даже очень скоро, я уверена. Предчувствие, — заявила Тина.

— Стало известно, что за этим стоит женщина? — хмыкнула Алина.

— Да, и у неё есть толпа учеников, — произнесла Джессика, входя в зал. Она возвратилась из похода Лесных Воительниц, где была три дня. — Наблюдала неподалёку от стен Академии невесёлую картину, — молодая женщина, с шумом восстанавливая дыхание, прервалась. Пройдя в центр зала, но не остановившись на месте, а начав прохаживаться взад-вперёд, ассистентка Софии принялась за описание: — Стоит посреди площади группа в светло-голубых мантиях с нарочно разодранными рукавами и полами, участники бледные, под глазами тёмные, чуть ли не чёрные пятна — такой слой грима на лице; волосы спутанные дыбом — тоже нарочно сделано. Изображают из себя призраков. Вокруг них — одержимые, им подчиняющиеся. Девица, у которой одеяние было светлее, чем у остальных, почти белое, очевидно, лидер в группе, громко спросила: «Кто хочет присоединиться к нам?». Конечно, желающих не нашлось. Тогда она велела одержимым: «Заставьте этих глупцов жалеть об отказе! — а другим фанатикам приказала: — Обратите в нашу веру тех, кого сможете». Хладнокровно так. И одержимые принялись рвать людей, повелители духов затянули заклинание. Бормочут хором, монотонно, совершают одинаковые движения посохами — у всех одинаковые, с серебром и сапфирами. Появились откуда-то с неба призраки, чтобы проникнуть в жертв. Их семеро было, — воительница, угомонившись, закончила.

— И ты смотрела на истязание? — выдавила из себя Дашка, шокированная.

— Нет, — Джессика достала из маленькой сумки, болтавшейся на поясе вместе с двумя кинжалами, флакон… нет, не крови, просто цвет его содержимого был ужасающе похож. — Айрис дала, узнав, как обстоят дела в Академии. Придаёт неуязвимость против духов и призраков.

— А в Фатоне неизвестно было, что у нас и вообще в Зальване творится? — фыркнула Шаки.

— Наш отряд сейчас занят иной проблемой. По некоторым сведениям, Ирвинг, как и десятки его предшественников, вознамерился уничтожить Фатону. Без предупреждения. Выбрать день и атаковать. С драконами, вивернами, боевыми грифонами, лучшими магами и прочей атрибутикой, — с сарказмом добавила Джессика. — Да и неизвестно, когда удостою деревню посещением. Дерика попросить передать — вариант неподходящий, мы с ним совсем рассорились. Сделать же эликсир на всякий случай — жестоко, тебе ведь известно, каким образом добываются его компоненты.

При этом напоминании передёрнуло и Шаки, и Алину с Дашкой. Те штрафные задания для воительниц, когда девушек отправляли по трое, по двое, а то и вовсе по одиночке, в какое-нибудь страшное место, добывать ценное вещество, используемое в алхимии, возмущали не только родителей воительниц Айрис и их самих — половину Фатоны. Ещё своих учениц женщина, четырёхсотлетняя ведьма, магией владеющая, правда, чуть хуже, чем холодным и стрелковым оружием, посылала убивать монстров, но такие задания случались редко: чудищ, демонов и нежити в окрестностях, к счастью, меньше, чем всего того, что можно употребить при изготовлении зелий.

— Велика была от тебя помощь? — проронила Дашка. Хорошее настроение, воцарившееся после общения с Лариокой, стремительно улетучилось.

— Разделала двух членов группы и трёх одержимых, — Джессика, явившаяся печальной, ещё заметнее помрачнела.

— Надоело калечить, кого ни попадя? — уколола сестру Шаки.

— Нет, — плюхнувшись на стул и откинувшись на спинку, воительница на несколько секунд закрыла лицо ладонями.

— Не надоело?

— Не над этим задумалась, — пояснила кузина, не имея достаточных душевных сил, чтобы ругаться.

— Мне работу по магическому языку доделывать, — Алина сорвалась с кресла и бодро, почти бегом, удалилась.

— Чаю охота. Компанию составишь? — предложила Тина Шаки.

Приятельницы исчезли вслед за чародейкой.

— Только ты тактичность не демонстрируй! — Джессика посмотрела на Дашку с отчаянием. — Вот ответь, я бы, по-твоему, смогла решиться влезть в побоище на площади, не обладая чудесным эликсиром Айрис?

— Лучше не забивай голову, — нахмурилась колдунья. — Всё случилось, как случилось.

— Но всё-таки? — упёрлась подруга.

— Могу предположить, что решилась бы, — осторожно пробормотала Дашка.

— Меня бы или убили, или сделали одержимой, — парировала воительница.

— Ты опасаешься, что не оценила бы свои силы верно? — ведьма не понимала, к чему клонит Джессика.

— У меня не хватило бы смелости, да? — она не обвиняла Дашку, скоре, себя.

— Есть смелость, есть разум, — колдунья чувствовала всё большую растерянность.

— Я должна была наблюдать, как бесятся фанатики? Звать некого, ждать некого. Экзорцисты по улицам не разгуливают.

— Ты бы постаралась сделать всё возможное, — рискнула не согласиться Дашка. — Лесных Воительниц считают чудом, непобедимыми девушками. Ты же лучшая из них. Сама Айрис признаёт, а её слово много значит.

— Заблуждение, — устало прохрипела Джесс. — Смертных противников мы лихо сметаем. Призраки — нечто иное. Я бы сунулась на площадь, погибла бы. Повезло бы меньше — получили бы вы назад сумасшедшую. Будто мне плевать на вас: на тебя, на Элли и Алекса, на Шаки. На Дерика, наконец! Вдруг это действительно так?

— Не думай, — простонала ведьма. — Сейчас всё нормально. Ты жива. Ты справилась.

— Посоветовать просто, — запрокинув голову, воительница уставилась в потолок. Отмерла молодая женщина полминуты спустя: — Извини.

— За что? — удивилась Дашка.

— Забудь, — отрезала Джессика.

Она оттолкнула ведьму, прошла круг по залу. Оставленный на столике флакон любимица предводительницы легендарного отряда в приступе секундного бешенства смахнула на пол. Раздался её какой-то болезненный вдох: осознание нелепости поступка нахлынуло моментально. Но крошечный сосуд не разбился. Присев на корточки перед флаконом, откатившимся к двери, Джессика подняла его — в свете, ещё оставшемся за

окном, стали видны забегавшие в жидкости пузырьки, постепенно исчезающие. Подруга не вставала, будто ожидая, пока последние не пропадут.

Дашка забрала у неё флакон, та не сопротивлялась. Вторую руку ведьма протянула воительнице, этим прося встать. Её послушались. Воительница даже позволила отвести себя в спальню. Джессика больше ничего не говорила, зато много бормотала Дашка, успокаивая.

— Отдыхай, — улыбнулась колдунья, когда путь из зала в комнату подруги был завершён. Тебе принести чего-нибудь?

— Яда из лаборатории, — внезапно огрызнулась Джессика. — Мне ведь никого не жалко!

В указанное помещение ведьма наведалась, только за сонным зельем. Покидать бодрствующую воительницу дольше, чем на пять минут, ей было боязно.

— Это что? — увидев стакан, с которым снова возникла Дашка, ученица Айрис с гримасой раздражения ткнула в него пальцем.

— Яд! — вспыхнула чародейка.

— И я тебе безразлична, — молодая женщина выхватила у ведьмы зелье. — Спасибо, ты всегда платила мне взаимностью, — и она залпом его выпила.

Дальнейшие препирания подопечная Миротворцев не представляла перспективным занятием, поэтому отправилась к себе. Шаки странная стала, Джессика сорвалась, Дерик сделал это раньше, после ссоры, причина которой вспоминалась смутно, будто переставший знать всех Винсентов и родную сестру в частности. А как сейчас Теона в Рации? Дашка коснулась бирюзового огонька над головой. Тепло, почти горячо, что насторожило. Чтобы развеять опасения (или укрепить их?) она поспешила к Алине, обладательнице такой же яркой звезды, кусочку памяти странников в тёмном царстве мёртвых.

— Не мешаю? — одновременно колдунья постучала по дверному косяку и вошла.

— Нисколько, — Алина, разбирающая склад накопившихся ненужностей в ящиках стола, перебралась на кровать.

— Огонёк твой, — Дашка поймала свой собственный в ладони, — горячее не стал? Проклятье! — ведьма, обжегшись, была вынуждена его выпустить. — Это не просто так, наверное.

— Ну-ка, — Алина повторила действие ведьмы. Получилось точь-в-точь, разве что волшебница вскрикнула, не выругавшись. — Надо же! — поразилась она, тряся руками. — Думаешь, такое явление свидетельствует о чём-то плохом? Может, там, в Рации, по нам соскучились.

— Хоть бы так. Я волнуюсь. Уточнить надо.

— У кого? — это было согласие, Алина лишь уточняла.

Выбирать не пришлось: их побеспокоила Кларисса.

— Где Николас? — возжелала знать женщина.

Подруги переглянулись:

— Мы не видели, — сказала Дашка, Алина пожала плечами.

— В последнее время, со дня его признания в не совсем естественном происхождении, Николас всех избегает, — старшая ведьма плюхнулась на постель между потрясёнными первокурсницами: обычно Кларисса, если переживала, становилась холодной и непоколебимой, в такие часы впору было женщину опасаться. Таких слабостей, как сейчас, она в жизни не проявляла. — Позавчера, вчера, сегодня в замке Николаса замечали?

— Вчера. Столкнулась с ним в библиотеке, — обнадёжила её Дашка.

— Зачем он туда ходил?

— Возвращал книгу. Уж я не смотрела, какую, — по глазам она поняла что ведьма об этом спросит, и ответила сразу.

— Никто ничего точно сказать не может, — сникла Кларисса. — Создаётся впечатление, что Николаса не бывает в убежище. Когда такой-то беспредел на улицах! Нежить, правда, от призраков пострадать не может, насчёт гомункулов точно не ясно… Вдруг он и рассчитывает, что за него тревожиться не станут?

— Ты что имеешь в виду? — изумилась Дашка.

— Он, вероятно, вину чувствует за то, что обманывал нас. Лично я себя обманутой не ощущаю, хоть меня его тайна должна была задеть сильнее, — произнесла женщина.

— Вряд ли для кого-то из нас что-либо изменилось, — предположила Алина с уверенностью. — Николас каким был, таким остался.

— Девочка моя, а известить его об этом мы не можем! — ведьма будто бы упрекнула её. Подруги не исключали, что и вправду так. — Если увидите его опять, не упускайте, пожалуйста! Забавно звучит, но я переживаю, что он теперь способен на глупость.

— Тогда это будет уже не он, — заметила Дашка.

— Людям свойственно ошибаться, — возразила Кларисса.

— Ну и денёк, — не выдержала младшая колдунья. — Все сами не свои: Джессика, ты, Шаки давно чудит, ещё и не всё в порядке со светом памяти, — глянув вверх, чародейка обозначила, о чём заговорила. — Горячий стал. К чему бы?

— Тому, от кого этот огонёк, тяжело очень, — с

покоробившим равнодушием женщина подтвердила опасения Дашки.

— Нам стоит…

— Смириться, — не дала закончить ей мысль ведьма. — Они там, а мы здесь. У них с нами есть связь, через свет памяти, а у нас с ними — нет.

— Не все плохие новости на сегодня, — Алина собралась с духом. — В городе бесчинствуют сторонники особы, управляющей призраками, которые терроризируют его. В подчинении прислужников этой ведьмы одержимые, с ними они появляются на улицах и вербуют в свои ряды, такой вывод можно сделать из рассказа Джесс, она стала свидетельницей нападения сторонников. Может, предложение примкнуть к ним — слова, ничего не значащие, у этих ненормальных просто принято так говорить перед тем, как отдать одержимым команду атаковать.

— Знаю, — вдруг кивнула Кларисса. — Профессор Приастес сказал и велел вам передать. В Академию час назад сообщили, что люди повелительницы призраков устроили трагедию возле дворца старейшин. Эйвилия Кеарона живёт поблизости, поэтому предупредили. Понятия не имею, зачем, с территории заведения никто не отлучается. Чтобы была готова к тому, что сторонники придут туда снова и её родные, муж и две дочки, могут пострадать?

— Неужели покорность событиям — всё, что нам доступно? — погрустнела Алина.

— В Альдане переживали и более печальные дни, — вздохнула женщина, сделав то, чего от неё было не дождаться раньше: обхватила подруг за плечи и прижала к себе. Даже когда банде приходилось расставаться с Винсентами, объятиями ведьма никого не побаловала, ограничиваясь небрежными намёками на него, а в основном — рукопожатиями.

Столь тихих перерывов между занятиями Академия не помнила. В целях безопасности студенты не ходили из аудитории в аудиторию — преподаватели являлись к ним. Смех и беззаботные, непринуждённые разговоры не раздавались, звучали понурое бормотание и изредка всхлипы, когда кому-нибудь из учащихся передавали о гибели друга или родственника. Разбавлялась траурная тишина выкриками заклинаний, которыми атаковали призраков и одержимых, предсмертными хрипами последних да восклицаниями очевидцев (хорошо, если не рыданиями).

То помещение, что на время отдали в распоряжение первокурсникам факультета чёрной магии, напоминало Дашке

колодец: теснота, высокие потолки, стены из тёмного камня, полумрак из-за того, что окна были маленькие и находились под потолком. Тридцать четыре человека за партами тут не разместились бы, но на пары ходило двадцать шесть, сохранивших здоровье. Все дружно молчали, сидя на стульях или партах, взгляды из задорно блестевших превратились в затравленные. Единственный плюс положения состоял в том, что мелких ссор и разногласий среди одногруппников уже не возникало, несчастье как-то сблизило, прекратили даже донимать Лорианту.

Шла последняя сегодня перемена. День был с утра пасмурный, оттого аудитория оказалась совсем мрачной. Бирюзовый огонёк памяти над Дашкиной головой являлся самым ярким источником света, смотревшимся единственным.

— Интересно, как там София, Ада, Десмилия и супруги? — протянул Арвелла, глядя сквозь него в окно, где виднелся кусок серой тучи.

— Не особо, — ответила Дашка. — Чем теплее он, — ведьма посмотрела на парящую маленькую звезду, — тем кому-то из них делается хуже. Вчера ночью из-за него в моей спальне вообще было жарко.

— Если они в смертельной опасности будут, ты тоже узнаешь?

— Смертельных опасностей в Рации нет, — рассеянно поправила парня избранница Миротворцев, — есть угроза психическому здоровью. Когда кто-то начнёт сходить с ума, свет станет постепенно гаснуть. Когда потухнет — всё, конец. Что? — колдунья поймала несколько непонимающих, недовольных взглядов. — Мне неприятно об этом говорить в такой манере, но мы правда бессильны. Как сказала Кларисса, раз так хочется кого-то спасти, изобретайте способы борьбы с учениками повелительницы призраков, потому что они рядом, а группа освободителей принцессы в другом мире.

Ни согласиться, ни возразить никто не смог. Так тема закрылась, начинать новую не торопились, да и не желали. Безмолвие не утомляло.

В аудиторию прошла, скрипнув дверью, Тецарра. Ей в силу обязанностей старосты надо было разносить по факультету важные известия или поступившие от экзорцистов и преподавателей указания. Все приготовились внимать.

— Профессор Нимеара больна, — осведомила она группу. Молодая жена принца подразумевала, что женщина тронулась умом после атаки призрака, студенты заявление истолковали про себя верно. — Вы можете идти, замещать некому.

Группа засобиралась. Тецарра ждала, прислонившись к стене. Староста должна была отвести подопечных в общежитие.

Коридоры были, естественно, безлюдны. Звуки собственных шагов пугали, заставляя сердце метаться от горла к животу. А истинный ужас накатил в холле.

Один за другим телепортировались сторонники Фаризе, девица и три молодых человека, точно такие, как описала Джессика: драные мантии, безумные причёски и грим. Каждый появился в окружении стены из голубоватого света, вовсе не тихо вспыхнувшего и гаснущего. Дашка могла сравнить эти звуки с хорошо приглушённым шумом летящего самолёта. Затем последовали одержимые, возникнув в красном пламени: парень, светлый эльф, женщина, девушка и, к возмущению чёрных магов, дети, мальчик и девочка.

— Сколько юных дарований! — ухмыльнулся лидер. — Примем их в своё общество? — развернувшись вполоборота, он громко и торжественно обратился к приятелям.

— Да! — грохнули сторонники хором.

— Кто жаждет воспользоваться моментом, пока мы добрые и приглашаем вас? — в улыбке-оскале молодой человек показал омерзительно плохие зубы.

— Может, это вы воспользуетесь моментом и оставите нас, — Тецарра, стоявшая впереди первокурсников, приподняла жезл, — в покое!? — в лидера полетел фиолетовый луч.

Парня поразило в грудь. Ученики Фаризе вяло расступились, когда он, пошатнувшись, рухнул. Одержимые продолжали таращиться на хозяев и потенциальных жертв.

— Наивные, — расхохотался сторонник, не вставая. — Мы идиоты, да, мы дадим себя расстрелять магией, конечно! — поднялся парень необычно: оттолкнувшись руками от пола, очутился на ногах, будто его снизу подтолкнули в спину. По тусклому фиолетовому свечению в месте ранения фанатик черканул пальцами, и оно пропало, как стёрлось. — Ризанда, покажи ей! — скомандовал ненормальный с энтузиазмом.

Из камня на посохе девицы вырвалось пять лучей, белых, в них кружилась серебристая пыль. Три цели: Тецарра, Селин и Вайнона, — растянулись на полу, два луча вошли в стену, с которой ничего не случилось.

Услышать, что в холле нападение, на этаже не могли, потому что на этаже больше никого не было: занимавшиеся здесь четыре группы уже покинули замок. По стечению обстоятельств, только у первого курса чёрных магов до этого дня были живы и здоровы все преподаватели. Остальные студенты лишились по двух-трёх профессоров, поэтому освобождались раньше, расписание

переделали так, чтобы ни у кого не было пустых пар.

Одна из девушек хотела крикнуть — её заставило замолчать оглушающее проклятие. Те, кто ещё не был повержен, не успели опомниться: на них оказались наложены чары немоты. Все неотрывно смотрели на сторонников: ни один не шелохнулся, ни произнёс ничего. Значит, кто-то из них, а может, и несколько, владеет магией на невербально-церебральном уровне, без необходимости и словах и жестах. Опаснейшие противники. Пути к отступлению загородили одержимые.

— Мы не настолько глупы, чтобы себя выдать, — лидер обошёл всех стоявших ближе к нему учащихся, остановившись возле Джайде. — Староста? — парень ткнул в него оружием.

Юноша склонил голову.

— Значит, ты порекомендуешь нам кого-нибудь из своих студентов, — он убрал жезл, ухмыляясь. — Выведи их на середину холла, прошу. Трёх-четырёх человек нам будет достаточно. Мы нуждаемся в талантливых колдунах, выносливых, способных за раз творить много высшей магии. Неужели тут таких нет? Вот Дарья Винсент, например. Ну да тебе решать.

Арвелла попытался повторить намерение Тецарры поразить сторонника магией. Одержимая девочка, вместе со вторым ребёнком державшаяся возле фанатички, кинулась туда, где уловила движение жезла. Она повалила юношу, маленькие пальчики с неправдоподобной для создания далеко ещё не совершеннолетнего возраста силой сдавили шею Арвеллы. Два студента кинулись оттаскивать её — защищать девочку бросился мальчик, едва не выцарапавший глаза им обоим. Вернулись к стороннице дети вдвоём, этих атак хватило, чтобы временно пресечь попытки справиться с группой учеников Фаризе.

— Что, не желаете использовать шанса? — картинно изумился лидер.

Стало так тихо, что было слышно тяжёлое дыхание юных магов, вернее, отдельные вздохи.

— Молодцы, соображаете, что спорить с нами нельзя, — констатировал главный фанатик. — Ризанда! — опять призвал он девицу, очевидно, свою правую руку. Или у сторонницы просто магической энергии было больше, и лидер позволял себе не экономить её.

Девица аккуратно стукнула посохом об пол, а если точнее выразиться, то подняла и опустила его. Всё оружие студентов, включая оглушённых, притянулось к его верхнему концу.

— Нам пригодится, — довольно сказал главарь, отобранные жезлы и посохи исчезли, вспыхнув синим цветом. — Из них можно выкачать неплохую магию. Дорогие артефакты, мощные,

тут же много деток богатеньких родителей учится.

— Удачно мы всё сделали, — отметил другой фанатик, помоложе, ровесник Дашки или старше известной ведьмы на пару лет; из сапфира на его оружии повалил зеленоватый дым, из которого образовывались фигуры призраков. Духи залетали за спины одержимых, загораживающих проходы захваченным первокурсникам. От присутствия их некоторым парням и девушкам стало дурно. — Так кого, в самом деле, забираем? Не всех же.

— А почему бы и нет? Только учти, Стефан, что нам просто повезло, особых заслуг наших тут нет. Хорошо, что никто из учащихся не знает искусства телепортации. Ты умеешь её блокировать? Нет. Я тоже, и Легран, и даже Ризанда. Вчера группа под лидерством Белиара — этого милашки с вытекшим глазом, на который он никак не утрудит себя приладить повязку, и шрамами крест-накрест на физиономии — принялась за вербовку в Лазурном парке, и среди присутствовавших там людей нашёлся-таки мальчишка, телепортировавшийся с места. Конечно, теперь вся столица представляет, как выглядит лучший из помощников госпожи!

— Короче, Нериот, — неожиданно прикрикнула на главаря покорная Ризанда. — Лаборатория, иными словами, тюрьма для пленников, у нас теперь есть, Шекоган.

— Сам Дориан Ласкаро уступил? — вскинул бровь лидер.

— Не всю. Потеснился.

— Леди Винсент, — вклинился в обсуждение текущих проблем учеников Фаризе голос Дельвиса, приближающийся снизу, — вы бы стали идеальным экзорцистом! Ловкость и физическая выносливость нам нужны, ведь нередко приходится сражаться с толпой одержимых или призраков с духами. Но магической силой вас предки обделили…

Глава 21 Фокусы жизни, в том числе и загробной

— Задержите их, — приказал Нериот слугам.

Несколько призраков рванули туда, откуда поднимались Дельвис и Джессика.

— Некогда выбирать, — нервно проронил фанатик, которого, очевидно, звали Легран. — Хватайте всех.

Духи, все возникающие стараниями Ризанды, метнулись к первокурсникам. В коридоре сразу же образовалась давка: надо было увёртываться и от нападающих, и от потоков магии, коими пытались защищаться одногруппники. Раздался грохот взрыва внизу, когда посланные остановить экзорциста с воительницей призраки добрались до жертв, это что-то предпринял профессор. Этажом выше и ниже услышали, наконец, что происходит нападение.

Всё пространство за какую-то несчастную минуту превратилось в поле боя. Дашка, отбиваясь огненными шарами от одержимых, эльфа и молодого человека, заметила, как из посоха фанатички прекратили появляться новые призраки. Или силы у неё уменьшились ощутимо, или в подчинении девицы ограниченное количество обитателей Риции.

Тут огонёк памяти, бодро петляющий под потолком следом за ведьмой, вспыхнул невыносимо ярко, у многих от света заслезились глаза. Греть он стал невыносимо, взмокли все мгновенно, даже сторонники Фаризе. Раскалённый воздух мешал отчётливо видеть. Состояние приближалось к полуобморочному.

— Они погибнут, — протянула Теона. — Я вижу только одного экзорциста.

— А кто из наших там? — насторожился Томас.

— Дарья… Подоспела группа, где учится Алекс… Джессика! — ахнула священница, терзаемая видением. Она снова присутствовала в том месте, которое в нём было. Обладая нужным в борьбе с призраками типом магии, Теона пыталась помочь, но безрезультатно, её в холле замка Академии не ощущали, и колдовство её тоже.

Мучались этими чудовищными играми зрения и сознания все путники с первого же дня в тёмном царстве мёртвых. После того, как Томаса выбросило назад из лаборатории, в которой заживо сожгли девушку, до берега реки компания, ведомая Шерданом, добиралась спокойно. Переправив людей, призрак исчез со своим

драконом, кинув смертных посреди бескрайнего пространства: юношу куда-то позвали на торжество. Вдалеке возвышался холм-Город, теоретически до него можно было бы дойти за день, а в действительности путь занял времени больше, и к настоящему моменту завершён не был. Странникам через болота, начавшиеся за каменистой линией второго берега, пришлось добираться самостоятельно. Для каждого из команды освободителей то и дело местность преображалась, становясь ужасным эпизодом из давно минувших лет. София ощущала себя тяжелее всех: она попадала к бесчинствующим злодеям, против которых она когда-то сражалась в составе Отряда Смерти, старые воспоминания потом, оживая, не давали покоя.

Истёрзанные морально, странники были вынуждены постоянно останавливаться, если у Теоны или Софии случалась истерика, иногда не выдерживала и Ада. У врат Города очутились через двое суток (сами путники об этом не знали, так как возможности вести счёт времени не было из-за вечной ночи и отсутствия часов). Холм окружала высокая стена из бордового камня, на ней полыхали факелы, как впрочем, и по всему Городу. Магического освещения там не наблюдалось — только традиционный огонь. Перед стеной бурлил ров с лавой.

Мост перекинули гостям сразу, без вопросов. На входе скучали два охранника, юноша в окровавленной одежде и, что удивительно, вампир. При жизни, вероятно, этот тип ставил на себе эксперименты и добился того, что, оставаясь человеком, приобрёл полный комплект особенностей, свойственных вампирам.

— Цель? — вяло потребовал информацию парень.

— Мы ищем принцессу Даниэлу, — честно сказал Томас.

— Проблемы ваши, — резонно заметил вампир, материализуясь из духа в существо из плоти. — Перед тем, как попасть в Город, вы должны сдать оружие, эликсиры и магические предметы.

Пятеро колдунов и священница, расставшись с жезлами и поснимав с себя разные обереги-украшения, стали вытряхивать сумки на широкий плоский камень, служивший стражам скамьёй. София простилась с тремя сферами призыва, Ада — с целой связкой амулетов-кулонов и флягой восстанавливающего зелья (у женщины была вторая, но её уже ополовинили, и охрана снисходительно позволила единственный предмет оставить себе). Томаса лишили пяти талисманов и усиливающей сферы, Десмилию — кристаллов из небезызвестной пещеры Леаш-Майо — они делали любого мага способным к чарам, влияющим на разум, а его можно было как и повредить, так и защитить.

Вообще-то их следовало использовать при изготовлении оружия, но Десмилии был известен какой-то тайный способ извлекать из них силу. У Теоны изъяли только изрядное количество зелий.

— Проходите, — человек им поклонился, явно издеваясь, пока вампир относил отобранное в конуру возле ворот — там он сидел до прихода чужеземцев.

Компания пошла. В Городе окраины не было — все улицы главные и поражают великолепием. Большинство домов, правда, были однотипными: двухэтажные, небольшие, на вид одинаковые в длину, ширину и высоту, — но не одинаковые. На площадях попадались роскошные фонтаны с лавой, факелы крепились везде, где только возможно, в том числе и в руках статуй. У входов больших зданий горели костры, скорее всего, никогда не гаснущие, да и не только возле них. Среди горожан духов почти не встречалось — обыкновенный народ, обретший тут тело. Наверное, бесплотными в Рицции делались, перемещаясь из одного Города в другой, чтобы не уставать в пути.

Когда странники забрели на площадь перед особенно шикарным зданием, с кроваво-красными колоннами и огромным крыльцом, Томас предложил остановиться, оглядеться и подумать.

— Мы в подневольном положении, все свыклись? — спросил он, вздохнув. — Сами ничего не знаем, поэтому зависим от того, что нам скажут. К Даниэле нам могут дорогу указывать, но так, что мы запутаемся окончательно. А могут просто ничего не объяснять. Добраться до цели возможно, только не сразу — а потом нам начнут мешать.

— Такое спокойствие из-за ничтожных шансов? — понимающая, что так и есть, София хотела услышать ответ Томаса.

— Преувеличиваешь. Впрочем, не сильно, — сдался некромант. — Так или иначе, следует обратиться к старейшине.

— Это его дворец? — проронила Ада, уставившись на величественное здание. Все окна оранжево светились, оно озарялось пламенем костров — смотрелось потрясающе, даже войти захотелось бы, если б преподаватели и супруги очутились здесь случайно, не подозревая, что за страшное место этот Город.

— Нравится? — сладко поинтересовались за спиной, дотронувшись до плеча женщины.

— Очень, — некромантша посмотрела, кто спросил: девушка, чуть-чуть не дожившая до третьего десятка, смазливая, смуглая, глазастая, губастая, с россыпью веснушек на лице и гривой крупных тёмно-золотистых кудрей.

— Мы ищем старейшину, — воспользовавшись случаем,

спросил Томас. — В этом здании его нет? На дворец старейшин похоже.

— Это гостиница, — улыбнулась девушка. — Располагайтесь там, если желаете. Вы ведь из Альданы? Я доложу Реогану, что его ожидают смертные.

Хихикнув и сделавшись призраком, она умчалась.

— Верить? — хмыкнула Ада.

— Духи не обманывают, а излагают факты так, как им надо, — парировал муж священницы. — Прошу, — широким театральным жестом он махнул на вход в гостиницу.

Комнаты компания получила без проблем. Теоне с Томасом, конечно, дали двухместный номер, вполне удобный, уютный, просторный.

— Долго теперь томиться здесь? — Теона, не отходившая от окна с минуты, когда ступила во временные апартаменты, положила ладонь на окно, большое окно от пола до потолка, с красными шторами. За ним бурно существовал Город, полный огней. — Та девушка ведь может и не вернуться, старейшина может решить, что мы не стоим его внимания.

— Надоест ждать — мы уйдём, — Томас сзади обхватил жену за талию, положив подбородок священнице на плечо. — Ты спать ложись, отдохни от кошмаров. Если начнут сниться, я замечу и разбужу тебя.

— Сейчас, — отозвалась Теона и после паузы произнесла: — Леди, пообещавшая доложить о нашем визите старейшину, за какие-то тяжкие грехи ведь в Аркену не попала. А не скажешь, глядя на неё, что на её счету злодеяния.

Говорить супруге что-либо в ответ на это было бессмысленно, она всё равно не стала бы слушать правду. Парень поцеловал Теону в щёку.

— Всё, ложись.

Заснула она быстро. Томас, сидя на кровати рядом с ней, глядел на горящие пятна в окне. Воцарилась долгожданная тишина, позволяющая собраться с мыслями. Интересно, это Город-Хранилище? Их немного таких, куда смертные приходят, чтобы отдать предмет или знания на сохранение или человека в заключение. Самые известные злодеи, прочно застрявшие в истории королевства, служат там стражами.

— Как тебе местечко? — декан чёрных магов, сразу заметив посапывающую Теону, в комнату пробрался бесшумно.

— Пока следует радоваться, что дают подышать спокойно, — последний раз глянув на супругу, некромант обошёл кровать, устроившись с другой стороны, перед креслом, где расположилось рыжеволосое нечто.

— У меня для вас счастье, — Десмилия распахнул длинный плащ, к подкладке которого крепились три жезла.

— Какие из них — наши? — оживился парень.

— Они одинаковые по свойствам, просто тот, что с прозрачными камнями, дополнительную защиту даёт людям Водной стихии, с янтарём — Земной, с топазами — Воздушной. Оружие Огненной стихии, извини, забрала Ада.

— Я Земля, — просветил Десмилию Томас. — Теона — Воздух.

— Мне так и казалось. Теперь твоя очередь делиться.

Некромант усмехнулся. Вся компания, знавшая о необходимости тех, кто ступает на территорию Города Рицции, прощаться со значительной долей вещей, надеялась, что гостей стражники у Городских ворот не обыскивают. Для такого случая каждый нёс с собой артефакты ещё и тайно. Десмилия — жезлы под плащом (волшебным, кстати, обеспечивающим того, на ком он надет, неиссякаемой магической энергией), Ада и Томас — амулеты во внутренних карманах мантий, у Софии на пальцах было по магическому кольцу, невидимому благодаря чарам. Только Теону не стали в это вовлекать.

— Держи, вот твоё, — парень просунул руку в прорезь мантии, вытащил амулет на тонкой почерневшей цепочке: звезду из тёмно-оранжевого стекла.

— Благодарю, — отстранённо сказал Десмилия. Или сказала…

— Можно тебя попросить забрать наши артефакты у Софии и Ады? Я Теону оставлять не хочу.

— Любуешься? — хмыкнуло нечто. — Она во сне очаровательна, соглашусь.

— Язвишь? Не знал, что ты иногда прибегаешь к колкостям, — усмехнулся беззлобно Томас.

— Если задело, прости, не было намерения тебя обидеть, — добродушно извинился декан. — Что в голове было, то и прозвучало. Теона же действительно обворожительна.

— Но не такая, какой раньше являлась. На ней след невыносимой тоски скорби. Её семейное прозвище — Солнышко. Да это Солнышко уже закатилось. Теона очень хотела преподавать в Магической Академии, а тут на неё груз навесили — шагай теперь с ним! Вроде и хорошо, что она, Дарья, Алекс и Элли оказались в вашем заведении — иначе отправились бы сюда за принцессой позже… Зато вряд ли это были мы с Теоной.

— Мы бы сами рано или поздно пришли к выводу, что принцесса здесь.

— По сути, жертва напрасная, — поник Томас. — Ты в силах

объяснить такую несправедливость?

— Есть ещё более несправедливые вещи, — Десмилию понесло в рассуждения. — Например, сама Риция. Тут роскошная, весёлая, легкомысленная жизнь. Почему она становится доступна мерзавцам, а те, у кого за душой грехов было гораздо меньше и все не такие тяжкие, но, тем не менее, запрещающие духам принимать этих умерших в Аркену, мучаются на земле? Со всеми казнёнными полагается совершать Обряд Упокоения, ведь не палачам, а предкам решать, достоин ли человек загробного мира. Но разве будут хранители закона утруждаться тем, чтобы звать священника? Священники — посредники предков, предки защищают добро, а хранители с ним борются. Иногда казнят невиновных или бедолаг, провинившихся в том, что исключительно по королевским законам считается преступлением. И они изводятся, не получившие покой в Аркене.

— Несправедливость по отношению к одному человеку — ничто в сравнении с произволом диктаторов, охватывающим целый народ. Но если каждый несчастен по отдельности — все вместе в горе. Как и радость, печаль заразительна. Допустим, Теона кого-то полюбит, — некромант тоже увлёкся, — и окажется это взаимно. Она не сможет уйти к нему — принципы не разрешают. Раз навязали ей меня — надо терпеть, так надо. Тот человек тоже потеряет счастье. Осознавая безысходность своего положения, он примет любовь какой-нибудь девушки, женится на ней, подарив ей в ответ пустоту и холод. Уже трое обездоленных. Родятся у них дети. Воспитывать детей без любви — ужасно. Малыши тоже пострадают. Возможно, не познав света, они сделаются воплощением тьмы. И обделят радостью ещё кого-нибудь.

— Не буду спорить, потому что ты прав. О том, что ты мне рассказал — а говорить красиво, но верно, у тебя, кажется, талант, — я просто не задумываюсь.

— Почему?

— Раньше мне с разными фокусами жизни часто приходилось сталкиваться, — взгляд Десмилии, в течение диалога блуждавший по комнате, ни разу не остановившись на собеседнике, устремился на Томаса. — Мне достаточно. Теперь мысленно возвращаюсь к ним только в крайних случаях.

— Не боишься, что это для тебя плохо кончится?

— Да вижу-то я всё, но не воспринимаю, пока позволительно. Спасибо, что выслушал, — Десмилия поднялся, чтобы уйти.

— Спасибо, что дал выговориться, — поблагодарил Томас. — Ой, я хоть правильно обратился? — парень смутился.

— Считай меня, кем хочешь, — разрешило существо

неопределённого пола. — Наши дамы видят во мне женщину, так что во мнении будешь с ними расходиться.

— Непривычно как-то менять мнение о половой принадлежности человека, — хохотнул Томас.

— Она у меня есть, и слава предкам, — философски заметил Десмилия (некроманту упорно казалось, что декан чёрных магов — мужчина). — Не забыл, кстати, что просил меня кое о чём?

— Честно? Забыл, — рассмеялся парень. — Хорошо ты меня отвлёк, — он глянул на него (неё), молча уточняя, точно ли декана чёрных магов это обращение не коробит. — Захочется новой дискуссии — я к твоим услугам.

— Некоторым друзья для этого и нужны. Считай, от меня ты услышал то же самое.

Десмилия отлучился. Как только дверь за деканом закрылась, в номере появился новый гость, вошедший через окно.

Теона перевернулась на другой бок, невнятно пробормотав имя Дмитрия. Испугавшись, что супругу мучает страшный сон с участием погибшего возлюбленного или же она опять попала в отвратительное видение, когда всё вокруг происходит будто бы и с тобой тоже. В глаза сразу бросились два жезла, беспечно брошенные на кровать.

Визитёр, шатен с блестящими кудрями до плеч, примерно одного с Томасом возраста, из призрачного состояния перешёл в нормальное, чтобы взять оружие. У него самого был кастет на правой руке и кинжал на поясе. Только он потянулся к жезлам, Теона застонала и очнулась, чувствовала себя она, судя по исказившемуся лицу, неважно.

— Мы догадывались, что вы попытаетесь схитрить, — молодой человек прицепил артефакты рядом с кинжалом. — Не могу заявить, что вы глупее, чем мы думали. Это не комплимент, вас тут считают идиотами. Думать, будто мы не заподозрим ничего — какая наивность, вернее, настоящий идиотизм. Но он для вас, смертных на нашей территории, естественен, и его можно простить. Мои помощники сейчас втолковывают эту же истину твоим спутникам. Кроме жезлов, у тебя ещё что-то есть, не правда ли? — с приторным выражением он подошёл к Томасу. Он был ниже его, но смотрел с такой властью, что некроманту разницы в росте не ощущал.

Муж Теоны вытащил остальные амулеты и, сорвавшись, швырнул в человека, вовремя принявшего бестелесное обличье: кулоны пролетели сквозь него, упав на пол.

— Значит так, старейшина отвлекаться на вас не захотел, — призрак вновь стал человеком, нужно было поднять и надеть конфискованное. — Я за него решу. Повторяюсь, вы глупцы. Была

возможность получить своё магическое барахло назад, целое, только следовало вести себя прилично, отдали бы его, когда вы бы надумали покидать Зевирс, наш Город. Но вам приспичило сделать по-своему. Я не такой зверь, как моя уважаемая мамаша, Инесс Левира, и шанс вам дам. Вы можете выкупить всё, или же часть добра, как оставленного у стражей добровольно, так и изъятого нами. Поспрашивайте у горожан, вас направят в нужное место, — лучезарно оскалился он. У него была отвратительно сладкая улыбка.

Удалился тип, в каждой руке вращая по жезлу, как положено, через дверь. Томас постарался уловить, не доносятся ли из коридора звуки зарождающейся драки — от Софии дождаться реально, насчёт Ады колдун колебался. Ничего нет. Он осторожно выглянул из номера. К уходящему шатену, посетившему его с женой, присоединились старуха, вынырнувшая из комнаты Десмилии, тёмный эльф, являвшейся к некромантше, и мужчина, навестивший демонолога. После исчезновения помощников старейшины показались и сами профессора, так же высунувшись в коридор наполовину.

Непродолжительное время потрескивание огня в светильниках на стенах не заглушалось голосами. Первая реплика принадлежала Аде:

— Все понимают, чем нам придётся заплатить, чтобы вернуть всё?

— Готовых на такое среди нас, наверное, нет, — произнёс Томас.

В Рицции для смертных цены выражались в страшных воспоминаниях, которыми потом пытали других незадачливых гостей из мира живых. Каждое допускалось использовать лишь единожды, чтобы у альданцев не было возможности представить, испытания какими видениями их ожидают.

— За мои кошмары нам не только наше, ещё и чужое преподнесут, — буркнула София. — Я отказываюсь одаривать настолько щедро. По крайней мере, пока Даниэла здесь.

— По-твоему, её могут… — пробормотал некромант.

— Разве нет? В том Городе-Хранилище, где держат бедную девушку, уже должны знать о медленно, но верно приближающихся освободителях.

— Давайте отдохнём, затем примемся за проблему, — Теона с приступом головной боли вышла к супругу. — Том, ты подметил тогда правильно, ужасы во сне не ужасы, потому что легко прерываются пробуждением.

Проспали все, если бы могли отследить по часам или смене дня и ночи за окном, почти сутки. Точнее, преподаватели немного

дольше, а Теона очнулась из-за кошмара, сделавшегося видением — нападение в Магической Академии сторонников ведьмы Фаризе на первокурсников факультета чёрной магии. Крики подняли Томаса, но колдун был бессилен. Он сам утонул в панике, сообразив: трагедия, видевшаяся жене, реальная.

— Джессика? — некромант только-только осознал, что ему сказала жена несколько секунд назад. — Твоя сестра же обделена магическим даром!

— Её не трогают призраки, она бьётся с одержимыми, — ответила Теона в слезах, которых сама не чувствовала. — Проигрывают…

— Кто? Духи с нечистью?

— Нет, ребята, — рыдания уже мешали ей говорить нормально, священницу было еле слышно.

Томас попытался обнять супругу, но, очевидно, представился Теоне одним из одержимых, свирепствующих в Академии, потому что жена с криком оттолкнула его. Колдун чуть не свалился с кровати, а священница от атакующего явно не отделалась. Её руки потянулись к горлу, скорее всего, молодую женщину душили.

В номер, пихаясь, ворвались Десмилия с Адой.

— Где? Что? — чёрный маг застыл, сперва не узрев ничего беспредельного, потом сообразив, что с Теоной не всё в порядке.

Ада собралась что-то произнести, но в комнату примчалась и София, распихав коллег и оказавшись ближе всех к постели.

— В неё вселились? — обомлела демонолог.

— Она видит, что творится в Магической Академии, — докладывал Томас. — Вторглась группа ненормальных с одержимыми и призраками, или как-то спокойно вошла, не вызвав подозрений, а нечисть и нежить призвала потом. Теона — свидетельница уже побоища. Как оно началось — неизвестно. Ребята в тяжёлом положении, из экзорцистов только профессор Илаймен, ещё Джессика схватывается с одержимыми, духи ей почему-то не вредят.

— Это, должно быть, прислужники той особы, что стоит за нашествием духов на столицу, — нахмурилась Ада.

— Нам не должно быть никакого дела до этого, — сокрушённо вздохнула София. — Силой мысли мы Академии не поможем, а любые наши страхи в Рицции обратят против нас.

— Увы, она права, — Томас поник.

— А ведь твоей супруге откроется и исход этого сражения, — озарило Десмилию. — Если поражение, то как нам скитаться по царству мёртвых, понимая, что потеряли, вероятно, кого-то из близких, друзей и приятелей?

— Как-нибудь, — Томас отстранил Софию, подошедшую к Теоне. — Не приближайтесь к ней, вы все кажетесь ей одержимыми.

— Зови, если возникнут сложности, — не стала спорить женщина.

Некроманта оставили наедине с женой, которая казалась бредившей. Он забормотал молитву. Вдруг поможет, хоть путников заверили в бесполезности обращения к предкам.

Даже для самой Дашки было загадкой, как у неё получилось *это*. Ладони засветились белым, на руках словно вспыхнули короткие перчатки. Пальцы скользнули по проносящемуся мимо духу, будто ведьма собралась схватить его, но не успела. Цели призрак не настиг — взорвался, рассыпавшись на зеленоватые частицы. Измождённость пропала, возникла энергия, требующая активности, сжирающий изнутри ужас сменился относительным спокойствием — Дашка нервничала, потому что всё ещё стояла на месте, когда можно гоняться за духами.

Фанатики слишком увлеклись любованием окружающей картиной, чтобы сразу заметить стремительно сокращающееся число призрачных прислужников. К этому моменту ситуация перестала представляться учащимся и подоспевшим профессорам безнадёжной, поэтому сопротивляться стали с утроенной силой.

— В Шекоган, — дал команду Нериот.

Телепортировалась команда сторонников незамедлительно, вместе с уцелевшими духами и одержимыми… и несколькими пленниками.

С их исчезновением из Дашки вытекла вся сила. О колдовстве и речи заводить не стоило, ведьма и стоять-то больше не могла — по стене сползла на пол.

— Сдаётся мне, она пребывала в полнейшем восторге, когда гонялась за призраками, — усмехнулись над головой.

Между полом и потолком парили Миротворцы, Реция и Ариона. Дашке не терпелось улыбнуться им, но из-за слабости у неё получился болезненный оскал.

— Не за что, — мужчина правильно решил, что ему выразили благодарность. — Наша обязанность — наделять тебя в нужное время нужной силой. К завтрашнему дню ты оправишься, — побежал призрачный опекун.

В замок Дашку отвёл незнакомый старшекурсник, по пути назвавшийся Громесом. Теперь они, как пережившие одно несчастье, начнут здороваться, едва заприметив друг друга в разных концах коридора или аллеи. Парень сдал ведьму Бруно, спустившемуся на первый этаж как раз тогда, когда они вошли, и,

отказавшись от приглашения хотя бы выпить чаю, поторопился вернуться.

— Молчи, нас известили о нападении фанатиков, Кларисса побежала принимать участие в противостоянии, — сказал он. — Можешь подробностями меня не пугать, от неё узнаем.

Известия от старшей колдуньи были слишком шокирующими: среди похищенных студентов есть и Алина.

— Главарь учеников повелительницы духов говорил, что пленных отныне держат в Шекогане, какой-то лаборатории. Её можно захватить, — обнадёжила Джессика. — Теона с Томасом и профессорами пропадают в Риции, а мы разве не сумеем взять лабораторию, где смертные всё-таки преобладают?

Присутствующая при дискуссии Шаки ощутила импульс в душе. Эзария не поленился привести чародейке полный список всех учреждений, принадлежащих отцу супруги, среди них и Шекоган, преимущество которого в том, что он расположен на окраине Зальвана, не надо далеко отправляться. Совсем рядом можно обнаружить человека, испортившего ей детство и отчасти жизнь — изучение чёрной магии порой всё-таки аукалось юной ведьме ухудшением самочувствия, высший уровень тёмных видов колдовства грозился остаться Шаки неподвластным. И этого человека покарать.

— Именно, Джесс, пропадают, — обратил всеобщее внимание Николас. — Судя по сигналу света памяти, им не очень-то хорошо в тёмном загробном царстве.

— К чему это?

— Просто так. Вдруг кому-то из нас приспичит пожаловаться на жизненные тяготы и невзгоды, пусть тогда вспомнит — Шекоган, куда мы отправляемся, не самое страшное место в нашем мире, — пояснил он.

— Эх, дожились, — Кларисса не то задумчиво, не то мечтательно посмотрела на садящееся солнце в окне зала. — Собираемся совершить разбойное нападение, — женщина иронизировала, не сердилась. — Лаборатория Шекоган не проходной двор, за её захват нам медаль не дадут.

— Зато предки спасибо скажут, — проронил Николас.

— После твоей смерти, — ядовито подметил Клавьер.

— Лучше быть с добрым словом предков в Аркене, чем с похвалой короля в Рицции, — мудро возразила ему Кларисса.

Да, её было не узнать. Причина этих преображений по привычке натянула капюшон на лицо, и никто не успел разглядеть сверкания её синих глаз. Но один человек почувствовал.

Глава 22 Страхи и помешательства

Алина, её одногруппница, Хельдеара, Джайде с Арвелллой и староста магов Вводной стихии четвёртого курса, Дорфеан, боязливо осматривались. Их заперли в тёмном помещении, заставленном вдоль стен прозрачными капсулами, огромными, выше среднего человеческого роста, заполненными голубоватой жидкостью. Свечение исходило или от самих капсул, или от их содержимого, из-за него здесь был не мрак, а полутьма. За дверью гудели голоса, что-то позвякивало: в смежной лаборатории шла работа. Ребята очутились тут одни, фанатики их телепортировали, поленившись сперва переместиться с ними сюда, потом уже в место, куда нужно было сторонникам лично.

— Интересно, что в этих штуках хранят? — Хельдеара постучала согнутым пальцем по капсуле.

— Не что, а кого, — поправил девушку Арвелла, глядя на себя, отражающегося в стекле. Закончив разлохмачивать тёмно-каштановые кудри, боковые пряди которых закрывали только уши, задние — всю шею, он обратился к волшебнице, уже глядя на неё: — В них выращивают гомункулов, но меня предчувствие, что алхимики Шекогана пихают туда обычных людей.

— Оттуда можно живым выбраться? — испугалась волшебница.

— А я знаю? Мне не доводилось там бывать, — парня наличие в компании паникёрши сразу стало раздражать.

— Нас, может, и не собирается никто закрывать там, — торопливо, сбивчивым голосом успокоила приятельницу Алина.

Пленников разубедили сразу же после того, как девушка решила чародейке из Великой Троицы поверить. Кусок каменной стены начал разворачиваться вместе с полом. С той её стороны показалась капсула, точно такая же, как и находящиеся в помещении, где томились пленники. В неё заключили девушку. Прямые длинные белые волосы приподнялись, разметавшись, руки безвольно болтались, слегка отставая от туловища. Недлинный подол и расклешённые рукава платья слегка развевались. Её не притягивало на дно и не толкало наверх, она находилась в центре капсулы. Изо рта вырывались змейки пузырьков — значит, живая, к некоторому облегчению компании.

Когда капсула встала на место, другая, соседняя, аналогичным образом уехала в лабораторию.

— Девушка настоящая или гомункул, как думаете? — Хельдеара припала к стеклу.

Вопрос оставили без ответа. То, что леди в капсуле дышит,

вселяло надежду, но относительную. Если не убьют, то могут такого натворить в сознании — от тебя прежнего останется только внешность.

Примерно через час капсулу вернули в помещение, в ней был мужчина с открытыми глазами, чрезмерно большими, как у ребёнка, в которых чернели настолько расширенные зрачки, что от радужки осталась тоненькая полоска. Шарики кислорода срывались с губ пугающе редко.

— Ещё раз здравствуйте, — перед капсулой, воспрепятствовав разглядыванию мужчины, возник Нериот. — Экспериментаторам скоро понадобится рабочий материал, готовьтесь. Только одна молодая плоть и душа. По сути, вы одинаковы, выбирать не придётся. К чему я всё это говорю? Вы должны успокоиться. Со спокойной душой легче работать.

— Ценный совет, — съязвил Джайде. — А что делать, если от перспективы лишиться воли и памяти, превратиться в куклу радоваться не хочется?

— Вам не причинят боли, будут обходиться с вами вежливо и даже ласково, вы просто уснёте — и проснётесь иными, — протянул фанатик. — А могли бы долго мучить, пытать. Отнеситесь к вашему положению философски! Умирают все, а вы даже не умрёте, а забудетесь. Кто знает, вдруг вас через десять-пятнадцать лет вернут в прежнее состояние? От кого-то из наших людей поступило предложение давать одержимым увольнительные, если найдут способ легко и быстро исцелять души и так же незамедлительно заражать их.

— О, вы слишком добры! — воскликнул с бьющим во все стороны сарказмом староста. — Мы стольких благ недостойны.

— Моё дело — вас известить, — пожал плечами Нериот. — Учтите, тревога принесёт вам ощутимую телесную боль, когда вы попадёте к магистрам. Нам незачем терзать вас, заставлять страдать физически. Беспричинная жестокость омерзительна, — заявил он на полном серьёзе.

«С психами лучше не спорить», — подумал про себя каждый пленник. По выражению сторонника повелительницы духов не было ясно, принял он всеобщее молчание за искреннее согласие или верно истолковал его как снисхождение.

Прибегнув к телепортации, Нериот удалился. Компания, наконец, заметила, что в помещении нет дверей и без магии сюда не попадёшь.

Выскочив из портала на Центральной улице Фатоны, Шаки сразу наткнулась на хранителя закона. Мужчина незамедлительно уставился на неё с далеко не самыми

приличными мыслями. У юной ведьмы тоже имелись касательно представителя правопорядка кое-какие намерения.

— Слюной не подавись! — нарочно нахамила блондинка, пересекая дорогу.

— Деточка, ты соображаешь, с кем имеешь дело? — хохотнул мужчина. — Мне грубить не рекомендуется, за это можно попасть в камеру Управления.

— Взгляд отводи, а не то… — Шаки потрясла посохом, приподняв его.

— Да ты мне ещё и угрожаешь? — фыркнул хранитель закона, настигая её и хватая за верх платья. — Уверена, что хочешь под арест?

Шаки и нужно было, чтобы её потащили с улицы. Несмотря на то, что стояла глубокая ночь и большинство фатонцев находились дома, в любую минуту могли появиться парни и девушки, как раз туда возвращающиеся. Деяние Шаки предполагало нанесение некоторого вреда человеку в зелёной форменной мантии, что жителей деревни, хранителей закона не жалующих, не возмутило бы, однако вся Фатона бы прознала на следующий день: Шаки Винсент напала на стража порядка. Дерик вряд ли стал бы исключением, и ведьме бы не просто как следует влетело — ей бы ещё грозила ссылка в закрытое учебное заведение.

— Руки-то убери! — продолжала злить хранителя Шаки.

— Я сам соображу, куда мне их девать, — мужчина вцепился в её запястья так, что дерзкой девчонке было не вывернуться.

В Управлении он сразу поволок её на подземный этаж, где располагались камеры. Памятуя о том, что за решётками всегда кто-нибудь есть, колдунья приступила к осуществлению плана на лестнице:

— А договориться мы не сможем?

— Запросто, — хранитель немного ослабил хватку, позволив Шаки отстраниться на расстояние шага.

— Что, прямо здесь? — вздохнула ведьма.

— Будешь препираться — оставлю тебя тут до завтрашнего вечера, чтобы ты договаривалась со всей нашей сменой, — гоготнул мужчина, принявшись расстёгивать форму.

Этой свободы ученицы Фаризе хватило для мгновенной магической атаки. После удара её посоха ступени под магом затряслись и он слетел с лестницы на каменный пол, разумеется, не поднявшись. Ещё удар — и под его рубашкой, там, где билось сердце, появилось сияние. Спустившись к поверженному, Шаки накрыла свет ладонями. Чужая магическая сила, тёмная, покалывала кожу. Она въедалась в неё, расползаясь по телу,

сейчас главной сложностью было не лишиться чувств. От непривычной, чужой энергии чародейка словно пьянела. Сияние ещё не исчезло, а блондинка уже плохо соображала, где находится и что вытворяет.

Завершив, Шаки попыталась встать. Перила оказались хорошей опорой, затея удалась. Затем пришла идея поднять посох. Не рискнув оторваться от перил, ведьма наклонилась. Оружие подчинилось, не вывалившись из пальцев.

Из здания Управления она практически выпала, успев обхватить рукой подвернувшийся фонарный столб. Жадные глотки ночного воздуха отчасти привели её в чувство, однако путь до портала Шаки преодолела с густейшим туманом в голове.

Идти по коридорам замка в спальню было немного страшно: ученица Фаризе опасалась, что с шумом упадёт, задев посохом что-нибудь. Можно соврать, что пьяная, но Кларисса или всезнающий Николас, вероятно, поймут причину странного состояния юной леди. Колдунья отсиделась в комнате с порталом. Она задремала, но ей повезло: очнулась, когда светать только начало, никто пока из постели не вылез. В свою комнату Шаки прокралась незаметно.

Отнятая сила требовалась ведьме, чтобы наложить на себя и Шанди чары невидимости, когда настанет время расправы. О том, где находится лаборатория Шекоган, она не имела даже смутного представления, зная лишь, что это на окраине Зальвана, а столица-то большая. Ничего, летающий замок отправится туда, и можно будет увидеть дорогу из окна, а как добраться до Магической Академии, Шаки представляла.

Утром к ней постучал Клавьер.

— Как спалось? — поинтересовался парень.

— Плохо. Бессонница, — она потянулась.

— Настолько сильная, что ты решила прогуляться? — скептически хмыкнул юноша.

Ощутив холодок в груди, Шаки опустила глаза. Избавляться от платья колдунья перед сном поленилась. Ногам было жарковато — сапожки тоже на ней, да и волосы она, укладываясь, расплетает.

— Я ночью к тебе приходил. Тебя не было. Искал по всем этажам. Где ты пропадала? — строго спросил Клавьер.

— Ночью? Что тебе от меня понадобилось в столь поздний час, а? — ухмыльнулась чародейка.

— Уже неважно. Знаешь, это не дело — совсем юной девушке разгуливать по ночным улицам, на которых подстерегают полоумные маги с призраками и одержимыми! — вспыхнул юноша.

— Вижу, ты поддался всеобщему влиянию и тоже решил учить меня жизни, — фыркнула Шаки. — Вот и для тебя теперь не должно быть никакой разницы, где и с кем я пропадаю!

— Ах, значит, ты с кем-то была, — Клавьер закатил глаза.

— Что, задела, да? Или будешь читать мне нотацию о том, что я ещё мала для этого? Тогда вспомни, пожалуйста, себя! По-моему, тебе это не приходило на ум, когда ты отчаянно пытался меня совратить.

— Я бы вовремя остановился — раз. Ты, как и твоя семья, меня отлично знаешь — два. Ясно? — выпалил парень.

— Семья — это мать и отец прежде всего, а у меня ни родных родителей, ни опекунов! — ведьма сорвалась на крик.

— Прости, — простонал юноша, моментально остыв. — Сильно обидел? Я не нарочно, извини, — он прижал её к себе, поглаживая по голове и бормоча в ухо: — Правильно Кларисса замечает, не умею я говорить и думать одновременно.

Но красавица, которой недавно исполнилось пятнадцать, не закончила возмущаться:

— Ты мне предложил знакомить всех своих кавалеров с вами во избежание недоразумений? А я, между прочим, не настолько глупа, чтобы допускать их возможность. Вы обожаете диктовать, как мне себя вести, как поступать, с кем общаться, чего желать, а представляете ли, с кем дело имеете? Я для вас по-прежнему остаюсь беспомощным, несамостоятельным созданием без всяких представлений о мире. На днях я стала старше на год, а никто и не вспомнил! Сомневаюсь, что тут кто-то может сказать, сколько мне лет. Ты вот ответишь?

— Шестнадцать? — предположил пристыженный Клавьер.

— Почти угадал, — съязвила Шаки. — Отними один и получишь мой настоящий возраст. В общем, хочу до тебя донести: вы не понимаете, кто я, но точно знаете, что мне нужно. Разве не бред?

— Мы лишь за тебя волнуемся, — вздохнул парень. — Ты нам сама себя понять не даёшь, всё ото всех скрываешь.

— Вы не интересуетесь, — ответила ведьма уже спокойно, даже тихо. — Ты, кстати, зашёл ко мне, чтобы упрекать, или с какой-то другой целью?

— Я хотел проверить, вернулась ли ты, — Клавьер опустился перед ней, сидящей на постели, на колени, взяв Шаки за руки. — Мне не безразлично, что с тобой творится, честно.

«Открою я тебе свою тайну, раз настаиваешь, — решила она, наклоняясь, чтобы юноша мог поцеловать её. — Вот и посмотрим, действительно ли ты меня любишь. И Тинзо Цельсий».

Было девять утра, первый выходной на неделе. В замке все

привыкли вставать пораньше — тогда день кажется на пару часов длиннее, а лишнее время им последние месяцы не мешало. Больше не было необходимости проводить сутки над старинными книгами, но новые проблемы не давали отдыхать. Теперь надо вызволять пленников из Шекогана. Повелительница духов с её фанатиками — всеобщая зараза, король Ирвинг даже выделил несколько десятков отрядов боевых магов для наведения порядка, но в лаборатории отца супруги принца никто не сообразит искать, поэтому придётся справляться самим.

— У нас гостья, далеко не самая последняя леди королевства, — объявила Тина, входя в зал, используемый компанией как читальный, да и вообще как рабочий кабинет. Это была просто гостиная, одно из немногих помещений, где не наличествовало ни единого книжного шкафа, даже полки, но зато в креслах перед камином было удобно проводить время за чтением. Из памяти у всех стёрлось, почему зал превратился в подобное место — имелись в замке кабинеты, специально отведённые для таких целей. Наверное, они были рассчитаны на одного, а все отвыкли работать поодиночке.

— И кого к нам принесло? — Дашка, бившаяся над формулой контрзаклятия, не подняла головы, продолжая строчить в свитке.

— Тецарра Линеара Ильдевейс Рахона. Не поленилась ведь назваться полностью, — пренебрежительно поморщилась Тина.

— Да? — ведьма так резко выпрямилась, что задела чернильницу, тёмная жидкость закапала со стола. — Значит, случилось что-то важное, раз она решилась донести это до нас. Тецарра теперь в курсе всех королевских дел. Веди её сюда.

— По-твоему, я девочка на побегушках? — вызверилась приятельница.

Дашка, успокаиваясь, вобрала в себя воздух и выдохнула. Тина вредничает не по поводу самой просьбы — к дочери главного придворного алхимика стали относиться предвзято, когда она вышла замуж за Эзарию Чезигера. Девушка из банды просто не хочет оказывать ей лишние почести, хотя это и не почести даже, а уважение как к гостье.

— Можешь сама за ней сходить, — не отрываясь от прибора, с которым работала, прозрачного шара с непонятными делениями, линиями и отметками на поверхности, предложила Кларисса. В шаре шевелилось расплывчатое изображение, явно не чей-то портрет, и женщина, прищурившись, пристально за ним наблюдала.

Идея показалась разумной и Дашке, и Тине. Девушка умчалась на этаж выше, колдунья торопливым шагом отправилась вниз.

Факультетская староста была ещё бледнее, чем обычно. Она сильно похудела, красивые формы её фигура почти полностью утратила. Времени со дня свадьбы прошло совсем немного, наверное, несчастная молодая жена вообще ничего есть не могла. Видеться с ней Дашке приходилось постоянно, но ведьма не рассматривала Тецарру внимательно. Отмечала про себя, что та как-то осунулась, но особого значения не придавала.

Приветствовать колдунью вслух супруга принца не собиралась, как Дашка, впрочем, подозревала, спускаясь к ней. Зато взгляд оказался вполне красноречив. Исключительно непрошибаемая гордость, граничащая порой с глупостью, запрещала демонстрировать радость от встречи. Избранница Миротворцев хотела помочь ей подняться — неожиданно Тецарра отталкивать протянутую руку не стала. Когда староста оказалась в коридоре, ведьмы несколько секунд смотрели друг на друга, потом жена Эзарии решилась произнести:

— Здравствуй.

Ей улыбнулись, сохраняя улыбку до тех пор, пока не получили такой же ответ, и ещё столько же ждали, пока на её лице не появится просветление.

При виде сияющей Тецарры Кларисса, предварительно мельком глянув на гостью, даже отвлеклась от прибора.

— Такие хорошие новости? — хмыкнула женщина. — Ты… простите, вы — мне же следует к вам так обращаться? — это было сказано так добродушно, что Дашка не поняла, присутствовала ли во фразе колкость.

— Нет, — сразу помрачнела староста Дашкиного факультета, садясь на софу. — Вам уже известно, куда утащили Элли Винсент и других похищенных?

— В лабораторию Шекоган, — кивнула Кларисса. — Она в подчинении твоего отца, верно?

— Не спорю. Король Ирвинг, разумеется, в неведении, чем занимается его новый родственничек. По правде, в экспериментах Фаризе, той самой повелительницы духов, он участия не принимает, просто позволил проводить их в своей лаборатории, разрешил пользоваться всем, что в её половине, отведённой фанатикам. Однако уже немало. Я говорила Ирвингу, но папаша, кажется, успел рассказать ему, как он родной дочерью ненавидим, как эта мразь, то есть я, всеми силами старается его, бедного, утопить, — Тецарра скривилась. — Король обвиняет меня во лжи.

— Жестоко, — согласилась старшая колдунья. — Но ты не просто поделиться пришла. Хотела чего-то большего — мы внимательно слушаем. Ой, так *вы* или *ты?* — спохватилась она.

Всё-таки не сарказм.

— Вы, — выбрала Тецарра, — желая продолжать, женщина не дала, закончив свою мысль:

— А если вам и впрямь угодно просто раскрыть душу, ступайте с Дарьей в другой зал или в её комнату, не мешайте мне работать.

— Когда отправитесь за пленниками в Шекоган, возьмёте меня с собой? — мгновенно озадачила её и Дашку гостья. — Впрочем, это приказ. Я теперь имею право отдавать некоторые, — она ехидно улыбнулась Клариссе.

— Сожалею, но у нас нет гарантии, что ты не сдашь нас раньше времени, — отчеканила женщина вежливо, но холодно.

— Кому? Делать приятное папаше я не намерена даже за вознаграждение.

— О ваших взаимоотношениях никому ничего не известно. Вероятно, ты обманываешь нас, давя на жалость, — старшая ведьма принялась за прибор снова, поворачивая шар, закреплённый на подставке так, чтобы его можно было вращать. Ноготь скользил по нему, ища какое-то определённое деление. — Дарья, леди Чезигер упоминала о неприятностях с отцом?

— Если вас не затруднит, не называйте меня так, — Тецарра напряглась.

— А как? Перечислите варианты, я запишу и выучу, — плеснула яду Кларисса.

— Моё любимое имя, скорее даже, прозвище, известно только избранным, — с пафосом ответила молодая жена. — Вы же зовите как угодно, только не по фамилии принца.

— Будь по-вашему, — усмехнулась колдунья. — Дарья, леди Рахона упоминала о неприятностях с отцом?

— Да! — она ляпнула почти бездумно, но прозвучало короткое слово уверенно, пришлось и дальше играть.

Кларисса, судя по сердитому проблеску в тёмно-карих глазах и изогнувшимся губам, про себя ругнулась. Прибор опять был оставлен.

— От тебя тоже охота попросить доказательств.

— Отец Тецарры её обузой считает, — сомнения удалось окрасить грустью. — Для него членом семьи считается тот, кто является продолжателем семейного дела. А дочь алхимию не жалует, предпочитает чёрную магию.

— Не отрицаю, что с родителем леди Рахоне не повезло. Но опять же, слова и реальность остаются немного разными вещами.

— Вам нужно подтверждение? — Тецарре уже требовалось сдерживаться. Это давно вошло в привычку, однако сейчас староста ощущала внутри напряжение, будто сложную науку

владения собой только осваивала. — А как мне быть, если папочка уже года три меня не избивает? На моём теле нет следов рукоприкладства, а старыми шрамами похвастаться не могу — рассосались. Да и их я могла заполучить другим образом, без отцовского содействия. Вы мне, значит, отказываете?

— Вынужденно, — Кларисса встала, чтобы пройтись вокруг зала.

— Я представляю. Ответьте — это уже из праздного любопытства, — вы полагаете, будто я добровольно замужем?

Женщина как раз проходила мимо Тецарры, поэтому сразу обратила взор на дочь хозяина десятка лабораторий. Вопрос застал её врасплох.

— Если кто-то думает о людях хуже, чем они есть — у него должны быть какие-то причины, выпытывать которые невежливо. Что ж, до свидания.

Реакция её так поразила Дашку с Клариссой, что они позволили ей удалиться. Только когда исчез за дверью длинный шлейф тёмно-синего, почти чёрного платья, слишком роскошного для обычного дня, колдунья из Великой Троицы спохватилась: надо Тецарру проводить.

— Подожди! — она, словно кем-то преследуемая, вылетела на лестницу. Тецарра, остановившаяся пролётом ниже, посмотрела на неё и с неохотой задержалась.

— Мне безумно обидно, — Дашка сбежала по ступеням. Стоило расстоянию между ведьмами сократиться до метра, факультетская староста продолжила путь на первый этаж, красиво скользя ладонью по перилам.

— Ничего, переживу. Я с детства пребываю в мире вечных подозрений, заговоров. Теперь я нахожусь на высшем его уровне.

— Уже не хочешь травить супруга? — подопечная Миротворцев догнала Тецарру.

— Пусть он сначала вернётся. Ирвинг не говорит мне, куда он исчез и надолго ли, и другим запретил, — вздохнула Тецарра. — Я в королевском замке на правах круглой дуры.

— И сейчас ты туда возвращаешься?

Тецарра развернулась, положив локти на перила. Это была красивая, эффектная поза.

— Теперь моя жизнь там. Надо немного уподобиться окружающим, чтобы потом выстроить план по освобождению себя из неё. Быть отравительницей — задача непростая, если разворачиваются события в месте, напичканном высокопоставленными лицами и королевской семьёй.

— Ты, кажется, внушению поддалась, — пробормотала Дашка. — Тебя в эту грязь затягивает.

— Просто мы давно не общались, — хмыкнула Тецарра. — Я всегда такой была, ты что-то упустила или подзабыла.

— Тебя нет, — произнесла первокурсница жёстко. — Если точнее, есть ты для других, но не для самой себя. Я имела честь знакомства с твоей героиней.

— Мы давно единое целое, — молодая жена поплыла дальше. — Заявляй, что переигрываю, не обижусь.

— Возможно, когда-нибудь осознание и наступит. Ты всё-таки не безнадёжна, раз истину чувствуешь, — отметила Дашка.

Беседа прервалась, потому что все доводы и возражения исчерпались. Уже у выхода чародейка сообразила, что староста пришла без жезла — в такие-то дни!

— У тебя нет оружия? После нападения фанатиков тебе впору в каждой руке по посоху носить.

Тецарра на одном из рукавов задрала многослойные сиреневые кружева, обнажив запястье. На нём зеленел массивный браслет из двух тонких полос жёлтого золота, между которыми были закреплены крупные изумруды в оправе.

— Оберег от нечисти и призраков. Ирвинг подарил. Да, в том, что я теперь с ним родня, присутствуют и положительные стороны! Я оправилась после магической атаки усилиями лучшего королевского лекаря, у меня теперь этот чудесный артефакт одного из лучших в Альдане мастеров, а как попрошу — ещё появятся.

— Не посещала ли тебя идея заполучить вместо очередного оберега, амулета, жезла или посоха пару экзорцистов в охранники, чтоб и тебя защищали, и студентов Академии заодно. Только не говори, что все они заняты. Уж двух жене обожаемого сыночка король выделит.

— Дельный совет, спасибо, — Тецарра соскочила на балкон, Дашка осталась стоять в проёме. — Удачного вам дня! Побыла бы тут ещё, да меня ждёт карета!

Староста двигалась быстрой летящей походкой, отчего напоминала огромную диковинную птицу с хвостом-шлейфом. Ей, изредка меняющей клетки и хозяев, крылья так и не подрезали. Отношение ко всем было Тецарре навязано с детства и стало ей не близким сердцу, но практически никогда не снимаемой маской. Надежда на избавление от неё светит, однозначно.

Раздались шаги человека, который вышел из комнаты на втором этаже и спускался на первый. Дашка решила, что кто-то собирается покинуть замок: нижний этаж занимали спальни Алины и Теоны с Томасом, к которым никто не мог сейчас наведаться по причине их отсутствия, и зал, используемый в

основном для отдыха, потому что тут обычно было тихо, а заниматься такой деятельностью с утра как-то принято не было. Ведьма отступила в сторону, уступая место, чтобы дать выйти тому, кто собирался это сделать.

Но Николас лишь пожелал ей доброго утра и направился, сойдя с лестницы, к стеллажу, стоявшему в углу помещения, заставленному безделушками и книгами. Среди них покоился и магический шар, понадобившийся Николасу. Софа с маленьким столиком перед ней стояла рядом, он сел, поставив взятый с полки предмет, и негромко позвал:

— Скентия! Стой, — велел наполовину зомби, наполовину гомункул уже Дашке, — Беседа будет не настолько личная, чтобы я тебя выгонял.

Уходить ведьме показалось неудобным, его слова выглядели не разрешением, а приказом. Подслушивать также не хотелось, поэтому Дашка из ближайшего шкафа выхватила книгу и плюхнулась в ближайшее же кресло. Чтивом она загородилась от друга, затем была предпринята честная попытка углубиться в текст на раскрытых страницах — двенадцатая глава какого-то произведения. Голос старейшины Чёрных Гаваней, вырвавшийся из шара, помешал:

— Ого, приятель, откуда-то взялась срочность? Ты ведь помнишь, одиннадцать утра для меня рань. Но я пока добрый и не сержусь, ибо вчера… Ну в данный момент тебя это вряд ли интересует, — прервал сам себя Скентия.

— Расскажешь при встрече, — добродушно сказал Николас.

— Приглашаешь в гости? Если ты предполагаешь, что после визита у меня сохранится настроение для болтовни, вести, должно быть, хорошие?

— Мы послезавтра отправляемся в Шекоган. Название знакомое?

— Там трудился старик Веолаймер, — ответил красавец непонятным тоном, каким-то полувопросительным, голос его, всегда громкий и льющийся спокойным потоком, смялся. — Пока лаборатория не попала под руководство Дориана Ласкаро.

— Там, вероятно, сохранились какие-нибудь его документы. Ты остальных гомункулов профессора найти мечтаешь, знаю, они тебе как братья и сёстры.

— А ты — своего спасителя. Проклятье, ляпнул не то, — спохватился старейшина.

— У Веолаймера остались незавершённые эксперименты, невоплощённые идеи — ими кто-то обязан заняться. Стоят они того, — протянул Николас после вздоха. — Вообще хотелось бы мне получить представление о том, чем он занимался последние

годы. Отца мне заменил, всё-таки. Спустя век и два десятка лет его отсутствия.

— Я буду у вас в четыре часа.

— Где тебя встретить?

— Нет необходимости, сам доберусь.

Связь пропала по инициативе старейшины. Дашка, не удержавшаяся, чтобы не глянуть на разговор, заметила: Николас намеревался добавить что-то ещё или банально (но от души) попрощаться.

— Ты… Специально попросил меня остаться?

— Нет, — он сдёрнул плащ с лица. Не врал. — Просто все вы имеете право на правду.

Глава 23 Каджайя, собирательница кошмаров

У команды путников это стало обязательным ежедневным занятием — спускаться в подземелья Города, бродить там от одного торговца памятью к другому, но на сделку не решаться.

Так и сегодня. (Впрочем, суток здесь как таковых не существовало, часов компания нигде так и не обнаружила, поэтому дни разделяла перерывами на сон). Они обошли все пять подземных ярусов, словно гигантское здание. Действительно, вместо неба глаза упирались в высокие потолки, выложенные, как и полы со стенами, кирпично-красной плиткой и мозаичными изображениями; полыхали наверху массивные люстры. Внутри одного этажа было ещё множество беспорядочно разбросанных галерей, на перилах кое-где сидели демоны и горгульи, которых жители Рации держали вместо домашних животных. Здания тянулись аккуратными рядами, теснясь так, что между ними невозможно было обнаружить ни единого проулка. Парки и аллеи отсутствовали, зато булькало лавой и водой множество фонтанов.

В подземельях царил невообразимый гвалт ввиду того, что с каждой галереи обозревалось штук двадцать других, где кто-нибудь то и дело замечал приятеля и тут же что-то ему орал. Гулко отдавались о плитку шаги, со всех сторон летели обычные разговоры — простая, по сути, жизнь, но открытая, распростёртая, влезающая в уши наперекор желанию тишины.

Молодых супругов и преподавателей Магической Академии все узнавали, к их неудовольствию и раздражению. Никто не лишал себя маленькой радости уколоть, а то и вовсе оскорбить смертных. Видениями баловаться прекратили — теперь развлекались тем, что, идя навстречу кому-либо из компании, превращались в человека, принёсшего когда-то ему немало боли. Это опять же делалось так, чтобы видел только тот, чьему прошлому образ принадлежит. Первое время странники не хотели посвящать друг друга в подробности собственных кошмаров, но потом мнение сменили.

Ада отшатнулась от эльфа, приветственно раскинувшего руки. Женщина сделала это неудачно, споткнувшись, её успел подхватить Томас. Он помог ей сесть на скамью.

— Не ожидали, что у меня, непоколебимой, слабости обнаружатся? — хмыкнула профессорша, переведя дух. — Да и слишком у меня безоблачные детство и юность были, чтобы ими же меня пугать.

— Ума не приложу, кто это был? — София поглядела вслед удаляющемуся эльфу, напоследок пославшему Аде воздушный поцелуй. — Бывший муж? Брат?

— Не догадаешься. Мой преподаватель чёрной магии. Целый год мне покоя не давал. Сравнительно немного, но для меня, девчонки, которая в семье являлась главным сокровищем, не слышала, чтобы на неё хоть разок прикрикнули, было достаточно.

— Жестоко с тобой обращался? — спросила Теона.

— В том числе, — кивнула Ада. — У них с папой ужасные отношения были. Тот колдун, Регайс, на моего отца зол был невероятно. Оба некроманты, они держали по некрополису. Отцовское поселение нежити развивалось, став одним из лучших в Элиорамии, а Регайс своё вынужден оказался закрыть и уничтожить, потому что оттуда поползла какая-то зараза, из-за неё в трёх городах эпидемии вспыхнули. Его чуть в тюрьму не швырнули на десять лет за халатность, породившую болезни и смерти, папа Регайса вызволил.

— И в благодарность он тебя изводил? — возмутившись, перебила её священница.

— Зависть сделала тёмного мага умалишённым, — произнесла женщина жёстко. — Отец одолжил ему средств на строительство и обустройство нового некрополиса, Регайс всё принял, но изнывал от пречёрной зависти. Изображал же подлец признательность, любовь и уважение. Вызвался обучать меня магии, якобы чтобы отплатить папе хоть чем-то, и осуществлял своеобразную месть бывшему другу, измываясь над его дочерью.

— Не другу. Был бы друг — зависти не нашлось бы места, — вклинилось в монолог Ады мудрое замечание Десмилии.

— Я, несомненно, жаловалась на Регайса, но папа, проводивший с ним тогда слишком много времени, организовывая ему всё, полагал, будто девочка, привыкшая к постоянному вниманию, невзлюбила учителя, который отнял у неё большую долю этого блага, — молча признав правоту коллеги, некромантша продолжала, — и хочет настроить отца против него. — Год родитель терпел мои жалобы и даже угрозы — я обещала сбежать из дома, если меня не избавят от «преподавателя». На одном из занятий Регайс совсем распустился и чуть было не надругался надо мной. Я смогла защититься, и папу, разумеется, насторожило, что урок завершился для приятеля расцарапанным лицом, а для дочери — синяками. Он-то решил, будто девочка совсем от рук отбилась. На следующее занятие он зашёл без предупреждения. Вообще первый раз к нам заглянул. Вот и прозрел…

— Лет тебе сколько было? — проронил Томас.

— Пятнадцать, — так же непринуждённо ответила Ада. — Вот думаю, может, продать это воспоминание?

— Всего сразу мы за него не получим, — заметила София.

— А своё ты ни за что продавать не согласишься.

— У вас есть кошмары прошлого, чтобы поделиться? — прозвенел под ухом брюнетки радостный голосок.

Старуха, неслышно подошедшая к компании, была на полторы головы всех ниже. На лице нездорового землистого цвета чернели выпученные круглые глаза и залегали глубокие морщины. Голова держалась на тоненькой шейке. Белоснежно-седые волосы оказались неожиданно густыми и длинными, были заплетены в косу, а та их часть, что волочилась по земле, просто в нескольких местах перевязана. Платье странного покроя поражало новизной и дороговизной: двухслойное. Верхний слой, чёрный, изодран, сквозь прорези алел бархат нижнего. По чёрному корсажу разбегалась красная вышивка, в цвет ей была шнуровка. Теребила старуха чётки из чёрных и красных шариков, ногти окрашены по очереди чёрным и алым.

— Я чувствую, есть, — противное создание порвало верёвку, шарики, сползая с неё, перекатились все в ту ладонь, что коротышка держала снизу.

— Мы не готовы отдавать их, — заявила Теона.

— Решение остаётся за мной, — возразила старуха, тряхнув костлявым пальцем.

Кулак, державший то, что несколько секунд назад было нанизано на толстую нить, разжался. Падая на рыжую плитку пола, шарики рассыпались в чёрно-красную пыль, сразу взметавшуюся в воздух. В ней проступали изображения людей: мистер Мортис и Эвилана, принёсшие страдания Теоне, девушка, демонесса, женщина и мужчина, каждый был знаком только одному человеку из компании.

— Они не станут возражать, если окажутся моим орудиям пыток, — протянула неприятная особа. — Верно, Алия?

Девушка, высокая стройная шатенка, кареглазая, скуластая, с гривой прямых прядей шоколадного оттенка, едва достающих до лопаток, прекратила играться сверкающим кинжалом и уставилась на старуху:

— Ты кто?

— Каждайя, — представилась та. — Прости, но я уже умерла и ты меня не прикончишь.

— Хочешь чего? — ощетинилась воительница с отвратительной славой. — Из-за твоего колдовства у меня мигрень.

— Забыла уже физическую боль? — вспыхнула София.

— Вежливости ты так и не научилась, — усмехнулась Алия Ави, одновременно морщась и хватаясь за голову. — Каджайя, поведай уж, с какой стати мне потребовалось лицезреть тебя в облаках. Красивый закат был, а ты всю гармонию нарушила.

— Хамить духам Риции — дело безрассудное. Или ты соображать сама тоже отвыкла, за тебя всё бедные дети обдумывают? — хмурилась демонолог. — Экзорцистов, способных защитить твою никчёмную душу от призраков, в Отряде Смерти никогда не было.

— Ты просто не застала, — промурлыкала неродная сестра Айрис.

— Довольно, — остановила их старуха. Шарики подпрыгнули и нанизались на верёвку, обернувшуюся вокруг запястья — чётки снова стали целыми. Пыль осела на пол, втянувшись в щели между плитками. — Пройдёмте в мою обитель, — она указала на двухэтажный дом напротив.

У компании не было иного выбора, кроме как подчиниться. Двери распахнулись сами по кивку Каджайи, за ними обнаружился просторный холл. Хозяйка вошла, естественно, первая, а за спиной Ады, вошедшей последней, они захлопнулись, только женщина ступила с улицы в здание. Часть пышной юбки роскошного алого платья осталась зажатой. Пару раз профессорша дёрнулась, потом вынуждена была окрикнуть всех.

Обернулись только друзья. Старуха, миновав зал и поднявшись по невысокой лестнице ступеней из десяти на узкую площадку перед дверью в какое-то помещение, взглядом заставила её отвориться и преспокойно продолжила путь по дому. Аде пришлось сделать рывок сильнее, простившись с изрядным куском подола.

Смертных привели в комнату, одновременно и лабораторию, и кабинет. Приборы с пробирками ютились на обычном (то есть не совсем обычном, а весьма дорогим) письменном столе. Второй такой же использовался по назначению и был завален свитками. Аналогично дело обстояло с книжными шкафами: один отведён действительно под фолианты, второй — под ёмкости с веществами для алхимических опытов. В комнате имелся камин, где по велению старухиной магии взвилось изумрудное пламя. На камине стояли чучела гарпий, заставившие компанию ахнуть от ужаса. Эти создания людьми не считались, но лица-то всё равно человеческие…

— Это подарок одного гостя из вашего мира, — пояснила Каджайя, увидев, что на них смотрят. — Скоро обзаведусь ещё драконьими детёнышами нескольких видов, мне обещал сам принц за небольшую, совсем не трудную для меня услугу.

— Эзария всё-таки здесь, — вздохнул Томас.

— Мальчик жаждал встречи с леди Сагреной, — старуха, вертясь, пересчитала кресла и стулья в комнате, поняла, что одному из подневольных гостей будет негде устроиться и щелчком материализовала кресло, возникшее посреди лаборатории-кабинета, за Десмилией. Бесполое нечто, подумав секунду, село.

— Наши кошмары вам нужны, чтобы мучить её? — озарило Софию.

— Слово ты подобрала не вполне верно. Сделав принцессу безумной, мы избавим её от страданий, которые она могла бы испытывать, сохранив способность рассуждать.

— Я вам ни дня воспоминаний не отдам, — процедила профессорша.

— Для лучшей подруги жалко? — издевательским тоном упрекнула её хозяйка. — Она же по тебе истосковалась!

— Можете забрать воспоминания их всех, но моё трогать не позволю, — демонолог приподняла руку, привыкнув, что у неё там всегда жезл. Под ухмылку старухи молодая женщина опомнилась.

— Моё, войну с Эвиланой и её демонами, тоже не надо, — помрачнел Томас.

— Хватит сравнивать, у кого эпизоды прошлого хуже, — поморщилась его жена. — Простите нас, леди, помочь вам мы ничем не сможем, — сказала священница Каджайе.

— Кто тут заговорил! — воскликнула старуха, обходя супругу некроманта. — Вы и есть Теона Винсент?

— Да, — оторопела волшебница.

— Согласна, есть, из-за чего проявлять непонятную мне до этой минуты активность, перебираться в Рицию, заботиться, чтобы леди Сагрена как можно быстрее лишилась рассудка, — забормотала старуха. — Ты красива, мила, воистину очаровательна и, судя по всему, глупа — идеальная половинка для создания семьи.

— О чём вы? — спросил Томас быстро, фраза вылетела из него, будто он её выплюнул как какую-то мерзость, выражение лица соответствовало.

— Дорогой, ты как муж прекрасной Теоны мешаешь принцу, поэтому ему необходимо, чтобы брак твой прекратил существовать. Нет будущей королевы — незачем вам будет скитаться по царству мёртвых, вы вернётесь в Альдану, и ты заживёшь с Эзарией счастливо.

Томас, повергнув компанию в шок, расхохотался:

— Чтобы переманить к себе Теону, ему следует не доводить

до сумасшествия Даниэлу, а убить меня!

— Высокое у тебя самомнение, — усмехнулась Каджайя. — Полагаешь, ты ей так нужен, что она не уйдёт к тому, кого любит, даже когда отпадёт необходимость оставаться с тобой?

— Вы недооцениваете Теону.

— Подождите, — насторожилась Ада. — О какой любви вы говорите?

— К несравненному принцу Чезигеру, конечно! — старуха, очевидно, больше беседовать намерена не была, ей не терпелось приступить к делу, ради которого она привела сюда смертных. Хозяйка устроилась за столом, отведённым под алхимические препараты и приборы, взмахом кисти подманила со второго чернильницу с пером и пергамент, где одной рукой стала что-то писать; другая принялась придвигать пробирки, нужные в процессе деяния.

— Но это не так, — пробормотала женщина неуверенно. — Теона, или Каджайя лжёт, или ей солгал Эзария, верно?

Теона покачала головой. Ей стало очень плохо, все растерянно следили, как стремительно меняется её настроение, но только в Десмилии с Томасом всколыхнулась жалость. Профессорши изнывали от подбирающегося к горлу гнева.

— Вину признаю, — прошептала священница с трудом. — Со времени гибели Дмитрия и полгода не прошло, а я уже… Проклятье, причём тут он, — её охватывала истерика. — Томас, прости, я обязана была смириться, но…

— Она вправду не осознаёт, — поддержка внезапно подоспела от декана чёрных магов.

Священница кинулась прочь из комнаты — двери её не выпустили. София с Адой с неприязнью в глазах, не к молодой женщине лично, но к той части её души, что была сейчас задета, наблюдали, как она дёргает ручку, Томас отвёл жену в сторону, обняв. На его груди Теона и разрыдалась.

Пока он пытался вернуть её в чувство, Каджайя закончила приготовления. Взяв пробирку с чем-то бордовым, старуха подошла к Теоне:

— Пей, — приказала коротышка.

— Не смей даже нюхать, — вызверилась демонолог. — Если в твоё воспоминание погрузят Даниэлу и она в результате тронется умом, я тебя в ближайшем фонтане утоплю. Итак из-за тебя над ней опасность висит.

— По сути ты обвиняешь её в том, что ей совершенная красота досталась, — остановило выпад замечание Десмилии. — Вряд ли Теона сама на принца заглядываться стала. Девушка лишь ответила ему взаимностью, такой уж у неё странный

характер, не нам судить.

— Мне силой тебя заставлять? — напомнила волшебнице о приказе хозяйка.

Одобрения действиям, требуемым Каджайей, жена Томаса в выражениях друзей не нашла и оттолкнула протянутую пробирку. Жидкость выплеснулась на платье старухе, мокрые пятна сразу рассосались.

Хозяйку протест не разозлил, однако взгляд Софии по-прежнему был испепеляющим. Непокорность смертных духов Риции может не приводить в бешенство открыто, но желание воплотить намерения насчёт них распаляет непременно. Теона ощущала себя в ловушке. Как бы она ни поступила — профессорша рассердится. Никому из компании сердиться нельзя.

Каджайя налила новую дозу непонятного зелья. Теперь она не просто поднесла его священнице, а впихнула в руку, загнув её пальцы вокруг тонкого сосуда. Не контролируя волшебницу, хозяйка вернулась к столу за пробиркой для Софии, что явно предполагалось как издёвка.

Единственное шевеление профессорши было на лице, прищур и презрительный оскал, ведьма-алхимик вовсе замерла, держа пробирку возле рта женщины. Ещё пара сантиметров, и стекло коснулось бы губ.

Оборвалась тишина по воле хозяйки: старуха бросила сосуд на пол. Из лужицы зелья жидкость потянулась наверх длинным канатом. Объём вещества заметно превысил тот, что изначально был в пробирке — им теперь можно было заполнить бутыль литров на семь. «Канат» обвил шею Софии, женщина схватила его, раздалось хлюпанье — но от места, куда вцепились пальцы, поползли по руке тонкие верёвки, примотавшие её к телу.

— Ты не умрёшь, — Каджайя собрала в ладонь осколки, конечно же, не нагибаясь, а магией. — То есть здесь и сейчас — да, но когда тебя доставят в Альдану, ты очнёшься, но память сотрётся начисто. Если учесть, что ты в ней хранишь, то с моей стороны великая милость так поступить.

— Глоток дряни, предлагаемой нам, каким-то образом сделает наши кошмары доступными вам? — София посмотрела на необычные путы, не позволяющие ей для избавления от эмоций ударить хозяйку.

Коротышка сообразила, зачем ей адресовали вопрос. Даст она правдивый, отрицательный ответ — профессорша примет немного зелья, чтобы хоть на пять минут ведьма от неё отстала. Их Софии может хватить на умную мысль, касающуюся выведения её, Каджайи Ремальдии Авилиары, из строя, и последующего побега, не через дверь, подчиняющуюся исключительно магии хозяйки

дома, так через окно, способное открываться традиционно. Даст отрицательный — демонолог будет упираться, пока не убьёшь, а убьёшь — толку с тела никакого не будет.

— Нет, — решилась не скрывать старуха. Возможность всё-таки ещё не стопроцентная гарантия.

— И как прикажете ЭТО употреблять?

Каджайя наполнила третью пробирку. София её ополовинила, и «канат» стёк с неё. Остаток зелья ведьма вручила Аде. Женщина, взяв пример с коллеги, рискнула выпить. Потом и Десмилия с молодыми супругами получили бордовое вещество.

— Скоро вам сделается немного нехорошо, — уведомила компанию хозяйка. — Вы поживёте у меня. Вам понравится. Зерида, Келорит! — позвала старуха.

Из стены вылетели призраки, эльфийка, вся в чёрном и с чёрными прямыми волосами, и парень-блондин в зелёной форме хранителя закона.

— Дорогие гости? — глумливо поинтересовалась эльфийка. — Оказать приём получше?

— Среди них присутствует будущая невеста принца и её коллеги, — добавила ведьма, веля дверям открыться.

Кабинет-лаборатория опустел за считанные мгновения. За призраками смертные пошли на второй этаж. В коридоре Теона вдруг обратилась к ним:

— Вы у Каджайи прислуга?

— Ага, — проронила эльфийка. — Не совсем, но что-то вроде этого.

— В Рициии же у всех абсолютная свобода! — удивилась волшебница.

Призраки остановились. Парень предложил компании выбрать по комнате, указав жестами, из каких именно и пробормотав какие-то пояснения. А эльфийка сказала:

— Мы и в Альдане её слугами были. Привычка!

— Не самая лучшая, — упрекнула её священница.

— Нашла с кем просветительные беседы вести, — фыркнула Ада. — Раз были в прошлой жизни негодяями, жалеть их не стоит.

— За что же вас не пустили в Аркену? — не унималась Теона.

— Нормальный обряд Упокоения над нами не совершили, — встрял парень. — Кому-то из родных старухи, уже развлекавшейся в Рициии, пришла идея: отправить нас в тёмное царство мёртвых, прислуживать ведьме дальше. Всяко привлекательнее такая участь, чем превращение в демонов.

— Вам же плохо тут! — воскликнула супруга некроманта. — Существовать среди мерзавцев, слушать их хвастовство

убийствами, кровопролитиями и экспериментами на людях…

— Такая блажь распространилась среди приятелей Каджайи, — парень возобновил невесёлую историю, — они до своих друзей донесли, и пошла мода по землям королевства. Докатились до крайности. Умирает хозяин — умертвляют всех его слуг и кидают в Рицию.

— Ты был слугой? Почему на тебе форма человека, который не хозяевам служит, а королю? — обратила внимание Ада.

— Всё неудавшийся побег, — подозрение его ничуть не обидело. — Вырваться с территории поместья нельзя было…

— Вы что, как рабы там жили? — не дала ему договорить изумившаяся Теона.

— Именно. К счастью, те, кто были действительно слугами с долей прав и имели в числе обязанностей слежку за рабами, всех нас не помнили. Однажды к старухе явились хранители закона. Я и Келорит убили двоих, забрали форму и улизнули. В тот день проводили обыск, хранители то приходили, то уходили, царила невообразимая суета и мы особо не выделялись.

— Келорит — это ведь ты? — спросила Теона эльфийку.

— Я не похожа на стража порядка, это подразумеваешь? — грустно улыбнулась та. — Но среди зелёных мантий можно кого угодно встретить. — Некоторые эльфы ещё не простили людям деяний короля Алозиана, поэтому у них считается особым шиком податься в хранители закона, чтобы отомстить ненавистной расе как следует. Так что я в форме никого не удивила. Когда мы удалились от поместья на достаточное, по нашему мнению, расстояние, я сняла её из-за невыносимой жары. И повстречался нам один из управляющих, которому бросились в глаза спокойно беседующие хранитель и эльфийка. Вечером умерла старуха, поместье отошло её сыну, который на рабах оттачивал технику магических атак. Спустя неделю и нас не стало.

— И здесь вы уйти от Каджайи не можете?

— Из Рициии духов можно изгонять, — просветил её Зерида. — Выставляют в мир смертных, допустим, тех, кто вдруг раскаиваться стал. И с нами поступят так же.

— Ну и порядки тут, — поразился Томас. — Ладно, спасибо вам. Теперь, как я понял, нам надо сидеть и ждать, пока не наступит эффект от зелья?

— К сожалению, — вздохнула Келорит. — Вы голодны?

— Благодарю, аппетит давно пропал, — вызверилась София.

— Мы ещё заглянем, — пообещал парень. — Отдыхайте, если сможете.

Призраки удалились сквозь стену. Сразу сделалось не по себе. Из-за тишины складывалось впечатление, будто странники в

замке одни.

Когда все распахнули окна в предоставленных комнатах, роскошных и просторных, неприятные ощущения в душе отступили: уличный шум расслаблял. Занятие у смертных имелось сейчас единственное: наблюдать за жизнью, текущей за стенами дома. Оно неизбежно навевало на мысли о том, как может быть обманчива внешность. По Городу ходили сотни обитателей загробного мира, большинство из них — вполне милый народ. Шокировало обилие девушек, нежных, цветущих созданий с невинными глазами. Всё это преступницы.

В сопровождении Зериды и Келорит появилась Каджайя, покинувшая дом. Слуги приняли телесный облик и шагали по обе стороны от хозяйки. Сложно было догадаться, что они подневольны. Посреди улицы троица остановилась, к ним приблизился лысоватый толстяк, невысокий, но всё равно значительно выше Каджайи, с ним был паренёк, которому на вид и шестнадцати-то не исполнилось, неаккуратный, босой, походивший на бродягу. Рубаха и штаны юноши пестрели заплатками, заметными издалека — настолько не подходили по цвету. Томасу и Теоне подумалось, что он тоже слуга. Много ли в Рицции таких: обездоленных, несчастных? Не сговариваясь, супруги начали выискивать среди горожан тех, кто выглядел не таким довольным загробной жизнью, как остальные. Вышла из лавки девушка с магическим шаром — кто знает, вдруг не себе, а хозяину покупала? Вон стайка детей бежит. Ну что можно успеть сделать за десять с небольшим лет земной жизни? Ребятня в Рицции встречалась крайне редко, компания только раз углядела в толпе мальчика. Теперь скорее верится в то, что он был жертвой прихоти какого-то богача, чем в его злодеяния.

— Если этот мир создали, значит, его и уничтожить как-то можно, наверное, — рассуждение декана чёрных магов прозвучало внезапно, Теона с Томасом не заметили, что Десмилия стоит в проёме и смотрит на них.

— Не представляю, как маги умудрились сотворить Рицию, — некромант отодвинул портьеру ещё дальше, чтобы проникало больше света, и сел, закинув ногу на ногу, в одно из трёх кресел, полукругом расположенных в углу. — Целое измерение, целая страна.

— Разрушать проще, чем созидать, — парировало нечто неопределённого пола, устраиваясь рядом.

— Тёмное загробное царство давно стал неотъемлемой частью нашего огромного мира: Альданы, Неизведанных земель, территорий риксов и Аркены. Неизведанные земли теоретически можно подчинить, риксы свои территории превратят в

государство. Нельзя отрицать, что Альдана распадётся на отдельные королевства или будет захвачена теми же риксами. Только Аркена была, есть и будет, так и с Рицией, — возразил некромант.

— Мир предков — святое, оттого с ним ничего не случится. Рития для них противоестественна, должна прекратить существование. Но от моего мнения ничего не изменится.

— А вдруг? — Теона бросила созерцание улицы и опустилась в последнее кресло. — Чёрная магия когда-то не признавалась, эльфы населяли всю Альдану, Большой Мир считался выдумкой полоумных. Но кто-то решил переделать то, что имеется.

— Потому что никому не удалось переделать его.

— А мы и не пытаемся, — хмыкнул Томас.

— Для этого необязательно что-то предпринимать. Достаточно равнодушия. Оно даже лучше: когда тебе возражают, хочется назло продолжать, а если молчат, интерес сам по себе угасает.

— Ты умные вещи говоришь, только редко, — некромант беззлобно усмехнулся.

— Вы от меня редко именно умности слышите или вообще мою речь? — бесполое существо поправило приятеля, не из-за занудности, а в шутку.

— Ну прости, сказал коряво, — супруг священницы воспринял замечание должным образом, без обиды.

— Будто вам очень нужно, чтобы у меня рот не закрывался.

— В самом деле, Десмилия, от тебя мы узнаём слишком мало, — протянула Теона.

— Любовь к разговорам, пустым и не совсем, у меня давно пропала.

— Сболтнул кому-то лишнего? — полюбопытствовал Томас.

— Нет. Причину моей молчаливости нельзя объяснить и коротко, и понятно.

— Я согласен на «понятно, но длинно», — усмехнулся колдун, щурясь от связки солнечных лучей, влезших в спальню.

За окном солнце неправдоподобно больших размеров, сочное, восхитительно-золотое, добралась до высшей на сегодняшний день точки. От бликов светила раскинувшееся море казалось белым. Надо было постараться не заметить столь неповторимой красоты! Одуряющий морской запах заставлял забыть мага, в какой реальности он находится, напоминало лишь назойливое солнце.

Не захлопывая окно, Томас задёрнул портьеры, оставив неширокую яркую полоску между ними. Жена внезапно воспротивилась:

— Ты зачем? Не видно же ничего!

— Как будто сквозь ослепляющий свет можно было что-то разобрать, — рассердился некромант, плохо осознавая это.

— Свет? Ночь на дворе, звёзды! Где ты ещё такие звёзды увидишь и северное сияние! — тут священница повела себя наглейшим для неё образом: сорвалась с кресла, отпихнула Томаса и вернула портьеры в прежнее положение.

В небе заколыхалось множество цветов холодных оттенков, распростёртых до линии горизонта в зигзагах хвойных деревьев.

— Ночь? Солнце? Второго в Рицции как такового нет, а первого не может быть в подземелье!

На Десмилию зелье Каджайи ещё не начало действовать, как и на влетевшую в спальню супругов Аду.

— У Софии галлюцинации, ей мерещится, будто этот дом стоит на опушке леса, — сбивчиво протараторила женщина, затем выпрямилась, отдышавшись, и констатировала, что не только у госпожи Риккен, но и у леди Винсент и Томаса. Солнечный день, северное сияние… Да зима, наконец, наступила!

Глава 24 Два дня спустя

Необычное было ощущение. Тела не чувствовалось, но по коже лица скользил приятный прохладный ветерок. Перед глазами всё расплывалось, однако уши улавливали ненавязчивую тихую музыку.

— Вам хорошо? — донёсся откуда-то низкий женский голос.

— Наверное, да, — протянула Алина. Язык был неподатлив, говорила волшебница с некоторым трудом. Так бывает сразу после пробуждения, поэтому она не жаловалась.

— Значит, что-то беспокоит? — принялась выпытывать заботливая леди.

— Нет, — сказал Арвелла за чародейку, впрочем, сама Алина не произнесла бы иного.

Всё удивительно. Кажется, компания долго спала и накопила много сил. Невозможность пошевелиться ничуть не смущала, настроение было прекрасное.

— Желаете чего-нибудь?

— Нет, — теперь напомнил о себе Дорфеан.

— Не хотите мне вопросы задать? Любые, — женщина не успокаивалась.

— Где мы? — произнесла Хельдеара.

На ответ леди неожиданно поскупилась. Потом каждый из пленников (правда, никто из них не помнил, что таковым является) вздрогнул оттого, что в грудь ткнулось что-то горячее. Музыка заиграла громче, ветерок усилился. Поток воздуха набирал скорость до тех пор, пока его свист не перекрыл нежную мелодию. Компания снова заснула.

Джарома, та женщина, хлопотавшая вокруг неё, телепортировалась в другую лабораторию. Жезл, которым она касалась каждого из предполагаемых рабов, полностью безвольных, ведьма с яростью швырнула в сторону, забыв, что стоявший там стол позавчера перетащили в другой угол помещения. Раздался звон бьющихся пробирок: дверцы шкафа оставили открытыми.

— Профессор Минарви! — возмутился коллега Джаромы, настраивающий одни из многочисленных приборов, занимавших половину его рабочего места.

— Они безнадёжны, — нервно бросила женщина, — всё ещё догадываются, что находятся не там, где следует.

— Срок маленький, — проронил мужчина, подходя к шкафу, куда попала ведьма, убирать осколки. — На подобные превращения обычно требуется неделя.

— По нашим расчетам, должно было получиться через два дня, — огрызнулась Джарома. — Госпоже нужны результаты как можно скорее.

Переубеждать вздорную колдунью все алхимики этой лаборатории устали, потому возражать ей не стали. Женщина была одним из самых молодых сотрудников во всём Шекогане, но самым одарённым, да только характер имела отвратительный, после каждого замечания грозилась уволиться, злость срывала на коллегах, скандаля так, что в лабораториях за стенами получали полное представление о том, чем Джерома в очередной раз недовольна и кто её вывел из себя. Из всех сторонников Фаризе она была самой ярой, её стремление угодить повелительницы вызывало понимание остальных алхимиков той половины Шекогана, что работала на госпожу, одновременно с раздражением.

Пропетляв между столами, Джарома добралась до окна, единственного в помещении. Эта лаборатория располагалась на втором этаже огромного величественного здания, замка из серого камня, и женщине было хорошо видно, что творится внизу на улице. Там на миниатюрной площади Фаризе строила группу фанатиков в их пугающем облике: с растрёпанными волосами, которые с недавних пор сторонники должны были ещё и осветлять, в драных мантиях небесного цвета, с безумным гримом. Главарь что-то докладывал ведьме. Джароме хотелось оказаться с ними, причём на месте лидера, так же радовать повелительницу отчётами о последних достижениях. Тот тип, судя по скривившимся губам госпожи, говорил больше о неудачах, чем об успехах. Джарома снова злилась: неужели трудно выполнить всё, как просила Фаризе?

— Минарви! — позвал женщину вошедший хозяин Шекогана. Отвлекать алхимиков, пребывающих в подчинении повелительницы духов, запрещалось, но не строго.

— Да? — грубо отозвалась женщина.

— Возникли проблемы в пятнадцатой лаборатории. Ты подобные трудности устранять умеешь, я знаю.

Озвучив причину визита, Дориан усмехнулся. Мужчину позабавила нескрываемая радость, возникшая в глазах магов. Избавление от несравненной в своей склочности Джаромы — просто подарок со стороны хозяина.

— Крайдис опять что-то взорвал? — презрительно поинтересовалась женщина, когда вышла с Дорианом на лестничный пролёт. Она терпеть не могла всех алхимиков Шекогана вместе и каждого по отдельности.

— Всё серьёзнее, — Дориан не стал описывать подробности.

Пятнадцатая лаборатория отличалась от остальных мозаиками на стенах. Изображены были три парня и две девушки. Одна леди сжимала в отставленной руке огромный меч, упирающийся концом в землю, вторая держала лютню. У молодых людей имелись охапка свитков, посох с жезлом и пухлая дорожная сумка. Внешностью всех художник наделил необычной: у каждого были неестественный цвет волос и глаз и красная отметина, эмблема Шекогана, на теле. Воительница получила алые мелкие кудри, оранжевые очи и знак на предплечье, девушка с лютней — светло-зелёные локоны и фиолетовые глаза, символ выделялся на запястье; странник мог похвастаться сиреневой шевелюрой, розовыми кольцами вокруг зрачков и отметиной на груди; волосы человека со свитками изумительно синели, а радужки были красными, как у вампира (отсутствие клыков парень показывал в улыбке), у него одного отметина нигде не виднелась. Гладкая, но пышная грива мага была ярко-оранжевой, глаза — жёлтыми, символ лаборатории чёлка ещё не скрывала…

— И ради чего же вы оторвали меня от эксперимента? — Джерома влетела в пятнадцатую лабораторию, так толкнув дверь, что она с грохотом ударилась о стену. — Из-за этого?

Она подразумевала то, что некоторые камни, находящиеся в мозаике (в посохе Скентии, на ожерелье леди с лютней, на рукоятке меча воительницы, на поясе странника и на кольце парня с пергаментами) стали испускать мерцающий свет.

— Вы не по этой ли причине меня сюда вытащили? — насторожилась Джарома. — Вы ошиблись, господин Ласкаро, мне сияние ни о чём не говорит. Кто на мозаиках — тоже не ведаю. А я, чтоб вы знали, занята выполнением поручения повелительницы духов, некогда его откладывать, чтобы выяснить.

— Тут изображены пятеро последних гомункулов Веолаймера Кердена. Алхимик прославил Шекоган тем, что в наших лабораториях сделал несколько лучших своих открытий, — спокойно пояснил Дориан.

— Биография старика мне не интересна, — фыркнула ведьма. — Чего от меня хочешь?

— Ты ведь практикуешь магию Вуду? — ласково спросил хозяин лаборатории.

— Да, как и повелительница.

— Кумиру подражаешь? — хмыкнул отец Тецарры.

— Пытаешься оскорбить Фаризе? — завелась Джарома.

— Конечно, нет. Итак, — Дориан резко уклонился от опасной темы, — на свои создания Веолаймер возлагал какие-то особые надежды. Гомункулы разбрелись по королевству, у них разная

жизнь. Алхимик их не удерживал. По его замыслу, они должны в нужный момент объединиться, найдя друг друга. Подозреваю, этот момент настал. Не исключено, что гомункулы соберутся расправиться с Фаризе. Старик ведь был на стороне тех, кто по законам предков живёт.

— Что мне нужно сделать? — строптивость женщины мгновенно исчезла.

— Ты можешь убивать людей колдовством Вуду, довольствуясь лишь их изображением, или тебе необходимо видеть жертву живьём или в магическом отражении?

— Сейчас мне мозаики не хватит для избавления госпожи от угрозы, — подхватила его мысль Джарома. — Я попробую поставить в известность саму повелительницу.

— Сегодня Фаризе не в духе, — усмехнулся Дориан, выглядывая в окно. У подоконника толкались уже две девушки, обсуждая ведьму, вознамерившуюся сделать одержимых и призраков своим оружием массового поражения. Джарома, на их счастье, не слышала: говорили они тихо, находились от неё, остановившейся у двери, на приличном расстоянии, звон пробирок, маленькие взрывы, бормотания и перекрикивания коллег заглушали щебетание девушек.

Женщина поспешила к окну тоже, сообразив, что внизу творится нечто достойное внимания. Девицы упорхнули — она прильнула к стеклу.

Эмоционально размахивая руками, Фаризе носилась вдоль вытянувшихся в линию двадцати сторонников — четыре группы, судя по количеству главарей, носивших более светлую форму (сама ведьма теперь носила белоснежные платья, точь-в-точь подвенечные). Перед одним, высоким широкоплечим мужчиной, госпожа притормозила, повернувшись к нему лицом. Жезл ткнулся в беднягу, дрожащего, с подкашивающимися коленями. Она что-то спросила, судя по резким движениям губ — отчётливо. Так как фанатики стояли спиной к зданию, лиц их видно не было, но не составило труда догадаться: вразумительного ответа ведьма не получила. Мужчина исчез в серебристом огне. Наблюдатели не могли точно сказать, была это телепортация или же Фаризе его убила.

— Что, рискнёшь? — Дориан думал, что полюбопытствовал в шутку, однако Джарома затрясла головой.

Одна из девчонок-алхимиков прыснула, её приятельница осторожно, с наигранной боязливостью посмотрела женщине в глаза:

— А ты, случайно, не одержимая?

— Увы, вам не повезло и вы не попали в число людей

повелительницы духов, — процедила ведьма, делая огромное одолжение болтушкам своим пояснением. — Вы не понимаете, какое благо она нам принесёт. Знаете, почему у неё и сторонников считаются привилегией бледные оттенки цветов, и чем бледнее, тем лучше? Белый — символ чистоты, чистота — это начало. Фаризе начала всё с нуля.

— Ты и с биографией её ознакомилась?

— Нашей половине лаборатории она отлично известна. Фаризе нас своим примером воодушевляла, говорила, что у неё самой вначале, кроме желания, ничего не было. Желание превратилось в стремление, оно, в свою очередь, — в идею, идея — в дело, дело — в то, что вы видите сейчас.

— Учти, твоё безумство может завершиться невосполнимой потерей для Шекогана, — произнёс Дориан сухо.

— Какой? — не догадалась Джарома.

— Тебя убьют — лаборатория лишится специалиста, которому трудно будет подобрать замену, — цинично заявил хозяин. — Давай пошлём к Фаризе с известием кого-нибудь другого. Киару, например. А на её место пригласим одного из последних выпускников алхимического факультета Магической Академии Зальвана.

— Я не пойду! — Киара, девушка, молчавшая всё время, пока её приятельница пыталась спровоцировать Джарому, возмутилась.

— В кои-то веки я с тобой, неразумное примитивное создание, соглашусь, — хмыкнула ведьма. — Ты как чего ляпнешь — только госпожу рассердишь. У неё итак сложности, незачем лишний раз её волновать.

Звонко цокая каблуками, женщина проделала по пятнадцатой лаборатории обратный путь. Девица снова согнулась в приступе хихиканья, а Киара, озадаченная, отошла к своему столу, разделяемому ещё с двумя алхимиками.

Спустившись на улицу, Джарома задержалась на крыльце, притаившись за колонной. Она не рассчитывала, что в какой-то момент госпожа её заметит, потому что хотела немного набраться смелости, но подул ветер, и часть тяжёлой волнистой тёмной гривы женщины взметнулась вверх, и это не укрылось от взора Фаризе, бурно предъявляющей претензии очередной партии фанатиков.

— Вам от меня что-то надо? — рявкнула повелительница.

— Нет, — Джарома опустила глаза. — Всего лишь сообщение для вас.

— Надеюсь, хорошее?

— Увы! Но было бы хуже, если б вы его не услышали.

— Озвучивай, — приказала Фаризе, приближаясь к ней.

Заинтересовавшиеся сторонники дружно повернулись к ведьмам, некоторые позволили себе перешёптывание. Госпожа через плечо направила на них оружие — все застыли статуями.

— Есть предположение, что вскоре будет предпринята попытка остановить вас. Пятеро гомункулов, изображённых на мозаике в пятнадцатой лаборатории, кажется, собираются с какой-то целью. До этого они жили в разных землях королевства, а теперь должны сплотиться ради чего-то. Вероятно, их цель — вы, — тихо, испуганно, но без запинки пробормотала Джарома.

— Веолаймеровские щенки, — ухмыльнулась повелительница. — Знаю только одного из них, да и пол-Альданы знает. Просто тех, кто имеет представление о его происхождении, легко по пальцам пересчитать.

— А вы откуда его получили? — женщина-алхимик на секунду забыла о занятости собеседницы и её положении, слишком высоком для наглых расспросов. — Ох, простите.

— Так, нашла способ добыть сведения, — Фаризе внезапно ответила. — Остальную четвёрку я, кроме как на той мозаике, не имела счастья созерцать, и понятия о ней у меня, соответственно, никакого, но пятый гомункул — милый, умный парень. Жаль, что из-за глупости Веолаймера он погибнет.

— Вы не станете сохранять ему жизнь?

— Зачем? Скентия Ринхафт умрёт с приятелями, друзьями, братьями-сёстрами — что за отношения у них, тоже моим делом не было.

— Мистер Ринхафт? — изумилась Джарома. — Старейшина Чёрных Гаваней, предводитель восстания?

— Собственной персоной. Теперь изволь приступить к прерванной работе, — спохватилась повелительница. — Ты, кажется, на меня трудишься?

— Вы не ошиблись. Госпожа, а почему вы решили потратить на меня время? — вдруг спросила алхимик, уже уходя.

— Тебе важна я и моя миссия. Вот эти, — указала Фаризе на фанатиков, — используют меня как особу, дающую им власть. Кто-то поспешил примкнуть ко мне, пока не оказался среди наших жертв. Я для них — источник безопасности. Ничтожно мало есть тех, кто воспринимает меня как личность. Ты в том числе.

— Спасибо, — Джарома смущённо улыбнулась, совсем по-детски.

— А там просто набор инструментов, его и не жалко, — теперь госпожа движением жезла обозначила тех, кого упомянула, и не просто так — оружие стрельнуло серебристым лучом, и застывшие сторонники рассыпались на осколки, тут же

побелевшие. — Старайся получше: результаты твоих экспериментов будут в твоём отряде. Группы фанатиков — временное орудие.

— Эксперимент ваш, я простая исполнительница.

— Претворить идею в жизнь не легче, чем создать в мыслях, — Фаризе попрощалась красивой фразой и телепортировалась с площади.

Эрфа Алара проснулась от обжигающей боли на запястье: горела красная отметина. Женщина, протерев глаза, осмотрелась. Ночевала на сеновале — но сейчас не утро, а немного за полдень! Она специально не приняла приглашения провести тёмное время суток в доме — ей пятеро селян предлагали кров. Хотела с сеновала на звёздное небо полюбоваться, а что получилось? Всю ночь спала беспробудно, ещё и восход солнца пропустила. Если бы не напомнивший о себе символ Шекогана, очнулась бы вечером.

Она ощупала место вокруг себя, ища сумку и лютню. Инструмент есть, а сумка, где было немного денег и пара склянок с лечебными эликсирами — нет. Зелий было жаль не меньше, ведь последнюю неделю со здоровьем у Эрфы было плоховато. Но самой большой ценностью у неё являлось ожерелье, подаренное когда-то стариком Веолаймером с наказом никогда с ним не расставаться. Серебряное, в виде цветов с сапфировыми серединками и листьев, оно продолжало холодить шею. Женщина поразилась: если уж кто-то решил её обокрасть, почему не взял украшение?

После вставания выяснилось, что Эрфу мутит. Судя по всему, её опоили снотворным зельем, чтобы было безопасно воровать сумку. А такие милые дети были… Состояние усугубляло жжение там, где выделялся символ лаборатории.

Доковыляв до ближайшего дома, она постучала в дверь. Высунулся хозяйский сын:

— Леди Алара? Вам нехорошо?

— Беспокоит вот это, — она подняла руку внутренней стороной ладони вверх, показывая отметину. — Может, надо повязку наложить? Есть в вашей деревне целители, разбирающиеся в подобных вещах?

Помощь Эрфа получила от матери парнишки. На запястье легла влажная ткань с целебной мазью. Добрая хозяйка, узнав, что женщина-гомункул осталась без денег, попыталась дать ей немного, но напоролась на отказ. Приняла жертва малолетних воришек только банку той самой мази.

Оставила деревню она незамедлительно, не потому, что из-за

некрасивого случая ей было неприятно находиться здесь дальше — просто Эрфа не задерживалась ни в одном поседении дольше одного дня и одной ночи. Вдоль широкой дороги тянулись пёстрые деревья — в этом мире деревья имели листья самых разнообразных цветов, здесь и сейчас их шелестящий от слабых дуновений ветерка хор подпевал спокойному настроению Эрфы. За деревьями простиралась равнина с островками рощиц, ещё дальше высились горы. По небу ровного голубого цвета проползал изредка белый пух облаков.

Между стволами женщина заметила озерцо и решила подойти, глянуть на себя и освежиться прохладной водой. На чуть подрагивающей поверхности возникла подуставшая девушка с вечно печальными сиреневыми глазами. Зелёная копна локонов, если её хорошенько взбить и расправить, закроет руки до кончиков пальцев, но пока небрежно стянута изумрудной лентой у кончиков. На ней синие брюки, заправленные в сапоги, практически сношенные, с которых она не успевала стирать пыль и грязь, поверх этого безобразия — голубое платье до колен, с расклешёнными рукавами, идеально чистое. На тонких длинных пальцах — по кольцу с синим или зелёным камнем. У девушки, как у любого гомункула, непонятный возраст: выглядит лет на двадцать, живёт — десять, но на свет появилась она особой, с внешностью и душой восемнадцатилетней, постарев совсем незначительно. Телом. Девушкой Эрфа себя не ощущала.

Среди своих братьев и сестёр она средняя: двое младше её, двое старше. Интересно, где они сейчас, в чьей компании, хорошо ли им? Отчасти Эрфа была обижена на Веолаймера за то, что он попросил их разойтись. Младшему брату, Скентии, была уже уготована судьба старейшины далёких мрачных Чёрных Гаваней, когда он ещё представлял собой сгусток энергии без способности мыслить. В доме парень провёл всего два месяца, потом всем гомункулам пришлось разлучиться. За полгода до него появился Мариер, его отправили в столицу Кинефы, Лачигор, преподавать в какое-то учебное заведение. Ещё на неделю раньше — сама Эрфа, посланная в Адельтию по воле Веолаймера, не по чьему-то требованию. Старший брат, Терфес, имевший разницу в возрасте со Скентией в год, стал, как велел создатель, странником. Эрфу грызла мысль, что она с ним могла когда-нибудь встретиться, но неверно выбирала направление очередного пути. Ниорика, вторая по старшинству, очутилась, как пожелал старейшина Бесталона, города на границе с территориями риксов, в отряде, призванном отражать набеги воинствующего народа.

Эрфа, обойдя всю Адельтию, покинула эльфийские земли. Родными они ей не сделались. Вернувшись в Зальван, молодая

женщина побыла там совсем немного, поняв, что без семьи и здесь ей не дом. Странствовать в поисках сестёр и братьев стало её следующей идеей. В их честь было написано и исполнено немало песен, которые запоминались жителями поселений, где останавливалась Эрфа, и с их помощью распространялись по окрестным землям.

Отметина снова дала о себе знать, но справиться с болью возможности не было, и молодая женщина, попытавшись улыбнуться отражению, пошла дальше. В той части Нардимии, через которую лежал ей путь, деревушки располагались близко друг к другу, и через пару часов, вероятно, Эрфу бы уже приютили.

Так и случилось. Добрела она даже не до маленького поселения, а до крошечного городка, где имелся постоялый двор. Из остановившихся там были лишь мать с сыном. Странница узнала, что юноша учился в Магической Академии, откуда родительница оказалась вынуждена его забрать: столицу держали в ужасе призраки, одержимые и подчиняющие их себе люди, сторонники некой особы, которую называли повелительницей духов. В известном учебном заведении они бесчинствовали особо, без смертей ни один день не обходился, и иногородние студенты Академию покидали.

Для этого семейства, где больше никого и не было (отец умер от болезни два года назад), такое решение оказалось весьма неприятным. Особых денег там не водилось, всё растаяло при поступлении и зачислении в Магическую Академию. Теперь юношу отправляли учиться в местный университет, где наличествовало всего три факультета: белой, чёрной и стихийной магии. Бросил же парень факультет призывательского искусства, и возможности возобновить изучение любимого дела не было. Мать же раздражали расходы на дорогу. Семейство живёт в Чессе, что в Лейшарде — добираться до столицы и обратно через шесть земель. Портал два города не соединял, а если бы и так — то это было бы слишком для семьи дорого, поэтому добирались, как получится, мыслимыми и немыслимыми способами. Где удастся телепортироваться, где кто-нибудь на ком-нибудь подвезёт, где на поезде расстояние минуют.

— Простите, если обижу вас сейчас — а в родных землях не было подходящих заведений? — протянула Эрфа, когда мать, измотанная женщина с нитями седины в заплетённых волосах и морщинами на лбу, закончила рассказывать. Они стояли на улице, под раскидистым деревом с нежно-розовыми листьями.

— В Чессе факультеты светлой магии до сих пор не восстановлены с тех пор, как при Эвилане их упразднили. И по

всему Лейшарду так, эта проклятая ведьма свою деятельность именно в наших землях начинала. Не все, кто способен преподавать светлую магию, выжили, — вздохнула женщина. — А раз уж посылать сына куда-то, то уж в лучшее место.

— Я бы хотела в Лейшард. Там мой брат, в Чёрных Гаванях. Скентия Ринхафт.

— Старейшина? Полагаете, он вам поможет? — женщина посмотрела на грязную старую обувь Эрфы, на её повязку, на её бледное лицо. — Он-то хорошо устроился, но вас явно подзабыл. Или он и не ведает, что вы в бедственном положении?

— Вы правы. Нас, братьев и сестёр, пятеро было, — Эрфа обрадовалась, что может выговориться, — и все по велению отца отправились в разные части королевства, каждый со своим предназначением. Кстати, странствовать не я должна была, а старший брат. Я творец, — она приподняла лютню. — Скитаюсь по Альдане в надежде найти кого-нибудь из родных.

— Ну и семейка у вас, — хмыкнула мать несостоявшегося призывателя. — Я тебе вот что скажу: твой замечательный братец, по слухам, будет разбираться с повелительницей духов, поэтому ступай-ка в Зальван и лови его там.

— Может, нам суждено там встретиться? Всем сразу? Наш старик планировал, что что-то сведёт нас вместе.

— Это лишь слухи. Но если терять тебе нечего — не медли! Только будь осторожна, всё-таки одержимые с призраками исключений не делают ни для кого.

— Обязательно отблагодарю вас за совет и поддержку! — просияла Эрфа, снова тряся лютней.

— Никогда не рассчитывала на то, что могу быть увековечена в песне, — женщина подавила смущение.

— Это всего лишь моё основное занятие. Можете это работой назвать, если хотите, — весело ответила девушка, убегая в здание.

— Мы идём, — бесцеремонно ввалилась в комнату Клавьера Шаки.

— Куда? Уже стемнело, — парень, расстилавший постель, сперва глянул за окно, потом — на ведьму.

— Тебе до недавних пор было интересно, где я ошиваюсь по ночам, — произнесла она.

— Отлично! — юноша накинул на себя рубашку, от которой успел освободиться, и, на ходу застёгивая, приблизился к подруге.

Шаки удивилась его сговорчивости, но расспрашивать о причинах не стала, дав Клавьеру спокойно запереть дверь. В

замке уже властвовала тишина, и повороты ключа отчётливо слышались на всём этаже. Парень и ухом не повёл, что произвело на чародейку большее впечатление, чем мгновенное согласие.

Развернувшись, он, наконец, увидел, что Шаки держит утыканного булавками тряпичного котёнка. О магии Вуду Клавьер знал от Клариссы и частично от Дашки — студентам её факультета обещали преподавать такое колдовское искусство на пятом курсе.

— Зачем тебе эта дрянь? — юноша указал на игрушку, переставшую быть безобидной.

— Если бы я собиралась просто рассказать, а не объяснять наглядно — не тащила бы тебя с собой.

— Возьму меч, — заявил Клавьер, вертя ключ в обратную сторону.

Выскочил обратно в коридор он не только с вышеназванным оружием, но и с двумя кинжалами, простым и серебряным, немилосердно всем боевым снаряжением гремя, да и дверь он закрыл довольно громко.

— Перебудить всех думаешь? — зашипела Шаки, притягивая его за воротник.

— Нет, я так нервничаю, — сказал парень, стараясь подавить всплеск возмущения.

Они пошли на последний этаж, к портальному выходу. На лестничном пролёте оба вздрогнули, одновременно заметив в огромном окне, где вид не ограничивался портьерами, толстую корявую ветку. Сегодня летающий замок остановился возле Шекогана, в небольшом лесу, где из-за испарений, долетавших из окон лабораторий, деревья были лишении листвы. Заколдованное здание висело над самой поверхностью озера, приобретшего желтоватый цвет, в воде плавали маслянистые пятна. В общем, зловещее, мрачное было место.

Зато Фатона не утрачивала приветливости даже по ночам. Фонари, пёстрые огни источников и мерцания крыльев фей, несущиеся со всех сторон смех и голоса — тут те, кто с приходом темноты задерживались на улице, не боялись нападений.

— Мило у вас, — пробормотал Клавьер, вертя головой, чтобы взглядом уловить каждую картинку местной жизни. Когда-то он бывал тут, но успел всё забыть.

— У нас? Ты про кого? Я эту деревню с некоторых пор своей не считаю, — огрызнулась Шаки, направляясь по дороге.

— Нельзя таким разбрасываться, — упрекнул её парень. — У некоторых нет места, о котором они могли бы говорить как о доме, которое вспоминают, когда плохо, куда стремятся вернуться, мысли о котором греют. Не спорю, что там кому-то и

плохо бывает, но заявлениями, как вот это твоё, обижает людей, лишённых родного угла.

— На себя намекаешь?

— У меня ещё хуже дело. Я помню только последние годы своей жизни, не такой и длинной. Очнулся от забытья только в банде, а кем до того дня был — страшная тайна. И, знаешь, обидно. Компания с прошлым, я — без.

— Страшная, Клавьер. Тебя, насколько мне известно, вырвали из кучи злодеев, забытьё и подаривших. А у друзей твоих судьбы незавидные.

— Детство-то счастливое было. Только Тина намучалась.

— Я ведь тоже…

— Тебя любили, Шаки, любили! — воскликнул Клавьер чуть ли не со слезами.

— И сейчас любят, — ведьма, одной рукой обняла юношу, собралась поцеловать, но ей помешали.

— Так ты сбегала из замка и просила меня тебя покрывать, чтобы провести время с ним? — Тинзо замер метрах в пяти от парочки.

Глава 25 Всё всерьёз

Шаки тут же отошла от Клавьера. Внутри ёкнуло, но это продлилось секунду. Зато парень из банды явственно нервничал. Сын белого мага же просто начинал злиться. Вряд ли на второго приятеля ведьмы — на себя. Сам недоглядел, не расспросил, не уследил, не удержал.

Отметив, что встреча двух юношей равнодушными не оставила, Шаки протянула:

— Тинзо, может, к нам присоединишься? Мы в одно интересное место направляемся. Думаю, тебе тоже стоит взглянуть. Ты меня покрывал, пока я туда бегала, в одиночестве.

Ответ парня особо не порадовал, но от предложения он не отказался. До бывшего священным леса компания добралась молча, Тинзо лишь сердито сопел, видя, что рука Клавьера всё время находится у ведьмы на талии.

Хозяйку оживлённый дракон почуял, поэтому, когда троица выбралась на поляну, где его прятали, Шанди уже сидел, порыкивая. Эти звуки любой мог спутать с выражением недовольства, одна Шаки понимала: её так приветствуют.

— Не бойтесь. Он меня слушается и вас не тронет, — заверила приятелей ученица Фаризе, по склону спускаясь к виверне. — Мы на нём полетим, садитесь! — известила блондинка юношей, забираясь на жуткое создание. С его спины она заметила, как Клавьер местному начинающему магу что-то говорит, показывая на неё. Скорее всего, обращает внимание на предмет в руках колдуньи.

— Виверна — твой погибший дракон? — произнёс Тинзо.

— Верно, это Шанди. Вы идёте? — вспыхнула чародейка.

— Кто оживил его?

— Не хотите идти со мной — признавайтесь, я сделаю всё и без вашего участия, — фыркнула Шаки.

— Нельзя её оставлять, — вздохнув, Клавьер повлёк мага за собой вниз.

— Ты в своём уме? — Тинзо вырвал руку. — Ты знаешь, куда она собралась?

— Нет, — огрызнулся парень. — Шаки ввязалась в опасные игры, мы обязаны быть рядом.

— Не ты ли втравил её в тёмные дела? — заподозрил колдун.

— Скорее уж ты, — молодой воин устроился за Шаки. Виверна фыркнула, ощутив на хребте ещё одного человека, ещё и незнакомого, встряхнулась. Клавьеру пришлось схватиться за ведьму, державшуюся за ошейник дракона.

— Такой вывод, потому что я неподалёку живу? — хмыкнул Тинзо.

— Нет, потому что ты Шаки потакал. Я-то понятия не имел, что она по ночам пропадает.

— Если на то пошло, я и днём исчезала, а тебе, Клавьер, было безразлично, — заступилась за старого друга младшая дочь в семье Винсентов. — Но, ребята, печальная получается картина! Не ждать мне от вас поддержки, так?

— Тебе моя поддержка не понравится, — Тинзо приблизился к ней. — Возвращайся домой. Немедленно.

— План, который сегодня приведу в исполнение, я продумывала слишком долго, чтобы по твоей прихоти бросать его, — заявила Шаки.

— Уймись, может, всё не так страшно, как мы успели себе представить! — пробормотал Клавьер юноше.

— А я сказал — немедленно! — колдун выставил перед собой посох.

Парень из банды не стерпел, чтобы его девушке угрожали оружием. Меч, описав дугу в воздухе, коснулся посоха, однако не разрубил его. В момент столкновения клинка с деревом Клавьера будто ударило током. Его отбросило на землю. Упав с незначительной, но высоты, он ударился головой и потерял сознание.

— Ты что! — возмутилась Шаки, кидаясь к пострадавшему. — Теперь приводи его в чувство, основы целительского дела ты, как нормальный белый маг, знать обязан.

— Отец мой посох заговорил от холодного оружия, — спокойно пояснил Тинзо, садясь возле второго них. — Он не рассчитывал, что ко мне полезет драться нормальный парень, не королевская шавка или хранитель закона.

Юноша обхватил голову Клавьера, из-под пальцев потёк бледно-сиреневый свет. Спустя секунды на земле распластался уже целитель: воин, придя в себя, смог резко подняться и ударить соперника.

— Раньше этот тип тебе ничего плохого не делал? — спросил парень, вставая не без опоры, за которую ему сошло дерево.

Тинзо поднялся одновременно с ним: Клавьер начал вставание первым, но маг управился быстро, ушиб был слабый.

— Куда путь держите? — теперь его посох указывал то на ведьму, то на юношу.

— В Шекоган, — демонстративно сдалась колдунья. — Убивать одного мерзавца, из-за чьей прихоти погибли мои родители, односельчане, а я долгие годы мучилась от страшного проклятия.

— Ты её надоумил? — оружие задержалось у лица воина чуть дольше.

— Я и не догадывался о новых увлечениях Шаки, — честно ответил Клавьер, глянув на меч и, набравшись опыта, не решившись его поднять.

— Давайте не будем ругаться, — начал Тинзо, подруга с сарказмом встряла:

— А чем, по-твоему, мы сейчас занимаемся?

— Давайте не будем ругаться, — терпеливо повторил юноша, — и разойдёмся по домам. У тебя было помрачение, Шаки. Сначала ты погорячилась, потом увлеклась, а теперь пора остыть.

— Закончить, — поправила она его. — Как завершу дело — успокоюсь и даже вспоминать не буду.

Шёпотом ведьма стала озвучивать заклинание, перед собой посохом вырисовывая нужные символы, остающиеся зелёной дымкой, изнутри светившейся оранжевым цветом. Виверна медленно исчезала с хвоста.

— Чары невидимости, — распознал Тинзо. — Значит, переубеждать бесполезно.

В одно мгновение он взобрался наверх по склону.

— Ты куда? — крикнул Клавьер.

— Я вынужден предупредить Дерика!

Парень из банды оказался ловким. Белый маг не прошёл и двух метров, и в бедро ему вонзился клинок, всегда носимый тем, кто швырнул оружие, под жилетом.

— Что ты творишь! — выпалив, Шаки спрыгнула с виверны. — Сможешь себе помочь? — ведьма очутилась возле Тинзо и рухнула на колени, выходка Клавьера напугала её сильнее, чем внезапное действие чар Зонаруса Цельсия, наложенных на посох сына, которые она приняла за магическую атаку юноши. Посох и игрушка для магии Вуду отлетели в стороны, Шанди остался видимым наполовину.

— Тебя вся наша компания в Аркену отправит, если узнает, что ты надумала, — сказал Клавьер, подходя. — Откажись сама.

Храня молчание, Шаки подвела Тинзо к поваленному стволу дерева, чтобы маг, сидя на земле, опирался спиной на него. Надо было вытащить клинок, ведьма боялась. Парень сделал это сам не без гримасы боли, зато со стиснутыми зубами. Виновник, явственно жалеющий, что пришлось поступать так варварски, опустился на ствол, держась подальше, но расстояние ещё позволяло замечать переживания в глазах друг друга. Пальцами Тинзо накрыл рану, Шаки положила ладонь сверху. Исцеление у волшебников, не специализирующихся на соответствующей

магии, сжирало все силы вместе с частью жизненных. Кровь высыхала, рана затягивалась, а юноша обмякал. Завершился процесс не лучшим образом — потерей чувств.

Гладя мага по голове, Шаки посмотрела на второго друга:

— В деревню, пока не очнётся, не сунемся. Зонарус доложит моему братцу, что мы приволокли Тинзо в бессознательном состоянии, да ещё ночью. Дерик поведает остальным. Мы берём его с собой. Вернее, я беру. Ты, ладно уж, можешь со мной не следовать.

— Надеешься в пути уговорить приятеля тебя не выдавать? И я с тобой, кстати. Буду заниматься практически тем же, но пытаться буду воззвать к твоему разуму.

Они втащили Тинзо на жуткого дракона. Придерживал мага парень, Шаки, подобрав свои вещи и сев впереди, продолжила колдовать. После полного исчезновения виверны начали растворяться молодые люди. Став невидимкой, Клавьер чуть-чуть испугался, но быстро привык, ведь спину Шанди под собой он по-прежнему ощущал. Последней пропала колдунья — сначала сама, затем её посох. Дымка, выходившая из-под её оружия, расплылась по воздуху.

Зашумели драконьи крылья, земля удалялась. Крепче вцепившись в Тинзо, чтобы не дать ему упасть с высоты птичьего полёта, парень обернулся: Фатона выделялась в темноте ярким сверкающим пятном. Столица смотрелась тусклой и неприметной, островки огней располагались не очень-то близко друг к другу. Исполинский королевский замок, за которым распростёрся Зальван, выделялся на тёмно-сером из-за волокон тумана небе. Местами в них образовывались дырки, и в одной горела полная луна, рассекаемая посередине башней замка, высокой и узкой. Соседние башни то пропарывали туман, то скрывались в нём.

— Шаки, — позвал Клавьер. — А красиво, не находишь? Можно будет полёт повторить.

Путь им пересёк поток Великого Ветра, дух мудрейших предков. В воздушном потоке кружились цветочные бутоны, вспыхивающие зелёным пламенем, распускающиеся и охватываемые огнём опять. Ветров было всего пять: Надежды, Перемен, Слёз, Предостережения, а встретился компании Ветер Смуты. Каждый выглядел по-своему, общее было одно — завораживающая красота.

Клавьер поймал один вспыхнувший бутон, руку, конечно, не обожгло.

— Шаки, как тебе?

— Лучше бы Ветер Надежды или Перемен, — раздался голос

впереди. — Тогда можно было бы думать, что Ирвинга скоро свергнут. А теперь кажется, что ему или править и править ещё, или он перед расставанием с короной успеет натворить такого — Альдана десятилетие оправляться будет.

— Вдруг Ветер именно тебя известить решил? Ты заигралась, кто-то подсказал тебе неверное решение — ты и поддалась.

Пламя в кулаке погасло снова, теперь в пальцах остался пепел. Клавьер их разжал, но посыпалась не серая пыль, а серебристая. Полетела она не вниз, а вверх, сложившись в портрет молодой женщины, знакомой юноше, к огромному его сожалению. Эвилана Армад посмотрела на свои сверхдлинные ногти, одарила Шаки и Клавьера ухмылкой и томным взглядом исподлобья, после чего изображение распалось.

— Возвращение этой ведьмы? — недовольно протянула Шаки.

— По-моему, тебе просто намекнули, что ты становишься на неё похожей, — произнёс парень. — Эвилана из мести истребляла светлых магов.

— Умный ты стал, — съязвила юная колдунья. — Слишком много с Николасом общался? Я, вообще-то, собираюсь избавить королевство от одного-единственного человека, Дориана Ласкаро. Против алхимиков я ничего не имею. Да и рассказывали мне, будто Эвилане портило жизнь всё её поселение, поэтому ненависть не была беспочвенной и вылилась в кошмар для немаленькой части населения Альданы. Не сравнивай нас.

— А ты не оправдывайся, — отрезал Клавьер.

Виверна пошла на снижение примерно через два часа, переместившись к окраине города. Показалась знакомая мёртвая рощица с диском грязного озера. Опустился Шанди перед замком Шекогана, за воротами, на площади перед внушительным зданием. Охрана ничего не заподозрила, поскольку дремала: в лаборатории никто не совался, нападений там не знали уже давно.

— Чары с нас снимать не будешь? — спросил Клавьер шёпотом.

— Нет, — послышалась возня и звук удара о землю: Шаки спрыгнула с дракона. — Они скоро сами прекратятся. Спускай Тинзо.

— Нам нести его в замок? — поразился парень.

— Находиться под действием магии долго он не будет, — объяснила Шаки, сердясь за друга за непонимание, вполне обоснованное. — Если он станет видимым в здании, то мы его защитим, если здесь, на улице, брошенный нами, — охрана от него горстку пепла оставит. Иди, — скомандовала она. — Шанди,

и ты за мной.

— Он? — затея Клавьеру уже не просто не нравилась — ужасала. И мы отправляемся внутрь на продолжительное время?

— У тебя имеются возражения? — проронила ведьма.

— Ты этого Дориана что, пытать вознамерилась? Убить магией, насколько мне известно — дело считанных мгновений.

— Знал бы ты, как мучило меня проклятье — не спорил бы!

Её каблучки застучали по земле, потом зацокали по мрамору крыльца. Сопение виверны под боком, звуки шевеления и удары тяжёлых лап свидетельствовали о том, что оживлённый дракон последовал за хозяйкой.

— Стой! — заорал Клавьер.

Вопль разбудил всех пятерых стражей, молодцов в броне и при жезлах.

— Ki feriva! — один обвёл вокруг себя оружием, держа его в вытянутой руке.

Сверкнув пронзительно-жёлтым, двое парней, колдунья и виверна предстали перед лицами охраны, ещё плохо соображающей, что происходит.

Шанди оказался самым шустрым, выдохнув в стражей ядовитым паром. Его завеса отделила Клавьера с Тинзо, застонавшим, от крыльца, где стояла Шаки. Охранникам пар разъел глаза, мужчинам пока не удавалось определить, в кого надо стрелять, но только пока. Клавьеру с товарищем по несчастью надо было или отступать, тогда Шаки натворит бед и сама угодит в аналогичные ситуации, или мчаться сквозь дым к ней, спасать от безумного решения. Вероятно, сам Клавьер сможет задержать дыхание и прорваться, а вот бедняга Тинзо…

— Эй, — он тряхнул мага за плечи, — очнись!

Веки несчастного приподнялись так, что зрачков почти не было видно, только часть голубой радужки.

— Где мы? — простонал он.

— У замка Шекоган. Нужно идти, догонять Шаки. Придётся пробираться сквозь испарения, которые изрыгнула её зверушка, защищая нас от стражников.

К ним подлетел охранник, замахиваясь жезлом. Тот же клинок, которым ранил Тинзо, Клавьер метнул в него, угодив в грудь. Откатившийся к его ногам жезл парень поднял и впихнул юному магу — посох младшего Цельсия забыли в лесу. Вырвав из мужчины нож, бандит не бегом, но торопливым шагом пересёк площадь, Тинзо перебирал ногами, не отпуская его. Когда парни вынырнули из зелёной завесы, двери замка были уже отворены магией Шаки. Девушка ждала друзей, на ступенях крыльца валялись два бездыханных тела стражников. Грохот падения,

получившийся из-за доспехов, молодые люди слышали, верно предположив, что охранники вряд ли поднимутся.

Первые два этажа были безлюдными, проскочили их легко. На третьем требовалось миновать проходное помещение, лабораторию, откуда бил свет. Шестеро алхимиков трудились над одним столом, седьмой дремал на скамье.

Шанди взревел, махнув хвостом. Сделал он это неудачно, попав по длинному, вдоль всей стены, стеллажу, заставленному, ясное дело, сосудами с веществами и готовыми зельями. Обрушилась сразу вся конструкция, засеребрились брызги стекла. Соединяясь друг с другом, вещества воспламенялись или взрывались. Через минуту от предыдущих стараний алхимиков остались только лужицы с танцующими на них язычками пламени и ползающий по полу дым и пар.

Труженики лаборатории в шоке смотрели на катастрофу, её автора и наглецов, которые его привели. Проснувшийся алхимик и Шаки одновременно подняли посохи, в следующую секунду жест повторился остальными, только Клавьер угрожал противникам не магическим оружием, а мечом.

Виверна не подвела и во второй раз, выпустив из пасти испарения прежде, чем алхимики решили атаковать. Всё вокруг заволокло, на столе стали раздаваться хлопки и звон бьющихся пробирок. Важность эксперимента, оккупировавшего умы и всё возможное время колдунов Шекогана, подтвердилась: такого разнообразия ругательств Шаки не слышала даже в Денаувере и от Джессики.

Яд испарений на алхимиков, как быстро осознала троица ребят, влиял единственным образом — жутко их злил, точнее, не он сам, а происходящие реакции между ним и веществами. Всех, кто работал в лабораториях, наверное, снабжали специальными защитными эликсирами или артефактами.

— Берегитесь, щенки! — воскликнул человек, которому не дали выспаться, а из-под его посоха побежала волна энергии.

Проходив сквозь коллег, магия не причиняла им вреда, а Шаки с друзьями свалила на пол. Оторвать хоть одну конечность от него никто из них не мог, ребят как пригвоздило. Этот колдун, применяющий магию на невербальном уровне, был, кажется главным, и дремал он потому, что работал больше других — так объяснили себе юные налётчики. Новой атакой мужчина обездвижил виверну.

— Вон тот, — кивнула на Тинзо молодая женщина, бранившаяся громче и больше других, — по-моему, в плачевном состоянии.

— Сейчас они у нас все в таком будут, — медленно и зловеще

проговорил разбуженный мужчина, пробираясь к ведьме, белому магу и начинающему воителю.

— Вдруг блондина парень с девкой похитили или приволокли сюда, чтобы над ним поиздеваться? — предположил, подразумевая под жертвой младшего Цельсия, другой алхимик. — Ни на кого из наших коллег он не похож? Может, сын или племянник чей.

— Если родственник кого-либо из наших и досадил им, зачем было тащить бедолагу в Шекоган? Почему не убили юнца где-нибудь в лесу? — встряла в дискуссию тёмная эльфийка.

— Мстят, — сразу ответил главный. — Изобретение алхимиков Шекогана принесло им неприятности, и дети решили в его лабораториях этого парнишку убрать из мира смертных.

Пока шло обсуждения вариантов того, как поступить с троицей и Тинзо в частности, ребята беспомощно переглядывались. Наверх, где были лица алхимиков, Клавьер глянул случайно. Парень заставил себя не отводить глаза. Его примеру рискнула последовать Шаки, а Тинзо чувствовал себя настолько дурно, что реальность ему была абсолютно безразлична.

— Да они же именно дети, правильно ты их, Ральдес, назвал! — протянула эльфийка. — Юноша, вполне вероятно, нездоров или проклят, ребята захотели ему помочь.

— Милые дети, приручили виверну, нейтрализовали стражу! — с сарказмом хохотнула женщина, не отказывавшая себе в выражениях. — У девчонки игрушка для вуду. Прогрессивная нынче молодёжь, я вам скажу, такой магией Фаризе с некоторыми прихлебателями балуется.

— Ты про эту невыносимую особу? — хмыкнул светлый эльф, ещё один алхимик. Он говорил о Джароме, но уставился на Шаки, отчёго ведьма от страха побледнела. — Профессор Минарви ещё не пытается распространить вуду среди коллег.

— Понимает леди, чтоб её демоны сожрали, что никто не согласится, как не убеждай, — хмыкнула женщина.

— Господа, если кто забыл, мы ведём речь не о профессоре, а о детишках с виверной, — напомнил Ральдес, а ответить никто не успел.

Неживой дракон уже пришёл в себя, последние полминуты лёжа в выжидании. Когда семеро алхимиков склонили головы над хозяйкой, Тинзо и Клавьером, он накинулся на толпу враждебно настроенных существ. Передними лапами Шанди прижал к полу двух алхимиков, молчавших в процессе выяснения намерений троицы, зубы сомкнулись на руке Ральдеса. Представляя, что дёрганье закончится расставанием с конечностью, мужчина

замер. Сразу же прекратилось действие чар, мешающих ребятам встать. Шаки незамедлительно потянулась к посоху, откатившемуся на пару метров, а вот Клавьер не собирался нападать, вместо этого парень помог подняться магу.

— Видите, их же за своё поведение уже стыдно! — не теряла оптимизма тёмная эльфийка. — Сейчас дети отзовут виверну и уйдут. Их родители возместят ущерб, всё хорошо будет!

— Легко тебе такие жизнеутверждающие заявления делать, — процедил Ральдес. — Тебе не угрожают когти и клыки этого чудовища.

— Дети из богатых семей часто ощущают вседозволенность, — парировала она.

— А мы бедные! — воскликнула Шаки, отводя руку с посохом назад. — И у нас, — ведьма прищурилась, сделав паузу, — нет родителей!!

Хранитель закона, не по собственной воле пожертвовавший свою колдовскую силу, владел магией на невербальном уровне, поэтому чародейка успела только подумать о том, что хочет заставить эльфийку забыть всё вплоть до данного момента, и направить на неё жезл. Сотрудница Шекогана, с любопытством оглядываясь, поинтересовалась:

— Что тут было? Откуда здесь виверна?

Шокировал вопрос всех. Шаки и сама не ожидала столь мощного эффекта.

— Посмотрите, какой камень у девчонки на посохе, — произнесла женщина. — Кристалл из Леаш-Майо, артефакты с ними богатые родители покупают своим детям, слабым в магии. Вы кто, леди? Острых ощущений вам захотелось? Лайлиа, сходи за магическим шаром, — велела она эльфийке, — узнай, не сбегала ли у кого сумасбродная дочь.

— А мне сбегать неоткуда! — распалялась Шаки. — Один из ваших гениев постарался, я осиротела!

— Где можно взять шар? — недоумевала потерявшая память Лайлиа.

— Ладно, пойду сама, — проворчала женщина. Юная ведьма взмахнула оружием снова, в дверях алхимик остановилась и растерянно протянула: — А куда я иду?

— Всё ясно, — покачал головой эльф. — Девочка, извини, но ты заигралась.

Из каждой крупной грани камня на его жезле, ослепительно вспыхнувшей, вырвалось по белоснежному лучу. Цели достичь им не дал Шанди, кинувшийся на хозяйку, чтобы сбить её с ног. Атака его задела, он взревел. Пока эльф переводил дух, ему вызвались помочь Ральдес и двое коллег, освободившихся из-под

лап чудовищного дракона. К виверне устремились ещё три луча, ярко-жёлтых. Она дёрнулась и замерла, уронив голову. Шаки, пытающаяся выбраться из-под питомца, хотела схватить посох, но его вдруг подобрал Клавьер.

— Извините. Согласен, мы все границы перешли.

— Предатель! — вспыхнула ведьма, нащупывая второе оружие. Оно валялось стороны, не являющейся для всех, кто был в лаборатории, обозреваемой: мешало тело виверны.

— Кинжалы с мечом отдавай, — потребовал Ральдес.

— Извините, не могу. Возможно, мне придется где-нибудь защищать эту дурёху, — не подумав, честно ответил Клавьер.

— Дурёха остаётся с нами, пока мы не выясним, откуда она и где взяла посох. Если правда, что она не из обеспеченной семьи, — отчеканил другой алхимик.

— Шаки попала под плохое влияние, я уверен!

Мужчина бы сказал что-то в ответ, Ральдес был готов добавить, но ведьма, наконец, взяла игрушку, из которой вытащила две булавки, затем так резко воткнув их обратно, что они проткнули тряпичного котёнка насквозь. Главный алхимик, схватившись за сердце и закатив глаза, рухнул прямо в лужу кислоты с плавающими осколками. Второму мужчине отчасти повезло, атака попала в живот, он даже остался в сознании, но встать, упав, не смог.

Женщина с Лайлиой сообразили, что им надо встать на сторону алхимиков. Некоторые знания из области той науки, которой они занимались в Шекогане, кажется, у них сохранились, или же это проявилась лишь интуиция — как бы то ни было, в Шанди и Шаки леди запустили две закупоренные пробирки с ближайшего к ним стола. Угодило всё в виверну, чешуя вдоль ручейков жидкости, потёкших по её боку, стала с шипением обугливаться. С душераздирающим рёвом дракон перекатился на спину, оставив хозяйку без прикрытия. Следующий «снаряд» полетел в неё, ведьма, пронзив игрушку булавкой ещё раз, отскочила. Жертвой магии оказалась эльфийка, впрочем, не утратившая способности действовать. Она не могла разогнуться от боли, однако это не помешало ей воспользоваться колдовством (чары забывчивости исчезли после нового проклятия). Лайлиа сделала движение кистью, словно жестом попросила кого-то выйти. Из воздуха материализовался катящийся на троицу шар голубой энергии, сгусток стремительно увеличивался в размерах, и к той секунде, когда он коснулся ребят, имел такой диаметр, что в дверях бы не прошёл.

Их сковала ледяная корка. Тёмная эльфийка применила не самый худший вариант заклинания обледенения: Клавьер с Шаки

продолжали соображать, не превратившись в бездушные ледяные статуи, ощущения же были, понятное дело, весьма и весьма неприятными. Тинзо, стоявшему чуть поодаль, достаточно было отступить на пару шагов, что он и сделал.

— Мальчик, с тобой мы, наверное, договоримся по-хорошему, — один из алхимиков, дав Лайлие мерный стакан с каким-то эликсиром и второй такой же предложив другому коллеге, замер перед юношей. — Скажи, кто и чьи твои ненормальные приятели, за что они тебя покалечили и что им потребовалось в Шекогане.

— Мы тебе и самочувствие улучшим, — пообещала женщина с неподдельным добродушием.

Белый маг осознавал: правда для всех губительна. Возмутит алхимиков не намерение Шаки, а происхождение её и его с Клавьером. Сын весьма небогатого колдуна, да и нисколько не влиятельного, разве что в пределах родной деревни, жители которой ненавидятся большинством правителей Альданы, девушка-сирота из той же деревни и парень, вряд ли имеющий положение выше (судьбы Клавьера Тинзо не знал). Такие ничтожества и устроили погром в лаборатории Шекогана!

— Отвечать будешь?

— Вряд ли вам мои слова понравятся, — вздохнул юноша.

— Лишних жертв мы не любим, — на ладони алхимика вспыхнул огонь, — но если не признаешься — наши принципы потерпят. Вы полагали, вам за родительские деньги всё разрешено? У нас, между прочим, состояния тоже внушительные. У нас полно золотых, ваши родители любят золотые — думаю, проблему, в случае чего, мы уладим. Если у вас хватило ума развлекаться таким идиотским образом — родители переживать не станут. Им проще будет передать дело и завещать состояние другим, менее близким родственникам, чем вам, сумасшедшим.

У Тинзо возникла идея. Он встал между Шаки и Клавьером и хмыкнул:

— Парадоксальная ситуация: мои отец и мать обыкновенные селяне, а убивать меня и моих друзей вам не стоит.

— И как объяснишь это? — нахмурился приблизившийся алхимик, пламя затрепетало с удвоенной силой — этого и добивался Тинзо.

— Я и Клавьер, — юноша постучал согнутым пальцем по соответствующей фигуре, — являемся друзьями Теоны Винсент, а девушка вообще её родная сестра.

— Никакой особы с таким именем не знаю, — сердился мужчина, придавая этим силу пламени. Оно уже могло бы осветить данное помещение, если бы люстра потухла.

— В неё влюблён принц. Она невероятно огорчится в случае нашей гибели, и Эзария примет меры.

С живых обледеневших скульптур начала стекать вода: покрытие таяло. Шаки попробовала пошевелить пальцами, державшими игрушку — по слою затвердевшей воды с хрустом разбежались трещинки. Стоило кисти освободиться, ведьма надавила на одну из булавок. Больше тот алхимик Тинзо не допрашивал.

Глава 26 Готовность

— Кто-нибудь ещё будет пытаться меня остановить? — Шаки обвела взглядом уцелевших алхимиков, стряхнув с себя лёд и вызволяя теперь Клавьера.

— Ты из бедной семьи, но со связями, говоришь? — тихо спросила тёмная эльфийка, которую отпустила боль, зато опутала слабость, как и другого пострадавшего от магии юной ведьмы.

— Почему эти наглецы до сих пор живы? — в руке ещё одного алхимика блеснула молния. — Вы тратите время на разговоры с ними, ни к чему хорошему это пока не ведёт.

— Нас тоже могли бы убить сразу, — протянул следующий.

— Мы, подобно вам, не заинтересованы в том, чтобы уничтожать всех без разбора, — заявила Шаки, проходя на середину лаборатории. — Не хотите испытать на себе действие магии — скажите, где я могу подождать Дориана Ильдевейса Ласкаро. И приведите в порядок мою виверну.

— Да неужели ты после нескольких убийств не чувствуешь ничего?! — выпалил Тинзо, бросаясь к ней и встряхивая подругу за плечи.

— Я не предполагала, что в замке будет кто-то, кроме охраны!

— Значит, не исключала, что кого-то придётся лишить жизни, — встрял Клавьер.

— Я вас насильно с собой не тащила, — огрызнулась Шаки. — Эй, вы собираетесь лечить Шанди? — возмущённо обратилась она к алхимикам.

— У чудовища и кличка есть, — съязвил эльф. — Ты не дочь некроманта, случайно?

— Повторяю: родители, спасибо господину Ласкаро, мертвы, — зашипела колдунья.

— Не могу понять, — хмыкнул мужчина, у которого вызывало недоумение то, что троица налётчиков ещё разговаривает и дышит, — откуда у девчонки виверна и дорогущий посох, да и вообще на чьи средства она вполне прилично и ухоженно выглядит, однако это не лишает меня оснований думать о необходимости убрать её.

Подтверждение слов последовало незамедлительно. Судя по всему, невербальным уровнем магии в Шекогане владели все поголовно: алхимик сделал взмах жезлом, не прибегая к словам.

В Шаки ударила ослепительная молния, поразившая затем Клавьера, затем попавшая в Тинзо. Ведьма упала там, где стояла, мага отшвырнуло к руинам стеллажа, парня из банды — к столу,

о который он ещё и ударился головой.

На колдуна уставился алхимик, попробовавший оправдать Шаки:

— Ну, Рион, доволен? А вдруг они и впрямь имеют связи?

— Заприте их где-нибудь, — распорядилась Лайлиа. — Странная и подозрительная компания. Завтра поступим просто — напоим сывороткой правды и узнаем всё. Такая простая мысль чью-нибудь голову посещала, гении?

— Заработались, называется, — усмехнулся эльф. — А куда зверушку девать будем?

— Пригодится в эксперименте, — решила коллега. — Я уже с нетерпением жду завтрашнего дня, когда нам откроется правда о детках.

Когда троицу закрыли этажом выше в помещении, служившим для хранения различных веществ, в лабораторию заглянула запыхавшаяся женщина, работавшая на Фаризе. В той половине Шекогана круглосуточное пребывание в лаборатории было делом привычным. Испуганно осмотревшись, она пробормотала:

— Я вас предупредить хотела, что кто-то ворвался в замок, там вся охрана из строя выведена. Значит, за вами приходили…

— Если верить девчонке, возглавлявшей кучку наших визитёров, им, то есть ей одной, требовался хозяин, — произнесла тёмная эльфийка. — Они обезврежены, находятся под замком. Утром допросим.

— Слава Великим Ветрам, — женщина с облегчением вздохнула, — а то у нас все такой переполох подняли — просто ужас! Решили, что таинственная компания вознамерилась разобраться с повелительницей духов.

— Меня поражает факт, что при Шекогане нет приличной охраны, — донёсся голос алхимика, вместе с Лайлиой едва не погибшего. Мужчина, надев толстые перчатки, вытаскивал из-под россыпи битого стекла крупицы какого-то вещества и складывал в банку, прихваченную со стола. — Думали, что маги сами за себя постоят? Мы-то справимся, но неужели Дориану и его ближайшим помощникам не жалко веществ и зелий?

— У нас хуже — в случае неудачи Фаризе поленится даже в одержимых нас превращать, просто умертвит. Ой, это у той девчонки было? — женщина заметила валяющуюся игрушку в булавках.

— Та девчонка пользовалась, — ответил эльф. — Нас удивило не меньше.

— Просто госпожа, когда остаётся недовольна результатами очередного эксперимента, кричит, что её юная воспитанница

соображает быстрее нас, понимает глубже и уже знает магию вуду. Не она ли была? — сторонница Фаризе задумалась.

— Можем показать, — хмыкнул алхимик.

— Я не знаю, как девушка выглядит. Ладно, я пойду, работы полно. Со студентами Магической Академии проблемы — никак не желают забываться полностью. То ли они такие сильные, то ли мы неправильно рассчитали что-то. Если последний вариант, то вы видите меня живой и в своём уме последний раз. Через несколько часов госпожа явится с проверкой, — помрачнела женщина.

— Тебя никто не заставлял записываться в её слуги, — хмыкнул Рион.

— Кто мог предугадать, что мы для неё окажемся инструментами, которые в случае поломки можно выкидывать, заменяя новыми? — задала риторический вопрос она и вышла.

— И ведь народ к ведьме всё бежит и бежит, — протянул ей вслед эльф.

Высунувшись из окна на последнем, восьмом этаже замка, Скентия с Николасом наблюдали, как в Шекогане одно за другим вспыхивают окна. Друзьям был виден весь замок, от фундамента до крыши: стена вокруг Шекогана находилась на достаточном расстоянии от самого здания, и с высоты всё обозревалось отлично.

— Неизвестные освободители нас опередили? — улыбнулся Николас. Капюшон сейчас не скрывал его лицо — данного предмета одежды на человеке странного происхождения вообще не было, мужчина поддался уговорам компании и перестал носить плащ в помещении и по ночам на улице.

— Давай проверю, — внезапно предложила Скентия.

— В нашем замке есть волшебное зеркало?

Красавец задрал чёлку, показав знак Шекогана.

— Существует закон, по которому гомункулов обязаны пускать в лаборатории, где их создали. Я телепортируюсь, — он достал из кармана брюк кулон на цепочке, жёлтый камень — артефакт, позволяющий осуществлять магические перемещения. — Если там есть защитный барьер — он на меня не подействует.

— Постоянно эту вещицу не носишь? — Николас посмотрел на кулон.

— Телепортация — подходящий способ перемещения на поле боя и тогда, когда надо срочно искать целителя. А в большинстве остальных случаем можно не экономить время и добираться иным образом. Сейчас лучше спешить, — Скентия нацепил на себя

украшение.

— Оружие бы взял, — посоветовал друг.

— Безоружный человек вызовет меньше подозрений. Ждите, — договорил старейшина и исчез.

— Удачи, — запоздало и чуть растерянно пожелал Николас.

Он спустился в зал, где собрались все, кому не спалось: Кларисса, Джессика и Дашка. Внутренние голоса подсказывали, что вторжение в Шекоган не будет более кровавым, чем какая-либо из битв в течение восстания, но пугала перспектива иметь дело с магами, способствующими появлению одержимых. Дашка по-прежнему была под жутким впечатлением от той сцены в Академии. Невероятно сложно без экзорцистов сражаться с духами, самостоятельными или вселившимися в чужую плоть. Джессика с того дня, когда Теона с Томасом и тремя преподавателями исчезла в Рицции, вообще спала редко и мало. Состоя в Отряде Лесных Воительниц, она привыкла сутками бодрствовать, чем постоянно пугала окружающих. Клариссу терзали раздумья. Уверенность в том, что всё удастся, её не оставляла, и накатывали мысли о жизни, которая будет простираться после предстоящих событий. Всё слишком резко меняется. Сначала была потеря не одного близкого человека — теперь в её банде, её семье, осталось, включая саму ведьму, пятеро. Неизвестно, куда подастся Томас. Теона последует за ним или он уйдёт от них? Николас по приглашению Скентии пребывал в Чёрных Гаванях и вернулся в семью только потому, что потребовался там. Если он возвратится вместе со старейшиной в столицу… Кларисса спохватилась, что подумывает: не пойти ли с ним? Тине, Бруно и Клавьеру придётся решать, как быть дальше, какой путь выбрать, постоянную жизнь в Чёрных Гаванях или продолжение странствий, но уже втроём.

Николас сел рядом, одной рукой обнял. Ведьма положила голову ему на плечо. Напротив точно так же расположились Дашка с Джессикой.

Пока в невидимом замке царила идиллия, Скентия очутился в той лаборатории, где главенствовала Джарома. Пленников тут уже не было, но всеобщая паника присутствовала, проявляясь в каждом жесте и слове.

С возникновением красавца какая-то женщина взвизгнула. Кто-то что-то выронил, разбив. Кто-то сглотнул. Когда дым, эффект телепортации Скентии, рассеялся, половина алхимиков вздохнула с облегчением, половина не сдержала истерического хихиканья. Потом на гомункула накинулись двое, намертво в него вцепившись. Та нервная женщина задала резонный вопрос:

— Вы кто?

— Приподнимите мне чёлку, пожалуйста, — Скентия из-за отменной хватки не мог осуществить это сам.

Женщина грубо дёрнула его оранжевые волосы, падающие на глаз, в сторону и вверх, гомункул поморщился. Взгляд продлился секунду, она разжала пальцы и отошла, небрежно бросив:

— Вы — творение мистера Веолаймера Кердена?

— Да, леди, — спокойно ответил Скентия, помня о возможности в любую минуту телепортироваться.

— Старик мёртв. На Шекоган распространилась поправка к закону о праве гомункулов на свободное посещение мест их создания, — со злорадством осведомила его женщина. — После смерти творца права больше нет.

— Простите, я не знал. Позволите мне удалиться?

— Погоди, Ярия, — обратился к женщине, да и ко всем, кто был в лаборатории, сразу алхимик, вместе с коллегой удерживавший красавца, — это не старейшина Чёрных Гаваней, случайно?

— Вы абсолютно правы, — гомункул не терял самообладания.

— И вам не донесли о смерти Кердена? Подозрительно.

— Никто в Лейшарде не догадывается о моём происхождении, — Скентия, в принципе, не соврал.

— А сами вы не интересовались судьбой человека, подарившего вам жизнь? — Ярия приготовилась подловить красавца на лжи.

— Нет, — старейшина нахмурился. Ему противно было и воображать такое, и говорить. Когда у бедного старика появились проблемы с хранителями закона из-за того, что он раздавал целебные зелья бродягам, которых в те года полагалось казнить на месте, он устроил переполох во всём Лейшарде и прилегающих землях, чтобы разыскать создателя и обеспечить ему неприкосновенность. О плачевном положении старого алхимика ему случайно доложили, вскользь, потом Скентия, не объясняя ничего, конечно, очень щедро отблагодарил этого человека. Потом гомункул выкупил для Веолаймера алхимическую лабораторию: в родном Шекогане колдуна уважали всё меньше и меньше. Он вызволил из Денаувера его сына. Он делал для старика многое и жалел, что не может сделать больше. Скентия порой ненавидел себя за своё неестественное происхождение и обвинял алхимика за то, что тот обрёк его на существование, но эти приступы были редкими и недолгими. Гомункул чувствовал отвращение, в мыслях отказываясь от него, от отца… На родного отца, никак иначе Скентия никогда о нём не думал.

Его испугало внезапное жжение возле глаза. Красавец чуть было не решил: это наказание за ложь. Перемену выражения его

лица Ярия поняла по-своему:

— Стыдно? Может, конечно, ты просто был слишком занят, чтобы помогать господину Кердену. Посоветовала бы тебе попросить прощения у духов, да они гомункулам не внимают, — с притворной жалостью протянула женщина.

Скентии стало совсем плохо. Вот и добралась леди до больного места. Разговор человека с предком — беседа двух душ, то есть их поочерёдные монологи. А у гомункулов души то ли нет вовсе, то ли имеется, да какая-то не такая. Нет права жаловаться; тебя создали и умным, и красивым, и обаятельным — уже хорошо, просто лучше некуда. Но так хочется иногда!

Отметина продолжала беспокоить, сила боли удвоилась. Стон пробрался сквозь зубы.

— Это обычное явление? — среди алхимиков кто-то насторожился.

— Первый раз, — на глазах у Скентии уже проступили слёзы.

— Должно быть, тут есть связь со странным изображением в пятнадцатой лаборатории, — к нему выбрался, долго расталкивая толпу коллег, мужчина лет тридцати, весьма необычной внешности: бледный, с глазами необычайно чистого голубого цвета, пронзительно-яркого — как небо после дождя. Такие же волосы, едва достающие до мочек ушей, отдельные тонкие пряди, заплетённые в косички, добираются до плеч и сползают чуть ниже. — Покажите мистеру Ринхафту, вдруг это ему что-то скажет.

— Пятнадцатая лаборатория… — красавец помнил. — Наши портреты?

— Наши! — издевательски воскликнула Ярия. — Забавно, так называемых братьев и сестёр ты не забываешь. Неужели и они тебя в известность, что Керден скончался, не поставили? Или вы старика коллективно бросили?

— Не они его, а он их, — поправил её необычно выглядящий мужчина тихим грустным голосом — грустным самому по себе, не из-за присутствующих в это мгновение эмоций.

— Я уверен, — процедил Скентия, разговор его с каждой минутой выматывал сильнее, — мои сёстры с братьями только по той причине не помогали отцу, что расстояние мешало или какие другие обстоятельства.

— Надеялся на них, а себе позволил бездействовать? — алхимик старейшину почему-то не упрекал. Кажется, он обо всём догадывался и понимал. Только вот откуда тут взяться понимающему человеку?

Погружаться в обман глубже Скентии было мерзко. Он так хотел, чтобы подвернулся повод исчезнуть из Шекогана!

— Идём, — повлёк его за собой алхимик. — Посмотришь, как ведут себя ваши изображения.

Произносить хоть что-то по пути в пятнадцатую лабораторию гомункул был не в состоянии: ему чудилось, будто у него изо рта польётся грязь, когда он его откроет. Мужчина причинять ему моральные неудобства не собирался, поэтому тоже молчал.

Лаборатория пустовала. Алхимик зажёг хлопком свечи в люстре, но и без освещения мерцание камней в мозаике было видно.

Отметина горела невыносимо, словно красавцу в лицо ткнули куском раскалённого железа, чтобы поставить клеймо. Гомункула пришлось закусить губу, не давая крику вырываться.

— Ещё сильнее болит? — заволновался проводник-освободитель.

Старейшина смог только закивать. Алхимик глянул на посох в руке мозаичного Скентии, где на украшении и поражало мерцание, потом опять на красавца.

— У тебя было такое оружие? — он подошёл к стене и ткнул пальцем в соответствующую часть изображения.

— И сейчас есть… Только оно дома, то есть там, где я остановился.

Словно завороженный, Скентия не мог отвести взгляда от стены. Ему сразу вспомнилось, как его, Эрфу, Ниорику, Мариера и Терфеса привели сюда, показать мозаику. Сначала все кривятся: каждый обнаружил в собственном портрете десяток преувеличенных недостатков и столько же достоинств, которые художник поленился изобразить в полной мере. Потом братьям и сёстрам после длительного, пристального и критического созерцания начинает нравиться. Следуют восторги и похвалы, а Веолаймер, смеясь, уверяет, что запрещает своим детям сомневаться в их красоте. Тем вечером старик сказал, что они должны покинуть Зальван.

Алхимик не торопил гомункула. Скентии вдруг привиделась Ниорика, да так явственно, что он испугался, однако прогонять видение не собирался. Впрочем, оно бы не ушло. Воительница, обхватив склонённую голову, сидела на камне у воды. Неподалёку шевелил кронами лес, раскинулся лагерь отряда. Слава предкам, сестра не на территории риксов: жестокий народ занимает земли скалистые, а тут никаких возвышенностей. На предплечье Ниорики белеет повязка. Символ Шекогана и ей о себе напомнил. Один из воинов поспешил к предводительнице, зовя девушку. Стоило той обернуться и что-то пробормотать — видение сменилось. Эрфа просыпается на сеновале, прикладывая ладонь к запястью. Новая картинка — Терфес, идущий вместе с

группой непонятных людей, похожих на банальных бродяг, оборванных и грязноватых, хватается за грудь и падает на колени. Наконец, Мариер, читающий лекцию в аудитории, полной заинтересованных студентов, и сопровождающий речь написанием формул на доске, вскрикивает, оседая на пол.

— У них то же самое… Отметину жжёт, — сообщил Скентия, перестав воспринимать алхимика как чужого. — А у меня уже не болит, — осознал старейшина внезапно.

— Наверное, это означает: ты у цели. Остаётся дожидаться твоих друзей, — протянул мужчина.

— Ты меня поддерживаешь? — удивился гомункул. — Нам суждено воссоединиться ради благого дела, но представления о добре и зле у нас разные.

— Я в Шекогане из-за родителей. Они должны Дориану; сумма такова, что им за жизнь и половины не заработать. Поэтому я у хозяина чуть ли не в рабстве. На мою беду, я талантлив, а Дориану хорошие мозги в лабораториях ой как нужны. Это я ещё терпел, но когда я попал в число алхимиков, переведённых в подчинение к повелительнице…

— Так ты знаешь обо всех её намерениях? — оживился красавец.

— Сторонники госпожи Фаризе — бездумные исполнители. Мы слепо выполняем приказы. У нас один эксперимент провалился, и все в страхе ждут, как отреагирует госпожа, — вздохнул мужчина. — А я рад, что не задалось. Среди жертв опыта есть девушка из Большого Мира, Элли. Не для того леди к нам попала, чтобы быть материалом для кого-либо.

— С ней всё хорошо?

— Не совсем. Намереваешься спасать — действуйте быстрее. В Шекогане переполох, час назад сюда вторглись неизвестные, охрана слишком слаба оказалась, вернее, малочисленна. Завтра на страже вы рискуете узреть огнедышащих и ядодышащих драконов, сотню боевых магов и парочку демонологов в придачу, — предупредил алхимик.

— Ты весьма открыт. Я же обмануть могу, притвориться!

— Не обманет это, — мужчина показал на мозаику.

— Ривальд!! — к ним поднялась Ярия. — Что за праздные беседы?!

Теперь Скентия пожалел, что оружия у него нет. Конечно, женщина слышала, о чём в его с Ривальдом диалоге шла речь. Телепортироваться гомункул мог только в одиночестве, свойства кулона брать с собой второго человека не позволяли; оставлять несчастного доброго алхимика на растерзание коллег старейшина не собирался.

К Ярии подходили другие работники Шекогана, вооружённые. Многие — на манер Скентии, и с посохом, и с жезлом. Мелькнуло в мыслях наставление Веолаймера: не вздумайте, дети, расставаться с вещами, что я вам подарил на прощание!

— Ну что, Ривальд, наши опасения подтвердились? — усмехнулась Ярия.

— О чём ты? — ляпнул алхимик, заслоняя собой Скентию — тот сразу его отстранил.

— О цели, которая соберёт последних пятерых гомункулов господина Кердена вместе, — пропела женщина, нарочно не замечая нелепости вопроса коллеги.

— Да или нет, отвечай! — вспыхнул кто-то за её спиной.

— Будто непонятно, — проворчали добродушным басом, совсем не подходящим для человека, рассчитывающего в ближайшие десять минут причинить вред невиновному или хотя бы поглазеть на то, как это сделают другие.

— Пусть он сам нагло нам соврёт или сдаст новоявленного дружка, — хохотнула Ярия.

Скентия, поддерживая Ривальда, который от ужаса уже на ногах плохо стоял, отчаянно силился вспомнить, где в замке были оставлены жезл с посохом. Если телепортироваться точно в то место и сразу же вернуться сюда — всё займёт секунды, на алхимика если и набросятся, то не успеют нанести ему такие повреждения, физические и магические, чтобы вред здоровью оказался непоправимым, а то и вовсе несовместимым с жизнью. Может, убивать его вообще никто не планирует, алхимика потащат в лабораторию, пустить на новый эксперимент, или сообщат Фаризе, что именно из-за Ривальда её приказ не выполнили.

Старейшине Чёрных Гаваней понадобились мгновения на скользкую, быструю мысль обо всём этом, ледяной слизью стекающую из горла в живот. Алхимики ещё упивались беспомощностью тех, кого загнали в угол в прямом и переносном смысле — вдруг в коридоре, из которого все перебрались уже в лабораторию, взметнулось зелёное пламя. За упавшими языками изумрудного огня обнаружились двое: мужчина, не известный никому из присутствующих, и парень, с которым Скентия был знаком лично, а алхимики Шекогана запомнили его лицо, периодически видя его на стене пятнадцатой лаборатории.

— А я-то думал, первым приду, — хмыкнул Мариер. — Спасибо, Дион, — кивнул он спутнику, тот скрылся за пламенной стеной и пропал.

— Вампир?! — ахнули в толпе.

Мариер широко улыбнулся. Кому-либо другому такая улыбка не пошла бы, смотрясь слишком неестественной, но только не гомункулу. На меньшую, казалось, он способен не был.

— Не полуночник, случайно? — насторожился очередной алхимик. Полуночниками называли особый вид вампиров, обретающий клыки и жажду крови только ночью. Сейчас на улице по-прежнему господствовала темнота, но шесть часов — это всё-таки раннее утро.

— У них с клыками и цвет глаз пропадает, — возразили ему. — И на гомункулов вампиризм не распространяется!

— Приятелей ваших ждать станем? — ухмыльнулась Ярия, протолкавшись к Мариеру. Скентия, отличавшийся достаточно высоким ростом, прекрасно всё видел. Брат, всегда страшно переживавший из-за цвета глаз, теперь сиял от радости: вот, теперь от него польза, не только мне, но и тебе.

— Я поступил просто — телепортировался сразу, как понял, что надо, — старший гомункул развёл руками. — Братишка, полагаю, тоже, так как законы вы вряд ли соблюдаете, и стража у ворот его бы не пропустила. Эксперименты над людьми сколько веков назад запретили? В одной из ваших лабораторий я заметил. Наверное, она не единственная.

— Какие ж вы у Веолаймера умные получились! — воскликнула издевательски Ярия. — Тащите их вниз, куда должна прибыть повелительница духов.

Скентию поволокли к выходу двое, Ривальда, не сопротивляющегося, тащил за собой один. Поравнявшись с братом, старейшина шепнул:

— Я отлучусь ненадолго, — и мысленно воззвал к помощи магии артефакта, болтающегося у него на шее. Красавцу отказано не было.

В комнате, откуда он попал в Шекоган, никого не оказалось, разумеется. Из родного оружия Скентия заметил жезл, а интересовал гомункула куда больше посох, подарок Веолаймера. Оббегая в поисках залы, старейшина попал, наконец, в тот, где сидели обитатели замка, от которых упорхнул сон: Дашка, Джессика, Николас и Кларисса.

— Ты выяснил? — выпалил друг, подскакивая с кресла.

— Как раз того, за чем отправлялся, не успел, — невнятно пробормотал Скентия, оглядывая зал: посоха не было. Констатировав это, он заговорил громче и отчётливее: — Мы, гомункулы Веолаймера Кердена, должны найти друг друга. Знак беспокоит сильным жжением.

Красавец продемонстрировал компании его, убрав с лица волосы. Оттого, что все к нему подошли, Скентия заметно

смутился, когда принялись пристально разглядывать, ему стало совсем неловко.

— Боль означает именно то, что вам надлежит встретиться? — уточнила Дашка, снова устраиваясь на софе; следом от старейшины отступила Джессика, затем — Кларисса. Николас, наблюдавший за реакцией ведьм и воительницы, вовсе не вставал.

— Как только я подумал об этом, она прекратилась, — ответил гомункул. — Мой брат, Мариер, уже телепортировался в Шекоган. На объяснения нет времени, поднимайте всех. Человек, который и натолкнул меня на мысль о встрече, в опасности, с ним и Мариер, оба безоружны.

Два раза приказ повторять не пришлось.

— И принесите мне жезл, он, кажется, пригодится! — крикнул Скентия Джессике с Дашкой, уносящимися из зала последними.

Спустя минут пять были подняты Патрик, не упустивший случая предложить компании помощь, Саша и Бруно. Предполагалось, что Клавьер пойдёт с ними, но парня в его комнате не обнаружили, в спальне Шаки — тоже, как и саму юную ведьму.

— Чего нам только не хватало, так это исчезновения молодой девушки и юноши, — процедила Кларисса, когда влетевший в зал Саша поставил всех в известность.

— В замке кому-то придётся остаться, — помрачнела Джессика. — Они вряд ли просто так ушли, погулять под звёздами. Неизвестно, в каком состоянии возвратятся.

— Тина здесь будет, — понадеялся успокоить её Бруно.

— А будет от неё польза? Она не целитель, в эликсирах не разбирается, от проклятий избавлять не может.

— Прости, Джесс, нам некогда, — отрезал Скентия, прицепляя к поясу обретённый жезл.

Все ожидали, что воительница набросится на него с обвинениями (хорошо, если не с кулаками). Нет, она даже не дёрнулась. Вполне вероятно, что некогда. А до этого дня было время предотвратить беду? Было. Воспользовалась шансом? Опоздала. С Теоной ничего не смогла поделать, свою ошибку Джессика осознала года четыре назад. Может, до того, как сестра оказалась вынуждена противостоять мёртвым слугам мистера Мортиса и чуть не погибла, может, после трагического события. И Шаки упустила. Себя, наверное, тоже.

Скентия, взяв со стола принесённую Клариссой из лаборатории невидимого замка банку с зеленовато-белым порошком. Он высыпал его вокруг компании, где все встали

плотнее друг к другу, сам зашёл за получившееся кривоватое кольцо, щелчком пальцев воспламенил его. Языки заплясали не изумрудного цвета, привычного для магического огня, а менее насыщенного зелёного оттенка, приятного, не так режущего глаз. Они поднимались выше, выше, делались мощнее и скрыли зал полностью, резко затухнув спустя полминуты. Порошок телепортации, изобретение Патрика, не подвёл. Команда перенеслась в Шекоган, на первый этаж.

Глава 27 Чужое… Чужие…

Я проснулась от холода. Какие же на территории риксов холодные ночи! Подо мной — ледяная земля, жёсткая, без единой травинки. Укрываться нечем. Госпожа Ави снова зла на нас, поэтому все мы спим без малейшего намёка на постель. Где-то воет зверь. Слышен трепет крыльев. Хоть бы не гарпия!

Поток жутких звуков прервался всхлипами Линерги. Бедный мальчик, ему всего одиннадцать! Сейчас он в Отряде младший, но бывали у госпожи и десятилетние. Таких ребят особенно жаль. И не столько потому, что детей заставлять воевать и партизанить — последнее дело. В пятнадцать можно совершить преступление, вплоть до убийства. Наказание в виде службы в Отряде Смерти для малолетних преступников — несоразмерное, но наказание. А детишек совсем маленьких отправляют госпоже в основном родители, которым ребёнок оказывается не нужен. За что тогда мучения? За циничность матери или отца, не способных любить чадо просто так?

Линерга сидел под деревом. С ветвей густо свисали лианы, они прятали его. Я раздвинула толстые стебли, руку что-то обожгло: тут половина растений или ядовитые, или «кусачие»… А есть хищные, запросто перекусывающие запястье.

— Линерга, — тихо позвала я.

Мальчик поднял большие заплаканные глаза.

— Боишься? Хочешь, посижу с тобой?

Он молча подвинулся. Ствол у дерева толстенный, я тоже смогла прислониться. Ребёнок положил голову мне на грудь.

— Завтра госпожа убьёт кого-то, — прошептал Линерга. — Она на меня слишком часто поглядывала, я боюсь, вдруг жертвой выбрала меня?

— Это мерещится всем. Ты не думай — и всё.

— Не получается. Не я умру, так другой. Чем он хуже меня?

Я смогла лишь тяжело вздохнуть. Подобные рассуждения совсем не детские, но в Отряде Смерти уже не дети.

В следующую секунду вопрос Линерги стал казаться мне песней: на дороге зазвучали голоса, принадлежавшие риксам. Я была вынуждена зажать мальчику рот: вскрик привлёк бы внимание. О, великие Ветры, я же оставила кинжалы там!! Линерга, по-видимому, тоже. Соваться к представителям воинственного народа без клинка, стрел или магического оружия — верная смерть. Неужели придётся отсиживаться в надежде, что Отряд как-то справится?

Шаги прекратились. Хоть у риксов есть правило, требующее

убивать тех, кто спасает им жизнь, спящих трогать моральные законы им запрещают. Стоит одному проснуться — на него рикс кинется с мечом. А очнётся второй человек — ринется в бой вся группа риксов.

Чей-то вскрик, лязг стали оружия. На ногах Отряд оказался моментально. Резкие фразы противников, вроде на обычном языке, но всё равно непонятные, резали слух. Их язык стал слишком отличаться от альданского, изменившись с тех пор, как этих людей, когда-то совсем маленькое племя, выгнали из королевства.

— Вальда! — выпалила девчонка-рикса, сделав ударение на первом слоге. Мы успели понять, что слово произносят, прерывая чью-то жизнь. Может, извинение перед теми, кому они поклоняются. Не знаю. Близко с их религией и обычаями я близко не знакома, слава предкам.

Непонятные вопли участились, посыпавшись с невероятной быстротой. От каждого петля страха на шее затягивалась сильнее. Внезапно к нашему убежищу подбежали. Меч отсёк часть лиан-занавесок, перед нами предстала молоденькая рикса. Левое бедро и рука исполосованы мерзкими шрамами (коротенькая юбочка, напоминавшая скорее повязку, и кусок шкуры, как-то державшийся на груди, их не прятали), длинные светло-русые волосы оплетены лентами из кожи и растениями. Оружие девчонки — длинный, с узким лезвием, сильно изогнутым, меч.

— Вальда, — произнесла рикса, в этот раз с ударением на последнем слоге.

Несколько соплеменников подошли, опустив свои мечи, обычные, только очень уж большие. Этот народ высокий, даже женщины почти все двухметровые, а уж мужчины — вовсе великаны. На нас взирали двое молодых, похожих друг на друга, наверное, братья, с разницей в возрасте года в три, двое пожилых, совсем седовласый и с проблесками седины, и человек среднего возраста. Осанка делала их ещё выше, суровый взгляд заставлял трепетать перед ними. У всех, как и у девушки, заметившей нас, проведены полосы краски на лицах, чёрной, белой и зелёной, роскошные волосы не лишены украшений.

— Вальда минас? — спросил старший.

— Реганта-минас, — дала непонятный нам ответ девушка.

Старик подхватил нас и куда-то понёс. Я краем глаза увидела побоище. Риксов было, кажется, семь или восемь, несчастные дети облепляли их, как бешеные собаки, сама госпожа сражалась ещё с тремя. Кошмар я наблюдала секунду, потом меня оглушили.

Очнулись мы с Линергой на огромной каменной плите,

привязанные за руки и за ноги. Вокруг столпились риксы, все ещё юные. Каждый держал по немаленькому яйцу ржавого оттенка с чёрными неровными пятнами. Среди них была девица, благодаря внимательности которой на нас сейчас эти подростки и пялились. Теперь вместо странного меча у неё был жезл, примитивный, просто палка с черепом животного на конце. Настоящим. Из глазниц пробивался красноватый свет.

Она подняла его над головой, заговорила:

— Реганта-минас, нам известно, что тебе пора получить кровь, пролитую тобой за нашу свободу, которая теперь всё время омывает наш путь, падает на нас дождём и блестит утренней росой. Мы всегда возвращаем долги, и этот тоже вернём. Много жертв было тебе принесено, Реганта-минас, и столько же мы готовы тебе дать ещё, лишь бы ты осталась довольна. Скажите, как вас зовут, вальды, — потребовала жрица.

— Линерга, — прошелестел мальчик.

— София, — покорно назвалась я.

— Реганта-минас, прими этих вальдов, Линергу-ниас и Софию-миас. Арестио, — закончила она непонятным словом, резко опустив отвратительный жезл.

Череп от удара разделили на части трещины, но на куски дикое украшение жезла не разлетелось. Из разломов свет стал лучиться гораздо интенсивнее, чем из глазниц. Каждый луч попадал на одно из яиц, которые держали риксы. Под их действием скорлупа начала трескаться. Наружу высовывались страшненькие чёрные морды. Существа оказались драконами. Из пастей, где уже торчали тонкие и острые, как иглы, клыки, капала жёлтая слюна.

Детёныши, порыкивая и пофыркивая, спрыгивали на плиту, риксы отступили на незначительное расстояние. Возле нас осталась только жрица, оцепеневшая с широко распахнутыми глазами. Дёргались лишь губы, произносившие что-то.

Я и не подозревала, что такие маленькие существа могут так больно вгрызаться в тело. Не было возможности сбросить их, так крепко мы были привязаны. Ещё и голова раскалывалась от наших же криков. Но мне вдруг повезло. Одна из верёвок, удерживающих меня, лопнула, я попыталась помочь себе и Линерге освободившейся рукой. Хотя какая это помощь! Оттаскивала одних тварей — подползали другие. Особенно наглый дракон впился в моё плечо, отказываясь разжимать челюсти. Судя по особенно глубокой боли, он пустил в меня яд. Я умираю… Умираю… Умерла.

— Леди Сагрена! Умоляю, не спорьте с принцем! Если он желает вас видеть, подчинитесь! — трясла меня за плечо

Эндирис, служанка.

Мне снился кошмар? Неужели я за письменным столом уснула? За учебником некромантии!? Это чтиво, слишком обильно иллюстрированное, уж никак засыпанию не способствует.

— Почему ты не разбудила меня? Я, должно быть, кричала. Могла бы догадаться, что мой страшный сон можно прервать, — упрекнула я Эндирис.

— Это я и пыталась осуществить последние десять минут, — протянула служанка. — Вы мою руку стряхивали. И глаза у вас открыты были.

— Да!? — я не могла поверить в сказанное эльфийкой — именно к этой расе принадлежала Эндирис.

Мне хорошо известно, что духи Риции могут забрасывать смертных в свои воспоминания. Более того, так со мной не раз поступали. Только я была в них наблюдательницей, и созерцания кровопролитий мне было достаточно. Впервые меня сделали участницей событий, я, кажется, попала на чьё-то место.

— Да, — вздохнула служанка, отвечая мне. — Спускайтесь к принцу.

— Какому? — не поняла я.

— Эзарии Альмонду Чезигеру, сыну нынешнего правителя Альданы. Вы же уже виделись с ним! — недоумённо воскликнула эльфийка.

Расстраивать милую Эндирис своим провалом в памяти я не хотела, однако на лице у меня всё явственно пропечаталось. Пройдя к висевшему на стене зеркалу в массивной медной оправе — множеству змей, переплетающихся друг с другом и с костями, я поразилась отражению. Откуда взялись круги под веками? Всклокоченность? Следы слёз на щеках, очевидно, от физических мучений.

— Помоги мне привести себя в порядок, — простонала я, обращаясь к служанке с просьбой.

Готова к встрече я стала через полчаса. Пока я шла по коридорам дворца, так ненавидимого мной, задумалась: Отряд Смерти для меня что-то значит. Я знала о его существовании ещё в мире смертных, но не просто так, а в связи с чем-то. Проклятье, над моей памятью зверски надругались!

Молодой человек, ждавший в Зале приёмов, казался абсолютно незнакомым. Мне стало совсем не по себе. Парень это уловил.

— Вы обеспокоены, леди Сагрена?

Я почувствовала желание разреветься. Страшно терять прошлое. Из-за обилия чужих воспоминаний начинаешь путать их

с собственными, наверное. Меня зовут Даниэла Фейленора Сагрена, мне восемнадцать лет, я белый маг, принцесса, жила в Зальване…

Слёзы, как всегда, вы некстати!

— Ну что вас так расстроило? — забормотал принц, поглаживая меня по голове и спине.

— Я не могу больше тут находиться, — я вытерла противную солёную жидкость с ресниц. — Передайте моему отцу, чтобы он забрал меня, иначе я сойду с ума.

— Короля Мартина нет в живых, сожалею. Вообще странно, — как-то подозрительно легко сменил он тему, — вы совсем недавно были в абсолютно здравом уме.

— Мне самой боязно. По-моему, кто-то что-то против меня имеет и желает мне навредить, — сообразила я.

— Может быть, — согласился парень. — Вас сделали жертвой воспоминания?

— Как вы догадались?

— В Риции это основной способ злодеяния. Держитесь, леди Сагрена, — он встал, собираясь уйти. — До скорой встречи.

София сидела на бортике фонтана, шумевшего у окна комнаты, свесив ноги в тёплую, почти горячую воду. Каджайя своего добилась, воспользовалась кошмарами, её, Ады с Десмилией и Теоны с Томасом. На шее висит кулон в виде черепа, Поглотитель тьмы: все вещи компании вернули, как обещали. Молодая женщина его сняла, чтобы посмотреть. В этой маленькой штуковине — всё зло, что накапливается в ней. Боли, грязи и тоски там было много, от неё кулон то и дело нагревался, медленно остывая. Холода металла София не почувствовала ни разу. А сейчас только он и есть. Всё ужасное, что было с демонологом, не стёрлось, но в голову без разрешения не лезло, а когда проникало, удалялось по первому приказу. Ослабело. Не властвовало. Одолевало осознание того, что это зло теперь заставляет мучиться *её*. И опустошённость. София могла часами глядеть в одну точку.

Вошёл Томас:

— Мы покидаем Город.

Компания находилась уже в другом Городе, в другой гостинице. А в скольких придётся ещё побывать? София кивнула другу, тот скрылся за дверью. Профессорша, оставив за собой дорожку мокрых следов, приблизилась к письменному столу, взять стоявшую там бутыль с эликсиром. Должен придавать бодрость, да так и происходит. Просто эффект длится недолго. Но без него никак не обойтись: эликсира оставалось глотков на

двадцать, это на три приёма.

Взгляд упал на подсвечник в углу стола: ведьма, облачённая в запахнутую мантию с капюшоном, который накинут на кудрявую голову, держит свечку в ладони. Вторая рука сжимает посох с настоящим крошечным рубином. Такая красота стояла в спальне в замке, в самой любимой комнате среди огромных покоев принцессы. Каждое утро она с этой ведьмой здоровалась, иногда и вовсе разговаривала. Даниэла назвала её Самрат. София тоже удостоилась чести с ней познакомиться.

Неожиданно демонолог спохватилась, что вспоминает об этом от лица самой принцессы: себя маленькую она видела со стороны, да и как в мыслях у профессорши могло проноситься утро дочери Мартина, если София в такое время находилась или возле матери, или в своей комнатёнке?

— Томас! — позвала она друга, надеясь, что он ещё не удалился в номер.

Парень вернулся без вопросов, даже без отрывистого дежурного «Да?».

— Томас, у меня случился приступ воспоминания Даниэлы.

— Как это? — из её слов некромант понял одно: с профессоршей что-то серьёзное.

— Только что я мысленно созерцала её прошлое её глазами, — замерев, принимая решение, София залпом осушила бутыль с эликсиром. Отчаянный поступок взволновал Томаса сильнее, во взгляде появился испуг.

— Какие-то дикости? — пробормотал парень.

— Абсолютно безобидное утро, такая вот штука, — София подняла подсвечник, потрясла и по безмолвному требованию Томаса поднесла, чтобы дать посмотреть. — Такая же в моей комнате красовалась.

— То есть в спальне принцессы, — поправил её Томас.

— Я и говорю, — проронила женщина.

— Покои Даниэлы не твои, — нахмурился некромант.

София была вынуждена отступить, чтобы упасть на кровать, так ей сделалось дурно от страха за себя и за подругу королевских кровей. Ей представилось так явственно спокойное, размеренное начало дня, а Даниэле, значит, — будни Отряда Смерти.

— Тебя надо постоянно отвлекать от раздумий, — сказал Томас, когда испуг откатил.

— Это сложно, — произнесла София, расхаживая по номеру и собирая вещи, которые потом она складывала в сумку, лежавшую на постели. — Всем нам стараться надо будет, в одиночку никто не справится. У тебя самого всё в порядке?

— Пока что, — грустно сказал колдун. — Интересно, если на меня нахлынут воспоминания девушки… А Даниэла станет думать, как парень.

— Ни к чему хорошему это не приведёт, — в номере появился третий человек — Десмилия. Бесполое нечто, несмотря на обилие в комнате мест, куда можно было опуститься, осталось в двери, в проёме, прислонившись спиной к косяку — вход оказался загорожен.

— Мы не сомневаемся, — протянул Томас.

— Я по собственному опыту знаю, — последовало откровение. София с некромантом уставились на профессора чёрной магии, выражая намерение выслушать всю историю от начала до конца, желательно в подробностях. Им отказано не было. — Мы с женой были экзорцистами. Ещё шесть лет назад я служил при храме в Алиоре.

— Бывал я там, — вставил Томас и пояснил для Софии: — Это неподалёку от моего родного города. Ты, Десмилия, стало быть, мужчина?

— Верно, правда твоя была, — улыбнулся маг и продолжил: — Мы с Джевой являлись экзорцистами высшего уровня, на задания отправлялись вдвоём, без помощников. Наверное, вы догадываетесь, о каком трагическом случае я вам поведаю?

— Тебя атаковал дух женщины, выгнать его не удалось, — ответила София.

— Всё так и произошло, — подтвердил Десмилия. — Полтора года изнутри он так меня терзал, что я успел совершить восемь попыток самоубийства. Спасали разные люди. Последний раз — Велистер Рэймон.

— Наш старик? — изумилась профессорша.

— Именно он, — стало заметно, что об этом колдуну говорить приятно, к декану факультета белой магии Десмилия был по-особенному привязан. — Жена меня бросила в том поселении, куда нас вызывали провести сеанс очищения. Из-за неё я и пострадал. Прикрывал её, а оказалось, что Джева как раз и рассчитывала на то, что на меня нападут, её не тронут, и она сможет убежать. Я ещё соображал, когда эта женщина покидала руины, послужившие духам пристанищем. Она, остановившись возле меня, катающегося по земле от дикой боли, и сказала: «Спасибо, Десмилия. Ты мне больше не нужен. Извини».

— А до этого момента изображала любящую супругу? — София скривилась.

— Нет. Через год после свадьбы выяснилось, что мы сильно поторопились с этим знаменательным событием. Обвенчались мы, когда Джеве было восемнадцать, мне — девятнадцать.

Внезапная страсть, растаявшая так же стремительно, как возникла. Разрешение на развод мои родители не давали из вредности — были против свадьбы и в отместку захотели заставить меня помучиться. Её отец с матерью полагали, что любой совершеннолетней особе муж просто-таки необходим, любой, пусть и не любимый. Вот и жили, ругаясь да ссорясь.

— А родители твои ничего не ощутили, узнав, что из-за жены ты пострадал? — поинтересовался Томас.

— Не знаю, потому что я не вернулся. Гоняемый духом, я надеялся «вернуть» себе женское обличье, мне, естественно, объясняли, что женщину из меня сделать невозможно. Трижды я попадал в приют для душевнобольных, не задерживаясь. Скитания продолжались, пока я не очутился у ворот Магической Академии. Ты знаешь о её традициях? — спросил Десмилия Томаса.

— Немного. Одного года учёбы там мне не хватило, — вздохнул некромант.

— О том, что к воротам Академии сбредаются все бродяги, слышал?

Томас качнул головой.

— Они приходят туда в надежде, что их избавят от болезней — целителей ведь у нас целый факультет. Кто-то уходит потом здоровым, кто-то попадает на стол студентам-некромантам. Тем, кому повезло, помогают жизнь наладить. Мне эту самую жизнь сперва спасли — я наглотался отравы. По чистой случайности осуществил ужасную затею я возле Академии. Велистер вышел из ворот, когда я уже умирал. Завершить начатое он мне не позволил, — Десмилия прервался, подавил вздох, заговорив снова с чуть более грустными интонациями: — Дух, поселившийся во мне, слишком прочно засел. Из-за него мои способности мага-священника сменились даром тёмного колдуна. Он усмирён, конечно, но до сих пор начинает бунтовать, стоит мне напомнить ему о том, что я не женщина. Вот и скрываю ото всех, кем на самом деле являюсь.

— А голос у тебя от природы такой… странный? — Томаса слегка смутил собственный вопрос.

— Таким сделался.

— У тебя в страшных воспоминаниях тот день, да? — пробормотала София.

— Те полтора года, — чёрный маг опять замолчал. — Мы уходим? — он будто только сейчас заметил, что София собирает сумку.

— Нам предстоит пересечь три небольших Города. Готовься, там обитатели не из дружелюбных. Город убийц, Город

предателей и Город завистников, — Томас поставил друга в известность. — Тёмные священники в них нередко подыскивают наёмников, вероятно, кого-то попросили остановить нас.

Вскоре компания шла уже через лес. Он был необычен: повсюду белел лёд в виде различных сооружений: ворот, арок, беседок, колонн. Попадались заледеневшие ручьи, на листьях и травинках сверкали камешки замёрзшей росы, свисали с ветвей ряды сосулек. Под ногами пятнами красивых оттенков всей холодной гаммы раскидывали большие лепестки цветы, тоже в росе.

Путь пересекла неширокая река с достаточно быстрым течением, переносившим крупные льдины. Переплывать было опасно, моста не наблюдалось. Друзья знали, что это — река Случайностей. Она опутывает всю Рицию, как паутина, имея множество притоков. Перебраться на другой берег невозможно: течение не позволит. Даже если изловчиться и добраться до той стороны — тебя оторвёт от земли силой. А куда принесёт — это и есть случайность. Следует искать другую дорогу.

За компанией следили. На громаднейшем расстоянии от берега звонкой, чистой, красивой, но такой зловещей реки, где остановились странники, во дворце старейшины Города, который все местные называли Лагшардом, Эзария Чезигер сидел перед волшебным зеркалом.

— Левимус! — негромко позвал он, зная, что его голос зазвучит в ушах слуги, даже если будет тишайшим шёпотом.

— Да, мой временный повелитель? — перед принцем материализовался юноша, высокий, худой, смазливый, с красновато-коричневыми волосами, справа длиной выше плеч, слева — ниже; раскосые карие глазищи не смотрели в одну точку дольше пяти секунд. Рукава рубашки были закатаны по локоть, штанины брюк просто подкатаны, чтобы не наступать на них: слишком уж длинные.

— Не издевайся, — усмехнулся Эзария.

— Хорошо! — воскликнул слуга, исчез и снова появился: — Что надо!?

— Вот вернусь в Альдану, попрошу тёмного священника вытащить тебя из царства мёртвых и натравлю экзорцистов…

— Убедил!! — притворно возмутился парень, телепортация туда и обратно повторилась: — Да? — произнёс он спокойно, хотя и ему, и сыну короля хотелось смеяться.

— Сделай так, чтобы этот сброд, — младший Чезигер ткнул ногтем в зеркало, — не отошёл от реки и отдался её воле.

— Как прикажете, — хмыкнул Левимус, оглядывая изображение. — Слушайте, а если это всё сброд, можно я

девчонку, — юноша показал на Теону, — себе присвою?

— Вот она-то исключение! Из-за неё тут торчу демон знает сколько времени.

Слуга пальцем провёл линию по зеркальной поверхности, проявившуюся в отражении ледяной стеной, толстой и высокой.

— Гениально! — расхохотался некромант.

— Телепортация им не поможет, — пояснил юноша. — В Риции…

— Смертные не могут к ней прибегать, — закончил за него Эзария. — У меня есть кое-какие представления. Должен же был я понимать, куда суюсь.

— Вы отпускаете меня, стало быть? — Левимус опять съязвил.

— Похоже, положение прислужника на целую вечность тебя особо не тяготит, — заметил принц. — Не отправили бы тебя в загробный мир вслед за хозяином, всё равно бы тут оказался.

— Хозяина, кстати, недавно отозвали в Альдану, — похвастался слуга. — По слухам, в Бесталон, столицу Нерфастона.

— Никак понадобилось разобраться с нахлынувшими риксами? — хохотнул парень.

— А то! Против них духи — самое неэффективное средство, слишком у народа шаманы сильные. Не ведаю, что за дурак распорядился беспокоить наших духов, но спасибо ему за огромную надежду на скорое освобождение от хозяина.

— Как ты его любишь!

— Уж не сильнее, чем ты свою мать. Эй, ты чего? — прыснул юноша, увидев, как всполошился принц. — Побаиваешься? Но тебя не сдам. Мне для поднятия настроения достаточно владеть этим тайным знанием: сам принц Альданы кое-чего опасается.

— Левимус, благодарю за помощь. Ты свободен, — выдохнул Эзария, отходя от короткого, но мощного шока. Как бы отец его не любил — жену он обожал сильнее. Да и так относится Ирвинг к сыну скорее по привычке, потому что любить кого-то надо, или вообще как часть покойной супруги, её кровь.

Слуга с картинным поклоном оставил повелителя, растворившись в белой дымке, хлопьями расползшейся по комнате, сейчас их было слишком много, обычно они таяли сразу же. Эзария отбился от одного, второго, потом простым заклинанием избавился от всех сразу. Минуту-другую некромант пытался уследить за происходящим в зеркале, но это не смогло его увлечь. Парень даже не заметил сразу, что изображение превратилось в его собственное отражение.

Теоретически он мог и отца убить. Так даже удобнее — сразу

станет королём. Но желания не возникало. Даже мысли не проскальзывало, только сейчас. Причём идея есть, стремления претворить её в жизнь — нет. Если бы ему предложили сейчас корону, Эзария бы особо не радовался. В комнате одна стена была увешана портретами. Принц подошёл и дотронулся до самого большого, размещённого в центре. На нём был какой-то эльф, а появилась Теона. Вот всё, что ему нужно. Идеальная жена и мать. Впервые молодой человек задумался о семье.

На берегу реки Случайностей тоже напряжённо думали. Препятствие — всего лишь стена, но стоило глянуть вверх с предположением, что через неё вполне возможно как-то перебраться, — преграда вырастала на пару метров. Чтобы увидеть, где она заканчивается, приходилось уже голову не просто задирать, а запрокидывать.

— Сдаётся мне, другого выхода нет, — Теона опустила палец в воду, сразу отдёрнув: настолько река оказалась ледяная.

— Тебе из нас больше всех досталось. Неужели не догадываешься, что дальше только хуже будет? — фыркнула София.

— Но она права, — присевшая Ада наклонилась над водой, увидев там незнакомую женщину, рыжеволосую, в латах. Точно так же, как профессор некромантии держала жезл, она держала знамя. Брюнетка отбросила оружие — со знаменем отражение поступило аналогично.

Возле Ады сразу же остановилась льдина. Женщина обернулась — все к ней приблизились и чего-то ждали.

— Решаться надо, — протянул Десмилия.

— Осознаёте, что по этой реке нельзя путешествовать вместе? — напомнил Томас.

— Мы представляли, на что идём, — Ада поднялась с колен, собираясь встать на льдину.

— Постой! — воскликнула вдруг Теона. Когда профессорша от неожиданности замерла, священница бросилась на неё с объятием. — Береги себя.

Томас, Десмилия и София сообразили, что им следует тоже попрощаться с некромантшей. После того, как каждый повторил за Теоной, Ада, сглотнув, ступила на лёд, быстро унёсший её за поворот.

Следующей отважилась София, не позволившая обнять себя хоть одному человеку. Проводив и Десмилию, молодым супругам предстояло самим проститься. Очередной кусок затвердевшей воды прибился к берегу, они переводили взгляд с него друг на друга и обратно.

— Давай вдвоём? — предложила Теона.

Томас согласился. Только они очутились на льду, некроманта столкнуло в воду невидимой силой, вскрик жены перекрылся всплеском. Ко дну его тянуло долго, не захлёбывался он исключительно из-за действия в реке магии. Когда парень вынырнул, берега были уже другие. Вдоль одного тянется аккуратная, выложенная чем-то белым дорога, у дальней стороны её в ряд посажены деревья, на ветвях которых сиреневых цветков больше, чем листвы. Ветерком лепестки срываются, усыпая дорогу и падая на воду. За этой своеобразной аллеей — небольшая равнина, ограничивающаяся лесистыми холмами. За ними горит жёлтыми и оранжевыми огнями самый большой — Город. Вдоль другого берега — узкая полоска голубоватой гальки и чаща.

В поле зрения Томаса угодил юноша, шедший по аллее навстречу течению. Парнишка некроманта заметил, и та же самая сила выволокла мужа священницы на сушу.

— Спасибо, — всё-таки сказал колдун. Вызволили его из плена реки не просто так, но вежливость заставила произнести это слово.

— Доброго утра, мистер Дьюри, — оскалился юноша.

— Утро? — наконец-то Томас услышал в Риции о времени суток.

— По нашим источникам, в мире смертных сейчас только рассвело, — пояснил подозрительный спаситель. — Мистер Дьюри, вас зовёт в свою резиденцию принц Чезигер.

Глава 28 Первый раунд завершён

Компанию обступило несколько стражников, их было даже меньше, чем освободителей. Судя по всему, их сила не позволяла дать отпор такому количеству народа, трём воителям и пяти магам. Стоило Дашке поднять жезл, вокруг которого разросся и стал потрескивать огненный шар, грозящийся разбежаться по холлу пламенной волной, — охрана трусливо отступила на шаг, тем не менее, удерживая жезлы нацеленными на очередную группу подозрительных лиц, вторгшихся в замок Шекоган.

Молодую ведьму один страж всё-таки опередил, Дашку отшвырнуло магией, и сразу неудачно, о колонну, удар пришёлся на затылок. Это главная опасность колдовских сражений в помещениях — элементарнейшим заклинанием можно вывести противника из строя, если правильно выбрать направление удара. Дашка сразу почувствовала мерзкую влагу крови на голове. К этому мгновению по холлу уже летали сгустки магической энергии. Компания численностью превосходила стражу, но колдунов у обеих сторон имелось поровну, и на шум должны будут прибежать ещё маги, явно не помогать освободителям.

Избранница Миротворцев пыталась встать, отбиваясь от магических атак охраны. Стражи почему-то видели в ней основную угрозу, и каждое второе заклинание оказывалось адресованным ей. После удара ведьму стало мутить, и Дашке сделалось трудно сосредотачивать взгляд на жертвах, и так перемешавшихся с компанией.

В эту же колонну врезался стараниями Скентии страж, чуть было не налетевший на Дашку. Она сразу взмахнула жезлом, чтобы мужчина больше никому тут не докучал, но охранник в эту же секунду сделал тот же самый жест, только с большей силой. У стража оружие было длиннее, поэтому жезл из руки противницы он выбил. Замешательство приостановило Дашку на полмгновения. Ведьма осознала, что атаки магией можно проводить и без оружия, они просто сделаются слабее, и страж вцепился в неё одновременно.

Огромные лапищи сдавили её запястья, потом одна рука схватила за волосы. Мужчина поволок её к лестнице, в случаях, когда его замечали Дашкины друзья, отпуская пряди пленницы и отправляя в них сгустки магии. Физически у молодой женщины не было абсолютно никакого шанса вырваться. К ней бросился Патрик — навстречу ему была послана взрывная волна.

На ступенях охранник столкнулся с алхимиком, распознавшим Дашку сразу.

— Винсент? — удивился человек, останавливая стража.

— Я с ней не знакомился, — гоготнул боевой маг, глянув в лицо колдунье, выглядевшей так, будто она намеревалась плюнуть в него.

— Дарья Винсент, точно. Что, не знаешь, как она выглядит?

— В последнее время я далек от жизни, — хмыкнул охранник. — Но тебе верю, тем более что девчонка-то не возмущается.

— Ещё бы! Таким именем назвали! — воскликнул алхимик, хватая Дашку за подбородок, чтобы она не могла отвернуться и была вынуждена смотреть на него.

— Так ты сомневаешься?

— Нет, я лишь имел в виду…

— Ладно, прощаю, — огрызнулся страж. — Кажется, та малолетняя особа, послужившая причиной переполоха, заявляла, что знакома с Теоной Винсент. Они ведь названые сёстры? Думаю, визиты этих двух леди сюда как-то связаны.

— Ты прав. Отведи Дарью в шестое хранилище, пусть посидит там, пока хозяин не явится, — распорядился алхимик.

По пути Дашка старалась успокоить себя мыслями о том, что происходящее с ней — маленькое недоразумение. Сейчас она, будучи не в состоянии пошевелить руками, не способна и сотворить магию, но сила остаётся при ней! Ещё представится момент вырваться. Её держали в качестве подопытного существа в лаборатории Цейген — месте, куда более жутком, чем Шекоган, потому что работали там не только алхимики, но и некроманты. А здесь всё вроде бы не так плохо…

Шестое хранилище оказалось помещением небольшим, вдоль стен стояло по стеллажу с веществами. Их загораживали магические барьеры из серебристого света, текущего с потолка на пол, как вода. В центре сидели двое мужчин, один постарше, в синей с золотой отделкой форме Шекогана, второму не дашь больше двадцати пяти, и у него красные вампирские глаза. Дашку втолкнули в хранилище, и дверь захлопнулась.

— Очень приятно, Мариер Девифран Грелонде Астиан, — предполагаемый вампир подскочил к Дашке, чтобы пожать руку. — Такое кошмарное имечко пришлось выдумать для солидности. С последней у всех нас проблемы значительные.

— Брат Скентии Ринхафта? — ахнула Дашка.

— Можно и так выразиться, — улыбнулся пленник. — Цвет глаз достался мне из-за неуёмной фантазии Веолаймера, вампиризмом я никогда не страдал, — уточнил он. — Ты, пока добиралась сюда, не заметила никого с такой же специфической внешностью, как у меня? Сёстры и третий брат скоро прибыть

должны. Ну, надеюсь, что скоро. Не факт, что догадаются, куда торопиться надо.

— Вы же как-то поняли!

— Мне подсказали. В Академии Эрианора полно умных людей. Я там преподавал, — пояснил он. — И потом, не все смогут добраться быстро. Я два часа назад соизволил придти к выводу о необходимости телепортироваться в Шекоган. Точнее, декан факультета, где я благополучно трудился сколько-то лет, прямым текстом сказал мчаться в эту лабораторию, а я попросил другого декана телепортировать меня. Моих заслуг тут никаких.

— Два часа назад? У вас тогда заболела отметина, да?

— Чуть раньше. Даже мой дорогой декан нуждается в некотором времени для размышления.

— У Скентии жжение появилось меньше часа назад. Когда он был тут, в замке Шекогана, — пробормотала Дашка.

— А остальные гомункулы, наверное, мучаются неприятными ощущениями пару дней, — подал голос алхимик. — Мистер Веолаймер должен был учесть, что в нужный момент вы будете в разных местах.

— Проклятье, сегодня все оказываются умнее меня! — картинно возмутился Мариер.

Дашка приложила ухо к двери. Голоса, топот — но никаких звуков побоищ.

— Что за суета? Из-за чего шум подняли?

— Вторглись в Шекоган трое ребят, двое юношей и девушка. У них ещё виверна была. Девушка владеет магией вуду и имеет посох с кристаллом из Леаш-Майо. Странная и опасная особа. С виду из богатой семьи, вся ухоженная, хорошо одетая. И хочет убить хозяина лаборатории. Кажется, из-за него погибли её родители. Так мне описали произошедшее, — закончил алхимик.

Ведьме очень не понравились эти слова. Как выглядят кристаллы из Леаш-Майо, Дашка не представляла, поэтому не знала, такой ли украшает новый посох Шаки или нет. Но одежда новая у девушки действительно недешёвая (колдунья из Великой Троицы не волновалась, видя на ней дорогие платья, в летающем замке обнаружились запасы золотых, доступ к которым никому запрещён не был, остальная компания — тоже). Шаки вполне могла бы сойти за дочку родителей из высокого сословия.

— Как девушка выглядит?

— Вот этого уж мне не говорили.

— Это моя названая сестра, кажется, — Дашка, нервничая, прошлась по хранилищу, опустилась на пол, ещё раз измерила шагами помещение, села опять. Очередное намерение подняться Мариер пресёк, взяв её за руки.

— Сколько ей?

— Пятнадцать.

— В этом возрасте положено делать глупости. Если девочка не совсем конченая — глупость чему-нибудь да научит её. Твоя сестра часто так чудила?

— Вряд ли это безобидная детская шалость, — покачала головой Дашка. — Убить человека — не шутка, не злой розыгрыш.

— О безобидности я и не говорю, — протянул Мариер. — Порой дети и подростки опаснее взрослых.

— Понятно. Значит, ты считаешь, она осознает всё?

— Да, — ответил гомункул уверенно и спокойно.

— А меня не тянет разделить твоё мнение. Шаки слишком странная, чтобы её поведение и помыслы модно было предугадывать, — изрекла Дашка. — Четыре года назад она была несчастной девочкой, мечтающей исцелиться, стать травницей и завести новых друзей. Два года назад её начали привлекать тёмные силы, но это был простой интерес. А ещё через столько же лет она убийцей готова сделаться. Перемены последовали, стоило появиться надежде на выздоровление. Кто мог ожидать, что обернётся такое счастье сущим кошмаром?

— Вдруг на неё повлияли плохо? — предположил молодой человек.

— Отказываешься признавать, что Шаки просто не лучший человек?

— Мы все далеки от идеала, — парировал Мариер.

— Я неправильно выразилась, прости. И тебе ясно, что я хотела сказать. Ты просто не хочешь отвечать, да?

— У всех нас, детей Веолаймера, есть больные места. Ты сейчас в моё тыкаешь.

— Извини, — Дашка стихла.

— Ничего страшного. Мы не настолько важные персоны, чтобы нашим слабостям потакали.

— Это не слабость, — не согласилась ведьма.

— И опять у тебя нашлось возражение! — с наигранным изумлением воскликнул собеседник.

— Невозможно с тобой разговаривать, — отмахнулась Дашка, не сердясь.

— По-моему, у вас очень хорошо получается, — алхимик вновь оживился.

— Сам-то сможешь предложить свой ответ? — отпустив руки ведьмы, Мариер повернулся к мужчине.

— Я посоветую вам не спорить, а думать, как выбираться отсюда и спасать девушку. Она натворила такого, что её жизнь

под угрозой. По закону казнить её не могут, но наши сотрудники — большие любители вершить правосудие самостоятельно, — предостерёг алхимик.

Правоту признали оба, оставив слова товарища по несчастью без ответа. Прошло несколько минут прежде, чем гомункул, рассматривающий вещества на стеллажах за барьером, поинтересовался:

— Куда хоть девушку могли деть? Допустим, когда за нами придут, мы вырвемся. В каком направлении бежать?

— Хранилищ по всему Шекогану раскидано полно, двадцать восемь простых и семь особых. Я, конечно, знаю, где они расположены, но оббегать их все — дело долгое и опасное, мы даже защититься не сможем. Я способен на нормальные магические атаки, только если при мне оружие, а жезл мне с собой взять не дали, если кто забыл или не знал. Ты, Мариер, вообще только в теории магии разбираешься, с практикой у тебя не ладится. А девушка если и колдунья, то в её состоянии она одна обороняться не в силах, — пришёл к заключению мужчина.

— Я колдунья, да, — простонала Дашка. Она не обращала внимания на то, что пара сильных магических атак и удар о колонну заметно её ослабили, потому что сидела на полу. — Дарьей меня, кстати, звать.

— Винсент? — последовало резонное уточнение Мариера.

— Она самая, — избранница Миротворцев, которую силы стали покидать вдруг с удвоенной скоростью, легла.

— Моё имя — Ривальд. Сильно же тебе досталось, — посочувствовал алхимик. — Увы, я не располагаю заклинанием, убирающим барьеры тут, — взгляд мужчины пробежал по стеллажам за потоками света. — Иначе бы помог тебе — для восстановления сил сложного зелья не требуется. Из-за того, что я не могу тут ничего сломать, меня с Мариером и заперли именно в шестом хранилище.

— Спасибо, как раз хотел об этом спросить: почему шестое, — произнёс гомункул. — Определённо у меня сегодня не лучшая скорость мысли.

— Значит, что-то твоё другое превосходит наше, — на всякий случай Дашка решила пресечь попытку самобичевания.

— У меня призвание — думать, — возразил Мариер. — Я изобретатель.

— Гениально не значит быстро, — вставил фразу Ривальд.

Дашка сказала что-то в поддержку алхимика. Слабость докатилась до предела, когда и на разговор тратятся силы. Ривальд расстелил ей на полу мантию, она перебралась на неё. Рядом сел гомункул так, чтобы голова её оказалась у него на

коленях. Дашка задремала, а мужчина с Мариером что-то обсуждали вполголоса, ведьма не вслушивалась.

— Быть не может, — прошептала Джессика, хватаясь за косяк.

Старую, грязную тряпичную игрушку, утыканную десятком булавок, не узнать было нереально. У кого-то из детей Альданы наверняка есть похожие, но ту, что принадлежит Шаки, с другой не спутаешь. Только у неё жёлтые глаза-пуговицы со старого платья Анны Винсент, чёрный пуговичный же нос — с рубашки Джейка, две оранжевые заплатки на пузе, пришитые чёрными нитками, и бордовое пятно за ухом от ягоды. В умершей виверне Джессика Шанди не разглядела только сначала. Когда тряпичный котёнок был замечен в углу, брошенный и никем их алхимиков не поднятый, воительница поняла, что младшая сестра использовала в тёмных целях не только старую игрушку, но и убитого питомца.

— Эй! Чего увидела? — одёрнула её Кларисса. Стражу на первом этаже компания одолела, теперь разделилась на две группы, исследующие Шекоган в поисках пленников. С Клариссой и Джессикой были ещё Патрик и Бруно.

— Это её, — воительница подняла игрушку.

— Чьё? — злилась женщина.

— Шаки, — Джессика поднесла ей вещь.

— Магия вуду? — изумился Патрик, стоявший рядом. — Если это действительно оружие твоей сестры — вряд ли её научили хорошие люди.

С лестницы донеслись шаги нескольких человек. Дискуссию троице освободителей пришлось прервать, но удалиться они не успели: с другой стороны в лабораторию тоже кто-то направлялся. Эти таинственные личности вошли первыми: женщина в белом, не самой выразительной внешности, единственной запоминающейся частью которой были яркие глаза, и пятеро алхимиков.

— Мне докладывали, что в замке творится беспредел, — женщина указала на противоположные двери жезлом, и они захлопнулись. — Однако я масштабы всё равно представляла иными… — последнее слово она проглотила, стоило блуждающему по обломкам, осколкам, лужам и россыпям взгляду дойти до поверженного Шанди. — Девушку, приведшую сюда виверну, не тронули, надеюсь?

— Вы её знаете? — выпалила Джессика. — Что ты ей наговорила? Или посредством магии заставила взяться за этот ужас?! — вырвавшись из хватки Патрика, воительница рванула к Фаризе и предъявила ей игрушку.

— Шаки — моя самая преданная сторонница, — довольно

ответила ведьма, отнимая у неё своеобразное оружие, — и лучшая ученица. Вы кто-то из её сестёр или друзей семьи, я полагаю?

— Сестра, — процедила воительница. — А вы та самая повелительница духов?

— Фаризе Беалинта, — назвалась женщина с ухмылкой. — Основательница новой магической науки, объединяющей демонологию, алхимию и чёрную магию. Духи — лишь мои слуги. Здорово повелевать теми, кто уже мёртв и вроде бы абсолютно свободен. Нет, обитатели и Риции, и Аркены на вечной службе у смертных.

Кларисса с Патриком одновременно выстрели в неё магией. Фаризе заслонилась от пущенных в неё сгустков, те, ударившись о невидимую стену, разлетелись брызгами, зелёными и чёрными. Отдельные попали на алхимиков, что приятных ощущений им не доставило. Чёрный маг и ведьма сразу сориентировались, послав по атаке в сторонников. Огненный шар и комок энергии водной стихии на середине лаборатории врезались в новую стену — она образовалась, стоило Фаризе выбросить руку вперёд. Пламя отразилось волной, вода — брызгами, на лету замерзающими, тем самым превращающимися в ледяные острые иглы, твёрдые, вонзающиеся в тело.

Уклониться от огня все смогли, правда, у каждого оказались подпалены волосы и одежда. Часть стрел изо льда же в цель угодила. Патрику одна едва не попала в глаз, войдя ниже внутреннего уголка.

— У меня невероятный дар! — расхохоталась Фаризе с появлением на лицах троицы проблеска беспомощности. — Я постигаю знания с невероятной скоростью, так что скоро превзойду Эвилану Армад. Предлагать вам сделаться моими слугами уж не стану, всё равно откажетесь, но уйти позволю.

— Сначала отдай нам Шаки! — Джессика бросилась на ведьму, но ударилась о ту же незримую стену.

— Поинтересуйся, хочет ли она к вам!

— Ты осознаёшь, насколько твоя ложь нелепа? — прохрипела Кларисса; у неё кровь текла по груди, из раны в горле.

— Давайте поступим следующим образом: Шаки закончит то, за чем явилась в замок, и придёт выяснять отношения с вами. Обещаю, вы о себе немало нового услышите, — усмехнулась повелительница духов.

Она со сторонниками просто покинула лабораторию, даже не закрыв дверь. Коридор прекрасно обозревался, путь к нему был отрезан всё тем же магическим барьером, а второй выход оставался заблокированным чарами. Попытки прорваться в

каком-либо из направлений не привели к успеху.

На лестнице Фаризе с алхимиками простилась. Ей уже не нужно было знать немедленно результаты опытов, что колдуны собирались продемонстрировать госпоже — она стремилась вызволить Шаки. Женщина осведомилась, где томится её любимица, и, жалея времени, телепортировалась к дверям четырнадцатого хранилища.

Ученица и двое мальчишек были без сознания. Возвращать его юношам леди Беалинта, естественно, не стала, а над младшей Винсент провела рукой, задержав её над сердцем.

— Фаризе! — взвизгнула юная колдунья, открыв глаза и узрев родное лицо.

— Цела? — ведьма обняла ученицу.

Она только приготовилась выпалить короткую, но ёмкую жалобу на хамов-алхимиков — наставница рассмеялась:

— Я поняла. Тебе и твоим дружкам изрядно досталось. Я велю Дориану, чтобы научил своих людей хорошим манерам. Ой, — спохватилась женщина, — ты же сама с ним расправиться хочешь…

— Вам кто-то донёс? — всполошилась Шаки.

— Я сама узнала. Мне смерть господина Ласкаро только кстати. Я с ним замок Шекогана делю, значит, и алхимиков, здесь работающих. Необходимость в умах по-прежнему имеет место быть, те маги, которые трудятся на меня, не всегда справляются.

— Рада, что я смогу принести тебе пользу, — серьёзно произнесла ученица.

— Забери игрушку, ты обронила, — Фаризе дала ей котёнка в булавках. — И польза мне от тебя всегда есть. Иначе я бы с тобой не возилась, — госпожа резко понизила голос, снова не спохватившись вовремя, что при девчонке многие мысли надо держать при себе.

— А? — Шаки уловила, что наставница сказала чего-то лишнего.

— Тебе не надо стараться угодить мне. Ты мне как дочь почти, я счастлива уже оттого, что у меня есть такая замечательная воспитанница, — лихо выкрутилась колдунья.

Юная чародейка зарделась. Периодически Фаризе изображала любовь и нежность, но подобного от неё Шаки ещё не слышала.

— Посоха твоего я уже не обнаружила, — добавила женщина, отрезвляя её. — Если его подобрал кто-то из моих сторонников — его отдадут мне, если человек Дориана — придётся обзаводиться новым. Всё больше замечаю, что хозяин Шекогана позволяет алхимикам слишком многое. И вообще в Шекогане никакого

порядка, только на моей половине, — проворчала ведьма.

— Это ведь будет улажено! Я пошла, — оповестила наставницу Шаки, выбегая в коридор.

Фаризе перед тем, как тоже покинуть хранилище, осмотрела всё, что хранилось здесь на стеллажах. Она тут была первый раз. Доступ в такие помещения у неё имелся, но женщина не утруждалась их изучением. Алхимики обязаны разбираться, какие вещества использовать в экспериментах. Ведьма убедилась, что тут имеются ценнейшие, редчайшие. О них Фаризе читала только в старинных книгах и плохо представляла, что сможет когда-нибудь пользоваться ими. Женщина провела рукой по защитному барьеру, на ощупь чуть холодному и гладкому, влажному. «Бедняга Дориан, — протянула повелительница духов в мыслях, — огромное тебе спасибо за Шекоган, но ты мне был интересен исключительно как её владелец. Как человека тебя ненавидят все. Слышала я, даже родная дочь. В алхимию девушка не подалась назло тебе, хоть и способности были. Может, после твоей смерти леди Чезигер согласится служить в Шекогане?».

Когда Фаризе закончила любоваться содержимым хранилища, Шаки уже неслась по коридору к личной лаборатории Дориана. Принц не поленился сказать колдунье, где она располагается. Последний этаж, самая большая дверь.

Она не была заперта. Мстительнице показалось, что в лаборатории никого нет. Здесь царил полумрак из-за каменных тёмных стен и пола и отсутствия окон. Помещение по размерам было внушительным, но на каждой стене горело по единственному факелу, освещения катастрофически недоставало.

— Кто соизволил ко мне подняться? — раздался голос, говорившего видно не было.

— Шаки Винсент, — отчеканила ведьма. — Моё имя вряд ли вам известно.

— Почему же? — пламя факелов внезапно стало мощнее, ученица Фаризе разглядела напротив двери стол и огромное кресло за ним, где восседал немолодой мужчина, блондин с короткими всклокоченными волосами, в тёмной мантии с очень высоким воротником. — Супруг моей дочери предупредил меня в вашем визите.

— Эзария Чезигер? — изумилась Шаки.

— У Тецарры других мужей нет, — хохотнул Дориан. — Так ты, значит, собралась меня убивать, долго и мучительно?

— Вы другого не заслуживаете, — заявила ведьма, вытаскивая из игрушки первую булавку.

— Справедливость, — взмахом мужчина вырвал у неё из рук оружие, — штука ненадёжная. Мы можем сходиться во мнениях,

чего достойны окружающие нас люди, но вот насчёт нас самих у нас взгляды собственные.

Отвечать на это Шаки не намеревалась, а он и не думал настаивать. Дориана веселила беспомощность девчонки, разом растерявшей всю наглость и самонадеянность. Он ждал, что Шаки залепечет что-нибудь умоляющее.

Молчание завершилось вопросом чародейки:

— И что же положено мне, мистер Ласкаро?

— Извлечь из данного события урок и больше не пытаться самовольно восстанавливать справедливость, — усмехнулся отец жены принца. — Ты сейчас жалкая и нелепая. Уходи.

— Ни за что, — вырвалось у Шаки. Оскорбление только увеличило её решимость, существовавшую отдельно от осознания того, что она ничего предпринять не может.

— Хорошо. Тебя унесут.

Дориан вытянул из игрушки сразу все булавки, положил их на стол, одну медленно вонзив ей в лапку. Мужчина не догадывался, что вещь заколдована и никто, кроме Шаки, пользоваться ею как оружием вуду не может. Ученица Фаризе не почувствовала даже укола в ногу, но вовремя сообразила: об этом алхимику знать не нужно. Она не забыла, как её скручивало от боли, пока проклятие не сняли. Издав вопль, ведьма припала на якобы повреждённую ногу, пытаясь вспомнить что-нибудь грустное, чтобы выступили слёзы. На ум пришла печальная песня, которую она иногда слышала от Теоны. Приём помог, глаза моментально налились, Шаки осталось постанывать. Пока чародейка напрягала воображение, представляя, как звучит эта баллада, на лице её, судя по довольному оскалу Дориана, возникла гримаса, удачно дополнившая образ.

— У тебя три попытки, чтобы уйти, — известил Дориан, вытягивая следующую булавку.

Стиснув зубы, Шаки замотала головой. Песня звенела в ушах вовсю, щёки не успевали высыхать, вдобавок блондинка нарочно сделала несчастный страдающий вид. Следя за действиями Дориана, точнее, за тем, куда алхимик втыкает булавки, она схватилась за живот, потом за горло, всхлипывания сменила на хрип и стон. Завершила притворство Шаки, изобразив, будто лишилась чувств.

Дориан переложил её на стол.

— Всё, девочка моя, шансы кончились. Теперь я испытаю на тебе одно своё изобретение, ещё не доведённое до совершенства. Возможны ощущения, далёкие от приятных, — произнёс он, склонившись над ней.

Его шаги отдалились, скрипнула дверца шкафа, зазвенело

стекло банок и бутылок, наполненных веществами, залязгали инструменты. Шаки чуть-чуть разомкнула веки. С той стороны стола, куда она смотрела, оружия не было, так что она стала ощупывать поверхность с другой. Игрушка быстро нашлась. Не поворачивая головы во избежание лишнего шумка, выдавшего шевеление бы, чародейка продолжала действовать.

На булавку, торчавшую у тряпичного котёнка в груди, там, где находится сердце, она надавила осторожно, чтобы она входила медленно. После падения Дориана и протяжного крика Шаки рывком села. На чёрной рубашке его не было видно кровавого пятна, но красная жидкость стекала на пол, и там в ней отражался огонь.

— Ты ведь ничего обо мне не знаешь, не так ли? — Шаки взяла какой-то нож, поблескивающий рядом с ней.

Хозяин Шекогана взвыл, как только режущий предмет попал в пальцы мстительницы. Дориан представлял, зачем он ей понадобился.

— Деревня Фривелл — ничего не вспоминается? Или ты не озаботился даже узнаванием названия поселения, которое решил уничтожить?

Мужчину затрясло в истерике. Красная струя побежала ещё из горла — Шаки нажала на булавку снова.

— Я жила там, мистер Ласкаро. Пока вы не возжелали себе новую алхимическую лабораторию. Я несколько лет страдала от жуткого проклятия. Посреди ночи меня могло разбудить такое, — она скомкала в кулак одну лапу игрушки, Дориан от этой манипуляции почувствовал, очевидно, что кость в его руке раздробили всю. Крик не вырывался из него, ведьма позаботилась, закрыв ладонью на страшненькой мордочке игрушки стежки грубых ниток, обозначавших рот. — Или вот такое, — она смяла другую лапу. — А теперь объясни, за что я пострадала? Почему ты запретил мне иметь родителей и здоровье? — нож коснулся оружия. — Почему ты лишил меня счастья? — раздался треск пропарываемой ткани.

Она слишком увлеклась, забыв о мерах предосторожности. Кисть, не дающая воплю разнестись по коридорам, соскользнула с игрушки, жуткий предсмертный вой заставил ученицу повелительницы духов вздрогнуть, орудие пытки, плавно переходящей в казнь, отлетело к стене. Шаки не промедлила ни секунды, рванув к отброшенной вещи, но только ведьма вернула тишину, прогремело восклицание другого человека.

— Прекрати!!! — Джессика подбежала к сестре, но схватила воздух: та завела руку с игрушкой за спину.

Клариссе удалось разбить чары, запиравшие дверь

лаборатории, где их оставили. Сделай женщина это раньше — трагедию можно было бы предотвратить. Увы, не получилось.

Мстительница быстро свернула игрушке шею. В теле Дориана хрустнули кости, мужчина навсегда замер.

Глава 29 Приближённая и отверженная

Подошли Патрик с Бруно и Кларисса. В причине гибели Дориана ни у кого из них сомнений не возникло: Шаки, даже не смутившись и не выпустив смертоносную игрушку, нагло смотрела в глаза всем. Говорить тоже было нечего. Сказать — значит поверить, а это как раз компания не могла.

— Что, сдадите меня в Отряд Смерти? — хмыкнула юная убийца. — Или оставите меня тут в надежде, что я послужу алхимикам материалом для опытов? Она не оправдается, к сожалению. Шекоган перейдёт в подчинение госпоже, которая вряд ли допустит такого безобразия.

— Госпоже я лично перережу горло, — отчеканила Джессика. — А ты без разрешения теперь и во двор не выйдешь.

— Я во двор не войду, — в такой же твёрдой манере ответила Шаки. — Я нашла своё призвание — тёмная магия. Тут меня всем её премудростям научат. Джесс, ты сама нередко замечала, что в такой дыре, как Фатона, судьбы у всех одинаковые, так почему тебе можно пытаться из неё вырваться, а мне нельзя?

— Госпожа твоя не отличается от Эвиланы, осознаёшь? — Джессика нахмурилась сильнее, помрачнев так, что многих её вид испугал бы. — И к тебе она относится не как к ученице, а как к дрессированной собачке.

— Ты оскорбила и меня, и Фаризе, — прошептала младшая сестра.

Такая глупая наивность рассмешила бы воительницу, но Шаки говорила с абсолютной серьёзностью на лице. Это был уже фанатизм, от которого веет холодом. Она и её, Джессику, в царство мёртвых отправит, и Патрика, относившегося к ней с добротой дядюшки, Клариссу тем более прикончит, не задумываясь. А что будет, когда узнает Теона?

Шаки взялась за булавку в игрушке, не сводя взгляда с воительницы. За мгновение до этого действия Джессика приготовилась к тому, что так будет. Остальные до последнего момента отказывались признавать. Младшая Винсент медлила. Её сестра не ошиблась, она бы сейчас с лёгкостью решилась лишить жизни любого, у кого окажется что-то против Фаризе, хоть родного или друга. Ей просто было интересно, как поведёт себя компания.

У Шаки было преимущество: она могла себе позволить убийство, другие — нет. Маги держали жезлы направленными на неё, но руки тряслись, в глазах дрожал протест, а слова застревали на языке, не обращаясь звуками.

— Не позволите просто так уйти? — спросила Шаки, не выдавая волнения. Умертвить ей труда не составило бы, но она хотела, чтобы этого не случилось.

— Не издевайся над нами, — взмолилась Джессика.

— Она не над нами, а над собой издевается, — вздохнул Бруно. — Зачем себе жизнь портить, Шаки?

— Не суди о том, чего не знаешь, — произнесла юная ведьма.

Прерваться всех заставили голоса алхимиков, идущих в личную лабораторию покойного Дориана. Освободители, до сих пор стоявшие у распахнутой двери, приблизились к Шаки, заслонив её, да и труп главного королевского алхимика от тех, кто должен был вот-вот появиться тут.

— Кто вы?! — женщина, заглянувшая в помещение первой, вскинула жезл, за ней нарисовались трое мужчин, поступивших так же, но молча. — Где мистер Ласкаро?

— Его нет, — ответила Шаки отчётливо. — Теперь все вопросы к повелительнице духов.

— Ты и есть её обожаемая девчонка? — скривился в презрении один из алхимиков, старший среди этой группы, с коротким хвостом блестящих чёрных волос.

— Что с Дорианом? — женщина только разглядела распластанное тело за спинами незнакомцев и кинулась к нему, растолкав всех. — Проклятье, он мёртв!

— Вас подослала эта помешанная? — вспыхнул другой алхимик, эльф.

— Мы же догадывались, что ей верить нельзя! — заломила руки женщина.

— Фаризе не помешанная, — Шаки надавила на булавку легонько, противница её наставницы поморщилась.

— Мы согласны с тем, что повелительница духов — отвратительный человек, — осторожно заговорила Кларисса, — но девушка не по её наставлению расправилась с мистером Ласкаро. Или, — колдунья, почувствовав от этого предположение противную скользкость внутри, повернулась к виновнице всего кошмара, — тебя всё-таки попросили?

— Я давно мечтала отомстить Дориану, — Шаки выступила вперёд, отстранив Джессику, попытавшуюся удержать её возле себя. — Фаризе лишь научила меня магии, которой я его убила. Тогда моя наставница вообще не знала, кто моя будущая жертва. Вас устраивает такое положение вещей?

Эльфу надоело терпеть тон девчонки, как и её саму.

— As'dei mas…

— Нет, — коллега-брюнет опустил его жезл, не дав сказать заклинание полностью. — Иметь дело с разгневанной

повелительницей — не лучшая перспектива. Девица ей, наверное, для чего-то нужна.

— Леориан, а я не могу возразить, — обратилась алхимичка непонятно к кому из них, стало ясно через секунду после продолжения фразы: — Защиты хозяина больше нет, так нам теперь терпеть всё, что возжелает вытворять в нашей лаборатории Беалинта?

Мужчина, не отпускавший оружие эльфа, с гримасой злости убрал руку, тот хотел повторить то, что закончить не дали, но ему, разумеется, никто не позволил. Атаковала не Шаки — в него ударил луч Патрика, до рези в глазах яркий, жёлто-зелёный. Трудно было решить, какой эффект получился лучше: то, что эльф от удара магией пролетел через коридор, разбив собой окно и тем самым прекратив своё пребывание не только на этаже, но и вообще в замке, или то, что от резкого света все на несколько мгновений вынуждены были зажмуриться. Шаки оказалась самой сообразительной, рванув из помещения, пока внимание других было отведено от неё и от происходящего в целом. Ей в спину ударила чья-то магическая атака, отшвырнувшая юную ведьму в том же направлении, куда отлетел эльф. Острые края пробитой алхимиком дыры в стекле процарапали плечи и руки, и в Шаки вселился ужас от неотвратимого падения с высоты.

Ударилась она не о землю, а о чешуйчатую спину. Подхватив хозяйку, виверна устремилась вверх. Ученица Фаризе посмотрела на отдаляющийся замок: дыры зияли в двух окнах. Из одной, в той самой лаборатории, где Шаки с друзьями столкнулась с алхимиками, выглядывала леди Беалинта, улыбаясь воспитаннице, из второй — поражённые Джесс и Патрик.

Под ошейником у виверны колдунья заметила клочок бумаги, сложенный в несколько раз. Шаки вытащила его. Там было написано: *«Твой дракон скоро доставит тебя обратно в Шекоган — я только разберусь там со всем. Вы переночуете у одного моего хорошего друга, оттуда есть возможность связаться со мной. Если дела мои будут идти медленнее, чем я предполагала, я извещу вас, вы поживёте у этого человека немного. Берегите себя. PS: Твоих дружков я приказала не трогать. Сама решай, что с ними делать».*

Она счастливо вздохнула. Долгожданная свобода ото всех! Бояться, что Фаризе не сдержит обещания, Шаки и не подумала.

Аорна кинул магический шар в стену. Тот вандализма не выдержал, разбился. Тёмный священник навёл на осколки указательный палец, и они стали быстро собираться в целый предмет. Как же Фаризе надоедлива! Больше всего колдуна злило, что у ведьмы все планы осуществляются практически без

проблем, она с каждым днём набирает силу и приобретает всё большее влияние. Выскочка просила у него пять духов, Аорна пообещал ей десять после того, как та отплатит ему за первых пятерых. Будто сейчас ей они от него нужны! Ему бы заставить Беалинту рассчитаться… Цену колдун уже придумал: души сестёр Ави, бесстрашных жестоких воительниц — вот попробуй теперь вытребовать!

Магический шар подкатился к тёмному священнику, мужчина поставил его на место и подошёл к волшебному зеркалу. Придётся исполнять все прихоти ведьмы, а то не за возврат долга, а за собственную жизнь придётся волноваться.

В зеркале он увидел летящую виверну, у которой на спине сидела девушка лет шестнадцати, с двумя косичками золотисто-жёлтых волос, одетая во всё чёрное. Она с интересом глядела то вниз, то по сторонам, то гордо смотрела вперёд, выглядя абсолютно счастливой. Аорна закрыл глаза и приложил пальцы к вискам. Он вообразил то место, где летел сейчас оживлённый дракон с юной воспитанницей Фаризе, опознав его по шпилям замка Академии стихийных магов в городе Граун-Фальде. На пути виверны воздух вдруг задрожал. Прорвавшись сквозь эту толщу, она оказалась в землях, далёких от Элиорамии — в Бесталоне, столице Нерфастона, где и жил в огромном замке Аорна, высоком из-за обилия башен со шпилями, со стенами из тёмно-серого камня.

Обитель тёмного священника располагалась на горе, подобраться туда было практически невозможно. Хозяина замка это не беспокоило: он пользовался телепортацией, в случае необходимости таким образом доставлял к себе гостей. Виверна вполне могла добраться до ворот самостоятельно, но колдун всё же через зеркало за ней проследил. Когда существо приземлилось, Аорна переместился на улицу.

— Вы тот самый друг Фаризе Беалинты? — сразу вопросила девица, не слезая с монстра.

— Аорна Бларис Марантелла, — назвался маг лениво.

— Шаки Винсент, — представилась в ответ чародейка, соизволившая спрыгнуть на землю. Имя своё девчонка произнесла с таким достоинством, будто оно у неё было подобно эльфийскому — невероятно длинное.

— Кайтен! — крикнул Аорна.

Перед хозяином телепортировался одержимый. У этого парня, как и у большинства прислужников тёмного священника, души которых заняли демоны, было специфическое выражение: выпученные остекленевшие глаза, высоко поднятая голова и приоткрытый рот. Девица заметно испугалась, только он шагнул

к ней.

— Позаботься о виверне, — велел колдун.

Кайтен взял создание за ошейник и куда-то повёл. Шаки хотелась возмутиться, Аорна пресёк:

— В моём замке нет таких просторных помещений, чтобы держать там такую громаду. Зла твоему любимцу никто не причинит, я уверяю. Тебе тоже надо предоставить покои, — мужчина сказал это без всяких жестов, но он с гостьей перенёсся в уютную комнату, одновременно и гостиную, и кабинет.

— Осматривайся, — Аорна ухмыльнулся. — Если что-то понадобится — все зеркала тут волшебные. Только я не всегда буду свободен, могу посылать тебе слуг, ты же не возражаешь?

— Они все такие… душевно нездоровые? — брезгливо поинтересовалась Шаки.

— Да, — проронил колдун. — Шестьдесят пять простых одержимых, сорок восемь буйных. Но они у меня для охраны. Захочешь прогуляться по здешним небезопасным краям — дам парочку в качестве сопровождения. Приятного дня, чувствуй себя, как дома!

Прекратив глумиться, он исчез. Шаки стала осматривать временное жильё с твёрдым намерением пожаловаться на Аорну Фаризе. Из гостиной-кабинета выходило две двери, комната являлась проходной. Одна смежная комната была трапезной, только очень маленькой. За столом могло разместиться всего десять человек. В ней была ещё дверь, запертая. Вторая комната — спальня. Из спальни можно было попасть в помещение, непонятного назначения — там был столик с цветком в горшке, два кресла возле него и напольное зеркало в противоположном углу. Отсюда вели двери в уборную и вторую спальню, наличествовала и запертая. Выйти из покоев не представлялось никакой возможности.

Страха по-прежнему не было, одно негодование. Поборов желание сломать или разбить какую-нибудь вещь здесь, Шаки осведомилась, что тут за вид из окон. С одной стороны простирался мрачный лес: именно в таких по страшным древним преданиям водятся злые колдуны, гарпии, демоны, чудища и прочие твари. С другой — тёмно-синий залив, исполосованный рябью. Дальний берег пестрит крышами поселения. И везде, куда ни глянь, сереют массивные тучи.

Шаки даже не было известно, в каких она землях. Ведьма побродила по комнатам, исследовала содержимое двух книжных шкафов в кабинете, не найдя там ничего привлекательного, и решила поговорить с наставницей.

Магическими зеркалами для общения Шаки ни разу не

пользовалась. Впрочем, не было гарантии, что в этих стенах есть такие. Она начала с висевшего в комнатушке между спальнями. Для надёжности зажмурившись, ведьма представила Фаризе. Когда воображение с задачей справилось, Шаки негромко её позвала. Отражение не изменилось. Ученица попыталась представить картину более детальную: не просто наставницу, а находящуюся где-нибудь. В мыслях она перебрала все помещения лаборатории, где побывала, включая хранилище. Это немного помогло: когда ведьма открыла глаза, увидела в зеркале одну из лабораторий. Именно туда по приказу Фаризе перевели Клавьера и Тинзо. Молодые люди сидели на полу, привязанные друг к другу, верёвки также опутывали их запястья и щиколотки.

— Тинзо, глянь, — пробормотал парень из банды. — Шаки!

Белый маг, повернув голову, ахнул.

— Ты где? — он оторопел, разглядев, очевидно, обстановку, куда попала Шаки.

— Не знаю, но Фаризе сочла, что мне можно побыть тут, — блондинка пожала плечами. — Похоже на Чёрные Гавани, если верить рассказам.

— Ты не в Элиорамии? — ужаснулся Тинзо.

— Я через портал прошла, вернее, пролетела. То есть Шанди со мной пролетел. Может, я просто на другом конце наших земель. Или в каких-то других, — резонно добавила Шаки.

— Что за портал?

— Кто-то нам его создал, — она развела руками.

— А почему ты думаешь, что именно Чёрные Гавани? — допытывался друг.

— Тут невероятно мрачно. А ты чего прицепился? — протянула чародейка рассерженно. — Доложишь моей сестрице и всей компании? Повода для паники нет, я вернусь через день или два.

— Ты можешь осознать, что мы просто за тебя боимся?

— Меня здесь никто не трогает, — отмахнулась Шаки.

— Как ты тут оказалась? — теперь не выдержал, сорвался на допрос Клавьер.

— Прилетела на виверне, — повторила Шаки, демонстративно вздохнув.

— Не прикидывайся, будто не понимаешь, о чём я. Кто тебя надоумил отправляться сюда? — парень повысил тон.

— Фаризе, моя наставница, — ведьма огрызнулась. — Именно по её распоряжению вас никто не трогает.

— Да, связать нас мы сами попросили, — вызверился Тинзо.

— Ладно тебе, могли оттащить в лабораторию и опоить какой-нибудь дрянью, чтобы проверить, отравимся мы, пойдём

пятнами или превратимся в кого-нибудь, — проворчал Клавьер, не то действительно считая, что ему с магом ещё повезло, не то желая оградить возлюбленную от нападок.

— Фаризе — это кто? — сына мистера Цельсия, конечно, слова приятеля не успокоили.

— Леди Беалинта, она же повелительница духов, а с нынешнего дня — полноправная хозяйка лаборатории Шекоган, — гордо ответила Шаки. — Благодаря Фаризе я узнала чёрную магию, получила назад Шанди, избавилась от мыслей о человеке, испортившем мне всё детство…

— По её наущению ты стала убийцей, — уточнил Тинзо.

— Это был единственный раз.

— Стражники не считаются?

Ведьма на мгновение замялась. Эти умерщвления она и за преступления-то не посчитала. Про многочисленные «репетиции», в ходе которых гибли десятками хранители закона, она вообще забыла.

— Это был последний раз, — согласилась признать Шаки.

— Последний за день? — съязвил маг.

— Брось, Тинзо! — усовестил юношу Клавьер. — Пожалуйста, — попросил он, глядя на подругу, — покажи нам место, где ты находишься. Я с компанией своей странствовал по всем землям Альданы, может, узнаю его.

— И вы отправитесь меня вызволять? — хохотнула колдунья. — Вряд ли я к тому моменту, когда вы тут окажетесь, буду здесь. Меня приютили в этом замке на то время, пока госпожа разбирается с непокорными алхимиками Шекогана.

— Мой отец говорит, что у таких людей, как твоя госпожа, ни учеников, ни помощников быть не может, — изрёк Тинзо. — Такие властолюбцы или полностью коверкают жизни прислужников, или сами становятся растоптанными — так откликается их собственная наука.

— Намекай, намекай, — усмехнулась Шаки. — Только я не такая.

— Фальшивая фраза.

— Клавьер, — она переключилась на более приятного собеседника, — тебе всё ещё охота знать, где я?

Парень затряс вечно лохматой головой. Невольная гостья Аорны подтащила зеркало, к счастью, нетяжёлое, к окну, и сама, опершись на подоконник, принялась изучать природу за стеклом, насыщенно-тёмную, унылую. Лес практически чёрный. Листва не зелёная и синяя до черноты, а иссиня-чёрная и иссиня-зелёная. Деревья практически одинаковой высоты, и сверху чаща выглядит трясиной. После непродолжительного разглядывания её Шаки

сделалось страшно, так что она сосредоточилась на зеркале. Тинзо всё хмурился, а Клавьер будто бы терял сознание. Забыв, что толку не будет, ведьма застучала по зеркальной поверхности:

— Эй, что с ним?! Тинзо, что?

Белый маг не мог видеть, но испуганное лицо Шаки заставило его поверить. Он подёргался, пытаясь выпутаться: безнадёжно. Неожиданно Клавьер распахнул прикрытые глаза, зашептав:

— Бесталон… Граница с территориями риксов… Замок Аорны Бларисса… Беги, пока за тобой никто не следит…

— Ты знаком с хозяином!? — Шаки бухнулась на колени перед зеркалом.

— Жуткий человек, безжалостный экспериментатор, бессердечный, свирепый, — парня трясло, дыхание участилось. Видимо, ему даже вспоминать Аорну было мучительно. — Дикие игры в своём замке устраивал, на кон души ставились… Мой хозяин был проигран, я — вместе с ним…

— Как это? — поразилась колдунья прежде, чем Тинзо мотанием головы сказал ей не приставать с расспросами.

— Все в замке Бларисса подчинялись лишь ему самому. Я был у него в рабстве, у того типа, который в этих играх участие принимал, пришлось его судьбу делить, — парень кое-как справился с объяснением.

— Слава предкам, я тут ненадолго, — выдохнула Шаки.

— Ты что, дурочка? — закипел Тинзо, а комментарий этой характеристике дать не успел: вошла женщина-алхимик. Это была Джарома, только никто, разумеется, не был в курсе.

Она подошла к зеркалу, переставшему показывать комнатку в страшном замке, поправила локоны, одёрнула платье и форменную мантию. Когда женщина захотела обратиться к пленникам, отражение в зеркале, куда глядела Шаки, тоже сменилось на реальное. Возможно, это было везением: через полминуты после того, как этот предмет ведьма вернула в угол, к ней телепортировался Кайтен.

— Хозяин интересуется: не желаете ли вы чаю? — пробубнил одержимый.

— Нет, — отрезала Шаки, уходя в спальню.

Только она упала на широкую мягкую кровать, где хватило бы места троим, как слуга снова нарисовался.

— А чего желаете?

— Чтобы меня оставили в покое хотя бы на два часа!

После исчезновения Кайтена ведьма почти всё вытребованное для одиночества время пролежала на постели. Тревога, упорно не желающая влезать ей в душу, это всё-таки осуществила. Шаки не

могла себя заставить прямо подумать о том, что Фаризе является одной из участниц очередной игры мистера Блариса, а она — заодно с ней. Взволновала колдунью мысль о возможности печальных последствий пребывания в этом замке. Вдруг хозяин Фаризе обманывал? Госпожу она не оправдывала — потому что и не подозревала её.

К часу дня все посторонние лица, ворвавшиеся в Шекоган с целью освободить подопытных пленников, были схвачены и брошены в камеру, где обычно держали тех, кому была уготована участь материала для опытов. Только Дашка с Мариером и Ривальдом томилась в хранилище, а Клавьер с Тинзо — в лаборатории. Шекоган наводнился сторонниками Фаризе, возникавшими повсюду и беспрерывно. Им было приказано собираться на площади перед замком, а те, кому не доставалось места, высовывались из окон, выходящих на неё.

— Какой замечательно отлаженный механизм! — отметила повелительница духов, посмотрев на улицу из той лаборатории, куда телепортировался вчера… нет даже не вчера, а сегодня ночью Скентия, отправившийся на разведку.

— Долго им ждать? — поинтересовалась Джарома, помогавшая госпоже восстанавливать здесь порядок после недавнего погрома: новоявленная хозяйка Шекогана считала это занятие слишком ответственным, чтобы доверять его кому попало. Если выражаться точнее, Фаризе хотела узнать лично, насколько ценные вещества имеются в распоряжении алхимиков.

— Хоть до вечера! Я, сказать по правде, не рассчитывала на то, что вы сможете наладить производство дешёвого эликсира телепортации, — хмыкнула госпожа. — А у вас получилось обеспечить им всех моих сторонников.

— Вы гениальны, — восхитилась женщина. — Раньше самой одарённой ведьмой считали Эвилану Армад, но вы и её затмили. Да, она уже в двенадцать лет была способна на такое, чего многие не могут и в пятьдесят два. Зато вы научились всему меньше, чем за полгода, это же нечто! Это достойно попасть в летописи, в легенды, в историю!

— Теорию я начала познавать рано, — отмахнулась для виду Фаризе. — Но не отрицаю, практика куда сложнее.

— Что будете делать теперь, когда все сторонники собраны, а источники неприятностей устранены? Зачем вам вообще потребовалось видеть их всех сразу?

— Полагаешь, ты заслуживаешь того, чтобы я делилась с тобой всеми идеями? — ошеломила госпожа Джарому.

— Но ведь…

— Нет, — Фаризе не дала ей даже начать. — Вообще, ты стала больно болтливой. Иди к фанатикам, я скоро подойду.

Утихомирив заклокотавшее в горле возмущение, женщина подчинилась и оставила повелительницу. В дверном проёме одной из лабораторий она заметила приятелей, столпившихся возле окна, там ещё мог пристроиться один человек. Она шагнула туда, её заметили и расступились, уступая место, но Джарома внезапно передумала. Почему отсюда, со столь неудобного ракурса? И видно плоховато, и слышно будет не очень — этаж-то не первый, не второй и не третий. Она должна стоять перед самой Фаризе, когда та будет говорить своим слугам что-то. Но в первые ряды не протолкнуться. Чтобы окончательно убедиться, женщина спустилась к выходу. Всё крыльцо было чересчур плотно забито народом — не протолкнёшься. Расходиться, наверное, будут полчаса.

В холле сторонников вперемешку с алхимиками в форме Шекогана тоже присутствовало многовато. Подниматься Джарома не стала, влившись в эту разношёрстную компанию. Коллеги её недолюбливали, поэтому едва ли не с отвращением косились, а фанатики считали недостойным делом вступать в контакт с особой не из их круга.

Фаризе полюбовалась на толпу фанатиков и пошла в соседнюю лабораторию, где имелось зеркало. Где в своём замке может быть Аорна? Конечно же, сидит в самой большой, самой тёмной гостиной, освещаемой одним камином, потому что на обилие света из окон надеяться не приходиться, и думает, как бы ему отделаться от неё, всемогущей повелительницы духов, так ловко обманувшей его. Там зеркала нет, специально, чтобы не отвлекали — наивный колдун признался женщине во время встречи. Но в подземелье, где он держит слуг, оно есть, конечно же — надо же их как-то вызывать! Про подземелье ведьма узнала, опять же, по словам хозяина замка.

— Линефор! — вкрадчиво произнесла Фаризе. По имени она могла назвать единственного одержимого — один раз в её присутствии из уст Аорны прозвучало обращение к одному из слуг.

В зеркале нарисовалось подземелье, точно такое же, как его представила ведьма. Напоминает тюремную камеру: тёмные каменные стены, на которых из украшений только факелы с тощими пламенными языками, ряды нар. К зеркалу подошёл какой-то одержимый:

— Его нет. Вы кто?

— Леди Беалинта, — прощебетала Фаризе. — Будь добр, извести Аорну, чтобы вернул в Шекоган гостью вместе с

виверной. Немедленно. Ситуация в Шекогане была гораздо проще, чем выглядела. Твой хозяин же в замке торчит?

Слуга молча дематериализовался, на женщину вновь уставилась её точнейшая копия.

Догадки главы Шекогана оказались верными: Аорна развалился в кресле перед камином, с закрытыми глазами слушая треск огня в нём. Шумок телепортации несильно выделился на таком приятном, успокаивающем звуковом фоне, но разозлил, тем не менее.

Перед собой тёмный священник никого не увидел. Одержимые хоть и делались глуповатыми, но быстро начинали понимать, что если хозяин не желает никого лицезреть или новость для него плохая, надо возникать так позади него. За секунды, затрачиваемые на разворот, он может остыть достаточно для того, чтобы воздержаться от деструктивного действия вроде швыряния в существо, лишившее его душевного равновесия, чем-нибудь тяжёлым. На этот раз расчёт тоже оказался верным. Аорна, сплюнув сквозь зубы ругательство, поднялся и обошёл кресло: одержимый стоял на безопасном расстоянии от него.

— Хозяин, леди Беалинта требует назад девушку и дракона её. Необходимость держать её тут отпала.

Излив ещё поток брани, в который был вставлен приказ приготовить виверну к отлёту, Аорна переместился в покои девчонки, в ту комнату, где Шаки надеялась поговорить с наставницей, а узнала жуткую правду от Клавьера.

— Леди Винсент! — позвал маг.

Из-за двери высунулась взлохмаченная гостья, очевидно, разбуженная.

— Ты возвращаешься в Зальван.

На угрюмой полудетской физиономии заблестела улыбка. Шаки отскочила в комнату, взять игрушку вуду, и выскочила к тёмному священнику.

Поразившись глупости девчонки, неспособной заподозрить в столь щекотливой ситуации столь сомнительную личность, Аорна жестом отправил самого себя и Шаки к воротам замка. Одержимый с виверной ещё не управился, и колдун в ожидании устало прислонился к стене. Мельтешившая перед носом девица безумно раздражала, он не постеснялся прикрикнуть на неё. Тогда юная ведьма замерла, но принялась тараторить, повествуя о выдающихся достоинствах Беалинты. Когда слуга вывел виверну, желание наорать на одержимого за медлительность сменилось радостью от его спасительного появления.

Гостья взобралась на монстра с потрясающей скоростью. В

точке, куда указал Аорна, воздух привычно задёргался — оживлённый дракон метнулся туда, и дыра затянулась. Колдун отправил любимицу Фаризе сразу к Шекогану. Шанди опустился на землю с той стороны, к которой не было приковано внимание толпы. Взгляд наставницы уже встречал их в окне.

Глава 30 Новая власть

— Надеюсь, ты в гостях не сильно скучала? — усмехнулась Фаризе.

Ученица, телепортированная в её кабинет, тут же повисла у неё на шее. Когда она подняла радостную мордашку, то заявила:

— Нет, я и начать не успела — там было слишком зловеще для того, чтобы чувствовать скуку. Вот что ты знаешь о хозяине замка?

— То, что мне нужно, — протянула женщина. — Я должна ему кое-что, но расстановка сил изменилась: теперь не мне его, а ему меня бояться следует.

— По-моему, тебе всё же недостаточно известно, — задумалась Шаки, посерьёзнев.

— Каким бы мерзавцем не был Бларис, нам с тобой от этого факта ничего не сделается. Я виделась с ним вживую один-единственный раз, все остальные встречи происходили в волшебных зеркалах и магических шарах, — заверила её Фаризе. — Долг возвращать мне ему смысла нет — угрожать теперь он не решится, а напоминания можно потерпеть.

— За тобой сюда он не придёт?

— Вероятно, отважится. Но ему окажут такой тёплый приём, что беднягу впору будет сдавать некромантам на опыты.

Ученица заколебалась. Женщина выведала всю правду о тёмном священнике, жестокие игры колдуна тайной для неё не были. Шаки вполне могла случайно осведомиться, тогда, конечно, ребёнка будет сложно убедить в том, что опасности для неё, леди Беалинты, и всех её сторонников и приближённых Аорна Бларис не представляет. Девочка хочет поверить, но всё-таки истина для этого слишком хороша.

— Успокоилась? — Фаризе улыбнулась. — Теперь пойдём к людям. Они о тебе наслышаны, им интересно и поглядеть, наконец, на тебя.

Шаки просияла. Старшая ведьма вновь не сдержала умиления. Если бы у неё был ребёнок, женщина бы желала, чтобы он оказался похож на младшую Винсент.

На площади перед замком возвышалась статуя. На огромном постаменте — вставший на дыбы единорог, на нём — девушка, Эйлара Лордиана, дочь основателя Шекогана. Отличилась леди тем, что во время осады города некромантами в год Лейшардского восстания изобрела эликсир, позволяющий в течение двух месяцев обходиться без еды и воды. На постамент и перенеслась Фаризе с ученицей.

Толпа взревела. Несколько человек, наблюдавших из окон, высунулись ещё сильнее, чтобы получше разглядеть ведьм. Один из них, встав на подоконник, не удержал равновесия и полетел вниз, с последнего этажа. В том месте, куда он упал, поднялся шум. Шаки от столь неприятного зрелища вздрогнула. Фаризе, которая стояла сзади, положив ей руки на плечи, почувствовала это и слегка повернула голову ученицы так, чтобы юная колдунья смотрела на ту часть толпы, где народ держался достойнее, не сводил глаз с повелительницы и её любимицы и что-то возбуждённо выкрикивал.

От этого куска толпы гул стал расползаться по сторонам. Чем громче он звучал, тем чаще замирало сердце у Шаки. Люди готовы поклоняться им, подчиняться им! Для Фаризе ощущение тоже было ново: ещё ни разу она не собирала всех фанатиков в одном месте, сегодня чувство упоение властью опьяняло до полубессознательного состояния — до такого, когда кажется, что всё происходящее с тобой творится во сне, потому как слишком уж неправдоподобно.

— Приветствую вас, мои верные слуги! — громко произнесла Фаризе ровным тоном, немного гордым, но с переливами радости.

Ответный вопль массы фанатиков резанул слух, так как восклицания были неодновременные и разные по содержанию, особо эмоциональные сторонники, в основном женщины и молодые девушки и парни, просто визжали и кричали.

— Сегодня из-за трагической гибели Дориана Ильдевейса Ласкаро, владельца Шекогана, я вынуждена взять все его лаборатории под своё покровительство, — продолжила женщина.

Новый залп безумных восторгов заставил Фаризе начать бороться с приступом хохота. Ох, Великие Ветры, какая же чудесная игрушка — толпа! Все, поддавшись настроению, уже простили госпоже её постоянные претензии и угрозы в случае невыполнения приказов. Никто не осознаёт, что продался ей в рабство. Есть недовольные алхимики из числа тех, кто спокойно работал на Дориана и не помышлял о службе Фаризе, но им будет поставлено условие: или переход к повелительнице, или увольнение. Шекоган — слишком хорошее место, чтобы с ним расставаться, половина алхимиков основательно подумает прежде, чем принимать решение.

— Мы изменим всё, — вещала ведьма, — через полгода в Магической Академии откроют факультет нашей новой науки. Магия разума перестанет быть тайным знанием колдунов, вынашивающих планы завоевания власти над королевством, грязным делом, прерогативой негодяев. Каждый сможет из

любого человека сделать существо с характером и привычками, угодными ему.

— Тогда королевство сойдёт с ума! — возразили ей. — Это будет полное беззаконие!

— Существует рабство, Доример, — Фаризе здорово напугала мужчину, обратившись к нему по имени. Первая мысль, охватившая его: за мной следили. А госпожа просто запоминала, как кто при ней кого называет. Такая мелочь — а как действует!

— Но в настоящее время оно отменено, — вопросительным тоном обратил её внимание алхимик. С утверждениями госпожи ему показалось разумным соглашаться, по крайней мере, пытаться их принимать. Даже для самых бредовых заявлений она, очевидно, находит основания. Из них и будет состоять идеология нового Шекогана, непонятная непосвящённым.

— Ирвинг собирается узаконить рабство? — предположила коллега Доримера.

— Пока нет, но можно заставить, — многозначительно сказала повелительница. — Кто самый влиятельный в жизни нынешнего короля человек?

Послышались отдельные возгласы: «Принц Эзария!», «Младший Чезигер!» и «Его сын!».

— Именно так, — кивнула Фаризе. — Но на принца тоже можно повлиять, это в силах единственной особы. Той, которую он любит. Сестра моей воспитанницы, Теона Винсент. Правильно назвала? — тихо спросила она Шаки, удивлённую последними фразами наставницы, та шёпотом подтвердила правоту. — Один мой сторонник, Оливайдер, сообщил мне, что принц намеревается так подправить ей сознание, что она сама в него влюбится, навечно и крепко. В таком подневольном состоянии леди будет невероятно вменяема. Если моя воспитанница попросит её передать принцу, чтобы тот убедил отца восстановить рабство, то оно в Альдане появится.

— У принца может не получиться! — усомнился кто-то из фанатиков.

— Ему помогут, если с первого раза опыт не удастся. Ещё один мой сторонник, Альмераг, учится с ним на одном факультете. Он-то поддержит.

Шаки заверение покоробило. Среди молодых людей, весёлых, жизнерадостных, коими полна Магическая Академия, есть предатель, в свободное от учёбы время нападающий на горожан, чтобы заставить их принять веру повелительницы духов. Юная ведьма обожала Фаризе, но её сторонники вызывали стойкое отвращение. Себя она к ним не относила. Их поклонение ей нравилось, но не они сами.

— Итак, рабство вернётся, — напомнил о первоначальной теме речи госпожи фанатик из дальних рядов, — что дальше?

— Все, кто освоит нашу благородную науку, смогут, покупая рабов и преобразовывая их разум, окружать себя теми, кто им нравится. Это такое успокоение, вы не представляете! Никакого раздражения, никаких вспышек гнева!

— Надеетесь сделать жизнь лучше и добрее? — хмыкнул алхимик покойного Дориана.

— Да, — несмотря на сарказм, ответила Фаризе. — Вероятно, вам повезло с семьёй и коллегами, вы оценить не можете.

— Рабов тогда должно быть больше, чем людей, — сообразила какая-то сторонница.

— Не забывай, что в рабство можно отдавать преступников. Несколько веков назад это было распространено, и от этого все только выигрывали. Страх столь ужасного наказания был действенным средством для поддержания порядка.

— Вас послушать, так вы захватили Шекоган исключительно из-за стремления обеспечить народу Альданы безбедное существование, — съязвил мужчина, также не являвшийся приверженцем госпожи.

Фаризе указала на него пальцем — из-под ногтя вырвалась голубовато-белая молния, поразившая алхимика. Он упал замертво. Все хором вобрали в себя воздух, задержав дыхание на пару мгновений.

— Отныне так будет с каждым, кто вместо того, чтобы уйти из Шекогана в силу несовпадения собственного мнения с моим, будет злословить в мой адрес, — отчеканила ведьма, в её голосе звенели льдинки. — В каждой лаборатории будет по человеку, следящему за тем, что вы все говорите. Я уже знаю, кого назначить, но скажу позже. У всех, кто служил мистеру Ласкаро, ещё есть время, чтобы определиться, оставаться и в Шекогане или искать другую работу. А сейчас, — она выдержала паузу, в течение которой все сторонники замолчали, приготовившись впитывать слова повелительницы, — идите за материалом для опытов! Хватайте бродяг, нищих, освобождайте тюрьмы от заключенных — давайте мы очистим город от всякого сброда! И не обделяйте вниманием тех, кто будет пытаться вас остановить, — хохотнула Фаризе, когда на площади уже замелькали вспышки телепортаций.

Ученица госпожи хотела затрясти головой или потереть глаза — лишь бы галдящее человеческое море исчезло. К этой странной и страшной культуре она приобщаться не желала. Значит, надо надеяться, что всё стерпится. Фаризе ведь не заставляет её.

Переживания юной колдуньи женщина, по-матерински

прижимающая Шаки к себе, чувствовала. Повелительницу духов они веселили. Идеальная девочка. Любит сама себе устраивать ловушки по её подсказкам. У Фаризе с ней и интерес один общий нашёлся: обе жаждали смерти Дориана Ласкаро. Хорошо, что они встретились и сдружились, точнее, сдружилась Шаки, а женщина оценила её способность к магии. Увлечение тёмными видами колдовства когда-нибудь погубит девчушку в прямом смысле. Наверное, что к лучшему: умрёт, не успев разочароваться в наставнице или оказаться преданной ею.

— Я, наверное, раньше была боевым магом. Ты мне рассказываешь сейчас про войну, и я очень живо представляю себя с посохом, от ударов которого в гуще вражеской армии мечутся цепные молнии.

— Как думаете, нас воевать заставят?

— Откуда такая мысль?

— Так все твердят, что нужно больше жертв.

— А я всё-таки помню, каково это — убивать в день по десятку человек.

— Ты так спокойно об этом рассуждаешь!?

— На поле боя рассуждать, кажется, некогда. Думаешь, как бы рассчитать силы, чтобы они не вовремя не закончились. Какие заклинания удобнее. Ещё случается: над местом сражения проплывает в небе поток Великого Ветра, и ты у него просишь прощения и помощи одновременно.

— И ты видишь себя, смотрящую вверх?

— Да, и вспоминаю, как тогда плакать хотелось.

В углу камеры материализовалась женщина, хорошо всей компании знакомая. Она являлась сюда регулярно, иногда не одна. Если приводила людей, то все перемещались в лабораторию. Сначала парням и девушкам давали выпить что-то, от чего они засыпали, приходя в себя уже в камере. Спустя какое-то время с ними стали беседовать, и такие события происходили всё чаще и чаще, а странные погружения в сон — всё реже. Наступил момент, когда отвечать на задаваемые вопросы сделалось совсем трудно: или на ум не приходило ничего путного, или смысл слов собеседника наотрез отказывался пониматься.

Джарома с недовольством оглядела компанию. Настороженные, взволнованные, сразу зажавшиеся, притихшие — не такими подопытные пленники должны были быть сейчас. Состояние, кажется, даже стало ещё хуже: в глазах всплыла лёгкая неприязнь. Только девчонка из Великой Троицы, Элли Винсент, о чём-то задумалась.

— Вы, полагаю, догадывались, что держат вас здесь не просто так и не потому, что за преступление вы приговорены к лишению свободы? — не поздоровавшись, начала Джарома.

— Нам предстоит с кем-то биться? — поинтересовалась неуверенно девушка, которую звали Хельдеарой.

— Можно и так выразиться, — на секунду женщина насторожилась. Пленница явно надеется на отрицательный ответ. Потом фанатичка решила, что вопросу стоит обрадоваться. — Как догадалась?

— У Элли предчувствие. Она вспомнила, как участвовала в какой-то войне, и решила, будто из нас хотят сделать воинов.

Упомянутая волшебница вздрогнула.

— Нам надо заранее выразить сожаление по этому поводу, — пробормотала Элли. — В бою чувство вины перед предками отвлекает. Я участвовала в доброй сотне побоищ, по-моему.

Такое заявление категорически Джароме не понравилось. Возвращение памяти — худшее, что может случиться с подопытными. Гнев Фаризе — ещё наименее печальное последствие такой катастрофы. Женщина собиралась натравить волшебницу на Шаки. Теперь Элли может узнать младшую названую сестру. Конечно, не исключены другие варианты избавления от малолетней дурочки. Но готовилась Джарома именно к этому! Самый простой способ — нет надобности самой марать руки. А объяснить госпоже столь неприятные перемены в поведении Элли Винсент можно очень просто: «Откуда мне знать? Не я одна над ними работала, опросите всех!». А остальные, если к ним предъявляет претензии леди Беалинта, теряются и впадают в панику — то есть выглядят так, будто и впрямь их вывели на чистую воду.

Отравить? Подлить в питьё или подсыпать в еду яда — затруднительное дело. Джарома с Шаки нигде не пересекается, проклятое молодое дарование фанатиков недолюбливает. Как Фаризе только позволяет ей такое отношение?

Воспользоваться услугами наёмника? О девчонке слишком пекутся. Но попробовать стоит, и встаёт новая проблема: где бы найти… В этих делах Джарома осведомлена не была, спросить не у кого. Значит, пока Элли будет использоваться по назначению.

— Вам предстоит помочь сторонникам госпожи Фаризе Беалинты, повелительницы духов, — процедила женщина.

— Она хочет напасть на какой-то город? — принялась допытываться волшебница.

Какая тебе разница!?

— Нет. Нам в лабораторию нужны люди. Кто-то же должен их отлавливать.

— Мы будем отлавливать людей?

— Запомни!!! — Джарома влепила ей пощёчину. — Приказы госпожи, — (удар по другой щеке), — не обсуждаются! — напоследок она расквасила чародейке нос.

Радикальных воспитательных мер хватило, чтобы остальные пленники сделали вид, будто они готовы к выполнению задания и их хоть сейчас можно забирать из камеры и сдавать сторонникам.

— Я предупредила. Сейчас я узнаю, кому из фанатиков какие бойцы требуются. Вернусь, ждите.

Джарома резко опустила вниз руку, рассыпавшись на прозрачные осколки: вид телепортации, к которому при пленниках она ещё ни разу не прибегала. Она применила его, потому что он осуществлялся посредством резкого движения, а ей хоть как-то необходимо было дать выход накопившемуся с раннего утра злу, после избиения волшебницы она от всего не избавилась.

Из камеры Джарома попала в лабораторию, где являлась главной. Сейчас там собрались те сторонники, которые ждали подкрепления в виде таких же подопытных, как Элли Винсент и остальных похищенных студентов Магической Академии.

— Как они, леди Минарви? — один из фанатиков, парень лет двадцати пяти, Лоргиас, встал со стула и подошёл.

— Хуже, чем могли быть. Но отказываться не стоит: при должном устрашении, вероятно, всё сделают. Тебе ведь просто бойцы-чародеи необходимы, неважно, добровольно ли они подчиняются или вынужденно.

— Мне нужны белый маг и два стихийных, — озвучил запрос Лоргиас, удаляясь к зеркалу поправлять обязательную для сторонников безумную причёску.

Джарома с удовольствием бы запустила в самодовольного фанатика колбой с ближайшего стола. Все сторонники, занимающиеся вербовкой и поставкой в Шекоган материала, считают, что алхимики у них в услужении, хотя всё наоборот. Выругавшись мысленно, женщина возвратилась в камеру.

Все пленники безмолвно успокаивали Винсент, зажимающую разбитый нос рукой, из-под которой лился магический свет. Не было заметно, что девица плакала, но Джарома и не ставила перед собой цель довести её до слёз. Четверо сочувствующих и сама Элли уничтожающе посмотрели на Джарому и перевели взгляды обратно, друг на друга.

— Винсент! — потребовала внимания ведьма.

Девчонка с неохотой уставилась на неё. Женщина поманила её к себе, успев спохватиться, что хочет, чтобы пленница осталась на месте: тогда появится повод продолжить рукоприкладство.

Однако Элли подчинилась.

— Лицо весёлое сделай, — вызверилась Джарома. — Тиорин! — позвала она по фамилии Дорфеана, мага водной стихии.

Ему приказывать не пришлось — приблизился сразу. Остальные, девушка и двое юношей, резко погрустнели.

Наглец и хам Лоргиас уже начал нервничать. Когда появилась Джарома с подопытными бойцами, парень накинулся на неё с претензиями:

— Ты их что, уговаривала? Знаешь ли, у меня не будет времени убеждать этих милых созданий! И я троих просил.

— Вайраска, — женщина, закипая, поймала за рукав коллегу. — Приведи Лоргиасу того юношу, сына хозяина Центральной библиотеки.

Та оказалась расторопнее Джаромы, явившись через полминуты со смазливым рыжеволосым парнишкой. Лоргиас, ни словом никого не поблагодарив, исчез с тремя новоприобретёнными слугами.

* * *

В пять часов с поезда, прибывшего в Зальван из Эльмаса, города в западной части Кинефы, сошёл Терфес Альтегрия. На поездах он никогда не ездил из принципа, путешествуя пешком или на лошади, но после того, красный как рисунок на груди, свидетельствующий о происхождении Терфеса, стал источником малоприятных ощущений и знакомая провидица объяснила гомункулу, что это значит, он единственный раз в жизни решил сэкономить время.

За всю жизнь (впрочем, она ещё не такая долгая) он бывал в столице лишь дважды, и оба раза — давно. Терфес готовился к лицезрению значительных изменений, но их, как ни странно, почти не заметил. Такие же стаи хранителей закона расхаживают по платформам, такие же мрачные лица возле поезда, отбывающего через несколько минут в Денаувер (опять его угораздило стать свидетелем этого печального события!), такая же суета.

На улицах же картина узнавалась, да не совсем. Беззаботными и жизнерадостными жители столицы никогда не были, однако столько тревоги в каждом взгляде для парня было чем-то новым. Ускорилась спешка. Гомункул сообразил, что даже хранители закона не кажутся уравновешенными.

Если Терфес сталкивался с подобным, он просто спрашивал у

первого попавшегося жителя, что тут такое стряслось. Горожан Зальвана нынешних дней странник заподозрил в остром нежелании идти на контакт с незнакомцами.

Он выбрел на площадь и спохватился, что не знает, как добраться до замка Шекоган. Необходимость обращения к кому-нибудь возросла до ошеломляющих размеров: ночевать на улице в крупных городах небезопасно. Две беды, которые могут посетить не обзаведшимся кровом на тёмное время суток: хранители закона и разбойники. Меньшим злом считаются последние, так как в камере держат, сколько захотят, а выпускают нередко в Денаувер или какое другое место аналогичного назначения. Лично для Терфеса обычный грабёж был бы хуже ареста, заключения и ссылки. У него имеется бесценная вещь — пояс, украшенный красивым бирюзовым камнем, подарок Веолаймера. Старик-создатель запретил расставаться с ним. Каждый его гомункул получил от алхимика что-то, что обязался всегда носить с собой.

Терфес не ведал, зачем ему этот пояс. Оберег? Талисман? Предмет, по которому парня должны где-то узнать? Теперь он думал так: вещь просто нужна, чтобы в какой-то момент понадобиться.

Гомункул попробовал получить помощь от пересекающей площадь женщины:

— Извините, леди, вы не подскажете…

Особа только ускорила шаг.

— Молодой человек! — Терфес предпринял вторую попытку добиться чьего-нибудь расположения.

Результат тот же.

— Мистер, не можете ли вы…

И мужчина поспешил скрыться из виду.

— Девушка, вы не знаете, как…

Юная прелестница вообще ойкнула и убежала.

— Господин попал на площадь с вокзала? — кто-то дёрнул гомункула за плащ.

Странник глянул вбок и вниз, увидев очаровательного мальчика-оборванца. На чумазом личике блестели чистые голубые глазищи, светлая чёлка, пару недель назад превратившаяся в несколько тонких сосулек, касалась густых чёрных ресниц. Одежда на ребёнке была бы впору юноше гораздо старше его: шляпа неизвестным образом не спадала с головы и не съезжала к бровям, полы плаща волоклись за ним полуметровым шлейфом, пестревшим отпечатками подошв и просто пятнами, рукава и штанины подкатаны, рубашка свисает до колен. Зато ботинки маловаты: подошва наполовину отклеилась, и пальцы

вылезают полностью.

— Да, я приехал полчаса назад, — Терфес улыбнулся, на всякий случай прижав сумку к груди.

— Господин хочет добраться куда-то, но не представляет, какими путями? — протянул мальчик, не опуская задранной головы.

— Лаборатория Шекоган, — ответил парень с опаской. Всё-таки замок, где работали когда-то замечательные алхимики, частично превратился в убойный цех, Терфес оказался осведомлён.

— С сегодняшнего дня он принадлежит ужасной особе, повелительнице духов, — нараспев говорил милый ребёнок. — Если господин решил стать её слугой — пусть откажется от идеи! Дядя Клауд говорит, будто она сторонников не ценит, отправляет их десятками на смерть, а когда пребывает не в духе, собственной магией их убивает, для разрядки.

— Провидица сказала мне отправиться туда. Там я должен одного хорошего человека встретить, — постарался заверить ребёнка Терфес.

— Господин не боится туда идти? — мальчик возжелал убедиться лучше. — Провидица предупредила его, как в Шекогане опасно? Там ещё вчера властвовал Дориан Ласкаро, сущий монстр. Он родную дочь отдал замуж за принца, а господин ведь знает, какая принц скотина? — тараторил маленький нищий, не давая гомункулу отвечать. — А повелительница духов — это хуже, чем Дориан Ласкаро. Провидица могла и не подозревать, что Шекоганом Дориан Ласкаро больше не распоряжается.

— На то она и провидица, чтобы предсказывать будущее, — рассмеялся Терфес. — Я готов к встрече с любым хозяином лаборатории. Просветишь, как туда попасть?

— Господину долго придётся идти, — предостерёг серьёзным тоном ребёнок. — Господину лучше записывать. Есть у него в сумке перо, чернила и бумага или пергамент?

— Всё имеется, — парень присел перед собеседником, нравившимся ему всё сильнее, чтобы мальчик не смотрел на него снизу вверх. — Нам бы в сторону переместиться, где поспокойнее.

Нищий понимающе кивнул и, впихнув липкую ладошку в его руку, устремился к храму. Перед этим зданием, облицованным блестящим гладким серым камнем, который отражал всё, подобно зеркалам, и простиралась площадь. Увенчивали его три позолоченных шпиля, крайние были короче среднего. На ступени широкого крыльца, предварительно повертевшись, судя по всему, в целях выяснения отсутствия кого-то, мальчик и устроился. Гомункул тоже опустился. Ребёнок внимательно следил за

процессом поиска в дорожной сумке всего, что страннику понадобилось для записи. Шаря там, Терфес задел мешочек с монетами, вызывающе звякнувший. Нищий беззастенчиво ахнул.

— Точно! Ты же заслужил, — странник набрал оттуда пригоршню золотых, протянул оборванцу.

Скромности у дитя улицы не нашлось, что было неудивительно. Ребёнок моментально сорвал с себя головной убор, протянутый затем новому знакомому. Высыпав в неё деньги, Терфес достал хранитель информации — предмет, напоминающий магический шар, только меньше. Там сохранялись любые речи — когда его встряхивали, звучала та, которую записали последней.

— Говори сюда.

— Итак, с этой площади направляйтесь по улице Архимагов, она вымощена зелёной плиткой. В конце улицы будут два портала. Зайдёте в выполненный в виде драконьей пасти, перенесётесь к зданию Управления номер пять, — заливался мальчик, довольный возможностью стать кому-то полезным. — Слева увидите памятник Алезару Грианти. За ним — симпатичный маленький скверик. Минуя его, окажетесь…

— Эльгар! — проорала сзади какая-то особа.

— Мама? — оборванец, поставив шляпу с деньгами на ступеньку, поднялся.

На крыльце стояла леди, являвшаяся, очевидно, матерью Эльгара, молоденькая — похоже, родила сына, когда ей и двадцати не исполнилось. Лицо и волосы, заплетённые в неожиданно толстую косу, у неё были чище, чем у сына, зато одежда, платье с кучей нижних юбок, поражало обилием грязи. Чистых мест на грубой ткани наличествовало не больше, чем заляпанных.

— Я тебе велела не разговаривать с незнакомыми! — надрывалась женщина. — Эльгар, дядя Клауд ясно выражался, рассказывая, как научились в Шекогане делать одержимых неотличимыми от нормальных людей!

— Как потрясающе леди осведомлена! — прогремел мужской хохот из центра площади.

Оттуда расползался белый дым. Тая, он позволял созерцать телепортировавшегося парня жуткого вида: с выбеленной физиономией, слоем чёрной краски под нижними и на верхних веках, всклокоченной шевелюрой. Это был Лоргиас с тремя слугами.

Кареглазую смуглую брюнетку гомункул узнал. Он очень хорошо мог вообразить себе всю Великую Троицу и покойного Дмитрия Винсента.

Глава 31 Воссоединение

Убивать? Легко! Я определённо занималась этим раньше. Одно движение рукой, держащей посох — и нет какой-то части беснующегося человеческого месива, готового растерзать меня. Сложно впервые решиться поднять оружие — потом всё делается само по себе.

Странный парень и оборванные мать с сыном, привлёкшие наше внимание, сопротивляться не могли: нечем было защищаться. Молодой человек заслонил собой нищих, а самого его трясло не меньше. Вероятно, он так боится за них. Зато появившиеся на площади хранители закона потянулись к жезлам незамедлительно. Помочь им вознамерились несколько магов, оказавшихся на площади в эту минуту.

Таким образом, против нас десять жезлов и два посоха. Ещё народ безоружный, но поддерживающий типов в зелёных мантиях и простых смельчаков, рискнувших бросить нам вызов. Неплохое соотношение. Хорошие маги в состоянии отражать атаки пятнадцати-двадцати нападающих. Или я замечталась? Впрочем, в *те времена* мы так и сражались: выставят нам в качестве соперников огромный отряд, прекрасно обученный, увешанный амулетами по пять тысяч золотых штучка, закованный в броню, заговоренную целой гильдией магов — а у нас боевой дух выше. Забавно было изничтожать таких самоуверенных, самодовольных типов, ожидающих, что мы разбежимся, прикинув, сколько стоят все их артефакты.

Ох, я заметила ещё одну особенность сражений: перед тем, как будет выкрикнуто первое заклинание, всем надо долго и пристально таращиться на соперников. Будто испепелить взглядом реально в прямом смысле! Или все надеются открыть в себе талант василиска?

Мой посох от переизбытка во мне колдовской энергии уже нагрелся. Рядом Дорфеан водил пальцем перед собой, вырисовывая мудрёный символ.

О, чудо, это послужило знаком для зелёных мантий! В юношу устремилось восемь лучей и два огненных шара. Ни один до цели не долетел: я же с недавних пор практически специалист по контрзаклятиям! А раньше любила обстреливать врагов молниями. Однако я среди нас единственный белый маг, поэтому стихийная сущность пусть подождёт немного. Перед магом вспыхнула серебристая стена, о которую ударилось всё, что было призвано если не умертвить, то покалечить Дорфеана.

И началось… Командир наш помчался к нищему семейству и

прикрывающему их парню с сиреневыми волосами. Конечно, не вплотную к этим людям — притормозил за десяток метров от них и отправил в насмерть перепуганную компанию парализующее проклятие. Порядок, застыли. Хотелось бы знать, в чём они провинились. Мальчику ведь больше десяти на вид нет, если и натворил бед, то по глупости, неосторожности, потому, что мамаша недоглядела. Она у него какая-то сомнительная. Ну не внушает доверия! У неё с сыном разница в возрасте, по-моему, лет семнадцать.

Хм, думаю обо всём этом, а заклинания сами изо рта рвутся, рука сама посохом орудует. Мне не верилось, что я так могу. Всюду белые и серебристые вспышки ощутимо тёплого света — моя работа!

— Элли! Опомнись, пожалуйста!

Проклятье. Стоило удариться в размышления — субъект с неестественным цветом волос и, как выяснилось при более близком рассмотрении, глаз, с которого кто-то исхитрился снять чары, повалил меня на землю.

— Элли! — парень выкрикивал моё имя, тряся меня за мантию. — Элли, ты должна сражаться *против* них!!

Ишь, умный какой! С какой стати-то? Стоп. Тогда почему я защищаю командира, Дорфеана и второго мага, подчиняющего себе стихию Воды?

Быть может, потому, что командир сейчас, обездвижив нахала во второй раз, скинул его с меня и сказал:

— Молодец, Винсент. Ты далеко не так плоха, как о тебе отзывалась госпожа. Наоборот, ты идеальный маг для наших боёв.

Не исключено, что у него в мой адрес имелись ещё какие-нибудь добрые приятные слова, но хранители закона не собирались давать ему время на общение со мной. Я спряталась за колонну храма, колдуя из-за неё.

Что бы ни говорили о невыдающихся умах молодцов в зелёных мантиях, один из стражей порядка сообразил: меня как источник некоторого преимущества противника стоит убрать, желательно — в царство мёртвых. Пока я была увлечена наложением чар магической неуязвимости на Дорфеана, хранитель закона направил атаку на колонну, служившую мне прикрытием.

Парень сил не пожалел. Ещё три луча его товарищей — и колонну расчертили трещины.

Только благодаря собственному колдовству я отделалась сотрясением мозга и переломом руки — о, ужас, правой! Именно ею я совершаю жесты, необходимые при сотворении заклинаний, я же правша.

Ну да магия меня не вызволит из камеры, где я очнулась.

Подгоняемая рвотными позывами, я проковыляла в угол. Там стояло зачем-то ведро, над которым я и провела мучительных полминуты на ногах, упираясь лбом в холодную стену. После завершения пренеприятного процесса я сползла на пол и удосужилась посмотреть на сокамерников.

Верните Арвеллу, Джайде и Хельдеару! Я вообще в другой камере, не там, где мы вместе провели энное количество суток. Это местечко явно хуже. Там, по крайней мере, скамьи были, достаточно широкие, имелся стол и ящики вместо стульев. А тут функцию мебели выполняет солома на полу. Демон с ней, с соломой — запах такой, словно тошнило в камере не только меня.

Делить камеру обонятельных пыток мне предлагалось с заранее надоевшим молодым человеком, предлагавшим мне грохнуть командира и двух боевых товарищей, и треклятыми выходцами из низших слоёв общества, связанными кровными узами.

— Господин уверяет, что леди должна что-то вспомнить, когда придёт в себя! — воскликнул мальчик с интонациями, намекающими на необычайную его заинтересованность в моём прошлом.

— Эльгар! — рассердилась мать любопытного ребёнка.

— Ну что? — надулся он. — Господин ведь не одержимый, с ним можно разговаривать.

— Из-за господина ты задержался на площади и оказался схвачен зелёными мантиями! — рявкнула мамаша свирепо; мне даже стало жаль мальчика. — И потом, господин нормальный, а девчонка-то нет! Одержимости не заметно, но с головой ей проблем явно создали.

— Уважьте предков, не оскорбляйте Элли Винсент! — вспыхнул парень.

— Вам бы лишь кого героем назначить, — фыркнула женщина. — Повезло деткам, попали они в Альдану, оказались вовлечены в знаменательные события — но это случайность!

Я не местная? Хм. Но особо не удивляет. Жизнь до попадания в камеру я припоминаю с трудом. Кроме войны, на которой я и открыла в себе талант боевого мага, фрагменты её извлекаются с огромным трудом. Судя по форменным мантиям на мне и бывших сокамерниках, мы являлись студентами какого-то учебного заведения.

— И откуда же я родом? — простонала я перед тем, как обнять вонючее ведро опять.

— Из Большого Мира, — ответил парень. — Из какого города

— не знаю. В Альдане же твоим домом стала Фатона, деревня в землях Элиорамии. Тебе это хоть о чём-нибудь говорит?

— Нет, — после борьбы с брезгливостью я водрузилась на кучу соломы: на полу стало холодно сидеть.

— Ого! — изумился Эльгар. — Ты расскажи нам про себя, что можешь. Проверим, докуда у тебя провалы в памяти.

Убедившаяся в бесполезности речевого воздействия мамаша решила предпринять радикальные меры и удостоила отпрыска оплеухой. Прежде, чем успокоить разревевшегося мальчика, парень внимательно на меня посмотрел. Исстрадавшаяся я натолкнула его на какие-то мысли. Если они связаны со мной, не возражаю. Главное, чтобы озвучивания с последующим допросом меня не состоялось. Состояние, близкое к тому, в каком пребывает материал для некромантских опытов, никак не располагало к возобновлению беседы. Я отчасти даже была благодарна мамаше Эльгара за то, что она заставила сына замолчать.

Ночью нас всех разбудил стук. Мы, продирая глаза, подумали, что в дверь, только потом сообразив: мы её не откроем, поэтому ломиться в камеру нецелесообразно. Долбились в стену.

— Вы умом тронулись? — проорала невежливым соседям женщина. — Мы же спим!

— Мы понимаем, — раздался ответный крик молодого мужчины. В нём из-за надрыва было не разобрать тона, но извинения угадывались. — Просто у меня приступ боли, свидетельствующий о том, что в вашей камере может находиться мой брат.

Парень (кстати, представился он Терфесом) сразу поморщился, приложив ладонь к груди.

— И у тебя болит? — удивилась женщина (перед сном мы все узнали, что зовут её Шагрез).

Неожиданно Терфес изобразил искренне радостную улыбку. Привалившись к стене, он продолжил перекрикивание:

— Скентия? Ты?!

— Терфес? О, Ветры, свершилось! — в соседней камере, кажется, в экстазе были готовы скакать до потолка и исполнять дикие танцы восторга. — Ты как сюда добрался, как появился? Не сильно пострадал?

— Не поверишь, приехал на поезде! Меня подобрали на площади, подозрительной наружности парень со слоем грима на физиономии, жутковатым начёсом на голове и тремя прислужниками, в число которых угодила Элли Винсент! Она сейчас с нами.

Шаги приближающегося к источникам шума стражника

отбили у Скентии желание выказывать эмоции по этому поводу именно сейчас.

Первой гнев охраны испытала на себе наша камера. Дверь после трёх поворотов ключа распахнулась изумительнейшим пинком, от которого чуть вовсе не развалилась на доски. В проёме затемнела двухметровая фигура.

— Заговор обсуждаем? — проревел страж, подняв меч.

— Для вас — нет, нет, ни в коем случае нет. Мы обсуждаем погоду, — заявила Шагрез.

Эльгар напрягся, собрался. Кажется, сейчас что-то должно произойти.

— Хамишь? — хмыкнул громила, вваливаясь в камеру на такое расстояние, чтобы за его спиной никто не выскользнул на свободу.

— А ты не демонстрируй отсутствие ума, — с упоением раздражала его женщина, мы с Терфесом приготовились к бурному развитию событий, обещавшему нам понравиться. — Думаешь, увидели меч — и от страха язык развяжется? Это хранителей закона запугать легко, они трусливы до одурения, способны действовать, когда уверены, что противник слабее их.

— И как ты намереваешься использовать свою наглость против моего меча? — хохотнул мужчина, выставив оружие вперёд.

— Найду способ! Твоё положение осложняется невозможностью что-либо со мной сделать. Нас старались, ловили, обезвреживали, доставляли сюда, алхимики уже обрадовались, что можно, наконец, на ком-то эксперименты проводить — твой варварский поступок будет проявлением элементарного неуважения! — с пафосом произнесла Шагрез.

— Не такой уж великий труд — поймать шалаву вроде тебя, — оскалился охранник, шагнув ближе. — В городе нет дефицита нищих и бездомных, твоя шкура ценности не представляет, — цедил он, глаза подёргивались отупляющей яростью.

Эльгар прошептал Терфесу на ухо пару фраз. Громила не заметил, сосредоточившись на матери мальчика, отважившейся приблизиться к стражу. В его радиус обзора не попало и то, что парень тихо зашёл за спину мужчине, замерев в выжидании. Ребёнок указательными пальцами ткнул с двух сторон себе в шею. Увлекало меня это загадочное действо сильно, я перестала воспринимать ругань сокамерницы со стражем, а в неё из-за уровня громкости не вникать было сложно.

— Ты осознаёшь, как тебе придётся передо мной извиняться? — гоготнул охранник, протягивая лапищи к

женщине.

Дотронуться до Шагрез громила не успел: Эльгар подал знак, взмахнув рукой, и Терфес кинулся на стража в попытке придушить. Спереди повис ребёнок, зажимая жертве рот. Возня продлилась пару минут — здоровяк вдруг обмяк мёртвым. Парень по-прежнему надавливал на те места на толстой массивной шее, куда показывал мальчик. Сонная артерия. Гениально!

Звук свалившейся на пол туши весом килограмм в сто с лишним явился сигналом для другого стража: у нас в камере происходит безобразие. Ему был оказан тёплый приём, ведь покойный коллега верзилы N2 не стал возражать против того, чтобы его мечом воспользовался заключённый.

Терфесу оказалось достаточно взять оружие. Явившийся стражник, узрев распростёртое тело, размерами превосходящее его собственное, заподозрил Терфеса в обладании сверхъестественными способностями. Как с таковыми бороться, данный представитель охраны не знал, и вряд ли об этом ведали сослуживцы. Страж, тем не менее, отважился пустить в ход меч, но деморализация свою роль сыграла, плюс помеха в виде меня, Эльгара и Шагрез…

Изъяв вдобавок ещё связку ключей у первого трупа и оружие у второго, мы поторопились освободить компанию из соседней камеры, возглавляемую братом Терфеса. Итого в нашей ораве получилось одиннадцать агрессивно настроенных человек.

Первоочередной задачей было раздобыть ещё оружия, две единицы холодного и пять — магического. Эльгар, впервые столкнувшийся с такой выдающейся концентрацией первоклассных колдунов, состоящих с ним в дружественных отношениях, сиял, сиял от счастья. Я же пребывала в задумчивости. Все освобождённые явно со мной знакомы, причём хорошо. Вдобавок они провозгласили первоочерёдной задачу поиска и спасения, помимо третьего брата Терфеса, какого-то доброго алхимика и ещё двух человек, некой Дарьи Винсент, моей названой сестры, и Шаки Винсент, состоявшей со мной в аналогичных отношениях. Неужели всё настолько запущенно?

Но терзаться по этому поводу мне было некогда. При обилии в замке вооружённых лиц было невозможно что-либо у кого-либо отобрать. Перед тем, как оставить подземелье с камерами, мы позаимствовали у охраны два меча, а так же кинжалы для Шагрез и Эльгара, а это пока не делало нас несокрушимым отрядом. Блестящие красивые клинки, увы, плохая конкуренция тонким деревянным палкам, искусно украшенным, из которых активно лезет магическая энергия по воле колдуна.

На первом этаже нас поджидали охранники покруче

составивших нам компанию в подземелье, не мечники, а боевые маги. Конечно, ждали они не именно нас — вообще кого-то, кому приспичит нарушить покой замка. Мы дружно восхвалили Скентию, предложившего пять минут назад обеспечить кинжалами мать с ребёнком: когда Эльгар метнул свой в надвигающегося стража и угодил ему в живот, у нас появился первый жезл. Приобретение присвоил себе колдун по имени Патрик (клянётся, будто имел честь общаться со мной, когда я первый раз была в Альдане). Распорядился он им умело. Таких шаровых молний бедолаги давненько не видали.

А меня опять замутило. Прощай, сознание!

Просто не верится — я в приличной комнате. Помимо ощущения облегчения во мне присутствует тошнота, отправляющая меня на поиски уборной. Нужная комната обнаруживается рядом. После её посещения я могу позволить себе прогулку по дому, стены которого меня окружают.

В одном из залов замка (да, это пристанище впору обозначать так, больно просторное и шикарное) на софе возлежал молодой человек из нашей воинствовавшей в замке с камерами в подземелье команды. Вроде бы звали его Бруно.

— Кто идёт? — спросил он.

— Я, Элли Винсент. Где все остальные? Я упала в обморок прямо в процессе битвы, мне даже не известно, как она завершилась.

— Мне тоже, — мой приятель, которого я очень хотела назвать новоявленным, но убеждения компании сдерживали порыв, нащупал спинку софы и, подтянувшись на ней, сел. — Она в самом разгаре. Скентия телепортировал нас с тобой в убежище. Меня заклинанием ослепили, надеюсь, скоро проклятье снимут, — он снял временно ненужные очки и осторожно положил на столик возле софы, с задачей справившись как раз в тот момент, когда я метнулась к нему, чтобы помочь.

— Убежище? Очень уж красивое. Просто замок! — я рухнула рядом с ним, приступ слабости подоспел вовремя.

— Это и есть замок, — произнёс молодой человек. — Невидимый. Он и твоё временное пристанище. Причём уже несколько месяцев.

— И почему я сюда попала? — пробормотала я. — Вроде я обитала в какой-то деревне, ещё раньше — в другой стране.

— В другом мире, — поправил приятель и ответил на вопрос: — Долго объяснять, вряд ли ты вспомнишь всё сразу. Тебе это красивой историей покажется.

— Пожалуйста, — взмолилась я, чувствуя, что внутри всё

засоряется страхом. Сегодня утром я была боевым магом, служащим у каких-то людей. Теперь они превратились во врагов, но я приобрела друзей. И дом у меня новый, лучший. Единственное, чего я понять не могу — кто я!? Каково предназначение новой Элли Винсент?

— Хорошо, — согласился Бруно. — Ты вместе с названым братом и сестрой поступила в столичную Магическую Академию. Там вы нечаянно просветились насчёт того, что одна юная леди, принцесса Даниэла Сагрена, жива, а все считали её умершей. В нашем королевстве властвует не лучший правитель, и эта леди, если вернётся оттуда, куда её сослали, сможет на вполне законных основаниях сместить его. Увы, вызволить девушку — сложнейшая задача. Даниэла в царстве мёртвых. Попасть туда без содействия тёмного священника может только супружеская пара, некромант и целитель. В нашей компании — ей, собственно, летающий невидимый замок и принадлежит — есть некромант. В твоей семье — целительница, работающая преподавателем в той же Магической Академии.

— Кто относится к моей семье, а кто — к вашей компании? — я ощущала себя совсем неловко.

— Джессика и Алекс, — твои сестра и брат. Названые, опять же. Патрик живёт с тобой в одной деревне. С нашей бандой ты познакомилась в ссылке, потом мы воевали вместе. Теперь поддерживаем связь. Понимаешь?

В последнем вопросе из одного слова было что-то унизительное. Очевидно, только те, кто возился со мной, моими бывшими сокамерниками и прочим замечательным народом, держали нас за нормальных. Для остальных я дурочка.

— Да, понимаю, — вздохнула я. Повезло, что Бруно ослеплён — нахлынувшие слёзы останутся моей маленькой тайной. Только бы он больше не спрашивал ничего! Нос уже забит, голос меня выдаст.

— На чём я остановился? — (тут я перепугалась). — А, наша команда прибыла в столицу, остановившись на территории Академии. Замок стоял, точнее, висел в воздухе, прямо перед главным корпусом. Вы и перебрались в него из общежития. К странствию в царстве мёртвых долго готовились, тщательно. Только недавно молодые супруги отбыли туда, с ними отправились три профессора Академии. Вестей от них никаких, передавать нельзя. Нам лишь молиться за них и надеяться можно.

— Занятно. Скажи, а что за место, откуда вы меня вытащили? — исхитрилась поинтересоваться я, не прогнусавив.

— Лаборатория Шекоган. На тебе поставили эксперимент, поэтому ты немного странная.

Немного? Да ты льстец, Бруно! Мне страшно, противно… И я хочу назад в Шекоган. Там меня не ошарашивают известиями о моём необычном происхождении и обширных родственно-дружеских связях.

— Ясно, — соврала я. — Пойду в спальню.

— Уверена? — подловил меня приятель.

— Смирилась, — слишком уж резким тоном огрызнулась я и выбежала на лестницу.

Полчаса у меня ушло на неторопливую прогулку по замку с тщательным осмотром. Добралась до последнего этажа, спустилась на нижний. Не обнаружила ни одной знакомой вещи, зато внизу спохватилась, что не помню, откуда пришла. Коли замок — один из моих домов, я имею право упасть на первую подвернувшуюся софу, и вернувшиеся хозяева меня не сгонят. В спальне на широкой мягкой кровати переживать сотрясение мозга лучше, несомненно, но вот комнаты такого назначения — всё-таки место личное. Неожиданно я очутилась рядом с зеркалом. Допустим, я займу чью-то спальню. Но существо настолько помятой наружности вряд ли кто выставит в коридор.

Ха, я слишком долго об этом рассуждала! Пока неуверенной походкой двигалась к выводу, что элементарную вежливость можно отставить ввиду моего плачевного состояния, у меня возникла острая необходимость искать не ложе, а вновь уборную. После её посещения я слишком ослабела, чтобы тащиться куда-то дальше коридора, где, на моё счастье, стояла софа — не более удобная, чем скамьи в камере, которую я наивно считала своей обителью, но пригодная для лежания.

— Вот уж не думала, что этот замок может оказаться тесным, — протянула Клотильда. Нет, по-моему, её не так звали. А, Кларисса!

— Ты вообрази, если бы у нас его не было, — хмыкнул… Проклятье, я его имя тоже забыла. Николс? Николаус? В общем, что-то на «Ник».

— Нам в этой тесноте жить предстоит некоторое время. Фанатики повелительницы духов жаждут нашей казни. Так как их намного больше, чем нас, мы не можем позволить себе полагать, будто легко отобьёмся ото всех сторонников, которым всем поголовно дан приказ любого нашего представителя тащить на виселицу, — произнесла женщина. — Виселицами утыкивают сейчас все площади.

— Неплохая подготовка, — усмехнулся мужчина.

— Что станет с пострадавшими от экспериментов сторонников? — пробормотала какая-то девушка, голос её я не

узнала. В комнате что-то гремело и звенело — кажется, посуда. Я предположила, что хозяйничает именно она.

— Некоторых удастся спасти, однозначно, — ответила Кларисса.

— Но не всех, так ведь?

— Половину подопытных пленников пришлось умертвить ещё в Шекогане, — просветила её ведьма. — Многих довели до безнадёжного состояния, полного безумия.

— И кто-то умрёт здесь, в убежище. Так? — девушка не упрекала Клариссу, просто пыталась бороться с желанием разрыдаться.

— Жертв должно быть гораздо меньше. Ривальд, как-никак, принимал участие в опытах. Если знать, как несчастным портили душу, проще пытаться исцелить её.

— В городе ужас творится, — вздохнул мужчина, подходя куда-то. Послышался скрип открываемого окна, с улицы стал доноситься галдёж, запахло дымом. — Вы же слышали о последнем приказе Ирвинга, который действует уже как три часа?

— Нет, — девушка напряглась, приготовившись узнать нечто малоприятное.

— Сторонникам леди Беалинта велела упекать в Шекоган на опыты «ненужных» людей: нищих, бродяг, юродивых, сирот. Так как возможность ставить эксперименты необходимо фанатикам ограничивать, Ирвинг приказал весь человеческий материал, который сторонники могут превратить в своих рабов-убийц, уничтожать, чтобы им не досталось.

— Какая мерзость! — выпалила шокированная девушка.

— Не то слово, — печально согласилась Кларисса. — Королевские твари додумались просто поджигать сиротские приюты, сумасшедшие и работные дома, ночлежки. Вместе с теми беднягами, кто там находится. Думаешь, почему столько пожаров заполыхало по столице? Не фанатики бесчинствуют, а слуги Ирвинга.

Сторонники леди Беалинты? С опозданием я спохватилась: это же наша госпожа! Именно она раздавала нам всем распоряжения, как и где действовать. Она определяла наш смысл жизни. Мало кто из нас видел её лично — нам с сокамерниками, например, доставалась Джарома, одна из особенных её приближённых. Но волю-то она выражала повелительницы! Вот прикончат мои странные друзья и родственнички её — как мне существовать? Вряд ли они смогут обеспечить меня тем, что мне нужно и направлять туда, где мне будет удобнее.

Я нарочно не открывала глаза, хоть и проснулась окончательно. Не хочу их давления, причитаний по поводу моей

ненормальности. Спасибо им за заботу — даже перенесли меня с жуткой софы на кровать, — однако не собираюсь я пребывать тут в абсолютной неприкаянности. Дайте мне мой посох!

Возле меня кто-то сел и взял мою руку.

— Алина, — это была та девушка, — держись. Ты справишься. Ты же сильная, войну прошла и в Денаувере выжила.

Возникли два вопроса. Что за Денаувер и откуда у меня ещё одно имя? Если это вообще имя, а не кличка или, допустим, какое-нибудь звание.

Рядом, с другой стороны постели, кто-то со стонами заворочался.

— Дамира! — с моей ладони исчезли приятные тепло и тяжесть: девушка перебежала к стонавшей особе. Опять зазвенело стекло, раздалось бульканье наливаемой жидкости.

Предназначалась она явно Дамире, не оценившей порыва. Стон перерос в рычание, после хлопка пощёчины превратился в хныканье.

— Дарья, сходи за Ривальдом, — сказала Кларисса.

— Будто он, кроме нас, никому больше не нужен, — предупредил мужчина о вероятной неудаче затеи.

— Значит, попроси помочь Патрика. А вообще, кому-то надо отправиться в Фатону за мистером Цельсием и всеми, кто знает магию врачевания.

— Старик уже тут, его Джессика привела. Его сын пострадал, как-никак.

— Как добрались?

— В замке же лишней паники не было — соответственно, без проблем. Ох, Дарья, ступай же! — нервно воскликнула Кларисса.

— Она одна справится? — усомнился Николас (да, я вспомнила!). — У Джессики было какое-то особое защитное зелье. Нападут на Дарью пять сторонников с десятью призраками и пятнадцатью одержимыми — от кого-то да не сумеет отбиться.

— Я у неё возьму, если ещё есть, — вставила моя названая сестра (надеюсь, я правильно поняла, это именно она).

Хлопнула дверь, в коридоре отзвучали удаляющиеся шаги. Единственным нарушением тишины в комнате стал шёпот Николаса, успокаивающего Клариссу. Вскоре и он стих, осталось только чмоканье поцелуя. Интересно, а меня в той жизни любил кто-нибудь? Любила ли я сама? Что за бред лезет мне в голову…

Под боком зашевелилась Дамира. Чмоканье стихло. В моё предплечье впились ногти, я моментально бросила намерение подольше притворяться спящей и, взвизгнув, подскочила с распахнутыми глазами. Картина раскинулась изумительная: в спальне, помимо Клариссы, Николаса и Дамиры пять человек,

сидят, кто где — двое вовсе на подоконнике. У всех какие-то пустые взгляды. Внезапно замечаю себя в зеркале — у меня точно такой же. По сравнению с напрочь позабытыми друзьями.

— Элли! — ведьма подлетает ко мне.

А Дамира, у которой, как оказалось, связаны руки, вдруг рвёт верёвку — на коже отпечатываются красные полосы — и бросается на меня. Я стукаюсь головой об пол. Перед очередной потерей сознания в ушибленном месте вспыхивает мысль: многовато получилось впечатлений для одного дня.

Глава 32 Потомственные соперники

Томас изнемогал от пронизывающего холода с той секунды, как обитатель Риции, представившийся Левимусом, вцепился в его руку. Принявший телесное состояние призрак вёл некроманта в Город. Он сам шёл довольно быстро, Томас обычно ходил медленнее, и супруг Теоны вынужден был чуть ли не бежать. Остановиться и передохнуть представлялось непозволительной роскошью — Левимус бы ни за что не выпустил жертву и не притормозил, имея неправдоподобно крепкую хватку, а Томасу очень не хотелось волочиться за ним на животе.

У конвоира были ледяные пальцы, мороз разбегался по коже от них. Некромант уже начал отбивать дробь зубами. Призрак в ответ стал напевать что-то. К концу пути Томас выучил эту песню наизусть и люто её ненавидел.

В Городе на них поглядывали с неприличным интересом. Все девицы обсуждали, кто симпатичнее, принц или Томас, и смертный понял: о намерениях Эзарии всем известно.

— Эй, раз тебе ничего не светит, может, останешься тут с нами? — хихикнула какая-то девчонка, сильно пьяная, держащаяся за фонарный столб.

Захмелевших молодой человек тут видел впервые, отчего леди показалась ему ещё омерзительнее, чем та была на самом деле.

— Знаешь, кто она такая? — усмехнулся Левимус.

Холод уже не только заставлял Томаса трястись почти как в конвульсиях, но и выжимал из него слёзы. Вопрос конвоира, носивший явно издевательский характер, он проигнорировал.

— Младшая дочка одного из старейшин Чессы, — призрак от объяснений, разумеется, не удержался. — Их всего было пять. Девушка сестёр терпеть не могла за то, что они во многом превосходили её, и на свадьбе средней, изрядно набравшись, перебила их всех, в придачу ещё жениха и родителей. Вот что с людьми зависть делает, — назидательно добавил он.

Томас плохо воспринимал, что ему говорят. Чем хуже делалось ему, тем проще было не слышать отвратительных насмешек и выкриков.

Его притащили к вызывающе красивому зданию в три этажа, с жуткими статуями грифонов у входа и фонтаном перед крыльцом. Тут народу толпилось побольше, с появлением Левимуса и Томаса все оживлённо завертелись и зашептались.

Окно на верхнем этаже распахнулось — высунулся Эзария. Улыбнувшись всколыхнувшейся толпе, он скрылся в комнате,

спустя пару минут выйдя на улицу.

— Здравствуй, — сказал он законному мужу вожделенной женщины, затем бросил слуге: — Левимус, отпусти его.

Призрачный красавчик убрал руку. Сразу стало жарковато, Томас потянулся к верхним пуговицам мантии.

— Пройдём же в мою скромную обитель, — хохотнул принц, отступая к крыльцу.

Пленник почувствовал ледяной толчок в спину, авторство принадлежало, судя по ощущениям, Левимусу. Он с тяжёлым вздохом повиновался.

Пленника провели в гостиную с зеркальными стенами. Томас опасался, что в них появятся изображения каких-нибудь ужасов, хорошо если не с участием его друзей или родных, однако ничего такого не происходило. По всей комнате были расставлены необычные украшения: ненастоящие деревья с позолоченными тонкими стволами и ветвями и стеклянными листьями, в которых резвились блики. Из-за их многочисленных отражений создавалось впечатление, будто Томас находится в необычном лесу. Кроме деревьев, в гостиной были две софы, расположенные в центре помещения спинками друг к другу, несколько кресел возле стен и в углу узкий книжный шкаф, забитый книгами в одинаковых переплётах — чьим-то собранием сочинений, наверное.

Принц оставил подневольного гостя ненадолго, вернулся парень не один.

Даниэла имела характер, практически противоположный отцовскому, но внешне была точной его копией. Такого же цвета волосы, тон в тон — светло-русые, скорее блондинистые. У Мартина они были длинные, а у дочери вовсе спускались ниже пояса. Прямыми их нельзя было назвать исключительно из-за пышности. Такая же пронзительная синева глаз идеального миндалевидного разреза. Такие же тонкие черты лица.

Она была бледна, и бежевое платье на ней смотрелось плохо. В целом восемнадцатилетняя принцесса вообще выглядела невзрачно. В обычной жизни девушка, скоре всего, не так заурядна. Длительное заточение не могло не подпортить, помимо душевного состояния, её внешность.

Только Томас шагнул к ней — Даниэла прижалась к Эзарии. Колдун, намеревавшийся вызволить её из царства мёртвых, не удивился. Его не особенно изумило то, что сын короля встретил его и сейчас стоит перед ним. Когда Левимус на берегу реки Случайностей сказал, с кем предстоит увидеться магу, Томас только ахнул, внутри не терзаясь вопросами из разряда «Что ему от меня надо». Но смириться он не мог.

— Зачем тебе Даниэла? — ощетинился пленник.

— Мне-то как раз девчонка не нужна, — ухмыльнулся Эзария. — Просто она единственное, что удерживает вас с леди Винсент вместе.

— Полагаешь, если мы вернёмся с Даниэлой в мир смертных, моя жена останется со мной, а если возвратимся одни, то Теона сбежит к тебе? — фыркнул Томас.

— Теоретически для твоей очаровательной супруги нет смысла быть с тобой при любом результате визита в Рицию. Дело либо выполнено, либо окончательно провалено. Необходимость в брачных узах отпадает. Я лишь хочу ускорить это, — произнёс принц. — Ты убедишься, что Даниэла — существо загубленное, я вызову тёмного священника и нас всех заберут. А так вам бы пришлось какое-то время сражаться с охраной, которую бы немедленно созвали, подступи вы к Городу ближе, чем на километр. Возвращаться к месту Выхода, тоже хорошо охраняемому. Отбиваться от нападений — ведь всем велели не давать Даниэле ускользнуть. Тёмный священник же способен просто телепортировать нас. Ценой жизни, но эти колдуны знают, какое направление тёмной магии осваивают, и готовы пожертвовать собой. Как целители, обязанные но неписаным законам предков расходовать столько магической энергии, сколько понадобится для излечения, пусть она и выйдет вместе с последними жизненными силами. Я мог бы попросить его вытянуть вас отсюда, только вы же предпримете не одну попытку прорваться в Рицию к Даниэле. Поэтому упрощаю вам задачу.

— О том, что Теоне необходимость сохранять семью не нужна, чтобы оставаться со мной, ты не подумал, — вздохнул Томас, осознавая величину возможностей Эзарии, позволяющих ему пренебрегать чужими желаниями.

— Сам же догадываешься, чего тебе в ответ на такой упрёк скажу, — принц усадил девушку, еле вырвав ладонь из её пальцев.

— Даниэла пока не кажется сумасшедшей в степени, дающей нам право бросать её в Рицию, — старший некромант опять приблизился к девушке, побледневшей от ужаса и принявшейся шарить рукой в воздухе за своей спиной — искала принца, незамедлительно подошедшего и обнявшего её сзади; для этого парню пришлось перегнуться через спинку софы, вернее, двух соф.

Дочь Мартина доверялась ему недолго. Когда партию в гляделки проиграл Томас и Эзария не сдержал зловещего смешка, девушка рванула с софы к стене, взбесило Даниэлу своё отражение. После двух ударов по нему на зеркале выросла

паутина трещин с кровавым пятном в центре.

Оттащить девушку принц Томасу помешал:

— Пусть полюбуется чьими-то воспоминаниями, Том.

Волшебный жезл некроманта оказался утерян при путешествии по реке Случайностей, как и сумка, а использовать магию без него он не мог, так как не удавалось высвободить из захвата руки. Даниэла неистовствовала всё сильнее, а Томас вынужден был бездеятельно наблюдать.

— Что вы с ней сделали? — выдохнул он, когда девушка, измазав хлещущей из порезов на кистях и запястьях кровью всё вокруг себя, повалилась на пол.

— Пока ничего, — Эзария мгновенным движением развернул принца лицом к себе и с оскалом добавил: — Чужая память тревожит её постоянно, я лишь решил взять на себя ответственность выбирать, чья именно. К самому главному я ещё не приступал.

Будто понимая, что говорят о ней (уже трудно было сказать с уверенностью, воспринимает ли принцесса хоть крупицу действительности), Даниэла подняла на некромантов заплаканные глаза.

Джева… В этот страшный, отвратительный момент, считай, являющийся точкой в конце нормальной части моей жизни, она, как ни парадоксально, казалась особенно прекрасной. Супруга стояла на фоне дыры в стене дома, в которой наливался ослепительными тонами закат. Последние лучи пробивались сквозь её золотисто-медовые кудри, оставляя белые вспышки на них. Искромсанное платье, превратившееся в лоскуты, придавало ей сходство с амазонкой. Обрывки ткани просвечивали, и были хорошо различимы правильные контуры её тела.

Я пытался подняться, долго, ощущая унижение. Джева смотрела. Ни шага ко мне, ни слова. Только я смог, в теле снова раздалось множество взрывов боли. Когда приступ закончился, женщина уже удалялась. Впервые я плакал навзрыд. Даже в детстве столько слёз за раз не случалось.

От меня отказались, бросили, предали, оставили умирать. Пока я проникался чудовищной мыслью, болевые очаги сменились теплом, приятным, как ни странно. Почувствовались силы встать. Выпрямившись и выглянув из руин, я сразу узрел Джеву на горизонте. Всё ещё здесь, дрянь. Разговаривает с местным священником, наверняка хвалится, что такого натерпелась, столько пережила! Про меня, наверное, упомянет: мол, пал мой муж смертью храбрых… Или по собственной глупости, нерасторопности, рассеянности. Я же лежу тут, в

развалинах дома старейшины, медленно остываю, почему бы Джеве не преувеличить свои заслуги? Это меня атаковал целый клан одержимых и призраков, пока она раздумывала, какую магию бы ей применить, чтобы остались силы удрать. Джева творила что-то поодаль, грациозно выписывая жезлом круги и символы — я был зажат в кольце нечисти. Да, мне можно с лёгкостью приписать глупость. Опытный экзорцист угодил в лапы толпе одержимых и не сумел вырваться — просто смех. Доля глупости, не отрицаю, присутствовала. Я не догадался, какие намерения были у Джевы. Она была такая спокойная по дороге сюда, а когда мы несколькими днями ранее опрашивали местных жителей по поводу призраков, этот падший ангел тем загадочнее улыбался, чем более жуткие подробности освещали селяне в ответах.

Теперь я должен умереть здесь, искромсанный одержимыми, а Джеве окажут небывалые почести, объявят мою непутёвую жёнушку героиней… Возьмут и для полного счастья отгрохают храм в её честь. А я лишён даже обряда Упокоения. Правда, признаки жизни во мне ещё имеются, но я не доковыляю до соседней деревни.

Те двое, Джева и священник, кажется, смеялись. Я ощутил то, чего не мог прочувствовать все годы существования с ней — ненависть.

Откуда взялись у меня силы, я понимал пока, осознавая, что происхождение их отвратительно: во мне действует дух. Растерзать предательницу, немедленно! Пусть мы умрём в один день — грустно, но более справедливо по сравнению с тем, если бы я перестал дышать, а она жила бы дальше.

Ха, они не ожидали моего появления, кто бы сомневался! Священника я отправил ударом на землю, а на Джеву накинулся с остервенением. Избивать женщин мерзко, знаю. Но она не женщина, она чудовище.

Томаса даже в самых больных фантазиях не посещала идея, что наступит день, когда за ним, да и вообще за каким-либо представителем семьи Дьюри будет ухаживать кто-то из семьи Чезигеров. Только это его не радовало.

— Удостоверился? — Эзария, как заботливая сиделка, размешал снадобье в стакане и поднёс Томасу. Тот сообразил, что ему могли дать яд или вредное зелье, после того, как отпил. — Было лишь начало. Пока имеется возможность помочь ей, но через пару суток поздно будет. Экзорцистов среди вас нет, на месте ничего предпринять не сможете. А я ведь не обратился пока к тем, кто окончательно сделает из Даниэлы необратимо

помешанную.

— Зачем так усложнять всё? — прошелестел Томас, откидываясь на подушку. После нападения обезумевшей принцессы, глазами профессора Десмилии увидевшей в нём Джеву, он очнулся в спальне того же, судя по виду из окна, замка, совсем крошечной, вмещавшей лишь кровать, письменный стол и платяной шкаф. Всё тут было в ярких тонах красной гаммы: шторы, ковёр, пёстрые обои, постельное бельё. — Теона не заставит себя нарушить союз, заключённый перед лицом предков, даже если бы она любила тебя гораздо сильнее. К чему издевательства над Даниэлой, игры в царстве мёртвых?

— Считай это моей прихотью, — Эзария встал со стула, чтобы забрать у мужа целительницы стакан. Томас расслабил пальцы, и он скатился на пол, разбившись. — Эндирис! — позвал парень кого-то.

Появилась эльфийка, очевидно, являющаяся в резиденции служанкой, стала убирать осколки.

— Я понимаю, что тебе нас не жалко, но как насчёт себя? — упрекнул его Томас.

— Ты не первый, кто мне это говорит, — хмыкнул принц. — Я продолжаю семейные традиции, как бы сентиментально не звучало моё заявление. Дьюри Чезигерам всегда были не враги, а соперники. Врагов стремятся уничтожить, соперников — победить. Мы вам благодарны, между прочим. Вы заставляете нас действовать и добиваться. Врагов иметь нежелательно — они вызывают лишь тупую ненависть. Соперники необходимы для самосовершенствования. Мамашу я свою ненавидел — вот и убил. А на отца влияю, изменяю его. Тренируюсь, с каждым годом всё лучше получается. Наши дети это подхватят. Ты же найдёшь себе невесту, остепенишься, вернёшь себе уважение семьи. Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть, — проронил Томас. Он слишком плохо себя чувствовал, чтобы спорить с принцем, возмущаться, нагло игнорировать его и тем более огрызаться. В голове пульсировало недоумение: почему сын Ирвинга так разговорился и вообще столь странно себя ведёт?

— Молод! — жизнеутверждающе воскликнул Эзария. — Всего на четыре года меня старше. Девушки за тобой побегают ещё. Если бы не твоя давняя ошибка, когда ты вздумал порвать с семьёй и сбежать с кучкой проходимцев, мы могли бы назло враждующим родителям стать друзьями. У человека, которому что-то навязывают, два пути идеального решения: принять чуждую идею с таким рвением, что невозможно представить, будто раньше ты решительно её не признавал; или делать по-

своему с не меньшим энтузиазмом. Мы выбрали повтор судьбы родителей. Спасибо тебе за решение.

Речи жестокого красавца вогнали Томаса в прострацию. Для чего они? Его пытаются запутать? А вдруг он запутывается сам?

Томас не вспомнил Даниэлу и друзей, оказавшихся в разных концах Риции. Мысль опередило действие снотворного, которым напоил его младший Чезигер. Эзария поправил ему одеяло, задёрнул шторы и тихо вышел.

Он хотел высказать всё Томасу — и осуществил это. Теперь надо обсудить важное дело с Тремя Старейшинами Риции. Марьядер Квенти, Ракиссен Гаурдане и Лотер Антиора. Основатели этого царства. Им принадлежала идея, создание заклинаний — магию вместе с жизненными силами отдали сотни других колдунов. Они выполнят любую просьбу в обмен на нечто, во всех книгах называемое как «или своё родное, или свою мечту, или свой дар, или своё место». Разъяснений не приводилось ни кратчайших. Он знал уже, с чем будет расставаться — в случае отсутствия подробностей из уст самих Троих Старейшин. Родного у него ничего нет.

Дворец Основателей располагался на вершине холма-Города. Называли его дворцом только потому, что так было заведено, здание походило больше на храм. При взгляде на него сверху он имел форму шестигранника, скаты крыши завершались прозрачной полусферой, в которой полыхал огонь. Окна в здании были затемнены дочерна, за дверью-решёткой виднелось пламя, дрожащее в центре помещения, а кроме его языков — ничего.

Сглотнув, принц осторожно потянул её на себя, та отворилась абсолютно бесшумно. Внутри, когда он шагнул в храм-дворец, по-прежнему густилась тьма с пятном огня посередине. Его потрескивания были единственным звуком.

Минуту парень стоял, ожидая чего-нибудь. Картина не менялась никак, пока Эзария не сообразил, что дверь за собой следует закрыть. Непроглядность сразу же сменилась полумраком.

Изнутри здесь окон не было. Там, где они располагались снаружи, в здании горели скромные факелы. Не было вообще ничего, кроме полыхающего алтаря. Даже стены были голые — один бордовый камень, без всяких фресок, мозаик и барельефов. Эзария обошёл огонь, задрал голову, надеясь увидеть что-либо под сводом, рискнул сунуть пальцы в пламя — только обжёгся, ничего больше не случилось.

— Здесь есть кто? — беспомощно спросил принц.

Подавать голос не стали. Парень решил прийти в другой раз: Старейшины могут быть заняты. Но дверь, как он её на себя не

дёргал, не открывалась. Наружу решётка тоже не отворялась.

Бояться Эзария себе запретил. Он явился не с такими хорошими намерениями, чтобы Основателей просьба могла разозлить. Но вдруг кому-то понадобилась его смерть и Старейшины его желание сейчас выполнят? Тецарре? У неё пока слишком чистое сердце. Отец? Вероятно, он узнал, какова истинная причина гибели его жены. Может, он хочет с ним теперь за это расправиться. Только ему не известно, что его сын сейчас в Риции, как и всему королевскому окружению, где каждый третий жаждет гибели наследника трона, чтобы потом занять это комфортное место. Один Аорна Бларис, отправивший его в тёмное царство мёртвых, может сказать, но кто его спрашивать будет?

Скорее от нечего делать, чем из-за стремления выбраться, Эзария стал присматриваться к силуэтам теней огненных языков. Он понаблюдал возле каждой из стен, но ничего особенного не заметил.

Прервалось томление внезапно, храм заполнился густым бархатным голосом:

— Ты всё ещё уверен, что мы должны уделить тебе внимание? — прозвучала усмешка, но незлая.

— Да, — громко и отчётливо ответил некромант. — И я не намерен приводить вам аргументы в пользу того, что моё желание должно быть удовлетворено.

— Ты не рисуешься, — отметил голос, слегка подтаяв. — Ты и вправду считаешь свою цель достойной. Ожидание было небольшой проверкой, с успехом тобой пройденной.

Пламя в центре алтаря взметнулось до высоты человеческого роста. Когда оно спало, явило принцу мужчину среднего роста, брюнета с невероятно яркими волосами, подстриженными неровными прядями едва ниже плеч, очень бледного, в белой мантии, застёгнутой на все пуговицы Огонь расступился, образовав узкий коридор, по которому Марьядер Квенти приблизился к визитёру. Расстояние между ними сократилось до десятка сантиметров, и Эзария смог разглядеть, какие у Основателя необыкновенные глаза: бутылочно-зелёные, с чёрным кольцом вокруг радужки.

— Тебе неугодна леди Сагрена, — протянул Марьядер. — При жизни Мартина мы имели право распоряжаться судьбой девушки только так, как велит её отец, а он приказов довести дочь до безумия не давал и не помышлял дать. Но король убит, так что бедная Даниэла принадлежит тому, кого каким-либо образом интересует. О цене представление у тебя есть? — сразу перешёл к делу Старейшина.

— Конечно, — кивнул Эзария. — И выбор я сделал.

— Прекрасно, — хмыкнул мужчина.

Из пламени точно так же, как он сам, возникли двое других Основателей. Ракиссен, обладатель мелких рыжих кудрей, полностью закрывающих лопатки, усов и короткой бороды, был в серой грубой рубашке и брюках чуть более тёмного оттенка, заправленные в сапоги, на поясе сверкал аккуратный кинжал. Лотер же, шатен с коротковатой шевелюрой, растрёпанной в стиле фанатиков Фаризе, обхваченной узкой синей повязкой в тон короткому плащу, не расставался с жезлом, на котором на цепочках болталось три черепа мелких животных. Он являлся младшим из Троих Старейшин: скончался в двадцать семь, выглядел моложе на два-три года.

Марьядер протянул принцу руку внутренней стороной ладони вверх, на неё поспешили так же положить свои Ракиссен и Лотер. Кисть Эзарии накрыла их.

— Что же ты отдаёшь нам взамен? — поинтересовался шатен.

— Своё родное, — отчеканил некромант.

— Ты отдаёшь себе отчёт в том, что забирать его мы будем постепенно, в течение всей жизни. Ты можешь приобретать нечто новое — мы лишим тебя и этого. Ты знаешь, на что идёшь? — предупредил для соблюдения формальностей Ракиссен.

— Да, — от нетерпения Эзария уже трясся, переминаясь с ноги на ногу.

— Мы принимаем плату, — Основатель вонзил кинжал в протянутые ладони, в том числе и собственную, так, что лезвие проткнуло все четыре.

На пол закапала кровь одного смертного, боли не почувствовавшего. Капли собирались в линии, образовывавшие постепенно подпись королевского сына.

— Кто распорядится полученной нами ценностью? — продолжал Ракиссен.

Обсуждать это Старейшины принялись безмолвно, очевидно, обмениваясь мыслями при помощи телепатии. Эзарии отчего-то становилось всё легче. Крови образовалась целая лужа, но с потерей её наступало странное облегчение, грозящееся вылиться в восторг. Через пару минут, если эта эйфория будет усиливаться такими же темпами, он начнёт пританцовывать от радости и смеяться.

— Это Лотер Антиора, — объявил Ракиссен и выдернул лезвие.

Раны на месте не осталось. От руки побежал приятный холодок.

— Всё? Думал, это займёт больше времени, — произнёс

Эзария в лёгкой отрешённости.

— А зачем? — парировал Марьядер.

— Осталось договориться, когда и где, — сказал Лотер. — Приводи Даниэлу через сто тридцать часов к озеру Грашмайл. От ворот Города идёт гравиевая дорога, ступайте по ней. Воспоминания, которые дала тебе Каджайя, должны быть при тебе, можешь прихватить ещё чьи-нибудь, если достанешь.

— Как я определю, что сто тридцать часов истекают? В Риции не по чему, — заметил Эзария.

— Эта вещь поможет, — Марьядер из рукава извлёк маленький продолговатый сосуд, сильно напоминающий пробирку, но запаянный. К нему была прикреплена верёвка, чтобы вешать предмет на шею. — Он пустой. Как только ты выйдешь отсюда — начнёт медленно заполняться красной жидкостью. Окажется полным — время истекло. Передумаешь — возвращать уплаченное не станем.

— Исключено. Буду вовремя, — снисходительно заверил Основателей принц.

— До встречи, — попрощался брюнет.

Выскочив из здания, Эзария пропетлял до ближайшей скамьи, у него вдруг неслабо закружилась голова. Растёкшись по жёстким доскам, он улыбнулся небу, подмигнувшему ему вспышками нескольких звёзд. Парень казался пьяным, физически состояние было аналогичным. На скамье он и заснул, а когда открыл глаза, на дне сосуда, покоящегося на груди, алело жидкое пятно.

— Леди, пора вставать! — разбудил Теону детский голос.

Священница, проснувшись, с сожалением вспомнила, что она теперь странствует по царству мёртвых в одиночестве. Плыла по реке Случайностей Теона недолго: её в когтях утащил дракон, бросив в Городе. Упала целительница с приличной высоты. В мире смертных такое падение бы завершилось летальным исходом. Где молодая женщина приземлилась, там и сомкнула веки: обморок ей обеспечился.

— Хозяйка скоро придёт, вставайте, — теребил её другой ребёнок.

Теону обнаружила стайка из шести ребят, трёх мальчиков и трёх девочек, примерно одного возраста — лет по десять. Все были абсолютно одинаково подстрижены, недлинные волосы, прямые, но пышные, различались только цветом: чёрные, рыжие, каштановые, русые, белокурые, а у одного мальчика — тёмно-фиолетовые. Одежда у детей тоже разнообразилась не сильно: все были в распахнутых плащиках, толстых уютных шарфах, вязаных кофтах, уже растянутых, отчего-то в варежках; только мальчики

были в брюках, а девочки — в юбках в складку до колена. И то, и другое являлось весьма уродливым, из грубой ткани.

Теона перебралась на какой-то ящик. Пришла в себя она на заднем дворе большого дома, тут бочек и ящиков разной величины оказалось полно. Усевшись, она потёрла глаза, зевнула и приветственно оглядела ребят.

— Отдыхать здесь нельзя, — забеспокоилась рыжеволосая девочка, мотая головой. — Хозяйка не выносит смертных, она вас зельями опоит и вы вернётесь отсюда ненормальной.

— Кто вы? — пробормотала Теона, растерявшись. — Что это за Город? Куда мне надо идти?

— Мы слуги госпожи Авертианы, — вступил в разговор мальчик-блондин, — дети тех людей, которые отправили её сюда. Хозяйка давно носится с идеей, для осуществления которой ей нужен смертный. Так как они редко тут бывают, она велела нам, если встретим странника их мира живых, вести к ней. Но мы этого не сделаем!

— Поняла, ухожу, — священница встала, через секунду сообразив, что на улицу с заднего двора можно попасть, пройдя по дому к парадному входу. — А как мне это осуществить?

— Мы поможем! — воскликнул ребёнок.

Шестеро маленьких слуг окружили Теону, взявшись за руки. Девочка-брюнетка с достоинством произнесла:

— Мы телепортируем вас, куда хотите.

— Я знаю, куда хочу, но не знаю, где это, — вздохнула молодая женщина. — Сначала я с мужем и друзьями искала одну девушку — теперь мне и их искать надо.

— Не принцесса ли это?

— Действительно, это она, — просияла Теона.

— Город Целиран, — просветил её ребёнок и скомандовал товарищам: — Давайте, ребята. Заклинание все помнят?

Выслушав нестройный хоровой ответ, выражающий утверждение, целительница поинтересовалась:

— Телепортация — магия не низшего уровня. Вы себе не навредите, отдав столько сил?

— Мы же мертвы! — мальчик с тёмно-фиолетовыми прядями расцвёл улыбкой. — Вероятно, нам сделается дурно, но недомогание вскоре пройдёт. А вы спасётесь.

Он убедил Теону вполне. Дети стали проговаривать заклинание. Телепортируются обычно силой мысли — магия тут особая, можно не владеть остальной настолько хорошо, чтобы не пользоваться словами, но перемещаться на сотни километров именно так, безмолвно, используя единственный жест. Для детей же любое высшее колдовство, если оно вообще удаётся, требует

длинных фраз. Теона и не подозревала, насколько огромен текст заклинания телепортации. Звучал он в исполнении ребят красиво, мелодично, почти песней.

В круге, образованном ими, забегали бледно-оранжевые и жёлтые отсветы, вытянувшись в линии, хаотично пересекающие друг друга. Вспышка — и компания стоит уже в Целиране, перед временной резиденцией младшего Чезигера.

Эзария как раз возвращался туда, пошатываясь. Эйфория ещё не спала. Только он появился на площади, где в нерешительности осматривалась Теона с ребятами — направился к целительнице, чтобы поцеловать.

Глава 33 Озарение

— Что-то зачастила я к вам, — Вивьен вошла в комнату, снимая мантию и кидая её в кресло — всё равно тут творился беспорядок такой интенсивности, что творческим его было уже не назвать. Полный хаос, и всё тут!

Замок мучался духотой, а окна приходилось держать закрытыми — вместо свежего воздуха с улицы проникала вонь пожаров, пронизавшая всю столицу. Полыхали, помимо учреждений, заботящихся о потенциальном материале для экспериментов фанатиков, просто дома бедных районов, нищие ведь тоже могли им понадобиться.

— Эх, Дамира, — вздохнул Николас, сидевший возле девушки, которую пришлось убить. — Не повезло тебе.

— Зато она так ударила Элли, что к ней вернулся здравый ум, — протянула Кларисса, устроившаяся на подоконнике.

— Отходите, — велела священница, подходя к кровати и поднимая посох — надо было совершить Обряд Упокоения. Для этого её и вызвали сюда в какой-то раз за этот день. Из спасённых из Шекогана людей кто-нибудь чуть ли не каждый час умирал. Как поддерживать жизни в существах, с которыми вытворяли такое, что на людей они оставались похожи только внешне, знали только сами фанатики.

— Не дело обряд в помещении проводить, — проворчал Николас. — Неуважение получается. Не надо упрёков, — он поймал осуждающий взгляд Клариссы, — я понимаю, что до храма мы не дойдём в столь неспокойной обстановке. Просто обидно за эту девушку. Почему она не заслужила нормальное Упокоение?

— Тише, — шикнула на него Кларисса, беря под руку и отводя к стене. — Разговаривать во время обряда совсем неприлично.

Прошло несколько грустных минут, пока Вивьен занималась Упокоением. Где-то в небе появилось лицо Дамиры, счастливое: душа попала в Аркену.

— По-моему, тебе лучше остаться. Вряд ли эта смерть последняя, — произнесла ведьма, — когда священница закончила.

— Вообще-то у меня нет прав оставлять свой храм надолго, — протянула Вивьен. — Вы сегодня неоднократно провожали меня с мыслью, что я ещё понадоблюсь, я же возвращаюсь, надеясь на обратное. Все возможные сеансы экзорцизма у вас я провела. Остальное зависит от самих одержимых и тех, кто их окружает.

— Как хочешь. Устраивает тебя, что ты мотаешься туда и обратно — отправляйся назад в деревню, — пожал плечами Николас. — Я тебя провожу.

— Спасибо, я запомнила, где портал, — устало ответила женщина, не заметив, что её слова прозвучали хамством.

— Я предполагаю. Просто мне не трудно тебя проводить, — Николас воспринял фразу должным образом, она его не задела.

Он со священницей удалился. Кларисса осмотрела всех пострадавших от жуткой фантазии фанатиков, которые были в этой комнате, или спали, или сидели с безумными взглядами и что-то мычали сами себе. В некоторых утром вынужденно влили снотворное, кто-то сам заснул. Усыплённые буйные, подобные убитой Дамире, были связаны. Ведьма поправила им верёвки, чтобы на коже не оставалось следов, проверила, нет ли у кого температуры, и решилась отлучиться.

В коридоре она столкнулась с Патриком, ведущим под руку и успокаивающим болезненного вида девушку. Все, кто побывал в Шекогане подопытным, выглядели плохо, но эта несчастная поражала особенно жалким видом: землистый цвет лица, вытянувшегося из-за кошмарной исхудалости, спутанные кудри, воспалённые глаза, обескровленные губы. Судя по её лепету, она, как и Алина, переживала из-за потери хозяев, только гораздо сильнее, чем легендарная старая знакомая. Наверное, девушка бы кидалась на всех с кулаками, требуя вернуть того, кто распоряжался ею, да сил не было. Она и шла-то с помощью, о более активных, к тому же агрессивных действиях и помыслов не должно было быть.

— Как дела обстоят? — спросила ведьма, когда они поравнялись с ней. — Ни с кем проблем нет?

— Всё хорошо, — кивнул маг. — Эх, поживём пару дней в такой обстановке — и начнём радоваться любому, у кого здоровый, незатравленный взгляд и незамутнённый разум. Отправь нас кто-нибудь в другой город — были бы мы там счастливы до неприличия только потому, что там вероятность нападения на нас первого встречного крайне низка и нет страдающих. А друг к другу мы уже относимся как к чему-то необыкновенно прекрасному. Замечаем в каждом представителе ближайшего окружения то, на чём раньше внимания не заостряли. Просто высшая раса по замку расхаживает, честное слово! Вот сейчас говорю весь этот бред тебе и понимаю, насколько ты мне интересна. Не было бы у меня девушки, а у тебя — молодого человека, я бы предпринял попытку завязать романтические отношения.

— Да уж, — усмехнулась Кларисса и мгновенно погрустнела,

глядя в огромное окно.

Замок сейчас находился над Северной площадью, подальше от Шекогана. Ни у кого не было достоверной информации и вообще уверенности насчёт умения фанатиков определять расположение невидимых летающих замков, а также в сообразительности или, на худой конец, их интуиции, которая подсказала бы, что именно в таком сооружении прячется компания, лишившая лабораторию подопытных. Но рисковать не стали. Теперь вместо унылого полумёртвого леса убежище окружали невзрачные общественные здания. Это был один из бедных районов города — как раз в таких и хозяйничали прислужники короля. Представлять, какой кошмар творится в нищих спальных кварталах, Кларисса боялась.

— Не раскисай, ну же! — не стряхивая с себя девушку, последнюю минуту что-то монотонно бубнившую, Патрик встал перед ведьмой, чтобы посмотреть ей в глаза и взять за плечи.

— Ты прав. Спасибо.

Женщина обняла его одной рукой — мешала висевшая на Патрике девушка — и чмокнула в щёку. Маг не дал Клариссе отстраниться сразу, прижал к себе секунд на десять, поглаживая по голове. Дальше Кларисса пошла, не совсем помня, зачем покидала комнату.

У окна у лестницы выглядывала что-то или кого-то Великая троица в полном составе. Как давно женщина не видела их вместе! Первым, услышав её шаги, обернулся Саша, чародейки, впрочем, тоже медлить не стали.

— Всё нормально? — вопрос юноши не подразумевал, что дела плоховаты, как обычно думают, интересуясь так. Парень действительно рассчитывал на отсутствие проблем, пусть и временное.

— Тишина, — улыбнулась Кларисса.

— Главное, чтобы не оказалось затишьем, — изрёк Саша.

— А сами вы как? Что на улице происходит? — ведьма поняла: она собиралась осведомиться, как живёт замок за пределами комнаты, где она пребывала последние часы.

— По-моему, все подопытные зависят от кого угодно, только не от себя, — произнесла Дашка. — Даже чувствуют они, как их товарищи по несчастью. Утихомирили нескольких — остальные тоже успокоились.

— Зато за окном — трагедия за трагедией, — мрачно доложила Алина. — Хранители закона стервятниками кружат, оборванцев караулят. Неужели мы на это смотреть должны?

— Так вы не просто наблюдаете, — Кларисса указала взглядом на Дашку, высунувшуюся из соседнего приоткрытого

окна и прицелившуюся огненным шаром в группу хранителей, только что свернувшую с площади.

Пламя сорвалось вниз, но не попало в зелёные мантии — ударилось о землю меньше, чем в полуметре от колдунов. Так как Дашка с удовлетворённым видом окно закрыла и вернулась к компании, Кларисса поняла: молодая ведьма собиралась лишь припугнуть их.

— Когда никто не смотрит, мы балуемся, — объяснила она. — К сожалению, палить по извергам вовсю нет возможности — наше местоположение не должно делаться достоянием общественности.

— Когда ж они уймутся? — воскликнула Алина.

Причиной обострившегося возмущения стал поваливший из-за дальних крыш чёрный дым. Столбов его успело появиться и растаять немало, но этот был особенно внушительный. Пухлые клубы стали вдруг расползаться так, что приняли вид дракона с распростёртыми крыльями и разинутой пастью. Какое-то время изображение увеличивалось, будучи статичным, потом выдохнуло настоящее зелёное пламя и устремилось вперёд.

— Каллен Барде? — поразился Скентия, незаметно спустившийся к компании.

— Ты о ком? — Саша удивился тоже.

— Смотри, — велел старейшина Чёрных Гаваней, указывая на окно.

По мере приближения дракон преобразовывался в существо из плоти, начиная с головы, продолжающей изрыгать пламя. На спине животного, когда оно оказалось на достаточном расстоянии для того, чтобы все детали были хорошо различимы, все увидели двух человек: мужчину с белыми волосами в длинном хвосте (вроде бы именно белыми, а не седыми) и девушку с непослушными красными локонами.

— Ники? — изумлению Скентии уже не было предела, но оно было восторженным. — Значит, ты всё время оставалась в Нерфастоне?

Задать уточняющие вопросы он не позволил, умчавшись вниз. Топот стих, затем начал усиливаться вновь: гомункул забыл, что замок расположился не на земле, а метрах в десяти от неё. Стоило ему очутиться на одном пролёте с Клариссой и молодыми магами, его разум отрезвел окончательно, и Скентия, спохватился, что поблизости нигде нет портала, поэтому портальной дверью замка тоже воспользоваться не получится.

— Окно, наверное, надо распахнуть, иначе не догадаются, где мы, — произнесла Алина.

— Каллен поймёт, — возразил гомункул.

— Кто он такой? — Саша напомнил, что в прошлый раз его интерес касательно странного дракона и мужчины на нём удовлетворён не был.

— Старейшина Бесталона. Он и возжелал когда-то иметь возле себя такую, как Ниорика. Собственно магического дара у него нет, но его наделили редчайшей способностью — телепатией. Он обязан догадаться, что ему надо всего лишь позвать меня.

События на улице тем временем разворачивались вполне мирно. Хранители закона, ставшие свидетелями появления диковинного создания, или знали, насколько важная персона перед ними, или попросту испугались. Так или иначе, на Каллена Барде просто глазели, без угроз применить жезлы. Старейшина Бесталона с сестрой Скентии, сойдя на землю и оставив дракона ждать, прошли вперёд и скрылись под замком. Животное нагло село посреди дороги.

Скентия внезапно сдавил виски ладонями, на лице нарисовалось напряжение. Друзья в таком же состоянии уставились на него. Алина то и дело косилась на дракона в окне, но он лишь спокойно щурился на солнце.

— Над самой площадью остановился наш летающий невидимый замок, — сказал Скентия медленно, с закрытыми глазами с невообразимо сосредоточенным видом, ещё чуть-чуть — и голова начнёт дымиться. Ему ответили, он продолжил: — Стойте возле башни, — он замялся, сообразив, что имеет кулон телепортации, — я сейчас появлюсь и перемещу вас. На радостях память работает совсем паршиво, — проронил он, скривившись, когда связь прекратилась.

Дрожащими пальцами он нацепил на себя кулон. Вчера Кларисса поработала над ним так, что телепортироваться теперь его обладатель мог и вместе с кем-то. После исчезновения гомункула Кларисса приказала кому-нибудь идти звать Мариера с Терфесом, на просьбу отозвались Саша с Дашкой. Сама ведьма решила сбегать к оставленным без присмотра бывшим подопытным, Алина дождалась Скентию с сестрой и старейшину Бесталона в одиночестве.

— Недурно устроился, братишка, — хохотнула обладательница алых кудрей сразу, как только очутилась в замке. Здороваться с девицей, с любопытством на неё смотрящую, она нужным не сочла.

— Замок не мой, — отмахнулся Скентия, снимая кулон и пряча его во внутренний карман мантии.

— Неужели её? — девушка небрежно кивнула в сторону Алины. — Только не говори, что она твоя невеста.

— Не узнаёшь эту леди? — хмыкнул старейшина Бесталона. Скентию же поведение сестры смутило. Никто не мог припомнить, чтобы красавец когда-либо краснел — Ниорике удалось добиться такого эффекта. Так как у гомункула была очень бледная, едва ли не белоснежная кожа, заметно стало очень сильно. — Элли Винсент.

— Очень приятно, — молодая воительница протянула ей руку как ни в чём не бывало.

Алина только поднесла свою, как Ниорика схватила и яростно затрясла её, нахально оскалившись.

— Ники, ты не меняешься, — вздохнул Скентия.

— Зачем? — хохотнула девушка, выпуская кисть волшебницы и бросаясь на растерявшегося красавца с объятиями. — Узнаю своего младшего брата! Наш милый застенчивый Скентия…

Цвет лица красавца неумолимо приближался к цвету волос Ниорики. Алина, не сдержавшись, прыснула. Скентию ей уже сделалось жалко, но от добренькой сестры его избавили подошедшие братья. Воительница, восторженно взвизгнув, переметнулась к ним. Терфес, заметив, что Скентия стал пунцовым, понимающе усмехнулся.

— Наша маленькая язва в своей привычной стихии, — проронил странник.

Ниорике это, кажется, польстило, во всяком случае, взгляд старшему брату она послала весёлый.

Скоро на пролёте собрались все вменяемые обитатели замка. Каждому было приятно видеть, как постепенно собирается семья, а воительница заинтересовала всех особенно. Она принадлежала к тем людям, к которым равнодушно не относятся. Необычайно яркая, в нарочно оборванных по колено штанах и рубашке без рукавов — чтобы был виден символ на предплечье, увешанная десятками разномастных браслетов, и металлических, и сплетённых из ниток, с роскошным мечом за спиной, с шикарной гривой, при малейшем движении головы красиво пружинящей, нахальной улыбкой, ослепительно белозубой, источающая энергию — любоваться Ниорикой можно было безотрывно.

— В зал не желаете пройти? — предложила, наконец, Тина.

— Конечно! — просиял Каллен. — Надо ж мне выяснить, в какие условия отдаю свою девочку.

— Я не ваша, — с лёгкостью осадила его воительница. — Если и рассуждать о моей принадлежности кому-то, мой господин — Веолаймер Керден. Но он, увы, скончался, и я сама над собой властвую.

Явно рассчитывающий подколоть Ниорику старейшина с неохотой признал поражение. Народ поднялся на этаж, в

гостиную, не оккупированную жертвами Шекогана, все расселись (Скентия хотел устроиться подальше от сестры, но воспротивились и Ниорика, и Мариер с Терфесом).

— Как добирались хоть? — спросил Николас, рассчитывая на то, что рассказывать станет девушка и Скентия сможет передохнуть.

— Мой дракон согласился нас доставить из Бесталона сюда, — влез Каллен. Ниорика, приготовившаяся было вещать, возобновила нашёптывание чего-то младшему брату, нервно мявшему ткань своей мантии, которую он снял и держал на коленях.

— Разве это была не телепортация? Бесталон ведь ой как далеко от столицы королевства, — пробормотала Алина.

— Вас сбило с толку то, что дракон так великолепно появился? Зверь особенный. Он невидимка, обращаться может, когда захочет, а зримым становится с тем размахом, который вы оценили. Дракона мне одна ведьма подарила, она и телепатией меня наделила, потому как от родителей мне не досталось ничего, кроме положения в обществе.

— Долго же вы летели! — воскликнула Тина.

— Меньше месяца. Относительно быстро, остановки мы делали редко — слишком Ниорику замучила боль там, где у неё на предплечье изображён символ Шекогана.

— Я бы перестала обращать на неё внимания, если бы ты каждые десять минут не переспрашивал, не стало ли хуже, — заявила девушка-гомункул.

— Бросьте, это же хорошо, что вы уже здесь! — примиряющее воскликнул Терфес. — Остановки отняли бы у вас пару недель, за такой срок треть населения столицы извели бы фанатики, ещё одну треть — хранители закона.

— Ещё Эрфа не прибыла, — напомнил Скентия. — Судя по тому, что её до сих пор нет, телепортация ей недоступна и она добирается невесть откуда или пешком, или на лошади, или на поезде. И потом, соберёмся мы — надо будет понять, зачем.

— Стало быть, скучать вам не придётся, — Каллен, поднявшись, подозвал к себе воительницу, чтобы обнять на прощание. — Извините, что так быстро убегаю, в Бесталоне полно дел. Мне надо определить кого-нибудь на место Ниорики. Временно, — поспешно уточнил мужчина, стоило девушке подозрительно прищуриться. — Скентия, вы не телепортируете меня к моему дракону?

— Конечно, — красавец тряхнул оранжевой чёлкой, вновь нащупывая кулон во внутреннем кармане.

— Не проще ли всегда носить его на шее? — удивился

Каллен.

— А лучше ли проще? — ответил вопросом на вопрос Скентия.

Когда старейшину Бесталона отправили обратно, хозяева замка, Патрик с мистером Цельсием и Винсенты разбрелись по комнатам: надо было присматривать за теми, кто не оправился от шекоганских экспериментов. Гомункулы остались в зале. Даже Скентия с братьями до сих тор не поговорили как следует, не расспросили друг друга, что с кем было со дня расставания, а Ниорика вообще только поздоровалась со всеми. Теперь появилась возможность душевно пообщаться, да и надо было приступить к размышлениям по поводу того, что им предстоит.

Город потонул в тумане, просачивающемся сквозь стену ливня. На окнах капли резво обгоняли друг друга или лениво сползали вниз, а какие-то замирали. Скентия зажёг огонь в камине, другого света решили в зале не делать. Возле камина кресел не стояло, их передвинули с других концов комнаты. После окончания перестановки красавец принёс всем вина.

— За встречу, — произнёс Терфес, поднимая бокал.

— Пью первый раз за три года, наверное, — усмехнулся Мариер, сделав глоток. — Меня запугали преподаватели Академии Элианора, что спиртное на гомункулов плохо влияет. Вроде бы у нас от него могут начаться какие-то необратимые процессы, от которых мы начинаем постепенно таять, как лёд.

— Академия Элианора? Та самая, где преподаватели спиваются из-за милой традиции отмечать в стенах заведения все праздники? — хихикнула Ниорика. — Профессора, наверное, дико радовались, получив в свои ряды человека, на которого реально повлиять так, чтобы он алкоголь и нюхать боялся.

— Ничего столь аморального у нас не было, — протянул Мариер. — Просто я помнил, как мы стащили у Веолаймера бутыль спирта и мне на следующее утро было сильно не по себе.

Тот знаменательный день сразу вспомнился компании отчётливо, в сотнях забавных подробностей. Посмеялись немного над ними, Терфес спросил:

— Ты, выходит, всё время был в Лачигоре? Что преподавал хоть?

— Место в Академии меня вполне устраивало. Помогал студентам постигать тайны магической теории, в основном алхимию.

— И как, любили тебя ребята? — полюбопытствовал Скентия.

— Концертов не закатывали, когда мне пришлось покинуть их, но первокурсников мной не пугали, — Мариер устроился в кресле удобнее и скинул обувь.

— Ну а что с изобретениями? Тебе суждено было создать для народа нечто потрясающее, — хмыкнула Ниорика. — Лично я со своим призванием справляюсь вполне. У меня, разумеется, не настолько крошечный отряд в подчинении, чтобы обо мне можно было говорить что-то вроде «Ах, она героиня, едва ли не в одиночку сражалась с полчищем риксов!». Но мои воины ещё не бывали разгромлены с позором, да и без позора тоже. Риксам от нас доставалось.

— Я простой странник, и только, — поддержал тему Терфес. — Это не призвание, а образ жизни.

— Вряд ли Веолаймер рассчитывал на то, что ты будешь *простым* странником. Я, по его замыслу, выдающийся маг, но меня знают исключительно как старейшину Чёрных Гаваней, а последние полтора года — как предводителя восстания против Эвиланы Армад, — высказался Скентия. — Значит, у меня все основания верить, что славы великого колдуна я ещё добьюсь.

— Мы до сих пор не дали Мариеру ответить, — напомнила Ниорика.

Парень молча полез в сумку, не снимаемую с плеча только тогда, когда он ложился спать или вёл там особо усердные поиски. Она уже наполовину состояла из заплаток, но смотрелись эти кусочки ткани так, словно находились на сумке в качестве украшения. Вынул Мариер небольшой деревянный шар, открывавшийся посередине. Он отвертел половину-крышку, показав: шар наполнен розоватой жидкостью, в которой бегали отсветы.

— Названия эта штуковина не имеет, — пробормотал изобретатель, будто бы извиняясь. — Нужна для поиска необходимых книг в библиотеке, если ты примерно знаешь, с чем хочешь ознакомиться, но понятия не имеешь, в какой книге о нём может быть написано. Или вообще не представляешь, что именно тебе надо.

— И работает? — оживилась Ниорика.

— Да, — скромно кивнул Мариер.

— Я хочу увидеть его в действии! — потребовала воительница, и Скентия с Терфесом её поддержали.

Изобретатель не возражал против демонстрации. За Скентией гомункулы прошли в библиотеку, не пустовавшую: там возле окна замерли пятеро спасённых из Шекогана, девушка и четверо юношей. Когда вошли братья с сестрой, все развернулись. Несчастные молодые люди, душевно нездоровые, прижались друг к другу, вытаращившись на семейство Веолаймера так, будто гомункулы собрались их пытать.

— Отойдём, чтобы они вас не видели, — тихо сказал Скентия,

поясняя это одной Ниорике: странник с изобретателем уже хорошо понимали, как вести себя в присутствии практически одержимых.

Компания скрылась за шкафами. Мариер вручил сестре половинку шара с жидкостью и велел, глядя в неё, подумать, о чём она желает прочесть. Соображала девушка недолго, и когда решила, в её глазах появилась весёлая хитринка, а от поверхности вещества в шаре стал отделяться негустой пар.

Мариер соединив половинки, подбросил изобретение — все вскинули головы, чтобы проследить. В приземлении у шара вдруг выросли паучьи ноги, и упал он на них. Предмет побежал к шкафу, лихо забрался на верхнюю полку, прогулялся по корешкам фолиантов, возле некоторых останавливаясь, затем перепрыгнул на соседний шкаф, изучил его. Тут ему тоже ничего не понравилось, поэтому «паук» удрал исследовать другие. Послышался грохот свалившейся на пол книги.

Гомункулы с энтузиазмом рванули на звук. На полу покоился фолиант «Влияние Стихий: правда и предрассудки». Хихикая, Ниорика схватила её, заглянула в содержание и принялась листать. Обнаружив требуемое, девушка уселась на подоконник, погружённая в текст.

— Надо же! — воскликнула она, закончив чтение. — Действует! Мариер, ты гений!

— Что искала? — улыбнулся изобретатель.

— Как ещё я могу подкалывать нашего младшенького, — невинно произнесла Ниорика. — Скентия, твоя стихия — Вода, память меня не обманула?

— Ты права, — процедил маг.

Мариер приготовился смеяться над тем, что скажет сестра и не очень-то старательно сдерживал заранее напрашивающуюся на лицо улыбку. Терфес, чуть более тактичный и миролюбивый, изо всех сил крепился и с искренним сочувствием вздохнул.

— «Людям Воды, как многие полагают, присуще крайне легкомысленное отношение к жизни. Трещотки, пустозвоны, безголовые, с ветром в голове — это всё о них. Бывают слабы до противоположного пола, отсутствие подружки или приятеля в течение двух недель — уже катастрофа», — победно зачитала Ниорика. — Ну так что, братишка, у тебя проблемы?

Терфес, пока Скентия пытался подавить желание сделать с девушкой нечто нехорошее, например, придушить слегка, взял у воительницы книгу и озвучил ту часть характеристики, которую она не огласила:

— «Это лишь слухи. Не все сплетни возникают из ниоткуда, однако истина бывает запрятана так, что её не узнать. Не верьте

подобным вещам, они ваших нервов не стоят».

— Побаловались — и хватит, — Скентия нагнулся за изобретением, подошедшим к нему.

Странник собрался упрекнуть Ниорику в слишком грубых шутках, заодно и Мариера за отсутствие сопротивления специфическому юмору сестры, но Скентия открыл шар и сосредоточенно уставился в него. Даже девушка воздержалась от комментариев — настолько серьёзное было у красавца выражение.

Дрожащими пальцами он приладил крышку — изобретение само выскочило у него из рук и понеслось по шкафам, издавая попискивание. Книгу шар искал долго, Скентия успел занервничать. Терфес волновался за него, Мариер — за пригодность изобретения. Ниорика осознавала, что с её характером в данной ситуации лучше молчать и желательно не думать.

Фолиант рухнул в противоположном конце библиотеки. Кто-то из сумасшедших кинул в него огнём. Опасаясь, что всколыхнётся несколько шкафов, Скентия бросился туда, сбив с ног Мариера и опрокинув кадку с растением, мирно выполнявшую функцию украшения библиотечной комнаты.

За секунду потушив пламя магией, ей же обезопасив себя от пяти посланных в него сгустков колдовской энергии, старейшина вернулся с книгой к братьям и сестре. «Сделки с духами» — золотилась надпись названия на тёмно-коричневом переплёте.

— Что ты хотел? — пробормотал Терфес.

— Узнать, как бороться с Фаризе и её сторонниками.

Раскрыла фолиант компания в зале, откуда ушла в библиотеку испытывать шар Мариера. По странице с оглавлением палец Скентии скользнул до строчки «Можно ли заставить духов исчезнуть? — стр. 397». Шар, ненавязчиво пищащий на коленях мага, внезапно заверещал.

— Значит, правильно мыслишь, — объяснил Мариер.

Не без опасений и ёканий в животе и груди книгу распахнули на указанной странице. Скентия бегло проглядел несколько листов, остальные гомункулы не успевали замечать, что было на них написано. Привлёк внимание колдуна текст, начинавшийся абзацем:

«Многие ошибаются, когда полагают, что духи свободны. Священники главенствуют над жителями царства мёртвых. Конечно, те, кто служат мудрым Предкам, не будут приказывать обитателям Аркены нападать на смертных, даже на самых бесчеловечных. Но тёмные священники от помощи жителей Риции не откажутся. Злые духи — сильные противники, неустрашимые,

но кое в чём проигрывают людям. Если погиб командир отряда или вовсе командующий армией — воины могут сражаться дальше. Духи, отправившиеся в мир смертных по приказу тёмного священника, исчезают бесследно, когда убивают того, кто вызвал их. Этой странной связи не найдено объяснение, да и зачем оно? Поэтому знайте, иногда духи — противники слабейшие».

— Фаризе Беалинта? — кратко спросил Скентия семейство.

— Мне случалось общаться с одним тёмным священником, — Ниорика, очевидно, возражала. — Он пожаловался мне, что заключил с женщиной, носящей имя, только что тобой упомянутое, сделку. Он отдал ей сколько-то духов, служащих ему, взамен ведьма пообещала ему дух Алии Ави. Теперь женщина обрела достаточное могущество, чтобы обещание не выполнять, ещё и колдуна под себя подминает. Он мечтает с ней разделаться. Тогда я не знала, что повелительницу духов зовут именно так, не придала его словам значения. Теперь ясно: этого человека нам и придётся уничтожить.

Глава 34 Подарок Эвиланы

— Как я рада, что мы покидаем это место! — воскликнула Кларисса, прислоняясь к оконному стеклу.

Каждый из компании был согласен, выразив понимание или кивками, или кривоватой полуулыбкой. В окнах зала проплывали ещё самые высокие шпили зданий и башни, но мысленно все были уже за чертой города. Разговаривали мало: устали от тяжёлых обсуждений и споров, и у народа будто открылся дар телепатии. Кто о чём думает, без проблем угадывалось. Для успокоения, если таковое требовалось, пользовались объятиями и ободряющими взглядами.

С жертвами фанатиков трудностей больше не возникало. Как излечивать их, никто не представлял, в библиотеке соответствующих книг не имелось вообще. Всё-таки раньше замок принадлежал хранителям закона, а они были мастера калечить, а не исцелять Несмотря на это, пострадавшие чувствовали себя достаточно хорошо, чтобы ни на кого не бросаться. Как сказал Патрик, те, кто были совсем плохи, уже убиты, остались способные сопротивляться. Несчастные собирались группками, сторонясь хозяев замка. Крохотные сообщества не общались даже между собой, существовали очень тихо и практически незаметно. Кларисса выказывала опасения, что они могут взбунтоваться, но её мнение не разделялось никем.

Было одиннадцать утра. Предполагалось, что до Бесталона в летающем замке можно добраться за пару суток, там некоторое время должны были занять поиски тёмного священника. Сложность задачи усугублялась тем, что имени его Ниорика не знала, да и тёмные священники были слишком скрытными личностями для быстрого их выслеживания.

Отдельной головной болью оказалась Шаки. Конечно, она не хотела покидать Шекоган, её пришлось уводить силой. Пока замок стоял в столице, юную ведьму вынуждены были держать запертой в её спальне. Теперь дверь открыли, а ученица Фаризе не выходила из комнаты и ни с кем не разговаривала. В Джессику и Клариссу, иногда заглядывающих к ней, она даже кидалась тем, что попадалось ей под руку. От остальных Шаки демонстративно отворачивалась.

Переживали и за Клавьера. Прояснений в его памяти становилось всё больше, а ему самому делалось хуже. Он боялся, что в Бесталоне столкнётся с Аорной, испортившим ему полдетства и пол-юности. Парень, вернее, в то время ещё мальчик, пропал после того, как по приказу колдуна совершил

убийство. Это могло колдуну не понравиться, да и Клавьер слишком быстро и умело справлялся с подобными поручениями, чтобы его исчезновение не взбесило хозяина. Дашка, имевшая дело с Аорной, сочувствовала парню искреннее других, и никто не подозревал, что именно с бывшим хозяином Клавьера им придётся встретиться.

Вечером за ужином Скентия заинтересовался весьма щекотливым вопросом:

— Ниорика, а где и как тебе удалось побеседовать с тёмным священником?

— Он сам меня нашёл, — воительница не оправдывалась, не видя в странном знакомстве ничего предосудительного. — Алия Ави, дух которой был ему зачем-то необходим, — предводительница Отряда Смерти, нередко воюющего с риксами на их территориях. Мужчина обратился ко мне с предложением прикончить её, если она мне там попадётся, и привезти ему её тело. В обмен мне бы дали то, что я пожелаю.

— Ты не согласилась, — произнёс Терфес неуверенно.

— Естественно! — фыркнула Ниорика.

— Убить колдуна следовало, — жестоко заявила Джессика. — Нам Айрис рассказывала про свою ужасную сестру, очевидно, это Алия и есть. Злые духи нормальному человеку требоваться не будут.

— Вот и наверстаю упущенное, — проронила девушка-гомункул. — Как-то не принято из-за одних предположений людей уничтожать. Это привилегия хранителей закона и прочих тварей, служащих королю.

— И где же он к тебе явился? — нахмурился Мариер.

— Ко мне домой пришёл его человек, сообщил, что его господин будет ждать меня в такой-то таверне в такое-то время, — протянула Ниорика.

— И кто из нас безголовый… — вздохнул Скентия.

— Словно я не могу за себя постоять! Я всегда забавлялась, когда разные самонадеянные типы пытались сделать из меня наёмницу. Особенно велело выслушивать из соблазнения деньгами, привилегиями и демон знает чем ещё. Причём чем приличнее выглядит искуситель, тем он, как правило, наглее и изощрённее мыслит. А тот колдун послал ко мне ну такого милого эльфа — слов нет! Большие честные голубые глаза с по-женски длинными ресницами, лицо какое-то детское, соломенного цвета волнистые волосы средней длины, роста небольшого, ниже меня, трогательно так заикается…

— Ниральд Гауди, — прошептал Клавьер, выронив кувшин, из которого собирался налить себе.

— Точно! — Ниорика щёлкнула пальцами.

— Мой хозяин…

— Разве не Аорна Бларис? — удивилась Дашка.

— Гауди был у него в подчинении, вместе с ним — я, — ответил юноша.

— Наверное, он будет счастлив сдать нам своего повелителя, — усмехнулась Джессика.

— Гауди мёртв.

— Подождите, — Кларисса только осознала смысл ситуации, — нам же теперь известно, чья жизнь нужна для освобождения столицы от гнёта Фаризе! Клавьер, ты ведь сможешь показать, как добираться туда?

— Да, но я не пойду с вами, — юноша побледнел.

— Мы не допустим, чтобы полоумный маг причинил тебе вред, — побежала непоколебимым тоном старшая ведьма в компании.

— Вы не справитесь с ним. В его замке собираются сильнейшие маги.

— Судьба у нас, значит, такая, — парировал Терфес философски. — Если верить нашим отметинам, — он дотронулся до символа на груди, заметным потому, что рубашка была расстёгнута на две верхние пуговицы.

— Всё могло измениться с тех пор, — изрёк мистер Цельсий.

— Мы чудовище Эвиланы одолели, — напомнил Саша. — По-моему, для нас борьба со злом профессией стало. Сначала мистер Мортис, потом леди Армад, теперь Фаризе…

Разговор оборвался. Вряд ли Клавьера можно было легко успокоить, а остальные справлялись с волнением. Повод не беспокоиться имелся: если бы Аорна действительно обладал такой силой до сих пор, Фаризе не удавалось бы держать тёмного священника в страхе.

Ночью на удивление многим не спалось. Мерно посапывала под одеялом только Ниорика; её братья ворочались в постелях, но не засыпали, большинство постояльцев замка и все хозяева не ложились вовсе, просто не хотелось.

Дашка с Алиной в комнате последней, устроившись на подоконнике с бутылкой вина, описывали друг другу последние произошедшие с ними события, потом стали вспоминать Академию, профессоров и Теону с Томасом. Огоньки памяти, кружащие над подругами с момента, когда молодые супруги исчезли в Риции, уже не нагревались, не делались ярче — просто находились рядом. Дашка спросила, не стремились ли сторонники, проводившие эксперимент над Алиной, избавиться от него. Волшебница ответила, что никто почему-то его не

замечал. Наверное, особая магия…

Кларисса, Николас, Саша и Патрик пропадали в библиотеке — пожалуй, это помещение в замке пользовалось самой огромной популярностью. Там же развлекались с изобретением Мариера Тинзо и Эльгар (да-да, он с разрешения Скентии перебрался в замок с матерью и дядей Клаудом, коренастым мужчиной с жёсткими рыжими волосами, не поддающимися ни одной расчёске, поэтому подстриженными не длинно, но и не очень коротко, в круглых очках и широком вязаном шарфе и перчатках из той же шерсти, у которых были обрезаны пальцы). Сами Клауд и Шагрез бродили по невидимому убежищу, изучая комнаты и залы. Бруно делал какие-то записи в дневнике. Если бы сейчас в замок попал кто-то посторонний, то заметил бы, что здесь не всё как всегда, но вряд ли догадался бы, насколько компании предстоит ответственное и опасное дело. Наверное, она слишком привыкла к трудностям и риску.

Только в четвёртом часу ночи убежище стало превращаться в сонное царство. В половину девятого друзьям пришлось покидать постели: замок резко остановился и начал плавно опускаться на землю. Увидев в окнах, что он приземлился у опушки леса, узкой речкой отделяемой от деревеньки, люди и гомункулы высыпали в коридоры, всклокоченные, заспанные, с охрипшими спросонья голосами. После непродолжительной суеты Скентия сказал, что путь замку преградил мощный магический барьер.

Пока все маги, за исключением Великой Троицы и Тинзо, принялись решать, можно ли преодолеть его или придётся двигаться по другому пути, не задействованная в мозговом штурме часть компании вышла проветриться на берег речушки.

Утренняя свежесть ещё пропитывала воздух, а единственной помехой тишине был шумок водного потока. Кроны деревьев и крыши деревеньки на той стороне обволакивал приятный негустой туман. Эта идиллия отлично сглаживала напряжение, возникшее из-за вынужденной остановки.

— Любопытно, а что в лесу? — весело озадачил новых друзей Эльгар.

— Водятся разные звери, может, даже магические существа, — Алина живо подхватила мальчика и закружила, не позволив его матери, уже замахнувшейся, влепить ребёнку затрещину.

— Ни разу не видел, — Эльгар явно намекал.

— Поэтому ты живой, не калека и не имеешь шрамов, — проворчал Клауд.

— Можно я хоть на столечко, — мальчик развёл руки, — зайду посмотреть?

— Ну не был он никогда в лесу, — вздохнул дядя, глядя на Алину и стоявшую рядом Дашку. — Охота — сходите с ним, но держите за руку и сильно вглубь не отлучайтесь.

— Клауд! — возмутилась Шагрез.

— Тебе двадцать семь, а называть тебя язык поворачивается исключительно старой перечницей, — усмехнулся мужчина. — Девушки смогут его защитить, если это вообще понадобится.

Мать заколебалась. Умоляющая мордашка сына её совершенно не трогала, решимость женщины стремительно ослабляли взгляды тёмной и светлой колдуньи, полные ответственности.

— Только ненадолго! — сдалась Шагрез.

Чародейки с мальчиком, позволившим на радостях взять его за руки, углубились в лес под крики женщины: «Но только ненадолго, слышите, ненадолго!!».

Чаща изобиловала оврагами и холмами, путешествовать по которым оказалось очень интересно. В оврагах звенели ручейки, с холмов открывались красивые виды. Деревья все были тонкими, изящными, ветвистыми, пышными и не очень высокими, солнце щедро лилось со всех сторон, даря поразительно яркий цвет тем листьям, сквозь которые просвечивало. Ходили тут часто — нередко попадались потухшие костры возле поваленных брёвен, по крутым склонам холмов протянуты верёвки, за которые следовало держаться при подъёме и спуске. На стволе одного дерева Эльдар нашёл вырезанные имена.

— Доволен? — с улыбкой спросила Дашка мальчика, когда компания остановилась в овраге, пестревшем маленькими синими цветами. Она захотела сделать букет, Алина — сплести венок, Эльдар вызвался искать им самые красивые и большие цветы.

— Очень! — просиял ребёнок.

— Но мы скоро уходим, — напомнила Алина, присаживаясь на камень. — Иначе твоя мама нас четвертует.

— Тут же нет никаких зверей! Или ты опасаешься, что мы заблудимся? Я запоминал дорогу, — заверил он её.

— Мы сказали Шагрез, что отлучаемся ненадолго, — попробовала объяснить Дашка.

Неожиданно раздался громкий шорох наверху. Эльгар замер со счастливым видом, повернув задранную голову туда, откуда донёсся звук.

Там подрагивали деревья, несколько листьев полетело, кружась, вниз. Дашка с Алиной вскинули посохи и попытались притянуть к себе мальчика, но тот начисто исключил вероятность, что там скрывается нечто, представляющее собой угрозу для него и подруг. Спустя секунду выяснилось, что Эльгар был прав.

В овраг вывалился (именно вывалился, прокатившись по склону) молодой эльф, выглядящий ровесником чародеек, симпатичный, со светло-каштановыми прямыми волосами до плеч и необыкновенными золотисто-карими глазами. Из пухлой рассечённой губы струилась ещё кровь, левая рука была полностью обожжена, на правой зияла рана, обнажающая кость; живот пересекали глубокие кровоточащие следы когтей, такие же расчертили ноги и спину.

— О, ветры, что с тобой! — ахнула Дашка, падая перед ним на колени.

— Монстр Эвиланы… — еле слышно прошептал эльф.

— Эвилана!? — поразилась ведьма. — Она где-то здесь?

— Нет… только чудовище… Из останков того монстра, с которым она проделала путь из Чёрных Гаваней в Зальван…

— Достаточно, — прервала его Алина, осматривая. — Я не смогу помочь, проклятье! — констатировала она. — Раны от когтей вероятно, уберу, но то, что на руках — нет, это для профессиональных целителей.

— До замка мы его не дотащим, только ухудшим состояние. Я бегу за мистером Цельсием, — Дашка вскочила на ноги. — Эльгар, возвращаешься со мной!

Стремление сохранить здоровье пересилило желание поглазеть на монстра — ребёнок спорить не стал. К убежищу ведьма с мальчиком примчались за время, раза в четыре меньшее, чем то, что понадобилось им, чтобы добраться до оврага с цветами. Берег пустовал — значит, все надышались свежим воздухом. Уткнувшись в невидимую стену, Дашка пошла вдоль неё, ища дверь. Обнаружив, молодая женщина, едва не споткнувшись о порог, рванула внутрь.

— Где Зонарус? — накинулась она на идущего по коридору Николаса.

— В библиотеке, где ж ещё! А что случилось? — выпалил он вслед понёсшейся с безумным видом дальше Дашке.

Она посчитала нужным ответить как-нибудь потом. Белый маг, к счастью, стоял с книгой на полу — услышав вопль, он вздрогнул и выронил фолиант. Если бы он находился на лестнице, падение бы пользы ему не принесло.

— В лесу раненый… сильно…

— Идём, — этой фразы Зонарусу оказалось достаточно.

Теперь Николас в коридоре увидел два взволнованных до бледности лица. Через двадцать минут их разглядывали Алина с Риженом (так звали эльфа). Со следами на ногах и животе несчастного он справился быстро — исчезли полностью, не осталось и шрамов, рану на руке смог обработать, но её надо

было зашить, а вот ожог мага ужаснул.

— Магическое пламя, — сказал он Дашке с Алиной, взваливая постанывающего эльфа на себя. — Ожоги лучше всего лечатся не целительским волшебством, а тем, что даёт алхимия.

В замке к их приходу уже знали: Дашка с мистером Цельсием куда-то умчались, встревоженные. Предполагали, что с Эльгаром или Алиной стряслось нечто неприятное, поэтому появление магов с незнакомым эльфом выдрало из всех по вздоху облегчения перед тем, как вселить в душу противный трепет переживания по тяжёлому поводу.

Зонарус говорил правду, утверждая, что алхимия помогает при подобных ожогах. К вечеру единственным напоминанием о жутком происшествии в лесу напоминал только шрам на руке, уродливый, но легко скрываемый под рубашкой. Когда Рижен оправился, белый маг попросил его рассказать о чудовище. Из слушателей в комнате присутствовали только Великая Троица и Скентия.

— Это небольшой монстр. Размеры его не впечатляют совсем, но физической и магической силы в нём полно, — начал эльф тихо и медленно, с частыми паузами, отчего создавалось впечатление, будто он тщательно подбирает слова. — Похож на оборотня в животном обличье, только передвигается на четырёх лапах. Никто не знает, зачем Эвилана его создала и почему бросила именно здесь. Один из жителей нашей деревни видел, гуляя по лесу, красивую девушку с этой тварью. Со следующего дня селяне, отправлявшиеся туда, больше не возвращались. Мы смирились, что на поиски посылать бесполезно — поисковые команды тоже пропадают. Зато тварь повадилась таскать людей из поселения. Магов у нас нет, все в лесу сгинули, обычным оружием от монстра не защитишься — он для него неуязвим. Мы послали в ближайший город за помощью — прибыли к нам три колдуна, и, вместо того, чтобы убить создание ведьмы, сотворили барьер.

— А какой город? Мы вообще в каких землях находимся? — поинтересовался Скентия.

— Разория. В паре десятков километров — Грельены, крупный город.

— А этот барьер длинный?

— Достаточно. Но вы первые, кому он помешал. Он не пропускает только всё магическое, а ваш замок — сплошная магия.

— Странно, что чудовище до сих пор не ушло отсюда, — хмыкнул Саша.

— Куда? В города, где полно магов? — хохотнул Рижен. —

Ему и тут неплохо, путники-то в эти края забредают. А нам тяжело — мы в лесу охотились и травы целебные собирали. Магов у нас нет, зато травниц шестеро, они нам целителей заменяют. Я в лесу потому и оказался, что мать моя заболела, а для зелья, чтобы ей на ноги поставить, в деревне ничего нет, запасы кончились. Вот и рискнул. Переплыл реку — мост специально разобрали, чтобы безголовые типы вроде меня не бегали геройствовать.

— Что он собой представляет, монстр Эвиланы? — Скентии, кажется, ударила в голову идея. — Кстати, вы уверены, что тварь принадлежала именно леди Армад?

— Тот человек, который видел ведьму, нарисовал её. А чудовище огнедышащее, когти у него ядовитые, слюна — тоже.

— Мы зверя уничтожим, — заявил гомункул. — Сообщите в деревню, чтобы передали магам, наколдовавшим барьер: пусть возвращаются и убирают его.

— Но и колдуны исчезали в лесу! — воскликнул эльф.

— А мы не исчезнем. Я кое-что понял. Ждите, — Скентия быстро вышел.

Великая Троица, справившись с потрясением, вылетела за дверь, догнав гомункула на лестнице. Мистеру Цельсию Алина крикнула, чтобы он оставался возле Рижена — состояние эльфа не внушало пока мысли, что с пострадавшим уже всё в порядке.

— Вы со мной не пойдёте, — отрезал красавец, поднимаясь в свою комнату за жезлом и посохом.

— Ты один туда собрался? — хмыкнула Дашка.

— Позову Патрика и Клариссу, — спокойно отбивался колдун.

— Такого количества народу, очевидно, маловато.

— Будь добра, сходи в библиотеку, скажи им, чтобы…

— Мы только что оттуда. Нас там уже нет, — Патрик, нагруженный фолиантами, вынырнул из-за угла вместе с Клариссой.

Дашка, Алина и Саша очень быстро, перебивая друг друга, но не перекрикивая, изложили чёрному магу и ведьме то, что узнали от Рижена и просветили их насчёт дикого решения Скентии.

— Какой замечательный порыв, — протянул Патрик. — А понял ты что, приятель?

— Благодаря изобретению Мариера мы догадались, каким образом предстоит расправиться с Фаризе. Ниорика дала знать, кого надо искать. Допустим, я убью монстра, и мы поэтому сможем продолжать путь. Мы, дети Веолаймера Кердена, не просто так собрались, по-моему. Каждый должен сделать нечто для дела, нас объединившего. Терфесу и Эрфе тоже предстоит

совершить что-нибудь.

— Эрфе сначала надо нас найти, — напомнила Кларисса.

— Значит, так надо! Вы со мной?

— Ты ж ведь и один в гости к монстру сунешься, — вздохнула Кларисса.

Прошло совсем немного времени, и Великая Троица уже не могла поверить — её тащат в лес. Каждый участник сомнительной операции увешан флягами с разными эликсирами и всяческими амулетами и заговоренными вещами. Пока кипели сборы — стемнело, и группе пришлось брать факелы. Выглядела она впечатляюще, Ильдар, кажется, всё-таки начал ей завидовать.

Скентия, конечно, шёл впереди таким быстрым шагом, что гомункула приходилось периодически догонять. Никаких посторонних шорохов не доносилось, отчего напряжение лишь усиливалось. Место, где обнаружился Рижен, Дашка с Алиной узнали без труда, несмотря на не самую хорошую видимость. По требованию Скентии ведьма показала, откуда выпал раненый эльф, компания направилась туда под аккомпанемент участившегося сердцебиения.

В этом месте деревья росли гораздо гуще, и было заметно, где продирался сквозь них Рижен. След вывел компанию к обрыву. Внизу текла тоненькая речушка, скорее, широкий ручей, по центру своеобразной долины: напротив тоже высился обрыв. На той стороне деревья были выше, лапы-ветки тянули так, что достигали середины её. Гомункул разглядел: одна из веток обвита лианой, конец которой свисает до обрыва. Очевидно, Рижен перелетел на ней оттуда.

Амулет телепортации был на Скентии. Старейшина Чёрных Гаваней сгрёб всех в объятие — и все уже были там, откуда предположительно удрал эльф.

Ведьмы и Патрик сразу ощутили присутствие чёрной магии, Алина с Сашей, светлые чародеи, почувствовали слабую тошноту.

— Кому плохо, могут глотнуть зелья, — разрешил гомункул, не глядя на волшебников.

Они добрели до поляны перед пещерой. На обрыве, в котором чернела дыра-вход, лес продолжался, но деревья наверху изгибались корявые и безлистные. Проникать туда они не стали потому, что монстр, сопя, появился из подозрительной рощи и спрыгнул вниз.

Сложно было представить, что зверь непобедим. В холке он оказался не выше полутора метров; если встанет на задние лапы, то будет великаном, а сейчас — ничего особо ужасающего. Прищуренные глаза горели жёлтым, клыки обнажились, мощные, но у крупных пород церберов частокол зубов и челюсти

внушительнее. Бурая короткая шерсть лоснилась, лохматостью отличался только длинный хвост. Маленькие уши притянулись к голове.

Гомункул, чёрный маг и старшая ведьма сталкивались уже с оборотнями — а тварь действительно подозрительно напоминала это создание. Подумав, что это оборотень и есть, а монстр бывшей королевы бродит в другой части леса, они атаковали одновременно разной магией, Патрик — молнией, Кларисса — огненным шаром, Скентия — ледяным сгустком.

Зверь увернулся от всего. Движения его были молниеносны. Он, пока метался, виделся друзьям бурым пятном, настолько быстро уклонялся. Вторая серия магических атак дополнилась Дашкиной пламенной волной и шаровой молнией Алины, спустя пару секунд перед существом возник грифон, призванный Сашей. Только потом парень сообразил, что от него не будет никакой пользы: когти и клюв приравниваются к оружию, твари они не нанесут увечий, отвлекаться на безобидное для него существо монстр не станет.

Так и произошло. На грифона зверь выдохнул оранжево-чёрный огонь, превратив его, не успевшего издать хоть звук, в горстку пепла, и пошёл в наступление. Лавировать между несущимися на него и обрушивающимися сверху сгустками, волнами, языками пламени и молниями монстру удавалось играючи. Сила земного тяготения на него будто не распространялась. Отталкиваясь, он с невообразимой лёгкостью отпрыгивал, делал тройные сальто, перекатывался — и приближался. Замедлить его не удавалось. Компания ещё пятилась, надеясь попасть в чудовище хотя бы одной атакой, но необходимость разворачиваться и удирать грозила явственно. Скентия создавал в невообразимых количествах элементалей всех стихий — это был главный его талант. Только благодаря их наступлению зверю не удавалось настигнуть людей и гомункула в несколько прыжков.

— Держитесь… ближе… ко мне, — сказал в три выдоха гомункул. — Если… — (очередное заклинание и взмах жезлом, пока посох очерчивал перед лицом символ) — у нас ничего… не получится… телепортируемся… на безопасное… расстояние!

Не получилось. Обогнув воздушного элементаля, зверь бросился на Скентию. Инстинктивно он воззвал к помощи кулона, исчезнув куда-то за пределы поля зрения друзей. С мгновение монстр прикидывал, на кого кинуться следующим. За этот миг перед ним вспыхнула рыжая пламенная стена Дашкиного авторства, но он через неё перепрыгнул, задев только слегка задними лапами. В него посылали проклятия — зверь улавливал

их энергию, и ни одно в цель не угодило.

Маги уже начали выдыхаться. Сил было ещё полно, даже Саша с Алиной справлялись, но физическая усталость опутывала руки и ноги. Все запыхались, а монстр ещё не действовал на пределе возможностей — до него было очень, очень далеко. Происходящее являлось игрой, разминкой.

А потом его дыхание снова стало огненным. Дым, попадая на кожу, разъедал её, а глаза компания открывать боялась. Новой жертвой монстр выбрал Клариссу, напоровшуюся на дерево. Никто не увидел, как он валит её на землю, но вопль услышали все.

Скентия, не представив то место, куда он телепортируется, попал к храму, спрятанному в лесной глуши. На счастье гомункула, этот храм был вместилищем сил Водной стихии. Пол в нём оказался стеклянный, под прозрачной поверхностью плескалась ярко-голубая светящаяся вода, стены были выложены в шахматном порядке мелкой синей плиткой и кусочками стекла, в центре храма стоял на тонкой металлической ножке магический шар, раз в пять больше тех, которыми народ обычно пользовался.

— Я ошибся? — пробормотал Скентия, прикладывая ладонь к нему.

В шаре появилось знакомое до защемления в сердце лицо. Недлинные седые волосы, добрые серые глаза в обрамлении добрых морщинок.

— Нет, — ответил Веолаймер.

— Ты ничего мне говорить не будешь? — он коснулся стекла второй рукой.

— Ты сам справишься, — старик-алхимик улыбнулся, отчего страх красавца стал таять, стекая чем-то тёплым по груди.

Когда лицо Веолаймера исчезло, Скентия прослезился. Лучше бы отец вообще не являлся ему. Эти секунды только подняли со дна души воспоминания, едкие, от которых щипало в глазах.

Но изображение сменилось другим: его нечаянно брошенная компания, в ту минуту, когда красавец перенёсся к храму, оттеснявшаяся монстром Эвиланы; теперь из-за огня и дыма все ослепли, а чудовище готовилось к прыжку на Клариссу.

Зубы вонзить в женщину тварь не успела. Скентия, вернувшийся туда, нанёс созданию удар ледяной молнией.

Обездвижила монстра магия ненадолго — он покрылся холодной коркой ровно на столько секунд, сколько гомункулу понадобилось, чтобы оттолкнуть его от ведьмы. Зверь ожил, однако быстрота реакции была утрачена. Три сгустка энергии пролетели мимо него, четвёртый задел, а пятый пустил в него

Саша, первым осознавший, что противника кому-то удалось ранить, и этим необходимо воспользоваться. Окончательно добили существо Дашка и Патрик.

От чудовища осталась серебристая лужица. Наклонившись к ней, Скентия вдохнул пары, поднимавшиеся от неё: если бы они были ядовитыми, всё равно бы на него не оказали никакого эффекта.

— Должно быть, это нам пригодится.

Тихо и миролюбиво шелестели деревья, делая звёзды, заслоняемые листьями, то видимыми, то снова невидимыми. Они проводили компанию, только вниманием уделила их одна Дашка, перед тем, как подойти к Скентии, чтобы вернуться с ним в замок.

Глава 35 Навстречу чернокнижнику

Утро для Эрфы началось с радостной новости: барьер за поселением Тирон, мешавший ей продолжить путь, сегодня убрали. Ей, как существу, созданному магией и состоящему из неё, преодолеть его было нельзя. Девушка вспомнила рассуждения младшего брата — может, нас отец нарочно наделил разными выдающимися способностями, чтобы мы не так сильно ощущали себя неполноценными людьми, какими на самом деле являемся? Гомункула ведь сложно убить простым оружием — смертельную рану нанести невозможно, как глубоко не вонзай клинок, зато магией это удаётся легко. Как уничтожаются призванные создания высшего уровня, так и гомункулы, будто нет между ними никакой разницы.

Эрфа всегда избегала думать об этом, но последние три дня — именно столько она оставалась в Грельенах — получалось само собой. Она жила в городе, а не в Тироне исключительно потому, что там ей было интереснее. Отметина на запястье больше не болела, и получать от жизни абсолютное удовольствие мешали только назойливые мысли о своей странной двусмысленной природе.

Миновав поселение и остановившись у воды, на том берегу Эрфа заметила людей, прощающихся с эльфом. Одна из девушек в той компании крикнула, позвав кого-то, и в воздухе появилась и распахнулась дверь, выпустив откуда-то *его*.

Скентия взял эльфа за руку, занёс и резко опустил жезл — и они оба появились перед Эрфой.

— Здравствуй, — прошептала она.

Эльф почему-то не удивился, увидев перед собой её, особу с весьма экстравагантной внешностью, как-то понимающе глянул на Эрфу, потом на Скентию, попрощался и убежал в деревню.

— Вот мы и тебя нашли, — растерянно, словно ещё не веря тому, что это происходит взаправду, брат улыбнулся.

Попав в замок, девушка стала ощущать то же самое. Все здесь, сестра и три брата, такие, какими дети Веолаймера расставались. Бойкий, живой Скентия, стремящийся быть везде, причём так, чтобы его заметили и признали; язвительная, иногда совершенно невыносимая Ниорика, которую в ответ смутить невозможно; Терфес, непременно стремящийся наладить мир и взаимопонимание в любой компании, куда бы он ни попал; и Мариер, слишком увлечённый своими идеями, слегка отстранённый и очень доверчивый. Всё как тогда.

Скентия подробно изложил ей цель путешествия и события,

послужившие причиной тому, чтобы его начать. Эрфа его не перебивала, хоть говорил братец долго. Когда он закончил, компания: гомункулы, Великая Троица, Джессика, Патрик с мистером Цельсием и Тинзо и хозяева замка, — посмотрела на девушку в ожидании ответного слова.

— Забавно, — протянула она. — Я по-другому себе воссоединение представляла. Случайность. А мы вдруг ощутили необходимость собраться вместе и нашли друг друга, потому что нам так велели.

— Случайности ждать можно долго, — хмыкнула Ниорика.

— Но она приятнее, — парировал Терфес.

Эрфа добавлять ничего не стала. Она вдруг осознала, что их, гомункулов, используют. Девушка была, конечно, Веолаймеру благодарна за подаренную жизнь, весьма неплохую, которую менять на какую-либо ещё Эрфа бы не захотела. Однако алхимик лишил их возможности самим выбирать цели.

— Обиделась? — спросил Мариер. — Брось! Ты же знаешь Ники, для неё чувство такта — непонятная штука с неведомой областью применения.

— Тем не менее, неумение ею пользоваться мне никогда не мешало, — защитилась воительница.

— А я с Эрфой согласен, — Скентия подошёл к окну и распахнул, впустив остаток утренней прохлады, грозившейся скоро преобразоваться в полуденную жару.

Старейшину Чёрных Гаваней терзали два вопроса: о полноценности гомункулов (или её отсутствии) и о том, почему ему (а теперь, как выяснилось, и Эрфе) это покоя не даёт, а Ниорика, Терфес и Мариер даже не задумываются о подобных проблемах.

В размышления он окунулся так глубоко, что не слышал, как друзья, приятели и родные разошлись, в гостиной остались только Бруно, домучивающий запись в дневнике, и Эрфа, просто сидевшая в кресле. Так как замок летел над природными просторами без вкрапления поселений, Скентия позволил себе высунуться из окна, сложив руки на подоконнике и слегка подавшись вперёд. Поток воздуха поднимал чёлку наверх, но его такая мелочь, впервые показавшаяся таковой, не волновала, и не потому, что символа на лице никто разглядеть, пока красавец стоит спиной ко всем, не смог бы.

Внизу тянулись нежно-зелёные луга с зеркалами озёр, кое-где зелень делили на части реки разной ширины, пересекающие и нагромождения лесов. Холмы плавно сменялись равнинами, которые потом снова бугрились. Небо было неестественно яркое, подходящее неуемным краскам того, что было под ним.

Отдельные облака, словно заблудившиеся, ищущие то место, где погода допускает их пребывание, изумляли белоснежностью — им не хватало, пожалуй, только сверкания.

Возникла новая луговая заплатка, на ней тянулся шпилем к небу храм, от него отделились две человеческие точки, кажется, влюблённая пара.

— Эрфа, а мне с Веолаймером поговорить удалось, — произнёс Скентия, спохватившись, что сестра пока не знает.

— Когда? — прошелестела она.

— Сегодня ночью, — красавец развернулся и поразился, узрев в гостиной лишь двух человек. *Человек, слышишь, а не гомункула и человека!* — В храме, в том лесу, где обитало чудовище Эвиланы.

— И о чём? — пошатываясь от слабости, вызванной известием, Эрфа поднялась и сделала к нему несколько шагов, брат подошёл и притянул к себе, поддержав за плечи.

— О том, что я правильно догадался: у нас, его детей, по предназначению в деле борьбы с повелительницей духов.

— Тебе нравится? — девушка положила руки ему на грудь.

— Быть средством?

— Нет, то, чем ты сейчас занимаешься. А средства… Солдаты на войне — тоже средства, так что посвящать себя выполнению чьей-то воли не только наш удел.

— Я рад, что мне выпала честь управлять таким городом, как Чёрные Гавани, — Скентия подвёл сестру к софе, они сели. Бруно то ли закончил писать, то ли проявил вежливость — мужчина покинул зал, даже дневник не закрыв. — В какой-то мере я доволен, что возглавлял восстание против Эвиланы.

— Ты опять не понял, — покачала головой Эрфа, не упрекая и не сердясь. — Вот это приключение — леди Беалинта, духи, Шекоган, тёмный священник?

— Только тем, что вас встретил, — красавец провёл пальцами по её рукам, сложенным на коленях.

— А если не считать воссоединения?

— Тогда не нравится, — признался Скентия. — Не мой масштаб. Мне нужно, чтобы вокруг меня было много народу. Я в стенах замка потихоньку с ума схожу.

Девушка в ответ продолжила излучать счастье, взгляд её замер, остановившись на жёлтых глазах брата — Скентия точно так же не мог оторваться от неё. Для счастья ей требовалось немного, как подумал бы человек, которому подобные вещи неведомы, — получать от других доверие и ощущать свою необходимость. Младший брат только ей и позволял себе выговориться. В моменты такой нескрываемой радости Скентии

казалось, девушка его не слушает, а просто получает удовольствие оттого, что ей изливают душу. Так могло быть на самом деле — гомункул всё равно не обиделся бы. Но Эрфа вникала, надеясь помочь потом советом.

— У меня лучшая на свете сестра, — красавец убрал с её лица волнистую зелёную прядь.

— Мы не договорили, — напомнила девушка.

— Я и не ухожу. На вопрос я ответил. Что дальше?

— У тебя никогда не появлялось желания обвинить Веолаймера в том, что ты вынужден делать не то, что хочется? Тебе ведь должность старейшины могла не по душе оказаться.

— Этого не случилось, — протянул Скентия. — Наверное, отец специально наделил нас качествами, благодаря которым мы смогли полюбить наш образ жизни.

— Рано или поздно он у всех меняется, — изрекла сестра, — просто у нас есть повод искать причину в конкретном человеке, и мы его используем. По крайней мере, мы двое. Насчёт Ниорики, Терфеса и Мариера не знаю.

— Мы выдержим, — Скентия подвинулся к Эрфе, чтобы обнять.

— Деваться-то больше некуда, — девушка обвила его руками и прижалась щекой к груди брата.

Бесталон, куда компания прибыла к вечеру следующего дня, был городом не очень красивым, каким-то грубым. Простые каменные дома, обыкновенные коробки с окнами, дверьми и крышами, пузатые круглые башни. На площадях красуются статуи разных воителей, и только они. Оставив замок у черты города, компания бродила час-полтора в поисках постоялого двора, поражаясь суровости столицы Нерфастона. В представлении жителей королевства такая картина наблюдалась в Чёрных Гаванях в те времена, когда там было полго агрессивных вампиров: начиная возраста этак с десятилетнего, все ходят при оружии, нигде не слышно смеха, на лицах у горожан застыла гримаса напряжённости и настороженности. Оттого, что счастье было незаметным, город казался пасмурным, такая пасмурность ещё хуже, чем естественная, природная — в последней присутствует особая строгая красота тёмных холодных красок и величие, а в первой нет ничего, кроме уныния, которое не может побороть даже солнце. Люди поглощали его лучи, вбирая их в себя, чтобы уничтожить, а не сохранить и позволить им показываться изнутри и предлагать своё тепло и яркость окружающим.

В таверне при обнаруженном постоялом дворе из посетителей

были одни воины, увешанные металлом в клинках разной величины. Каждый мужчина был ходячим арсеналом. На появившуюся компанию они посматривали с интересом. В ней одна Джессика выглядела подобающим для Бесталона образом: меч да пять разных кинжалов. У остальных воинов оружия было на порядок меньше, большинство вообще имело жезлы с посохами — по словам Ниорики, с магией на риксов идти бесполезно, их шаманы обеспечивают своим бойцам магическую неуязвимость.

Быть объектом созерцания незнакомых людей оказалось сложно. Тина не выдержала и вылетела из-за стола, даже не дождавшись, пока принесут ужин (обслуживание тут оказалось довольно медленное). Те парни, которые и привели девушку в смущение, заржали. Джессика с Ниорикой одновременно приготовились высказаться, но встрял другой воин, пожилой, с жёсткой тёмно-русой длинноватой гривой, короткой, но мощной бородой и приметными усищами:

— Вы же прибыли не сражаться с риксами? — отделившись от барной стойки, он подсел к друзьям. Исходивший от него запах свидетельствовал о том, что начал наливаться алкогольными напитками мужчина задолго до прихода компании; впрочем, язык у него не заплетался и взгляд ещё не помутнел.

— Мы ищем кое-кого, — процедила Кларисса.

— Подробности не важны. Диего, Мейру, — сердитым тоном обратился мужчина к двоим молодцам, смеявшимся над выскочившей из помещения Тиной громче всех, — вы когда-нибудь поймёте, что в наш город люди имеют право прибывать не по военным делам?

— Риксы это учитывать не станут, — фыркнул один из них, светловолосый парень с тремя параллельными шрамами от когтей, пересекающих лоб и глаз. — Во время набега чёртовы великаны не будут спрашивать, кто планировал с ними биться, а кто нет.

— Это должно вызывать у тебя не смех, а огорчение, — отчеканил немолодой воитель.

— Учитель, нас веселит наивность, — пояснил второй парень, шатен с кривым носом — после перелома кость срослась не так, как нужно. — Они надеются, именно во время из визита риксы не будут появляться, или им их оружия окажется достаточно, чтобы отбиться, или думают скрыться, убежать. За такие рассуждения вы нас и отчитывали.

— А теперь буду за иные, — отрезал мужчина. — Простите их, — бросил он компании. — Я Арлагор, — назвался новый знакомый. — Не скажите, кого вы ищете? Может быть, я знаю его.

Клавьер, шумно вдохнув, но не выдохнув, замер. Его еле уговорили идти вместе со всеми: парень многое вспомнил, и это могло здорово помочь друзьям. Выглядел он отвратительно, чувствовал себя ещё хуже. Николас даже предложил оставить юношу в покое и позволить ему остаться в убежище с Клаудом, Эльгаром и Шагрез, но Клариссу разжалобить было невозможно.

— Аорна Бларис Марантелла, тёмный священник — слышали о нём? — озадачил Арлагора Патрик.

Ученик бывалого воина, тот, который был с исполосованным лицом, закашлялся, подавившись пивом. Второй парень, похлопывая приятеля по спине, вытаращился на компанию, как на кучку безумцев.

— Одно время он в страхе весь Бесталон держал, — хохотнул мужчина. — Мой отец у него в подчинении был. Диего и Мейру — сыновья человека, тоже угодившего в число прислужников мерзавца. Уже десять лет как сироты, если не догадались.

— Нам надо его убить, тогда… — хотела внести ясность Кларисса, но Арлагор вытянул руку вперёд, запрещая этим жестом говорить дальше.

— В общественных местах такое не обсуждается. Вам ночлег требуется? У меня бы обмозговали.

Компания лучше провела бы ночь в родном замке, изобилующем всяческими удобствами, нежели где-нибудь в городе, куда могут в любую секунду нагрянуть риксы, но перспектива получить ценнейшую информацию привлекала сильнее личной безопасности.

Арлагор жил в довольно странном доме. Внешне здание было обыкновенным, располагалось на обыкновенной улице, но внутри царил натуральный хаос. Первый этаж полностью занимали молодые люди, ученики Арлагора, это стало ясно по тому, как они к нему обращались. Помещение можно было бы назвать казармой — здесь ведь тоже жили юные воины, но вот признаки порядка отсутствовали в доме напрочь. Компанию хозяин дома провёл через три проходные комнаты, и во всех творился абсолютный бардак, да такой уютный, домашний, что хотелось немедленно принять участие в его поддержании, например, сорвать с себя плащ или мантию и швырнуть на стул. Когда-то обстановка в комнатах была одинаковая: пять двухъярусных кроватей, письменно-обеденный стол, некоторое количество стульев и тумбочек да комод. Сейчас все предметы мебели компоновались самым немыслимым образом, в комнатах попадались перегородки из висевшей на натянутых верёвках ткани. Вещи от одежды до книг штабелями складывались на

любых горизонтальных поверхностях, включая постели и пол, их увенчивали горы грязной посуды. В одной из комнат на подоконнике выращивался плотоядный цветок в горшке, питающийся, если верить размеру челюстей-лепестков, не только насекомыми, но и птичками; в другой имелось трогательное кресло-качалка, в котором восседал парнишка, самозабвенно вяжущий солидный шарф (три наличествующих в спальне соседа были в таких же); в третьей оружие напополам с какими-то бутылками и склянками культурно теснилось на стеллаже, а не по углам.

Преодолев лестницу, на которой несколько человек курило, а один эльф, устроившись на ступеньке, играл на лютне и пел в окружении товарищей, друзья оказались в столь же захламленной спальне, как и этажом ниже.

— Кухня выше, — сообщил Арлагор. — Лучше вам воспользоваться ей часов до девяти, потом там мои ребята собираются, будет тесновато, да и галдёж их не для женских ушей.

— У вас тут всегда так… шумно? — хмыкнула Джессика. — Или вы перед нами красовались, стремясь показаться строгим?

— На учениях я им спуску не даю. А тут их дом. Единственный.

— Родители всех ваших учеников погибли по милости Аорны? — пробормотала Алина.

— Нет. Смерть большинства горожан — риксы. Располагайтесь, — сказал мужчина, проглотив конец слова, его будто чем-то заглушили. — Я отлучусь по делам, буду примерно в полночь.

Он оставил их, прихватив чей-то арбалет. Как только шаги стихли, Саша занервничал:

— Как-то всё подозрительно. Что-то в Арлагоре есть тёмное, и во всём его доме.

— Посмотрим, — Дашка глянула на немытое окно, где пальцем были написаны в столбик ругательства в адрес некого Грилиара, причём разными почерками. На улицы с этой стороны был внутренний двор, преобразованный в тренировочную площадку. Два парня там сражались на мечах, один пускал из лука стрелы в мишень. В доме напротив из окна любовались на учеников Арлагора четыре девушки. Ей почему-то дом воителя представился островком беззаботности в этом неприветливом городе.

Многие сообразили тем временем, что в спальне все не поместятся. В компании было сейчас шестнадцать человек — пять гомункулов, пять членов банды, Великая Троица, Джессика и

Патрик с мистером Цельсием. Тина рискнула пройти в соседнюю комнату. Она пока пустовала, если не считать спящего на верхнем ярусе кровати кудрявого брюнета лет шестнадцати. Он был младше всех, кого девушка заметила в доме. В следующей спальне кипела резня в карты, вовлекшая в себя десятерых. Юноши нестройным хором поприветствовали Тину, а один паренёк, белобрысый, веснушчатый, со свежим синяком под глазом, полюбопытствовал:

— Арлагор уже и девиц под опеку берёт?

— Уж сомневаюсь, что она нам в качестве подарка, — хохотнул другой, долговязый. У него были водянисто-серые глаза разного размера, жидкие сальные рыжеватые волосы и кривоватые большие зубы.

— Мы к мистеру Арлагору по делу, — отчеканила Тина, одёргивая юбку.

— Так ты не одна? — оживился веснушчатый.

— Нас, включая меня, шестнадцать, — сдержанно ответила Тина, подавляя искушение наорать на воспитанников Арлагора в истеричной манере.

— Все девушки? — ошалел ещё один парень, невысокий и полноватый, с пронзительными изумрудами глаз и тёмно-каштановыми с рыжеватыми и красноватыми отблесками прядями, обрезанными на уровне шеи небрежно, словно постарались приятели, а не тот, кто умеет стричь.

— Семеро. Трое из них несвободны. Только я пришла сюда не для того, чтобы рассказывать вам о составе нашей команды, — Тина, вспоминая все техники закатывания скандалов, отработанные за время членства в банде, смахнула с подвернувшегося ящика стоявшие там четыре чашки на блюдцах (из одной что-то пролилось) и плюхнулась не него, закинув ногу на ногу. Впрочем, это движение оказалось настолько соблазнительным, что молодые люди и не подумали возмутиться. — Скажите мне, что за человек ваш тренер и названый отец.

— Старикан наш в целом человек неплохой, — усмехнулся коротышка. — Пригрел нас всех — уже за это ему спасибо. Так же научил довольно-таки сносно обращаться с оружием. В общем, не имею понятия, как и почему вы попали в наш дом — но вы счастливцы, что встретили Арлагора.

— Ясно, — Тина улыбнулась. Очевидно, ребята с наставником опасности не представляют, и оказались парни более вменяемые, чем заставили о себе подумать в первую минуту общения. Скандалить не понадобилось.

— А теперь просвети, пожалуйста, Гарольда, да и нас заодно,

с какой целью вы напросились в наш дом, — произнёс юноша с перетянутыми узкой полоской грязной ткани чёрными волосами, смуглый, с прекрасно заметными мышцами.

— Ваш учитель нам сам предложил, — сказала девушка, напрягаясь.

— Не просто так же!

— Он обещал нам помочь отыскать кое-кого.

— На Арлагора не похоже, — протянул веснушчатый. — Он кому попало не помогает, а для него люди перестают быть кем попало хотя бы через месяц знакомства. Но старик нам о толпе в шестнадцать человек ничего не говорил, так что вы нам доверия не внушаете.

— Тот, кто нам нужен, враг и вашего учителя тоже, — посуровела Тина. — И учтите, если соберётесь разбираться с нами собственными силами — среди нас есть прекрасные маги. Вряд ли Арлагор научился у риксовских шаманов даровать вам магическую неуязвимость.

— Мечнику необязательно проигрывать колдуну, — с пола поднялся рыжий парень с заплетёнными в короткую косу волосами. Кисть его левой руки была перебинтована.

Юноша, приблизившись, схватил Тину за плечо. Он был выше её, и девушка покорно задрала голову. Секунд десять парень упивался тем, что на него испуганно глядят снизу вверх, потом предупредил:

— Мы за Арлагора с кем угодно сразимся. Можешь запугивать нас, сколько хочешь.

Он оттолкнул её. В это время в комнату вошёл тот воспитанник воителя, которого компания уже видела в таверне — то ли Диего, то ли Мейру, кривоносый. Поэтому девушка не вышибла собой дверь, а упала на парня, нежно её подхватившего.

— Чего чудишь, Дирзи? — упрекнул приятеля юноша. — Я по девкам тоже истосковался, но не опускаться же до такого уровня!

— Диего, это не то, — внёс ясность брюнет. — Она не хочет объяснить, с какой стати мы должны делить с ней дом и учителя, причём у неё тут и дружков толпа.

— Мы с Мейру свидетели, как Арлагор их всех пригласил к нам. Они бесталонского чернокнижника разыскивают, — вступился за компанию молодой воин.

— Извини, — сразу пробормотал Дирзи, отступая и падая на постель.

Выражения у всех воспитанников переменились. Некоторые сдерживали слёзы. До чего же жесток и отвратителен этот тёмный священник, если даже парни начинают задыхаться в противной солёной жидкости, вспоминая о его злодеяниях! Сопровождаемая

Диего, несмотря на протест, Тина возвратилась к друзьям. Парень извинился ещё раз и удалился обратно в галдящую спальню, где загремел «разбор полётов», причём так мощно, что по истечении первой же его минуты у Тины возникло желание пройти в комнату и сказать, что ребята ей не особо досадили.

— И как тебе разведка боем? — усмехнулся Патрик.

— Эти ребята, по-моему, относятся к нам не менее настороженно, чем мы к ним и их наставнику. Мне бы очень хотелось верить, что это действительно как большая семья, — вздохнула девушка.

— Полагаю, нам надо тихо дожидаться хозяина, — сказал Саша.

— Сейчас Диего задаст всему дому хорошей взбучки, и вы сможете спокойно расхаживать по этажам, — из смежной комнаты высунулся паренёк, только проснувшийся. Он шепелявил, что придавало ему детской беззащитности. — В одной комнате ведь скучно торчать. Вы, главное, чужие вещи не берите, а если будете брать, кладите на место.

— Благодарю за совет!

— Не стоит, — отмахнулся юноша. — Вы знаете, где кухня? Голодны? Вот там можете пользоваться всем, чем пожелаете. Там вечный бардак, все привыкли и не возмущаются, если что-то пропадает. Понадобится вам то, чего у нас на кухне нет — лавочка есть вон за тем домом, — он забрался на подоконник, и показал пальцем на здание из камня песочного цвета с зелёной крышей, на которой развевался флаг.

Подошли посмотреть Дашка с Алиной. Парнишка, наскоро объяснив, что в лавочке отличается качеством, а что — нет, и поделившись ещё несколькими правилами поведения в этом странном мирке, созданном Арлагором, убежал на нижний этаж. Вскоре компания решилась начать освоение в доме. Напряжение спало. Многие воспитанники не проявляли враждебности искренне, а не потому, что Диего велел. Отдельных друзья начали запоминать внешне и по именам.

Как и предупреждал Арлагор, вечером, когда дом наполнился обитателями под завязку, стало невыносимо шумно. Спасение попробовали обнаружить, уйдя на задний двор, но воспитанники, будто назло, открыли везде окна. Гомон через них вылезал наружу меньшими порциями, нежели те, какими бы получала его компания, оставшись в доме, но и они назойливо пробивались в уши. Периодически ребята принимались обсуждать Тину, Джессику, Алину и Дашку (Клариссу не трогали, так как она была старше учеников Арлагора в среднем лет на десять). Подруги представляли, что юношам женского тепла тут больше всего не

хватает, поэтому старались унять раздражение. Кончилось тем, что Джессика отправилась присмирять бедолаг. Когда спустя пятнадцать минут после утихания галдежа она не вернулась, Саша с Дашкой пошли проверять, всё ли в порядке, и увидели на кухне идиллическую картину: Джесс обучает ребят некоторым боевым приёмам с оружием и без, узнанным когда-то от Айрис. Ведьма пожалела, что в доме некому передать магических знаний; те, у кого задатки колдовского дара имелись, уже владели простейшими заклинаниями, а способностей к более сложным не имели.

С приходом Арлагора тишина установилась быстро, всё-таки периодически дисциплина в доме случалась. Мужчина собрал компанию в комнате, выполняющую функцию гостиной: помещение, такое же невзрачное, как и остальные, с дощатым полом и стенами, покрытыми краской грязно-зелёного цвета, в котором было четыре ободранных дивана, письменный стол, погребённый под завалами книг и свитков, и два солидных книжных шкафа. Содержимое их, конечно, разваливалось на части, переплёты отличались особой истёрзанностью, не позволяющей читать названия на корешках, но книги были, и в немалых количествах.

— Могу вас обрадовать: мне известно и обычное местонахождение Бларисa, — заявил Арлагор после вежливых кратких разговоров о том, как компания провела день и вечер.

— Мы готовы записывать, — Мариер, сидевший ближе всех к столу, схватил оттуда перо и пергамент.

— Это остров за границей Бесталона. Довольно крупный, на нём есть два поселения, они в подчинении у чернокнижника.

— Мерфа и Лерфа, — вставил Клавьер.

— Да, — подтвердил мужчина. — Бларис позволяет своим слугам набирать себе оттуда помощников, фактически — рабов.

— Я из Лерфы, — пояснил парень.

— Кажется, я тебя припоминаю, — неожиданно задумался Арлагор. — Твоя мать была местной травницей, так?

— Да. Меня забрали, когда мне было семь, отдали Нирaльду Гауди. Маму отдали какому-то демонологу по прозвищу Шторм.

— Его настоящее имя — Лоакен Эйлирас Адерра. Кроме твоей матери, у него в рабах был мой отец.

— Они живы?

Вопрос дотянулся до каждого из компании ледяной скользкой лапищей, вцепившейся в грудь изнутри. Никто не догадывался, что у Клавьера ещё была надежда, но сейчас каждый подозревал, какой несчастному юноше будет ответ.

— Умерли незадолго до того, как ты пропал и Бларис

прекратил свои игры.

— Он жестокие развлечения бросил?

— Ты должен был убить алхимика, в тот день обещавшего явить миру эликсир бессмертия, и выкрасть изобретение. Первую часть задания ты выполнил, потом наглотался ядов и удрал умирать в город. А к Бларису послали в тот день лучший королевский отряд, Мартин опасался, что чернокнижник наберёт приличную армию и свергнет его, дурная слава колдуна и до правителя тогдашнего быстро дошла. Ему пришлось скрыться, а когда он появился вновь — слуг больше не было. Не спрашивай, откуда у меня такие подробные сведения — просто они есть.

— Игры… А что за этим словом стоит? — поинтересовалась Джессика.

— Простые состязания в магии разных видов, только по результатам их не только победители награждались, но и побеждавшие наказывались. Цена проигрыша — выполнение поручения. Сходить в гости на территорию риксов и привести господину местного шамана, например. Или прикончить старейшину какого-нибудь крупного города. Мой отец, — мужчина вздохнул, собираясь с духом, чтобы вспомнить трагедию и поведать о ней, — обязался осчастливить Бларису одной книгой из королевской библиотеки. Никаких связей, чтобы туда попасть, не было, но чернокнижника это не заботило. Папу после того, как он отправился в столицу Альданы, я не видел больше. Должно быть, его и в замок не пустили, казнили там, где схватили.

— Зачем же люди связываются с Бларисом? — поразилась Кларисса. — Неужели награда столь велика?

— За кусочек власти некоторые готовы на такие безумства. Победителей колдун пристраивал при дворце. Мартину нужны были свежие головы. Теперь Бларис работает со злыми духами, иногда напоминая Бесталону о своём существовании, насылая на нас эпидемии.

— Где тот остров?

— Я покажу. Вы сможете туда телепортироваться?

— Да, — кивнул Скентия.

Глава 36 Сожжённый мост

Аорна запустил в зеркало чернильницей. Пол и стены оросились тёмными брызгами, стекло осыпалось, в мгновения падения сделавшись похожим на водопад с пеной осколков. Фаризе надо усмирять, да только как? Обнаглевшая дамочка сейчас спокойнейшим тоном попросила его отыскать её девчонку-ученицу, которую увели люди, вторгшиеся в Шекоган. Сама ведьма очень занята наведением в лаборатории своих порядков, отвлекаться ей некогда.

Из-за приступа гнева тёмный священник внезапно ослабел, поэтому убрать в кабинете позвал слугу-одержимого. Пока парень собирал осколки — он делал это руками, так как боль ему была безразлична, — Аорна, ослеплённый злостью, требовавшей разрушений, осуществил второй бросок увесистым предметом, на этот раз прибором с того же стола, откуда была чернильница. Удар оказался точным — в голову слуги. Не став дожидаться, пока парень умрёт, колдун одержимого сжёг. Бедняга даже не кричал, только стонал и хрипел.

Нужен отдых. Прямо сейчас. Короткий. В толщу битого стекла полетел магический шар, извлечённый из шкафа. Предмет оказался расчерчен трещинами, но цел, пришлось пустить в него сгусток колдовской энергии. Вот теперь всё. Осталось запереть дверь, и в кабинете Аорну не побеспокоит никто.

Мужчина снял со стеллажа книгу, которую начал читать так давно, что успел забыть, о чём там говорится. Это была правдивая история жизни одного охотника на вампиров, жившего два века назад. Он одолел уже пять увлекательнейших глав, когда на полу большая часть осколков, бывшее зеркало, замерцала. Кто-то пытался связаться с Аорной. Тёмный священник усмехнулся. Свет есть, а звуков речи нет, и не видно, кто пытается его дозваться. Отчаянное мерцание продолжалось пару минут, но после того, как оно погасло, вспыхнули осколки магического шара. Колдун заслонился от них книгой и возобновил чтение. Слуги, уловившие, что у входа в замок телепортировались какие-то люди, так и не смогли сообщить об опасности хозяину.

Обитель Аорны была защищена от вторжений: проникнуть внутрь с помощью магии нельзя было никому, кроме самого тёмного священника и тех, кому он лично давал это право. Это означало, что компании предстоит ждать, пока ею не заинтересуются одержимые. Патрик верно заметил, что на их месте он бы упорно игнорировал незваных гостей, но одержимые

редко сохраняют быстрый и верный ход мыслей. Слуги привыкли во всех непредвиденных случаях обращаться к хозяину, чтобы он дал им распоряжения, а мужчина скрылся от них всех.

Выдержки им хватило на полчаса. Ворота, наконец, отворились. Двадцать одержимых были отлично вооружены, но трёх цепных молний и огненной волны хватило, чтобы они стали грудой бездыханных тел. Пополнив запасы мечей и кинжалов, друзья рванули по широкой мраморной лестнице. Клавьер помнил, что Аорна обычно пропадает наверху.

Не дочитав четырнадцатую главу и до середины, тёмный священник был вынужден отложить фолиант и выйти из кабинета. Побоище гремело этажом ниже. Сойдя на три ступени, он увидел только мельтешащих слуг и вспышки огня, молний и магических сгустков. Одержимые, создаваемые для сражений, приноровились к безжалостным колдовским атакам, так что гибли всё реже и реже, хотя компания нападающих не потерла ни одного человека, только двое были слегка ранены. Тёмный священник спустился ещё ниже.

Ясноглазого он сразу узнал, хоть тот и превратился из мальчика в юношу. Прозвище своё тот не зря получил: глаза оставались те же, с тем же появляющимся в них блеском, когда парень кромсает мечом противников. У всех взгляд затуманивается, а у него проясняется. Ему всегда было тяжелее всех убивать, но свою работу он выполнял безропотно и качественно. В голове его проносятся вереницы мыслей, в которых фигурирует каждый из врагов, окружающих Ясноглазого. Он прикидывает, кого каким ударом убить, холодно рассчитывает. Парень или не забыл, или вспомнил.

Правильным был второй вариант. Компания удивлялась тому, каким Клавьер стал великолепным бойцом. До этого дня он был воином довольно посредственным, а теперь демонстрировал владение мечом, которое оказалось сравнимо с мастерством Джессики и Ниорики. К нему было невозможно подступиться; парень, казалось, парировал по нескольку ударов в секунду, в перерывах рассекая головы одержимых. И он никого не ранил — только убивал. Действовал Клавьер на лестнице, ни разу не оступившись, не пошатнувшись.

Тёмный священник привлёк к себе внимание громкой фразой:

— Добро пожаловать в мой замок, незнакомцы.

Одержимые мгновенно прекратили битву. Молодые воительницы по инерции обрушили мечи на тех слуг чернокнижника, которые были рядом. Дашка с Клариссой договорили прерванные появлением хозяина замка заклинания, отчего эффекты получились вполовину слабее, но взрывная волна

всё-таки пробежала по помещению и десяток капель огненного дождя упали на неприятелей.

Церемониться, однако, компания тут же прекратила. Грянули выкрики магических слов, все нестройными голосами, но с одинаковыми грозными интонациями. Колдовская энергия в разнообразных формах притянулась к Аорне, но отлетела, оттолкнутая защитными чарами, вспыхнувшими вокруг мужчины сиреневой оболочкой. Компанию сразило собственной магией, покалечившей заодно десяток одержимых; судьба последних, впрочем, колдуна не заботила.

— Желаете моей смерти? — хмыкнул чернокнижник.

— Сделать бы с тобой то, что ты вытворял с этими ребятами, — держась за перила, Ниорика поднялась и обвела рукой раскиданные по ступеням, лежащие в жутких неестественных позам трупы слуг тёмного священника. В девушку угодило проклятие Патрика, теперь у воительницы подскочила температура, голова начала раскалываться, приступы тошноты усилились уже до рвотных позывов. — Но за неимением таких способностей придётся банально тебя умертвить. Единственная радость — можем осуществить это долгим и мучительным способом.

— Ну-ну, — Аорна небрежным жестом махнул на компанию рукой, все стали задыхаться, заполняя пространство хрипом и кашлем.

Белый маг мистер Цельсий мог бы прекратить страдания, но оглушающие чары Клариссы отскочили именно в него, он находился без сознания. Алина — тоже, только ей требовалось произнести заклинание, что было более чем затруднительно из-за немилосердного удушья.

Пытка, наконец, прекратилась по велению чернокнижника. Она очень ослабила компанию, поэтому Аорне сделалось позволительно говорить дальше без опасений, что кто-нибудь применит магию на невербальном уровне.

— Благодарю вас за Ясноглазого, — произнёс он. — Клавьер, да посмотри ж ты на меня! — колдун пальцем начертил вертикальную линию перед своим лицом, и парня потянуло вверх, точно его схватили за шиворот. Руку чернокнижник не опускал, и бывший раб оставался в таком положении. — Ты со своими дружками назад не уйдёшь.

Никто не удивился бы слезам Клавьера в эту минуту, но они не заблестели. Те, кто видел лицо юноши, замечали, что он изо всех сил сдерживается, зубы его стиснуты, так как хочется кричать от отчаяния и, вероятно, злости на компанию, уговорившую его отправиться в замок Аорны.

Прозвище оправдывало себя и сейчас: в глазах ясно очертилась ненависть.

Мужчина провёл линию в обратном направлении, нарочно быстро, чтобы Клавьер рухнул.

— Выражая свою признательность, я выпровожу вас их царства смертных самым безболезненным способом — заклинанием Вечного сна. Попадание в Аркену вам не обещаю, поскольку в светлом священничестве ничего не смыслю, однако ваши души я пристрою в тела новых слуг, и это будет мой элитный отряд, — протянул чернокнижник.

Внезапно одержимые, после прихода хозяина собравшиеся в кучу и толпившиеся на пролёте в углу, одновременно взметнули руки, указывая на нечто в окне, приближающееся к замку. Для слуг оно вправду было чем-то непонятным, а компания легко узнала в тёмной громаде с распростёртыми крыльями виверну Шанди. Аорна отдал какой-то приказ, потонувший в грохоте и звоне разбиваемого окна. Осколки потоками полились на пол и вниз по ступеням.

Проклятая ведьмовская девка! Беалинта, похоже, решила её на него натравить. Соскользнув на пол, Шаки прошла к чернокнижнику и вопросила, исказив смазливую мордашку в недовольной гримасе, по замыслу её, наверное, ещё и грозной:

— Это что? — аккуратный пальчик ткнул влево, в сторону лестницы, покрытой битым стеклом, кровью, трупами и ранеными.

— Компания твоя, — ухмыльнулся Аорна.

— Не зли его, — простонал Николас, находившийся ближе к Шаки. У него оказалось сильно обожжено лицо. Вероятно, у него появится вторая причина носить капюшон постоянно.

— Не надо было ему злить меня, — оскалилась юная ведьма.

Тёмного священника встряхнул взрыв хохота, такой мощный, что мужчина проглядел, как Шаки вдавила одну из булавок, воткнутых в свою жуткую игрушку, глубже, остриё вылезло наружу, проткнув тряпичного котёнка насквозь.

Чернокнижник ощутил удар в солнечное сплетение. Он отлетел к стене. Возле неё больше никого не было, поэтому виверна, смирно сидевшая возле окна, свесив в дыру раскачивающийся по-собачьи хвост, изрыгнула в неприятеля небольшое облако ядовитого пара. Аорна успел очнуться и воссоздать вокруг себя защитный барьер, красиво заискрившийся. Жёлто-зелёные испарения стали лениво расползаться, травя тех, кого поглощали. Дракон удивлённо фыркнул, склонив голову набок.

Шаки вогнала в игрушку все булавки, восемь штук. Мужчина,

посмеиваясь, наблюдал за стараниями девчонки. Даже лёгкого покалывания и зуда в тех местах, которые должны были быть поражены, он не чувствовал.

Первые неудачи Шаки не остановили. Следовало всё повторить, произнеся заклинание, а их она знала уже немало, от простых, в одно слово, до длинных, в двадцать-тридцать предложений. Начать перебирать их ученица Фаризе не успела: колдун метнул в неё огромный комок магической энергии, принявший форму пса. Существо придавило Шаки к полу, рыча. На морде выделились красные глаза и белоснежные клыки, из-за которых просачивалась жёлтая слюна.

— Твоя госпожа подсказала мне неплохую идею, как я могу избавиться от её давления, — чернокнижник, издеваясь, напустил на себя задумчивый вид. — Моё спокойствие в обмен на тебя, дорогуша. А игрушку твою я, пожалуй, оставлю себе на память.

Он подошёл к Шаки и нагнулся, схватив оружие вуду. Падая, ведьма не выпустила его, но призванная тварь прикосновением лишила её всех сил, и сопротивляться блондинка не смогла.

Рассматривая приобретение, Аорна слишком увяз в раздумьях. Мысленно он уже избавился от Фаризе и Шаки, подчинил Ясноглазого, превратил в рабов компанию молодого убийцы и вновь принялся за игры, где на кон ставились жизни и свобода. Одержимые вернулись в подвал, решив, что битва закончена, да и хозяин не задерживал.

Это было ошибкой. Слабость, свинцом налившая компанию, делалась всё более милостива, разрешая уже вставать. Аорна вернул всех в прежнее состояние слабой взрывной волной. Скентия умудрился применить какую-то магию, тёмный священник, разумеется, и не пошатнулся. Чернокнижник забыл, замечтавшись, что позади него девчонку Беалинты удерживает создание, не защищённое от действия колдовства, и не предполагал, что гомункул именно его сейчас и уничтожил.

Возле Шаки валялся посох Саши. Сейчас у юной ведьмы не получилось бы поразить Аорну магией самостоятельно, без оружия, но она дотянулась до посоха. Собственный у чародейки отобрали, как только забрали из Шекогана, впрочем, как и тряпичного котёнка. Игрушку нечаянно обнаружил любопытный и пронырливый Эльгар, тайком передав её обладательнице. Второе оружие, стало быть, спрятали более надёжно.

На полноценное колдовство магии, конечно, оказалось недостаточно, зато Шаки исхитрилась выстрелить ею под ноги мужчине. Он растянулся на полу: его защитные чары охраняли от проклятий и серьёзных атак, а то, что предприняла девчонка, не относилось ни к тому, ни к другому. Будь оно направлено прямо

во врага, получилась бы атака, но Шаки ударила в пол. Мужчина ухватился за перила, а игрушку выронил — здоровье дороже, падение с лестницы даром бы не обошлось.

Воодушевлённая успехом, чародейка притянула оружие к себе, даже не вставая. Хоть бы кто теперь помог, вернул часть сил! Мистер Цельсий оставался без сознания, зато Алина что-то выпалила. Знакомое тепло, разливающееся по телу с кончиков пальцев к сердцу (Шаки привыкла к нему, так как её постоянно лечили волшебством), показалось жаром.

— Замолкни, девочка, — процедил чернокнижник, оглушая Алину. — А тебе ясно говорили, нельзя меня из себя выводить, — повернувшись к Шаки, мужчина поднял её, как недавно Клавьера, и притянул ближе, по-прежнему одними лишь жестами. — Ты убедилась, обычная магия для меня — лёгкий ветерок.

— Фаризе ты боишься. Значит, ты не являешься непобедимым, — заметила Шаки.

— Беалинта распоряжается тем, чего у вас нет.

— Духами?

— Угадала. Никто из вас не шаман, вы обречены.

— Ошибаешься.

Не без отчаянного самовнушения, непрочного, ненадёжного, трепещущего, ученице Фаризе удавалось верить в свои же слова. От Дашки она знала, на что способен этот маг. Избраннице Миротворцев удалось спастись только потому, что ей помог дух, иначе молодая женщина давно пребывала бы в Аркене. Шаки ещё раз нажала на все булавки в игрушке сразу. Протыкая её насквозь, они кололи ей пальцы до крови, пачкавшей грязную ткань. Чернокнижник видел это, его бескровные тонкие губы дёргались в усмешках.

— Отстань от неё, — как-то равнодушно велела вдруг Эрфа. Несмотря на осознание того, что колдуну ничего не стоит справиться с ней, девушка, даже меча не подняв, проковыляла к нему и чародейке — однако, бессмысленность поступка лишь казалась таковой. — Она нас спасать собралась, а не тебя убивать по приказу повелительницы духов. Виноваты, в первую очередь, мы, а её не трогай. К тому же леди Беалинта безнаказанным это не оставит.

— Уймись, — бросил чернокнижник раздражённо, перенаправив указательный палец с младшей Винсент на неё.

Эрфа рухнула, точно подстреленная. В ту же секунду Шаки, на мгновение избавленная от магии Аорны и очутившаяся на полу, пропорола игрушку кинжалом, оброненным здесь Клавьером.

«О, Ветры, справедливость предков должна же быть на нашей

стороне! Неужели ничем, даже двойной ненавистью нельзя пробить защиту, которую создал вокруг себя чернокнижник? — твердила про себя чародейка не то как молитву, не то как заклинание. — *Почему этот страшный человек должен жить и здравствовать, пока его жертвы, искалеченные сначала душевно, потом — телесно, обречены на скитания после гибели по миру смертных, почему им суждено терпеть мучительное превращение в демонов и быть убитыми, наконец, исчезнув бесследно и бесславно?»*

Раскалившееся лезвие кромсало ткань и набивку. Аорне надоело смотреть на усилия, и он замахнулся на юную ведьму.

Миротворцы поддержали Дашку в третий раз. Самочувствие резко улучшилось, магическая энергия рвалась наружу — для управления ею, по Дашкиным ощущениям, стало достаточно мысли. В чернокнижника полетел пламенный шар — жёлто-рыжие языки топорщились, как колючки. Мужчина успел защититься, отвлекшись, таким образом, от расправы над Шаки.

Под оболочкой охраняющей магии осталось дикое жжение, носящееся по телу, повторяя движение клинка кинжала, которым орудовала ведьма. Мстительного удовлетворения, как тогда, при убийстве Дориана Ласкаро, она не получала, глотая злобу и возмущение. Что с чернокнижником не сделай — это не сравнится с тем, что он заставил испытать Клавьера, Шаки просто вымещала негодование. Находясь несколько дней в заточении в собственной комнате, она пришла к выводу: этот юноша с большими грустными глазами — её любовь. Случайно, от невозможности заняться чем-либо другим разбираясь в своих многочисленных воспоминаниях, мечтах и мыслях. Открытие это от того же безделья было преувеличено, и теперь Шаки Ясноглазого трепетно обожала. Вспомнились недели в Денаувере: Клавьер, которому было тогда столько лет, сколько сейчас ей, трогательно заботился о больной девочке, из-за идиотского закона угодившей в ссылку. Опекали десятилетнюю Шаки едва ли не все ссыльные квартала, но заботу паренька она захотела увидеть в самых нежных, красивых, особенных красках.

От игрушки остались одни обрывки, ошмётки и клочья. Аорна умер. Не пролилось ни капли его крови — он просто перестал дышать по велению Шаки.

Теона, проснувшись, первым делом подёргала дверную ручку. Заперто. Это уже вошло в привычку — перед тем, как умыться, причесаться и одеться, следует проверить, не изменил ли решения принц.

Когда священница попала в резиденцию Эзарии, уже через

час изменила мужу. Он сам склонил её к этому, применив силу. Чувство после этого поселилось в ней странное и неприятное. Теоне не стал противен некромант — она сама себе оказалась противна. Молодая женщина попыталась сбежать отсюда, её поймали и закрыли в этой спальне. Эзария не раз наведывался к ней, не только чтобы поговорить, естественно, и отвращение постоянно росло.

Того, что во дворце находится её муж, Теона не знала. Принц сначала подумывал устроить им встречу, однако побоялся, что волшебница может потом попробовать наложить на себя руки, и последствия будут куда печальнее, чем смерть. Сумасшествие по возвращении в мир смертных.

Священница распустила перед зеркалом локоны. Самое красивое, что было у Теоны — волосы и глаза. Глаза потухли, а по волосам по-прежнему скатываются блики. Неподвижно она смотрела в зеркало. Редко Теона изучала своё отражение, на подобные излишества время не тратя, но теперь и свободных часов имелось предостаточно, и увидела она нечто не такое, как обычно.

Перед ней сидело существо, пронзённое и пронзающее холодом. Все, от матери и братьев до добрых односельчан не уставали замечать: льда в облике Теоны ни осколочка. А теперь его много. Она отстранённая и всем чужая. Совершенство стало таким, каким обязано быть — недостижимым. Смуглая кожа, плавные изгибы стройного тела — всё для всеобщего вожделения, доводящего до безумия. Источник страданий. Теона состояла из цветов тёплой гаммы, домашние и друзья (то есть вся родная деревня) постоянно называли её Солнышком. Поразительно, но оно может прекратить греть.

Дверь скрипнула. Эзария, встревоженный, не набросился на священницу, как она ожидала, а застыл у стены.

Теона заговорила с его отражением:

— Обычно ты приходишь позже. Что-то стряслось?

— Да, — принц, закрыв дверь плотно, шагнул к стулу, опустился. — У нас возникли проблемы с возвращением домой.

— Насколько серьёзные? И с чем они связаны?

— Убит тёмный священник, отправивший меня сюда.

— Но Вивьен жива, — Теона, наконец, повернулась, не вставая со стула.

— Кто это? — Эзария подошёл к ней.

— Наша священница. Она помогла нам попасть в Рицию, — её безжизненные зелёные глаза в меховых ресницах, распахнутые, поднялись, отразившись во взгляде принца.

— Нам — это тебе, твоему мужу и профессоршам, —

разъяснил Эзария нервно. — Вернуться должны мы с тобой и Томас.

— Чем тебе не угодили Ада, София и Десмилия? И как же принцесса? — поразилась Теона; в глазах стало пульсировать волнение — первая за последние десятки часов эмоция.

— Никто из них нам не нужен, — некромант сказал «нам», не заметив этого, он уже представлял себя и её одной семьёй, забыв, что волшебница пока мыслит не в том направлении, какое необходимо ему. — К тому же, я уже заплатил за то, чтобы от Даниэлы избавиться.

— Зачем? — спросила Теона тихо, но в интонации была мощь восклицания.

— Даниэла нам мешает, — невозмутимо ответил Эзария. — Из-за неё ты не со мной, как бы тебе хотелось, а с Томасом. Спорить ведь не будешь?

— Судьба такая, — прошептала она, прижав его ладонь к своей щеке. — Прости.

В комнате был полумрак, потрескивал огонь свечей. В этой обстановке её шёпот закрадывался в душу, доставая до дна, и эхом гулял по ней. Парень слушал его, поэтому продолжил говорить не сразу.

— Глупая ты, — вздохнул Эзария.

— Знаю, знаю. И за это прости, — Теона накрыла его ладонь второй рукой, подрагивая, голос тоже колебался, предвещая слёзы.

— Я пойду, — проронил он, постояв так с минуту. — У нас всё будет хорошо, я тебя не брошу, какой бы ты не была, — добавив, парень не смог заставить себя сдвинуться с места.

— Мучаю я тебя, да? — волшебница отпустила кисть Эзарии и прислонилась к его бедру. Некромант её обнял за плечи.

— Нисколько. Я уверен, мы справимся. Тебе бы самой от страданий избавиться.

— Эзария, — после недолгой паузы, уютной, но грустной, возобновила диалог священница, — зачем ты пришёл? Ты всегда заглядывал ко мне ради плотских утех и жалких попыток объяснить, что мне не следует думать о Томасе.

— Мне сообщили пренеприятное известие. Почему-то я сразу захотел сказать тебе, — принц опустился на пол перед ней, сжав её сцепленные на коленях руки. — Я не мыслю себя без тебя. Я должен вернуться в мир смертных, потому что туда предстоит вернуться тебе.

— Не думай обо мне, — Теона кинулась к окну, не желая смотреть на некроманта, но он отражался в стекле. — Я замужем. Вероятно, я смогу полюбить своего мужа. Брак не игра, которую

можно бросить, если надоест.

— Тебя вынудили, — отчеканил Эзария.

— Я же согласилась! Ради Даниэлы, ради всего королевства, — молодая женщина прильнула к холодному стеклу, неприятно холодному, отвернувшись.

— Вот по этой причине я готов вытащить Сагрену из Риции специально для того, чтобы собственноручно её умертвить, — процедил, сдерживая ярость, принц. — Запомни, я найду способ выбраться и освобожу тебя от всего, чем ты обременена.

Это и являлось, и прозвучало страстным обещанием, а не угрозой. Услышав, как Эзария уходит, Теона, сломавшись, шагнула к нему. Опять молчание. Клокотавшая в священнице любовь, получившая запрет показываться наружу и нарушавшая его робко, торопясь всякий раз вернуться в состояние покорности и не получая никакой радости от нарушения, полилась бурным потоком. Эзария чувствовал её энергию, исходящую от Теоны, от неё едва ли не дрожал воздух. Она будто бы стремилась вытечь вся, без остатка, опасаясь, что течь внезапно заткнут.

— Скажи, а почему ты считаешь, что Даниэла нужна альданцам? — вдруг спросил некромант, собравшийся покинуть спальню, но замерший в проёме. Сначала его задержало это магнитящее чувство Теоны, потом — внезапная идея.

Ловушка. Волшебница с ужасом поняла, что действовала, по сути, против Эзарии. Принцу корона не требовалась, как и власть вообще. От отца ему переходили в подчинения некрополисы — парень и к ним оставался безразличен. А Теона не знала. Говоря о Даниэле, все твердили: нельзя допустить пребывания на троне Ирвинга, после него — и его сына. Она выполняла волю людей, настроенных не только против нынешнего короля, но и против Эзарии. Она отдала свободу и счастье за то, чтобы сделать хуже тому, кто его составляет.

Будь он неладен, этот долг перед страной! Принца ненавидят все, кто каким-либо образом, лично или косвенно, с ним знаком, исключение составляют студентки-потаскушки из Магической Академии. Имеет ли она право любить его, пусть и единственная среди жителей королевства? Если нет, то почему, неужели из-за того, что её никто не поддерживает?

Она слепо приняла *их* решение: своей семьи, своих друзей. Она привыкла ради них отказываться от многого и даже научилась забываться в этом. Они не смогли повторить её подвиг. Они не стали понимать его. Они просто восприняли его как должное и стали требовать ещё.

Отрезвило Теону объятие Эзарии. Сообразив, что она сколько-то минут стоит, уткнувшись носом в плечо принца, и

парень гладит её по голове.

— Извини, — некромант чмокнул волшебницу в висок. — Не думал, что так тебя расстрою. Хочешь чего-нибудь?

— Домой, в Фатону, — по-детски доверчиво поведала та.

— Тогда отпускай меня, — улыбнулся Эзария. — Запрусь в кабинете и буду соображать, как нам попасть в Альдану.

Они поцеловались, колдун удалился. Кулон, данный Основателями, почти заполнился — подобралось время вести Даниэлу к ним.

Девушка, постоянно зарёванная, ежеминутно вскрикивающая и кидающаяся прятаться за первый попавшийся предмет или закрывающаяся руками от мерещащегося врага, при виде вошедшего в её комнату Эзарии запустила в него канделябром. Некромант был для неё, сейчас переживающей день из прошлого Софии, риксом. Конечно, Даниэла сопротивлялась. Принцу пришлось оглушить её магией и нести на руках.

На поверхности лавового озера Грашмайл периодически вздувались и лопались пузыри, вкрапляя в окружающую тишину булькающие звуки. Посреди него темнел вулкан мягких очертаний, напоминающий холм с дыркой-кратером посередине. Оттуда лениво валил пар.

У лавы на равном расстоянии друг от друга стояли пирсы, у каждого покачивались по нескольку лодок, в них сидели духи, переправлявшие желающих на тот берег. Напротив, у берегов холма-вулкана, располагались такие же пирсы, и возле них наблюдалась аналогичная картина. Народу было не очень много — попасть на холм просто так было нельзя; чтобы воспрепятствовать свободному посещению, вокруг озера был барьер, не позволяющий телепортироваться.

Тут заключаются сделки с влиятельнейшими духами Рицции. Они принимают не всех, поэтому доступ на холм ограничен. Перевозчики осведомлены, кому можно сюда, кому нельзя. Кто-то надеется пробиться. По слухам, здесь можно получить пропуск в мир смертных ненадолго.

— Здравствуйте, — Эзария обратился к одному из скучающих в лодках духу, старику с густой бородой. — Мне назначено…

— Основателями, — кивнул дух. — Прошу вас, господин Чезигер, — жестом он пригласил его сесть в лодку.

Глава 37 Новые гости

Аорну похоронили на местном кладбище. На острове был храм, при нём — священник, но слишком очевидным было то, что его не стоит беспокоить. В Аркене чернокнижник не окажется. После этого компания вернулась в его замок.

Притихшие одержимые, лишившись хозяина, слонялись по многочисленным коридорам с таким сосредоточенно-печальным выражением лица, будто целенаправленно куда-то шли.

— О чём думают, интересно? — протянула Эрфа, глядя, как в гостиную, где отдыхала она с братьями, Клариссой и Патриком, вошёл одержимый, добрёл до окна, посмотрел в него и удалился.

— У них шок — хохотнул Патрик. — Они не умеют жить самостоятельно — только по приказам господина. У слуг-одержимых два вида деятельности — ожидание распоряжений и выполнение их. Наверное, эти парни надеются услышать повеление от кого-нибудь из нас.

— Как мы теперь с ними поступим? — озадачился Терфес. — Не бросать же тут.

— Может, вернуть их в семьи? — предложила Эрфа. — Предварительно постаравшись подлечить им души, конечно.

— Странно получается. Два часа назад мы яростно уничтожали их, а сейчас хотим заботиться, — Кларисса проронила фразу, не глядя ни на кого. — Одержимые ведь остались прежними — прикажи им кинуться на нас опять, они так и поступят.

— Жизнь вообще штука странная, — изрёк Мариер.

Вскоре с доброй половиной одержимых проблема разрешилась сама. Духи, призванные в мир смертных Аорной и завладевшие душами тех, кто впоследствии оказался в слугах чернокнижника, исчезали, так как сам тёмный священник погиб — подтверждение того, что было узнано из книги. Никто не предполагал, что смерть чернокнижника завершит существование не только тех духов, которые существуют сами по себе, не в чужом теле.

Теперь замок был полон народу беспомощного, растерянного, но пребывающего в здравом уме. Многие не помнили, что творили, когда были одержимы духами. Кто-то не мог сказать и того, что с ним было до попадания во власть колдуна. Часть освобождённых оказалась не из Бесталона и вообще из Нерфастона. Но все приходили в себя. Здесь были целые семьи, были университетские приятели, были односельчане… Знающие, где их дом, рвались домой. Уже не имеющие понятия о том, где

находится их кров, впадали в прострацию, но их удавалось привести в чувство. Этот остров, служивший обителью кошмаров и тюрьмой для сотни человек, обещал превратиться в их сообщество — никто не запрещал жить в замке.

— В Шекогане, должно быть, фанатики удивлены, — усмехнулся Бруно.

Он стоял у ворот с Сашей, Джессикой и Ниорикой, провожал торопящихся покинуть место, переставшее быть ужасным, но не сделавшееся родным. Дорога с горы, на которой высился замок, была слишком опасна, поэтому стараниями Патрика, Скентии и Клариссы у существовавших для виду ворот сотворили портал.

— Главное, чтобы подопытные смогли за себя постоять. Вряд ли сторонники повелительницы духов будут мирно наблюдать, как материал для опытов очухивается и удирает из-под носа, — произнёс призыватель.

— Боевых навыков никто из них не утратил, — хмыкнула Джессика, — а за время, пока их превращали в орудия смерти, все способности к боевой магии лишь удвоились.

Суета продолжалась часов до пяти. Когда замок опустел настолько, насколько возможно, в одной из гостиных собралась вся компания (вернее, все её члены, которые могли себе это позволить, не пребывая в крайне тяжёлом после сражения состоянии; мистер Цельсий, Алина, Николас, Клавьер, Тина и Шаки пока не оправились).

— Подозреваю, нас можно поздравить с успехом, — протянул Скентия.

— Отдельные поздравления полагаются Шаки, — заметил Мариер.

— И Эрфе, — улыбнулся Терфес, названная сестра смущённо улыбнулась.

Она перед тем, как отправиться в Бесталон с компанией, сказала зачем-то Шаки, куда все идут. Предчувствие велело так поступить. На удивление девушка сблизилась с юной ведьмой и жалела её, пока остальные были горазды ругать или просто игнорировать, чтобы не дать разыграться возмущению. Это, наверное, и было то самое, что она должна была сделать на пути к общей цели — причина, ради которой она здесь, с остальными детьми Веолаймера Кердена.

— Это только долг, — вздохнула она.

Скентия, сидевший рядом, нащупал её руку и сжал. Как ни старались брат и сестра не думать о том, что их цель определили за них, получалось в лучшем случае плохо, в худшем — вообще не получалось.

— Раз затронули это — мы ещё не выполнили всё, что от нас

хотели. Я без дела остался, — произнёс Терфес.

— Неужели чернокнижник воскреснет? — фыркнула Кларисса, втайне опасаясь, что сарказм может оказаться констатацией факта. — Или в столице беспорядки стихать не начали и нам надо убрать ещё и Беалинту?

— В замке полно волшебных зеркал и магических шаров, — парировал Бруно, уставший, поэтому на восприятие сарказма не настроенный. — Свяжитесь кто-нибудь, допустим, с Магической Академией, узнайте. И обрадуйте, наконец, профессоров, что большинство пропавших студентов не совсем здоровы, но живы и поддаются лечению.

Идею одобрили единогласно. Говорить с Академией отправились в соседний кабинет Саша с Дашкой. Пока они в зале отсутствовали, компания молчала. Лёгкий страх — вдруг и впрямь всё не так гладко, как предполагалось — неожиданно вырос в груди.

Эзария, уходя с Даниэлой, приказал Левимусу отпускать Теону, куда та пожелает, и указывать ей дорогу, если понадобится. Слуга воспринял задачу по-своему: он просто временно забыл о существовании священницы.

Получив свободу, Теона просто бродила по резиденции. Что скрывается за дверьми в замке, её не интересовало, приглянулся ей парк при нём, маленький, но полный фонтанчиков и беседок. Обойдя его несколько раз — на месте не сиделось, она вернулась к замку. Под окнами его была обсаженная деревьями площадка, Теона принялась расхаживать по ней.

Внезапно в одном из окон молодая женщина заметила Томаса. Её мужу отвели покои в четыре комнаты и кабинет, откуда не выпускали. К нему Эзария не наведывался, проверять пленника являлось обязанностью Левимуса, выполнявшего её с таким же рвением, что и просьбу присматривать за Теоной. Ключи от покоев мужа он ей дал преспокойно.

Отворив дверь, священница застыла, прислонившись к косяку — словно устала, да так, впрочем, и было. Томас, сидевший в кресле и державший на коленях книгу, которую он только что пролистывал (читать бред, находящийся в них, было невозможно, настолько мерзкие вещи описывались там), молча подошёл к жене и обнял.

— Ты давно здесь? — спросил некромант, когда они отстранились друг от друга.

— Не несколько часов. Тут же дни считать невозможно, — резонно ответила Теона.

— Тебе со дня появления тут позволяли свободно ходить по

замку и окрестностям?

— Только что разрешили, — её ладони, лежавшие на плечах мужа, соскользнули вниз из-за приступа слабости, не физической, душевной, руки безвольно повисли. — Эзария не в себе сегодня. Странный стал, но у него трудности.

— Интересно, какие? — фыркнул Томас.

— Пожалуйста, позволь ему вернуться в Альдану с нами. Человек, способный забрать Эзарию отсюда, погиб, — произнесла священница.

Молодой человек не смог возмутиться. Теона — это Теона, её никому не понять, а значит, никому не переделать.

— Пожалуйста… — повторила жена. Бедная, свыклась с тем, что так, как хочет она, давно не бывает. Всё труднее становится надеяться, верить. А за какую провинность ей это? За отсутствие в других людях чистоты, которая уменьшила бы бездну между ними и ею.

— Эзария собрался лишить принцессу здравого ума. Считай, убить, — зачем-то сказал Томас.

— Мы ведь переубедим его, — прошептала волшебница.

— Ни я, ни кто-либо из профессоров этого сделать не сможет, — колдун покачал головой. Он подумал было, что Теоне, вероятно, удалось бы повлиять на него, но это было лишь ощущение, поэтому некромант закончил: — И ты не сможешь.

— Надо пытаться.

В ней пульсировало отчаяние, поразительно тихое и скромное. Зачем ей выражать его громко? Настаивать Теона не умела, показывая мысли и переживания только для того, чтобы окружающие знали: они у неё есть. Жить для других хорошо, пока другие такие порывы ценят. Когда их начинают требовать — трагедия, ведь приходится признавать: в этом люди плохи, а подобные выводы являются для тех, кто превратился в один большой порыв, медленным ядом.

Томас бы утешил её, пожалел, подбодрил — только не знал, как. По сути, она сама виновата, сама приняла такую жизнь, но не упрекать же Теону за доброту, за искреннее стремление помочь всем, за нежелание признавать зло!

— Давай найдём его и постараемся уговорить, — она умоляюще посмотрела на мужа.

Теона даже не поднимала никогда голоса.

— Пойдём, — сдался некромант.

Единственной душой в замке оказался тот же Левимус. Парень в холле первого этажа развлекался тем, что с помощью магии придавал пламени всех факелов очертания то себя, то Эзарии. Не забыв о приказе хозяина, призрак решил

компенсировать злостное невыполнение роли проводника подробными сведениями насчёт того, куда отправился принц и как туда добраться. Когда он закончил с меланхоличными интонациями и возобновил творческое занятие, Томас начал приходить в себя после шока от услышанного, молодому человеку понадобилось на это около минуты, Теона просто не воспринимала все страшные известия сразу в полной мере.

— Бежим, — некромант схватил, не глядя, руку жены, стоящей сбоку.

Грашмайл от этого Города располагался на расстоянии пары километров, и путь стелился через места, относительно безопасные. На двух смертных, несущихся, спотыкаясь и не давая себе хоть раз перевести дух, умершие смотрели с любопытством, остановить не пытались. Если удирают — значит, кто-то им уже сделал плохо.

В жерле вулкана лава была спокойна, такая же, как поверхность озера, в центре которого он высится. Стоило Эзарии наклониться над ней — наполнившаяся склянка на шее лопнула. Осколки несильно ранили шею и лицо, брызги обожгли. Неприятные ощущение испугали, принцу показалось, он сделал что-то не то, и парень отпрянул. Вдобавок у него побаливала кисть из-за слишком частых пощёчин, которые Эзария был вынужден давать Даниэле: девушка в лодке очнулась и принялась буянить.

Принцесса, рухнув на землю, съёжилась и заслонила лицо. Бедняжка поскуливала, её трясло. Некромант глянул в жерло ещё раз. На поверхности лавы стало проявляться лицо Лотера Антиоры, Основателя, которому Эзария выплатил странную цену.

— Ты немного струхнул, — усмехнулось изображение. — Впрочем, твои предшественники, лишаясь кулона, тряслись сильнее, особо невезучие даже не удерживали равновесия и падали в жерло. Ты же вполне уверен.

— Я свои достоинства знаю, — осадил его принц. — Говори по существу.

— И ты нахал, — добавил Лотер. — Ты лучше своего отца.

— Знаю и это. Не позволил бы я столько лет себя дурить, как мой папаша допускает. Заканчивай распинаться, переходи к делу. Или ждём кого-то? Не сулят, как правило, ничего хорошего комплименты от злодеев, подобных вам, особенно если они уже мертвы.

— Будь повежливей! — напомнил о своём превосходстве Основатель. — Может, мне захотелось поболтать, и ты будешь радовать меня беседой, сколько мне нужно.

— Что вам ещё угодно знать, господин Антиора? — протянул с нарочитой учтивостью Эзария.

— Не планируешь ли ты убить Ирвинга и надеть корону раньше, чем полагается?

— Мне всё равно, попаду ли я на трон, или нет. Не будь леди Сагрена тем, что объединило и удерживает вместе Теону и младшего Дьюри, я бы допустил, чтобы она правила Альданой вместо моего отца, — хмыкнул парень.

Лавовое лицо скривилось.

— Уже разочаровался во мне, не так ли? — хохотнул он.

— Обращайся ко мне, как положено, — голос Основателя сделался стальным. — Если мой ответ окажется положительным, тебе же будет хуже.

— Извините, — процедил Эзария.

Он ознакомился с рядом историй о том, как Основатели принимались манипулировать людьми, рискнувшими попросить их о чём-либо в обмен на мечту, дар, место или нечто родное, небольшим только потому, что безумцев, решающихся на такое, было ничтожно мало, жалкие десятки. Любой дух Рации, в том числе и дух Основателя, надеется навсегда вернуться в мир смертных, вселившись в кого-то, и при первой возможности будет добиваться этого через живого человека. Но хамить не стоит, пожалуй, Лотер прав.

— Когда вы начнёте? — осторожно поинтересовался принц.

— Хоть сейчас! — Основатель мгновенно смилостивился. — Даниэле надо всего лишь прыгнуть ко мне.

— В жерло?

— Да. Выйдет юная Сагрена, созерцая всё глазами одного из нас, называемых всеми злодеями, а друзья наши будут подсказывать ей, о чём думать и что делать.

— Мне самому её туда столкнуть или дождаться, когда она сама сбросится?

— Разницы нет. Возможно собственноручно отправить Даниэлу в жерло доставит тебе удовольствие, зачем же себе в нём отказывать?

Девушка, кажется, поняла: речь ведётся о ней. Вечно влажные из-за постоянных истерик потрясающие глаза стали суше, заявляя о проснувшейся решимости избежать участи, ещё более ужасной, чем доставшиеся ей в галлюцинациях. Вскочив, она помчалась вниз, к пирсу, изловчившись уклониться от энергии оглушающих чар, сгусток которой полетел следом за ней От следующей атаки она уже не спаслась — магия настигла её у самого берега, принцесса растянулась на земле в полуметре от лавы.

— Даниэла! — закричала на той стороне Теона: она с

Томасом как раз подоспела.

Дочь покойного короля подняла лицо, покрывшееся грязью и ссадинами. Она видела супружескую пару в стаде мерещащихся чудовищ, понимая: эти молодые люди намереваются помочь ей.

В плечи вцепился Эзария, хотел рывком заставить встать, а Даниэла лишь завалилась на спину. Разъярённый некромант наотмашь ударил её по щеке в очередной раз.

— Перестань! — продолжала надрываться священница, которую духи не подпускали к лодкам, как и Томаса. — Эзария, она же не заслужила ничего этого! Её кинул здесь отец, нам приходится вызволять — почему Даниэла должна расплачиваться за выходки Мартина?

— Судьба такая, — передразнил парень волшебницу.

— Проклятье, Чезигер, ты же любишь Теону! Не делай её этим поступком несчастной! — выпалил Томас и осёкся.

Наверное, жена не ловила себя на мысли, что превратить Даниэлу в искалеченное морально существо Эзария вознамерился из-за неё. Томас волшебницу силой возле себя не удерживал, собственные идеалы запрещали ей дарить любовь принцу.

— Ты о чём? — хмыкнул сын Ирвинга.

Ответил колдун, обращаясь не к Эзарии, а к жене:

— Из-за твоих убеждений Даниэле грозит смерть.

Это вырвалось непроизвольно. Он собирался придумать что-то менее грубое, да ему казалось: принц в любую секунду может сделать с девушкой, что планировал, и уговаривать надо быстрее.

Жестокого красавца произошедшая трагедия длиной в считанные секунды нисколько не тронула в первые мгновения. Когда Теона рухнула сначала на колени, потом — ничком, зарыдав тихо, но содрогаясь, будто в конвульсиях, он почувствовал, как из груди быстро уходит воздух.

Ниорика, Джесс и Дашка стояли у перил галереи, соединяющей две башни замка чернокнижника. Отсюда можно было любоваться панорамой Бесталона, этому занятию девушки предавались уже примерно час: встретили изумительный малиновый закат и наблюдали за ночным городом.

Неожиданно плавающий над Дашкой огонёк, память Теоны о ней и остальной компании, засветился ярче и от него повеяло теплом. Подруги только удивились — оно стало усиливаться до тех пор, пока не превратилось в немилосердную жару.

Девушка-гомункул беззвучно выругалась, вытирая пот с лица. Вероятно, жара ей вредна, в искусственном организме могут начаться нежелательные процессы. Джессика разволновалась по другому поводу, первой сообразив, что значит это явление:

— С Теоной беда!!

Потребовалось несколько минут, чтобы весь замок знал об этом. Огонёк памяти, оставленный Алине, нагрелся так же немилосердно. У бедной волшебницы и так была высокая температура, мучалась она сильно.

— Неужели мы только молиться за Теону можем? — простонала Дашка.

— Пожалуй, стоит действительно посетить храм, — вздохнула Кларисса.

В храме оказался священник — парень лет двадцати пяти, такой изящный и аккуратный, что ему только эльфийских ушей не хватало. Компания, о которой на острове, разумеется, уже знали всё, его заинтересовала — выдавали глаза, — но не только интерес, ещё и обязанности велели задать вопрос:

— Что вас тревожит или печалит?

— Наша подруга в опасности. Она в Риции. Молитва — единственная помощь, доступная нам, — объяснила Кларисса.

— Толку от неё будет чуть. Духи Аркены на жизнь тёмного царства влиять не в силах.

Все сникли. Компании казалось, что если священник скажет им что-нибудь тёплое, станет немного легче, такого прямолинейного заявления от него не ожидали. А парень вдруг добавил:

— Пятерых из вас я смогу перебросить в Рицию. Разберётесь там.

— Но… Как!? — изумился Патрик. — Это какой-то незаконный метод?

— Рицию вообще противоестественное местечко, — парировал священник, — ни один закон на неё не распространяется.

— Короче, — потребовала Кларисса.

— Под пятерыми я имел в виду конкретных человек, — парень всё-таки объяснил намёком. Наверное, у него была такая привычка.

— *Нас?* — догадался Скентия.

— Конечно! Не хочу никого обижать, но у вас, гомункулов, настоящей души нет. Вы можете беспрепятственно путешествовать по любому царству мёртвых. В Рицию вам ещё и никто ничего сделать не сможет. Никаких видений, галлюцинаций у вас не может быть, потому что это душевные страдания. Нет души — проблем нет.

— Как просто… Почему тогда надо было посылать в Рицию тех, кто уязвим для всех её ужасов? — вспыхнула Джессика.

— Долго рассказывать. Такое уж сложилось отношение к гомункулам, что о них вспоминают только в моменты острой

необходимости в новых людях, — изрёк священник. — Никто из вас не догадывался, что можно поступить таким образом, а предлагать это ни один алхимик не станет, так принято. Я единственного знал, кто создал нескольких гомункулов лишь потому, что самому захотелось. Это Веолаймер Керден.

— В Магической Академии факультет алхимии — и все молчали, — Джесс продолжала злиться. — Отправили туда лучших профессоров, а могли отделаться…

Внезапно её взгляд зацепил Эрфу, и воительница замолчала. Девушка стояла, прислонившись к колонне и обхватив её руками, чтобы не сползти на пол. В очередной раз попытка убедить себя в том, что она не инструмент, не орудие, провалилась. Лицо пересекали продольные блестящие полосы. Скентия подошёл, прижал сестру к себе. Теперь на Джессику смотрели с упрёком два пары глаз.

— Нам надо торопиться, — в полной тишине произнёс Мариер, расстегнув рубашку на все пуговицы: огонёк памяти продолжил нагреваться, в храме было жарко, как в печке.

— Вы согласны? — пробормотал священник, косясь на Скентию с Эрфой.

— Да, — вздохнула Ниорика, вопрос ведь был обращён ко всем пятерым гомункулам.

— Удачи, — произнесла Джессика сухо и даже грубовато, словно огрызнулась, но никто не сомневался в искренности пожелания.

Остальные эхом повторили это слово, последней сказала Дашка, почти шёпотом, вся выразительность ушла во взгляд. Выходя, она в полуобороте смотрела на детей Веолаймера, пока не исчезла из виду.

Священник принялся за дело. Следя за движениями его жезла, гомункулы думали, что сейчас чувствует парень, как относится к тому, что сейчас творит? Ниорике хотелось знать, ощущает он важность силы, которая дана ему, или действует механически, не придавая никакого значения этому. Всё-таки привычка может оказаться ужасной вещью. Эрфа старалась понять, волнуется ли молодой человек. Не удастся ничего — пустяки, старается всё равно не совсем для людей, а для их творений. Творения же не бывают лучше создателя. Или всё равно переживает? Он же священник, ему положено любить всех. Положено. На этой мысли ей сделалось хуже, она опустилась на корточки, неотрывно ведя пальцами по колонне, и уставилась в пол. Ладонь Скентии легла девушке на голову. Сам старейшина Чёрных Гаваней думал, было ли парню тяжело говорить им об отсутствии у них души, считай — об их неполноценности.

Стены, пол и потолок храма покрылись водными отблесками. Священник медленно обвёл всех жезлом.

Детям Веолаймера оказалось легче переносить перемещение, чем обычным людям. Они просто будто погрузились в сон на мгновение, проснувшись уже на белом каменистом берегу озера в загробном мире.

У них даже не было оружия — только посох и жезл Скентии и кинжал Ниорики, причём последний особенной полезностью в условиях царства мёртвых тут не отличался. И кулон телепортации — не менее ценная вещь, чем магическое оружие.

Их никто не встретил — появления гомункулов не ощутили. Они были готовы к тому, что на них набросятся, и жуткая тишина не успокаивала, а ужасала. Шла компания той же дорогой через лес, что и недавно Теона с Томасом и профессора. Духи, направляющиеся гомункулам навстречу или появляющиеся из чащи, глядели на них равнодушными или подозрительными взглядами. Некоторые наоборот смотрели пристально, очевидно, пытаясь вызвать галлюцинации, и лица их после неудачи страшно искажались, от этого жуткого безнадёжного гнева делалось не по себе.

В первом выросшем на пути Городе они остановились, чтобы передохнуть и решить, как быть дальше. Вот так идти и идти — глупо, куда телепортироваться — неизвестно. Компания забрела на маленькую площадь, представлявшую собой внутренний двор, окружённый четырьмя разными зданиями. В центре её была высокая колонна, обвиваемая снизу драконом. Хвост существа тянулся по земле, на него гомункулы присели.

Вяло текущий разговор, в котором участвовали только Мариер, Скентия и Ниорика, причём воительница в основном только критиковала предложения братьев, не торопясь подавать свои, был прерван, когда на площадь вышла молодая женщина, державшая хрустальный шар, где говорила что-то всклокоченная мужская голова.

— Леди! — окликнул особу Терфес.

Она повернулась, начав раздражаться. Дети Веолаймера удивились: внешне материализовавшиеся призраки от смертных не отличаются решительно ничем, что же тогда выдаёт компанию? На самом деле от них, как и от всех живых, исходила улавливаемая только духами энергия тепла и жизни. У гомункулов её имелось гораздо меньше, но почувствовать с близкого расстояния можно было.

Голова в шаре самозабвенно продолжала вещать.

— Заткнись, Гараэй, — прошипела ей женщина-призрак и поинтересовалась у Терфеса: — Чего надо?

— Одолжите нам на пару минут магический шар, пожалуйста.

От такой наглости оторопели больше братья и сёстры, чем женщина. Терфес из них всегда был самым неприметным, даже внешне — бледная кожа, не белоснежная, а именно бледная, невнятного оттенка, жидкие волосы, к тому же моментально становящиеся жирными, излишня худоба. Первую неделю своего существования Терфес был очень даже привлекательным, но потом красота стремительно растаяла, Веолаймер не смог понять, отчего это произошло. С характером произошло то же самое, но медленнее: братьям и сёстрам, появившимся на свет позже, уже не суждено было увидеть Терфеса красивым, но Ниорика и Эрфа застали время, когда он был бойким и разговорчивым.

Женщина сверлила компанию глазами почти минуту. Признав, что терзаться галлюцинациями компания не начнёт, она щёлкнула пальцами, вызвав слугу, мальчика, которому было около восьми лет на вид. Вручив ему шар, особа отставила руку, в которой сразу возник жезл.

Выйдя вперёд и заслонив собой старшего брата, Скентия жезл занёс над головой, посох направил на женщину.

Против одного духа оказалось выстоять легко. Поединок длился недолго, потом превратился в сражении Скентии ещё с тремя призраками. Приняв бесплотное состояние, духи стали гораздо ловчее, но на войне гомункулу приходилось биться с магами, владеющими телепортацией на высшем уровне, поэтому он вскоре расправился и с подмогой, возле гомункулов остался один мальчик с шаром.

У старейшины Чёрных Гаваней оказалась повреждена рука — луч разрушающих чар всё-таки задел его. Заныло от локтя до кончиков пальцев. Одна атака угодила и в Мариера, в грудь.

— С магическим ранением любого вида можно ходить от силы трое суток, — заметила Ниорика. — По собственному опыту знаю. Потом начнутся такие боли, что жить не захочется. Терфес, надеюсь, твой поступок себя оправдает.

— Я тоже, — проронил брат-странник. — Дай мне шар, — попросил он ребёнка.

Мальчик упрямиться и медлить не стал. Пока Терфес с напряжением глядел в стекло, он ластился к Эрфе, точнее, девушка сама захотела его приласкать, ребёнок прочитал это желание в её глазах и не стал возражать.

— Вижу, — вдруг сказал гомункул, опуская шар, который держал сантиметрах в десяти от лица. — Скентия, телепортируй нас туда, — он впихнул вещь брату. — Эта штуковина согласилась показать мне, где Теона, а заодно Томас.

Заколдована так, что ли?

— Ты гений! — восхищённо воскликнула Ниорика.

— Ну-ка, — колдун взял предмет. — Хм, ничего не понимаю!

Тем не менее, компания переместилась на берег озера Грашмайл.

Глава 38 Злой дух, добрый дух

— Что ж, благодарю, — хохотнул Эзария.

Он, перебравшись с вулкана на берег, расхаживал вокруг рыдающей Теоны и растерянного Томаса. На лице — самодовольная ухмылка и самоуверенный взгляд, руки — в карманах.

— После такого удара ей, наверное, уже всё равно, что с ней будет происходить, — усмехнулся принц, остановившись.

Всего несколько минут назад он был в шоке от того, что произошло, теперь перед мужем и женой стоял прежний Эзария, в существование которого Теона наотрез отказывалась верить.

За его спиной вдруг вспыхнул на земле круг, явивший пятерых гомункулов. Ниорика вытянула вперёд руку с мечом, Скентия держал наготове жезл и посох.

— Твоё присутствие здесь меня не удивляет, — процедил старейшина.

— Да я сам не изумлён, — Эзария брезгливо скривился.

— Что с Теоной? — потребовала ответа Ниорика.

— Не видишь, истерика, — фыркнул младший некромант.

Воительница бы кинулась на него, но внезапно под раскат грома небо за секунду налилось тьмой, из вулкана повалил дым, испугавший сильнее всех принца, ведь парень знал, что это проявление если не гнева Основателя, то его раздражения. Дым сгустился, образовав фигуру Лотера. Плащ его развевался, словно мужчину обдувало ветром, волосы тоже шевелились.

— То, что у меня имеется свободное время, не означает, что меня надо заставлять ждать, — пророкотала фигура. — Помоги, наконец, принцессе отправиться в жерло, и можешь разбираться со своими дружками, сколько хочешь.

— Как скажете!

Эзария, потянув за собой Теону, с разбегу запрыгнул в лодку, не успев приказать духу-кормчему грести — тот сам сообразил, что работать веслом надо как можно быстрее. Скентия хотел телепортироваться к ним, но барьер помешал — колдун оказался возле самой лавы. Гомункул выпустил в удаляющуюся лодку два магических луча одновременно, они растаяли, не долетев до цели.

— Мариер, Терфес, Эрфа, Томас, — Скентия сорвал с себя кулон, порвав цепочку, и протянул назад, не оборачиваясь. — Возьмите, найдите профессоров.

Муж Теоны выхватил артефакт. Без промедления три брата, сестра и некромант исчезли, а Скентии пришлось обрадоваться,

что он не велел отправляться с ними и Ниорике: Основатель манул рукой на лаву, и на озере поднялась волна. Вытянувшись, она обрушилась на берег. Когда раскалённое вещество растеклось по земле, перед детьми Веолаймера стояли три цербера.

Это была одна из самых жутких их пород. Сказать «самая жуткая» не позволял только рост созданий, всего по полтора метра в холке. А в остальном… Красные, без зрачков, горящие глаза, вампирские клыки, чёрная лоснящаяся шерсть, выпущенные толстые когти, мощные челюсти, слабое, едва заметное пламя вокруг лапищ, хвоста и на спине — смертоносные твари служили Основателям.

К счастью, из-за внушительности церберы не были особенно поворотливы, это преимущество было у людей. Однако Ниорика с единственным мечом, пусть и наделённым некоторыми магическими свойствами, могла только обороняться. Трём головам она изловчилась выколоть страшные глаза, шесть продолжали видеть. Одного цербера окружила топа водных элементалей Скентии. Тварь металась по берегу, скидывая их с себя, маг создавал новых, потому что половина гибла в пастях. Ранение, полученное в битве за магический шар, беспокоило всё сильнее, левой рукой гомункул был вынужден перестать действовать. Церберы замечали, как слабеет враг, и старались держаться ближе к нему.

— Мальчик!! — Томас вылетел из пламенного круга прежде, чем тот погас, но огонь не обжёг его.

Ребёнок, сидящий на хвосте каменного дракона и разглядывающий шар, где ничего не появлялось, поднял испуганные глазёнки, очевидно, приняв Томаса за приятеля госпожи.

— Дай мне шар, пожалуйста, — произнёс некромант, не подозревая, что именно с такой просьбой такими же словами к мальчику уже обращался Терфес.

Сам гомункул, вообразив, что сейчас думает парнишка, хихикнул, но проблеск веселья был секундный. А мальчик только увидел, какой народ сюда вернулся, и это ему уверенности не прибавило. Тем не менее, предмет он предпочёл отдать, пролепетав что-то.

— Не бойся, — улыбнулась Эрфа. — Нам всего-навсего нужно наших друзей найти.

Парнишка подошёл к ней и неожиданно обнял, обхватив чуть ниже груди. Лицо он спрятал. Девушка стала ерошить его лохматые русые волосы.

Тем временем Томас углядел в шаре панораму города, начавшую приближаться до тех пор, пока не оказались видны

люди на улицах. Заметив там длинную рыжую гриву Десмилии, некромант жестом подозвал всех к себе.

Только Эрфа шагнула к братьям и Томасу, под ресницы мальчика набежало несколько слезинок.

— Давайте заберём его, — севшим голосом предложила девушка.

— Ладно, — вздохнул Мариер, давая Томасу рваную цепочку с кулоном, которую колдун вручил ему держать, пока разбирался с изображением в шаре. Некромант не знал Эрфу нисколько, гомункул поспешил ответить за него, так как некогда было объяснять, что сестру отговорить от подобных добрых дел нереально.

Томас, кажется, понял — спорить не стал.

Перенеслась компания в Город на подземный этаж. Ей повезло, что в Риции нигде не было толп по элементарной причине: обитателей было не настолько много. Профессор уже удалялся, но ещё был в поле зрения.

— Десмилия! — выпалил Томас.

Мужчина медленно повернулся. Кажется, он принял друга за галлюцинацию или посчитал открывшуюся картину видением.

— Десмилия, это настоящий я, — отделившись от компании, муж священницы вышел вперёд.

Чёрный маг в нерешительности замер. Ни одна галлюцинация не убеждала его в том, что она на самом деле живой человек. Пока он соображал, верить ей или нет, Томас подбежал к нему и стиснул в объятиях. Дружественным поведением порождение душевного расстройства отличаться никак не могло, и мужчина позволил себе улыбку.

— Что за компания с тобой? — поинтересовался он.

«Не сейчас!» — проявился ответ на лице некроманта.

Снова сосредоточенное созерцание шара — и телепортация в огромный холл какого-то роскошного здания. Под потолком на высоте метров десяти полыхала гигантская люстра, уходившие влево и вправо от входа чёрные мраморные лестницы вызывающе блестели, на чёрном полу был выложен узор из красной плитки, в нём отражается огонь люстры. На окнах висят расшитые золотом портьеры. Раздаются бодрые голоса, цокают каблуки. Через холл народ почти не ходит — все веселятся в отдалении. В этом здании бал, судя по доносившейся музыке. Эта обстановка подходила красавице Аде как нельзя лучше.

Женщина скучала у окна, стоя спиной к другу и новым его приятелям. Даже когда шаги стали приближаться, она продолжала глядеть на улицу. Томас положил ладонь ей на плечо.

— Уходите, — отчеканила профессорша.

— Только с тобой, — молодой человек убрал руку.

— Томас? — ахнула Ада, принявшись судорожно его ощупывать. — Где остальные? — произнесла красавица, признав: это действительно Томас. — Десмилия? — заметила коллегу женщина.

— Позже, — остановил порыв некромант, в третий раз вглядываясь в шар.

— Госпожа Лиоре!!

Посреди холла материализовался дух, мужчина, которому теперь вечно шёл пятый десяток лет. У человека было приятное лицо, узкое и смуглое, с наметившимися добрыми морщинками у глаз и уголков губ, короткие пепельные волосы; его дорогая парадная мантия, серая с золотой отделкой, подтверждала, что в замке точно бал.

— Куда вы собрались? Вы должны мне танец, — он протянул ей руку, изящную, с длинными тонкими пальцами.

— У меня поменялись планы. Пригласите другую даму, — холодно сказала Ада.

— У тебя нет планов. Они у меня есть, и опускать тебя с кучкой сомнительных личностей в них не входит, — мужчина притянул её к себе за талию.

— Нет, Хемриокс, — женщина отступила и тут же вскрикнула, увидев что-то. В холле ничего нового не возникло — галлюцинация.

— Хочешь узнать, что было с бедной Лаурсией Гардефи дальше? — усмехнулся дух. — По-моему, ты пришла в чувство в самый любопытный момент: когда её волокли в камеру пыток. Жаль лишать тебя столь увлекательного зрелища.

Ада закусила губу и сжала кулаки, демонстрируя, очевидно, тем самым готовность стерпеть издевательство. Галлюцинации не могут убить — это правило обязаны помнить все смертные, отважившиеся на поход в Рицию. Чем бы они не угрожали, какие бы мерзости не вытворяли — это только картинка, видимость, которая не может принести никакого физического вреда. Одна проблема — спокойно смотреть на это невозможно, как себя не убеждай.

Хермиокс смотрел на женщину, почти не моргая. Её начало трясти. Вдруг Эрфа, не предупреждённая, как и братья её, что в таком состоянии человеку во всех окружающих мерещатся агрессивно настроенные враги, захотела успокоить Аду. Девушка и шага в её сторону не сделала — профессорша выбросила вперёд руку, с пальцев слетел сгусток той самой магии, которой так боятся гомункулы. Чары, уничтожающие все магические

порождения.

На девушку бросился Томас. Некромант повалил её на пол, они проехались по скользкой плитке до самой лестницы. Сгусток пронёсся сквозь Хермиокса, ударился в солидную дверь из тёмного дерева и растёкся по ней зеленовато-белой плазмой. Мужчина поднял с земли отлетевший кулон с разорванной цепочкой. Томас держал его в кулаке, поэтому, разумеется, выронил, спасая Эрфу.

Ребёнок заплакал. Тяжело дыша, опустилась на пол Ада. Заполучив артефакт, Хермиокс счёл допустимым прекратить издевательство.

— Один танец — и ты отдаёшь нам кулон, — прохрипела женщина, испытывая унижение.

— Я отдаю его *им,* — поправил призрак, — ты остаёшься моей спутницей.

— Томас, духов возможно одолеть, — Мариер, прижимая к себе магический шар крепче, заявил это, заставляя себя верить сказанному с усилием. Единственные колдуны в компании — простые люди с уязвимой душой. Но не зря, не зря же дети Веолаймера здесь! Если Скентия прав и каждый из них должен по-своему помочь делу — а младший брат прав, это подтвердил сам алхимик, — то Терфес сделал то, что должен был, уже в Риции, сообразив воспользоваться магическим шаром, чтобы найти Теону. Значит, им суждено было очутиться в царстве мёртвых, а раз так — не умирать же тут, ничего не успев!

Обдумывая это, Мариер ощутил покалывание на пальце. Он не заметил, что, пока размышлял, дёргал за камень кольцо — подарок Веолаймера, тот самый, с которым не следовало расставаться. Заинтриговавшись, гомункул ещё потёр сапфир. Покалывание превратилось в жжение.

В стороне прогремел хохот Хермиокса. Тут все звуки отдавались гулко, в смех звучал совсем зловеще.

— Юноша, если бы с нами было легко справиться, Рицию бы давно пустовала!

— Возможно не значит легко, — обратил внимание духа Томас.

— Для таких случаев у королевства есть безумцы вроде вас, — вызверился призрак.

Он занёс руку над головой. В раскрытой ладони вспыхнул белый свет, сорвавшийся вниз под углом и ударившийся об пол. От места удара отразились семь лучей, по одному на каждого человека и гомункула. Все успели отскочить. Четыре луча ударились в окна, два — в стены, один — в ступени лестницы. Стёкла рухнули, посыпался дождь осколков.

— Не надо нас, духов Риции, злить. Прощайте! — оскалился Хермиокс.

Ещё один такой же луч выстрелил в потолок, в люстру. Как только раздался грохот — мужчина исчез в картинном поклоне.

От крепления люстры по потолку потянулись в ломаных изгибах трещины.

— Тварь! — не удержала ругательство Ада, обычно позволявшая себе едкие высказывания, но не грубые выражения.

Компания кинулась к лишившемуся стекла окну. Первым подскочил Терфес. Он натолкнулся на невидимую стену, гладкую и холодную — будто новое застекление. Гомункул стукнул по нему один раз ладонью, три раза — кулаком, потом пнул. Бесполезно. Десмилия попробовал помочь, ударив по барьеру магией. Не подействовало.

Следующие два события произошли в одну секунду. Массивная люстра, которая раздавила бы компанию так, что от неё остались бы лужа крови и куски мяса с дроблеными костями и тряпками одежды, полетела вниз вместе с огромными глыбами, составлявшими только что потолок. У лестницы появился дух Веолаймера. Он раскинул руки в стороны — падающая смерть зависла в воздухе.

Старик-алхимик оставался нематериальным духом, полупрозрачным, левитирующим в полуметре от пола. Позы он не менял, и холл замка начал быстро восстанавливаться. Осколки мозаикой складывались в оконные стёкла, глыбы, бывшие потолком, собирались в единое целое, притянулась наверх люстра, исчезали трещины — через минуту в холле не осталось даже пыли.

— Рад, что вы про меня не забыли, — улыбнулся Веолаймер.

— Папа… — пробормотала Эрфа.

Томас, Ада и Десмилия немного смутились, при такой сцене им присутствовать было неловко.

Гомункулы кинулись к алхимику, он обнял их всех сразу, они его тоже. Прикосновения Веолаймера, как всякого призрака, были холодными, но эта прохлада казалась детям теплотой.

— Это всё кольцо, да? — спросил Мариер, когда хитросплетение объятий распалось.

— Уж не знаю, чьими стараниями я тут оказался. Если твоими, то да, в колечке дело, — кивнул старик. — А теперь нам надо куда-то идти, наверное. Вы же не планировали тут задерживаться?

— Нам надо забрать одну девушку и вернуться к озеру Грашмайл, — ответил Томас. Умиление отступило, сменившись прежним чувством местной реальности. В магическом шаре,

восстановившемся, как и помещение, стараниями Веолаймера, ожило новое изображение. А вот амулета телепортации не было, его унёс Хермиокс.

— Ты перенесёшь нас? — опередив мысли некроманта, протянула Эрфа, прижимая к себе ребёнка, с интересом глазеющего на доброго красивого старика.

— Разумеется! Куда?

Томас принёс ему шар. Только Веолаймер всмотрелся в живое изображение, компанию неслабо тряхнуло, а когда смазавшиеся очертания всего вокруг вновь стали резкими, то принадлежали уже не внушительному холлу, а улице Города.

София спала прямо на мостовой, подтянув колени к животу. На улице народу практически не было, если демонолога кто и замечал, то взгляд сразу соскальзывал с профессорши и перемещался туда, где блуждал пару мгновений назад.

— Вставай, — потормошила её Ада, присев рядом.

Подскочила София так резко и внезапно, что некромантше пришлось отстраниться, чтобы они не столкнулись лбами.

— Ада, что… — выдохнула демонолог, озираясь. Когда она увидела женщину перед собой, по её изумлённому лицу стало ясно: София не ожидала лицезреть коллегу, полагая, что некромантша ей в очередной раз приснилась. — Ада?! — она поднялась на колени.

— Да. Скоро всё кончится.

Госпожа Лиоре не подозревала, что это действительно так. Никто из гомункулов не сказал ей, как и остальным людям, куда и зачем надо сейчас торопиться, но она чувствовала.

Все собрались в плотную кучу. Веолаймер сосредоточился на магическом шаре, компания точно так же, как из холла на данную улицу, переместилась к берегу Грашмайла.

По-прежнему здесь бесновались церберы. Скентии невесть как ещё удавалось орудовать жезлом. Промахивался он всё чаще и чаще, повреждённая конечность не слушалась. Во второй руке, здоровой, был посох, но одного оружия против девяти голов явно было бы недостаточно. Боль отвлекала, колдун старательно терпел. Ниорика впервые за последние годы выглядела испуганной. Со всех сторон от неё щёлкали челюсти, воительница была вся в мерзкой мутно-жёлтой слюне. Одна с жалким кинжалом против стаи церберов. Три таких твари — уже стая.

— Она всегда была уникумом, — прошептала Эрфа.

Для Софии трёхглавые инфернальные псы не были чудовищами. Опасное развлечение, средство пощекотать нервы. Победа в борьбе с ними вознаграждается ощущением гордости за себя, одолевшую столь ужасных тварей.

Демонолог оттолкнула от себя невидимый предмет. От ладоней её отделился полупрозрачный серебристый сгусток, по мере приближения к церберам уплотняющийся, увеличивающийся, становящийся похожим на демонессу, которая была бы красивой, если бы не ужасные глаза — точь-в-точь как у противников, — не менее отвратительный оскал и страшная красная кожа, будто сильно обожжённая. После взмаха жезла Софии у неё выросли длиннейшие когти на пальцах, их опутала красноватая дымка.

Порождение госпожи Риккен полоснуло когтями по боку ближайшего цербера. Взвыв, тварь попыталась схватить демонессу в зубы средней головы и напоролась на когти второй кисти. Морду наискось пересекли четыре полосы, задевшие и глаза. Высвободившись, создание набросилось на другое чудовище, одна голова которого была уже полностью ослеплена. Двумя движениями демонесса проделала это с остальными — один цербер оказался выведен из строя, вместо него был воющий и брызжущий слюной зверь, мечущийся по берегу, извиваясь и подскакивая. Магическая атака Десмилии — и тварь свалилась на землю, дёргая лапами. Тратить время, чтобы её добивать, никто не стал, ранение и так было надёжным. София, наблюдая за своим созданием, держала жезл наготове, думая помогать демонессе усиливающими чарами, но ей волшебство не нужно было. Вместе с Ниорикой она неистовствовала внутри клубка из восьми лап, двух тел и трёх шей и голов.

Духи-кормчие, налетевшие сюда со всех пирсов, могли бы, очевидно, прекратить побоище, устроив его исход в пользу церберов, но мешала энергия Веолаймера, не выбрасываемая специально, а распространявшаяся сама по себе — сила его любви и добра, то есть всего чуждого обитателям Рации. Старик уверенно и спокойно созерцал происходящее. Его присутствия детям было достаточно, чтобы в них взялись новые силы. У Скентии ранение будто бы бесследно исчезло — вновь в ходу были оба оружия.

Оба цербера оказались повержены. Народ прошёл на пирс, чтобы занять лодки, Веолаймер скользил следом.

— Справились, — процедил Эзария не вершине холма, возле жерла.

Потащив на вулкан Теону вместо того, чтобы бросить её на берегу, принц ошибся. Желание обладать помутило ему разум на считанные минуты, он не хотел оставлять красавицу людям, которые пытаются её у него отнять, даже не короткое время. Томас и гомункулы уже вернулись, приведя ещё и троих профессоров и могущественного доброго духа, а Даниэла ещё

цела, потому что он до этого мгновения спорил с Теоной, вернее, некромант и священница кричали друг на друга. Эзария — потому, что был зол, Теона — из-за отчаяния.

— Скоро мы все вместе, — священница, вцепившись в его запястья, с надрывом сделала ударение на этом слове, — отправимся в королевство. Тебе придётся делать то, что тебе говорят, иначе рискуешь здесь остаться. Пойми, если ты убьёшь Даниэлу, мои друзья бросят тебя здесь!

— Пусть бросают, — пророкотал из жерла голос Лотера.

Земля под ногами задрожала. Не устояв, Теона полетела к лаве озера. Инстинктивно молодая женщина, пролетая мимо Эзарии, ухватилась за него, вернее, за его мантию, и увлекла некроманта за собой вниз. Следом скатилась принцесса.

Лава из жерла поднялась столбом, превращаясь в фигуру Основателя. Она была огромна — в четыре средних человеческих роста, причём виднелась только по пояс.

— Ты правильно догадался, у нас есть идеи насчёт тебя, Чезигер, — усмехнулся Лотер. — поэтому я тебе помогу выбраться. Тебе и твоей красавице. Трое Старейшин — единственные духи, которые могут, подобно духам Аркены, контактировать со смертными по собственной воле. Я с лёгкостью устрою, чтобы кто-нибудь из тёмных священников забрал вас.

Эзария воспринял заявление равнодушно, вероятно, полагая, что справится с давлением. Подоспевшие Веолаймер с детьми и профессоры оказались достаточно близко, чтобы заметить: лицо принца не исказилось, слова Лотера испугали только Теону, а Даниэла опять перестала воспринимать творящееся вокруг, сжавшись в комок и затравленно глядя сквозь пелену отупляющего страха на приближающуюся компанию, которую дух Веолаймера уже не замыкал, а возглавлял.

Некроманты оказались разделены жалким полуметром. Остальные, догадываясь, что между Томасом и Эзарией нечто личное, расступились, не став заслонять их друг от друга.

— Тебе было проще меня убить, — муж Теоны сделал шаг вперёд. — Ты шансом не воспользовался, и теперь у меня появилась возможность применить этот же метод в отношении тебя, Чезигер.

— Нет! — Теона, оттеснённая гомункулами, вырвалась к молодым людям. — Не надо, зачем так? — она повисла на Томасе.

Эта сцена заставила всех скривиться от отвращения. Теона унижалась, но не осознавала, что поступает именно так. А ради кого? Ради человека, который не стоит и минуты даже просто её подавленного настроения.

На ладони Томаса загорелся зелёный огонь, практически сам по себе. Некромант думал не об этом. Если он убьёт Эзарию, что будет с ней? Один раз Теона уже пережила смерть любимого. Выдержит ли, когда и вторая любовь закончится так? Тогда она, кажется, осознавала: иного выхода не было. Сейчас в её представлении есть десяток путей, которыми можно обойти проблему. Жена не поверит в невозможность переубедить Эзарию.

Её рука накрыла пламя. Оно обжигало, но Теона не собиралась убирать её. В глазах застыли слёзы всего: и физической боли, и душевной. Не текли. Томас вдруг вообразил, как солёная жидкость заливается ей куда-то внутрь и священница скоро ей захлебнётся.

— Пойдём, — прошептала София.

Она смотрела на Даниэлу. Девушка, конечно, не узнавала подругу детства. Пристальное внимание непонятной подозрительной личности сурового вида (принцесса не замечала, как изменилось выражение лица Софии) заставляло сильнее сжиматься и чаще дрожать, словно демонолог замахнулась на неё.

Громыхнула усмешка Лотера. Пар, валивший из жерла, начал неравномерно сгущаться, каждый сгусток становился духом. Все они были одинаковые, в очень длинных белых балахонах с широкими рукавами, на головы накинуты капюшоны, из-под которых не выбивается ни одной пряди волос. Казалось, к пирсу устремляются одни одеяния, лишь кончики пальцев виднелись.

Выглядели духи нематериальными, однако полетевшая в них магия отразилась от помощников Основателя, как от твёрдой поверхности. Принять на себя удар собственного колдовства никто не успел: Веолаймер отталкивающим жестом заставил лучи и сгустки остановиться и спустя секунду разлететься на части.

— Надеюсь, вам этих ребят на первые полчаса будет достаточно, а вторых вам не потребуется, — хохотнул Основатель.

Лава начала быстро плавиться. Сначала Лотер утратил свои очертания, превратившись просто в столб раскалённого вещества, затем оно стало стремительно спускаться вниз. Компания, включая Эзарию, метнулась к пирсу, только Даниэла осталась на месте, даже отступив назад, к жерлу.

— Ну же, девочка моя, скоро дома окажемся, — забормотала София, поднимая принцессу, не сопротивляющуюся, но и не шевелящуюся — словно демонолог хотела забрать огромную куклу.

— София, сзади! — выпалила Ада, запрыгивая на пирс.

На девушек летели два духа. Тот, что настиг их первым,

схватил Даниэлу под руку — бесплотным он лишь казался — и потянул ввысь. Профессорша не отпустила её, поэтому сама оторвалась от земли, впрочем, вовремя. Только девушки взмыли в воздух, лава добралась до того места, где Софии с подругой стояли мгновение назад. Отчего-то не спалив пирса, она накрыла лаву Грашмайла и, доползя до того берега, стала подниматься узкой, неумолимо расширяющейся стеной. Компания бы успела выскочить за неё, но друзья не могли оставить здесь демонолога и принцессу, Эзария — Теону. Над озером образовался затвердевший купол, полусфера. Свет под ним полился из жерла. В жёлто-белых лучах появился Лотер, уже нормального роста.

Мужчина готовился принять Даниэлу, с хищной радостью улыбаясь. Оскал исчез, когда София ткнула пальцем вниз и там, куда было указано, возник чёрный крылатый демон. Тварь догнала свою повелительницу прежде, чем сам Лотер пустил в него ярко-жёлтый луч, угодивший в стену полусферы. От места удара распространилась паутина жёлтых трещин, сразу исчезнувшая.

София уцепилась за шею демона одной рукой, второй продолжала держаться за Даниэлу, не понимавшей, разумеется, что её спасают. Девушка в этот момент доверяла духам, так как Софии боялась. Перекинув ногу через спину инфернального создания, профессорша уселась как следует, затем демон с размаху полоснул лапой по духу. Для ударов он оказался бестелесным. Второй дух попытался сбить Софию с существа. Девушка бы выстояла против одного, но на помощь примчались ещё четверо, бросив атаковать компанию на пирсе. Случилось то, чего и добивались слуги Лотера. Даниэлу профессорша отпустила.

— Спасибо, Чезигер! — воскликнул Основатель, когда девушку дух опустил возле жерла.

Эзария, сражавшийся на стороне духов с компанией, посмотрел на него, задрав голову.

— Попрощайтесь с леди Сагреной, мои жалкие смертные друзья! — гоготнул человек, прижимая к себе принцессу, оглядывающуюся на компанию с испугом — опасалась, её отдадут им на растерзание.

— Никогда! — крикнул Веолаймер, стряхивая с себя трёх духов, схватившихся с ним.

Часть лавы стала превращаться в твердую землю, за несколько мгновений получилась дорога наверх. Командовать детям и их друзьям, чтобы они бежали к жерлу, не пришлось. Первым рванул Десмилия. Он ещё надеялся, что на Лотера может действовать чёрная магия, хоть духи, слуги Основателя, были

абсолютно к ней невосприимчивы, и на пирсе кипела банальная драка, в которой махали кулаками, а Ниорика — мечом. Ярчайшая пламенная волна прокатилась до вершины холма, за ней последовала ледяная, созданная Скентией. Они прошли сквозь Лотера, не причинив вреда. Подождав, пока маги приблизятся, Основатель с Даниэлой рассыпался золотыми искрами, разлетевшимися по всему пространству под полусферой. Бьющий из жерла свет остался.

Глава 39 Исход

— Этого не может быть, — пробормотала София, спускаясь на полосу земли. — Не может быть, — с тихим надрывом повторила девушка. — Не может быть!!

Она кинулась к жерлу. Десмилия, заподозривший, будто коллега может броситься туда, попытался удержать её, но пальцы сомкнулись в кулак в миллиметре от руки девушки.

— Этого не может быть, слышите!! — она лишь склонилась, упав на колени у края жерла, над ним, всматриваясь в успокоившуюся лаву и ничего там не видя. — Не может!

Всё ожидали, что у неё начнётся истерика, но София не начала ни плакать, ни хохотать. Демонолог тяжело дышала, даже кричать прекратив. От этого всем было хуже. Каждый хотел подойти, обнять — об утешении и мыслей не было, так как слишком ужасное событие произошло, чтобы это было допустимым и не вызывало одну злость. Решился, наконец, Веолаймер. Дух подлетел к Софии, остановившись перед ней — над жерлом.

— Скажите, господин Керден, — девушка подняла на него глаза, — вы такого от своих детей хотели, да?

— Они свободны, — парировал старик, приподнимаясь на метр, чтобы София не загораживала его от всех. — Терфес, Ниорика, Эрфа, Мариер, Скентия, знайте: вы не обязаны делать то, чего я от вас жду. Это идеальный вариант, а быть идеалом мало кому дано. Я ведь понимаю, вас коробит тот факт, что на свет вы не просто так появились — вы ему оказались что-то должны с момента, как начали своё существование в том обличье, которое у вас сейчас есть. Даже если бы вам была выбрана определённая цель, я бы предпочёл, чтобы вы придерживались не её, а той, что вам по душе.

— Но и мы выбираем, отец, — произнёс Терфес. — Следовать или не следовать. Мы решили рискнуть, поэтому доведём дело до конца.

— Интересно, как? — хохотнул Эзария.

На него перестали обращать внимание с того момента, как Лотер исчез с Даниэлой. Вместе с ними пропали и нападающие духи, побоище закончилось, и принц тоже прекратил действовать магией. Парень стоял на краю пирса, сложив руки на груди. В него впились двенадцать взглядов — последний принадлежал спасённому Эрфой ребёнку.

— Найдём способ! — вызверился Томас.

Кивнув сразу всей компании, Веолаймер точно так же, как

Лотер, взрывом распался на искры. По пространству под полусферой ещё носились те, которые остались от Основателя, с ними смешались новые, более светлые, почти белые.

— Отстань, — Эзария отпихнул от себя Теону, собравшуюся обратиться к нему, и торопливо поднялся на вершину холма.

В жерле было тихо. Позволив себе раздражённый плевок туда, принц спустился настолько, чтобы поравняться с мужем священницы.

— Ты ничего не добьёшься, Дьюри, — прошипел он.

Томасу не дал ответить грохот внутри затрясшегося вулкана и угрожающие колебания полусферы, грозившейся вот-вот развалиться. Рушиться она стала кстати: куски падали прямо в лаву, лишая возможности упасть в неё кого-либо из компании.

Стало не до происходящего в жерле. Все метались, перепрыгивая с одного плавающего в лаве пласта на другой, спасаясь от тех, которые ещё обваливались. В образовывающихся дырах в полусфере виднелось небо… не местное вечно ночное, а белое с голубизной, принадлежащее миру смертных.

— Ещё же не время! — София огромными прыжками, делающими её похожей на самку дикого зверя, карабкающуюся куда-то по скалам, рванула к вершине. Оказавшись на одном пласте с Адой и Ниорикой, она повлекла их за собой. Сопротивляться им было попросту опасно. Одно резкое движение — и ты летишь в лаву.

Спешащую к жерлу троицу, возглавляемую обезумевшей Софией, заметил Скентия. Оповестив друзей об этом, красавец устремился туда сам. Он вдруг начал слабеть без поддержки Веолаймера, повреждённая рука безвольно повисла, выронив жезл, являвшийся, к счастью, меньшей ценностью, чем посох, подарок отца. Грубым рывком за воротник мантии его поднял подоспевший Терфес — на нежности не было времени. У него теоретически было несколько секунд, чтобы решить, тащить ли Скентию наверх, помогать ведьме, воительнице и демонологу (главным образом, последней), или спасаться с молодыми супругами, принцем, Мариером и Эрфой с ребёнком. Воспользоваться ими не получилось: остатки полусферы разом разлетелись на части, и земля вокруг холма стала стремительно подниматься вверх. Или наоборот, холм начал уходить под землю. Так или иначе, родное светлейшее небо безжалостно удалялось.

— Лотер! — воскликнул с удивлением и радостью Эзария.

— Сомневался в том, что я смогу одолеть духа и кучку смертных? — из жерла восстал Основатель.

У него на руках было обмякшее тело Даниэлы.

Заклокотавшая лава принялась испаряться. На поверхности её вздувались пузыри, которые не лопались, а поднимались к чистому небесному пятну. В них, как в магических шарах, были видны разные лица. Лица тех, чьи мысли будут вертеться в голове Даниэлы, кто будет думать за неё, чьими глазами ей придётся на мир смотреть. Теона заметила среди них лицо Мортиса, вздрогнула. Пузыри закрывали собой кусок неба, кусок дома, кусок жизни, от которого исходила свежесть, напоминающая утреннюю. Вероятно, в мире смертных действительно было утро.

— Кто-нибудь, остановите это! — простонала священница.

— Скоро само пройдёт, — Эзария сзади притянул её к себе за плечи. Теона и не слышала, как он к ней приблизился.

Провожавший взглядом пузыри Томас опустил голову, в глаза сразу бросилась жена, стиснутая в объятиях принца. Она вновь опустела. Не нужны ей были сейчас ни Эзария, ни прощение Томаса (молодой человек не мог держать на волшебницу зла, но Теона не догадывалась), ни даже вырвавшаяся из-под власти духов Даниэла. Священница желала, чтобы всё исчезло: брачные узы, тёмная сторона Эзарии, помешательство принцессы…

Казалось, Теона и Томас глядят друг на друга понимающе. На самом деле каждый просто видел человека, которого Вивьен объявила его половинкой. Видел тело, где была заключена исстрадавшаяся душа, не заслуживающая, разумеется, ничего подобного.

Остальные с ненавистью взирали на Лотера. Только ребёнок, отвернувшись, жался к Эрфе.

— Леди Сагрену можете забрать, — произнёс он, ступая на землю, лавой уже не покрытую, и опуская тело на пласт развалившейся полусферы.

— Так они и поступят, — раздался голос Веолаймера.

Дух медленно поднялся из жерла. Он вернулся очень бледным и настолько прозрачным, что был едва заметен. Алхимик проследовал к детям, их приятелям и принцу, принеся им Даниэлу. Её приняла на руки София, хотя вызвались ещё и молодые люди (за исключением Эзарии, понятное дело). Дочь Мартина дышала, так как умереть здесь не могла, поэтому не казалась безнадёжной. Об обманчивости впечатления всем было известно, однако компания согласилась верить ему.

— Прощай, Лотер, — Веолаймер приложил пальцы к вискам, подавая сигналы тому священнику, который отправил сюда его детей: пора было оставлять Рицию.

— Ты зазнался, Керден, — огрызнулся Основатель.

Отвечать алхимик не стал. Рука его взметнулась вверх, от неё потянулся голубой луч, намного ярче самого духа. Он пробил

толщу лавовых пузырей, возвратив смертным небо. Повеяло холодом, но ему были рады: в Риции бывало душно, а прохладно — никогда. Потоки этого воздуха казались ласковыми прикосновениями жизни. Царство мёртвых — лучшее место, чтобы понять её цену.

Глядя на Лотера, сжимающего кулаки в бессильной злобе, София исхитрилась, не отпуская Даниэлу, сделать нужный взмах кистью, чтобы призвать крылатого демона. Он не требовался ей как боец — компании был нужен тот, кто поднимет её наверх. За ним появился второй, третий, четвёртый. Вереницей они потянулись вверх, унося смертных туда, где было их место.

Всё прекратилось слишком внезапно. Оттуда подул воздушный поток, такой мощный, что не давал возможности двигаться дальше. Этого не было в природе — оно являлось очередным проявлением сил Основателя. Ближе всех удалось прорваться к выходу демону, на спине которого сидели Скентия, Томас и София с Даниэлой. Некромант успел схватиться за край отверстия. Пальцы коснулись травы, он разглядел среди неё одинокий фиолетовый цветок с крупными росинками на лепестках. Приветственно шелестели стройные деревья, где-то звенел детский смех и слышался плеск воды. Свежесть, врывающаяся в лёгкие, одуряла. Какое же тут царило умиротворение! Прибежал откуда-то пузатый щенок, начал обнюхивать. За ним и хозяева пришли — дети, девочка и два мальчика. Старшему было около тринадцати, средний выглядел года на три младше, а малышке, наверное, не исполнилось ещё и семи.

— Помоги, — прохрипел Томас, глядя на старшего.

Паренёк взял девочку на руки, оба заулыбались. Второго мальчика кто-то где-то окликнул, и он поспешил к товарищам. Их смех делался громче, грубее, пока не превратился в хохот Лотера.

— Томас, очнись! — заорала сзади София.

Некромант глянул на неё, потом на кусок родного мира. Дети пропали, возник шум моря. Трава под пальцами сменилась песком, приятная прохлада — противной промозглостью. Прилетела сверху большая ворона.

— Что? — вспыхнул муж Теоны, пытаясь подтянуться так, чтобы положить на песок локоть.

— В чём дело? С кем ты разговариваешь? — нервничала сзади демонолог.

— А ты никого не видишь? — неприятно поразился Томас; ворона подошла совсем близко и должна была быть видна не только ему.

— Да не обращай ты внимание на то, что тебе мерещится! —

вспыхнул Скентия. — Ты можешь выкарабкаться?

Томасу надо было отпустить голову демона, за которую он держался, чтобы помочь себе второй рукой. Только он сделал это, ворона изо всех сил клюнула его в пальцы, уже лежавшие на песке. Вскрикнув, но не ослабив хватку, Томас совершил усилие и дотянулся до края дыры, теперь оставалось только втащить ноги, и можно будет вытаскивать команду.

— Ну уж нет, мистер Дьюри, — заявила чёрная птица голосом Лотера.

Удары клюва посыпались на лицо. Только бы не глаза, только не глаза! Теперь ворон стал виден и Софии со Скентией: демонолог адресовала Основателю грубое ругательство, гомункул направил на птицу посох. С него слетело пламя, охватило птицу, но та, полыхая, продолжала атаковать. Лицо, руки, грудь… Лотеру удалось сбросить некроманта. Когда Томас в падении проносился мимо Терфеса, тот попытался удержать его, но из-за силы, влекущей всех вниз, гомункул сам сорвался с демона, стремительный полёт продолжился.

От падения они даже не потеряли сознание. Внизу, куда рухнули молодые люди, спокойно ждал чего-то Эзария. Сидя на огромной глыбе, принц глянул на них, потом — наверх. Лотер снова принял обличье человека, только теперь волосы его были чёрные, как воронье крыло, и одежды точно такие же.

— Старик Веолаймер отдал свою загробную жизнь, чтобы вызволить вас отсюда. Вы этим щедрым подарком воспользоваться не смогли, — произнёс Лотер громко. — Приятного времяпровождения в Риции. Эзария, идём.

Принц мгновенно очутился рядом с ним.

— Постой, — сказал парень. — Я должен забрать Теону.

— Потом. Обратишься к тёмному священнику, — отрезал Антиора.

— Из-за неё я это всё и затеял, и имею право, — упёрся Эзария.

— Меня не волнует Теона. Ты попросил у нас разобраться с Даниэлой, — напомнил Основатель.

— И ты бросишь меня здесь? — фыркнул принц, не выражая страха.

— Понимаешь, ты мне нужен один, без приложения в виде священницы. Она будет на тебя влиять сильнее, чем кто-либо, ты сам не сможешь это увидеть, или это произойдёт слишком поздно. Да она уже влияет.

— После того, как вмешался Веолаймер, я даже не могу быть уверенным, что Даниэла безумна, — Эзария не стал уточнять, что без Теоны ему ничего не нужно, молодой человек просто пытался

воздействовать на Лотера.

— А мы, Основатели, честностью в выполнении обещаний не отличаемся! — воскликнул дух и скрылся за завесой чёрного дыма.

Голубоватое небо сменилось жёлтым светом, таким же, какой бил из жерла. Притяжение усилилось. Жерло бывшего вулкана, казалось, всасывало в себя всё. На Эзарию, впрочем, сила не действовала, зато дети Веолаймера, только начавшие осознавать, что отца уже совсем-совсем нет, и люди быстро оказались в незавидном положении: со смертельным ужасом в глазах они старались удержаться за землю вокруг жерла. Земля стала втягиваться, образуя воронку, задрожали стены, начавшие исписываться трещинами. Целые куски вырывались из них и падали.

Воронка уже углубилась достаточно. Эзарии, чтобы не съехать вниз, удавалось пока держаться за какую-то неровность. Внутрь воронки камни не попадали, зависая потолком наверху. Сначала свет пробивался сквозь них, затем навалилась целая их толща.

— Чезигер, сам жить не захотел и нам не дал! — разъярился Десмилия, силясь вытащить себе наружу: виднелась в жерле только его медно-рыжая макушка.

— У меня должны быть шансы вернуться, — возразил некромант, смиряясь с тем, что вместе с Теоной, наверное, придётся вызволять столько народу, сколько он успеет или сумеет, без этого волшебница не уйдёт.

Он разжал пальцы. Его потащило вниз, но парень вовремя уцепился за другую неровность (земля в воронке выглядела ступенями). Стоило протянуть руку — её сожмут пальцы Ады. Молодая женщина помощи не ждала. Лицо будто окаменело, не изменившись никак, никакой просьбы или надежды на нём не промелькнуло. Эзария продвинулся в сторону. Рядом с Адой держался Скентия. Немилосердный воздушный поток трепал его оранжевую чёлку, принц впервые разглядел, что под ней скрывается символ Шекогана. Гомункул смотрел в образовавшийся потолок, глаза исследовали пространство под ним, рассчитывая, вероятно, найти призрак Веолаймера. Следующим был Томас, весь в крови после нападения Лотера. Муж Теоны отличался красотой, но теперь у него должны остаться безобразные шрамы. Он удерживал принцессу, не пришедшую в сознание. Свободная рука впивалась в землю с невообразимой яростью. Потом — Теона, по стечению обстоятельств.

— Ты сможешь, — пробормотала волшебница.

«Интересно, что?» — захотелось ему поинтересоваться у самого себя. Вытащить её из жерла — да, он это и сделал. Его прикосновения, очевидно, давали относительную безопасность — пока Эзария в телесном контакте с кем-то, на этого человека сила притяжения, исходящая оттуда, из излучающей ослепительный свет пустоты, действует вполовину слабее. Парень наблюдал, как на неё глядели друзья, пока она выбиралась. Все желали, чтобы хоть одна Теона спаслась, но спасителя проклинали.

Угнетало молчание. Отстаивать что-либо было бесполезно, осыпать ругательствами Эзарию — тоже. Сколько ещё компания будет сопротивляться силе? А когда скроется в жерле, что тогда? Он не желал такого исхода, ему не было охота смертей. Убийств на его совести немало имелось, но именно сейчас, именно этих людей — нет.

Вдруг Теона, зажмурившись задержала дыхание — Эзария заметил этот момент, так как смотрел на неё. Через несколько секунд она стала медленно выдыхать. Из-под ткани платья в области сердца выстрелили три белых тусклых луча. То же самое произошло с её свободной ладонью (вторая лежала на плече принца).

Компания ощутила слабый прилив энергии. Священница старалась дать им немного её, внезапный порыв приказал ей так поступить. Всё-таки магия её была сильнее связана сердцем, чем какая-либо другая. И вообще сердце было главным её голосом, не разум и не интуиция.

Теону заставили чувствовать себя виноватой. Теперь она готова была отдать жизнь, если бы такая цена принималась за освобождение компании.

Магия рвалась и рвалась из неё. Четыре года назад у Теоны погиб ребёнок, не успевший и родиться. Его дух стал её хранителем, оказав уже однажды неоценимую помощь, когда Теона вместе со всей компанией подверглась нападению тварей Эвиланы. Очевидно, он и сейчас поддерживал.

Эзария изумлённо созерцал происходящее чудо. Народ постепенно выбирался из затягивавшего жерла, кто-то — сам, кому-то подавали руки те, кто смог освободиться. Причина была ему неизвестна, и он с лёгким страхом ждал, что Теона, обессилев после такой мощной магии, рухнет без чувств.

Все уставились на поток из камней. После галлюцинаций Томаса никто не был уверен, выход ли в мир смертных за ним находится, но то место было однозначно лучше этой воронки. Здесь ещё кружились лавовые пузыри, в которых ухмылялись неизвестные люди. Они говорили что-то, слышен был лишь гул.

— Пробейте путь магией, — тихо посоветовали друзьям.

Это был мальчик, опекаемый Эрфой после гибели его хозяйки. Он принял нематериальное, призрачное обличье, чего никто не заметил: все успели подумать, будто бедного ребёнка втянуло в жерло. Ребёнок завис в воздухе как раз над ним, наверное, парнишка попал в него, но выбрался.

Маленький пальчик указал на потолок. Все, кто мог колдовать, повторили за ним, взметнув руки, остальные заворожено наблюдали, как несколько разноцветных лучей ударяют в каменный свод, задрожавший. Из щелей между камнями стал пробиваться свет, настоящий дневной свет. Эзария не пытался воспрепятствовать. Парень даже присоединился ко всем. С магическими лучами слился ещё один, тёмно-фиолетовый.

Свод стал расшатываться, щели делались шире, в ушах внезапно застряла тишина, перед глазами — темнота.

Теона очнулась, потому что кто-то похлопывал её по щекам. Она открыла глаза.

Молодой священник незнакомого храма склонил голову к плечу, улыбнулся:

— Хорошо себя чувствуете, леди Дьюри?

Обращение волшебницу покоробило, но на лице отразилось только непонимающим удивлением. Коллеги-профессора всегда называли её Винсент.

Она огляделась. Гомункулы уже пришли в себя, Эрфа кому-то молилась. Десмилия и София с принцессой лежали без сознания. Томас сидел прямо на полу у алтаря, Ада изучала его раны. Нахмурившись, женщина, не видевшая, что священник на неё не смотрит, поманила его к себе. Теона шепнула парню, чтобы он подошёл к некромантше, тот послушался. Ада попросила его заняться лечением колдуна, сама приблизилась к Теоне.

— Встать можешь?

Закивав, священница продемонстрировала это. Профессорша предложила выйти на улицу, они бесшумно выскользнули из храма.

Над островом — а это был остров возле Бесталона, где располагался замок Аорны Блариса — синела ночь. В небе не трепетало, как в Рицции, северное сияние, зато долгожданный холодок лез под одежду. За рощей через дорогу от храма темнела громада гор, увенчанная замком, там горело несколько окон.

— Где мы? — Теона сорвала с дерева цветок, понюхала. В царстве мёртвых росли цветы красивее, на них по-особенному застывала роса, но они не пахли.

— У черты Бесталона, — ответила Ада, садясь на невысокую

изгородь, тянущуюся вдоль дороги. — Дети Веолаймера отсюда попали в Рицию. Они прибыли сюда вместе с Великой Троицей и остатками банды, в которой состоит твой муж.

— Остатки? Не говори так, — поморщилась Теона.

— Но так и есть. Им надо было убить одного типа. После того, как мы покинули наш мир, в столице житья не стало от духов и призраков, подчинявшихся одной ведьме. Всех их перебить было невыполнимой задачей, но можно было уничтожить того, кто их всех вызвал из Рицию. Это наши друзья и сделали.

— Откуда знаешь? — волшебница устроилась рядом.

— Скентия рассказал, пока ты была без сознания. Теона, ты как теперь поступишь? — внезапно поинтересовалась коллега; священница не поняла, что имеет в виду Ада, и женщина пояснила: — Останешься с Томасом, будешь с Эзарией или отдалишься от них обоих?

Теона ничего не знала. В душе разливалась пустота.

— Принц уже удрал, — продолжила Ада. — Вероятно, догадался что вокруг тебя тут будет вертеться слишком большая толпа и ты ни слушать, ни чувствовать его не сможешь.

В стороне донёсся шорох торопливых шагов, усиливающийся. Сюда бежали Дашка с Алиной.

— Теона!! — взвизгнула ведьма, и обе подруги повисли на шее у священницы.

Она позволила себе слезу. Молодые женщины не догадаются, что это вовсе не от радости.

В стенах Магической Академии изменилось только одно — стало больше счастливых лиц. Старинное заведение было таким же, каким Великая Троица увидела его впервые. Конечно, ещё никто не забыл погибших. В храме на территории Академии постоянно кто-то находился, молились за погибших приятелей и коллег. В замке и корпусах общежития везде висели чёрные ленты и украшения из тёмных цветов.

Дети Веолаймера следовать в Академию вместе с компанией не стали. Все перебрались в Чёрные Гавани. Тот мальчик, хозяйку которого уничтожили в Рицию, стал их покровительствующим духом. Им предстоит, наконец, начать собственный путь.

А остальные вернулись с Даниэлой. Девушка вела себя смирно, даже затравленно. Она за два дня дороги не произнесла ни звука. Случилось, что принцесса наступила на осколки бокала, разбитого Шаки: юной ведьме, шедшей через зал с ним, внезапно стало дурно, она выронила его, убрать не успели. Даниэла прослезилась, но не вскрикнула и даже не ойкнула тихо.

Наследница будто онемела. София, смирившись с тем, что подруга детства не узнаёт её, да и вообще не понимает происходящего, сидела часами на подоконнике, уставившись в противоположный угол рамы, или расхаживала по комнате. В трапезный зал демонолог спускалась, если только её звали.

По прибытии в Академию Даниэле сделалось хуже. Когда её провели в замок, где в это время была перемена и по коридорам носились или просто шагали, громко разговаривая и смеясь, разновозрастные студенты, дочь Мартина объял непонятный страх. Парни и девушки ведь знали, кого отправили за принцессой, и понимали, что за особу ведут под руки София и Десмилия. Пополз неизбежный шёпот, наряду с раздававшимися со всех сторон приветствиями, пугавшими Даниэлу не меньше.

Направлялась не совсем торжественная процессия в больничное крыло: леди Сагрену стоило осмотреть опытным докторам и целителям. На пролёте возле него у принцессы случился припадок бешенства. Она, вывернувшись из хватки, нанесла неожиданный удар, разбила нос Софии. Народ замер в шоке. Никто не представлял, что в худенькой наследнице помещается столько физической силы. Профессор демонологии, растянувшись на полу, неподвижным взглядом смотрела на Даниэлу. Та стояла над ней, тяжело дыша и явно не остывая.

София приподнялась на лопатки. Девушка, припав на одно колено, опустилась перед ней, дотронувшись пальцами до кровавого ручейка, стекающего к губам профессорши. Потом ладонь второй руки легла ей на щёку и соскользнула на плечо. За ней тем же путём последовала первая. В глазах проскочила молния, и пальцы сомкнулись на шее Софии. Девушки скатились с лестницы.

За профессоршей по ступенькам протянулся красный след. На Даниэлу же полёт не подействовал. Кровь была, принцессу пошатывало, когда она встала, но на вспышку агрессивности это не повлияло. В угол пролёта вжался испугавшийся первокурсник, белый маг, девушка впилась в него. Десмилия был вынужден разнять их самым быстрым и грубым способом: оглушающими чарами, наложенными на дочь Мартина.

В больничное крыло долго никого не пускали. Ада, Теона, возвращающая в сознание Софию, Десмилия, Великая Троица и деканы Амерден, Фестеан и Велистер расселись прямо на ступенях. Чуть позже подошла Тецарра. Темнело. Зажигались люстры. В окнах отплясывали отражения огней. Людей в замке становилось всё меньше.

Каждые полчаса кто-нибудь из целителей выходил к ожидающим решения насчёт принцессы и предлагал отправляться

по спальным, ему вежливо возражали. Ада задремала, затем сон прибрал Сашу, Алину, через полчаса бодрствующими остались только София, перебравшаяся к самой двери в помещение, да Тецарра с Дашкой.

— Страшно вам было в Шекогане? — спросила староста.

— Нет. Привычно, — ведьма с младшего курса придвинулась к подруге.

— А как это — привыкнуть к боли, крови, крикам, смерти? Я только знаю чувства, если притерпишься к душевным страданиям: предательству, лжи, ненависти.

— Я тоже, но смутно. Наверное, так же и битвы становятся чем-то обыденным. Неприятно. Каждый раз осадок остаётся. Пока не привыкнешь, терзаешься тем, что людей убивать и калечить приходиться, а начинаешь принимать как должное — переживаешь, потому что больше не ощущаешь этого. Признаёшь — мне легко забирать жизни и здоровье, тогда так мерзко становится! Когда о душевной боли речь, нередко мы, постоянно принимая её, не учимся приносить, — закончила Дашка, ужаснувшись собственному пафосу, но быстро смирившись.

— В таких случаях другая западня, — Тецарру он ничуть не смутил. — Сражаться мы обучаемся вынужденно, часто сами не замечаем, что уже умеем одерживать великолепные победы в схватках и поединках. Зато изнутри гнить нам самим охота бывает. Мы рады портиться.

Из-за двери высунулась девушка-целительница, старшекурсница, очень взволнованная:

— Нужен профессор Рэймон! — шёпотом известила она.

— Что-то серьёзное? — София подскочила.

Отвечать не пришлось — в больничном крыле раздался звон бьющегося стекла, визг, жуткий стон Даниэлы; Мейдина Рильен выпалила оглушающее заклинание.

— Столько чёрной магии ей вредно! — кинулась в дверной проём София.

Комплекция у преподавательницы была мощнее, чем у студентки, на помощь девушке кинулись ещё три целительницы. Завязалась возня, перебудившая всю лестницу и заставившая появиться на площадке Мейдину.

— В чём дело? София, уймись! — затрещала женщина в своей излюбленной манере. — Где Велистер?

— Сейчас, — мужчина тут же направился в помещение, отстранив девушек и коллег.

— Я должна присутствовать там, — отчеканила демонолог.

— Вы будете лишь злить Даниэлу, — упёрлась декан целителей. — Она в состоянии, надежды не внушающем. Хорошо,

если сможем усмирить её. Иначе придётся принцессу постоянно держать где-нибудь взаперти. Или поступить гуманнее — отравить.

— Нет!!

— Госпожа Рильен! — позвали за дверью; там нарастал шум.

Оттолкнув Софию, Мейдина скрылась. Теона хотела её утихомирить, но профессорша наорала на коллегу и стекла в углу по стенке. Носом она уткнулась в колени, их и голову обхватила руками. Находиться здесь стало невозможным: относительная тишина за стеной пропадала всё чаще и чаще.

Когда уже начало светать, к друзьям выбрел Велистер. Мужчина, весь вспотевший, снял мантию, которую не стал держать — она упала на пол, и произнёс:

— Она сумасшедшая. Её не вылечить. Мейдина была права.

Глава 40 Первые порывы Ветра Смуты

На родных улицах было светло и многолюдно. К первому Эзария уже привык, второе раздражало. Он ещё не появлялся дома. Добравшись до Зальвана за неделю на поезде, он целый день бродил по городу. Пора идти в Академию, но принц не знал, всё ли там утряслось. Парень решил отложить возвращение ещё на час.

Завернув в таверну и заказав себе ужин, он, почти к нему не притрагиваясь, стал прислушиваться к разговорам. Все обсуждали только избавление от гнёта леди Беалинты и её сторонников и то, как возвращать к жизни тех, кто оказался спасённым из Шекогана и просто одержимых — людей, подвергнувшихся нападениям. Убедившись, что про Даниэлу ожидать хоть фразы не стоит, некромант покинул заведение.

Насыщающийся лиловый цвет неба разбавили, пока Эзария сидел в таверне, светом фонарей. Когда некромант оказался на каком-то проспекте, в спину ему уткнулся жезл. Парень развернулся, увидев группу хранителей закона.

— Сожалею, мистер Чезигер, но ваш отец приказал казнить вас, — вздохнул их предводитель. Эзария был знаком с ним. Звали этого человека Эйзифал, он состоял в отряде принца, с которым парень громил деревни, неугодные Ирвингу.

— С чего вдруг? — хохотнул Эзария.

— Кто-то сказал ему, что вы его жену отравили.

Сидевшая на крыше чёрная ворона слетела на мостовую и вразвалочку подошла к принцу. Птица задрала голову, чёрные глазки хитро и хищно блеснули. Некромант всё понял. Что ж, Лотер Антиора будет действовать через короля. У Ирвинга появился новый идол. Эзария не разозлился.

— Папаша потребовал мою голову?

— Нет. Он просто велел вас убить.

— Завтра утром я уеду из столицы. Он же проверять, исполнен ли приказ, не станет?

— Вам придётся скрываться, — предупредил Эйзифал. — Со мной вы договоритесь, ещё с несколькими хранителями закона — а с кем-то не сможете.

— Для меня это не проблема. Дайте сроку до завтрашнего утра.

— Хорошо. Я могу даже устроить вам побег. Приходите в десять на вокзал.

— Отправите в Денаувер? — усмехнулся принц.

— Нет, в одно поселение, настолько же обособленное,

сколько земли Адельтии. Это чудесное место, красивое, тихое, туда уезжают богатые люди, сильно уставшие от жизни. И не только богатые. Многие колдуны, ставшие впоследствии известными, там творили. Туда и попасть легко, и вернуться, — заверил принца мужчина.

— Отлично. И ещё: мне, сами понимаете, деньги нужны. Вы у отца на хорошем счету, были, по крайней мере. Он вам может приличную сумму дать.

— Всё сделаю. До завтра, — сухо попрощался Эйзифал.

Хранители закона пошли патрулировать улицы дальше. Ворон противно каркнул, словно рассмеялся. Эзария сплюнул. Хотел попасть в него, но птица, разумеется, упорхнула. Он направился в Академию.

И в родном учебном заведении народу тьма! Некромант шёл по аллее, расталкивая стайки первокурсниц и компании старшекурсников. В корпусе общежития, к счастью, было лучше: большинство студентов развлекались на улице. Теоны в её спальне не было, невидимого замка Эзария там, где здание раньше находилось, не нашёл (потому что его и не было; банда отправилась в Чёрные Гавани, только Томас остался, чтобы не бросать жену, его взяли в Академию преподавателем чёрной магии). Некромант собрался подождать целительницу в холле.

Неожиданно из гула голосов выделились два, потому что они приближались. Беседовали Ирвинг и Тецарра, поднимавшиеся сюда. В одной из комнат на этом этаже, расположенных близко к лестнице, жил парень из группы Эзарии, его приятель. Сын короля метнулся к нему, ворвался в комнату — тот не стал возражать. Красавец прикрыл дверь так, чтобы оставалась небольшая щель, в которую превосходно проникали звуки разговора отца с женой.

— Теперь, если не нравится, можешь не оставаться при дворе, — молвил король. — Я вижу, тебе у нас неуютно. Папа больше тебя не держит… Кстати, ты точно уверена, что не желаешь ему Обряда Упокоения?

— Нет. Сомневаюсь, конечно, что у него есть шанс очутиться в Аркене, но кто знает наших предков! Полезных открытий он немало сделал, — вздохнула Тецарра.

Судя по стуку каблучков, молодая ведьма пошла в коридор. Раздался скрип дёргаемой дверной ручки, стук — она хотела застать кого-то в комнате, но человека там не оказалось.

— Нет его? — крикнул король.

— Нет. Наверное, на тренировочной арене готовится к зачётному занятию. Я подожду здесь, — Тецарра, кажется, прошла в холл и села на диван или в кресло. — У вас ведь больше нет

никаких дел ко мне?

— Жаль терять из семьи такую милую девушку, — Ирвинг, очевидно, устроился рядом. — Но, впрочем, этот подонок мне больше не сын, так что и ты не родственница.

— А я надеюсь обрести мать. Поеду в Адельтию, она должна быть там, — поделилась планами жена. — Завтра же.

Эзария захлопнул дверь.

Спустя пару часов в коридоре зазвенел *её* голос. Он услышал его, несмотря на то, что почти дремал. Поблагодарив приятеля за убежище, парень выскочил из комнаты: Теона исчезла в скрытом крыле. Эзария догнал её, так быстро он, наверное, никогда не бегал.

— Я… завтра… — некромант, даже не сказав привычного приветственного слова, стал излагать, что намеревался, сквозь тяжёлое сбившееся дыхание. — Уезжаю… Надолго… может, навсегда… — он выпрямился и взял волшебницу за руки. — Отправишься со мной?

— Куда? — прошептала Теона.

— Я не знаю. Король моей смерти желает, мне придётся скрыться. Мне предлагают одно поселение. Говорят, там хорошо. Пожалуйста, — впервые его взгляд и тон сделались умоляющими, — поедем вместе!

Целительница замялась, потупившись. Сбежать ото всех, бросить семью, работу — вероятно, такой подвиг оказался бы ей по силам, но Теона не могла позволить себе исчезнуть, никому ничего не сообщив. Если же сказать всем правду — ещё хуже. Удержат дома — полбеды, вычислят вместе с Эзарией — сущий кошмар. По Академии после визита короля уже поползла новость о том, что Ирвинг дал распоряжение хранителям закона убить принца. Ко всему прочему, она остаётся замужней женщиной.

— Отказываешь мне? — красавец сжал её ладони.

— Мне же тоже больно, — произнесла Теона. — Но причинять боль родным и близким я не могу. Они же с ума сойдут, когда я сбегу!

Эзария осознавал: уговоры бесполезны. Он готов был упрашивать, унижаться — а толку?

— Ты так любишь этих людей, которые тебя притесняют?

Она едва заметно склонила голову и подняла.

— Их много, а я один, верно? — обречённо продолжал Эзария, хоть и ему самому, и Теоне было невыносимо искать истину. Оба рады были бы резко закончить, вычеркнуть друг друга из памяти — да это дело слишком долгое. Многие не выдерживают срока, который требует себе душа на исцеление.

Массивная цепь собственных принципов, идеалов,

обязательств и представлений о жизни, несчастной, по сути, омрачённой самым страшным, чем может проклясть судьба человека — чистым сердцем, так затянулась на шее, что дышать стало трудно. Не выберет она, кого любит больше — Эзарию или всех остальных, вместе взятых. На расстоянии любить тоже можно, но они будут ненавидеть её за это или презирать. Теона не хотела для дорогих ей людей этих чувств. Ненависть, вероятно, переживается легче, чем боль, да выбирать между ними волшебнице было противно. Счастье должно быть для всех. Эзарию к ним никто не относит.

Принц, отпустив её, кинулся в коридор. За его спиной уже шептались: значит, всё больше людей знают о том, что отец от него отказался и он теперь никто. Какая-то девчонка с факультета Огненной Магии, имени которой он не помнил, полезла к нему с сочувствием. Он отстранил её, начавшую возмущаться. Добравшись до своей спальни, Эзария заперся и рухнул на кровать. К нему неоднократно стучались, но парень ничего не отвечал. К полуночи в общежитии стали думать, что принц уже в бегах.

Тецарра крепко обняла по очереди Дашку, Алину и Сашу, потом — пришедших попрощаться с ней ребят из своей бывшей уже группы.

— Не жалко вот так бросать Академию? — спросила одна девушка.

— Нисколько, — мотнула головой ведьма и осмотрелась в последний раз.

Студенты стояли у ворот заведения. За Тецаррой должны были прислать дракона. Утреннее небо ещё не утратило розоватого оттенка, стояла прохлада, и мантии у провожающих были застёгнуты на все пуговицы. Сама ведьма слегка мёрзла в неизменно короткой чёрной юбке и тёмно-синей кофте с рукавами до локтя. Поверх она набросила только тонкую накидку.

Алина заметила приближающегося дракона. Все обнялись ещё раз.

— Я постараюсь с вами связаться, — пообещала Тецарра.

— Будем ждать, — улыбнулась Дашка.

— Отправляюсь в лучшее место в королевстве, — вздохнула ведьма. — Там меня должны вылечить, даже если мать там не найду.

— Вылечить? От чего?

— От всего того, чему меня жизнь при дворе научила. Знаешь, когда я давала тебе советы, надеялась, ты не последуешь

им, а добьёшься своего таким образом, каким сама хочешь, — призналась дочь королевского алхимика, уже покойного.

— Я не верила, что ты на самом деле такая, — заверила её избранница Миротворцев.

— Поэтому я и пыталась о тебе заботиться, — усмехнулась Тецарра.

Дракон, управляемый хранителем закона, державшимся, впрочем, вполне приветливо, приземлился. Мужчина спрыгнул с него и помог ведьме забраться.

— Прощайте! — воскликнула она, когда существо вновь оторвалось от земли.

Тецарра была счастлива произнести именно это слово, а не «До свидания». Молодая женщина не вернётся сюда.

Ведьма стала махать друзьям и приятелям рукой, они ей — в ответ. Подбежал Десмилия, которому в последнюю секунду сказали, что Академию покидает одна из его любимых студенток, присоединился к компании. Когда дракон превратился в маленькую точку, студенты и преподаватель пошли обратно, но в корпус вернулись не все, рассредоточившись по дорожкам и аллеям. Был выходной, торопиться было некуда.

Великая Троица отправилась в один из внутренних двориков замка. Окружавшие его с трёх сторон стены были покрыты ползучими растениями, внизу сливавшиеся с лохматыми кустами. Посередине дворика слабо журчал мраморный фонтанчик, весь в трещинках, оббитый, струйки текли еле-еле. На земле лежала плитка, тоже мраморная, не в лучшем состоянии, чем фонтанчик. Сквозь щели пробивалась зелёная травка и мелкие жёлтые цветочки. Стояли две скамейки напротив друг друга, с них уже облупилась краска. Местечко это своей старинностью многих умиляло, друзья исключением не были.

Разговаривать они не собирались — просто посидеть, подышать свежестью, насладиться спокойствием и ощущением того, что ни сегодня, ни завтра, ни на этой неделе, ни в этом месяце не предвидится никаких испытаний. Борьба прекращена.

Из-за угла показалась тоненькая рука с подсвечником. Во дворик выплыла тенью Даниэла. Она была босая, в ночной рубашке. Девушка стояла, не двигаясь. Лицо выражало не страх, но удивление. Алина улыбнулась принцессе. Та подошла, держа свечу впереди.

Даниэла с того неприятного вечера и такой же ночи больше не буйствовала. Мейдине и Велистеру удалось что-то сделать с ней, теперь она просто никого не помнила, хоть и начала узнавать, и слишком странно себя вела — тихая, никому не мешающая дурочка. И девушка по-прежнему не разговаривала.

Иногда она бормотала что-то невнятно, расслышать никто не мог.

Постояв перед волшебницей минуту, Даниэла развернулась и шагнула к фонтанчику. Со своим отражением она, кажется, побеседовала — между фразами девушка делала паузы, будто давая ему выслушать или ответить. Воск капал ей на руку, принцесса не замечала. Закончив, Даниэла опустила кисть в воду — нежный всплеск раздался в полной тишине, — поболтала там ею и вытащила, оглядев во всех сторон с интересом. Затем она дуновением потушила свечу, которую после этого поставила под фонтанчик.

Друзья растерянно смотрели на неё. За бедняжку можно было порадоваться, потому что приступы бешенства больше не мучили её, чувствовала себя она хорошо и была, вроде бы, вполне довольна жизнью, да только жалость оказывалась сильнее. Что станет с несчастной дочерью жестокого отца? Сейчас её домом сделалось больничное крыло Академии, позже, вероятно, её возьмёт к себе кто-нибудь из профессоров. Разве эта девушка достойна лишь такой судьбы? Тецарра рассказывала, как отзывались о принцессе здравомыслящие обитатели королевского замка. Очаровательная, умная леди. Она могла бы быть превосходной правительницей.

Неожиданно Даниэла вернулась к скамье, на которой отдыхали друзья, чтобы протянуть Алине мокрую ладонь. Волшебница осторожно взялась за неё, Дашка с Сашей удивлённо переглянулись. Алину принцесса повлекла в том же направлении, откуда появилась. Призыватель с ведьмой последовали за ними.

Компания, ведомая Даниэлой, обогнула замок. За девушкой Великая Троица шла, как скоро догадалась Дашка, в больничное крыло.

Там, кроме нескольких больных, не оправившихся ещё после нападения духов Фаризе Беалинты, бесследно пропавшей, лежала София. Утром после того, как объявили о сумасшествии Даниэлы, она наглоталась ядов в алхимической лаборатории. Женщину успели спасти, но в больничном крыле ей светило провести ещё неделю.

Принцесса села на её кровать. София, непривычно бледная, спала, но девушка её растормошила.

— Что такое? — демонолог разлепила веки. Покрасневшие глаза её слезились.

Тут она заметила Даниэлу. Слишком ослабевшая для радостных воплей, София просто потянулась к подруге, чтобы обнять, однако принцесса сделала это сама, навалившись на неё и поднявшись нескоро. Тронутые сценой, Саша, Алина и Дашка стояли рядом, боясь пошевелиться. За Софией и Даниэлой

наблюдала и дежурная целительница, куда-то убежавшая потом.

— Ты вспомнила меня? — прошептала демонолог.

Принцесса лишь продолжала улыбаться.

— Она постоянно молчит, — пояснил Саша.

Оставив Софию, Даниэла уставилась на Великую Троицу. Снова полилось её бормотание с какими-то милыми детскими интонациями. Уверенной походкой дочь Мартина вдруг удалилась.

Все подумали, сейчас профессорша попросит догнать принцессу и вернуть. Не случилось такого. Молодая женщина, вздохнув с облегчением, погрузилась в дремоту опять, сквозь неё произнеся:

— Присматривайте за ней… Мы сможем продолжить жизнь, обязательно.

— Конечно, — пообещала Дашка, наклонившись к её уху, унизанному серёжками-кольцами.

Даниэлу компания обнаружила на пролёте, под собственное певучее бормотание созерцающую пейзаж за окном. Алина коснулась её плеча, ласково позвала. Реакции не было. Друзья вернулись в общежитие.

На втором этаже они встретили Томаса, сильно обеспокоенного.

— Вы Теону не видели? — молодой человек налетел на них, сорвавшись с кресла в холле, ведьму он чуть не сшиб с лестницы.

— Нет, — ответила Дашка, помрачнев.

— В её спальне дверь не заперта. В шесть утра я выходил из комнаты — мне не спалось, и я хотел проветриться на улице, а Теоны уже не было, — сообщил Томас.

— Эзария… — догадалась ведьма.

— Полагаешь, она сбежала с ним? — ахнула Алина.

— Вы про леди Вин… Дьюри сейчас речь завели? — их услышал Фестеан. Подойдя сзади, эльф положил руки на плечи Дашке и Саше.

— Про неё и мерзавца этого, — кивнул студент-призыватель.

— Я видел в окно, как они бежали по аллее. Готов поспорить, что к воротам, — сказал он с грустью, сильно отдававшей горечью.

— О, Ветры, — Алина приложила ладони ко рту, замотала головой. — Надо…

— Что же? — печально усмехнулся профессор. — Где искать их? Я хотел догнать, но не успел. Младший Чезигер уже вынужден личность скрывать. На нём мантия с капюшоном была, капюшон натянут на голову, лицо прячет. Я принца только потому узнал, что он с него на бегу свалился. В людных местах

Эзария вряд ли теперь отыщется.

— Сказать Джессике? Дерику? — теперь истерика подкралась к Дашке, влага на ресницах уже была, хихиканье засело в животе, ожидая подходящего момента.

— Если к вечеру не объявится, то отправимся в Фатону, поставим в известность, — Саша сглотнул. — Такие вещи доносить надо лично, а не через магический шар. Вряд ли Эзария остался в городе. Если сбежал с Теоной — они не в Зальване и вряд ли вообще в Элиорамии.

Возле платформы уже стоял поезд. У двери одного из немногочисленных вагонов толпились хранители закона. Эйзифал поглядывал на часы, висевшие над входом в зал ожидания. Десять минут одиннадцатого, принцу пора быть тут. Угрюмый туман распластался, загораживая небо, полупрозрачной крышей, под ним и сотоварищи Эйзифала выглядели мрачнее обычного, хотя были просто не совсем выспавшимися.

На платформу вырвались двое, роскошная девушка с массивной гривой золотых локонов и некто в тёмном плаще. Уже не бегом, а быстрым шагом они приближались к группе хранителей закона, леди слегка отстала. Эйзифал понял, что это принц со спутницей. Он подал знак коллегам, чтобы на них не направляли оружия. С пояса приятель Эзарии отцепил мешочек с монетами, предназначенный для некроманта.

— Здравствуй, — коротко поприветствовал мужчину парень, стаскивая с себя капюшон.

Многие из хранителей презрительно поджали губы. Королевские слуги не прочь были казнить красавчика на месте и подлизаться к Ирвингу, но портить отношения с Эйзифалом, главным среди них, никто не отваживался.

— Едешь с девушкой? — спросил он.

— Не знаю, — вздохнул Эзария. — Дай нам пять минут, мы выясним.

— Разве их будет достаточно для столь серьёзного решения?

— Тебе ничего не известно. Пожалуйста, вели своим людям идти в вагон, — от волнения парень переминался с ноги на ногу.

Взгляд Эйзифала застыл на хранителях закона: «Ну же, делайте, как хочет Эзария». С неохотой колдуны потянулись в вагон. Кое-кто был раздражён тем, что приходится выполнять приказ человека, у которого власти официально уже нет. Некоторые возмущались, один наглец адресовал принцу ругательство, заставившее поморщиться Теону.

— А ты подожди в тамбуре, — обратился некромант к Эйзифалу.

Мужчина подчинился.

— Не буду ничего повторять, даже вопроса, — Эзария подошёл вплотную, склонил голову — их лбы почти касались друг друга, говорил парень сдавленным шёпотом. — Выбирай.

Гнев Дерика и Джессики. Слёзы Элли. Пустота внутри Шаки, Дарьи и Алекса. Или несчастье Эзарии. Увы, придётся сравнить число жертв и остаться здесь.

— Всё-таки нет? — он отступил на полшага, его ладони оказались на щеках у Теоны, он поднял её голову.

Хлынул дождь. Сначала упали стыдливо несколько мелких дождинок, словно природе было неловко портить людям настроение, а потом длинные косые капли полетели стрелами. С ними смешивались снежинки, красиво застревая у всех на ресницах.

Теона отстранилась от Эзарии. Он приблизился снова, чтобы поцеловать.

— Может быть, я вернусь, когда отец умрёт, — произнёс парень, закончив. Глянув в небо, пестревшее полосами дождя и хлопьями снега, он сорвал с себя мантию и накинул на неё: — Держи.

Некромант кинулся в вагон. Ощутив, что минут расставания было мало, но забыв, что чем такое дело длится дольше, тем потом больнее, Теона бросилась следом, желая догнать принца, но была остановлена в дверях Эйзифалом.

— Мы отъезжаем, леди, — сказал он, аккуратно выставляя её на платформу.

Только Теона встала на неё, двери закрылись. Секунда — и поезд тронулся. Молодая женщина думала просто проводить его взглядом, но из окна высунулся Эзария, тоже не предполагавший такого своего поступка, и Теона рванула за ним. Мокрый снег колол лицо, бил по глазам. Принц, изнутри давясь слезами, не показывающимися наружу, не мог даже закричать. Он не сводил глаз с неё. Поднявшийся злой ветер сорвал с Теоны мантию, в этот же момент волшебница поскользнулась, упав. На ноги она больше не встала, созерцая убегающие вагоны и стремительно удаляющегося Эзарию с колен.

Платформа опустела. Мантия летала по ней некоторое время, цепляясь за всё, что на пути попадалось, потом её унесло. Теона доползла до зала ожидания, где она рухнула на скамью, не имея сил куда-либо идти.

— Уже десять дней снег сыпется и сыпется, — улыбнувшись от восторга, который она замучилась скрывать, София распахнула окно аудитории.

Занятий не было, почти неделю назад в Академии наступили каникулы, но заниматься профессорше приходилось с Даниэлой. Девушку следовало научить хотя бы писать — после потери памяти принцесса даже этого больше не умела.

Старательной ученицей принцесса, как ни странно, не оказалась. Обычно через пять минут после начала урока она отвлекалась: принималась за своё бормотание, представляющее собой обращения уже не невесть к кому, а к Софии, замечала что-то на улице и неслась к подоконнику (в лучшем случае — тыкала туда пальцем) или смотрела на подругу с такой нежностью и преданностью, отбросив при этом перо, что у профессорши не хватало воли продолжать занятие, и она Даниэле бралась рассказывать нечто иное, гораздо более развлекательного характера.

— Доброе утро! — крикнула Софии с улицы Дашка, направляющаяся по аллее к общежитию с Лориантой под руку. — Денёк сегодня хороший!

— Вся эта неделя хороша! — весело ответила демонолог. — Итак, сегодня мы… — София повернулась к принцессе.

Та сидела на парте, болтая ногами, и делала из куска пергамента самолётик, который был брошен в окно — Софии пришлось уклониться. Даниэла уже взялась делать новый, для этих целей возле девушки лежали ещё клочки. Целого же свитка не наблюдалось нигде — пока демонолог любовалась неожиданной зимой, принцесса успела изодрать весь свой пергамент.

— Что, неужели и сегодня занятий не будет? — рассмеялась София.

— Хм, — многозначительно произнесла девушка.

— А что будет? Гулять пойдём?

Даниэла яростно закивала.

На крыльце замка София задержалась, засмотревшись на опушившиеся зимней белизной деревья. Когда она сошла по ступеням, в неё угодил снежок. Кто учинил безобразие, молодая женщина догадывалась. Даниэла, хихикая, лепила следующий «снаряд». За её спиной веселились Лориантa и Дашка, тоже готовясь к обстрелу. Замелькали в воздухе белые комья. Иногда София успевала заметить трогательность этой сцены: все раскрасневшиеся, в пальто нараспашку, съехавших на бок шапках, варежках и длинных шарфах… все радуются с блестящими глазами.

К компании присоединился какой-то парень, в которого Дашка нечаянно попала снежком, целясь в Лорианту. Скоро сюда набежала хохочущая толпа, и перед замком развернулась снежная

баталия. Участвовали и ребята с младших курсов, и парни и девушки со старших, позже забаву разделил и Фестеан. Эльф с Амерденом выходили из замка, и между деканами незамедлительно пролетел снежок, пущенный, естественно, не в них, а в Софию. Алхимик тихо возмутился (в основном потому, что первой прыснула молодая коллега, не студенты), зато призыватель в долгу не остался.

Мимо проходили Томас и Теона. Они остановились, чтобы посмотреть на веселье. Те, кто замечал молодую пару, махали им, приглашая в игру.

— Мне кажется, — протянул некромант, увидев, как Даниэла в шутку сцепилась с Лориантой, и девушки валялись в снегу, стремясь утопить в нём друг друга поглубже, — ещё не всё потеряно. Не зря мы столько терпели. Хочется надеяться, что ко дню смерти Ирвинга Даниэла станет прежней.

— Ты прав, — рассеянно ответила Теона.

Она уже отдала всё, что могла. И ей в глубине души было безразлично, как этой выплатой распорядятся. Если не используют так, как можно было — что поделать, обратно вернуть ей нельзя. Тем не менее, Даниэлу стоило спасать. Очаровательная девушка.

Томас кинулся в снежную атаку. Волшебница побрела дальше.